

Н. С. ПРИСЯЖНЫЙ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЧУМА:

**ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ
В РОССИИ**

(Историко-экономический анализ.
1918—1921 гг.)

РОСТОВ-НА-ДОНУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1994

Редактор Л. Г. Ткаченко

Присяжный Н. С.

II 77 Экономическая чума: военный коммунизм в России.
(Историко-экономический анализ. 1918—1921 гг.) —
Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1994 г. — 452 с.

ISBN 5-7507-0975-2.

Предлагаемая читателю монография — результат многолетней научно-исследовательской работы над одним из самых сложных, чаще всего сознательно запутанных, периодов истории России первых лет после октябрьского 1917 г. политического переворота. Здесь впервые в отечественной историографии предпринята попытка научно доказать социально-экономическую абсурдность затевавшегося эксперимента по переустройству общества, местом приложения которого, по воле рока, стала Россия с ее многострадальными народами. В отличие от существовавших ранее в советской историографии методологических приемов, автор осуществил принципиально новый подход к изучению такого зловещего явления российской истории, каким оказался злополучный «военный коммунизм». Выводы, содержащиеся в монографии, благодаря использованию огромного числа архивных документов, несомненно, спорить с ними крайне сложно.

Книга, которую Вы держите в руках, составлена «с исключительным тщанием, рачительностью и трудолюбием... ради пользы, благого поучения, увещания и поощрения мудрости, здравомыслия и добрых нравов, а также ради искоренения глупости, слепоты и дурацких предрассудков...». Чтение ее, смеем надеяться, вызовет живой интерес даже у неспециалиста-историка. Если общение с книгой побудит Вас задуматься над происходящим в России сегодня, то с полным основанием можно будет считать задачу, поставленную автором в его труде, в значительной мере выполненной.

HC 335.2

P75

1994

(LC)

0503020400—074
II М 175 (03) — 94

Без объявл.

ББК УОЗ(2) 713

ISBN 5-7507-0975-2

© Присяжный Н. С., 1994

ВВЕДЕНИЕ

После десятилетий пребывания в состоянии политизированного экономического коллапса, Россия, наконец, в массе своих сограждан обратилась к единственно возможному пути цивилизованного развития — пути всеобъемлющих, постоянно совершенствующихся экономических реформ. Нечто подобное происходило в 1921 г., когда разоренная социально-экономическим экспериментированием республика, казалось, стала возвращаться в первоначальное русло общечеловеческих ценностей и норм поведения. Время расставит все по своим местам, и тогда будет ясно, что оказалось трагедией, а чему суждено было стать фарсом. Но сегодня научная мысль, вслед за общественным движением, охвачена нафосом преобразований, пьянящей свободой суждений и широчайшим спектром прогнозов. Задача исторической науки (в меру объективно возможного), обращаясь к прошлому, вспомнить о разумном, предостеречь от пошлого, удержаться от ошибок.

Российская историческая наука на нынешнем этапе оказалась перед сугубо прагматической, имманентной только ей необходимостью: устранить разящее несоответствие между огромной фактографической частью своего содержания и стилизованными под существовавшие ранее политические установки выводами.

Основой общественно-экономической модели периода истории России, начиная с октября 1917 г. (это можно сказать с полной уверенностью), стала безудержная искусственная централизация. Под нее подгонялись и условия «планомерного и пропорционального» развития попыток социалистического строительства. Путь казался простейшим и кратчайшим в достижении политических целей. Вопрос об альтернативности — дело будущих историков. Наша задача: максимально достоверно и непредвзято разобраться с фактами, относящимися к начальному этапу этого пути.

Всякая революция выталкивает к власти (политической и экономической) определенную социальную группу, характеризующуюся бесконтрастной совокупностью признаков. В отличие от буржуазных революций, где доминирующим в этой характеристике было экономическое начало, социалистический переворот в России (в том виде, как он случился) дал крайне политизированную ауру. «Новые красные хозяева» не могли не оказаться в плену объективных экономических законов, против их воли показавших политический прессинг

в умонастроениях и поведении носителей власти, Понятен поэтому (хотя и не может быть оправдан) потогонный, почти болезненный интерес историков в прошлом к политической номенклатуре советской власти при почти полном забвении (или по крайней мере — невинимании) номенклатуры хозяйственной, формировавшейся в годы военного коммунизма, в ходе гражданской войны, в условиях того, что называется тылом воюющих сторон.

Есть необходимость определять содержание понятия «тыл». Из различных мнений на этот счет наиболее приемлемым представляется разделение определения на «тыл» в широком понимании, как единство социально-экономических и политических факторов, и «тыл» вооруженных сил, как систему организаций, занятых военно-снабженческой работой¹. Хотя надо признать, что такое деление очень проблематично. Это стало заметно начиная с первой мировой войны и особенно проявилось в ходе гражданской войны в России, когда в компетенции чрезвычайных органов обеспечения Красной Армии оказались почти воедино слиты содержания разделяемых нами понятий. Если условно и очень схематично представить предмет монографического исследования, то им окажется тыл воюющих сторон в самом широком, едином понимании, с тем лишь исключением, что речь пойдет только о Красной Армии и не коснется Белого движения.

Научное обращение к указанной проблеме вызвано рядом обстоятельств, прежде всего ее слабой изученностью. Для подтверждения сказанного сошлемся на рекомендации одной из крупнейших конференций историков гражданской войны, проходившей осенью 1980 г. в Днепрпетровске². Нечто подобное говорилось и на подобной конференции в Архангельске в мае 1990 г. Интерес к проблеме вызван также сложностью исходных условий ее разрешения на практике в прошлом. Главком Красной Армии С. С. Камеев считал (и не без оснований), что вопрос снабжения армии был «едва ли не самым тяжелым» в годы гражданской войны³.

Сложность, запутанность проблемы сопряжена также с риском писать о хозяйственной деятельности первых лет советской власти, туманной настолько, что, по мнению современников событий, «будущему историку, во всяком случае, прежде чем писать, придется серьезно поработать»⁴. Сказано очень верно.

Среди непонятных, отталкивающих, подчас чуждых аббревиатур новояза времен военного коммунизма имелась и такая... «ЧУСО» — Чрезвычайный Уполномоченный Совета Тру-

да и Оборону по снабжению Красной Армии и Флота. Усилиями советских историков эта аббревиатура, вместившая в себя смысл экономической политики военного коммунизма, наконец был изъята из употребления и оказалась за пределами научного оборота. А между тем в нескончаемой череде «чрезвычайных» органов советской власти система ЧУСО, возглавлявшаяся А. И. Рыковым, играла одну из ведущих ролей в первоначальном так называемом социалистическом строительстве. Это уродливое буквосочетание содержанием деятельности скрывавшихся за ним организаций заложило прочный фундамент экономических основ будущего социалистического общества, став одним из важнейших административных центров неограниченной власти в годы военного коммунизма (ВЧК, ЧУСО, Главснабпродарм...), два из названных (ЧУСО и Главснабпродарм) для российского читателя, а подчас и для специалиста-историка, сегодня будут почти откровением. Остается только удивляться и гадать, как удавалось в прошлом советской историографии писать о военном коммунизме и гражданской войне, не касаясь деятельности системы ЧУСО. Обращение к этой системе, помимо совершенной неизученности ее практики, объясняется еще и многоплановостью предмета анализа — здесь тесно переплелись политические, экономические, социальные и военные проблемы социалистического строительства первых лет советской власти (это по горизонтали); а если взять вертикаль, то окажется, что в системе ЧУСО нашли отражение построения самых различных социальных групп — от высших эшелонов большевистской власти до рабочей, крестьянской и солдатской среды. По масштабам взаимосвязанности экономических проблем системе ЧУСО трудно подыскать аналог из военно-коммунистического прошлого России. Такая «наполненность» предмета исследования позволит, будем надеяться, соединить в научном анализе различные отрасли знаний — политику, экономику, государственное хозяйственное и военное строительство. Рассмотрение практики ЧУСО с таких позиций, как представляется, ограничит вероятность ошибочных оценок, облегчит выход на общезначимые выводы, касающиеся первого опыта социалистического строительства, т. е., как принято говорить сегодня, исследование задумывалось как комплексное. Тем самым, хочется надеяться, будет внесен определенный вклад в написание истории гражданской войны, чем озабочен в последние годы Институт российской истории Российской Академии наук. Цель, бесспорно, благая, по требующая принципиально новых методологических подходов и значительного расширения

фактологического содержания. И это еще одна из причин обращения к армейскому прошлому, ранее сравнительно редко предпринимавшегося гражданскими историками по причине большой секретности этой области социалистического лагеря.

Материальное снабжение армии мы намерены рассматривать в тесной связи со становлением хозяйственной жизни советской республики, с формированием гражданского аппарата управления, принципами социалистического распределения как они понимались политическими и хозяйственными деятелями той поры. Начало новой хозяйственной жизни, гражданская война, создание новых вооруженных сил — все сошлось в одной временной точке, переплелось, взаимообусловилось и, в конечном счете, стало тем, что мы называем политикой военного коммунизма. Указывая на гражданскую войну как на причину этой политики, нам тем самым говорили лишь о части совокупной причинности. В данном случае предпринята попытка целостного анализа экономической ситуации в советской республике первых лет ее существования через преломление этой ситуации в военно-хозяйственной деятельности. Такова цель монографии. Понимая всю сложность и многогранность цели, автор подчеркивает: это только попытка подхода с разных сторон к разрешению поставленной временем задачи, ни в коей мере не претендующая на односторонность и законченность формулировок, оценок и выводов. Последнее оговаривается особо, так как известная резкость суждений в изложении (неизбежная, на наш взгляд, в научной полемике) может быть ошибочно истолкована как безапелляционность. Автор не стремился писать как древние: без гнева, без осуждения и даже без иронии.

Достижение указанной цели предполагается осуществить по ряду направлений, среди которых важнейшими будут изучение организации военно-промышленного производства, снабжения и распределения в армии, становления советских бюрократических систем и другие. В основу исследования положен историко-экономический анализ военного коммунизма на примере деятельности системы ЧУСО. Для реализации более конкретных намерений выделяется ряд подзадач: изучение истории создания, развития и ликвидации системы ЧУСО как одного из основных административно-хозяйственных и распределительных органов советской республики; выявление основ советских бюрократических принципов управления и зарождения целостной структуры подхозяйственно-номенклатурной подстройки; анализ организации управления производством и распределением; изучение процесса сращивания граждан-

ских экономических структур управления с военно-хозяйственными потребностями политики военного коммунизма; выявление соотношения гражданских и милитаристских начал и их качественных переходов в первоначальной практике Советского государства; оценка политики военного коммунизма и новой экономической политики как исторических альтернатив; изучение «чрезвычайщины» в методах организации экономики и ее роли в формировании основных методологических принципов управления хозяйственной жизнью в будущем; и некоторые другие.

Особое внимание обращено на изучение процесса зарождения советской хозяйственной номенклатуры, при этом в значительной мере на так называемое «среднее звено» иерархической пирамиды власти. Это важно для уяснения истоков и причин появления в будущем определенного стиля-типа советского хозяйственного руководителя. В ходе научного поиска осуществлен репрезентативный анализ кадровых перемещений (образовательный уровень, служебные и производственные передвижения, профессиональные качества, конкретное поведение в различных ситуациях, «вхождение» в НЭП и др.).

Мы не станем углубляться в изучение таких проблем, как обеспечение армии людскими ресурсами, продовольствием, политическая работа среди красноармейцев. Последней посвящено большое количество исследований по истории РКП (б), две первые требуют отдельных самостоятельных научных изысканий; здесь мы коснемся их лишь в той мере, в какой они влияли на военно-промышленное производство, и отчасти при оценке демографического состава Красной Армии.

Из сказанного выше можно заключить о предполагаемых хронологических рамках монографии — они укладываются в принятую хронологию истории гражданской войны и включают в себя политику военного коммунизма. Автор разделяет существующие взгляды на начальный и конечный этапы гражданской войны в советской России (1917—1922 гг.), выделяя при этом две ключевые точки в указанном периоде — осень 1919 г. и конец 1920 г. Они рассматриваются как рубежные, замыкающие между собой пакал гражданского противостояния, и связанный с этим всплеск политики военного коммунизма как реакция политического руководства советской России. С этим временем совпадает появление и расцвет деятельности системы ЧУСО. Предшествующий и последующий периоды расцениваются как нарастание условий для активизации политики военного коммунизма и движение к отказу от нее. Условно их можно очертить рамками с августа 1918 г. (появ-

ление Чрезкомпроизводства) по август 1921 г. (издание декрета ВЦИК о ликвидации системы ЧУСО).

Основным методологическим принципом, положенным в основу подхода к исследованию, стало движение от совокупности фактов к идее: только из анализа максимально возможного количества фактов рождаются относительно достоверные идеи; обратный путь порочен, ибо чреват избирательным подбором фактов и подгонкой их под заявленные идеи. В историческом познании есть два пути: от общего к частному и наоборот. Второй путь связан с кропотливым сопоставлением массы разрозненных фактов с целью максимальной их идеификации. Этот путь нам импонирует, его мы и выбираем.

Поскольку исследование мыслилось как историко-экономический анализ, то среди методологических принципов, положенных в основу изучения явления, мы будем опираться на постулаты «конъюнктурной школы в экономике» (Н. Д. Кондратьев, М. В. Игнатов, В. Г. Громан, С. А. Первущин, Н. С. Четвериков и др.), рассматривавшей экономическую жизнь, как постоянную смену условий, изменение которых никогда не бывает случайным. Как и в точных науках, в экономике и общественной жизни существуют четкие законы, которые и определяют происходящие смены условий.

Автор разделяет взгляды «раннего» Н. А. Бердяева на характер первой мировой войны, историческое место в ней России, а также возможные исторические перспективы ее судьбы в связи с этой войной. Выход России из войны, обусловленный октябрьским переворотом, надолго исключил ее из общецивилизованных процессов политической, экономической и культурной интеграции. С этих позиций оценивается и установившийся после октября 1917 г. политический режим власти.

Автора могут упрекнуть в чрезмерной детализации, якобы излишней персонализации, перегруженности содержания цифровым материалом и прочих, малоинтересных с точки зрения «читаемости» текста, особенностях монографии. С этим мы не согласимся, так как доподлинно известно, что детализация есть критерий истинности, достоверности, правдивости, что в науке, будь она «точной» или «общественной», — важнейший ценностный показатель, а также еще и свидетельство степени энерготрудовых затрат в поиске истины. В условиях шокирующей массовое сознание подачи разрозненных фактов, когда проблема истинности в исторической науке становится предметом спекуляции, детализация выходит на ведущее место в методике подготовки исторических трудов. Вместе с тем

в условиях сегодняшнего обвального пересмотра господствовавших ранее взглядов ученых, рискнувший это делать, должен быть максимально доказательным, а детализация сводит на нет возможности ошибки (как в подаче факта, так и в его интерпретации) или, по крайней мере, делает такую вероятность минимальной. Поэтому замеченный не так давно Ю. П. Бокаревым пугающий парадокс: «Чем богаче источниковое знание автора, тем беднее его теоретические построения, тем беспомощнее он в выводах»⁵, — не должен вызывать у нас опасений. Это наблюдение возникло, вероятно, в связи с существовавшим подгоном исследований под заданную идею, которая в этом случае не могла быть иной, как «теоретически бедной», — отсюда и соответствующие выводы.

Источниковой базой монографии стали почти исключительно документы ЧУСО, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА)*. Это позволило глубоко идентифицировать архивный материал, с большей долей успеха локализовать ошибки, свести их влияние до минимума в случае неверно принятых методологических установок.

Имеются и причины более общего характера, говорящие о полезности именно такого подхода к выбору источниковой базы. В изучении истории гражданской войны мы подошли уже к такому рубежу, когда большие сквозные темы, а часто и обобщающие работы, не способны дать что-либо принципиально новое. Мы вынуждены пересматривать историческое прошлое, и один из путей, как думается, — углубленный анализ на основе тщательного изучения архивных документов. Не скольжение от архива к архиву, от фонда к фонду, как это было в прошлом, а тщательное изучение конкретно относящегося к разбираемому вопросу. Как показал опыт проделанной работы, здесь нет опасности впасть в узкую проблематику, так как формирование фондов в прошлом шло в значительной мере и за счет накопления документов центральных ведомств и организаций, в копиях, рассылавшихся в нижестоящие, рядом стоящие вышестоящие, сопричастные и сопредельные инстанции, что позволяет, работая с отдельно взятым фондом, составить и общее представление в целом. Подробнее об этом скажем при характеристике корпуса использованных источников.

* В связи с тем, что переименование архива состоялось после того, как рукопись монографии уже была подготовлена к печати, в дальнейшем тексте будем пользоваться старой аббревиатурой — ЦГАСА (Центральный государственный архив Советской Армии).

О «практической значимости» избранной темы исследования: автор полностью разделяет мнение К. Н. Леонтьева о том, что наука должна развиваться в духе глубокого пренебрежения к своей пользе. Надеемся, сказанное избавит от пространных объяснений.

Не преследуется также цель давать подробный историографический анализ предшествующих исследований, так как чужие исторические труды, по мнению автора, не могут быть предметом исторической науки. Таким образом, мы отказываемся признать историографический анализ как вид профессиональной деятельности историка, поскольку там нет работы с первоисточником. Имеется и другая, объективная причина «недолжного» внимания к историографическому обзору: избранная тема не разработана в исторической литературе, а углубляться в научную полемику с авторами работ общеисторического плана по проблемам гражданской войны и военно-го коммунизма в настоящее время нерационально, так как при этом не избежать нудного препирательства, что для науки не только не полезно, но и вредно. Предпочтение в монографии отдано кропотливому сопоставлению максимально возможного числа документов, интегрированию того самого «мусора истории», к которому с таким пренебрежением относились в прошлом неопиты-концептуалы, спешившие угодить политическому режиму. Бог весть сколько написанного ими будет позабыто и позаброшено. Время, и очень скоро, само отфильтрует хлам, ценное останется, конъюнктура уйдет в небытие. Авторская позиция по отношению к некоторым из наиболее примечательных работ, близко примыкающих к предмету исследования, будет излагаться в тексте по мере решения отдельных задач.

Кратко скажем о причинах, приведших, на наш взгляд, к неразработанности темы ЧУСО. О «единстве фронта и тыла» написано много — нет необходимости повторять азбучные истины, ссылаясь на известные авторитеты. Однако, к сожалению, при всей многочисленности заверений в признании этой истины в научном освещении указанной темы мы имеем солидный пробел. Так, в специальной статье, посвященной опыту работы научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Е. Н. Городецкий даже не упоминает о ней⁶. Ничего о военно-хозяйственной работе мы не найдем и в другом «юбилейном» сборнике, посвященном пятидесятилетию окончания гражданской войны⁷. Это неудивительно. Даже на Украине, где разви-

ние исторической науки (если сравнивать объемы опубликованного) значительно опережало другие союзные республики бывшего СССР, не выпло ли одной сколь-нибудь примечательной работы о политике военного коммунизма⁸.

Несмотря на все призывы корифеев октябрьской и военно-гражданской проблематики заняться глубоким изучением советского тыла в годы гражданской войны, историки сторонились писать о системе ЧУСО. Между констатацией С. М. Клячкиным в 1965 г. отсутствия научной разработки проблемы «устройства войскового тыла и снабжения Красной Армии»⁹ и призывом Ю. И. Кораблева в 1980 г. не «трактовать узко» лепниское положение о революции, которая не умеет себя защитить¹⁰, были и «попутный» упрек А. Л. Кубланова историографам, «неправомерно» не включавшим «в свои исследования анализ... работы по военно-экономическим вопросам»¹¹, и заверения Д. П. Жмуровского о единстве его взглядов с Ю. И. Кораблевым¹², полтора десятилетия назад, вслед за Г. В. Кузьминым, объявившим об отсутствии «обобщающих работ о советском тыле в целом»¹³, и ряд других, не менее обеспокоенных за судьбу истории гражданской войны, высказываний. Между тем, названные авторы, стараясь устранить недочет, писали свои статьи и монографии, но о ЧУСО опять же упорно молчали.

Сказалось ли здесь изначальное российское пренебрежение к теме «сапог и портянок» (мы найдем также мало исторических работ на эту тему и касательно старой русской армии, что, кстати сказать, отмечалось и современниками изучаемого нами периода¹⁴, за исключением разве что труда А. А. Маниковского) или тому было причиной негласное табу на имя А. И. Рыкова, вычеркнутое советской историографией из списков даже малозаметных фигур русской революции, сказать пока трудно. Вероятно, ответ будет синтезированным, при этом последствия из указанных причин нам представляется более существенной. Примешивалась сюда, видимо, и неприязнь старой школы армейских снабженцев, в годы советской власти кое-что писавших о тыловом обеспечении старой русской армии: Е. З. Барсуков, редактировавший и дополнявший работу А. А. Маниковского, даже не обмолвился об опыте ЧУСО¹⁵. Удивляясь такому обстоятельству, А. Вольпе, указав на огромную роль ЧУСО в истории гражданской войны, сокрушался, что о ней «до сих пор почему-то мало писали»¹⁶.

Похоже, А. И. Рыкова не баловали вниманием уже со второй половины двадцатых годов. И ведь было за что. Вряд ли

ему простили «аполитичность» по отношению к меньшевикам и эсерам, многие из которых были заняты в структурах ВСНХ и в системе ЧУСО. Это и А. Л. Колегаев, возглавлявший ЦОВЗ ВСНХ, и С. М. Вайнштейн, в октябре 1917 г. требовавший создания правительства без большевиков, и многие другие. А тот факт, что во время совещания при «Викжель» по вопросу о составе правительства, которое должно было заменить большевистский СНК, намеревались сохранить А. И. Рыкову пост министра внутренних дел, а меньшевика-либерала Л. Б. Красина назначить министром торговли и промышленности (при премьер-министре эсере В. М. Чернове), говорит очень о многом. А. И. Рыков в октябре 1917 г. поддерживал В. П. Миллутина и В. П. Ногина в вопросе о создании «однородного социалистического правительства» и Ю. Ларина в его требовании об отмене декрета СНК от 27.10.17 г. о запрещении буржуазной печати... Кто может поручиться за случайность появления этих и им подобных людей в ВСНХ?

Как бы там ни было, но о ЧУСО в советской историографии не писалось. Тема оказалась неизученной настолько, что даже в таком официозном, профессионально выполненном издании, как собрание сочинений В. И. Ленина, встречаются ошибки фактического порядка: А. И. Рыков в качестве Чусо там значится только в период с 1919 по 1920 г. (а он им был и в 1921 г.); декрет ВЦИК о создании системы ЧУСО появился не 08.07.19 г., как значится в «полном собрании сочинений», а 09.07.19 г.; для составителей «собрания» А. И. Рыков — «один из лидеров правооппортунистического уклона в партии», может, поэтому тщательно им и не занимались¹⁷. Тем более простиительно С. М. Клячкину, считавшему, что декрет ВЦИК о ЧУСО издан 07.07.19 г.¹⁸. Писавшие позже на определенные темы, как А. Л. Кубланов или С. В. Липицкий, например, уделяли ЧУСО страницу-две¹⁹. Из совсем недавно опубликованных работ тоже трудно почерпнуть интересующую нас информацию. П. А. Селиванов отвел этому странице текста; кое-что о А. И. Рыкове в бытность его Чусо мы узнаем из книги Д. К. Шелестова, но избранный жанр — эскиз политического портрета — не позволил, вероятно, автору быть более подробным²⁰. Говоря о создании ЧУСО, В. В. Герменчук А. И. Рыкова не называет вообще²¹. Недостаток устранен «Энциклопедией гражданской войны», где впервые помещена статья о ЧУСО²², но о А. И. Рыкове статьи и здесь нет. Можно сослаться на множество других примеров.

К счастью, в отсутствии написанного о ЧУСО есть свой положительный смысл: тема оказалась свободной от политиче-

ских наслоений, как, например, «Великий Октябрь», НЭП или военный коммунизм, и это значительно облегчало исследование работу. По повизма, всегда влекущая своей неопределенностью, тем и опасна, что есть соблазны, ведущие к ошибкам, расплачиваться за которые в будущем историк должен своим именем. Поэтому нижайшая просьба — не судить строго, если таковые будут (а они будут непременно).

Система ЧУСО как историографическая проблема была обделена вниманием и в начале двадцатых годов — в период, наиболее благоприятный для советской исторической науки, когда искренность (пусть тогда и простодушная) еще не стала предметом негласного ханжеского отчуждения. Но увлеченные пафосом революционных преобразований историки писали о военном коммунизме только как о гражданской войне и, разумеется, прежде всего о «героических подвигах славной, доблестной» и какой там еще... Красной Армии. Литература на военно-хозяйственные темы появлялась в это время крайне редко. Можно указать на определенные усилия, предпринимавшиеся в этом направлении издательской секцией отдела организации производства ВСНХ²³. Кое-что печаталось в журналах «Новый путь», «Народное хозяйство», «Снабжение Красной Армии». Однако все это либо было рассчитано на низкий профессиональный уровень читателя, либо сами авторы не могли писать иначе. Содержание этих публикаций крайне упрощено, если не сказать — примитивно.

Недостаток опубликованного принудил обратить особое внимание на историографическую работу самих участников событий, благо недостатка в этом в первые годы советской власти не было — новая генерация политиков с особым рвением старалась оставить след в истории, для чего на бумаге запечатлевалось все... до мелочей. При этом отчет истории России, сопровождавшийся религиозно-культовыми мероприятиями, непременно велся от октября 1917 г. В сентябре 1919 г. Э. М. Склянский, например, послал А. И. Рыкову телеграмму с предложением дать в спешном порядке отчет о деятельности ЧУСО, который должен был содержать «историю учреждения с 25 октября 1917 года» и который предполагалось опубликовать «ко дню празднования Октябрьской революции», но так как о ЧУСО писать еще было нечего, то наскоро написали о предшественнице — Чрезкомснаб, и также быстро отправили Э. М. Склянскому²⁴.

Постоящий «историографический бум» — на долгие годы вперед определивший основное содержание и форму нашей проблематики (а отчасти и не только ее) — начался весной

1920 г. после обширной телеграммы Л. Д. Троцкого, направленной 08.02.20 г. во все военные учреждения и воинские части с разъяснением необходимости «в течение ближайших месяцев составить хотя бы краткую историю Красной Армии», которая, по мнению председателя РВСР, необходима была «прежде всего для Западной Европы и Америки»; работу предполагалось вести во всех учреждениях, управлениях и подразделениях, замыкая ее на военно-историческую комиссию, которой предписывалось в течение 1,5—2 месяцев ее завершить; цель, по мнению Л. Д. Троцкого, состояла «не в том, чтобы написать через 10—15 лет академический труд, а в том, чтобы сейчас дать живую и в основных чертах документированную историю Красной Армии и вместе с тем ее революционную апологию»; «такая история, — уверял «первый маршал» советской России, — должна быть источником многих поучений для других стран...»; давался в телеграмме и развернутый план подготовки «краткой истории»²⁵. Надо сказать, предложение оказалось провидческим: до настоящего времени история гражданской войны писалась по плану, завещанному первым соратником В. И. Ленина, а любовь к «кратким» историческим очеркам, модифицированным в заголовках, отзывалась в будущем чудовищным невежеством.

В конце февраля 1920 г. из военно-исторической комиссии сообщили в ЧУСО о полученном задании составить «краткую историю создания и боевой деятельности Красной Армии для распространения в Западной Европе и Америке...»; предлагалось «весьма срочно» командировать в комиссию два-три специалиста-снабженца для «освещения этой области деятельности в истории Красной Армии»²⁶.

Затея с написанием «краткой» истории показалась в ЧУСО, вероятно, недостаточной — там решили делать это более основательно. В марте 1920 г. административный отдел Управления разослал в другие отделы и в подведомственные ЧУСО военно-снабженческие структуры распоряжение о необходимости подготовки очерков их деятельности²⁷. С новой силой интерес к хоть и недалекому, но собственному прошлому вспыхнул у «чусей» в связи с приближавшейся годовщиной со дня создания системы ЧУСО. В «юбилейном» приказе (№ 614 от 09.07.20 г.) А. И. Рыков, отметив ее большой вклад в дело «согласования работы народного хозяйства с потребностями Красной Армии», объявил об образовании редакционной коллегии по подготовке юбилейного исторического сборника о ЧУСО²⁸. Вскоре из редакционной коллегии пошли циркуляры, требовавшие собирать исторические материалы, фотодоку-

менты, все, что может представлять интерес в данном случае; объявлено о начале подготовки специального фотоальбома, для чего при ЦУС создавалась специальная фотолаборатория²⁹. К концу декабря 1920 г. работа завершилась составлением подробнейшего плана юбилейного сборника объемом в 20 печатных листов; его тираж предполагался 10 тыс. экземпляров; на это планировалось потратить 3 347 000 г.³⁰ Тщеславию охотно потрафили — от щедрот богатых содержантов юбилейный сборник не скудел, — в июне 1921 г. кассовая книга ЧУСО зафиксировала выдачу 1 815 000 р., а всего только за 1921 г. на это ушло 2 396 300 р., что могло составить — для сравнения — примерно половину расходов на содержание Управлений таких региональных структур ЧУСО, как сибирского, Нижнего Поволжья или Орловской губернии³¹. Осенью 1921 г. работа, судя по всему, была завершена, сборник намеревались издать в Смоленске с помощью тамошних «чусей» (Западного фронта), но в связи с ликвидацией в это время системы ЧУСО все подготовленные материалы отправили в Москву³², где след их, к сожалению, затерялся. По крайней мере в архиве ЧУСО таковых не обнаружено.

Начиная с января 1921 г., стали поговаривать и о подготовке специального исторического сборника о Совете военной промышленности (по существу — военно-производственной части Управления ЧУСО), 13.01.21 г. там возникла своя редакционная комиссия³³. Но и эти материалы оказались также изъятными из архива ЧУСО. Есть вероятное предположение, что и те и другие в конечном счете попали в редакционную коллегию при Полевом штабе РККА, которая, начиная с 1920 г., занималась написанием «Истории Красной Армии и Красного Флота в революционной войне Советской России 1917—1920 гг.», где, по словам А. И. Рыкова, особое место отводилось строительству «в области военного снабжения»³⁴. На эту мысль наталкивает приказ Чусо (№ 718 от 10.08.20 г.), предписывавший оказывать «всякое содействие вышеупомянутой Коллегии»³⁵.

Новый всплеск увлечения своим «историческим» прошлым наблюдается у «чусей» под конец существования их административных органов. Заботами о возможной перспективе «воссоздания ЧУСО в будущем» продиктован, например, циркуляр Чусо (№ 623/с от 19.07.21 г.), обязывавший местные структуры «составить историю работы всех органов» и в двухнедельный срок выслать ее в Москву³⁶. Об этом же говорилось и в ряде категоричных приказов начальства в адрес пытавшихся отделаться краткими отписками, как было с Уполно-

моченным в СКВО³⁷. Одновременно с подготовкой исторических очерков о деятельности региональных структур подобная работа велась и в центре — отделы Управления ЧУСО и ее центральные функциональные межведомственные комиссии в свою очередь запечатлевали на бумаге свое прошлое³⁸.

Общими усилиями руководства, а затем ликвидационной комиссии, на одном из первых заседаний (прот. № 3 от 04.10.21 г.) решившей взять под особый контроль эту работу³⁹, почти от всех структур ЧУСО искомый материал получили, о чем было доложено на одном из последних заседаний ликвидком (прот. № 38 от 07.12.21 г.)⁴⁰. Благодаря такому пристрастному вниманию этот раздел исторических документов сохранился, он есть в фонде ЧУСО, что в значительной мере облегчает работу исследователя. В главе первой мы довольно часто будем прибегать к помощи этих документов, написанных порой, как того требовал, например, Уполномоченный ЧУСО на Украине И. Е. Любимов, «избегая личных впечатлений и излишней литературности»⁴¹.

К разделу историографической работы участников событий мы вправе отнести и их печатную продукцию,³ прежде всего «Бюллетень ЧУСО», «Приложение к Бюллетеню ЧУСО», издания местных подсистем ЧУСО и подведомственных ей структур военведа.

³ Весной 1920 г., когда органы ЧУСО прочно утвердились в основании центральной советской государственной управленческой пирамиды власти, у них появилось и свое печатное издание «Бюллетень ЧУСО» — восьми—десятиполосный журнал с регулярностью выхода два-три раза в месяц. О начале его выпуска было объявлено в приказах Чусо (№ 423 от 05.04.20 г. и 459 от 29.04.20 г.) и по управлению (№ 49 от 04.05.20 г.); этими же приказами составлена и редакционная коллегия, председателем которой первоначально назначили С. Л. Маневича, замененного вскоре И. Е. Коросташевским⁴². Первый номер «Бюллетеня» появился 01.05.20 г. Всего за время с 01.05.20 по 01.07.21 г. вышло 26 номеров. Все они имеются в архиве. Это довольно солидное по тем временам издание со сравнительно хорошей полиграфической и редакционной подготовкой. «Бюллетень» отражал происходившее в системе ЧУСО; публиковал официальные материалы и теоретические статьи по проблемам, связанным с производством и распределением предметов материального снабжения Красной Армии; давал расширенную информацию общего политического и экономического характера; выступал с инициативами более частного

порядка — в октябре 1920 г., например, сообщено об открытии рубрики «Библиографический отдел», где намеревались помещать отзывы на «всякую книгу, касающуюся непосредственно ЧУСО»⁴³. С появлением печатного органа, расценивавшегося как «специальная газета внутреннего характера», все центральные учреждения ЧУСО должны были прекратить самостоятельное печатание материалов и передавать их в «Бюллетень ЧУСО»; авторские статьи оплачивались гонорарами⁴⁴.

В июне 1920 г. И. Е. Коросташевский обратился к заместителю Чусо Н. Б. Эйсмунту с просьбой освободить его от обязанностей председателя редакционной коллегии, так как был чрезмерно загружен другой «ответственной» работой (начальник ГВИУ, председатель Чрезкомвзрыв, уполномоченный РВСР по формированию и использованию трудовых частей для лесозаготовок)⁴⁵, после чего редактированием «Бюллетеня» руководили поочередно С. Л. Маневич, А. Г. Прасолов, В. Я. Рискин⁴⁶.

Издание «Бюллетеня» было достаточно дорогостоящим предприятием: по смете расходов ЧУСО только на 1921 г. (примерно треть всего объема изданного) на эти цели выделялось по разным сведениям от 12 764 680 до 13 310 100 р.⁴⁷ Это почти столько, сколько планировалось на содержание в 1921 г. Управлений таких региональных структур ЧУСО, как в Поволжье или в Туркестане⁴⁸.

С ликвидацией системы Чусоснабарма приказом Чусо (№ 1323 от 27.08.21 г.) «Бюллетень ЧУСО» с 01.09.21 г. преобразован в «Бюллетень снабжения Красной Армии», а его редакция передана в ведение Главначснаба⁴⁹. В 1922 г. преемником его стал журнал «Снабжение Красной Армии», куда перешли и некоторые из членов бывшей редакционной коллегии, К. Е. Горецкий, например⁵⁰ (председатель технического комитета ЦУС и член военно-законодательного Совета при РВСР⁵¹).

Одной из основных задач «Бюллетеня ЧУСО», как указывалось в приказе Чусо (№ 471 от 05.05.20 г.), было публикование «всех приказов и распоряжений Чусо»⁵². Но, как видно из переписки по Управлению, с этой задачей «Бюллетень» не справлялся⁵³, и тогда решено было для этих целей издавать специальное приложение — 26.07.20 г. «Бюллетень» № 12 сообщил, что «со следующего номера очередной официальный материал будет печататься в виде приложения к «Бюллетеню ЧУСО»⁵⁴. Всего с 28.07.20 по 20.02.21 г. вышло 16 номеров этого «Приложения». Редактировались они

тем же составом редакционной коллегии, что и «Бюллетень ЧУСО»⁵⁵. Все они имеются в архиве.

Из других изданий, осуществлявшихся структурами ЧУСО, назовем, например, еженедельно выходивший в Харькове «Бюллетень Уполномоченного ЧУСО на Юго-Западном фронте», публиковавший только официальный материал; удалось разыскать 20 номеров (с № 1 от 1—8.6.20 г. по № 20 от 12.10.20 г.) этого издания⁵⁶. Там же, в Харькове, по словам помощника Уполномоченного ЧУСО на Украине и в Крыму И. К. Гамбурга, в первой половине 1921 г. была издана и брошюра «Чусоснабарм Украины со дня его основания по 31 декабря 1920 года»⁵⁷, обнаружить которую в архиве не удалось. Она имеется в каталоге Государственной публичной исторической библиотеки, но получить ее оказалось затруднительно.

В 1921 г. к изданию своего органа приступило Центральное Правление артиллерийских заводов (ЦЕПАЗ); назывался он «Вестник производственной пропаганды»⁵⁸. Архив ЧУСО его не сохранил.

Наконец, последнее, о чем следует сказать подробно во «Введении», — документальная архивная источниковая база монографии. Как уже отмечалось выше, ею стал почти исключительно фонд «Управление Чрезвычайного Уполномоченного Совета Труда и Оборона по снабжению Красной Армии и Флота (Чусоснабарм)», хранящийся в ЦГАСА под номером 55. Автономный номер фонда — 486. Его объем: две описи, содержащие 1296 единиц хранения, из которых — 9 под литерой «а» или состоящие из двух частей. Фактически в фонде имеется только 1000 единиц хранения (остальные уничтожены как макулатура), насчитывающих 175 988 листов документов.

В фонде отложились документы по самому широкому спектру экономических и хозяйственных вопросов, относящиеся к государственному и военно-административному строительству, свидетельствующие о положении дел со снабжением армии, характеризующие военно-промышленное производство, отражающие материалы обследований постановки снабжения в армии и распределения поступающих туда артиллерийского и прочего интендантского имущества, дающие представление о финансовой деятельности государственных учреждений советской власти. Многие из документов указывают на истоки возникновения советских бюрократических начал в производстве, управлении и распределении, раскрывают содержание хозяйственной политики военного коммунизма, знакомят со взглядами представителей тогдашнего политического руко-

водства на роль армии в системе государства. Обращаясь к документам фонда, легко составить представление об умопостроениях, царивших среди тогдашних хозяйственных руководителей, их отношении, скажем, к частной торговле, принципам организации производства и управления им. Исследуя фонд, мы часто оказываемся перед необходимостью по-иному расценивать отдельные факты (а то и проблемы) истории гражданской войны: природу дезертирства из Красной Армии, случаи забастовок рабочих, крестьянские восстания, истоки продовольственного, топливного и других кризисов. Фонд ЧУСО достаточно полно отражает геохозяйственную политику большевистского правительства, в качестве примеров которой можно указать на перемещение петроградской военной промышленности, формирование новой военно-промышленной базы на Урале, роль центральных районов России в материальном снабжении армии. В документах фонда нашла отражение кадровая политика Советского правительства, предпочтительность его взглядов на милитаризацию труда как высший постулат военно-коммунистического устройства общественной организации. Есть много интересного по части принимавшихся мер, скажем, в авиационном строительстве. Есть сведения о первых шагах в профессиональной подготовке хозяйственных кадров. Из знакомства с фондом ЧУСО вырисовываются черты проблем, ранее даже не упоминавшихся советской историографией: о вполне вероятных перспективах установления к концу 1920 г. военно-диктаторского типа государственного управления в России; во многом по-иному начинаешь смотреть на советско-польскую кампанию 1920 г., и некоторые другие. Особенно примечательна та часть документов, которая относится к экономической ситуации в России в конце 1920 — начале 1921 г., к вхождению России в НЭП, когда в спешном порядке распускалась Красная Армия и изымалась ее материальная часть. После знакомства с тем, что хранит фонд ЧУСО, довольно необычным оказывается представление о военно-импортной практике Советского правительства. Фонд широко представляет морально-этический облик поведения «новых красных хозяев» в условиях господствовавшей чрезвычайщины, дает обильную информацию о военно-коммунистических кадрах, перемещавшихся в НЭП. В фонде отложилась масса документов центральных политических, правительственных и хозяйственных структур советской власти первых лет ее существования (ЦК РКП(б), его Политбюро, СРКО/СТО, Президиума ВЦИК, СНК, ВСНХ, РВСР, ВЦСПС и др.) — протоколы, приказы, распоряжения, переписка и про-

чее. Вероятно, поэтому доступ к фонду долгое время был ограничен необходимостью согласований с Генеральным штабом Советской Армии. Фонд ЧУСО в конечном счете — емкое документированное свидетельство экономической политики военного коммунизма.

Судьба фондообразователя сложна, запутана, не все в ней до сих пор понятно. Собираанием и систематизацией документов фонда ЧУСО в конце 1921 г. занималась ликвидационная комиссия ЧУСО, принимавшая материалы от отделов Управления и с периферии⁵⁹. На местах работали свои ликвидационные комиссии, которые формировали отдельные группы документов, оказавшиеся позже в ЦГАСА под другими фондовыми номерами, так как эти комиссии не спешили пересылать документы в Москву⁶⁰. В 1922 г. фонд ЧУСО, вероятно, был передан в АХО ВСНХ⁶¹. Позже, судя по всему, он оказался в архиве Октябрьской революции в фонде № 1604 — это 1935 г.⁶² Параллельно с этим в ЦГАСА образовался свой фонд ЧУСО, куда в 1940 г. поступили документы из ЦГАОР, после чего корпус фонда ЧУСО составил 2013 единиц хранения; в результате разного рода экспертиз и научно-технических обработок число единиц хранения сократилось, многие из документов были уничтожены.

Оценивая архивную работу с фондом ЧУСО, мы вынуждены, к сожалению, констатировать нарушение важнейшего условия хранительского этикета — более половины фонда оказалось списанным в макулатуру и, вероятно, уничтоженным. Среди уничтожавшихся только в последнее время оказались такие документы, как акты ликвидационных комиссий, переписка о снабжении обмундированием ответственных сотрудников и высшего военного состава РККА (документы «Комиссии по внеплановым выдачам»), материалы комиссии по изъятию для судоремонта, материалы комиссий по передаче военного имущества гражданским учреждениям, переписка по вопросам снабжения армии вещевым довольствием, удостоверения и мандаты сотрудников ЧУСО, приказы главных довольствующих управлений военведа и РВСР (подлинники и копии), постановления и протоколы высших государственных органов власти, переписка по личному составу ЧУСО и многие другие⁶³. Даже неспециалисту по архивному делу это должно казаться неприемлемым. При всей тщательности поиска, например, не удалось обнаружить приказы ЧУСО № 578, 776, 864, 871, 1273 — не исключено, что они исчезли окончательно; какова их ценность, сказать невозможно.

Несмотря на многообразный состав весьма ценных и инте-

ресных документов, собранных в фонде ЧУСО, он один из самых неизученных и почти совершенно неиспользованных в научном обороте. Те из исследователей, кто к нему обращался (С. М. Кляцкин, Д. А. Коваленко, А. Л. Кубланов и некоторые другие, что легко установить по «листам использования»), очень неохотно вводили документы в свои публикации; у последнего, например, этот фонд указан среди «изученных», как представляется, скорее «для букета».

Система ЧУСО документирована в архиве (имеется в виду ЦГАСА) огромным — это сказано без преувеличения — объемом исторических свидетельств. Помимо фонда Управления ЧУСО есть еще более трех десятков собраний документов, отражающих деятельность региональных и функциональных ее структур. Это фонды № 88, 89, 91, 92, 94—98, 111, 119, 155, 210, 215, 224, 232, 233, 248, 259, 261, 271, 284, 289, 292, 308, 324, 404, 413, 33830. К этому надо добавить фонды Чрезкомснаб (№ 93 и 618), а также центральных довольствующих управлений, подчиненных системе ЧУСО и со второй половины 1919 г. тесно связанных с нею. Они также не изучены и тоже слабо вовлечены в научный оборот. Ждет своего исследователя и фонд Совета военной промышленности (№ 67, влитый в № 23751)... Все даже трудно перечислить.

Не исключено, что в монографии встретятся неточности, недосказанность, ошибки... тема нова в историографии и поэтому они неизбежны. Автор будет внимателен ко всем, пожелавшим указать на эти недостатки, с благодарностью примет рекомендации и советы в свой адрес.

Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам ЦГАСА, работникам Государственной публичной исторической библиотеки, ученым Института российской истории Российской Академии наук, оказавшим посильную помощь в работе над исследованием; особо благодарен автор научному консультанту Ю. А. Полякову. Автор в долгу перед Краснопольским сельским Советом народных депутатов и главой его администрации В. В. Николаевым (Куцевский район Краснодарского края) за поддержку, оказанную при издании монографии. Всем им низжайший поклон.

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

§ 1. Ликвидация старой и создание новой организации армейского снабжения

Первоначальные взгляды советских политиков на место армии в обществе менялись кардинальным образом в ходе гражданской войны. Декрет СНК от 15(28).01.18 г. о создании РККА, объявивший добровольческий принцип ее формирования с предполагавшимся последующим переходом ко всеобщему вооружению, т. е. к фактическому отказу от каких-либо строгих организационных принципов создания армии¹, вскоре был предан забвению: 29.05.18 г. ВЦИК постановил заменить добровольчество всеобщей мобилизацией, а 10 июля 5-й Всероссийский съезд Советов ввел всеобщую обязательную воинскую повинность. Разумеется, никаких принципиально новых доктрин военного строительства за столь короткий промежуток времени не могло быть наработано, поскольку вопрос о строительстве армии, по признанию В. И. Ленина, ранее «совершенно не ставился даже теоретически»². Оставалось одно — вернуться к прежнему опыту царской армии, расцветив его новой революционной фразой, сопровождавшейся вместе с тем беспрецедентной политизацией, введением института военных комиссаров и созданием сети политических и «особых» отделов.

По декрету от 15(28).01.18 г. верховенство власти над армией устанавливалось за СНК, исполнительные функции закреплялись за комиссариатом по военным делам, а если быть совсем точным — за специально образованной при нем Особой всероссийской Коллегией по формированию Красной Армии³. Чуть позже, 29.01.(11.02.).18 г., специальным постановлением СНК в эту организационную схему был вписан и Флот.

Малоубедительными представляются утверждения историков, много лет писавших о некоем «создании Красной Армии», — в результате мы остались почти без изучения опыта участия русской армии в первой мировой войне, так как даже поверхностное знакомство с ним привело бы к мысли об имевшем место механическом переносе структурологических принципов царской армии в послереволюционное время. Представляются вымороженными попытки выделять какие-то закономерности и этапы в так называемом новом строительстве ар-

мии. С. М. Кляцкин, например, предлагая свою периодизацию создания Красной Армии, время с 03.03.18 г. (заключение Брестского мира) до 26.12.18 г. (принятие Реввоенсоветом республики «Положения» о полевом управлении войсками в военное время) относит к отдельному периоду военного строительства⁴. Такой подход представляется некоррелятивным, так как методологически неверно смешивать политические критерии с сугубо военно-административными. (К тому же с осени 1919 г. и до лета 1920 г. над «Положением» о полевом управлении работала комиссия К. Х. Данишевского, существенно его изменившая⁵.) Схема окажется более логичной, если следовать только за одним из этих критериев. Разумеется, мы выбираем второй, точнее, часть его — организацию обеспечения жизнеспособности армии. Не претендуя на построение какой-то новой схемы (условность их всегда отталкивает), вкратце проследим возникновение и эволюцию советской бюрократической сети управления этой отраслью военного строительства.

Структурно-аналитическое описание действий Советского правительства по созданию аппарата управления вооруженными силами в первые дни прихода к власти мы найдем в большом количестве исторических исследований, среди которых работы С. М. Кляцкина, Ю. И. Кораблева, А. В. Крушельницкого, С. В. Липицкого, М. А. Молодцыгина, П. А. Селиванова, С. А. Сомова и др.⁶ Все они, как правило, сходились на мысли, лапидарно высказанной С. В. Липицким: люди, пришедшие к руководству в аппараты военного управления, не имели опыта работы, что, по мнению автора, могло компенсироваться «размахом революционного творчества»⁷. Второе, как впрочем и первое, вполне достоверно, так как почти до конца 1918 г. в деле организации управления военным строительством доминировал метод эмпирического поиска, проб и ошибок. На роль военного администратора-распорядителя в разной степени претендовали военно-революционный комитет ВЦИК (возник после октябрьского переворота из Петроградского ВРК), Наркомвоен, Военно-морской ревком, военный и казачий отделы и морская секция ВЦИК, Совет броневых частей (Центроброп), Всероссийская Коллегия по управлению Воздушным Флотом и др. Среди них, постепенно укрепляясь после ряда структурных перемен и перемен названий, к концу ноября 1917 г. выделялся народный Комиссариат по военным делам (Наркомвоен).

До марта 1918 г. — до ликвидации Ставки старой армии — дело военного строительства старательно опекал СНК, забирая на себя большую часть практической работы и контроля за

исполнением. В феврале, в связи с угрозой кайзеровской Германии, Наркомвоен отослал часть своих прав Петроградскому военному округу, где был создан Чрезвычайный штаб и Комитет революционной обороны Петрограда под председательством Я. М. Свердлова при секретаре С. И. Гусеве. В Комитет вошел нарком Н. В. Крыленко и начальник его штаба М. Д. Бонч-Бруевич. Своей работой Комитет предопределил в будущем образование аппарата Главного Командования Красной Армии.

С конца марта по начало мая 1918 г. правительством решались вопросы военно-административного деления республики — созданы 11 военных округов с нисходящими схемами военных комиссариатов, оперативное управление которыми в большей части сосредоточивалось в оперативном отделе Московского окружного военного комиссариата (в Опероде).

В мае — июне 1918 г. в основном завершилось организационное укрепление Наркомвоен, подчинившего себе Оперод и военный отдел ВЦИК. Аппаратно-бюрократические условия для перехода ко всеобщей обязательной воинской повинности были созданы.

Вместе с возникновением органов военного управления представляет интерес формирование государственных хозяйственно-административных структур советской власти, на первом этапе их становления мало связанных с армейскими и обнаруживших свою зависимость от них лишь спустя известный промежуток времени. Благодаря уже имеющимся работкам историков (труды Ю. К. Авдакова, И. Н. Апанова, А. В. Венедиктова, В. З. Дробижева, Н. Ю. Петрова, Ф. В. Самохвалова и др.), мы вольны не писать об этих процессах, указав лишь на особенности, близкие к интересующей нас проблеме.

Декретом ВЦИК и СНК 02.12.17 г. образован Высший Совет народного хозяйства (ВСНХ)⁸, что стало, по мнению В. И. Ленина, «одним из крупнейших фактов современного государственного строительства»⁹. Последнее, вероятно, послужило причиной восторженных эпитетов в адрес ВСНХ, как «главного штаба социалистической экономики», аналогов которому в мировой практике не встречалось¹⁰. Здесь трудно не согласиться — даже косвенное знакомство с историей образования в первых лет существования ВСНХ производит отталкивающее впечатление своей поистине безаналоговой степенью бюрократизации. В связи с этим интересен очерк о деятельности ВСНХ до сентября 1918 г.: только в 18 его отделах было занято 2270 человек, так называемых управленцев¹¹. Это без

главков и центров (а их число — с 40 на первом этапе — постоянно росло), бюрократический лабиринт которых с массой управлений, секретариатов, бухгалтерий, подотделов, секций, бюро и т. д. трудно поддается разумному восприятию. У авторов, исследовавших предреволюционную экономическую историю России, пожелай они того, оказалось бы много оснований утверждать об иррациональном концептуально-структурном построении ВСНХ, в основе которого, если взять его в чистом виде, была лишь центростремительная тенденция и автоматическое поглощение крупнейших российских буржуазно-монополистических объединений.

С 26.05 по 04.06.18 г. прошел первый Всероссийский съезд совнархозов, обусловивший, надо думать, выводы о завершившемся к середине 1918 г. организационном строительстве ВСНХ¹². Положение о нем от 08.07.18 г. зафиксировало окончание создания этой бюрократической пирамиды, поставив над ней президиум из 9 человек¹³.

Суммируя сказанное в направлении интересующей нас проблематики, отметим: к лету 1918 г., наряду с военными, были образованы и жесткие, хотя и не столь легко управляемые, централизованные государственные хозяйственно-бюрократические структуры регулирования экономики: создание армии на основе всеобщей обязательной воинской повинности неизбежно должно было привести их к сближению, а затем и к сращиванию.

Поскольку мы заняты проблемой материального обеспечения армии, то нельзя не обратить внимания на существовавший в первое время третий канал его реализации — через Советы разного уровня. М. А. Молодцыгин написал об этом подробно, даже, как представляется, с некоторым преувеличением здесь роли Советов¹⁴, породив тем самым не всегда удачных подражателей¹⁵. Бесспорно, Советы с их солдатскими секциями и военными отделами исполкомов активно вмешивались в военное строительство и, особенно, в обеспечение армии, но может ли это служить достаточным поводом для спора с С. М. Кляцкиным, отдававшим приоритет органам, оставшимся от старой армии, тем более, что сам М. А. Молодцыгин признает: Советы использовали прежний учетно-распределительный аппарат¹⁶. Для нас важно другое: в структуре Советов имелись военные отделы, накопившие какой ни на есть военно-хозяйственный опыт, преемником которого, бесспорно, стали создававшиеся с апреля 1918 г. военные комиссариаты.

Итак, мы выделяем три довольно автономные ветви бюро-

кратической системы управления военным снабжением. Однако уже со второй половины 1918 г. начнется слияние их в одно целое — «чрезвычайное» и «полномочное», где роль ВСНХ выйдет на ведущее место, а роль Советов сойдет на нет. Причина: нерезультативность эмпирических попыток вписать армию в подразумевавшиеся общественно-экономические отношения — к концу мая 1918 г. почти половина вновь создававшихся формирований оставалась материально необеспеченной¹⁷.

В связи с этим надо сказать отдельно о происходившем в военном ведомстве. История образования милитаризованной системы управления снабжением столь же витиевата, как все революционное военное строительство на первых порах. С постановления СНК от 03.03.18 г. управление всеми военными учреждениями объединил в себе Высший Военный Совет во главе с М. Д. Бонч-Бруевичем при двух комиссарах¹⁸. После выхода из Совета одного из них — левого эсера П. П. Прохьяна — его возглавил Л. Д. Троцкий. Аналогичную структуру управления приняли и полевые военно-административные органы отдельных отрядов, в частности — на Южном фронте¹⁹. Это был прообраз будущих реввоенсоветов всех уровней. Схожим (по своей примитивности) было и формирование органов управления жизнеобеспечением армии, с тем только различием, что здесь принятие произвольных решений затруднялось экономическим субстанционированием задач — отсюда и более значительная предыстория.

Большинство из Главных довольствующих Управлений старого военного аппарата — артиллерийское, военно-техническое, инженерное, интендантское и др. — продолжало управлять снабжением армии вплоть до весны 1918 г. параллельно с действовавшим Отделом снабжения и вооружения Особой всероссийской Коллегии по формированию Красной Армии. Оставался и прежний главный центр военно-экономического планирования — Особое Совещание по обороне, несмотря на арест его председателя П. И. Пальчинского, которого сменил бывший управляющий военным министерством генерал А. А. Маниковский — тоже арестованный, но тотчас освобожденный, так как назначенный нарком Н. В. Крыленко опасался (и не без оснований) быстро прогрессирующего расстройства снабжения армии. Н. В. Крушельницкий считает назначение А. А. Маниковского, якобы сразу противопоставившего себя Н. В. Крыленко, шагом опрометчивым и опасным, но приводимые факты и их авторская интерпретация не убеждают в достоверности этого утверждения²⁰. К тому же вопрос о про-

возглашенной демобилизации старой армии, объявленной декретом СНК 10.11.17 г. (чем должно было заняться Особое Совецание, переведенное в один из отделов ВСНХ), требует к себе еще очень пристального внимания.

Особое Совецание, возглавляемое (после очередного ареста А. А. Маниковского) Н. М. Потаповым, до образования ВСНХ пребывало в ведении военного министерства, после чего оно должно было организовать демобилизацию промышленности²¹. Но в середине февраля 1918 г. Особое Совецание упразднили совершенно²². С прекращением его работы ликвидировались комиссия Поливанова (занимавшаяся особо важными военно-промышленными предприятиями), комиссия по учету рабочей силы, комиссия по пересмотру норм снабжения, контрольно-финансовая комиссия и др.

С. А. Сомов считает, что Особое Совецание не могло сыграть активной роли в «социалистическом преобразовании промышленности», потому и ликвидировано²³. Вывод более чем категоричен — летом 1919 г. в сущности пришлось вернуться к опыту работы Особого Совецания и многое из этого опыта восстанавливать. Но тогда, в феврале — марте 1918 г., обуреваемые революционным пафосом, его носители активно разрушали старое, в том числе и армейские органы управления, и создавали, как им казалось, принципиально новое, не замечая, однако, что ходили по кругу: из Главного интендантского Управления возник Хозяйственный Комитет Красной Армии, который вскоре (после слияния всех довольствующих управлений — как старых, так и новых) превратился в военно-хозяйственный совет (Военхоз), бюрократическую основу которого составил возвращенный из ВСНХ технический аппарат бывшего Особого Совецания по обороне во главе с его управляющим делами Н. А. Бабиковым. Предполагалось, что Военхоз займется демобилизацией армии и промышленности и будет осуществлять контроль за деятельностью военных хозяйственных органов.

С появлением Военхоза началась реорганизация системы управления снабжением в войсках и округах, где довольствующими ведомствами должны были стать военно-окружные Управления (в составе военно-окружных комиссариатов): хозяйственные, артиллерийские, инженерные, санитарные и ветеринарные. Об этом пишут как М. А. Молодцыгин²⁴, так и П. А. Селиванов²⁵. Но если напомнить, что службу снабжения армии предполагалось строить применительно к порядку, предусмотренному «Положением» 1890 г., а с возникновением фронтов их полевые Управления создавались по структуре,

предусмотренной «Положением» 1914 г.²⁶, то окажется, что вести речь о новизне этих мероприятий неуместно.

С возникновением полевых Управлений фронтов и довольствующих Управлений в составе окружных комиссариатов явилась необходимость создания в центре объединяющего органа снабжения. К этому времени уже имелся определенный опыт «нового централизованного снабжения»: с одной стороны, в так пазываемом демократизированном старом интендантском ведомстве и несколько обновленном Центральном Управлении Снабжения (ЦУС) (поглощенном в свое время Военхозом); с другой — в действительно новом Центральном Распорядительном Бюро военного имущества, возникшем в связи с потребностью куда-то деть спешно эвакуировавшееся имущество из районов наступления немецкой армии²⁷. В итоге приказом Наркомвоен от 01.07.18 г. фактически возродили старое ЦУС, большую часть функций получившее от Военхоза, а также включившее в себя Центральное Распорядительное Бюро, которое, будучи плодом революционного творчества, за ненадобностью себя исчерпало. Военхоз в дальнейшем трансформировался в Военно-законодательный Совет Наркомвоен, а позже — в Военно-законодательное Собрание при РВСР; ЦУС, как и прежде, стало исключительно распределительным органом и, как утверждали современники, развило «свою деятельность в формах, завещанных капиталистической традицией»²⁸. Попытки как-то революционизировать ЦУС, назначив туда комиссаров, не дали ощутимых результатов. Бессмысленные реорганизации — теперь уже в самом ЦУС — продолжались. Образованы были, например, два Бюро снабжения фронтов — явно нецелесообразные; их заменили Центральной комиссией по боевому снабжению с задачей контроля за выполнением главными довольствующими управлениями требований воинских частей.

Таким образом, к лету 1918 г. процесс централизации управления жизнеобеспечением армии в рамках военного ведомства был практически завершен созданием сугубо распределительного и контрольного механизмов.

Схожие изменения, но с известным отставанием, протекали и в военно-производственной сфере, управлявшейся все разрастающимся и слабо поддававшимся концентрационным тенденциям, Центральным отделом военных заготовок (ЦОВЗ) ВСНХ. Хозяйственные структуры управления, в отличие от военных, по понятным причинам были менее предрасположены к жесткой централизации, отсюда все нараставшие конф-

ликты вокруг военного производства и распределений.

Создание высших органов военного управления завершилось в сентябре 1918 г. с появлением РВСР. Этому предшествовал печально известный декрет ВЦИК от 02.09.18 г., когда, как пишут некоторые авторы, «перед лицом надвигавшейся опасности... вся страна превращалась в военный лагерь»²⁹. Насколько соизмеримы были «опасность» и образование «военного лагеря», историкам еще предстоит разобраться, бесспорно одно: военному производству теперь мало что могло препятствовать. Для примера приведем только один факт, но с далеко идущими последствиями. Приказ РВСР № 447 от 24.12.18 г. объявил постановление СРКО от 18.12.18 г. о создании под руководством И. В. Сталина Центральной Комиссии по поиску помещений для Красной Армии, которой вменялось: использовать пустующие заводы, фабрики, крупные торговые здания; уплотнять все помещения; очищать, в случае необходимости, большие каменные дома с центральным отоплением; сдвигать и строить занятия в школах «на предмет занятия некоторых школьных помещений под казармы», такие же комиссии создавались в округах и губерниях³⁰.

Образование РВСР, относящееся к этому времени, С. В. Липицкий объяснял неувязками во взаимоотношениях Высшего Военного Совета и Оперода³¹, причиной, на наш взгляд, довольно частной. «Положением» о РВСР, принятым ВЦИК 30.09.18 г., предусматривалась передача ему прав Коллегии Наркомвоен, а также всех главных военных учреждений, в том числе и ЦУС³²; после VIII съезда РКП(б) к РВСР отошло еще и управление постановкой политической работы в армии. В руках Л. Д. Троцкого сосредоточивалась огромная военно-политическая власть, предоставлялись, как сказано в «Положении», «все силы и средства народа» для нужд обороны. С этого момента мы вправе вести отсчет времени, получившего в будущем определение как «политика военного коммунизма». К этому времени, а не к «поздней осени 1918 г.»³³, споря с С. В. Липицким, мы относим и завершение строительства системы органов военного руководства. Создание 30.11.18 г. СРКО можно рассматривать лишь как очередной шаг в переходе ко всеобщей милитаризации республики и прежде всего — в экономике, а не привнесение чего-то принципиально нового в военное строительство. Вполне недвусмысленно писал об этом В. И. Ленин, утверждая, что в области военной Совет Обороны не занимался оперативными вопросами, а только теми, которые касались снабжения ар-

мии³⁴. Да и в постановлении ВЦИК о СРКО четко обозначены области его внимания: продовольствие, транспорт, снабжение армии³⁵, т. е. речь шла о милитаризации и централизации управления таковыми, что и разъяснила «Правда» 03.12.18 г. в комментарии к постановлению ВЦИК, Ю. И. Кораблев, а вслед и А. Л. Кубланов приложили довольно много усилий, чтобы доказать это³⁶. У последнего, правда, вышло не совсем удачно: по прочтении складывается впечатление о Совете Обороны как некой разрешительной организации, а не как о «чрезвычайном органе диктатуры пролетариата... успешно решавшим коренные проблемы обороны страны», как сказал Ю. И. Кораблев, оценив труд «впервые появившимся фундаментальным исследованием»³⁷.

Эпитеты «чрезвычайный» и «диктаторский» применительно к Совету Обороны многократно обыгрывались и С. В. Липицким, очень профессионально поднимавшим СРКО над РВСР и осторожно соблюдавшим субординацию по отношению к ЦК РКП(б), полемизируя при этом с М. В. Рыбаковым, Л. М. Спириным, Н. И. Шатагиным и др.³⁸

В первом послереволюционном строительстве государственных управленческих структур (как военных, так и хозяйственных) отчетливо прослеживается движение иницирующей идеи «чрезвычайщины»: снизу вверх, вплоть до возникновения СРКО; затем ей суждено будет пойти в обратном направлении, но уже в другом качестве — в ранге государственной политики.

К лету 1918 г. стало ясно, что армия столкнулась с массой трудностей в области снабжения. Уровень анализа ситуации, на котором он проводился современниками событий, был достаточен только для того, чтобы попытаться найти выход из положения, обратившись к административным методам. Главным источником опасности признали несоответствие деятельности быстро прогрессирующей в военном ведомстве концентрации управления распределением и отставанием таковой в производстве предметов военного снабжения из-за слабости там исполнительной власти. Схема, как видим, проста до прямолинейности. Соответствующими были и принятые меры, тем более, что в это время на военное производство переводилась часть ранее национализированной промышленности, в связи с чем там требовалась более жесткая схема управления.

В августе 1918 г. СНК утвердил при ВСНХ особую комиссию, задача которой, как сказано в постановлении, максималь-

но ускорить военное производство, используя при этом все меры, включая посылку комиссаров от ВСНХ и военведа на каждый отдельный завод; комиссии предлагалось приступить к работе «завтра же», т. е. 17.08.18 г.³⁹ Возглавил ее Л. Б. Красин, только что вернувшийся из Берлина после успешного заключения там так называемого «дополнительного августовского соглашения», одновременно он стал членом Президиума ВСНХ, паркомом торговли и промышленности⁴⁰. Комиссия мыслилась как коллегиальный орган из представителей ВЦИК, ВСНХ, военного ведомства и профессиональных союзов. По свидетельству ее первого протокола (от 17.08.18 г.), туда вошли: Л. Я. Карпов (зам. председателя), Н. И. Довгелевич, В. Л. Дымман, В. С. Михайлов, К. Н. Орлов; принято название — Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снаряжения (Чрезкомпроизводства); Л. Я. Карпову поручено подыскать соответствующее помещение, а работу начать 20 августа в комнате № 74 ВСНХ; первоочередная программа — выяснить количество, качество, потребность по времени военного снаряжения и существующую производительность заводов, после чего распределить наряды и приступить к контролю исполнения⁴¹. Как видим, по мысли создателей Комиссии, она должна была выполнять лишь координирующие и контролирующие функции в военном производстве, точнее — в артиллерийском, так как о вещевом пока речи не велось. Не уточнялся и порядок взаимоотношений Комиссии с ЦОВЗ ВСНХ и ЦУС Наркомвоен.

Два с половиной месяца работы Комиссии Л. Б. Красина не дали ощутимых результатов, о чем свидетельствует, например, заключение Особой комиссии СНК, обследовавшей в течение этого времени постановку снабжения в армии; в докладе Совнаркому 31.10.18 г. эта комиссия предложила план его реорганизации, в т. ч. и в отношении Чрезкомпроизводства⁴². И уже 02.11.18 г. СНК издал соответствующее постановление⁴³. С протокола № 35 и «Журнала» № 7 (от 06.11. и 13.11.18 г.) Чрезкомпроизводства стала именоваться Чрезвычайной комиссией по снабжению Красной Армии (Чрезкомснаб)⁴⁴. Произошедшие изменения нельзя назвать косметическими, они имели существенный характер. Постановление СНК возложило на Чрезкомснаб принципиально новые задачи: сближение военной и невоенной (!) промышленности путем установления контроля на межотраслевом уровне; милитаризацию гражданского производства и внешнеэкономических связей; Комиссия получила право контроля не только за производственными, но и за заготовительными органами и — что

самое важное — за распределением военного имущества; Комиссия наделялась разрешительным правом предания суду лиц, виновных (по ее усмотрению) в уклонении от исполнения ее решений; председателем Комиссии оставался Л. Б. Красин⁴⁵.

Получив столь неординарные права, Чрезкомснаб значительно продвинулась по иерархической пирамиде советской власти — учредителем ее теперь был не ВСНХ, а СНК. С возникновением 30.11.18 г. СРКО председатель Чрезкомснаб вошел в его состав⁴⁶. Показателен в этой связи ответ заведующего финансовым отделом Чрезкомснаб А. И. Соболева заведующему финансово-счетным отделом ВСНХ Ф. Ф. Сыромолотову: Чрезкомснаб «с момента преобразования... и предоставления ей особых прав... является самостоятельным учреждением, не подчиненным ВСНХ... все циркуляры и распоряжения ВСНХ, касающиеся деятельности подведомственных ему Главков, Центров и проч., на нее не распространяются»⁴⁷. Вот так!

ВСНХ, как думали, выполнил свою первую основную задачу — волевыми политико-экономическими методами сломал сопротивление буржуазии. Но после казавшейся достигнутой победы осенью 1918 г. пришлось разубедиться в этом. Встала другая задача — милитаризация экономики. Теперь национализированное, государственно-централизованное производство требовалось увязать с централизованным распределением для армии. Так возникла Чрезкомснаб. Здесь мы отчетливо наблюдаем трансформацию «чрезвычайщины» от ВСНХ к СНК, затем к СРКО/СТО.

Большинство исследователей, упоминавших о Чрезкомснаб⁴⁸, не вдаваясь в анализ причин создания этой Комиссии, лишь констатировали ее появление. Между тем Чрезкомснаб суждено было стать предвестницей того, что мы называем экономической чумой XX в. — экономической чрезвычайщины, зеркально отразившей так называемую политику военного коммунизма.

Поскольку для нас важны истоки экономической чрезвычайщины, целесообразно обратиться к тем внутренним закономерностям и частностям, из которых складывалась цепь бюрократического механизма (получившего не совсем удачное современное название АКС (административно-командная система управления), но принятое нами для удобства изложения), одним из главных звеньев которого был аппарат.

Организационная работа Чрезкомснаб осуществлялась Уп-

равлением, структура которого окончательно установилась в марте 1919 г.: 3 марта проект был передан в РВСР (вероятно, для согласования), а 27.03.19 г. утвержден Л. Б. Красиным⁴⁹. С этого дня начинают появляться и приказы по Управлению Чрезкомснаб (с 27.03 по 04.10.19 г. издан 71 приказ)⁵⁰.

Сопоставив ряд документов, получив схему внутреннего построения Управления, имевшего семь отделов с подразделениями: I. Секретариат. II. Управление делами, включавшее: общедминистративный отдел с исполнительной частью, отделением личного состава, отделением по учету технических сил, мобилизационным отделением, контрольным отделением, архивом, журнальной частью и переписочным бюро; хозяйственную часть; подотдел по улаживанию конфликтов; службу связи с отделениями внутренней и внешней связи, а также гаражом; санитарный подотдел. III. Технический отдел с подотделами: фабрично-заводским, железнодорожным, химическим, транспортно-автомобильным, топливным, артиллерийским и авиационным. IV. Отдел вещевого довольствия. V. Финансовый отдел. VI. Учетно-статистический отдел. VII. Юридический отдел (готовилось его создание)⁵¹. С этой структурой (при незначительных изменениях) Управление Чрезкомснаб просуществовало вплоть до ее ликвидации⁵². Приведенная детальная схема избавит нас, будем надеяться, от подробного описания всех функциональных сторон Чрезкомснаб, даст возможность обратиться к наиболее, на наш взгляд, заслуживающим внимания.

Переход Чрезкомпроизводства в новое качество сопровождался ростом числа занятых в ее Управлении сотрудников. Если на время образования Чрезкомснаб (05.11.18 г.) там было 43 человека, то к концу ноября их число выросло до 120⁵³. В январе 1919 г. аппарат составил 149 человек, а в августе цифра поднялась до 225; ник отмечен в сентябре — 239 человек⁵⁴. Ко времени окончательной ликвидации Чрезкомснаб — к октябрю 1919 г. — там было 219 служащих⁵⁵. Расходы на личный состав Управления (имеется в виду только жалованье), по далеко не полным данным, только за пять месяцев (с 24.09.18 г. по 01.03.19 г.) составили 1 231 985 р.⁵⁶. Реальную стоимость бюрократического аппарата Чрезкомснаб определить трудно, потому как невозможно учесть, например, льготы, которыми она пользовалась). Так, в ноябре 1918 г. Л. Д. Троцкий объявил служащих военного ведомства военнослужащими, и все центральные довольствующие Управления получили красноармейский паек — за плату, правда, но она бы-

ла скорее символической⁵⁷; в феврале 1919 г. Чрезкомснаб подключилась к кремлевскому кооперативу «Коммунист», «ввиду имеющихся там, — как сообщалось в объявлении, — больших запасов продуктов», причем можно было записать и детей, а тех, кому менее 12 лет, — без внесения паевых денег⁵⁸; плюс ко всему выплаты премиальных, сверхурочных, разницы тарифных поясов и т. д. (Оклады служащих военного ведомства были несколько упорядочены приказом РВСР № 900 от 23.05.19 г. в развитие постановления ВЦИК от 21.02.19 г.⁵⁹ Но тут начались уловки: 03.06.19 г. ЦУС, например, издало приказ № 54 о введении доплаты за седьмой и сверхурочные часы работы⁶⁰ и т. д.). Работа в Чрезкомснаб (6 часов в сутки), становясь «ответственной», оказывалась и привлекательной.

Представления о запятых в управлении людях, их квалификации, отношении к военному делу, социальной принадлежности и о многом другом позволяют составить разбросанные по архивному фонду списки данных о сотрудниках⁶¹, а также масса косвенных сведений, почеркнутых из других документов. Для иллюстрации ограничимся лишь небольшим кругом лиц и частичными данными.

Определенной системы в подборе кадров, как убедимся, не было — ни по политическим, ни по образовательным, ни по каким-либо другим схожим критериям. В секретариате Л. Б. Красина с 17.08 по 28.08.18 г. работал В. Е. Михайлов, которого сменил приглашенный из Петрограда Г. Н. Парун-Саркисов, ставший личным секретарем Л. Б. Красина и старшим секретарем Комиссии (по образованию — инженер, в армии не служил)⁶². Управляющим делами с 23.11.18 г. был В. А. Крит — в прошлом подполковник⁶³. Стенографировали заседания Комиссии В. И. Даниель-Бек, О. И. Косицкая, М. Б. Добрянская⁶⁴. С 01.02.19 г. начальник общеадминистративного отдела — А. Б. Миссия (до первой мировой войны — студент, в армии — капопир, затем — вольноопределяющийся)⁶⁵. С 08.09.19 г. эту должность и одновременно заведующего бюро по учету технических сил занимал Н. А. Голубев, в свое время окончивший юридический факультет МГУ и до революции работавший адвокатом⁶⁶, а А. Б. Миссия перешел в помощники заведующего юридическим отделом⁶⁷. С 10.02.19 г. в общеадминистративном отделе появился Е. В. Отт, получивший должность старшего делопроизводителя; до этого работал в Чрезвакомкомиссии, а после ее преобразования в Трамот ВСНХ — секретарем председателя Коллегии Трамот С. В. Громана (окончил училище св. Михаила и в 1917 г. поступил

в МГУ; в армии не служил; с 01.06.19 г. — секретарь управления делами и одновременно по совместительству до 08.09.19 г. — начальник отделения по учету технических сил)⁶⁸. Конфликтным подотделом ведала О. Б. Гречнева (в активе — гимназия и Сорбонна в Париже; член РКП(б)⁶⁹). Технический отдел с 16.05.19 г. возглавлял Л. П. Чебышев — полковник старой армии⁷⁰. Вещевым отделом заведовал П. В. Аникеев — образование среднетехническое⁷¹. Ответственный руководитель по управлению всеми делами вещевого отдела Г. А. Ангерт до Чрезкомснаб работал в комиссии по национальным делам (гимназия; юридический и физико-математический факультеты университета; владел тремя иностранными языками; бундовец; до революции — семь лет присяжный поверенный)⁷². Во главе финансового отдела с октября 1918 г. стоял А. И. Соболев, в свое время окончивший московское Александровское коммерческое училище; три года изучал коммерческое дело за границей; общий стаж коммерческой службы — более 20 лет (доверенный, управляющий конторой, бухгалтер различных товариществ); владел тремя иностранными языками⁷³.

Всех занятых в Управлении Чрезкомснаб, как нетрудно заметить, объединяло, пожалуй, одно — известный уровень образованности, что было следствием определенного стиля работы Л. Б. Красина.

После того, как аппарат Управления был организован и Чрезкомснаб получила довольно квалифицированный инструмент подготовки своих решений, Л. Б. Красин отошел от руководства Комиссией, 17.03.19 г. он заявил о своем назначении наркомом путей сообщения, в связи с чем не сможет присутствовать на всех заседаниях Комиссии и просил С. М. Семкова исполнять функции председателя во время его отсутствия⁷⁴. В будущем поочередно это делалось еще и В. С. Михайловым с Л. Я. Карповым⁷⁵. После 17.03.19 г. Л. Б. Красин, формально оставаясь председателем Чрезкомснаб, на заседаниях Комиссии не появлялся; по крайней мере об этом можно судить по тем документам, которые удалось просмотреть.

Столь солидному учреждению, как Чрезкомпроизводства, требовался и подобающий офис. Выполнить поручение, данное Л. Я. Карпову на первом заседании (17.08.18 г.), было несложно. Внимание заинтересованных лиц привлекли владения купцов Оловянныхниковых — строения в районе Покровского бульвара, Хохловского переулка и улицы Покровка; прежде всего дом на углу Покровского бульвара и Хохловского переулка (Покровский бульвар, 4/15) — превосходное новое пятиэтажное здание с центральным отоплением и гаражом, пост-

роенное в 1913 г. по проекту архитектора С. Ф. Воскресенского⁷⁶. Жилищные претензии Чрезкомпроизводства СНК удовлетворил «секретным» постановлением, — дом уступило Главное квартирное Управление Наркомвоен, перебравшееся на Смоленский бульвар, 53; 24.10.18 г. Чрезкомпроизводства относительно спокойно въехала в свой офис, скромно заняв небольшую его часть; но уже к 30 ноября Комиссия занимала половину здания; здесь же расположилась и Чрезвычайная комиссия по продовольственному снабжению Красной Армии; кое-что осталось и за продолжавшим существовать управлением торгово-промышленных товариществ «Оловянных дел и сыновья»⁷⁷. Постепенно Г. И. Оловянных дел с его семьей и конторой вытеснили в подвальные помещения, поскольку столь ответственные организации — судя по мотивам все возмущавших притязаний на площадь — были «завалены громадным количеством работы»⁷⁸. В доме на Покровке, 10 разместилось управление делами Управления Чрезкомснаб⁷⁹.

Параллельно с формированием верхней части «чрезвычайной» пирамиды руководством снабжением армии велось создание подпирющих ее структур, которые по принципу внизпускавшихся распоряжений и кадров мы называем деловыми. Начиналось это с назначения Л. Б. Красиным («в силу представленных... мне полномочий»), — как он писал в мандатах, выдаваемых удельным «чрезвычайщикам»⁸⁰) губерnskих уполномоченных Чрезкомснаб. Первым такое назначение в Северную область (преимущественно район Петрограда) получил П. И. Судаков (в прошлом — токарь Петроградского механического завода, член РКП(б) с 1897 г., до революции долгое время проведенный в ссылках в Сибири)⁸¹. Вскоре республика покрывалась сетью «чрезвычайных» представительств. Приведем их (далеко не полный) список: Самарская губерния — Н. Я. Брянец⁸²; Казанская и Вятская — Д. А. Станиславский⁸³; с 25.06.19 г. — И. Н. Валуйский⁸⁴; Пензенская — А. И. Трифилов⁸⁵; Нижегородская (затем Нижегородская и Ярославская, позже — Нижегородская и Владимирская) — Д. В. Калугин⁸⁶; Саратовская, Царицынская и Астраханская — А. А. Блюмберг (его заместитель по Астраханской — Я. О. Элерт⁸⁷); Пермская и Уфимская губернии — Н. И. Хлебников⁸⁸ и др.

Разумеется, каждый из «губернаторов» обзаводился своими штатами — пусть пока небольшими, но с перспективой: в Пензе — 8 человек, в Казани — 11, в Нижнем Новгороде — 23⁸⁹ и т. д. О Минском отделении Чрезкомснаб, штат которого по ряду причин доходил до 200 человек, скажем отдельно. Соответственно, требовались и деньги на их содержание: на вы-

плату только жалованья штату уполномоченного по Нижегородской и Ярославской губерниям ушло бы, по нашим подсчетам, 403 356 р. в год⁹⁰. Впрочем, местные представительства Чрезкомснаб не были стеснены в средствах на свое содержание; сметная стоимость чаще всего превышала их реальные расходы: в Пензе, например, из 23 661 р., отпущенных на август 1919 г., истратили только 13.351 р.⁹¹.

Принятая схема анализа управленческого звена чрезвычайных военно-снабжениеских органов (структура, штаты и их содержание, кадры), которой мы будем придерживаться и впредь по мере продвижения вглубь и вширь изучаемого явления «чрезвычайщины», уже на первых порах позволяет, как представляется, прийти к первоначальному заключению о неоправданности утверждения будто бы АКС — детище постреволюционного сталинского периода. Она начиналась во времена военного коммунизма. Затем работали стереотипы, совершенствовались методы.

К лету 1919 г. положение советской власти вошло в одну из самых критических фаз. Военные неудачи на юге подтолкнули большевистское руководство к самым крутым мерам по удержанию политической власти. Среди них — создание в июле 1919 г. системы ЧУСО. Декрет ВЦИК о ЧУСО появился 09.07.19 г.; объявлялось об объединении дела снабжения Красной Армии в одних руках с исключительно диктаторскими экономическими полномочиями⁹². О статусе системы ЧУСО, ее правах и обязанностях будем говорить в надлежащих местах по ходу изложения.

Появление декрета об образовании ЧУСО послужило, вероятно, для историков основанием заявить: «Чрезкомснаб, действовавшая до этого, была упразднена»⁹³. Утверждение неверное. Причин ошибки, на наш взгляд, несколько: действительно, бюрократический аппарат ЧУСО создавался на базе уже существовавшего в Чрезкомснаб, предложения об этом стали поступать А. И. Рыкову сразу после появления декрета ВЦИК⁹⁴, что и было сделано в центре, в Москве, в чем мы убедимся несколько ниже; сам Чусо А. И. Рыков редко и почему-то неохотно упоминал о Чрезкомснаб — даже его достаточно известный доклад в ЦК РКП(б) 16.07.20 г. о годичной истории ЧУСО скорее наталкивает на мысль о возникновении ЧУСО из ничего⁹⁵; наконец, отход Л. Б. Красина от управления Чрезкомснаб лишил ее того привлекательного имиджа, который так почитается исследователями: мы больше знаем о Л. Б. Красине того времени, как о паркове путей сообщения или торгиреде в Лондоне.

На самом деле Чрезкомснаб продолжала существовать (выполняя свои довольно обширные функции) и после создания ЧУСО вплоть до появления приказа Чусо № 115 от 04.10.19 г., подписанного совместно А. И. Рыковым и Л. Б. Красиным⁹⁶, которым с 5 октября ее функции и сотрудники (в центре и на местах) окончательно передавались аппарату ЧУСО; договоры и соглашения, ранее заключенные Чрезкомснаб с частными лицами и учреждениями, как сказано в приказе, сохраняли «полную силу с переходом всех прав и обязательств по ним к ЧУСО»⁹⁷; 17 октября объявлена перерегистрация кадров с выдачей удостоверений «от имени ЧУСО»⁹⁸. Большая часть сотрудников Чрезкомснаб по распоряжению А. И. Рыкова от 14 октября оставалась в Управлении ЧУСО, в так называемом «межведомственном финансовом совещании»⁹⁹; 40 человек переведены в образованный при ЧУСО Совет военной промышленности (СВП)¹⁰⁰.

Что касается периферийных органов Чрезкомснаб, то они до приказа Чусо № 115 полностью оставались в прежней структуре, за исключением разве что Западного отделения, приказом УчусоЗап № 2 от 18.08.19 г. объявленного техническим аппаратом УчусоЗап, а 5 сентября переданного в канцелярию его заместителя¹⁰¹; туда тотчас, по распоряжению Л. Б. Красина, выехал З. О. Тамаркин для ликвидации дел¹⁰². Остальные губернские отделения или ликвидировались, как было, например, с Пензенским, имущество которого передавалось Пензенскому отделу ЦОВЗ¹⁰³, или становились основой создававшихся аппаратов УЧУСО, как в Туркестане, когда туда переехали служащие бывшего Самарского губернского уполномоченного Чрезкомснаб; но все это происходило уже после приказа Чусо № 115¹⁰⁴.

Слияние местных бюрократических структур Чрезкомснаб с аналогичными в ЧУСО растянулось до февраля 1920 г.¹⁰⁵; да с этим и не спешили, так как понимали формальность переподчинений, главным было — придать прежнему аппарату новые «сверхчрезвычайные» функции, для чего не требовалось существенных внешнеорганизационных мероприятий, по крайней мере на местах.

§ 2. Появление советского военно-бюрократического аппарата обеспечения Красной Армии

Столь пристальное внимание, уделяемое административному построению системы чрезвычайных органов снабжения Красной Армии, в частности, ЧУСО (в соответствии с изме-

павшими задачами ЧУСО и усложнявшейся структурой его можно разделить на время с июля 1919 г. по февраль 1920 г., затем до ноября 1920 г., и третий этап — до окончательной ликвидации ЧУСО в октябре 1921 г.), преследует двойную цель: дать схематический абрис практической деятельности ЧУСО во всех сферах ее многогранного влияния на экономику республики; проследить развитие одной из важнейших ветвей формировавшейся АРС — становление советского военно-бюрократического аппарата управления.

Как во всякой бюрократической структуре, в Управлении ЧУСО постоянно будут происходить организационные изменения, но особая интенсивность их наблюдается на этапе до февраля 1920 г., когда из бывшего аппарата Чрезкомснаб создавался по-настоящему чрезвычайизированный инструмент исполнительной власти. Инспектор РКИ А. Я. Левин, обследовавший Управление ЧУСО в мае 1920 г., заключал: «Расцвет... ЧУСО отнесется к периоду ... с августа по декабрь 1919 г.»¹⁰⁶. Но если внимательно отследить приказы по Управлению ЧУСО (с 01.11.19 г. по 08.08.21 г. их вышло 341)¹⁰⁷, приняв во внимание и кадровые перестановки, то это время следует сдвинуть до конца февраля 1920 г. (подробней об этом разговор пойдет в соответствующем месте).

Представление о первоначальной структуре Управления ЧУСО (хотя и отличной, но не очень существенно, от аналогичной в Чрезкомснаб) дают такие документы, как «Штатное расписание Управления ЧУСО» и «Краткое содержание сферы деятельности ЧУСО по отделам и отделениям его Управления»¹⁰⁸, а также масса других поясняющих документов.

Изменился Секретариат. Главным делопроизводителем Управления — его секретарем — с 15.07.19 г. стал З. Н. Доссер, переведенный А. И. Рыковым из Коллегии топливного отдела ВСНХ¹⁰⁹ и 01.08.19 г. назначенный управляющим делами ЧУСО (незаконченное высшее образование — институт инженеров путей сообщения и юридический факультет Петроградского университета; в прошлом — статистик-нефтяник)¹¹⁰. После окончательного слияния Чрезкомснаб и ЧУСО должность помощника Чусо, назначенного приказом Чусо № 123 от 08.10.19 г., с подчинением ему технического бюро, финансового и хозяйственного отделов, занял П. А. Юзбанев¹¹¹, в Чрезкомснаб руководивший (с июля 1919 г.) работой межведомственного финансового совещания и продолжавший это делать теперь в ЧУСО¹¹². Ему передано и административное руководство Управлением: управленческие приказы он подписывал до

конца февраля 1920 г.¹¹³ Одновременно с П. А. Юзбашевым на должность помощника управляющего делами пришел С. С. Отрадинский (имел превосходное образование — юридический лицей в Москве, Бейрутский университет в Сирии и Каирский в Египте, Александровское военное училище; знал три языка; в прошлом — младший офицер военно-административной части; с 01.08.19 г. назначен на должность помощника Главначснаба, до этого — старший инспектор инспекции ЦУС)¹¹⁴, продолжавший до конца января 1921 г. совмещать должность помощника Главначснаба в ЦУС¹¹⁵. Обязанности личного секретаря Чусо А. И. Рыкова с 01.08.19 г. исполняла Е. В. Артеменко.

Активно пополнялся институт «состоящих для поручений» при Чусо, как, например, уже известная О. Б. Гречнева, зачисленная «для особых поручений политико-экономического характера»¹¹⁶. Среди этой категории «чусей» вводилась определенная градация: «для поручений», «для особых поручений» различного разряда и т. д. Полученное А. И. Рыковым право перераспределения кадров военных снабженцев привело к наличию в ЧУСО постоянно существовавшей группы лиц, находившихся какое-то время в так называемом «особом распоряжении Чусо — Г. Е. Азерлян, например, переводившийся из Правления ЦОВЗ в аппарат Главначснаба ЦУС¹¹⁷; или «в резерве Чусо» — И. М. Рождественский, бывший полковник военнo-хозяйственной службы, ожидавший назначения¹¹⁸... Список можно продолжать долго.

Наиболее крупный — общеадминистративный отдел имел несколько отделений: фронтовое, тыловое (или исполнительное), личного состава, регистрационно-архивную часть, переписочное бюро, информационное отделение¹¹⁹. Руководил им с 05.10.19 г. А. Б. Миссия¹²⁰, а с 01.01.20 г. — А. А. Полубояринов (юридическое образование — Московский университет; ранее работал нотариусом саратовской судебной палаты, управляющим делами саратовского ГСНХ)¹²¹. Н. А. Голубев стал заведовать тыловым отделением, а также отделением личного состава¹²².

Формально в составе общеадминистративного отдела оставалось техническое бюро (бывший технический отдел Чрезкомснаб, которое по объему своих функций фактически выросло в специальный отдел. Но в связи с тем, что параллельно в ЧУСО шло оформление Совета военной промышленности (о чем мы будем говорить отдельно), вбравшего многое из того, что делалось в техническом бюро, оно не выделялось

в особую структуру. Техническое бюро регулировало межведомственные связи, обеспечивавшие снабжение армии и военно-промышленных предприятий; занималось перераспределением дефицитного сырья, топлива и материалов; согласовывало действия подсистем ЧУСО с директивами Главков и Центров ВСНХ; осуществляло и прямое руководство предприятиями, не относящимися к ВСНХ или к Совету военной промышленности (СВП); давало технические заключения по разного рода проектам изобретений, пригодных для военных нужд¹²³; одним словом, выполняло роль «толкача» по самому широкому кругу вопросов. В руководстве техбюро произошли изменения: вместе с переходом туда вещевого отдела властные функции с 05.10.19 г. отошли к П. В. Аникиеву (с 16.12.19 г. назначен еще и членом Президиума ЦОВЗ)¹²⁴. Два его помощника — Г. А. Ангерт и Л. П. Чебышев — осуществляли контроль за прохождением заказов соответственно обмундировочного и артиллерийского снабжения¹²⁵.

При техбюро обосновалось утилизационное бюро, история возникновения которого несколько конфузна. Инспектор снабжения Южного фронта М. В. Златогоров 15.10.19 г. обратился в Главснабпродарм с предложением создать там отдел пищевой техники с инспекцией по утилизации на фронте скота и передаче ему консервных заводов для использования их «самым интенсивным образом... для утилизационных операций»¹²⁶. Ц. Гейне из Главснабпродарма назвал это «кабинетными размышлениями русского интеллигента» и посоветовал М. В. Златогорову заняться своими прямыми обязанностями, но тот не унимался и написал об этом А. И. Рыкову, в результате был издан приказ Чусо — обсудить на межведомственном совещании. Так появилась объяснительная записка «К проекту положения о бюро по борьбе с падением скота и по утилизации падали при ЧУСО, именуемого для краткости — санутильбюро»¹²⁷. После научного доклада в пищевом институте, сделанного В. С. Садиковым («К вопросу об использовании животных остатков и целых организмов»), и рекомендаций очередного межведомственного совещания и возникло утильбюро при техбюро ЧУСО, утвержденное А. И. Рыковым 10.12.19 г. (приказ № 236)¹²⁸. На должность его заведующего в конце декабря 1919 г. из ВСНХ направили Н. С. Барминцева¹²⁹. Занималось оно общим руководством «сбора и утилизации трупов павших животных как в тыловых, так и в прифронтовых местностях»¹³⁰. Однако вскоре в связи с тем, что в ЧУСО окончательно избавился от организации снабжения армии продовольствием (последняя обременительность — Управление кол-

сервной промышленности — передавалось Главснабпродарму), утильбюро стало заниматься сбором старой обуви, тряпья и проч.¹³¹

Финансовым отделом по-прежнему руководил А. И. Соболев. С получением ЧУСО двухмиллиардного Особого оборотного фонда, а также с созданием СВП, начинавшего активно тратить деньги, работы в отделе прибавилось, появился помощник — В. А. Борденев (в прошлом — военный чиновник)¹³².

Автор проекта создания юридического отдела (представленного еще в Чрезкомснаб), консультант «для особых поручений» П. В. Рождественский (окончил юридический факультет МГУ; до революции работал юрисконсультom в военных частях (прапорщик), юрисконсультom московского губернского земства; после революции — юрисконсульт московского губсовдепа, помощник юрисконсульта Главного броневого Управления Наркомвоен¹³³) смог реализовать свои планы лишь с созданием ЧУСО. Он и возглавил в октябре 1919 г. юридический отдел¹³⁴, занимавшийся возбуждением ходатайств о милитаризации предприятий и учреждений, поддерживавший связь с Центральной комиссией по отсрочкам от призыва в Красную Армию, разрабатывавший штаты органов ЧУСО¹³⁵.

Заканчивают список несколько вспомогательных отделов: хозяйственный (хозчасть, санчасть, комендатура), статистический, «особый», служба связи, общая регистратура (журнальная часть и экспедиция)¹³⁶. Последней руководил П. А. Гурский, человек малообразованный, в прошлом — конторский работник¹³⁷. Хозяйственным отделом управлял И. С. Дудаков, до этого — начальник службы связи в Чрезкомснаб¹³⁸.

Преобразование Управления Чрезкомснаб в Управление ЧУСО сопровождалось ростом числа занятых в нем сотрудников: в октябре 1919 г. зарплату там получали 228 человек (почти как в Чрезкомснаб на момент ее ликвидации), но это без персонала СВП (несколько отстававшего в своем формировании — в декабре там было 103 человека), а всего в Управлении ЧУСО на конец 1919 г. в штатном расписании состояло 337 человек¹³⁹ — в полтора раза больше, чем в Чрезкомснаб. Содержались они внебюджетно — за счет Особого оборотного фонда ЧУСО¹⁴⁰. Преимущества такого «автономного» финансирования очевидны, если принять во внимание раскручивающуюся спираль инфляции и жалобы, приходившие в ЧУСО с мест на недостаточность получаемых по приказу РВСР № 900 окладов, которые, как сообщалось, например, из могилевского уездвоенкомата, «гораздо ниже прожиточного минимума ввиду возрастающей дороговизны»¹⁴¹. С 01.09.19 г. реше-

нием правительства республики зарплату совслужащим увеличили почти вдвое (от 60 до 100 %) по всем 35 существовавшим тогда категориям, прежде всего — низко- и среднеоплачиваемым¹⁴². Отреагировал на это и военвед, издав приказ РВСР № 1900, по которому с 01.01.20 г. высокооплачиваемые в прошлом сотрудники военведа (в т. ч. и в ЧУСО) в процентном отношении получили малую прибавку, а с учетом разного рода выплат и доплат, которые тоже менялись, и хоклады оказались даже ниже тех, которые они получали до приказа РВСР № 1900. В ЧУСО вышли из положения достаточно просто: П. А. Юзбашев и А. И. Соболев предложили А. И. Рыкову установить им (таких набралось 46 человек) оклады «в пределах 35 разряда сентябрьских ставок 1919 года», т. е. в пределах 4800 р.¹⁴³ Предложение было принято. Дело в том, что А. И. Рыков имел эксклюзивное право устанавливать ставки «чусям», и лишь так называемые персональные оклады (т. е. свыше 35-го разряда тарифной сетки) подлежали согласованию в совнаркомовской тарифной комиссии¹⁴⁴. Была попытка и эти оклады передать «особым порядком» в ведение Чусо, но она встретила возражения со стороны председателя тарифной комиссии СНК П. И. Стучки¹⁴⁵. Протекционистской оказалась и введенная А. И. Рыковым в Управлении ЧУСО премияльная система оплаты труда (один пропущенный день — независимо от причины — снижал премию на четверть, 2 — на половину, 3 — лишали ее совсем; отсутствие пропущенных дней увеличивало оклад на 25 %)¹⁴⁶, которая, как свидетельствуют требовательные ведомости на зарплату, только в исключительно редких случаях вела к уменьшению окладов — почти всегда они приближались к «потолковым» размерам. Аппаратные традиции Чрезкомснаб не только сохранялись, но и совершенствовались.

Административные расходы в 1919 г. по Управлению (Чрезкомснаб и ЧУСО) — с учетом затрат на Цекомпродарм (1 136 316 р.) и губернских уполномоченных (1 879 107 р.) — составили 14 878 949 р., из которых личному составу Управления досталось 6 818 111 р.¹⁴⁷, остальные пошли на хозяйственные пужды. Темпы «поедания» бюрократическим аппаратом «чусей» внебюджетных расходов на его содержание выражались арифметической прогрессией.

В 1920 г. на расходы по личному составу Управления ЧУСО, на штаты, утвержденные А. И. Рыковым 25.11.19 г., предполагалось истратить 9 761 640 р.¹⁴⁸, т. е. прежняя прогрессия закладывалась теперь в план. Видя такую перспективу, заместитель наркома госконтроля В. А. Аванесов 31.01.20 г.

напомнил А. И. Рыкову, что «штаты центральных и местных органов ЧУСО выработаны и проведены в жизнь не только без всякого участия поверяющих ведомств, но и не имеют законного утверждения» и предложил устранить это недоразумение¹⁴⁹. Пожелание, как убедимся далее, тщетное, более того — суммы расходов значительно увеличатся.

По мере роста авторитета и объема работ системы ЧУСО расширялось и ее присутственное место. В конце августа 1919 г. «для нужд Чусо Рыкова» потеснили Главснабпродарм; к октябрю постарались избавиться от бывших хозяев дома, давая предельно короткий срок на сборы с предложением поискать жилье самостоятельно через жилищно-земельный отдел московского совдепа: а 01.11.19 г. завхоз Поляков предложил начальнику хозяйственного отдела И. С. Дудакову «для пользы дела... взять в ведение ЧУСО все владения б. Оловянныхниковых», но помощник Чусо П. А. Юзбанев помешал, не согласившись пока¹⁵⁰.

Июльское 1919 г. постановление ВЦИК о создании системы ЧУСО не конкретизировало ее структуру. Но, как явствует из документов, одновременно с подготовкой постановления о ЧУСО готовился и проект постановления Совета Оборон о региональных и функциональных подсистемах ЧУСО — Уполномоченных ЧУСО (УЧУСО). Его разрабатывали в специально созданной комиссии (З. И. Абезгауз, И. И. Межлаук, А. М. Тамарин), к которой 09.07.19 г. присоединился А. Л. Коллегаев, предложивший: Управления УЧУСО создавать из местных отделов Чрезкомснаб, жестко обособить УЧУСО от Реввоенсоветов, армейских начснабов подчинить УЧУСО, установить четкое географическое деление «вотчин» УЧУСО, разработать однообразные штаты их Управлений¹⁵¹. С этим проектом А. И. Рыков 30.07.19 г. выступил на заседании Совета Оборон (прот. № 60), потребовав для себя персонального права назначения своих уполномоченных на фронты, которые входили бы в составы Реввоенсоветов «по всем вопросам снабжения»; предложение было принято, а А. И. Рыкову поручено составить особую инструкцию по правам, обязанностям и полномочиям его представителей¹⁵². Но прошло довольно много времени, прежде чем приступили к подготовке этой инструкции: мало кто представлял себе институт уполномоченных — ждали эмпирического опыта; не спешили к тому же и из-за отсутствия острой необходимости — «чрезвычайные» действия уполномоченных легче укладывались в безнормативном поведении. Наконец, 06.12.19 г. в СВП собралась группа лиц (управляющий делами ЧУСО З. Н. Доссер, председатель

СВП П. А. Богданов, Главначснаб Л. Э. Аккерман, председатель ЦОВЗ А. Л. Коллегаев, УчусоЗап П. И. Судаков, Учусо-Турк И. Е. Любимов), которая и определила основные положения статуса уполномоченных ЧУСО на фронтах: им принадлежит исключительное право руководства предприятиями и учреждениями, работающими на армию, и контроля за остальными (с правом вмешательства «в экстренных случаях» в деятельность последних); они имеют «полные права членов РВС фронтов», а по вопросам снабжения «являются инстанцией, совершенно отдельной от РВС»; получают право отдачи приказов по органам снабжения фронтов; И. Е. Любимову поручено подготовить проект штатов Учусо на фронтах¹⁵³. Спустя два дня А. И. Рыков получил от И. Е. Любимова доклад о его «деятельности за период с 10.10 по 25.11.19 г.» в качестве УчусоТурк, где в дополнение к пожеланиям прошедшего совещания в СВП предлагалось: максимально быстро устранить законодательную неопределенность УЧУСО на фронтах; полностью подчинить им аппараты снабжения фронтов; расширить их влияние на местные СНХ; дать им право контроля за деятельностью всех предприятий ВСНХ и других ведомств, а также учета сырья, предоставить «четкое право» назначения чусо в армиях и право самостоятельного решения вопросов по штатам (т. е. расширения их)¹⁵⁴. Предложен был и проект штатов Управления УЧУСО на фронтах¹⁵⁵. Все это и легло в основу выработки положения об УЧУСО. Как справедливо заметил позже В. Дехтярев в статье «Учет и распределение снабженческих сил», статус Учусо фронтов был ничем иным, как статусом начснабов старой армии периода мировой войны — им придавалось более оперативное, чем хозяйственное значение¹⁵⁶. В сущности это была реанимация старых принципов управления снабжением армии, но для деятелей той поры она казалась откровенным революционным пафосом.

Первое персональное упоминание об уполномоченных ЧУСО мы встречаем в приказе Чусо № 35 (от 20.08.19 г.), сообщавшем о назначениях на Западном, Восточном, Украинском и Южном фронтах¹⁵⁷. Этим днем датирован и приказ Чусо № 36, разъяснявший некоторые правовые нормы поведения Учусо, выработанные ранее, но были и новые моменты: приказы Учусо — это приказы Чусо и отменить их может только он сам; Учусо подчинены все без исключения органы снабжения на местах (гражданские и военные, производственные, заготовительные и распределительные); Учусо несут полную ответственность за состояние всего снабжения фронта

и военно-промышленного производства; в сфере своей компетенции они получают право «назначения, смещения, ареста и придания суду всех должностных лиц»; им разрешалось давать сверхплановые задания местной промышленности¹⁵⁸. Вводился институт полномочных представителей УЧУСО в армиях с аналогичными правами и с правом назначения подчиненных им губернских чрезвычайных агентов¹⁵⁹. Прямая, простая и поэтому удобная для управления вертикаль исполнительной власти в сфере армейского снабжения была завершена организационно. Вместе с тем, учитывая, что под управление «чусей» подпадало и гражданское производство, мы вправе говорить о «чрезвычайной» модификации советской власти в целом.

Одним из первых фронтовых уполномоченных ЧУСО мандат получил П. И. Судаков, фактически вступивший в должность УчусоЗап еще 05.08.19 г.¹⁶⁰ Поскольку Управление УЧУСОЗап оказалось вынужденным иметь два центра — в Петрограде и Смоленске, то в первом заместителем П. И. Судакова А. И. Рыков утвердил М. А. Каттеля¹⁶¹, в другом с 17.08.19 г. возник аппарат помощника УчусоЗап В. В. Гомбарга, назначенного временно при РВС Западного фронта по совместительству с прежней должностью начснаба фронта¹⁶². Договорившись затем с А. И. Рыковым, П. И. Судаков назначил В. В. Гомбарга с 18.09.19 г. своим постоянным заместителем, продолжавшим, однако, оставаться и начснабом фронта¹⁶³. В октябре 1919 г. произошла реорганизация Управления УЧУСОЗап, центром все более тяготевшего к Петрограду. Сменилось отчасти и высшее руководство: в связи с переходом В. В. Гомбарга уполномоченным ЧУСО на Южном фронте, Управление в Смоленске принял назначенный помощником УчусоЗап А. Г. Гаврилов; на месте заместителя УчусоЗап М. А. Каттеля в Петрограде оказался второй помощник П. И. Судакова М. Л. Никифоров¹⁶⁴. С октября 1919 г. «чрезвычайная» номенклатура Западного фронта появляется на постах менее значительных: с 04.10.19 г. — чрезвычайный инспектор А. М. Арсеньев в Новгородской губернии, чусо Б. В. Барановский в 7-й армии; с 09.10.19 г. — чусо А. Я. Немировский в 15-й армии, ничусо А. Я. Шнеерсон в Могилевской губернии; с 14.11.19 г. — чусо А. С. Бениксон в 16-й армии; с 03.12.19 г. — ничусо А. Ю. Энтин и М. Фридман соответственно в Витебской и Смоленской губерниях; с 03.01.20 г., в связи с переводом по постановлению Совета Обороны от 10.02.20 г. 7-й армии на положение трудовой, ее чусо Б. В. Барановский преобразован в ничусо Псковской губернии¹⁶⁵.

Продолжая «чусоизацию» Северо-Западного района республики, 12(?) .10.19 г. А. И. Рыков назначил уполномоченным на Северном фронте (по существу — в 6-й армии) Э. В. Лугановского¹⁶⁶, пребывание которого в этой должности сопровождалось постоянными конфликтами с военным руководством — даже на бытовом уровне. В январе 1920 г. заместитель председателя РВТР 6-й армии Плавнек сообщил в РВТРР Сперанскому о неблагоприятном поведении Э. В. Лугановского, обвиненного его управляющим делами Ерманом в разврате сотрудниц Управления УЧУСОСев, как рецидиве его поведения еще в бытность представителем Совета Оборона на Украине; об этом стало известно Лейбану, а тот 23.01.20 г. сообщил А. И. Рыкову¹⁶⁷. Реакция была мгновенной — 26.01.20 г. издан приказ Чусо (№ 296) об освобождении Э. В. Лугановского от должности и замене его Н. П. Гиацинтовым¹⁶⁸. Ничего не подозревавший Э. В. Лугановский днями раньше жаловался А. И. Рыкову на интриги РВС 6-й армии, препятствовавшего назначению Н. П. Гиацинтова начснабом Северного фронта, о чем была достигнута договоренность в ЦК РКП(б) между А. И. Рыковым и Н. Н. Крестинским и что ранее А. И. Рыков сообщил Э. В. Лугановскому¹⁶⁹. Переподчинение в УЧУСОСев состоялось¹⁷⁰, но уже 11.02.20 г. появился приказ Чусо (№ 313), возвращавший Э. В. Лугановского к прежней должности, а Н. П. Гиацинтова делавший его заместителем¹⁷¹. Вполне вероятно, сказалось влияние Н. Б. Эйсмонта, готовившегося в это время принять дела от Чусо А. И. Рыкова в качестве его заместителя, а ранее работавшего в СНХ Северной области и хорошо знавшего тамошние кадры. Мотивировка возвращения Э. В. Лугановского выдержана вполне в духе правил аппаратных игр: «В связи с переходом армии к активным действиям на Северном фронте»¹⁷². Н. Б. Эйсмонт импонировала папористость его будущих коллег по ЧУСО — с этим мы встретимся неоднократно.

Одной из особых зон внимания советского правительства в середине 1919 г. оставался Восточный фронт. Там, среди первых, в качестве Учусо появился К. Г. Максимов: член Президиума ВЦИК; накоротке знакомый с А. И. Рыковым, бывший с ним на «ты»¹⁷³. Ему помогали в качестве помощников Учусо: с 07.08.19 г. — А. П. Брыков, ранее входивший в состав Коллегии ЦОВЗ¹⁷⁴, а с 12.08.19 г. — еще и С. К. Судьин, имевший опыт работы заместителя начснаба Западного фронта¹⁷⁵. Первоначально предполагалось, что С. К. Судьин будет назначен уполномоченным ЧУСО на Восточном фронте, но на стадии подготовки проекта постановления Совета Обор-

ны против этого высказался А. Л. Колегаев, считавший, что он «совершенно не подходит, даже более: будет вреден»¹⁷⁶.

В связи с частыми разъездами К. Г. Максимова по фронту многие из его обязанностей вскоре стали переходить к А. П. Брыкову, с 15.02.20 г. утвержденному поэтому в должности заместителя Учусо Вост и уравнивавшемуся с ним в окладе¹⁷⁷. С. К. Судьин, назначенный 09.10.19 г. начснабом Восточного фронта¹⁷⁸, все более отходил от «чусей».

В конце 1919 — начале 1920 г. (с утратой Восточным фронтом стратегического значения) на Урал и Сибирь все чаще стали смотреть как на перспективную военно-промышленную базу республики (подробней об этом речь пойдет отдельно) и поэтому в январе 1920 г. попытались разграничить полномочия между К. Г. Максимовым (на Урале) и А. П. Брыковым (в Сибири); с 30.01.20 г. К. Г. Максимов официально стал именоваться Учусо Урало-Сибирского округа (в конфиденциальной переписке этого времени встречаемся с «Учусо Урала и Сибири» или просто — «Учусо Сибири»)¹⁷⁹.

Посты «чусей» в армиях Восточного фронта представители К. Г. Максимова получили с 03.09.19 г.: в 3-й — В. Ф. Ваничков; в 5-й — И. И. Матрозов¹⁸⁰. Последнего в октябре 1919 г. сменил М. Н. Калашников, до этого достаточно поколесивший по республике в разных военно-снабженческих должностях, последней из которых была начснаб Восточного фронта — человек малообразованный, но очень амбициозный¹⁸¹. Встречаемся мы в это время на Восточном фронте и с представителями ЧУСО в дивизиях, появившимися там в ноябре 1919 г.¹⁸².

Короткое время в должности Учусо на Украине (Киевский, Одесский и Харьковский военные округа) пробыл Л. З. Аккерман: будучи до этого помощником Главначснба, он уже 24.09.19 г. приступил к исполнению прежней должности (в качестве начальника Главного хозяйственного Управления), вместо переходившего в номенклатуру ЧУСО З. И. Абезгауза¹⁸³. Этому способствовала и реорганизация Украинского фронта, повлекшая за собой кадровые перестановки.

Наиболее «капризным» и доставившим немало хлопот «Центру» оказался Южный (Юго-Восточный, Кавказский) фронт. Не имея сведений о том, что приказом Чусо от 20.08.19 г. туда направлен в качестве Учусо З. И. Абезгауз, РВС фронта 26.08.19 г. затребовал у А. И. Рыкова «полномочного представителя», а узнав, кто назначен, стал противиться, предлагая на эту должность «своего» — члена РВС Л. Серебрякова¹⁸⁴. Но А. И. Рыков проявил настойчивость и 24.09.19 г., освободив З. И. Абезгауза от должности начальника Главхоз-

упра и помощника Главначснба, перевел его на Южный фронт¹⁸⁵. Начались ссоры с командованием и, разумеется, интриги последнего. Кончилось тем, что 03.10.19 г. З. И. Абезгауз А. И. Рыков перевел на вновь создававшийся Юго-Восточный фронт, а на Южный отослал с должности пачснаба Западного фронта и помощника УчусоЗап В. В. Гомбарга¹⁸⁶. Но и на этот раз не обошлось без курьезов. Не зная о состоявшемся назначении В. В. Гомбарга, РВС Южного фронта 05.10.19 г. потребовал у А. И. Рыкова «срочно прислать УчусоЮж», недвусмысленно дав понять, что хотел бы видеть в этой должности «своего» Г. И. Муста, исполнившего в этот момент обязанности заместителя УчусоЮж¹⁸⁷. Узнав о назначении В. В. Гомбарга, РВС вновь заупрямился: 24.10.19 г. И. В. Сталин и А. И. Егоров предложили А. И. Рыкову кандидатуру Н. Преображенского, а В. В. Гомбарга — его заместителем¹⁸⁸. Теперь в позу встал А. И. Рыков. Дело в том, что еще ранее Н. Преображенского направили на Южный фронт на должность чусо 14-й армии (как это предлагал 13.8.19 г. А. И. Рыкову Л. Д. Троцкий), но РВС Южного фронта возвратил Н. Преображенского назад, поэтому в ответ на предложение фронта А. И. Рыков в телеграмме от 30.10.19 г. нарочито подчеркнуто разъяснил: «В назначениях считаю необходимым выдерживать некоторое постоянство и избегать перемещений без особых оснований, дабы... лично работать с некоторой уверенностью» и посоветовал в заместители В. В. Гомбаргу Шефлера¹⁸⁹. Примерно то же пояснил А. И. Рыков и Л. Д. Троцкому телеграммой от 1.11.19 г. в Петроград¹⁹⁰. Насчет «особых оснований» А. И. Рыков был отчасти неправ: Н. Преображенский имел солидный опыт армейской снабженческой работы в старой армии, был одним из «прозорливцев» системы ЧУСО и уравнивать его с В. В. Гомбаргом, а тем более с Г. И. Мустом, было некорректно. Заметим кстати, что о Н. Преображенском довольно лестно отзывались с Урала, куда он уехал после перипетий на Южном фронте¹⁹¹. РВС Южного фронта не оставалось ничего другого, как согласиться с А. И. Рыковым и попытаться сохранить хотя бы Г. И. Муста: в ответ на предложение В. В. Гомбарга А. И. Рыков утвердил его в должности заместителя УчусоЮж «с оставлением в должности комиссара снабжения Южного фронта»¹⁹².

Назначенный на Юго-Восточный фронт, З. И. Абезгауз и там начал с того, что перессорился с РВС (В. И. Шорин, И. Т. Смилга, В. А. Трифонов), на него пошли жалобы о «превышении полномочий»; разозлившийся А. И. Рыков пообещал отдать его под суд; но кончилось все полюбовно и даже

с объявлением З. И. Абезгаузу «товарищеской благодарности» за «весьма энергичную организацию снабжения войск»¹⁹³. Заместителем З. И. Абезгауза на Юго-Восточном фронте (с 16.01.20 г. преобразовывался в Кавказский) был Н. М. Шверник (в прошлом — рабочий, без особого образования, после октябрьского переворота занимал ряд видных должностей в ЦЕПАЗ и на совдеповской работе)¹⁹⁴.

Последним из числа первых назначений фронтовых уполномоченных ЧУСО оказался Туркестанский фронт, куда по приказу Чусо № 73 (от 11.09.19 г.) отправился И. Е. Любимов, получив в заместители себе А. Н. Войтова (человека почти без образования, до этого — с мая 1919 г. — комиссарившего на Туркестанском фронте)¹⁹⁵. Первые шаги «чусей» и здесь не отличались оригинальностью: напористость, «превышение полномочий» и проч.; пошли жалобы в центр, за что А. И. Рыков одного отругал, а в отношении другого отдал даже приказ (№ 254 от 20.12.19 г.) об аресте и предании суду — история эта протянется до марта 1920 г.¹⁹⁶

Как и на Западном фронте, у УчусоТурк возникло два центра, первоначально в Самаре, затем в Ташкенте, уезжая в который И. Е. Любимов приказом № 2 (от 25.01.20 г.) своим «помощником-заместителем» в Самаре назначил Я. А. Андреева¹⁹⁷. Ранее, по прибытии в Самару, УчусоТурк направил своих представителей в армии фронта: в 1-ю — чусо В. Ф. Плетнева (до этого — член Президума московского ГСНХ); в 4-ю — М. А. Короткова (оставившего должность члена Президума иваново-вознесенского ГСНХ); в Оренбургской губернии иначусо стал Г. Г. Хрусталева¹⁹⁸.

Приходившие в сферу военного ведомства «чрезвычайные» обособленцы несли в себе полувойенные, полугражданские функции. Их деятельность для военного руководства была малопонятной и потому слабоприемлемой. А заниматься им приходилось почти универсальным кругом проблем: организацией военно-промышленного производства; учетом и перераспределением сырья, топлива и трудовых ресурсов; созданием органов ВСНХ на местах; реорганизацией военно-распределительных органов в частях, соединениях и объединениях; предотвращением расхищения имущества воинскими частями и др.¹⁹⁹ В их работе не было однотипности, а разные уровни квалификации и даже просто — образованности отягощали их импровизацию, подталкивали к произволу. Вместе с тем казалось, что положение, в которое первоначально поставили себя уполномоченные ЧУСО на фронтах, позволяло надеяться на переход к ним как области производства, так и сферы распре-

ления военного имущества. Но это только на первый взгляд — с течением времени расклад полномочий — станет меняться. Здесь отметим только, это нетрудно заметить, первая волна образования УЧУСО на фронтах отличалась спонтанностью, с самого начала дававшей о себе знать обилием коллизий во взаимоотношениях с военным руководством, объяснявшимся ненормативным и неуставным положением «чусей», дававшим одним повод вести себя высокомерно и позволявшим другим пренебрегать «чрезвычайными» полномочиями первых.

Следующим этапом организационной «чусоизации» на местах стало административное строительство — создание аппаратов (Управлений УЧУСО, ЧУСО и ИНЧУСО), картина которого столь же пестра, как и порядок назначений на должности.

С образованием УЧУСОЗап его Управление возникло в Смоленске, одновременно — временная канцелярия в Петрограде; первоначально в Петрограде использовался аппарат Чрезкомснаб Западной области, затем, после приказа УчусоЗап (от 05.09.19 г.) — по договоренности с А. И. Рыковым — Западное отделение Чрезкомснаб окончательно расформировали, передав его в канцелярию заместителя УчусоЗап М. Л. Никифорова; после 01.11.19 г. (прик. Чусо № 172) Управление УЧУСОЗап окончательно перешло в Петроград, а в Смоленске остался аппарат помощника УчусоЗап А. Г. Гаврилова, которого иногда заменял член РВС фронта Потьев²⁰⁰. На Восточном фронте после приказа УчусоВост № 1 (от 03.08.19 г.) формированием Управления в Симбирске занялся Н. В. Менгден, назначенный его секретарем; затем Управление УЧУСОВост переехало в Уфу, а с 17.01.20 г. — в Екатеринбург²⁰¹. Управление УЧУСОСев обосновалось в Вологде²⁰². Что до Туркестанского фронта, то там первоначально остановились на Самаре, где по приказу УчусоТурк № 1 (от 19.10.19 г.) «Уполномоченный Чрезкомснаб Самарской губернии и его аппарат с 20.10.19 г. передавались в Управление УЧУСОТурк со всеми служащими», а с января 1920 г. началась подготовка к переезду в Ташкент, о чем И. Е. Любимов писал А. И. Рыкову 10.01.20 г. и куда он отправился 25.01.20 г.: подготовительная работа в Ташкенте велась членом комиссии ВЦИК по обследованию советской власти на Туркестанском фронте Я. Э. Рудзутаком²⁰³. На южных фронтах аппараты Управлений УЧУСО находились в постоянном передвижении и четко фиксированных мест пребывания, как правило, не имели.

Первыми нормативными документами, регулировавшими штаты УЧУСО, а также структуру и штаты их Управлений,

были приказы Чусо № 65 (от 22.08.19 г.) и № 113 (от 03.10.19 г.); первый одновременно объявлял и штаты УЧУСОЮж в количестве 24 человек; столько было назначено УЧУСОТурк и Управлениям других УЧУСО²⁰⁴. Однако вскоре стало ясно, что этого крайне недостаточно: пошли жалобы на малочисленность штатов — от И. Е. Любимова, например²⁰⁵; но в центре были непреклонны — даже когда УчусоЮж попросил 15.10.19 г. увеличить ему штат на одну единицу, юридический отдел ЧУСО отказал²⁰⁶. Но уже 29.10.19 г. вышел приказ Чусо № 171, который задним числом (с 15.10.19 г.) разрешил УЧУСО иметь штаты до 65 человек, а следом (прик. Чусо № 172 от 01.11.19 г.) увеличили и общие штаты Управлений УЧУСО до 129 человек; приказом Чусо № 171 объявлялись также типовые структуры Управлений фронтовых УЧУСО: у Учусо — два помощника, управляющий делами, шесть человек «для специальных поручений», пять «для поручений» и шесть секретарей; 10 отделов — обмундировочный, обозный, кожаненно-брезентовый, автотехнический, фронтового снабжения, инспекторский, общий, финансовый, заготовительный и отдел складов; два легковых автомобиля и мотоцикл²⁰⁷. Но это была лишь констатация положения — штаты на местах росли и без того. Кавказскому фронту, например, добавили недостающих только 25 человек; Восточному лишь утвердили существовавшие с 01.08.19 г. 62 человека, а также штаты в армиях и дивизиях; а на Западном фронте только для помощника УчусоЗап в Смоленске П. И. Судаков запросил 63 человека, в то время как в Петрограде временная канцелярия в 12 человек с конца августа (после передачи УЧУСОЗап петроградского филиала ЦУС — только там 67 человек — и всех снабженческих учреждений Петрограда) выросла очень значительно²⁰⁸.

Чтобы все это оплатить, требовались большие суммы денег — сметная стоимость одного фронтового Управления УЧУСО на 1920 г. предполагалась приблизительно в 2 520 000 р. (это только на содержание личного состава и даже без процентных надбавок и прочих доплат, а также без хозяйственных расходов, которые, как показывал опыт 1919 г., составляли примерно столько, сколько требовалось на оплату личного состава, а часто и намного больше. По смете УЧУСОЮж, например, на первую половину 1920 г. для Управления запланировали 3 194 000 р., из которых личному составу причиталось 854 100 р., т. е. 26,7%); для сравнения напомним: вынаты всем губернским уполномоченным в 1919 г. (Чрезкомснаб и Главснабпродарм) составили 1 879 107 р.²⁰⁹. А аппарат желал

получать как можно больше: УчусоЮж, например, в октябре 1919 г. потребовал от ЧУСО платить ему и его заместителю по XVIII и XVII разрядам соответственно (4000 и 3700 р.) вместо назначенных приказом Чусо № 108 (от 26.09.19 г.) XVI и XV разрядов, «как члену РВС фронтов и армий»; в ЧУСО отказали, но факт сам по себе показателен²¹⁰.

С июля 1919 г. и до начала 1920 г. А. И. Рыков самым активнейшим образом занимался вопросами ЧУСО и в первую очередь — организационными, но в начале 1920 г. перед ним встала дилемма — куда сместить центр внимания: оставаться ли в ВСНХ, или окончательно «врасти» в ЧУСО? Совмещать то и другое оказалось выше пределов человеческих сил. К тому же в конце 1919 — начале 1920 г. появились надежды на окончание гражданской войны, а следовательно, и ликвидацию ЧУСО: в январе 1920 г. там был подготовлен даже проект постановления о прекращении его полномочий²¹¹. Выбор пал на ВСНХ. Но и ЧУСО оставлять окончательно впредь не предполагалось. Нужен был человек — заместитель, отдав которому большую часть своих обязанностей, но оставив за собой право верховного контроля, можно было бы выйти из положения. Вскоре такой человек нашелся.

Получив по декрету ВЦИК от 09.07.19 г. «неограниченные права в области кадровых перемещений, имеющих отношение к снабжению армии»²¹², А. И. Рыков стал интенсивно «отселять» кадры, подбирая их для «чусей». Возвратив с должности УчусоУкр Л. З. Аккермана, он назначил его с 24.09.19 г. начальником Главхозуир и одновременно помощником Главначснаба вместо З. И. Абезгауза, отправлявшегося на Южный фронт в качестве Учусо²¹³. Спустя два месяца на месте Л. З. Аккермана оказался В. Я. Рискин, ранее его замещавший и затем стабильно проработавший в этой должности до октября 1920 г.²¹⁴ Январь — февраль 1920 г. отмечены интенсивным перемещением снабженческих кадров. Так, начснбы Юго-Западного и Кавказского фронтов А. П. Евецкий и В. Сустов переводились в распоряжение Главначснаба; на место первого назначен начснб 13-й армии Гринько, второго — помощник Главначснаба Н. О. Дейч²¹⁵. Примеры можно множить. Среди этого кадрового движения выделяется приказ Чусо № 308 (от 02.02.20 г.), отправлявший Главначснаба И. И. Межлаука к Л. Б. Красилу в НКПС, а на его место назначавший Н. Б. Эйсмонта, недолгое время до этого работавшего в качестве заместителя Главначснаба; Л. З. Аккерман переводился из помощников в заместители Главначснаба²¹⁶. Карьера Н. Б. Эйсмонта головокружительна: 28 лет от роду, сын лесничего

с Урала, кемного учился в Петроградском политехническом (экономическое отделение) и на юрфаке Петроградского университета, меньшевик, активный участник октябрьского переворота в Петрограде — помощник Петроградского головы М. И. Калинина, по партийной мобилизации 1919 г. оказался в Москве в должности помощника, а затем заместителя Главначснба²¹⁷. Назначение Н. Б. Эйсмонта необычно еще и тем, что уже 13.02.20 г. А. И. Рыкову ответили из ЦК РКП(б) согласием на его просьбу назначить Н. Б. Эйсмонта заместителем Чусо, и в тот же день на заседании Совета Обороны (прот. № 99) был утвержден проект постановления, предложенный А. И. Рыковым, по которому ему предоставлялось право «в тех случаях, когда он найдет нужным, передавать т. Эйсмону все права, кои присвоены т. Рыкову, как Чусоснабарму»²¹⁸. Приказ Чусо № 318 (от 17.02.20 г.) сообщал о назначении Н. Б. Эйсмонта, к которому, как писал А. И. Рыков в приказе, переходило «руководство работой всех органов снабжения Наркомвоен, Наркоммордел, СВП, ЦОВЗ, ЧУСОфлотов и вообще всех лиц и учреждений, подведомственных мне, как Чусо», а также «все мои права по хозяйственным и финансовым мероприятиям»²¹⁹. Приказом Чусо № 319 (от 17.02.20 г.) Н. Б. Эйсмонт освободил себя от должности Главначснба, назначив туда Л. З. Аккермана, а его помощником — Г. Е. Азерляна²²⁰. Чуть позже Н. Б. Эйсмонт поправился, сообщив 26.02.20 г. о назначении Г. Е. Азерляна заместителем Главначснба²²¹. Перемены в кадровых назначениях были столь стремительны, а калейдоскоп малоизвестных лиц так обилил, что ЦУС, например, сбивое с толку созвучными фамилиями Аккерман и Азерлян, предложило ЧУСО исправить «ошибку» в «Известиях Наркомвоен» (№ 50 от 04.03.20 г.), опубликовавших приказ Чусо № 319: Л. З. Аккерман назначен мол не Главначснбом, а его помощником; ЧУСО пришлось подтверждать достоверность опубликованного²²².

С середины марта 1920 г. Н. Б. Эйсмонт окончательно и полноправно вошел в роль заместителя Чусо: 10.03.20 г. на заседании СРКО (прот. № 103) после предложения А. И. Рыкова посылать Н. Б. Эйсмону протоколы Совета Обороны, решено «ввиду изъятия» это делать; с 16.03.20 г. (прот. № 105) Н. Б. Эйсмонт начинает присутствовать на заседаниях Совета Обороны²²³.

Как видим, А. И. Рыков не стал исключением из общего правила формирования эшелонов большевистской власти. Как и многие его предшественники, а затем и последователи, он строго уложился в отработанную схему: молниеносный орга-

низационный напор на первых порах, затем передача части распределительных прав заместителю-профессионалу и оставление за собой запретительного вето. А. И. Рыков и впредь продолжал подписывать некоторые приказы ЧУСО, оказывать влияние на принятие важных решений и т. д., но текущая работа выполнялась теперь его заместителем. Выбор пал на Н. Б. Эйсмонта не случайно: человек достаточно новый в ЦУС, и тем не менее — Главначснпб, должен был, по мысли А. И. Рыкова, удачно справиться с задачей сближения ЦУС (орган Паркомвост) и ЧУСО (орган, скорее, ВСНХ). Как убедимся далее, расчет почти оправдался. Почти, так как А. И. Рыков не мог предвидеть перераспределения в будущем ролей в вышем политическом руководстве республики.

С приходом Н. Б. Эйсмонта стиль руководства в ЧУСО мало в чем изменился, оставаясь по-прежнему «чрезвычайным» по существу, он стал несколько цивильней по форме — Н. Б. Эйсмонт был все-таки человеком более интеллигентным, если допустимо здесь такое определение. Разумеется, с приходом Н. Б. Эйсмонта в Управлении ЧУСО произошли определенные организационные и кадровые перестановки. Среди тех, кто определял атмосферу Управления, мы все чаще станем замечать выходцев с Западного фронта и из Петроградского военного округа.

В большей мере изменения затронули Секретариат Управления. В связи с переходом П. А. Юзбашева на должность наркома Николаевской железной дороги, приказом Чусо № 348 (от 05.03.20 г.) он освобождался от должности помощника Чусо, а сама должность упразднялась²²⁴. Руководство Управлением полностью перешло к З. Н. Доссеру (ставшему управляющим делами ЧУСО) и его помощнику С. С. Отрадинскому — приказы по Управлению (с № 29 от 15.03.20 г.) подписывались теперь ими; одновременно к З. Н. Доссеру перешло общее руководство техническим бюро и финансовым отделом, ранее контролировавшимися П. А. Юзбашевым²²⁵. С апреля 1920 г. секретарем Управления (как в прошлом в Чрезкомснаб) стал Е. В. Отт²²⁶.

Многочисленные кадровые перестановки, начавшиеся в ЦУС в конце января — феврале 1920 г., бесспорно, делались «под Эйсмонта» и при его активном участии. Далеко не случайным, например, оказалось назначение 29(?) .1.20 г. (вместо С. С. Отрадинского) начснпа Западного фронта М. Д. Шенна на должность помощника Главначснпа (неполные курсы физико-математического и историко-филологического факультета).

тетов университета, участник войны — подпоручик, после революции — в армейских органах снабжения Петроградского военного округа²²⁷). Первый переводился в ЧУСО, а второй на некоторое время должен был занять выжидательную позицию, устроив свои дела на Западном фронте, куда он отправился сразу после слушания в Оргбюро ЦК РКП(б) 25.02.20 г. предложения А. И. Рыкова «заменить на Западном фронте Шеина с переводом его в Москву»; назначение обсуждалось в ЦК, так как ранее, оказывается, на имя Н. Н. Крестинского поступил донос-перевертыш от Кальмановича и с молгу бродком а Пярно, возражавших против перевода М. Д. Шеина и как бы вскользь замечавших, что хотя М. Д. Шеин и меньшевик, но «достаточно левого направления»; Оргбюро ЦК поддержало А. И. Рыкова²²⁸. Неохотно отпускали М. Д. Шеина и в РВС Западного фронта — В. М. Гитлис, И. С. Уншлихт и П. И. Судаков согласились только после обещания дать им взамен, «ввиду отсутствия других кандидатур», Э. В. Лугановского²²⁹. Окончательно расстаться с Западным фронтом М. Д. Шеину удалось лишь после 02.05.20 г., когда, наконец, он формально передал дела Э. В. Лугановскому²³⁰, так как фактически до этого уже работал в ЧУСО (в связи с временным отъездом Э. Н. Доссера на Кавказ Н. Б. Эйсмонт поручил ему с 26.04.20 г. руководство Управлением)²³¹. Вскоре у М. Д. Шеина появился и заместитель — В. Г. Коханович (политехникум в Петербурге, в годы первой мировой войны — эфрейтор, до ЧУСО — начальник канцелярии Управления снабжения Западного фронта)²³². Но и после возвращения Э. Н. Доссера и вступления его в прежнюю должность М. Д. Шеин приказом Н. Б. Эйсмонта № 628 (от 12.07.20 г.) был оставлен «в распоряжении ЧУСО» с сохранением всех прежних его обязанностей, в т. ч. и помощника Главнацнаба²³³. М. Д. Шеин в будущем прочно войдет в номенклатуру ЧУСО благодаря, безусловно, своей огромной работоспособности: в октябре 1920 г. он — председатель Коллегии Главкож ВСНХ, начальник фронтового Управления ЧУСО, врид управляющего делами ЧУСО, член бюро Совета Снабжения ВСНХ — просил А. И. Рыкова освободить его хотя бы от обязанностей в Главкож, выполнять которые не может из-за физического переутомления²³⁴.

При Управлении ЧУСО оставался, все расширяясь, институт «состоящих для поручений». Среди них К. В. Петров (поручик старой армии, университетское образование, в 1919 г. — старший инспектор снабжения на Западном фронте), И. М. Певанер и многие другие²³⁵. Обязанности личного секретаря

Н. Б. Эйсмонта лежали на Н. А. Барилович (Тавицкой), до ЧУСО работавшей старшей сотрудницей общей канцелярии Чрезкомснаб; с октября 1920 г. у Н. Б. Эйсмонта появился новый секретарь — Г. А. Базунов (выпускник ярославского кадетского корпуса, после октября 1917 г. — в чреждпродорганах, затем «для поручений» у В. В. Гомбарга на Западном и Южном фронтах)²³⁶.

С приходом Н. Б. Эйсмонта реконструирован крупнейший отдел Управления ЧУСО — общеадминистративный: он разделен на общий и административный²³⁷. Н. А. Голубев с 20.06.20 г., оставив тыловое отделение, сосредоточился исключительно на личном составе — руководстве кодификационно-штатным отделением общего отдела²³⁸.

Техническое бюро, оказавшееся в составе административного отдела, также претерпело изменения в руководстве: в середине апреля 1920 г. Л. П. Чебышев отбыл в Сибирь, а его обязанности, прежде всего по учету технических сил, стал исполнять Е. В. Отт; второй помощник заведующего Г. А. Ангерс с 01.07.20 г. сменил в этой должности П. В. Анникеева²³⁹. Наряду с уже существовавшим ранее при техбюро утилизационным бюро, возглавлявшимся теперь М. Л. Болотинным (в Чрезкомснаб заведовал информационно-статистическим подразделом технического отдела) и имевшим свои подразделения по регионам республики, как, например, контора Б. А. Зезина при УчусоЗаВО, в техбюро появился отдел железнодорожного и водного транспорта, руководимый И. И. Румянцевым²⁴⁰.

Судя по отчету о деятельности с января по 01.08.20 г., техбюро по-прежнему продолжало заниматься согласованием и проталкиванием спорных вопросов в деле обеспечения всем необходимым военно-промышленных производств, выполняя роль посреднической конторы, обладавшей реальной властью ЧУСО.

Недолгое время просуществовал в Управлении ЧУСО юридический отдел — в марте 1920 г. его ликвидировали; причину исчезновения установить не удалось, но уже 27.04.20 г. в ответ на запрос Козловского из общеконсультативного отдела Наркомост А. А. Полубояринов непонятно подробно сообщал, что в ЧУСО «ни юрисконсульта, ни юридического отдела, или отдела под другим названием, на который возложены функции юридического характера, не имеется»; это тем более странно, что по другим документам П. В. Рождественский после ликвидации юридического отдела, оставаясь в должности «для особых поручений», выполнял обязанности юрисконсульта ЧУСО²⁴¹.

Расширившимся и все усложнявшимся хозяйством Управления ЧУСО в 1920 г. продолжал руководить И. С. Дудаков²⁴⁹.

Оформившаяся в феврале — марте 1920 г. организационная структура Управления ЧУСО без особых изменений просуществовала до конца 1920 г. О тех незначительных перестановках и кадровых передвижениях, которые все-таки происходили, подробнее сообщим в соответствующих местах в связи с тем или иным сюжетом деятельности ЧУСО.

Количественный состав штата Управления ЧУСО в 1920 г. менялся мало: из все тех же 337 единиц штатного расписания в мае 1920 г. было занято 233 — 241 место (без штатов СВП)²⁴³, т. е. примерно так же, как и в конце 1919 г.

Временное штатное расписание, утвержденное А. И. Рыковым 25.11.19 г., нуждалось в совершенствовании. Впервые об этом заговорили 05.03.20 г. на совещании в финансовом отделе, когда встал вопрос о пересмотре штатов УЧУСОЗап; решили просить А. И. Рыкова создать специальную штатную комиссию, «в какой... рассматривать все вопросы по штатам»²⁴⁴. Такая комиссия под председательством П. В. Рождественского «для предварительного рассмотрения всех вопросов об изменении штатов УСО как в центре, так и на местах» была создана 11.03.20 г.; в нее вошли: от ЧУСО — П. В. Рождественский, от Наркомфин — заведующий подотделом сметного отдела бюджетно-расчетного Управления Ю. В. Городецкий и его заместитель С. И. Федоров, от РКИ — старший контролер технико-промышленного отдела А. И. Хомяков (позже его заменил В. И. Персиков²⁴⁵), от СВП — Г. Н. Парун-Саркисов²⁴⁶. На первом заседании комиссии 26.03.20 г. определили круг ведения вопросов, исключив из него рассмотрение окладов, а также решили подготовить положение о комиссии²⁴⁷. С 26.03.20 г. по 18.08.21 г. состоялось 90 заседаний этой комиссии (из них в 1920 г. — 53) — явное свидетельство особого внимания, уделявшегося в ЧУСО кадровым вопросам: обсуждались они тщательнейшим образом, со всеми атрибутами бюрократической казуистики. Во все время существования комиссии ее бессменным председателем оставался П. В. Рождественский²⁴⁸.

Вопросами штатных расписаний всех других военно-снабженческих органов ведала аналогичная комиссия при ЦУС, образованная приказом Чусо № 486 от 10.05.20 г. (председатель — К. Е. Городецкий, члены: Л. А. Александров, В. В. Соколов, представители РКИ, Наркомфин, а также «соответствующих довольствующих Управлений»)²⁴⁹. К концу 1920 г. таких

комиссий в военведе возникло, вероятно, так много, а их «практика» была настолько обильной, что РВСР вынужден был издать два специальных приказа (№ 1523 и № 2011), запрещавших ведомствам представлять штатные разработки без предварительного контроля в штатно-тарифной комиссии при Управлении делами РВСР²⁵⁰. Проталкивать штаты становилось все сложнее. Не потому ли в сентябре 1920 г. из ЧУСО просили Наркомфин разрешить Ю. В. Городецкому — одному из членов штатной комиссии ЧУСО — «совместительство... в ЧУСО в качестве сотрудника для поручений 1-го разряда»²⁵¹, в должности, довольно высоко оплачиваемой? Но судя по ситуации даже конца 1920 г. положение со штатами в ЧУСО оставалось неопределенно-произвольным. На одном из заседаний штатной комиссии (13.12.20 г.) в ответ на замечание М. Д. Шейпа о слишком навязчивом внимании РКИ к делам ЧУСО В. И. Персиков парировал: «Если бы у вас было основное Положение, по которому вы живете, то вас не беспокоили бы так часто»²⁵².

Несмотря на относительную стабильность численного состава штатов Управления ЧУСО, в 1920 г. расходы на его содержание выросли значительно. Как уже отмечалось, по смете 1920 г. на оплату личного состава Управления ЧУСО предполагалось израсходовать 9 761 640 р., но уже в феврале 1920 г. финансовый отдел ЧУСО довел эту статью расходов до 15 130 631 р., а в проекте расходной сметы ЦУС на 1920 г., куда предполагалось перевести и содержание Управления ЧУСО, ранее финансировавшегося из Особого оборотного фонда, видим еще более крупную цифру — 18 144 300 р.²⁵³ Попутно приведем одно любопытное сравнение, возникающее из ознакомления с проектом сметы ЦУС: на расходы по Управлению собственно ЦУС, осуществлявшего руководство всеми центральными довольствующими Управлениями военведе, планировалось 21 335 424 р. (на ЧУСО — 18 144 300) — это без содержания транспорта, которое выражалось соответственно в 64 782 726 р. (в ЧУСО — 3 612 560)²⁵⁴. Сравнение свидетельствует о довольно высокой ступени, занимаемой ЧУСО в ранжировании бюрократических структур времен военного коммунизма.

По проекту расходной сметы в целом по ЦУС в 1920 г. предполагалось истратить 151 734 442 р. (в мае 1920 г. Наркомфин незначительно скорректировал эту цифру в сторону уменьшения)²⁵⁵. Однако реальность намного превзошла расчеты: в октябре 1920 г. СНК (прот. № 566 от 08.10.20 г.) был вынужден утвердить расходную смету ЦУС за 1920 г. в сумме 309 839 942 р.²⁵⁶, т. е. более чем вдвое превысившую предпола-

гавшуюся. Разумеется, выросли и расходы по Управлению ЧУСО.

Из чего складывался такой стремительный рост затрат, попытаемся показать на динамике изменения оплаты личного состава Управления ЧУСО, а чуть ниже — на расходах по содержанию местных аппаратов УЧУСО, ИЧУСО и ЧУСО армий.

В июне 1920 г. изменилась система оплаты труда в республике²⁵⁷. Следом вышел приказ РВСР № 1200 от 24.06.20 г. (уточнявшийся затем приказом РВСР № 1282), переводивший военвед на новую восемнадцатирядную сетку тарифных групп²⁵⁸. Техника изменения была достаточно проста: из 35 разрядов сделали 18 и по каждому из них приказом РВСР № 1316, задним числом с 01.06.20 г. механически увеличили ставки на 50% (А. И. Рыкову, например, получавшему теперь содержание по 5-му разряду, причиталось 9 000 р. в месяц); то же проделали приказом РВСР № 1497 и с персональными окладами²⁵⁹. В отличие от военведа в целом, в ЧУСО положение оказалось иным. Там еще с 01.04.20 г. (приказ Чусо № 411) размер премиального вознаграждения довели до 50% оклада жалования, а с 01.08.20 г. увеличили его до 100%, что конечно же ставило «чусей» в гораздо более привилегированное положение в сравнении с военведом, где приказом РВСР № 1200 выплаты премиальных и сверхурочных отменялись²⁶⁰. Более того: вспомнив о предложении еще на первом заседании штатной комиссии (26.03.20 г.) включить в круг ее ведения рассмотрение окладов, тогда отвергнутом, 20.07.20 г. образовали специальную тарифную комиссию, призванную заниматься персональными окладами в ЧУСО; секретарем комиссии стал П. В. Рождественский²⁶¹. Справедливости ради следует отметить сравнительно высокий уровень квалификации служащих Управления ЧУСО — по сведениям управляющего делами С. С. Отрадинского, 20 человек из них владели иностранными языками; но не станем, однако, забывать, что рабочий день в Управлении ЧУСО продолжал оставаться шестичасовым²⁶².

В 1920 г. завершилась «экспроприация» дома Оловягиничиных: 02.05.20 г. приказом Чусо № 468 создана специальная комиссия, которой 06.07.20 г. (прик. Чусо № 624) указано срочно провести работу по полному «юридическому» закреплению здания за Управлением ЧУСО с выселением оставшихся там жильцов «в связи с развертыванием его (ЧУСО. — Н. И.) учреждений»; Н. Б. Эйсмонт запросил у СНК соответствующую документацию, а 11.11.20 г. обратился в СТО с предложением передать ему в полное пользование дом по Покров-

скому бульвару, 4 «общей площадью 10016 кв. аршин»²⁶³.

Одновременно с наращиванием «чрезвычайной» номенклатуры в центре в 1920 г. велась реорганизация и расширение структурных построений местных органов ЧУСО, совершенствовались их функции. До февраля 1920 г. образование местных представительств ЧУСО можно рассматривать как решение задачи собственно ЧУСО, т. е. относительно ведомственной. Дальнейшая история ЧУСО — это переход в новое качество действительно особоуполномоченных правительственных органов исполнительной власти, чьи действия теперь тесно увязывались с общегосударственным изменением хозяйственной конъюнктуры и военного строительства. Чтобы убедиться в этом, обратимся первоначально к геополитическому строительству низовых структур сети ЧУСО, попутно обратив внимание на их внутреннюю жизнь и кадровые перемещения. Последнему в монографии уделяется довольно много внимания по той причине, что тщательное отслеживание номенклатурных передвижений часто дает ключ к скрытым даже в документах мотивам принимавшихся решений и совершавшихся поступков в сложном лабиринте беспрецедентной по насыщенности бюрократизмом советской власти.

Весна 1920 г. примечательна для России еще и тем, что республику поделили на 13 военных округов, в каждом из которых система ЧУСО должна была определиться как структурная единица. Апрель — май 1920 г. отмечены рядом существенных передвижений в военно-административном строительстве ЧУСО.

В апреле 1920 г. в связи с ликвидацией Северного фронта упразднили УЧУСОСев (прик. Чусо № 439 от 20.04.20 г.)²⁶⁴. Вероятно, предвидя такой исход, УчусоСев Э. В. Лугановский, только что восстановленный в этой должности, 22.02.20 г. отправился в Архангельск, где попытался с помощью Г. Ломова и А. Эйдука закрепить за собой в должности заведующего отделением НКВТ, благо там интенсивно подсчитывали имущество, оставленное противником²⁶⁵. Но у Н. Б. Эйсмонта, озабоченного вставшей проблемой Западного фронта и наседавшим на него Л. Д. Троцким, были свои планы: отказав в ходатайстве, он решил использовать Э. В. Лугановского на Западном фронте, тем более, что в Архангельск уже послали председателя комиссии по бесхозному имуществу (Комбезхоз) Я. П. Брошштейна «со штатом ответственных сотрудников»; Н. Б. Эйсмонт просил Г. Ломова и А. Эйдука не задерживать отъезд Э. В. Лугановского на Западный фронт²⁶⁶. На другой день после возвращения в Вологду (21.03.20 г.) Э. В. Лугановский сдал дела

своему заместителю Н. П. Гиацинтову и, получив полагавшуюся в таких случаях благодарность от первого лица, отправился в Смоленск, где первоначально предполагалось назначить его заместителем УчусоЗап и начснабом Западного фронта²⁶⁷. Не успев Э. В. Лугановский принять дела в Смоленске, как пришел новый приказ Чусо (№ 449 от 26.04.20 г.) о назначении его УчусоЗап, а на место начснаба фронта направлялся Н. П. Гиацинтов, завершивший к этому времени ликвидацию дел УЧУСОСев²⁶⁸. Причиной столь резкого изменения решения послужило начало боевых действий на советско-польском фронте, в результате чего УЧУСОЗап поделили (прик. Чусо № 449 от 26.04.20 г.) на собственно УЧУСОЗап с Управлением в Смоленске (с августа — в Минске, а с конца сентября — снова в Смоленске) и УЧУСО Петроградского укрепрайона (УЧУСОПет) с Управлением в Петрограде²⁶⁹; последнее осталось за П. И. Судачковым и его заместителем М. Л. Никифоровым (прик. Чусо № 461 от 30.04.20 г.)²⁷⁰. Состоявшееся ранее назначение П. И. Судачкова председателем ОпродкомПет, несмотря на протесты Главснабпродарм А. Халатова, пришлось отменить²⁷¹.

Время с 01.05.20 г. по 28.06.20 г., когда УЧУСОЗап возглавлял Э. В. Лугановский, свидетели событий характеризовали сдержанно-холодно «лишь как подготовительное к организационной работе УЧУСОЗап»²⁷². Кончилось тем, что 17.06.20 г. (прик. Чусо № 565) мандат в Смоленске обменяли на М. Л. Никифорова²⁷³, а звезда Э. В. Лугановского среди «чусей» затерялась окончательно: в октябре мы вновь встретимся с ним, но уже в качестве заведующего строительным отделом ВСНХ²⁷⁴.

С назначением М. Л. Никифорова в Смоленск были определены сложности. Стремление Н. Б. Эйсмонта «выкачивать» кадры из Петрограда и Западного фронта на этот раз встретило упорное сопротивление со стороны П. И. Судачкова. В ответ на сообщение Н. Б. Эйсмонта о его приказе (№ 542 от 03.06.20 г.), перебрасывавшем М. Л. Никифорова в Москву на должность помощника Главначснаба, и предупреждение, что «никакие возражения против... мною приняты не будут», П. И. Судачков нашел поддержку в Петроградском комитете РКП(б), вынесшем постановление против перевода М. Л. Никифорова в Москву²⁷⁵. Н. Б. Эйсмонт обратился за поддержкой к Е. Преображенскому в Оргбюро ЦК РКП(б), которое постановлением от 11.06.20 г. признало за ЧУСО «право перевода Никифорова на другое место»²⁷⁶. Но П. И. Судачков, вероятно, пригрозил отставкой, и Н. Б. Эйсмонт пришлось ус-

гупить, пойдя на компромисс: М. Л. Никифорова освободили от должности помощника Главначснаба и назначили УчусоЗап в Смоленск²⁷⁷ — решение, приемлемое и для П. И. Судакова, желавшего сохранить работника, в положительных качествах которого он имел возможность убедиться за время продолжительной совместной работы. Вместо М. Л. Никифорова помощником у П. И. Судакова стал А. Н. Сергеев — заместитель председателя СВП Петrorайона (прик. Чусо № 612 от 09.07.20 г.)²⁷⁸. Однако удержать М. Л. Никифорова удалось ненадолго — в ноябре его все-таки отозвали в Москву для работы в СВП, после чего Управление в Смоленске возглавил Р. Я. Крумовиц²⁷⁹, его заместителем стал Л. Г. Элисман (восемь классов гимназии и Политехнический в Мюнхене; член РКП(б); в старой армии — рядовой; после революции — во Всевобуче, затем на политической работе Восточного фронта; заместитель чусо 5-й армии в Красноярске; в июле 1920 г. переведен с Восточного на Западный фронт)²⁸⁰. Помогал им — в качестве управляющего делами УЧУСО — С. К. Каргельс, в прошлом — военный чиновник²⁸¹.

Более спокойная — с точки зрения организационного строительства — обстановка установилась на Юго-Западном фронте, где с приходом В. В. Гомбарга работа органов ЧУСО стабилизировалась; даже когда осенью 1920 г. Юго-Западный фронт поделили на Южный и Юго-Западный, приказом Чусо (№ 868) В. В. Гомбарг с 27.09.20 г. был оставлен Учусо того и другого одновременно²⁸².

Не в пример Югу разграничение сфер влияния «чусей» интенсивно происходило на Востоке. Начатое еще в феврале «разбегание» региональных администраций Урала и Сибири получило формальное закрепление в приказе Чусо № 436 (от 16.04.20 г.): К. Г. Максимова предписывалось заниматься исключительно делами Урала, А. П. Брыкову — именоватьс я «УчусоСибири»²⁸³. Окончательное разделение завершилось в мае, когда СТО (прот. № 108 от 07.05.20 г.) после доклада В. П. Милютина «развел» и Урало-Сибирскую комиссию ВСНХ: теперь члены Уральской комиссии стали исполнять функции помощников члена 1-й Совтрударм, уполномоченного ВСНХ (он же — УчусоУрала)²⁸⁴. Своим приказом № 217 (от 17.05.20 г.) К. Г. Максимов стал именоватьс я «УчусоУрала», границы «владений» которого, о п р е д е л е н ы е приказом Чусо № 722 (от 11.08.20 г.), составили Витебская, Екатеринбургская, Пермская, Тюменская, Уфимская и Челябинская губернии²⁸⁵.

На смену ушедшему А. П. Брыкову у К. Г. Максимова

(с 23.03.20 г.) появился новый помощник — Н. А. Доброклонский (из образования — начальная церковно-приходская школа, после революции — на ряде хозяйственных должностей в 3-й армии Восточного фронта)²⁸⁶. Заместителем у К. Г. Максимова (с 10.06.20 г.) работал Г. Гербек, которого с 15.09.20 г. в этой должности сменил Н. А. Доброклонский²⁸⁷.

Формирование Управления УЧУСОСиб началось, по словам будущего заместителя УчусоСиб М. Карлсберга, с 15.05.20 г. на базе аппарата Западно-Сибирского ВО, а 06.06.20 г. А. П. Брыков сообщал из Омска Н. Б. Эйсмунту о завершившейся организации Управления; единственное препятствие — претензии Сибревкома на верховенство власти, поэтому А. П. Брыков просил Н. Б. Эйсмонта «дать ему через центр право голоса в Сибревкоме»²⁸⁸. В сферу УЧУСОСиб летом 1920 г. входили Алтайская и Тобольская губернии, а также Акмолинская, Енисейская, Иркутская, Семипалатинская и Томская области²⁸⁹, из которых Енисейская и Иркутская служили базой для 5-й Особой армии²⁹⁰. Помощником А. П. Брыкова по ведомству «чусей» Сибири первоначально стал В. Ф. Ваничков, перешедший сюда с должности чусо 3-й армии; позже его сменил М. Карлсберг, ранее замещавший чусо 3-й армии, а затем исполнявший обязанности управляющего делами УЧУСОСиб²⁹¹. Бросается в глаза тот факт, что многие из «чусей» Сибири и Урала промежуточной ступенью своих карьер имели 3-ю армию Восточного фронта (позже — 1-я Совтрудармия).

Неблагополучно обстояло дело на Кавказском фронте, где амбициозность «чусей» привела к острому конфликту с Президиумом Донсовпархоза, вынужденным подать в отставку из-за поведения УчусоКавк З. И. Абезгауза²⁹², поссорившегося еще и с Советом 2-й Особой армии труда (командующим армией Д. П. Оськиным и членом ее Совета Вл. Гинсбургом). Назначенный одновременно с Учусо Кавказского фронта чусо 2-й Особой (майский приказ Чусо № 480), в середине июня З. И. Абезгауз вынужден был оставить пост последнего (прик. Чусо № 567 от 22.06.20 г.), а в августе совсем уйти с Кавказского фронта, где его сменил А. А. Квятковский (в 1918 г. — член Коллегии Главконефть ВСНХ, в 1920 г. — член промышленного Бюро Юго-Востока России)²⁹³. З. И. Абезгауза Н. Б. Эйсмонт направил (прик. Чусо № 729 от 17.08.20 г.) для формирования Управления УЧУСО в Приволжском ВО (Нижегородская, Казанская, Пермская и Симбирская губернии), где с ноября он стал одновременно и чусо Западной армии республики (прик. Чусо № 868), Завершились хлопоты ее командарма Гольдберга и начснаба Б. С. Базыкина, с октября

1919 г. добивавшихся для себя чусоснабарма; правда, в этой должности им виделся С. К. Судьин, к этому времени — царком Казанской железной дороги; с назначением З. И. Абезгауза УчусоПриВО, его заместителем стал Б. С. Базыкин²⁹⁴.

В мае 1920 г. закончилось размежевание Кавказского и Туркестанского фронтов и выделение Заволжского военного округа (на правах фронта): от Кавказского к нему отошли Астраханская, Саратовская, Царицынская губернии и область немцев Поволжья; от Туркестанского — Оренбургская и Самарская губернии, Уральская и Тургайская области; для этого региона и был создан УЧУСОЗаВО во главе с Я. А. Андреевым (прик. Чусо № 534 от 03.06.20 г.), замещавшим ранее УчусоТурк И. Е. Любимова²⁹⁵. Формировалось Управление УЧУСОЗаВО из представительства, оставленного И. Е. Любимовым в Самаре после окончательного переезда УчусоТурк в Ташкент в июле 1920 г.²⁹⁶ Из УЧУСОЗаВО повели свою карьеру «чусей» А. Ф. Лелеков (до революции — бухгалтер иваново-вознесенского коммунального хозяйства, в старой армии — прапорщик, в УЧУСОЗаВО — с осени 1920 г. заместитель Учусо) и К. А. Сазонов — чусо 4-й армии, назначенный Я. А. Андреевым помощником УчусоЗаВО²⁹⁷. В конце 1920 г. Я. А. Андреев, окончательно поссорившись с местным советским руководством, в частности — с Башкирским ЦИК и Оренбургским обкомом РКП(б), а затем и с Саратовским губсовнархозом (при косвенном поощрении этого конфликта окружным военкомом Б. И. Краевским, тоже стремившимся снизить степень влияния «чусей» в хозяйственной жизни округа — об этом подробнее скажем в надлежащем месте), вынужден был оставить должность УчусоЗаВО; им стал (по совместительству) Б. И. Краевский (прик. Чусо № 961 от 02.11.20 г.)²⁹⁸.

На Туркестанском фронте после благополучно закончившейся истории с приказом А. И. Рыкова о предании суду заместителя УчусоТурк А. Н. Войтова за самовольный захват нефти (в январе 1920 г. УчусоТурк И. Е. Любимов и командующий фронтом М. В. Фрунзе уговорили А. И. Рыкова отменить свой приказ, что и было сделано приказом Чусо № 383 от 19.03.20 г. за подписью, правда, Н. В. Эйсмонта) обстановка стабилизировалась — А. Н. Войтов остался в прежней должности²⁹⁹. С переездом в июле Управления УЧУСОТурк из Самары в Ташкент и выделением из подведомственной УЧУСОТурк территории части для УЧУСОЗаВО в отношении административного строительства у туркестанских «чусей» стало совсем спокойно. Среди заметных номенклатурных фигур здесь появились П. М. Жоголев (в 1914—1916 гг. учился в Петер-

бургском политехническом, во время первой мировой войны — мехотный офицер, с мая 1920 г. — помощник УчусоТурк) и В. Ф. Плетнев, ранее занимавший должность чусо 1-й армии, а теперь назначенный еще одним помощником УчусоТурк³⁰⁰.

Итоги организационной «чусоизации» подвели на Всероссийском съезде ЧУСО в ноябре 1920 г., где в этом отношении были сделаны два важных вывода. Первый прозвучал в выступлении помощника Чусо М. Д. Шенна и заключался в следующем: в работе местных Учусо нет согласованности, их опыт разобщен, действия отдельных Учусо недостаточно увязываются с решениями центра³⁰¹. И второй: договорились о территориальных границах сфер влияния УЧУСО, причем решено устанавливать их независимо от политических границ республик «до тех пор, пока аппараты этих республик не окрепнут»; в итоге получилось 10 территориальных единиц УЧУСО, что и было официально закреплено приказом Чусо (№ 907 от 15.11.20 г.)³⁰². Сферы влияния УЧУСО не совпадали также и с военно-административными границами 13-ти военных округов. Если сравнить приказ Чусо № 907 со сведениями ЦУС о территориях военных округов по состоянию на 01.11.20 г., то результаты будут следующими: Московский ВО (Владимирская, Иваново-Вознесенская, Калужская, Костромская, Рязанская, Московская, Тверская, Тульская, Ярославская губернии) структур ЧУСО не имел (вероятно, влияния центрального органа — Управления ЧУСО, здесь было достаточно); из Петроградского ВО (Олонецкая, Новгородская, Петроградская, Псковская и Черниговская губернии) Петроградская губерния оказалась в ведении УЧУСОПет, Псковская — у УЧУСОЗап, остальные — вне внимания «чусей»; в Западном ВО (Витебская, Гомельская, Минская, Смоленская губернии, а до 10.09.20 г. еще Ковенская и Виленская) первые четыре отделения УЧУСОЗап, две последние не «чусонизированы»; из губерний Орловского ВО (Брянская, Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская) Брянская — у УЧУСОЗап, Курская, Орловская и Тамбовская — у УЧУСОЮж-Юг-Зап, Воронежская — за УЧУСО 2-й Особой армии (получившего после Всероссийского совещания ЧУСО особый статус³⁰³); границы Приволжского ВО (Казанская, Нижегородская, Пензенская и Симбирская губернии) совпадали с территорией УЧУСОПриВО, как совпадали территории УЧУСОЗаВО с Заволжским ВО (Астраханская, Оренбургско-Тургайская (объединены), Самарская, Саратовская, Царицынская губернии, трудовая коммуна немцев Поволжья и Уральская область); все губернии Приуральского ВО (Вятская, Екатеринбургская, Пермская, Уфим-

ская, Челябинская) также вошли в состав только УЧУСО-Урала; а административные единицы Западно-Сибирского ВО (Алтайская, Омская и Тобольская (Тюменская) губернии, Семипалатинская и Акмолинская области) и Восточно-Сибирского ВО (Енисейская, Иркутская и Томская губернии), за исключением Тюменской (вошедшей в сферу влияния УЧУСО-Урала), оказались под протекторатом УЧУСОСиб; Харьков-ский ВО (Донецкая, Екатеринославская, Таврическая и Харьковская губернии) и Киевский ВО (Волынская, Киевская, Одесская, Подольская, Херсонская и Черниговская губернии) отошли к УЧУСОЮж Юг-Зап; Дон, Кубань, Ставрополье, Черноморская, Терская и Дагестанская области Северо-Кавказского ВО оказались у УЧУСОКавк; в Туркестане господствовал УЧУСОТурк³⁰⁴.

В ходе обсуждения на Всероссийском совещании ЧУСО вопроса о территориальных границах УЧУСО было признано целесообразным назначить в Заволжском УЧУСО отдельных заместителей по Башкирской и Киргизской республикам; в отношении Киргизской республики решение не совсем понятно, так как создание собственного Управления УЧУСОКир началось еще до съезда — в октябре 1920 г.³⁰⁵. Сложнее обстояло дело в Башкирии — там действительно требовалось усилить влияние ЧУСО: чрезвычайный инспектор В. Петухов (до этого — инчусо Царицынской губернии) был «не ко двору» в Оренбурге у местной советской и партийной элиты, ревниво оберегавшей свои национальные интересы, да, вероятно, и слаб по части «чрезвычайщины», так как УчусоЗаВО Я. А. Андреев и его заместитель А. Ф. Лелеков назначили на смену ему Г. Г. Хрусталева (всех карьеру «чусей» еще со времен совместной работы с И. Г. Дмитриевым по закупке вооружения у немцев в конце 1918 — начале 1919 г., а позже — в качестве инчусо (УЧУСОТурк) по Оренбургской губернии); назначение Г. Г. Хрусталева встретило резко негативную реакцию со стороны местных властей, отменявших все его и его заместителя Львова распоряжения; а тут еще подыгрывал В. Петухов, не желавший ехать к новому месту назначения в Астрахань, — жаловался М. Д. Шеину, А. И. Рыкову; потребовалось вмешательство Н. Б. Эйсмонта, чтобы сбить накал страстей и местных амбиций, в результате Г. Г. Хрусталева остался в Оренбурге как УчусоБаш, а В. Петухов все-таки уехал в Астрахань³⁰⁶.

Несмотря на столь обширное строительство республиканской сети УЧУСО, делалось это довольно кустарно, и в 1920 г. М. Д. Шеин был прав, когда говорил об их чрезмерной «самобытности». Но и условия существования периферийных слоев

военно-коммунистической власти — их почти абсолютная зависимость от «Центра» — ставили «чрезвычайных губернаторов» в щекотливое положение: стремление угодить «Центру» уродливо переплеталось с заботой о нуждах своих «удельных княжеств». Сомкнувшись, две эти потребности породили новое неформальное звено связи между горизонтальными слоями «чрезвычайной» власти: в Москву за информацией и с целью проталкивания своих дел хлынула масса несанкционированных «представительств». В 1919 г. РСФСР вынужден был даже издать специальный приказ (№ 1326 от 12.08.19 г.) о немедленной отсылке из столицы делегаций армий и фронтов, а Чусо (прик. № 100 от 23.09.19 г.) предписал «всех, являющихся с требованиями в центральные органы... арестовывать»; но, как и ранее, из всякого «чрезвычайно» строгого решения тут же делались исключения, предлогом мог служить повод самый невероятный — «отдаленность фронта», например, как в случае с так называемым «техническим бюро» УЧУСОЮг-Зап во главе с его «полномочным представителем» Н. Е. Пауфлером, в декабре 1919 г. предложившим даже утвердить своему «учреждению» штат в 13 человек. Настойчивый В. В. Гомбарг протолкнул эту просьбу: приказом Чусо (№ 501 от 19.05.20 г.) «техбюро» УЧУСОЮг-Зап «в порядке исключения» с 01.04.20 г. узаконили, дав 10 человек штата и два персональных автомобиля³⁰⁷. Другие, не менее «отдаленные фронты» и особо заметные армии, разумеется, возжелали того же.

О том, что 1920 г. был годом УЧУСО, свидетельствует и то обстоятельство, что в отличие от Управления ЧУСО, где структурные реорганизации, как показано, протекали вяло, в Управлениях УЧУСО, наоборот, меняли, переделывали и «совершенствовали» с особым рвением начинающих энтузиастов: если сравнить, например, структурные схемы Управления УЧУСОЮг-Зап середины сентября и конца октября 1920 г., то явно заметны значительные перемены; то же происходило в Управлении УЧУСОСиб и т. д.³⁰⁸ Смысл этих изменений — подгонка под общие стандарты, учет конъюнктуры политических и военно-хозяйственных отношений в высших эшелонах советской власти.

Процесс «чусонизации» республики, как видим, шел по нарастающей кривой, совершенствуясь как качественно, так и количественно. Количественно — за счет расширения губернских и армейских представительств. Особенно густо мелкие чусо плодились в западных и южных районах (причины понятны: Деникин, война с Польшей, Врангель в Крыму). Из таких, помимо упоминавшихся выше, назовем еще. До мая 1920 г.

УЧУСОЗап, базировавшееся в основном на петроградском промышленном районе, губерниям уделяло мало внимания. С разделением на УЧУСОЗап и УЧУСОПет, должность смоленского инчусо (Фридман) упразднили, но 27.07.20 г. ее восстановили вновь (03.12.20 г. к исполнению прежних обязанностей вернулся и Фридман); 15.07.20 г. учрежден инчусо Минской губернии, 25.07.20 г. — Виленской (в связи с оставлением Красной Армией Литвы по договору от 31.8.20 г., ликвидирован 18.9.20 г.); продолжали работу псковский инчусо Б. В. Барановский, витебский — А. Ю. Энтин (в августе на некоторое время переходил в Управление УЧУСОЗап в качестве «сотрудника для поручений»), гомельский — Янкалп (он же — чусо 16-й армии); повгородский инчусо А. М. Арсеньев перешел на работу в Управление военно-морской промышленности Петрорайона (Воморпром); 31.08.20 г., в связи с ликвидацией Южно-Мозырской группы, упразднили и аппарат ее чусо; в сентябре официально утверждены штаты чусо 3-й, 4-й (чусо Е. Л. Зелинский-Бакицкий; с 30.11.20 г. — врид. помощника Главланснаба), 15-й (чусо А. Я. Немировский), 16-й и Запасной армий Западного фронта; с 18.11.20 г. в сферу влияния УЧУСОЗап перешла Брянская губерния — там создано Управление чрезвычайного инспектора; УЧУСОПет после разделения с УЧУСОЗап административно-территориальных подразделений не имела³⁰⁹.

Особенно бурно система ЧУСО укреплялась на Юге и на Украине: переходившие под контроль Красной Армии территории, оставляемые белыми армиями Деникина, привлекали к себе внимание обилием продовольствия и сравнительно развитой легкой промышленностью. Весной — летом 1920 г. Юго-Запад республики оказался под жестким административно-экономическим контролем губернских и армейских «чусей», штаты которых — главным задним числом — один за другим утверждались в Москве: приказом Чусо (№ 707 от 10.08.20 г.) узаконили «чрезвычайные» аппараты 12-й (чусо Савельев), 13-й (до августа — чусо А. А. Кирогов, с 07.08.20 г. — И. Б. Пороцкий-Борисов (педоучившийся киевский студент, затем — армейский политработник), 14-й и Первой Конной армий³¹⁰. К концу 1920 г. законодательный иммунитет получили губернские Управления инчусо — сначала предварительный (прик. Чусо № 704 от 10.08.20 г.), а затем — после обсуждения в межведомственной штатной комиссии ЧУСО (прот. № 29 от 21.09.20 г.) — окончательный (прик. Чусо № 890 от 11.10.20 г.): киевское, черниговское (с сентября 1919 г. — инчусо О. Л. Кричевский, потом Ольховский, которого в августе

1920 г. сменил Сойбельман и его помощник Пивоварчиков), екатеринославское (с июля по декабрь — иначусо М. Ф. Шапиро), орловское, донецкое (образовано 07.03.20 г. из канцелярии губернского воензага), курское (с августа — иначусо Ольховский), тамбовское (с 01.08.20 г. — иначусо Н. С. Караганов), полтавское, одесское, волынское, подольское, херсонское, крымчугское (с 28.07.20 г. — иначусо Ильин; 01.09.20 г. его сменил А. В. Гольдштейн), брестское, таганрогского округа (с 14.05.20 г. — иначусо И. Я. Граевский), николаевское (с середины марта — иначусо Родионов); представительства «чусей» возникли в 10-й армии (чусо Бабад), во Второй Конной, в Галиции³¹¹.

В мае — июне 1920 г. назначения «чусей» прокатились по губерниям Заволжского ВО, Урала, Сибири, Туркестана: в Царицынской — В. Петухов и А. Г. Данилин, в области немцев Поволжья — П. П. Миллер, в Саратовской — Цыбин (до этого — начснаб 2-й трудовой армии), в Уральской области — И. Н. Савицкий (бывший начснаб укрепрайона) и его заместитель М. М. Саврасов, в 5-й Особой армии объявился М. Н. Калашников со своим заместителем Л. Г. Элисманом, чусо 1-й армии стал Мезит...³¹². Перечень можно продолжать вплоть до волостных чусо — были и такие! — но это уже за пределами разумного восприятия.

В 1920 г., в отличие от остававшегося относительно стабильным числа занятых в московском Управлении ЧУСО, совершенно противоположное происходило в Управлениях УЧУСО, стремительно обзаводившихся интенсивно разрастающимися штатными аппаратами: к маю 1920 г. в Управлении УЧУСОУрала, например, имелось 179 человек, а Управлению УЧУСОЮг-Зап в августе (прик. Чусо № 703 от 10.08.20 г.) утвердили штат в 228 человек (для сравнения: в начале 1920 г. Управление УЧУСОЮж обходилось 58 сотрудниками)³¹³ — работы у межведомственной штатной комиссии ЧУСО (особенно с осени 1920 г.), пытавшейся навести хотя бы относительный порядок в штатно-структурном ажиотаже местных учреждений, было предостаточно. УчусоКавк А. А. Квятковскому, например, предлагавшему разрешить ему самому утверждать штаты своего Управления, — их обсудили в сентябре (прот. № 28 от 17.09.20 г.) и 07.10.20 г. выслали в Ростов; но в ноябре, в связи с пересмотром штатов СВН Юга России, пришлось это делать вновь (прот. № 41 от 26.11.20 г.); к началу 1921 г. Управление УЧУСОКавк получило право на 176 человек (прот. № 59 от 21.01.21 г.)³¹⁴. П. И. Судакову поручили самому заниматься штатами — так там специальная комиссия с 19.04 по

28.07.20 г. посвятила этому 14 заседаний, насчитав 160 мест, необходимых для Управления УЧУСОПет; 16.08.20 г. Чусо (прик. № 723) утвердил их³¹⁵.

Как видим, к концу 1920 г. (в сравнении с его началом) штаты Управлений УЧУСО выросли в 1,5—2 раза. А если к этому добавить служащих Управлений инчусо и чусо армий (от 8 до 30 человек в каждом), количество сотрудников в которых с течением времени постоянно увеличивалось (это легко проследить по приказам Чусо и Учусо с августа по ноябрь 1920 г.³¹⁶), то останется только констатировать, как благоприятны были условия военного коммунизма для бюрократизации государства. Даже по приблизительному подсчету, число занятых в периферийных органах системы ЧУСО к концу 1920 г. составляло примерно 3—3,5 тыс. человек.

Возросли, разумеется, и расходы на их содержание. В случае с центральным Управлением ЧУСО мы убедились в этом, обратимся теперь к местным учреждениям. Проект сметы ЦУС (куда теперь включались и расходы по местным УЧУСО) первоначально предусматривал на эти цели 40 144 300 р.³¹⁷ — и это при том-то бурном административном строительстве на местах?! Правда, не все региональные УЧУСО подпадали под эту смету, как, например, УЧУСОУрала и УЧУСОСибирь, продолжавшие получать денежные суммы из других источников³¹⁸, однако, судя по цифрам будущих расходов, не это было главным. То ли не предполагали столь интенсивного появления и расширения местных аппаратов, то ли по каким-то иным причинам, но вскоре появились другие проекты смет расходов для местных «чусей»: только фронтовым УЧУСО (Западного, Юго-Западного, Кавказского, Туркестанского, Северного (на полгода) и Восточного (на 3 месяца) фронтов) и лишь на содержание личного состава на 1920 г. планировалось 34 013 600 р. (плюс 9 989 800 р. на «другие расходы»)³¹⁹. Эти проекты почти без изменений утвердили на совещаниях при финансовом отделе ЧУСО (прот. № 4 и 5 от 26 и 28.02.20 г.)³²⁰. Примечательно, что почти четверть содержания личного состава планировалась на оплату сверхурочных, как это было, например, у УЧУСОЗап (без его смоленского филиала): 8 457 000 р. и 1 950 тыс. р. соответственно³²¹. Любопытен и другой факт: содержание личного состава одного армейского ЧУСО (на Кавказском фронте его годичная стоимость планировалась в среднем в 1 093 500 р.) обходилось вдвое дороже содержания губернского ИНЧУСО (у УЧУСОУрала, например, эта сумма колебалась от 450 000 р. до 613 000 р.)³²².

Проектировавшиеся расходы на содержание «чусей» в 1920 г. (58 362 900 р.)³²³ в действительности составили 77 862 900 р.³²⁴ Насколько удалось, точнее, не удалось выдержать проектировавшуюся сумму расходов местными УЧУСО, сказать точно не представляется возможным — нет обобщающих данных, но одно бесспорно: как и в Москве, так и на местах затраты на «чусей» особо не ограничивались. Когда УЧУСО Урала, например, потратившему с апреля по август 6 млн р., потребовалось еще 4,5 млн р., оно их получило, благо деньги брались из фонда Уралбюро ВСНХ³²⁵. То же было и со «сметными» УЧУСО, получавшими недостающие суммы из Особого оборотного фонда ЧУСО.

1920 г. стал годом расцвета военно-коммунистической административно-командной системы организации общественно-экономической жизни России. Гуманистические идеи большевизма, оказавшись в реальной российской действительности, дали совершенно противоположный результат. Приближалось время разочарований.

§ 3. Кризис административно-командных методов в экономике

Снизившийся было в 1920 г. рост штатов Управления ЧУСО оказался временным. Предположения о якобы наступавшем сокращении сферы его деятельности и замедлении темпов работы, о чем в мае 1920 г. говорили председатель СВП П. А. Богданов и инспектор ЦУС А. Я. Левин³²⁶, оправдались лишь отчасти. Подобные замечания — результат малозаметного в центре, но, как показано выше, бурного развития вширь ЧУСО на периферии, а также не ко времени появившихся предположений, что образовавшиеся структуры СВП начнут вытеснять ЧУСО.

На снижение престижа «чусей» летом 1920 г. оказало влияние издание РВСР приказа № 1619 (от 16.08.20 г.), подводившего определенный итог междоусобной борьбы в военное за распределительные права — у ЧУСО их отобрали и возвратили военному командованию. (Этот сюжет истории военно-коммунистических взаимоотношений требует к себе пристального внимания и отдельного специального анализа.)

С конца 1920 г. — особенно после Всероссийского совещания в ноябре — начинается новый период «расцвета» Управления ЧУСО в Москве. На заседании специальной комиссии «по вопросу о реорганизации Управления ЧУСО» (19.11.20 г.) на-

мечен ряд организационных задач: техническое бюро с его комиссиями передать в СВП и главам ВСНХ (рекомендация Всероссийского совещания)³²⁷, окончательно разделить общий, организационный и административный отделы и т. д.³²⁸. Принялись за разработку «Положения о ЧУСО», начинавшегося с особого подчеркивания характера ЧУСО как высшего военно-снабжениеского, заготовительного и распределительного органа республики; напоминалось о «неограниченном» праве ЧУСО в организационно-кадровых вопросах, в деле организации промышленного производства, в финансовых вопросах и т. д.; вместе с тем в «Положении о ЧУСО» нашла отражение и изменившаяся конъюнктура политической власти — указывалось, например, на двойное подчинение ЦУС (Чусоснабарму и Реввоенсовету республики)³²⁹. Одновременно готовилось и «Положение о деятельности отделов Управления ЧУСО Республики» (составлено 14.01.21 г.), из которого видно, что в Управлении должны преобладать два отдела — общий, занятый управлением промышленным производством, и фронтовое управление (отдел инспекции), предназначавшееся для связи с местными (в первую очередь — фронтовыми) УЧУСО³³⁰.

Оба документа лишь закрепляли фактически уже сложившееся положение: новая структура и новые штаты Управления введены приказом Чусо (№ 1060 от 26.01.21 г.) задним числом — с 01.11.20 г.; Чусо имел заместителя, трех помощников, 16 человек «для особых поручений», 5 технических консультантов, 2 секретаря и «врача для поручений»; в общем отделе — шесть подотделов, в организационном отделе — четыре отделения, в административно-хозяйственном — пять отделений, в отделах связи и финансовом — по два отделения; были и другие более мелкие отделы и отделения; общий штат Управления состоял из 499 человек³³¹.

Рос авторитет ЧУСО и среди других военно-административных бюрократических структур московского военведа. В «табели о рангах», среди критериев которого были и такие, например, как обладание определенным количеством служебных автомашин и их марки, а также число абонентских номеров в городской телефонной сети, Управление ЧУСО уступало лишь Полевому штабу, Управлению Московского ВО и РВСР; из пяти оставшихся у военведа в феврале 1921 г. (после демобилизации) «роллс-ройсов» (самая престижная марка автомобиля у советских чиновников) — 3 имел РВСР, одну держали в Полевом штабе и одна была у ЧУСО³³².

Инерция военно-коммунистической «чрезвычайщины», пе-

смотря на отчетливо заметно приближавшийся экономический крах, в первой половине 1921 г. не только продолжала действовать, но и набирала силу. Об этом можно судить, в частности, по динамике выхода в ЧУСО управленческих приказов (не путать с приказами Чусо): 1919 г. — с № 1 (от 01.11.19 г.) по № 15 (от 31.12.19 г.); 1920 г. — с № 16 по № 81 (первое полугодие) и с № 82 по № 159 (второе полугодие); 1921 г. — с № 160 по № 402 (за девять месяцев)³³³. Процентно-месячная норма выходивших приказов по Управлению ЧУСО составила в 1919 г. — 1,86; в 1920 г. — 2,65 (первое полугодие) и 3,23 (второе полугодие), а среднегодовая — 2,99; в 1921 г. — 6,72 (!). В отличие от приказов по Управлению, отражавших организационно-административные изменения среди «чусей», приказы Чусо, охватывавшие содержательную часть работы чрезвычайных органов, имели другую динамику процентно-месячной нормы их появления: в 1919 г. — 3,36, в 1920 г. — 4,65, в 1921 г. — 2,43³³⁴. Результаты приведенных расчетов свидетельствуют о том, что в 1921 г. деловая активность ЧУСО снизилась более чем на 2,2 порядка, а бюрократическая, наоборот, возросла на 3,7 порядка. Вот когда «развернулось» Управление ЧУСО!

Как это ни странно, но именно в связи с приказом РВСР № 1619, наполовину выводившим ЦУС из-под контроля ЧУСО и, казалось бы, снимавшим с него часть нагрузки, что должно было бы привести к сокращению штатов Управления, произошло обратное: формально согласившись с РВСР, отдавать окончательно контроль за распределением из ЧУСО не намеревались. Так возникла инспекция снабжения (фронтовое управление), потянувшая новые кадры.

В декабре 1920 г. родился подготовленный М. Д. Шениным проект нового штатного расписания, который стал предметом оживленного спора с поверяющими ведомствами в штатной комиссии ЧУСО, обсуждавшей его в декабре 1920 — январе 1921 г. (состоялось около полутора десятков заседаний)³³⁵. Попытки противной стороны сократить число занятых в Управлении ЧУСО (проект предусматривал 498—499 человек) успеха не имели: приказ ЧУСО № 1060 (от 26.01.21 г.) свидетельствует о том, что «чусеям» удалось отстоять фактически уже давно существовавшие штаты — этим приказом они вводились с 01.11.20 г.³³⁶

Во всей этой истории со штатами проявилась одна из зарождавшихся характерных черт поведения советской управленческой системы — обязательно держать «про запас» лишние

штатные места. Наличие их — неформальный показатель значимости того или иного советского учреждения. Вплоть до ликвидации ЧУСО штатное расписание его Управления никогда не заполнялось до конца, подчас разница между списочным и штатным составами доходила почти до двухсот человек³³⁷, а с каким завидным упорством добивались штатного «резерва»! Объясняется это достаточно просто. Во-первых, чтобы выбить новую штатную единицу, надо было пройти долгий и сложный лабиринт согласований и разрешений, причем, через самые высокие инстанции; поэтому предпочтительней было сделать это один раз, максимально оградив себя в будущем от штатного «голода», — ведь штатная единица, это фонд зарплаты, а сократить ее было так же сложно, как и получить, разве что в результате очередной общегосударственной кампании. Во-вторых, никакой ответственности за незаполненные штатные места не несло, а контрольно-ревизионные службы можно было «затащить по инстанциям» — успех зависел от ранжира учреждения. У ЧУСО, как отмечалось, он был достаточно высоким.

Контрольные органы попытались добиться отмены приказа Чусо № 1060, тем более, что в это время появился приказ РВСР (№ 127 от 29.01.21 г.), ужесточивший надзор за штатно-тарифной практикой учреждений военведа; дело дважды слушалось в Малом СНК, а в промежутке свое заключение давал Наркомост; в результате 07.03.21 г. СНК постановил: «Ходатайство Наркомфин об отмене приказа Чусо № 1060 признать незаконным и отклонить»³³⁸. В будущем штат Управления ЧУСО постоянно увеличивался (с 01.03.21 г. по 01.06.21 г. он вырос до 677 единиц)³³⁹. Достигалось это разными путями: в марте, например, Чусо утвердил (прик. № 1146) «Положение о резерве работников при ЧУСО», позволявшее держать «в резерве» до 50 человек, правда, со временем пребывания в нем не более двух месяцев³⁴⁰.

По нашим подсчетам центральный аппарат «чусей» в середине 1921 г. — с массой его межведомственных комиссий («по учету», «по изъятию», «по совершенствованию» и т. д.), а также московских отраслевых и функциональных УЧУСО (УЧУСОливРесп, «зам. Чусо по мор. дел» и др.) — насчитывал от полутора до двух тысяч человек.

Первая половина 1921 г. стала пиковой точкой расцвета военно-коммунистических бюрократических структур советской власти. Мы подробно остановились на происходившем в относительно небольшой ее ячейке — ЧУСО, однако можно с полной уверенностью говорить об идентичности подобных

процессов в сотнях других составляющих этой гигантской пирамиды невежественного пагромаждения тщеславных претензий сделать административное распределение господствующим регулятором общественных отношений. В этом убеждаешься, когда бросаешь общий взгляд хотя бы только на управленческое звено военведа, даже лишь на ту его часть, которая находилась в Москве (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Штаты учреждений московского
военного ведомства в апреле—мае 1921 г.*

Наименование учреждения	Апрель	Май ¹
1 ЦУС	1100	592
и подведомственные ему учреждения:		
ГЛАВХОЗУПР	590	368
ГАУ	752	476
УВОГРУЗТРАН ²	1000	654
ГВИУ	1271	646
и подведомственные ему 44 учреждения		10221
Всего в ЦУС (с еще 22 подведомственными только ему учреждениями)	11433	
Всего в ЦУС (с еще 50 подведомственными только ему частями и учреждениями)	21303 ³	
2 ГУВУЗ (приблизительно)	4300	
3 УСКА (с подведомственными ему учреждениями)	6026	
4 МВО (с подведомственными ему 14 учреждениями)	52958	
5 Полевой штаб (с подведомственными ему учреждениями)	9112	
6 Академия Генерального Штаба		957
7 Совет военной промышленности и подведомственные ему главки:	720	
ЦЕПАЗ	923	
ЦУПВОЗ	390	
ГЛАВКОАВИА	310	195
Всего в Совете военной промышленности и подведомственных ему главках	2343 ⁴	
8 РВСР	1093	
Всего в РВСР с непосредственно подведомственными ему учреждениями (без ПУР и комиссии по отсрочкам)	4636	
9 ГЛАВВОЗДУХОФЛОТ (с подведомственными ему учреждениями)	7650	
10 ЧУСО ⁵	499	677
Всего в учреждениях московского военного ведомства	109784	

Примечания. * Таблица составлена преимущественно по данным, поступавшим в комиссию по «индивидуальным и внеплановым выдачам»

при ЧУСО, а также по некоторым другим источникам³⁴¹. Приведенные в таблице данные не всегда полны. Так, по сведениям начальника штаба МВО, в МОВИУ и подведомственных ему учреждениях на 15.04.21 г. имелись 2882 штатные единицы, а по сведениям самого МОВИУ на 21.05.21 г. число мест в его Управлении и подведомственных ему учреждений составило 6358 человек. Данные для 44 подведомственных ГВИУ учреждений и Академии Генерального Штаба взяты за май 1921 г. Не учтены в таблице мелкие учреждения, за малочисленностью которых ими можно пренебречь (штаб артиллерии Особого назначения, штаб частей Особого назначения РСФСР, отдел военного помощника начальника Объединенной Московской железной дороги, Московское окружное Управление военно-учебных заведений и др.). В мае 1921 г. (по сравнению с апрелем) штатные расписания некоторых учреждений военведа, как видно из таблицы, сократились на 40-50%.² Без подведомственных ему учреждений, среди которых только Московскую железную дорогу обслуживало 2415 человек.³ Без учреждений, подведомственных учреждени-ям, непосредственно подведомственных ЦУС (за исключением ГВИУ).⁴ Без учреждений, подведомственных учреждениям, непосредственно подведомственных СВВП.⁵ Если в мае 1921 г. началось сокращение штатов учреждений военведа, то в ЧУСО, как указывалось выше, они продолжали расти.

Итоговая цифра таблицы — 110 тыс. мест «совслужащих» и только в одном военведе в Москве! Она говорит о многом. Ю. Ларин назвал Москву 1921 г. «городом советских барышень», насчитав таковых 113 тыс.³⁴² Ю. Ларин ошибался — около 110 тыс. их было только в военведе. А кто посчитает остальных — совдеповских, хозяйственных, партийных и ка-ких там еще? А они все получали зарплату и немалую.

В ноябре 1920 г. на Всероссийском совещании ЧУСО при обсуждении правил расходования Особого оборотного фонда было принято решение рекомендовать Чусо обратиться в СТО «с предложением открыть кредиты непосредственно Чусоснаб-арму на содержание штатов»³⁴³. Судя по «журналу» Особого межведомственного бюджетного совещания при Наркомфин, это было сделано, более того: финансовую практику ЧУСО вы-делили из сметы ЦУС в самостоятельную статью республикан-ских расходов³⁴⁴, что значительно облегчает анализ финансо-вой деятельности «чусей» в 1921 г.

Работа над составлением сметы ЧУСО длилась более полу-года. Первоначально составленный проект содержал астроно-мическую цифру планировавшегося денежного оборота — 4 310 864 000 р., важнейшими статьями которого были: Особый оборотный фонд — 3 млрд р.; содержание Управления ЧУСО — 159 261 000 р. (из которых на оплату жалованья личного со-става планировалось 43 459 000 р., на оплату премиальных и сверхурочных — 92 941 тыс. р.); содержание местных учреж-дений ЧУСО и УЧУСО — 467 969 000 р.³⁴⁵ После неоднократ-ных переработок смета, наконец, была составлена (см. прото-

колы межведомственного совещания по рассмотрению сметы ЧУСО на 1921 г. от 7, 10, 16 и 27.06.21 г.)³⁴⁶. Остановились на общей цифре 3 447 217 000 р. оборота, которую после обсуждения в Наркомфин снизили до 3 407 890 000 р. (3 325 602 000 р. — прямых расходов, 82 288 тыс. р. — оборотных); и это при том, что смета расходов на содержание Управления СВН, ранее не выделявшаяся из суммы расходов по Управлению ЧУСО в целом, в 1921 г. шла особой строкой государственного бюджета, о чем будем говорить отдельно; для сравнения укажем — объем финансового оборота ЧУСО в 1920 г. составил 3 077 862 900 р.³⁴⁷

Но, как и в прошлом, составлявшиеся ранее расчеты напрочь опровергались временем: итоговая смета 1921 г., составленная в феврале 1922 г. к финансовому отчету ликвидационной комиссии, свидетельствует, что планировавшиеся расходы управленческого звена «чусей» — 407 890 000 р. (без операций с Особым оборотным фондом, которые будут анализироваться отдельно), выросли вдвое и составили 800 604 169 р., из которых 447 882 803 р. пришлось взять из Особого оборотного фонда; только расходы на содержание Управления ЧУСО выросли до 262 750 858 р. — более чем на 100 млн р. выше того, что предполагалось даже в самом первом варианте проекта сметы (159 261 000 р.); расходы на содержание Управлений УЧУСО составили 478 576 455 р. (почти столько, сколько предлагалось в первом варианте проекта — 467 969 000 р.)³⁴⁸, т. е. все предшествовавшие запретительные действия республиканских финансовых органов оказались ни чем иным, как забавной игрой в ограничения.

Судя по тарифам штатно-тарифного отдела РВСР и тарифным ставкам профсоюзов, на оплату штатных окладов Управления ЧУСО в 1921 г. потребовалось бы 16 291 092 р.³⁴⁹, но, как видно из книги личных счетов сотрудников, сумма эта выросла до 119 367 716 р., т. е. в 7,5 раза³⁵⁰. Представление о динамике роста дают требовательные ведомости на оплату жалования сотрудникам Управления: в апреле — 1 643 800 р., в мае — 7 388 239 р., в июне и частично в июле — 13 828 201 р.³⁵¹ Суммы, полученные за 1921 г. (до 01.10.21 г.) некоторыми из «чусей», выражались такими цифрами: Чусо А. И. Рыков — 1 379 750 р., заместитель Чусо Н. Б. Эйсмонт — 1 339 250 р., помощник Чусо В. В. Гомбарг — 1 387 780 р., начальник кодификационной части Н. А. Голубев — 1 475 392 р., помощник начальника финансового отдела В. А. Борденев — 1 932 631 р., начальник общего отдела А. А. Полубояринов — 2 112 719 р., начальник инспекции снабжения Л. В. Гохен-

берг — 1 722 422 р., помощник Чусо М. Д. Шенн — 2 438 368 р., сотрудник «для особых поручений» П. В. Рождественский — 2 351 453 р., заместитель управляющего делами В. Г. Коханович — 1 877 638 р., сотрудник «для поручений» В. А. Константинов — 1 196 480 р., секретарь А. И. Рыкова Е. В. Артеменко — 889 901 р. и т. д.³⁵²

Как это достигалось? Способов было много: за счет сверхурочных, премиальных, разницы по тарифному поясу Москвы, оплаты «сдельных» работ и проч. В феврале, например, помощник управляющего делами С. С. Отрадинский добился от ЦК Всероссийского Союза совслужащих продления действия приказа Чусо (№ 737 от августа 1920 г.) о порядке премирования работников Управления ЧУСО (до 100% размеров окладов); в 1921 г. Чусо с трудом, конечно, но получил (через СНК и СТО) право самостоятельно устанавливать в подведомственных ему учреждениях продолжительность рабочего дня до 12 часов (за счет 50 — для служащих и 100 — для «ответственных» работников сверхурочных часов)³⁵³. А ведь только сверхурочные и премиальные выплаты в Управлении ЧУСО в 1921 г. дали сумму 71 596 165 р., т. е. вдвое больше, чем ушло на оплату жалованья по административному тарифу (30 млн 623 986 р.)³⁵⁴. Имелись и другие возможности накопления сверхокладов: в сентябре, например, 12 «ответственных» чиновников Управления ЧУСО получили разницу между 150% и введенным 300% тарифными поясами оплаты для Москвы на общую сумму в 4 625 040 р.³⁵⁵ С 01.09.21 г. военвед получил от ВЦСПС право устанавливать размеры премирования до 800% тарифного оклада (в зависимости от категории оклада и «ответственности» чиновника); в результате при окладе, получаемом, скажем, М. Д. Шенным в 54 000 р., сумма, выплаченная ему в сентябре, составила 486 000 р.; и так у подавляющего числа «чусей» — премии и доплаты неизменно «раскручивались» до максимального предела³⁵⁶. Документы финансового отдела Управления ЧУСО свидетельствуют о многом: о том, например, что проблем с получением зарплаты, как это было у промышленных рабочих, у «чусей» не существовало — в ведомостях они расписывались регулярно и в положенный срок.

Хаос в оплате, установившийся летом — осенью 1921 г. еще и в связи с переходом на так пазываемые принципы «коллективной оплаты труда в центральных учреждениях военного ведомства», изложенные в постановлении СНК (от 12.07.21 г.) и объявленные приказом РВСР № 780³⁵⁷, привели буквально к беспределу в растаскивании управленцами огромных денеж-

ных сумм, как это было в ЧУСО, например (о чем следует говорить отдельно).

Из произведенных выше расчетов и сопоставлений видно, что цена одного штатного места в Управлении ЧУСО в 1921 г. составляла в среднем 1 млн р. Если допустить, что расходы на одну штатную единицу в военном ведомстве Москвы были примерно одинаковы (отступления могли быть, но в целом они не значительны), то только в Москве стоимость военного бюрократического аппарата в 1921 г. (см. таблицу штатов военного ведомства) составила где-то порядка 110 млрд р. Миф о бескорыстном «служении народу» рядом с этими цифрами и фактами кажется убогим. Надуманным представляется и другой миф времен военного коммунизма — о безмерной занятости, загруженности и жесткой дисциплине героев того времени: проверка выхода на работу сотрудников Управления ЧУСО, например, проведенная «по секретному распоряжению управляющего делами», показала, что до 50 человек в течение первых двух часов опаздывали с выходом на работу и около 40, возможно, не являлись совсем³⁵⁸.

Огромная волна «новых красных хозяев», прочно усаживавшихся на руководящие посты советской номенклатуры, жила теперь уже ставшей привычной для них размеренной жизнью. В начале 1921 г. редко кто из «чусей» задумывался над возможным-вероятным развитием событий в республике — НЭП никто не ожидал, наоборот, административный зуд военного коммунизма оставался характерной приметой времени. Это заметно по резко усилившемуся передвижению кадров в хозяйственной номенклатуре. Управление ЧУСО не стало исключением.

На Всероссийском совещании ЧУСО кадровые вопросы официально не обсуждались, в документах это не отражено; святая святых номенклатуры к публичному обзору не допускалась, но нельзя же считать спонтанным появление, например, приказа Чусо (№ 912 от 15.11.20 г.) о назначении помощником Чусо — один из самых высоких постов в иерархии «чусей» — В. В. Гомбарга, ставшего затем играть одну из ключевых ролей в системе ЧУСО³⁵⁹. В. В. Гомбарг умело поддерживал прочную связь с Управлением в Москве: в октябре 1920 г., например, туда перешел Г. А. Баунов (сменивший Н. А. Барилевич в должности секретаря Н. Б. Эйсмонта), до этого в течение года бывший «для поручений» при В. В. Гомбарге на южных фронтах³⁶⁰.

В начале 1921 г. (прик. Чусо № 1108 от 01.02.21 г.) управление делами ЧУСО взял на себя М. Д. Шейн (юрид.): З. Н.

Доссер все больше отвлекался председательствованием в Главконсфть ВСНХ, к тому же — часто болел; заместитель З. Н. Доссера В. Г. Коханович так и остался на вторых ролях вплоть до ликвидации ЧУСО; помощник управляющего делами С. С. Отрадинский тоже оказался не «в чести» у руководства — то ли слишком образован, то ли аполитичен... но в связи с отъездом М. Д. Шеина в Сибирь на должность управляющего делами пришел М. И. Полетаев (тоже «чрезвычайщик», но другого пошиба — бывший сотрудник РВТР), хотя М. Д. Шейн и характеризовал С. С. Отрадинского как «ответственного за постановку всей административной части Управления ЧУСО»; общий отдел (а с переходом Е. В. Отта на должность технического консультанта — еще и организационно-административный) до конца ЧУСО оставался за А. А. Полубояриновым³⁶¹. Бессменный начальник финансового отдела А. И. Соболев с 01.05.21 г. перешел во Внешторг, финансовыми операциями «чусей» стал ведать В. А. Борденев, замещавший в прошлом у А. И. Соболева³⁶².

В связи с намерениями создать фронтовое управление, в Управлении ЧУСО с конца 1920 г. стали появляться новые кадры: пост начальника отдела связи (со 02.12.20 г.) занял А. Я. Барилевич, начинавший с «чусями» на Северном фронте еще в октябре 1919 г.; заместителем у него оказался Ш. С. Каплан (гимназия, два курса университета, хозяйственные должности в редакциях «Новой жизни» и «Экономической газеты», среди «чусей» — с января 1920 г. (на Северном фронте), в Управлении ЧУСО — с июля 1920 г. («для поручений 1-го разряда»)), которого в июне 1921 г. сменил С. Д. Лукша (после сельской школы — «старший унтер-офицер инженерных войск» (?), потом довольно пестрый перечень должностей среди «чрезвычайщиков» — инчусо на Северном фронте, «для особых поручений» при УЧУСОЗап, инчусо Орловской губернии с февраля 1921 г. — в отделе связи инспекции снабжения; член РКП(б))³⁶³.

В августе 1921 г., в связи с приказами Л. Д. Троцкого (№ 1115/199 от 21.05.21 г. и № 1124 от 23.05.21 г.) о фильтрации командного состава Красной Армии, в Управлении ЧУСО специальной «тройкой» (М. И. Полетаев, Ш. С. Каплан и Трошкова) на основе секретных инструкций была проведена регистрация сотрудников, результаты которой, если их к тому же сопоставить со штатными списками (объявлены в приказе по Управлению № 197 от 22.02.21 г., а также имеющимися в других источниках), дают интересные сведения о кадрах Управления ЧУСО: не имеющих специального военного образования—

62,7%; ранее работавших у белых — 3%; офицеров старой армии — 16,2%, из них кадровых офицеров — 3,4% (для сравнения скажем, что в феврале 1919 г. — по данным комиссии А. В. Эйдука — процент бывших офицеров в Управлении Чрезвычайного снабжения у Л. Б. Красина составлял 17,3); чиновников старого времени — 6,4%; бывших унтер-офицеров — 10,3%; красных командиров — 1,5%; средний возраст «чусей» — от 30 до 33 лет³⁶⁴. Таким образом «средний» представитель ЧУСО — это довольно молодой человек, естественно, физически крепкий, а потому потенциально очень работоспособный; в большинстве своем — без образования и соответствующей ему культуры поведения (среди профессионалов — исключительно низшие чины старой армии); скорее всего аполитичен, занят преимущественно хозяйственными проблемами, что в условиях экономической разрухи в конечном счете на первый план выводило личный интерес.

Особенно приметен в кадровом движении «чусей» июнь 1921 г., когда из московского Управления уехали две группы «специалистов» — одна с Н. Б. Эйсмонта, другая — с М. Д. Шейным. Задача группы Н. Б. Эйсмонта, как это видно из мандатов ее членов, состояла в подготовке условий для ликвидации местных органов ЧУСО и организационном строительстве гражданских хозяйственных учреждений (на этот счет было специальное постановление СТО). Маршрут охватывал Поволжье, Северный Кавказ, Крым, Украину; 15 человек комиссии (В. Г. Коханович — заместитель управляющего делами, С. А. Гусев — помощник УЧУСО по морской части, В. Я. Рискин — начальник интендантского отдела, Азарх — секретарь комиссии, Розанов — сотрудник «для поручений», Е. М. Эйсмонт — делопроизводитель комиссии, Вл. О. Абезгауз и др.) ехали с комфортом — от УЧУСО Поволжья, З. И. Абезгауза, например, Н. Б. Эйсмонт потребовал подготовить в Казани «небольшой, специально оборудованный (с буфетом) пароход... годный для погрузки одного автомобиля»; выехала группа Н. Б. Эйсмонта, как он сообщал в СТО, 16.06.21 г.; в Ростове они были 12.07.21 г., а 11.08.21 г. возвратились в Москву; во время отсутствия Н. Б. Эйсмонта в Управлении ЧУСО его замещал В. В. Гомбар³⁶⁵.

В отличие от комиссии Н. Б. Эйсмонта группа М. Д. Шейна ехала на север (Вологда, Пермь, Вятка, Екатеринбург, Омск и др.) и имела несколько иные цели: осложнявшаяся обстановка в ДВР тревожила центр, заботившийся об укреплении положения Красной Армии в Сибири (на 01.01.21 г. там было 398 тыс. красноармейцев), куда направлялись проверен-

ые кадры в том числе и в УЧУСОСиб, «аппарат которой, — как писал М. Д. Шенин в ЦК РКП(б), прося отпустить с ним Е. В. Василевскую (бывший следователь архангельской губернии), — укомплектован преимущественно из колчаковцев»; для тех же целей М. Д. Шенин просил И. С. Уишлихта и Н. П. Брюханова отпустить с ним М. П. Якубовича (бывшего смоленского губпродкомиссара), а Н. Б. Эйсмонт убеждал ЦК РКП(б) освободить от партийной мобилизации А. Я. Барилевича с тем, чтобы тот «немедленно» ехал с М. Д. Шениным; положение с кадрами в Сибири было действительно неудовлетворительным — начвоенхозом Управления помощника Главначснаба по Сибири, например, был некто Зубнов, ранее служивший начснабом 3-й армии Колчака. В Сибирь отправлялись также В. П. Вязальщиков (работал в ГАУ над производством удушающих газов, а затем — «для особых поручений» в ЧУСО), А. Б. Измиров (переведен Н. Б. Эйсмонт с Западного фронта в ЧУСО «для поручений», юрист по полуобразованию Петербургского университета с опытом работы со времен мировой войны), И. Н. Лукин (только что освободившийся от должности заместителя УЧУСОБел), Х. И. Лукина, С. Е. Каплай (начальник секретного отдела Управления ЧУСО), Ульянов, В. Смирнов, Агапов, А. Н. Алексеев, Л. Н. Алексеева, М. А. Москвин, В. П. Боголюбова³⁶⁶.

Направление в Сибирь М. Д. Шенина тоже имело определенную цель: за несколько дней до длительной поездки (прик. Чусо № 1247 от 10.06.21 г.) его назначили помощником Чусо, подняв тем самым авторитет эмиссара, ехавшего на смену заболевшего УчусоСиб А. П. Брыкова; командировка М. Д. Шенина предполагалась в течение двух месяцев³⁶⁷. Прибыв в Ново-Николаевск, 12.07.21 г. М. Д. Шенин сообщил М. И. Полетаеву о состоявшемся принятии дел у А. П. Брыкова и тотчас (прик. Чусо № 1295) был назначен УчусоСиб. Несколькими днями раньше произошла замена помощника Главначснаба по Сибири (07.07.21 г.) — приехавший И. Н. Лукин сменил Н. А. Варят; судя по миссии М. Д. Шенина, в Москве вынашивались планы формального расширения пределов ДВР на Сибирь (а на самом деле — Сибири на ДВР), нейтрализовав таким образом сепаратизм восточных регионов³⁶⁸.

В Москву М. Д. Шенин вернулся в начале сентября и, как видно из приказа Чусо (№ 1327 от 06.09.21 г.) о назначении его заместителем Н. Б. Эйсмонта «во всех необходимых случаях», поездка в Сибирь прошла успешно. В. В. Гомбарг, фактически руководивший Управлением ЧУСО во время отсутствия Н. Б. Эйсмонта и М. Д. Шенина (А. И. Рыков еще в апре-

ле 1921 г. отошел от ЧУСО; заболев, он был направлен на лечение в Германию), окончательно перешел в ВСНХ³⁶⁹.

Перетасовка кадров ЧУСО в первой половине 1921 г., как отмечалось выше, шла при значительном структурном расширении Управления ЧУСО. Связано это прежде всего с появлением двух крупных административно-управленческих подразделений — инспекции снабжения и Главного Управления по снабжению трудовых частей (ГУСТ).

Два месяца, прошедшие после появления приказа РВСР (№ 1619 от 16.08.20 г.) о передаче распределительных функций ЧУСО военному командованию, ничего не изменили в положении со снабжением армии — оно продолжало ухудшаться. Становилось понятно, что дело далеко не в организационных принципах построения системы снабжения. Неоправдавшиеся претензии к системе ЧУСО со стороны военного ведомства почти прекратились, что не в последнюю очередь послужило причиной активизации борьбы «чусей» за возвращение своих прежних полномочий. Всероссийское совещание ЧУСО посвятило этому вопросу большую часть своего времени. Солидаризируясь с призывами Н. Б. Эйсмонта расширить аппарат ЧУСО, М. Д. Шейн выступил с предложением об образовании в Управлении ЧУСО так называемого фронтового управления «для контроля над той стороной ЦУСа, которая подчинена военному ведомству», т. е. за его распределительными функциями; и в постановлении «По организационному вопросу», и в резолюции по докладу Главначснба Л. З. Аккермана (крайне негативно встреченному на совещании) присутствовала одна мысль: до того, как будет пересмотрен приказ РВСР № 1619 (об этом говорили с уверенностью, открыто и часто), создать при ЧУСО «контрольный аппарат по снабжению»³⁷⁰. Что, собственно, уже было начато: 01.11.20 г. в Управлении ЧУСО образован отдел инспекции снабжения с задачами: 1) планового распределения военного имущества и 2) контроля за организационно-распределительной работой ЦУС³⁷¹. Но этого казалось мало, М. Д. Шейну грезились куда более обширный аппарат — фронтовое управление с четырьмя отделами (инспекция снабжения, организационным, связи и общего), о чем он и сказал на заседании межведомственной штатной комиссии ЧУСО, 03.12.20 г. приступившей к обсуждению новых штатов Управления ЧУСО; по мнению М. Д. Шейна, фронтовое управление должно было быть совершенно независимым от ЦУС, тесно связано с ВСНХ (координируя поведение местных УЧУСО с его хозяйственной политикой), следить за использованием военным командованием приказом РВСР

№ 1619. Практика показала, продолжал М. Д. Шени, что распоряжения Реввоенсоветов «нарушают то плановое распределение, которое было установлено ЧУСО... что отделы ЦУСА на местах совершенно расходятся с общими директивами, что командование не считается с запасами и требует немедленной выдачи последнего имущества, что заказы, необходимые для данного боевого момента, недостаточно энергично выполняются СНХ-ми», так как не было надлежащего надзора за ними³⁷². Доводы М. Д. Шени встретили массу контраргументов со стороны представителей Наркомфина (С. И. Федоров) и РКИ (В. И. Персиков), считавших, что фронтовое управление окажется органом, параллельным с ЦУС и общим отделом Управления ЧУСО; В. И. Персиков доказывал, что образованное по решению Главкома Оперативное управление при ЦУС сможет успешно согласовывать производственные возможности на местах с оперативными задачами военного командования, а что до нарушений Реввоенсоветами производственных планов, то ведь ясно, что в условиях боевой обстановки командование «преспокойно заберет наличие, не считаясь ни с чем и никакая инспекция тут не поможет»³⁷³.

Разногласия в питатной комиссии были настолько бескомпромиссными, что после нескольких заседаний (вплоть до 17.01.21 г.) последовало решение: «Ввиду недостаточного согласования... довести до сведения Чусо»³⁷⁴.

Тяжба в питатной комиссии, как показано выше, окончилась безрезультатно для поверяющих органов — питаты Управления ЧУСО утвердили почти без изменений. Поменялось лишь название — фронтовое управление стало именоваться инспекцией снабжения, имевшей, как и планировалось ранее, несколько отделений, например, «военно-хозяйственного снабжения», где работали старший делопроизводитель А. В. Жданов и старший инспектор Б. М. Уманский (по образованию инженер-электрик)³⁷⁵. Руководил инспекцией снабжения Л. В. Гохенберг (юридическое образование после Петербургского университета в Военно-юридической Академии, поручик старой армии; после революции — на ряде снабженческих должностей Северо-Западного и Западного фронтов); помощником у него стал (с 01.07.21 г.) Н. В. Истомин (выпускник юридического факультета Варшавского университета, до ЧУСО — среди снабженцев Запасной армии республики и в Комгосоре ВСНХ)³⁷⁶.

Результаты работы инспекции снабжения — даже по тому, как они изложены Л. В. Гохенбергом в очерке истории отде-

ла — довольно прозаичны: согласование планов снабжения с Главкомом и ЧУСО, попытки руководить работой УЧУСО, контроль за действием приказа РВСР № 1619 — все довольно отвлеченно; как признавал сам автор очерка — «согласованность» между ЧУСО и РВСР «далеко не всегда имела место»³⁷⁷, т. е. главной своей задачи инспекции снабжения так и не выполнила.

Еще менее заметны успехи инспекции снабжения на периферии. Постановление Всероссийского совещания ЧУСО «По организационному вопросу» предусматривало образование контрольных аппаратов и в Управлениях УЧУСО; по словам М. Д. Шеина, если это и не делалось ранее, то только потому, что «из Центра никаких конкретных указаний не могло быть дано», так как сам центр был занят «борьбой с военным ведомством»³⁷⁸. Наконец, 16.02.21 г. Л. В. Гохенберг, Н. Б. Эйсмонт и М. Д. Шейн разослали местным Учусо (за исключением УчусоЗаВО и УчусоОВО) циркуляр (№ 40151), где сообщалось, что одновременно с приказом РВСР № 1619, вывожившим из подчинения ЧУСО «часть работы органов военного снабжения», ЧУСО и УЧУСО «предоставлено право всестороннего контроля армейских снабженческих распределительных органов», для него в аппарате УЧУСО необходимо создавать отделы инспекции снабжения, задачи которых: следить за заявками начснабов и за разработкой мобилизационных планов, утверждать планы снабжения и соответствующие приказы военного командования, инспектировать работу начснабов и чусо армий, давать информацию в центр; составители циркуляра, понимая, что указанные функции по существу перекликались с обязанностями РКИ, и зная усердие своих подопечных, предостерегали адресатов «от чрезмерных заданий по инспектированию войсковых частей», обследование которых «должно предприниматься лишь постольку, поскольку это нужно для выполнения задач контроля над органами снабжения»³⁷⁹.

Подобные «инструкции» могли иметь только одно следствие — дальнейшее обострение взаимоотношений ЧУСО и военведа, как это было, например, в Киевском ВО³⁸⁰ (о чем поговорим обстоятельней чуть ниже). Резко возросший авторитет военного командования позволял легко справляться со стремлением ЧУСО возродить былые чрезвычайные полномочия. По замечанию М. Карлсберга, созданный после Всероссийского совещания ЧУСО отдел инспекции в Управлении УЧУСОСиб, «фактически со своей задачей не справился»; ничем заметным не проявил себя наблюдательно-инспекторский (после

прик. Чусо от 04.02.21 г.), а с 30.04.21 г. (прик. Чусо № 1196) отдел инспекции снабжения УЧУСОПетВО; образованный в январе 1921 г. из отдела фронтового снабжения УЧУСОЮг-Зап., инспекционно-распределительный отдел УЧУСОКВО в конфликте УчусоКВО с военным руководством округа только ухаживал и без того довольно зыбкое положение там «чусей»³⁸¹. Расклад более крупных политических сил в республике менялся явно не в пользу всего лишь хозяйственных «чрезвычайщиков».

В 1921 г. в московском ведомстве ЧУСО появилось еще одно крупное подразделение. В связи с начавшимся роспуском армии высшее политическое руководство республики встретилося с массой проблем, в частности — с кричащей необходимостью трудоустройства бывших красноармейцев. Сошлись на предложении передать трудовые части из военведа в Наркомтруд. В конце февраля заместитель наркома труда В. А. Аванесов направил в СТО проект постановления, в котором предусматривалось образование при ЧУСО Главного управления по снабжению трудовых частей³⁸². В СТО (прот. № 200 от 30.03.21 г.) об этом докладывал заместитель председателя Главкомтруд Аппикет; проект одобрили и постановили: «Для снабжения трудовых частей вещевым довольствием образовывать при ЧУСО Главное управление по снабжению трудовых частей, а на местах — самостоятельные аппараты снабжения трудовых частей»³⁸³. Спустя полтора месяца появился приказ Чусо (№ 1206 от 10.05.21 г.), сообщавший также и о назначении главного начальника ГУСТ — им стал начальник инспекции снабжения ЧУСО Л. В. Гохенберг (врид.)³⁸⁴. Первоначально на эту должность предполагался помощник Главначснаба по Сибири Н. А. Варят (до того — начснаб 5-й армии и начснаб Сибири) — 30.03.21 г. ему был подписан даже соответствующий мандат, но, как видно из письма Н. Б. Эйсмонта в Оргбюро ЦК РКП(б) (от 28.04.21 г.), военвед противился передвижению Н. А. Варяты и комиссара Управления помощника Главначснаба по Сибири В. Смирнова (планировался заместителем главначснаба ГУСТ) в систему ЧУСО — Н. Б. Эймонт просил ЦК дать необходимые указания военведу; история затянулась, дошло до ТО, где после повторного слушания (прот. № 215 от 20.05.21 г.) возражения Э. М. Склянского отвергнули, а решение предыдущего заседания (от 18.05.21 г.) об откомандировании Н. А. Варяты в ЧУСО оставили в силе; но только после приезда М. Д. Шенина в Сибирь, привезшего с собой И. Н. Лукина, сменившего там Н. А. Варяты, тот был

отпущен «в распоряжение ЧУСО» (прик. РВСР № 241 от 25.08.21 г.)³⁸⁵.

Майский приказ Чусо обязывал Л. В. Гохенберга в двухнедельный срок представить проект штатов и приступить к формированию управлений снабжения трудчастей в регионах, что сделано было довольно быстро: 28.05.21 г. межведомственная штатная комиссия ЧУСО (прот. № 79) обсудила проект штатов ГУСТ — перед этим (14.05.21 г.) Н. Б. Эйсмонт наметил штатно-тарифному отделу РВСР, что это решение Совета Оборон. 03.06.21 г. штатная комиссия ЧУСО (прот. № 81) утвердила аппарат ГУСТ в количестве 296 (!) человек, что и нашло отражение в приказе ЧУСО (№ 1297 от 26.07.21 г.) и «Положении о Главном Управлении снабжения трудовых частей»; даже в конце августа 1921 г. после значительного сокращения штат ГУСТ насчитывал от 100 до 120 человек³⁸⁶.

На местах происходило примерно то же: в феврале 1921 г. межведомственная штатная комиссия ЧУСО получила проект штатов Управления УЧУСОЗавО. Б. И. Краевский предлагал, «учитывая возможность использования готового аппарата ЧУСО на трудовом фронте», число мест в его Управлении увеличить на 103 единицы, доводя его до 417 человек (!); 17.05.21 г. управление начальника снабжения трудовых частей было образовано в УЧУСОПетВО и т. д.³⁸⁷ В Наркомтруд, в отличие от военведа, авторитет ЧУСО оставался почитаем.

Столичный рынок в кадровом накоплении системы ЧУСО в первой половине 1921 г. имел интерференционные последствия для периферии. Несмотря на ставшее после 8-го съезда Советов совершенно конфронтационным по отношению к ЧУСО поведение местных советских хозяйственных органов (подробней об этом скажем ниже) и все усиливавшееся противодействие военного руководства, в регионах республики, как и в Москве, в первой половине 1921 г. система ЧУСО продолжала разрастаться все ускоряющимися темпами. После окончания войны с Польшей и вытеснения Врангеля из Крыма аппарат ЧУСО заметно активизировался на Украине — центре сосредоточения основных боевых сил Красной Армии после летне-осенней кампании 1920 г. Здесь были созданы свои вооруженные силы из преобразованных Южного и Юго-Западного фронтов. Соответственно изменилось там и положение ЧУСО. В. В. Гомбарг, объединявший руководство обоих фронтов, после приказа ЧУСО № 912 (от 15.11.20 г.) перешел в Москву; формально оставшийся исполнять его обязанности Г. И. Муст по существу занимался Южным фронтом, а на

Юго-Западном укрепился М. Н. Калашников, который после 21.12.20 г. (прик. Чусо № 991 и № 992) стал УчусоКВО, образованного преимущественно на базе Юго-Западного фронта; Управление УЧУСОКВО создавалось из кадров Управлений УЧУСО-Юг-Зап, ЧУСО 12-й и 14-й (чусо Костин и заместитель Баландин) армий, а также ИНЧУСО киевщины (с июля 1920 г. — инчусо Родионов)³⁸⁸. В начале января 1921 г. Управления ЧУСО 4-й армии и ИНЧУСО Крыма объединились в УЧУСО-Крыма во главе с И. Б. Пороцким³⁸⁹. После создания объединенного командования вооруженными силами Украины и Крыма в Харькове обосновалось УЧУСОУкрКрыма во главе с И. Е. Любимовым (сменившим временно исполнявшего эти обязанности Г. И. Муста — прик. Чусо № 1031 от 11.01.21 г.), хорошо знакомым еще по Туркестанскому фронту с теперь командующим войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе, не без участия которого, вероятно, И. Е. Любимов переместился на Украину; вскоре (с 12.02.21 г.) в качестве заместителя УчусоУкрКрыма там появился Я. А. Андреев (не без помощи, конечно, И. Е. Любимова, знавшего его по замещительству УчусоТурк раннего периода), с ноября 1920 г. находившегося не у дел после скандалов в Заволжском ВО; среди других заметных фигур, окружавших И. Е. Любимова в Управлении УЧУСОУкрКрыма, были: его заместитель И. К. Гамбург, помощник по производственной части И. Я. Граевский (поднявшийся с инчусо Таганрогского округа), помощник по распределительной части Латсон, начальник канцелярии А. П. Данилов (университетское юридическое образование; боевой офицер старой армии — штабс-капитан; в Красной Армии — делопроизводитель; среди «чусей» — с апреля 1920 г. в УЧУСО-Юг-Зап, чусо черного моря, чусо Днепровской флотилии)³⁹⁰.

Назовем еще тех, кто оставил «чрезвычайно» заметный след на Украине в 1921 голодном году; УчусоХВО Ронферт (бывший чусо Первой Конной), его заместитель О. Л. Кричевский (бывший черниговский инчусо), его помощник Крыжановский; УчусоКВО Халыцкий, его заместитель Проскуровский и помощник З. А. Клебанов; чусо армий: Лазарев (он же инчусо Одесской губернии), А. В. Гольдштейн (бывший инчусо Кременчугской губернии, которого там сменил Б. В. Лавровский), Вишнев-Лейканд, Савельев (чусо 12-й армии), Цыбин (бывший инчусо Саратовской губернии), А. М. Углов (чусо 6-й армии — планировался на должность УчусоХВО, но после отрицательной характеристики, данной ему заместителем УчусоУкрКрыма И. К. Гамбургом, не прошел,

«как не совсем отвечающий Учусо округа») и его заместитель И. С. Морозов; чрезвычайные инспекторы: Г. М. Альтшеллер (Харьковской губернии), Ф. Д. Каменчик (Крыма), Владимиров (Донецкой), С. Иоффе (Екатеринославской), Шевелев (сменивший И. М. Грушко в Волинской), Алов (Запорожской), Остерфельд (Таганрогского округа), Касаткин (Елисаветградской губернии)³⁹¹. Управление УЧУСОУкрКрыма по размерам бюрократического аппарата в 1921 г. уступало лишь московской конторе ЧУСО — настолько обширной была сфера приложения усилий «чрезвычайных» органов в этом регионе. Разразившийся на Украине в 1921 г. голод, бесспорно, одной из причин имел беспрецедентное выкачивание для армии продовольственных и иных запасов с помощью разного рода «чрезвычайных» органов советской власти, окончательно угнетавших и так пришедшую в полный упадок хозяйственную активность в республике. Прямым следствием такой «хозяйственной» политики стало массовое повстанческое движение, основным лозунгом которого был призыв к ликвидации «чрезвычайного» военно-коммунистического режима.

Аналогичные процессы происходили в центральных районах России и в Поволжье, превращенных в базовые регионы формирования пополнений для Красной Армии. Так, 2-я Особая армия расширила базу своего пребывания на весь Орловский ВО (Брянская, Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии), в связи с чем приказом Чусо (№ 1046 от 25.01.21 г.) в Воронеже с 15.02.21 г. создано Управление УЧУСОЗаВО во главе с временно назначенным туда бывшим врид чусо 2-й Особой Е. А. Булановым, которого позже сменил М. Ф. Шапиро, руководивший до этого со своим заместителем С. Х. Шуб аппаратом ИНЧУСО Курской губернии; Е. А. Буланов стал заместителем УЧУСООВО, а помощником — И. М. Балинский (бывший начальник военно-промышленного отдела Управления УЧУСООВО); в Тамбовской губернии продолжал свою деятельность инчусо Н. С. Караганов, в Воронежской появился Назарьевский (с марта 1921 г.), Курская (после ухода М. Ф. Шапиро) передана его бывшему помощнику Перову, Орловская отдана Гершману, в Брянской с 01.04.21 г. — Гапонов³⁹². В мае — июне 1921 г. в ходе подавления восстания в Тамбовской губернии инчусо Н. С. Караганов получил статус Учусо Тамбовской группы войск; помогал ему в это время Н. В. Второв³⁹³.

В начале 1921 г. приступили к крупной реорганизации УЧУСОЗаВО. После приказа Чусо № 1049 (от 25.01.21 г.) территория Башкирской республики из ведения УЧУСОЗаВО

с 15.02.21 г. передана в ведение УЧУСОУрала³⁹⁴. Спустя неделю вышел приказ Чусо (№ 1069 от 23.02.21 г.), по которому УЧУСОЗаВО преобразовывалось в УЧУСО Нижнего Поволжья; совмещавший должности УчусоЗаВО и командующего войсками Заволжского ВО Б. И. Краевский, «ввиду невозможности совмещения должностей Комвойск ЗаВО и Учусо Нижнего Поволжья временно исполняющим обязанности Учусо Нижнего Поволжья назначался А. Ф. Лелеков (до этого — заместитель по УЧУСО у Б. И. Краевского), которому в месячный срок предписывалось перевести Управление из Самары в Саратов, так как Самарская губерния изымалась из УЧУСОЗаВО и передавалась в подчинение центру (до передачи — инчусо (УЧУСОЗаВО) по Самарской губернии Е. П. Обручешников; после передачи — заместитель Учусо Нижнего Поволжья по Самарской губернии И. Г. Дегтярев); то же сделали и с УЧУСОКирРесп (заместитель УчусоЗаВО по Киргизской республике — А. Д. Гончаров). Границы вновь созданного УЧУСО Нижнего Поволжья составили Астраханская, Саратовская, Царицынская губернии и трудовая коммуна немцев Поволжья; в функциональном отношении за Учусо Нижнего Поволжья оставалось только руководство производством, а право распределения передавалось центру³⁹⁵.

Обязанности Учусо Б. И. Краевский сложил только в марте 1921 г., после чего К. А. Сазонов, назначенный заместителем Учусо Нижнего Поволжья (был помощником у Б. И. Краевского по УЧУСОЗаВО; назначение на должность с 23.03.21 г. подтверждено приказом Чусо № 1163 от 12.04.21 г.), 05.03.21 г. отправился в Саратов для организации там Управления Нижнего Поволжья³⁹⁶. Инчусо в Саратовской губернии это время был М. А. Бунин (его заместитель — М. Я. Смирнов); среди других «чусей» Нижнего Поволжья: В. П. Петухов (инчусо Астраханской губернии) и его заместитель Г. К. Улиско: упоминавшиеся уже А. Г. Данилин (инчусо Царицынской) и П. П. Миллер (немцев Поволжья)³⁹⁷.

В УЧУСОПриВО до апреля 1921 г. существенных кадровых изменений не происходило. В заместителях у З. И. Абезгауза ходили: М. Рошаль (одновременно председатель Татарского СНХ), И. Н. Валуцкий (с 13.12.20 г. перебравшийся в Казань с должности инчусо Нижегородской губернии) и С. М. Максимов; инчусо Пензенской губернии был В. Семенов³⁹⁸.

В апреле 1921 г. после слияния Приволжского и Заволжского военных округов в Казани на базе УЧУСОПриВО со-

дано объединенное Управление УЧУСО Поволжья (прик. Чусо № 1224 от 26.04.21 г.) во главе с З. И. Абезгаузом, а А. Ф. Лебеков с его Управлением в Саратове стал именоваться заместителем Учусо Поволжья по Нижнему Поволжью. В результате стремительного отъезда З. И. Абезгауза в августе 1921 г. из Казани в Москву Учусо Поволжья стал А. А. Алексеев (до этого (в июле) в заместителях у Учусо Поволжья появились А. М. Скосырев, а И. Н. Валуйский перешел в помощники последнего)³⁹⁹.

Обилие «чрезвычайных» снабженцев Красной Армии в Поволжье, в этом нет сомнения, стало одной из причин (как и на Украине) разразившегося там в 1921 г. голода.

Некоторые территориальные, а следовательно, и кадровые изменения в структуре ЧУСО произошли на Западном фронте. Связано это было с окончанием советско-польской войны и крымской кампании, а также с намечавшимся роспуском Красной Армии. В начале декабря 1920 г. расформирована 3-я армия, одновременно упразднена должность ее чусо и его Управления (прик. УЧУСОЗап № 328 от 08.12.20 г.). 10.12.20 г. Н. Б. Эйсмонт сообщил УчусоЗап о предстоящей ликвидации ЧУСО Западной армии Западного фронта и Западного ВО, что тут же было исполнено (прик. УчусоЗап № 329). Но это, как писал Н. Б. Эйсмонт, никак не должно было повлиять на Управление УЧУСОЗап, значение которого продолжало сохраняться⁴⁰⁰. Р. Я. Крумовиц, ранее назначенный врид УчусоЗап (вместо уехавшего в Москву М. Л. Никифорова), с 13.12.20 г. стал полноправным руководителем Управления; помощником у него — Н. Л. Волынский, управляющим делами (как и раньше) — С. К. Каргельс⁴⁰¹. В губерниях УЧУСОЗап представляли: в Витебской — вернувшийся из Управления УЧУСОЗап А. Ю. Энтиц и его помощник Г. М. Захаревский; в Гомельской — ипчусо А. В. Озерский со своим помощником Б. И. Куниным (перешедшим от Н. С. Караганова из Тамбовской губернии); в Милской — ипчусо Г. М. Цимбалло (его сменил А. С. Бениксон) и его помощник (с 17.12.20 г.) Р. Я. Крумовиц (в свое время окончил коммерческое училище, в 15-й армии заведовал отделом снабжения); чусо 16-й армии был М. П. Ефремов⁴⁰². Появились на Западном фронте и уездные чусо, как, например, И. Ф. Головнев в Новозыбковском уезде (несостоявшийся студент физико-математического факультета Киевского университета)⁴⁰³.

Организационные изменения претерпело и УЧУСО Пет. После слияния 7-й армии с Петроградским ВО, УЧУСО Пет-

роградского укрепрайона преобразовали в УЧУСО ПетВО «с предоставлением... всех прав УЧУСО фронтов и округов»; П. И. Судаков вернул себе утраченные ранее губернии, а вместе с ними и аппараты ИНЧУСО, во главе которых теперь ставились (по совместительству) председатели губернских СНХ, первым из которых 19.02.21 г. в Псковской губернии заменили отозванного «в распоряжение ЧУСО» А. Я. Немировского (им стал А. Х. Маурин). Прецедент, вероятно, вызвал определенные сомнения в московском Управлении — 22.02.21 г. Н. Б. Эйсмонт направил в Петроград М. Д. Шеина для выяснения ряда организационных вопросов, связанных с расширением прав и функций УЧУСО Петрорайона до УЧУСО Петроградского военного округа»; но как видно из последовавших позже назначений (11.04.21 г. Р. И. Васина в Череповецкую и 23.04.21 г. С. А. Соболева и В. В. Логинова соответственно в Олонецкую и Новгородскую губернии), в руководстве ЧУСО вынуждены были согласиться на совмещение должностей⁴⁰⁴ — с гражданскими хозяйственными органами необходимо было искать компромисс.

Весной 1921 г. на базе Кавказского фронта возник Северо-Кавказский ВО (второе формирование). Значительная часть окружных управленческих структур там создавалась из работников Первой Конной армии, уводившейся с голодной Украины на Дон и Кубань. Реввоенсовет СКВО, поддержанный В. В. Гомбаргом, предлагал формировать Управление УЧУСО СКВО из аппарата ЧУСО Первой Конной. Между Москвой и Ростовом возникли разногласия: 10.05.21 г. чусо Первой Конной Ронферт запросил у ЧУСО разъяснений, что делать — ехать на Северный Кавказ и там создавать УЧУСО СКВО на основе аппарата Первой Конной, или ждать решения, так как Учусо СКВО Н. М. Шверник предлагал создавать Управление УЧУСО СКВО из работников УЧУСО Кавк⁴⁰⁵. Предложение Н. М. Шверника, недавно назначенного врид Учусо Кав (вместо уходящего в отпуск «сроком до трех месяцев» А. А. Квятковского — прик. Чусо № 1183 от 24.04.21 г.), возобладало в ЧУСО и 25.05.21 г. (прик. Чусо № 1237), с переименованием УЧУСО Кавк в УЧУСО СКВО, Управление возглавил Н. М. Шверник, а Ронферт остался на Украине⁴⁰⁶. Бывшая 11-я, а теперь Отдельная Кавказская армия в отношении ЧУСО получила двойное подчинение — и Москве, и Ростову; чусо армии по-прежнему оставался П. Г. Журид⁴⁰⁷. Управлением ИНЧУСО Кубапо-Черноморской области руководил Лебедев, его заместитель — Берри⁴⁰⁸.

С конца 1920 г. особенно заметно стал падать авторитет

«чусей» на Туркестанском фронте. А. Н. Войтов, оставшийся замещать И. Е. Любимова (уехавшего на Всероссийское совещание ЧУСО в ноябре 1920 г.), в декабре разыскивал его телеграммами, убеждая в необходимости скорее приехать или хотя бы отозваться, так как отношения с местными властями и военным руководством становятся все хуже и хуже⁴⁰⁹. Но И. Е. Любимов, похоже, делами Туркестанского фронта интересовался уже мало — впереди маячила должность УчусоУкр-Крыма, куда более заманчивая; 11.01.21 г. он ее получил (прик. Чусо № 1031)⁴¹⁰. С 15.04.21 г. УчусоТурк стал (назначенный после И. Е. Любимова врид.) П. М. Жоголев, ничем заметным себя не проявивший и в июне также уехавший в Москву и тоже не вернувшийся⁴¹¹. Оставшемуся вместо П. М. Жоголева А. Н. Позднышеву (интерскому рабочему-кондитеру с большим опытом «чусей» еще с 1919 г. и с длинным перечнем членств в других «чрезвычайных» организациях Туркестанского края, по характеристике его заместителя А. Н. Войтова «несмотря на недостаточную школьную подготовку... обладавшему большой эрудицией»⁴¹²), осталась только ликвидация дел Управления УЧУСОТурк. Среди управленцев УЧУСОТурк встречаем Я. Я. Каркина (образован в Рижском ремесленном училище), состоящим «для поручений... по наблюдению за выполнением готовых изделий»⁴¹³. В областных подразделениях Туркестана деятели ЧУСО в 1921 г. имели статус Учусо: в Семиреченской области, например, им был М. Л. Эльяшберг⁴¹⁴. В декабре 1920 г. с расформированием 1-й армии ее ЧУСО преобразовали в УЧУСО Закаспийской области (прик. УчусоТурк № 116 от 28.12.20 г.); из-за конфликта с РВС 1-й армии ее чусо Козлова пришлось сменить на Учусо Брызгалова⁴¹⁵. В 1921 г. административные органы туркестанских «чусей» имели свои представительства в уездных и районных центрах, как, например, в Андижан-Ошском районе Ферганской области (И. А. Смирнов), во всех уездах Закаспийской области⁴¹⁶.

Итак, к лету 1921 г. — ко времени начала ликвидации — система ЧУСО имела крупнейшие региональные подразделения: на Западном фронте (Смоленск), на Туркестанском (Ташкент), в Петроградском ВО (Петроград), в СКВО (Ростов-на-Дону), в Отдельной Кавказской армии (Тифлис), на Урале (Екатеринбург), в Сибири (Ново-Николаевск) (об аппаратных изменениях 1921 г. в УЧУСОУрала и УЧУСОСиб скажем ниже), в Поволжье (Казань), на Украине и в Крыму (Харьков), в КВО (Киев), в Киргизской республике (Оренбург), в Орловском ВО (Воронеж), в Тамбовской группе

войск (Тамбов), в Нижнем Поволжье (заместитель Учусо-Поволжья в Саратове)⁴¹⁷.

В Москве продолжали существовать представительства УЧУСО — «технические бюро», руководимые начальником отдела связи инспекции снабжения Управления ЧУСО А. Я. Бариловичем, которого М. Д. Шейн назвал «суммарным представителем областных чусо в Москве»⁴¹⁸. Так, «техбюро» УЧУСОЮг-Зап ликвидировали только 05.03.21 г. (прик. Чусо № 1111), а УЧУСОТурк (руководитель И. С. Александров) лишь 01.08.21 г.⁴¹⁹

После реорганизации московского Управления ЧУСО, давшей, помимо прочего, резкий скачок количества занятых там служащих, началась кампания «совершенствования» Управлений на местах, которая по сравнительным темпам наращивания кадров (как и в 1920 г.) намного опережала центр.

В конце 1920 — начале 1921 г. была проделана огромная работа по составлению смет расходов 1921 г. на содержание проектировавшихся штатов периферийных органов ЧУСО. Произведенный на основе этих документов подсчет показал, что первоначально планировавшееся количество «чусей» на местах выражалось внушительной цифрой — 4 349 служебных мест (по далеко неполным данным — без числа занятых в УЧУСО-ПриВО, УЧУСОУрала, УЧУСОФлота, УЧУСОВИВРесп, разного рода комиссий УЧУСО и т. д.)⁴²⁰. Но уже в ходе планирования стало выясняться, что предлагавшихся штатов недостаточно. Б. И. Краевский, сменивший УчусоЗаВО Я. А. Андреева (не очень стремившегося к увеличению штатов заволжских «чусей»), вместе со своим заместителем А. Ф. Лелековым тотчас направили в Москву «пояснительную записку», где доказывали малочисленность штатов УЧУСОЗаВО, предложенных Я. А. Андреевым, и требовали увеличения их более чем на 100 мест (с 314 до 417)⁴²¹. Того же требовали и из Петрограда, где «в результате намечавшихся реорганизаций» УЧУСОПет в УЧУСОПетВО сочли необходимым иметь штат общей сложности более чем в 600 человек⁴²².

Причины роста штатов местных «чусей» в 1921 г. были самые разнообразные, от команд из Москвы, требовавших увеличения сотрудников в связи с созданием новых подразделений, как, например, с образованием отделов инспекции снабжения, или с расширением вотчин, как у ЧУСО 2-й Особой армии, развернувшейся на целый военный округ, до инициатив и предложений, идущих снизу и рассчитанных, как в упоминавшихся выше случаях с Б. И. Краевским и П. И. Судаковым, по мне-

нию их авторов, на рост авторитета своей организации. Увеличивалось, разумеется, и число занятых в низших структурах — в Управлениях ИНЧУСО и ЧУСО армий, где редко оно выражалось (как минимум) шестнадцатью штатными единицами, а чаще цифра поднималась до 30, а то и 40 сотрудников⁴²³. К тому же число мелких контор ЧУСО в 1921 г. резко возросло за счет уездных и районных представительств — в Харьковской и Черниговской губерниях, например, их имелось соответственно 28 и 11 (а всего в Управлениях, подведомственных УЧУСОУкрКрыма в феврале — марте 1921 г. насчитывалось 538 человек)⁴²⁴.

Как видно из табл. 2, число периферийных «чусей» в марте 1921 г. по неполным данным превысило пяти тысячную отметку. До июля 1921 г. — до начала сокращения аппарата ЧУСО — происходило незначительное колебание числа занятых в системе. Так, в Тамбове инчусо Н. С. Караганов смог довести свое Управление до 46 человек; выросли штаты Управления УЧУСОПетВО — 181; на Украине общее число занятых в «чрезвычайных» органах сократилось до 1487 (1437), а в Сибири возросло до 272 и т. д.⁴²⁵

Т а б л и ц а 2

Штаты Управлений УЧУСО к весне 1921 г. ⁴²⁶

Управление УЧУСО	Без СВП и низовых органов, чел.	С персоналом низовых органов, чел.
Западный фронт	212	873
Кавказский фронт	112	616
Урал	95	89
Петроградский ВО	165	340
Орловский ВО	98 (145)	450
Сибирь	125	203
Беломорский ВО	134	174
Туркестанский фронт	116 (111)	289
Приволжский и Заволжский военные округа		325
Украина и Крым	316 (388)	1590
Киргизская республика		61
Всего	1372 (1486)	5010

Примечание. Данные по штатам УЧУСО взяты в первом случае по состоянию на начало 1921 г., во втором — на 01.03.21 г. Цифры в скобках — это данные по другим, отличным источникам.

Колебания эти, как правило, были в сторону увеличения.

Поэтому, учитывая говорившееся выше, мы вполне вправе предположить, что к середине 1921 г. общее число «чрезвычайных» организаторов советской экономики и системы обеспечения Красной Армии составило примерно от 7 до 7,5 тыс. человек, т. е. выросло вдвое по сравнению с концом 1920 г. Подчеркнем, речь идет только о системе ЧУСО, так как занятых в исполнительных структурах снабжения армии было в десятки раз больше. В штабе Орловского ВО, например, только в снабженческой его части в феврале 1921 г. было занято более 600 «организаторов»⁴²⁷, а в целом в аппаратах снабжения Красной Армии (если судить по заявлению Главнаснабжения, что после 66% их сокращения к 01.09.21 г. должно было остаться 115 тыс.) насчитывалось примерно 350 тыс. управленцев⁴²⁸.

К середине 1921 г. в России сложилась крайне необычная ситуация, когда одинаково быстро и в совершенно противоположных направлениях протекали процессы, трудно поддающиеся логическому сопряжению: деградация экономики и безудержный рост числа занятых в системе распределения (в данном контексте слово «управления» неуместно). Из разбегавшихся двух векторов экономической практики выросстал третий — инфляция. В 1921 г. она приняла гипертрофированный характер. Поэтому к тому, что будет сказано ниже о содержании периферийных структур ЧУСО, как и к говорившемуся выше о содержании московского Управления, следует относиться как к попытке сравнительного анализа, а не как к стремлению представить реальное стоимостное отражение происходившего.

По финансовым документам ЧУСО расходы на содержание местных учреждений в 1921 г. должны были составить 467 969 000 р.⁴²⁹, что мало отличается от цифр, приведенных в итоговом финансовом отчете ликвидационной комиссии ЧУСО, — всего 478 млн 576 455 р.⁴³⁰ Однако есть много оснований сомневаться в достоверности этих данных. По расчетам, основанным на сопоставлении большого числа проектов смет расходов местных органов ЧУСО на 1921 г., общая сумма затрат на содержание только личного состава (зарплата) местных «чусей» составила бы 343 млн 303 494 р.⁴³¹ Расчет произведен по неполным данным (без «чусей» морведа, УЧУСО по изъятиям, УЧУСОВИВРесп и некоторых других). Эти же расчеты показывают, что средняя стоимость одного управленческого места ЧУСО на периферии составляла примерно 250—300 тыс. р. (в Москве, как мы установили — до 1 млн р., т. е. в 3—4 раза дороже), а доля зарплаты периферийных «чу-

сой» от общих управленческих расходов составляла, как правило, от 20 до 33% (в Москве — до 50%), следовательно, общая сумма расходов на содержание местных «чусей» в 1921 г. (по предварительным сметам) должна была бы выразиться суммой где-то порядка 1,5 млрд. рублей.

Не исключено, что предварительные сметы корректировались финансово-контрольными органами, но, как мы убедились в случае с московским Управлением ЧУСО, эта коррекция могла быть только незначительной, а на практике, с течением времени основательно перекрыта действительными расходами, как это и было на самом деле.

В ходе проводившихся расчетов выявилась и такая любопытная деталь, как разница в «стоимости» одного «чуса» между центром и местами. При том, что цена одного управленческого места в Москве обходилась в три раза дороже периферийного, а доля зарплат от этой стоимости в два раза больше, чем у местных «чусей», оплата их в Москве, выходит, в 6 раз превышала периферийную, т. е. если зарплата «среднего чусо» на периферии составляла, как показал расчет, 84 724 р. в год (на конец 1920 г.), то московский тянул на полмиллиона. В 1921 г. в результате инфляции эти цифры были значительно перекрыты многократным повышением, но и в этом случае «субординация» между центром и местами соблюдалась строго пропорционально. И еще. Самыми «дорогими» среди местных «чусей» были из Управления Петроградского ВО и Туркестанского УЧУСО, их зарплата планировалась на 1921 г. соответственно в 164 667 р. (вдвое выше средней по республике) и 96 927 р. в год; вилка оплаты армейских и губернских «чусей» уместилась между 57 и 67 тыс. рублей годовых. (Гораздо выше их «стоимость» была во 2-й Особой армии — 73 448 и почему-то в Екатеринославской губернии — 109 694 р.)

Тот факт, что цифра расходов в 1921 г. на местные учреждения УЧУСО, приводимая в финансовом отчете ликвидком ЧУСО, не реальна, подтверждается и другими косвенными данными. Так, в финансовом отчете УЧУСОлетВО (по состоянию на 01.10.21 г.) указывается, что общая сумма расходов на содержание личного состава в 1921 г. составила 25 017 348 р.; при этом только 8 млн р. вошли в сметные затраты, остальные 17 млн р. пришлось брать из оборотного фонда⁴³². И это после того, что «Правила...» расходования Уполномоченными ЧУСО средств оборотного фонда строго предупреждали: «Расходы на содержание личного состава... не могут оплачиваться за счет фонда»⁴³³. Таким образом, реальная стоимость жизни управленцев УЧУСО, несмотря на инфляцию и ранее составлявшие

ся сметы, поддерживалась на определенном достаточном уровне, даже если для этого приходилось нарушать финансовое законодательство. Но если с ним вольно обращались в центре, то разумеется, не могли удержать от этого и места, и даже совсем необычно — центр способствовал этому. И. К. Гамбург писал в очерке об УЧУСО УкрКрыма: «Следует отметить особые финансовые условия существования УЧУСО-УкрКрыма... он жил за счет кредитов из чрезвычайного фонда», в 1920 г. центр дал на это 30 млн р., летом 1921 г. — уже 650 млн р.⁴³⁴ Но с такими «особыми условиями» существования УЧУСО мы сталкиваемся повсеместно. В ноябре 1920 г. УчусоСиб, например, запросил на свои расходы 200 млн р.⁴³⁵ Не получая до этого от ЧУСО денег на содержание своего Управления. А. П. Брыков, конечно же, рассчитывал компенсировать расходы из этой суммы. Указанные факты (а их можно приводить по каждому подразделению ЧУСО) лишний раз свидетельствуют о финансовом беспределе, царившем в системе ЧУСО. Поэтому предполагаемую нами сумму возможных затрат на содержание местных УЧУСО в 1921 г. (1,5 млрд р. — по ценам конца 1920 г.) мы можем считать как самую минимальную из допустимых. Учитывая сказанное выше в отношении содержания московских структур ЧУСО, а также то обстоятельство, что в 1921 г. система ЧУСО существовала лишь до октября месяца, мы можем предположить и возможную сумму затрат в этом году на ее содержание в целом — она будет находиться в пределах 3—3,5 млрд р.

Если судить о системе ЧУСО 1921 г., в частности — о ее периферийных структурах исходя из сказанного выше, то может сложиться представление как о процветающей и могущественной организации исполнительной власти. Здесь сказывается одна из особенностей советской АКС: вплоть до одноmomentного и полного разрушения каких-то ее составных частей, они продолжают производить иллюзорное впечатление своей полной политической состоятельности. На самом деле внутри системы и вокруг нее происходили процессы разрушения: запредельная бюрократизация системы (в частности — ее кадровое перенасыщение) неизбежно вела к самоуничтожению; что до внешнего фактора, то здесь разрушающую роль все настойчивее стало играть военное руководство, у которого половинчатость и промежуточность ЧУСО вызывали теперь открытую неприязнь, несмотря на то, что само военведомство (по части его бюрократизации) мало чем отличалось от ЧУСО.

С конца 1920 г. система ЧУСО (как система военного ком-

мунизма) оказалась рвущимся звеном между прогрессивными демократическими тенденциями, идущими от представительных органов советской власти, и реакционными стремлениями нарождавшейся советской военщины к утилитарному военнототалитарному порядку. Если во второй половине 1920 г. борьба между ЧУСО и военведом происходила преимущественно в пределах верхних слоев советской пирамиды власти, то в 1921 г. — окончившись наверху поражением ЧУСО — она сместилась на периферию. Председатель «чрезвычайной» комиссии РВСР по обследованию Западного фронта К. Х. Данишевский был, например, крайне удивлен тем фактом, что «УчусоЗап своим распоряжением изменяет штаты Управлений снабжения фронтов»; он, вероятно, не допускал даже мысли о возможности такого вмешательства УЧУСО в дела фронта; в письме к А. И. Рыкову (03.11.20 г.) К. Х. Данишевский предлагал устроить эту «неправильность»⁴³⁶. Такие настроения не исключение: М. Д. Шенин, отстаивая право ЧУСО хотя бы на контроль за распределением, открыто признал в декабре 1920 г., что после утраты ЧУСО распределительных функций (прик. РВСР № 1619) военное командование перестало считаться с его представителями на местах; а Всероссийское совещание ЧУСО вынуждено было рекомендовать своим Учусо «назначать представителей в армии только в том случае, если они несут производственные функции»⁴³⁷. Но и эти назначения встречали затруднения. РВС Туркестанского фронта, например, заупрямился по поводу кандидатуры учусо 1-й армии и его пришлось сменить, хотя очевидно было, что сводятся личные счеты; более того: в декабре 1920 г. РВС потребовал от УЧУСОТурк представить ему на утверждение штаты Управления; узнав об этом, находившийся в Москве И. Е. Любимов предложил Н. Б. Эйсмунту «повлиять» на РВС фронта через ЦК РКП(б), а заместитель УчусоТурк А. Н. Войтов, не проявивший должной твердости по отношению к РВС фронта, получил за это выговор в приказе Чусо (№ 1025 от 11.01.21 г.), указавшем между прочим на «недостаточную компетенцию РВС фронта в разрешении задач ЧУСО»⁴³⁸. Раздражение Н. Б. Эйсмонта можно понять — авторитет местных «чусей» падал стремительно: только что переведенный в «распоряжение ЧУСО» с должности заместителя УчусоСиб С. Г. Продзенский характеризовал трактовку военным командованием приказа РВСР № 1619 «как право единоличного разрешения вопросов распределения без согласования таковых с ЧУСО или его представителями», в результате чего «на местах возникали серьезные трения», а аппарат ЧУСО «перестал

иметь осведомленность о делах снабжения и распределения войсковых частей». В феврале попали жалобы из Архангельска от УчусоБелморВО К. И. Пронского на окружного военкома Напаренуса и начальника окрхозупра Голубева. «Вообще личность Напаренуса, — писал К. И. Пронский, — вполне выражает особую определенную линию (поведения. — Н. П.) некоторой части РВСР, стремящейся объединить в руках строевого командования весь снабженческий аппарат»⁴³⁹. В июле 1921 г. Главначснаб Г. Д. Базилевич в очень обтекаемой форме, но крайне настойчиво предложил ЧУСО прекратить на местах совмещение должностей Уполномоченных ЧУСО и начснабов воинских частей; В. В. Гомбарг, под впечатлением остроумно составленного письма, тотчас разослал телеграммы Уполномоченным с требованием не производить совмещений, а уже состоявшиеся — отменить⁴⁴⁰.

Чтобы наглядней показать положение местных УЧУСО в 1921 г., остановимся более подробно на истории с УчусоКВО М. Н. Калашниковым, истории, которая дает к тому же возможность увидеть типичного представителя хозяйственной номенклатуры, вытолкнутой на поверхность управленческой власти октябрьским переворотом и укоренившейся там в результате практики военного коммунизма.

Тридцати лет от роду, бывший рядовой старой армии, в анкетах писавший о «самообразовании», но член РКП(б), М. Н. Калашников к концу 1920 г. накопил внушительный список «чрезвычайных» должностей, тянувшийся от «заведующего интендантской секцией в дивизии наркома М. С. Кедрова» через Северный, Восточный и Юго-Западный фронты на Украину⁴⁴¹. В конце 1920 г. М. Н. Калашников оказался на распутье: по случаю ликвидации Юго-Западного фронта Р. И. Берзин при поддержке А. М. Кактыля прочил его (УчусоЮг-Зап) на должность уполномоченного Промбюро в Правобережной Украине; но в ЧУСО рассудили иначе, назначив его 26.12.20 г. (прик. Чусо № 991 и № 992) УчусоКВО, формировавшегося на основе Юго-Западного фронта⁴⁴². Не прошло и недели, как М. Н. Калашников окончательно испортил отношения с военным руководством округа (командующим войсками А. И. Егоровым, членом РВС В. П. Затонским и начальником штаба округа Паукой), отказавшись выполнять их приказы, сместив при этом начснаба округа Грипко в должности (вероятно, знакомого ему еще по 6-й армии Северного фронта, дели. как М. Н. Калашников окончательно испортил отношения с января 1920 г. бывшего начснабом у А. И. Егорова на Юго-Западном фронте); разозлившийся А. И. Егоров восстановил

М. Н. Калашникова из Киева. Главком объяснил ситуацию Н. Б. Эйсмонту, после чего М. Н. Калашников получил конфиденциальное письмо, где Н. Б. Эйсмонт довольно лицемерно «пожурился проказника», писал ему о предстоящем перемещении «на значительно более ответственную работу» — на должность УчусоТурк, где «необходимо жесткой рукой провести политику ЧУСО и Вы признаны мной наиболее подходящим кандидатом»; но чтобы его перевод «не носил характера уступки командованию», Н. Б. Эйсмонт обещал отдать приказ чуть позже, а пока предложил приехать в Москву в начале февраля «для окончательного выяснения всех вопросов»⁴⁴³.

Толи М. Н. Калашников уклонился от «более ответственного» переезда далеко от Москвы в Ташкент, то ли И. Е. Любимов постарался не допустить себе на смену уж слишком «чрезвычайного» преемника, но после полуторамесячного пребывания в Москве М. Н. Калашников получил предписание Н. Б. Эйсмонта «отправиться в г. Киев к месту Вашей службы»⁴⁴⁴. И это в то время, когда было решено назначить на место УчусоКВО Хаявского.

Вернувшись на Украину, М. Н. Калашников повел себя еще более «чрезвычайно»: стал сокращать снабженческие аппараты округа, перетасовывать кадры, строго формально следовать приказу УчусоУкрКрыма (№ 112) об изъятии 60% производимого местной промышленностью вещевого довольствия «в распоряжение» УЧУСО, перессорился с губернским совнархозом, вконец испортил отношения с комячейкой Управления УЧУСОКВО, сменил своего заместителя В. Русского (при этом ему было известно о вот-вот должном появиться Хаявском) — разразился скандал, в результате которого РВС округа отдал приказ об отстранении его от должности УчусоКВО⁴⁴⁵.

В ЧУСО употребили все свое влияние, в том числе и на ЦК РКП(б), с тем, чтобы сохранить хотя бы внешние приличия и достойно выйти из конфликта. По решению ЦК РКП(б) от 31.03.21 г. (А. И. Рыкову предписывалось исполнить его в пятидневный срок) в Киев уехала комиссия из представителей РВСР (В. Фирсов) и ЧУСО (З. Н. Доссер), которая в течение двух недель занималась разбором дела (с 07. по 21.04.21 г.)⁴⁴⁶. По итогам проверки единого мнения у З. Н. Доссера и В. Фирсова не сложилось: первый занял сторону М. Н. Калашникова и требовал объявить выговор А. И. лено против М. Н. Калашникова, оно, скорее, отражающ суть более объективно, при этом нельзя сказать, что оно было направлено против М. И. Калашникова, оно, скорее, отражало суть

конфликта — ничем не подкрепленные претензии системы ЧУСО и раздражение строевого командования, чувствовавшего свою реальную силу⁴⁴⁷.

Одновременно с комиссией ЦК РКП(б) на Украину уехала и инспекция Центральной комиссии по контролю над военным производством при ЦУС (ЦекомЦУС). 26.04.21 г. управляющий делами ЦекомЦУС О. М. Мирон в докладе Главначснabu по итогам проверки очень отрицательно отзывался о действиях М. Н. Калашникова и об УЧУСОУкрКрыма вообще. Доклад вызвал крайнее недовольство в ЧУСО. В служебной записке Главначснabu Л. В. Гохенберг назвал его «огульным», а автора предложил арестовать, на что более осторожный В. В. Гомбарг отреагировал вполне в духе советской номенклатуры — «утопил» записку между «входящими» и «исходящими» Управления ЧУСО⁴⁴⁸.

История в Киеве кончилась так, как и должна была завершиться: М. Н. Калашников сдал дела Халывскому (с «чусями» начинал еще в 1919 г. будучи председателем Украинского воензага), получил партийное предупреждение (партсуд требовал перевода его из членов РКП(б) в кандидаты — вспомнил даже о неувязках во взаимоотношениях его с коллективом коммунистов в бытность чусо 5-й армии на Восточном фронте) и отправился в Москву «в распоряжение ЧУСО»⁴⁴⁹. Противная сторона осталась тоже не в накладе: проходившие 2—4.04.21 г. съезды командования и снабженцев КВО приняли одинаково конфронтационные постановления о передаче всего дела снабжения в руки начснabu⁴⁵⁰.

О приехавшем в Москву М. Н. Калашникове позаботился А. И. Рыков, выхлопотав ему через Управление домами ВЦИК квартиру в Москве, а спустя месяц из Главтопа ВСНХ от И. Т. Смилги пришла в ЧУСО просьба откомандировать «бывшего УчусоКВО» в Главтоп «для назначения помощником начальника Центрального Управления нефтяной промышленности» («чрезвычайно» положительное впечатление, произведенное на Э. Н. Доссера в Киеве, продолжало давать свои плоды и в Москве), куда он и направился из «резерва ЧУСО»⁴⁵¹ — путь, которым пройдет подавляющее большинство «чусей» из военного коммунизма в НЭП.

Октябрьский переворот и военный коммунизм породили причудливую фигуру советского управленца: малограмотного, хитровато-бескорыстного, поразительно работоспособного (работа для него была действительно самой острой потребностью, работа, за которую он не получал соответствующей официаль-

ной оплаты, находя удовлетворение от нее лишь в моральном выражении). Опасность такого социального типа хозяйственника огромна: его оптимизма, как правило, хватало ненадолго — сгорая, он менял свои исходные критерии, становился стяжателем, ленивцем и пройдохой, оставаясь малограмотным, но «умудренным» опытом своим и себе подобных, а потому — нагло ват хитрым. Система военного коммунизма надолго ввела в оборот такой тип советского хозяйственного руководителя. Персонаж М. Н. Калашникова исторически собирателем, при том, что он исторически достоверен.

История с УчусоКВО — пример с периферии. В центре борьба военведа с ЧУСО вступала в завершающую фазу. Как о примере «несогласованности» действий ЧУСО и РВСР Л. В. Гохенберг вспомнил о судьбе «Положения...» о ГВИУ: ослабляя влияние ЧУСО на ЦУС, РВСР 18.02.21 г. издал приказ (№ 424/61), которым передал оперативно-строевое подчинение ГВИУ из ЦУС непосредственно Главкому, а в апреле Э. М. Склянский распорядился передать Главкому и административное подчинение ГВИУ. 27.05.21 г. Н. Б. Эйсмонт направил в СТО доклад, предлагая отменить указанное распоряжение РВСР, разделить функции ГВИУ на строевые и снабженческие и последние оставить за Главснабом. До сентября доклад Н. Б. Эйсмонта ходил по инстанциям: неоднократные обращения в РКИ с требованием «начать расследование» причин проволочек не возымели действия; лишь 13.09.21 г. техком ЦУС создала комиссию «для выяснения новой организации ГВИУ в связи с протестом ЧУСО в отношении приказа РВСР № 426/61»; а тем временем, по словам Л. В. Гохенберга, «РВСР своей единоличной властью... создавал штаты различных отделов ГВИУ, на деле осуществляя свою точку зрения о непосредственном административном подчинении ему ГВИУ»⁴⁵². Н. Б. Эйсмонт, а за ним негласно и А. И. Рыков, тоже лукавили, стремились сблизить ГВИУ с ВСНХ — задача, безусловно, сверхсложная. Не потому ли начальника ГВИУ И. Е. Коросташевского упорно удерживали в Коллегии Комгоссоор ВСНХ, а в январе 1921 г. Н. Б. Эйсмонт попытался даже через Оргбюро ЦК РКП(б) перевести его туда окончательно?⁴⁵³ В сентябре, как понимаем, судьба ГВИУ уже мало интересовала ЧУСО. Другое дело — военвел. В сентябре Э. М. Склянский потребовал от СТО отдать в Наркомвоен почти двойника ЧУСО времен военного коммунизма — Главснабпродарм (прот. СТО № 252 от 23.09.21 г.), к которому РВСР присматривался еще с июля 1920 г., издав приказ, обязывавший органы Главснабпродарма выполнять постановления рев-

военсоветов, не приостанавливая их, а лишь обжалуя⁴⁵⁴.

Можно говорить и о других фактах «перетягивания каната» между ЧУСО и военведом, как, например, о стремлении последнего заполнить из ЦУС Чрезкомвзрыв — истории, аналогичной с ГВИУ, но более мелкого масштаба⁴⁵⁵. Вся эта со-
ставлятельность была не чем иным, как заботой о выживании. Военное руководство (обессиленное широкомасштабным, стремительным разгоном армии, резким сокращением ее материальной базы) и система ЧУСО (воочию отвергнутая объективными экономическими законами) в 1921 г. вели борьбу чисто внутреннюю. Это была борьба обреченных — пэповский маневр политического руководства республики предрешил судьбу и того и другого.

Но если военным оправиться от пэповского удара удалось сравнительно нескоро, то система ЧУСО довольно органично вписалась в принципы так называемого «социалистического строительства», продолженного с переходом к новой экономической политике, сохранив при этом и стиль, и методы, и, главное — кадры.

О том, что ЧУСО, как метод военно-коммунистического управления общественно-экономическими процессами, выживает, можно было судить по ряду признаков, начиная со второй половины 1920 г., в частности — как только ЦК РКП(б) уступил военным, и появился приказ РВСР № 1619, тут же последовал ответный шаг. 04.09.20 г. в ЧУСО состоялось совещание «по вопросам образования распределительного органа ВСНХ», где с докладом и проектом постановления Президиума ВСНХ выступил Н. Б. Эйсмонт⁴⁵⁶. А 06.09.20 г. постановлением Президиума ВСНХ (№ 2062) в ВСНХ образована новая структура — Совет снабжения и распределения во главе с «распределительным бюро» (председатель Н. Б. Эйсмонт, члены: М. Д. Шени, С. В. Громап, В. Я. Рискин и Гришечко-Климов); задача Совета — объединение и руководство всеми снабженческими и распределительными органами ВСНХ. Под наблюдение и руководство Совета переходили Трамот, Комиссия Использования, комиссия по распределению товаров, приобретенных за границей, все распределительно-снабжениеские части отделов, главков и центров ВСНХ (Продрасмет, Химснабжение, Главтоп и т. д.). В областных бюро ВСНХ образовывались областные отделы снабжения и распределения; Совет получил право наложения дисциплинарного взыскания «на сотрудников всех органов снабжения ВСНХ»⁴⁵⁷. Потеряв распределительные функции среди военных, ЧУСО переориентировало свой опыт на ВСНХ, одновременно пытаясь таким обра-

зом повлиять и на материальное обеспечение армии. Тогда, в 1920 г., на это мало кто обратил внимание. Истинный смысл стратегического маневра А. И. Рыкова и Н. Б. Эйсмонта станет понятен только в 1921 г. в ходе проводившейся реорганизации ВСНХ, а затем начавшегося сокращения ЧУСО.

В начале 1921 г., выполняя постановление 8-го съезда Советов о высших руководящих органах республики, Совнарком образовал Экономическую комиссию (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. И. Рыков, А. Д. Цюрупа, Ю. Ларин, М. П. Томский, С. П. Середа) для разрешения ряда вопросов, в т. ч. и касающихся деятельности экономических комиссариатов. В связи с намечавшейся реорганизацией ВСНХ среди высокопоставленных советских политиков и хозяйственников выявились серьезные различия во взглядах на перспективные принципы управления экономикой. Суть разногласий, как и следовало ожидать, в конечном счете свелась к разрешению щекотливой проблемы еще периода военного коммунизма — кто будет распределять (спорили даже не о том, как распределять, выясняли лишь — кто будет распределять и как много). В этом отношении показательна дискуссия между Ю. Лариным и Н. Б. Эйсмонтам. Первый опубликовал в «Правде» статью «Новое слово ВСНХ», где в пику руководству ВСНХ отстаивал идею «об образовании единого распределительного органа, который должен вести распределением всего, что существует в природе, и стоять над всеми комиссариатами в области распределения». Над Ю. Лариным, как и над его ближайшим соратником Л. Н. Крицманом, тяготел военно-коммунистический опыт руководства Комиссией Исползования ВСНХ (образована декретом СНК еще 21.11.18 г.), распределявшей все и вся — от предметов массового спроса до сырья для промышленности; смысл заявления Ю. Ларина — превратить Комиссию Исползования в независимый от ВСНХ «самостоятельный орган»⁴⁵⁸. Выступая с ответом на статью Ю. Ларина, Н. Б. Эйсмонт предложил «все внимание обратить на восстановление промышленности в ущерб личному потреблению, на полное удовлетворение которого запасов все равно не хватит» (!), а потому решающее слово в распределении следует отдать «производственным органам» ВСНХ, подчинив ему освобожденную от мелочной загруженности, реорганизованную Комиссию Исползования. «Мы полагаем, — писал Н. Б. Эйсмонт, — что никакого нарушения единого хозяйственного плана не будет, если распределять кондитерские изделия будет Компрод, а сырье для производства — ВСНХ»⁴⁵⁹. Позиция Ю. Ларина — позиция убежденного «военного коммуниста», позиция Н. Б. Эйсмонта несколько

ближе к идеям НЭП, однако, как убедимся ниже, она была не столь бескорыстной, если представить, что Н. Б. Эйсмонт заботился о будущем «чусей».

К февралю 1921 г. завершилась работа над проектом новой организационной схемы ВСНХ: Президиум, пять центральных функциональных отделов, Управление делами, главные Управления по отраслям промышленности; функциональные отделы формировались следующим образом: из Центрального производственного и из научно-технического отделов возник Производственный; в отдел снабжения и распределения вошли Совет снабжения и распределения, Комитет по внешней торговле, Главтоп и Трамот (т. е. те структуры, которые были подведомственны Совету снабжения и распределения с момента его образования в сентябре 1920 г.); отдел труда создавался вновь; финансово-счетный и фабзавстат составили отдел учета; инспекция и иногородний отдел образовали организационно-инструкторский отдел⁴⁶⁰. Появление отдела снабжения и распределения (в документах его чаще называют ЦОС ВСНХ — Центральным отделом снабжения) и соответствующих отделов губернских совнархозов предрешило судьбу «чусей» после ликвидации их Управлений (об этом речь пойдет ниже). Было ли это продумано в феврале — марте 1921 г., сказать трудно — прямых документальных свидетельств не обнаружено, но и сомневаться в этом не приходится, так как последовавшие кадровые перетоки в ВСНХ не дают к этому ни малейшего повода.

Однако реализовать до конца идею «пэповского ЧУСО» в структуре ВСНХ не удалось. Сказалась позиция А. И. Рыкова, о причинах которой (из-за недостатка документов) остается пока только гадать. В поправках к проекту постановления об экономических комиссариатах, направленных А. И. Рыковым в СНК 21.02.21 г., он, в частности, предложил Компанию Использования передать из ВСНХ в СТО (с полномочиями, о которых говорил Н. Б. Эйсмонт в споре с Ю. Лариным)⁴⁶¹. За внешней легкостью, с которой, казалось бы, А. И. Рыков уступал Ю. Ларину и Л. Н. Крицману (как и в июле 1920 г. Л. Д. Троцкому), крылось, вероятно, хорошее знание политических настроений в самых верхних слоях большевистского руководства.

Окончательная редакция постановления СНК (от 17.03.21 г.) об экономических комиссариатах опубликована 23.03.21 г. в «Экономической жизни»: Комиссия Использования передавалась из ВСНХ в СТО; Совет снабжения и распределения преобразовывался в отдел снабжения ВСНХ с изъятием «из его

ведения составления планов распределения производимых ВСНХ продуктов»⁴⁶². В этом же номере «Экономической жизни» опубликована статья Г. И. Крумина «Конец ведомственной драчки», в которой постановление СНК названо документом «громадной исторической важности», «проводящим глубокую борозду в развитии нашего хозяйственного строительства, ярко отделяя прошедшее от будущего»; затем автор повторил некоторые сентенции «Экономической комиссии» по поводу грядущего «упрощения экономического аппарата» и устранения «параллелизма и несогласованности», «бюрократических извращений» и «волокиты», после чего, по его мнению, наступит «планомерность в строительстве», из-за отсутствия которой республика была «ввергнута в тяжчайший хозяйственный кризис»⁴⁶³ (!) Заметим: не в результате гражданской войны, а из-за отсутствия «плановости в строительстве». (На заседании СТО 22.07.21 г. (прот. № 236) Г. Крумин назначен главным редактором «Экономической жизни»⁴⁶⁴).

Позиция Ю. Ларина, как видим, для политического руководства республики оказалась более приемлемой. Постановление СНК от 17.03.21 г. было подкреплено утвержденным 28.06.21 г. Советом Обороны «Положением о Комиссии Использования материальных ресурсов РСФСР»: «Все материальные ресурсы страны (за исключением топлива)... распределяются исключительно Комиссией Использования при СТО в пределах единого общегосударственного хозяйственного плана, разрабатываемого Госпланом и утверждаемого СТО»; комиссия наделялась очень широкими правами, ее члены назначались Советом Обороны и ответственны были только перед ним; председателем Комиссии Использования при СТО стал Л. Н. Крицман⁴⁶⁵. Как все это согласовалось с «широкой хозяйственной инициативой», якобы привнесенной НЭП — о чем так много писалось в советской историографии, — остается только недоумевать. О «чрезвычайных» полномочиях комиссии Л. Н. Крицмана говорит, например, тот факт, что она тесно сотрудничала с ЧУСО: так, в мае 1921 г. к ней перешли функции комиссии ЧУСО по изъятию военного имущества из армии и передаче его гражданским учреждениям; туда же отошли некоторые функциональные УЧУСО, такие как комиссия по изъятию материалов для судоремонта и комиссия по распределению автомотовелорезины и др.; издавались совместные приказы и прочее⁴⁶⁶. Расположение военно-коммунистических методов «чрезвычайщины», с переходом ее в НЭП, наблюдалось как на периферии, так и в центре.

§ 4. Инерционное движение «чрезвычайщины» к неповскому стилю управления хозяйственным строительством

Предварительное обсуждение подготовки к сокращению Красной Армии, начавшееся в августе 1920 г., должно было коснуться и системы ЧУСО. Первоначальный приступ сделан 25.08.20 г. на организационном заседании Центральной комиссии по сокращению численности Красной Армии, где образована подкомиссия М. В. Акимова по проблемам армейских тылов; но состоялось только одно заседание этой подкомиссии (26.08.20 г.), после чего, посоветовавшись, А. И. Рыков, Э. М. Склянский и И. Е. Коросташевский порешили, что этим должен заняться сам Э. М. Склянский⁴⁶⁷. Таким образом, решение вопроса о сокращении армейских органов снабжения, а с ним и судьбы ЧУСО, было отодвинуто на неопределенный срок. Немалую роль при этом сыграли, вероятно, и намерения А. И. Рыкова использовать аппарат ЧУСО в предстоящем разгоне армии, в частности, в проведении кампании изъятий материальной части из демобилизуемой армии и передачи ее гражданским органам.

Вновь к вопросу о сокращении тылов, а значит, и непосредственно ЧУСО, вернулись на первом заседании комиссии по частичному роспуску Красной Армии (14.12.20 г.): образована подкомиссия И. Т. Смильги (Г. Г. Ягода, Н. Б. Эйсмонт, Н. П. Брюханов и В. Люблин), которой поручено «рассмотреть вопрос по существу о возможности сокращения штатов ЧУСО, Опродкома, Особого отдела ВЧК...», т. е. так называемых «учреждений, имеющих двойное подчинение». В декабре, как утверждал С. М. Кляцкин, РВСР распорядился сократить их штаты на 50%, что оказалось невыполнимым, так как 06.01.21 г. после доклада И. Т. Смильги на очередном заседании комиссии по роспуску армии Э. М. Склянский получил задание доложить в Совете Обороны «о причинах, не давших возможности сократить в полном объеме штаты» этих учреждений⁴⁶⁸, а 13.04.21 г. в СТО (прот. № 204) Э. М. Склянский предлагал сокращать их численность хотя бы «не меньше той пропорции, в какой производится сокращение частей и органов армии»⁴⁶⁹.

Попытки уменьшить «тылы» наталкивались на упорное сопротивление управленческого аппарата. Председатель ГВИА И. Е. Коросташевский, например, подготовил доклад Главнабсбабу, в котором доказывал необходимость сохранения снабженческих аппаратов для приема, сортировки и хранения имущества демобилизуемой армии⁴⁷⁰. В связи с этим, вероятно,

но, Г. Д. Базилевич заявил в мае 1921 г., что «с демобилизацией армии работа органов снабжения не только не уменьшится, а в некоторых случаях даже увеличится», поэтому задание командования об уменьшении тылов к 01.09.21 г. на две третьих «ставит снабжение в затруднительное положение»⁴⁷¹. Понятно, почему в 1921 г. военное командование смотрело на перспективу ликвидации более чем семитысячного аппарата ЧУСО, как на своего рода демпфер собственных аппаратных потерь. К тому же очень хотелось лишить ЧУСО возможности перекачивать армейскую материальную часть в гражданские организации, что, прямо скажем, делалось «чужими» с особым рвением (подробно об этом речь пойдет в главе четвертой).

Среди «чусей» известие о предстоящем сокращении было встречено негативно. Заместитель УчусоЗаВО А. Ф. Лелеков писал в конце 1920 г. Н. Б. Эйсмунту: «Начинается сокращение военных учреждений и всего аппарата, обслуживающего армию... Считаю это сокращение для Чусоснабарма в настоящий момент вредным для дела», — и предлагал использовать услуги ЧУСО «на трудовом фронте»⁴⁷². Нечто подобное, но с намерением поискать компромисс с военным руководством, планировали в УЧУСОЗап: Р. Я. Крумовиц организовал письмо РВС фронта в РВСР, где доказывалась полезность ЧУСО «в деле налаживания и укрепления местных производственных органов», почему хорошо бы «сохранить в дальнейшем институт ЧУСО на Западном фронте в полном объеме», создав там «объединенный хозяйственный орган мирной кооперации»⁴⁷³. В сложном и непривычном развитии событий каждый по-своему искал себе место.

Растерянность и тревога «чусей» с периферии отчасти были преждевременными. В центре об их судьбе заботились не меньше и в связи с этим вынашивались определенные планы. Н. Б. Эйсмонт успокоил Р. Я. Крумовица, сообщив ему 10.12.20 г., что телеграмма Главкома от 07.12.20 г. о сокращении штатов «ни в коей мере не должна касаться УЧУСОЗап и его местных органов»⁴⁷⁴. За этим, конечно же, стояли решения самых высоких инстанций: вскоре начальник Штаба республики П. П. Лебедев разослал телеграмму (№ 1297 с/оп), которой система ЧУСО освобождалась от необходимости сокращения штатов⁴⁷⁵ — число занятых там, наоборот, стало быстро увеличиваться (в чем мы убедились выше). Влияние А. И. Рыкова в высших политических сферах значительно возросло, а сохранение за ЧУСО особого положения — один из результатов этого роста.

Завершив подготовку к реорганизации ВСНХ, А. И. Рыков, наконец, объявил о своих намерениях в отношении кадров ЧУСО: 08.06.1921 г. появились приказы Чусо (№ 1245 и № 1246), сообщавшие о начале ликвидации ЧУСО и создании комиссий по сокращению штатов (председатель М. Д. Шени, члены: П. В. Рождественский, М. И. Полетаев, М. И. Крапц), а 15.06.21 г. А. И. Рыков обратился в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением «срочно поставить на обсуждение вопрос о сокращении работы и начале постепенной ликвидации органов ЧУСО», а также «возможности передачи работы ЧУСО в производственной части органам ВСНХ»; А. И. Рыков предлагал завершить ликвидацию на местах к 15.09.21 г., а в центре — к 15.10.21 г., при этом «дела и личный состав ЧУСО передать органам ВСНХ»⁴⁷⁶. Предложение А. И. Рыкова отчетливо перекликалось с проектом постановления «О прекращении полномочий ЧУСО», готовившимся еще в январе 1920 г. в связи с появившимися тогда надеждами на окончание гражданской войны, так и не оправдавшимися — и потому отложенным; там, в частности, указывалось: производственная сфера ЧУСО переходит в ВСНХ, СВП входит в ВСНХ на правах самостоятельного отдела⁴⁷⁷ — не случайно в составе комиссии по сокращению ЧУСО оказался П. В. Рождественский, возглавлявший в начале 1920 г. юридический отдел Управления ЧУСО, готовивший этот документ. Как видим, А. И. Рыков был последователен в своих намерениях, даже по прошествии полутора лет.

Судя по всему, А. И. Рыков тут же получил «добро» от Политбюро, так как 17(?) .06.21 г. из Москвы ушел секретный циркуляр, разъяснявший УЧУСО куда и как девать свои кадры в соответствии с тем, о чем просил А. И. Рыков высший партийный орган⁴⁷⁸.

Срочность обращения А. И. Рыкова в Политбюро объясняется сгуставшейся атмосферой вокруг ЧУСО. По свидетельству Я. А. Андреева, приказам Чусо о начале ликвидации аппаратов «предшествовали весьма авторитетные решения двух ратов «предшествовали весьма авторитетные решения хотя и в разной силе убедительности и категоричности, но все же совершенно определенно постановлено о прекращении деятельности Чусоснабарма, а следовательно, и ликвидации его аппаратов»; тотчас после упомянутых съездов на совещании представителей ЧУСО было составлено предварительное календарное расписание ликвидации органов Чусоснабарма «по районам и округам»⁴⁷⁹. Подгоняли и Учусо, которым в принципе судьба их была уже ясна, не знали только конкретные

сроков. На требование указать их, из Москвы 27.06.21 г. ответили, что «об этом будет сообщено особо», а 07.07.21 г. всем тринадцати региональным Учусо отправлено сообщение о предстоящем решении ВЦИК, после чего каждый из них получит персональное распоряжение⁴⁸⁰.

Трудно сказать, как долго продолжалось бы существование системы ЧУСО, не будь такого резкого отрицательного к ней отношения на местах. Ведь в конце мая 1921 г., когда с ликвидацией Беломорского ВО расформировывалось Управление УЧУСОБелморВО (прик. Чусо № 1225 от 23.05.21 г.), о ликвидации ЧУСО не было и речи: сотрудников Управления УЧУСОБелморВО направили на пополнение штатов губернских Уполномоченных, Управления которых сохранялись и передавались частью УЧУСОПетВО (архангельское и вологодское), частью УЧУСОУрала (северо-двинское)⁴⁸¹. Непонятно только почему, когда вслед за А. И. Рыковым 18.06.21 г. Н. Б. Эйсмонт доложил в СТО о «разработанной календарной программе сокращения», обещая при этом, что «намеченный таким образом план ежемесячных сокращений в процентном отношении будет даже превышать календарный процент сокращения, утвержденный для Красной Армии», отчет в плане (для местных УЧУСО) начинался с 01.07.21 г.: к 01.06.21 г. намечалось сократить 730 человек (т. е. 15%); к 01.07.21 г. — 2 166 (43%); к 01.08.21 г. — 2 510 (51%); к 01.9.21 г. — 3 315 человек (67%)⁴⁸². Вероятно, это была обычная бюрократическая отписка, тем более, что общее число местных «чусей» (5 010) взято по состоянию на 01.03.21 г.; но в Штабе республики на это не обратили внимания, там интересовались процентным сокращением на 01.09.21 г., а оно — по плану — соответствовало принятой норме, поэтому П. П. Лебедев и согласился с предложенным планом ЧУСО⁴⁸³.

В связи со сказанным выше становятся понятными причины начинавшегося с середины июня 1921 г. длительного вояжа Н. Б. Эйсмонта по городам республики и фраза в приказе Чусо (№ 1262 от 16.06.21 г.), сообщавшем о его отъезде для «подготовки передачи чрезвычайных органов на местах в нормальные гражданские органы»⁴⁸⁴ — в ЧУСО заботились о ставших одиозными кадрах, пересаживавшихся в «гражданские органы».

Другой крупный вояж руководства ЧУСО — отъезд М. Д. Шеина на Урал и в Сибирь (тоже в середине июня) — последовал, наряду с прочим, те же цели, тем более, что ликвидацию там намеревались провести в первую очередь: УЧУСОУрала — к 15.07.21 г., УЧУСОСиб — к 01.08.21 г.⁴⁸⁵

Начиная с середины июня все Учусо стали получать приказы Чусо и сообщать в Москву о постепенном сокращении своих штатов⁴⁸⁶. В конце июля по требованию СТО (прот. № 224 от 22.07.21 г.) В. В. Гомбург представил окончательный план сокращения ЧУСО, который и был утвержден Советом Обороны (прот. № 226 от 29.07.21 г.)⁴⁸⁷. По сведениям, поданным ЧУСО в Главснабпродарм, к 01.08.21 г. около половины периферийных «чусей» (2 409 человек) покинули свои Управления, но, как сообщалось в Штаб РККА, «календарный план сокращений, утвержденный СТО, выполняется с отклонениями»⁴⁸⁸ — обещанное Н. Б. Эйсмонтом опережение графика не состоялось. В целом к 01.08.21 г. штат «чусей» на местах уменьшился до 48,1% (по отношению к состоянию на 01.03.21 г.); меньше всего сократили у УЧУСОСКВО и Отдельной Кавказской армии (3,9%), больше всего — у УЧУСООВО (91,3%); у УЧУСОПетВО — 60,9%, у УЧУСОЗап — 60,6%, у остальных — от 40,9 до 51,9%⁴⁸⁹.

Опыт сокращения кадров ЧУСО, как, вероятно, и всех сокращений 1921 г., ставший затем хрестоматийным для будущего «социалистического строительства», был оригинальным и абсолютно алогичным. Так, на состоявшемся 15(?) .07.21 г. «деловом совещании» при УчусоУкрКрыма (после получения приказа об уменьшении аппарата с 1.487 до 850 человек), по предложению И. Е. Любимова решено начать делать это «немедленно... за счет технических канцелярских сил, оставив наиболее ответственных работников нераспыленными в аппарате ЧУСО впредь до особого распоряжения...»⁴⁹⁰. Наивно думать, что это были местные импровизации. Если сравнить текст секретного циркуляра Чусо № 617/с «Руководство по сокращению» с тем, что говорилось И. Е. Любимовым, то обнаружится почти дословное совпадение⁴⁹¹. Такие речи в это время звучали, надо думать, во всех Управлениях УЧУСО. Комментарии, как говорят в подобных случаях, излишни.

К середине августа 1921 г. закончился первый этап ликвидации ЧУСО, этап стихийного расталкивания местных кадров с тем, чтобы оставшуюся половину — уже на основании официальных правительственных распоряжений и соблюдая положенный регламент — вмонтировать в новые наповские управленческие структуры. Со всеми, как полагается, моральными и материальными компенсациями за «чрезвычайно» трудное и полезное для революции прошлое.

Обращаясь 15.06.21 г. в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением начать ликвидацию ЧУСО, А. И. Рыков намеревался «провести это постановление в законодательном порядке че-

през Президиум ВЦИК⁴²⁹. Но соответствующий проект постановления с просьбой «поставить на обсуждение» был послан во ВЦИК только 28.07.21 г.⁴⁹³ Ранее, успокаивая своих Учусо, из Москвы сообщали о готовящемся во ВЦИК документе⁴⁹⁴. Прошло еще две недели, прежде чем Президиум ВЦИК приступил к обсуждению проекта ЧУСО: решено «поручить ВСНХ закончить полностью всю работу по ликвидации ЧУСО к 01.11.21 г.», окончательную редакцию документа подготовить члену Президиума ВЦИК Л. С. Сосновскому⁴⁹⁵. Наконец, 16.08.21 г. постановление ВЦИК было принято (23.08.21 г. объявлено в приказе Чусо № 1312 (1321 — ?) и опубликовано в «Известиях ВЦИК...» № 83 от 19.08.21 г.); в его преамбуле говорилось: «Ввиду ликвидации фронтов и перехода страны к мирному строительству и плановому (! — Н. П.) снабжению, отпадает необходимость в существовании чрезвычайных органов... и является целесообразным передать все дело снабжения органам мирного времени»; в постановляющей части: «Ликвидацию органов ЧУСО производить по районам и завершить к 01.11.21 г.»⁴⁹⁶.

Таким образом, со времени обсуждения в Политбюро ЦК РКП(б) до начала официальной ликвидации ЧУСО прошло два месяца. Между тем сокращение штатов «чусей», как показано выше, велось довольно интенсивно. Здесь обращают на себя внимание два обстоятельства. Судьба ЧУСО первоначально решалась в партийной инстанции (в противном случае, как объяснить сокращение штатов региональных УЧУСО наполовину до выхода официального правительственного постановления?). И второе — как и в случае с разгоном армии, постановление ВЦИК, дававшее, разумеется, известные материальные льготы, подоспело к довольно странному образом определенному рубежу — ко времени, когда основная масса менее «ответственных» «чусей» оказалась за списками номенклатуры, претендующей на должное вознаграждение и место в обновленной бюрократической пирамиде власти. Особо резко это бросается в глаза, когда обращаешь внимание на то, что в отличие от периферийных сокращений, московский аппарат Управления ЧУСО уменьшался гораздо медленней: до июня 1921 г. оттуда ушли только 34 человека; и лишь в августе (приказ по Управлению № 341 от 08.08.21 г.) — накануне выхода правительственного постановления — объявлено о сокращении аппарата наполовину; но и это выполнено не было, так как к 01.09.21 г. там оставалось 237 человек (при том, что 31.08.21 г. приказом Чусо № 1325 интендантский отдел — а это 47 человек — перешел из Управления ЧУСО в Управле-

ние СВП), а штатное расписание к этому времени было уменьшено очень незначительно — до 541 единицы, т. е. на 20,1%⁴⁹⁷. У подавляющего большинства столичных «чусей», как видим, возможности благополучно устроиться при НЭП были намного реальней, чем у тех, кто «закалялся в горниле гражданской войны». Поэтому лицемерно лживо звучит текст постановления ВЦИК в той его части, где говорится о благодарности «чусям» за «заслуги перед революцией», «в особенности работавшим непосредственно на фронтах»⁴⁹⁸.

Лицемерной «благодарность» была еще и потому, что о ней первоначально вообще позабыли; только 24.07.21 г., незадолго до обсуждения во ВЦИК, А. И. Рыков написал на подготовленном документе: «Проект готовил не я... считая необходимым выразить от имени ВЦИК благодарность за проделанную работу»; следуя этому предложению, Президиум ВЦИК на предварительном обсуждении 11.08.21 г. записал в решении: «В мотивировочную часть постановления включить выражение благодарности руководителям и сотрудникам ЧУСО»⁴⁹⁹. А чтобы убедиться в лживости благодарности, приведем полностью соответствующую мотивировочную часть постановления: «За время трехлетней работы ЧУСО и его органы в полной мере выполнили возложенные на них задания по обороне республики, используя все имеющиеся возможности, наладив, при невероятной тяжелой обстановке, дело снабжения Армии и Флота, подняв производительность заводов, работавших на оборону; и содействуя быстрому и правильному распределению предметов снабжения»⁵⁰⁰. Так написать можно было только или солгав, или совершенно не зная прошлого системы ЧУСО, а это невероятно.

Постановление ВЦИК о ликвидации должности Чусо предусматривало замену его в будущем одним из членов Президиума ВСНХ «для общего руководства и объединения всей производственной работы по снабжению Красной Армии», а на местах контроль за военным производством возложить на одного из членов Президиума местного совнархоза⁵⁰¹. Как видно из приказа Чусо (№ 1350 от 23.09.21 г.), сообщавшего об упразднении системы ЧУСО с 01.10.21г., вся производственная часть ее функций передавалась в Главное Управление военной промышленности ВСНХ, а распределительная — в ЦУС Наркомвоен⁵⁰².

Для выполнения довольно объемной работы Чусо постановил (прик. № 1351 от 23.09.21 г.) образовать ликвидационную комиссию из 40 человек; председателем назначался М. Д. Шейн, его заместителем — П. В. Рождественский⁵⁰³. Через

неделю ликвидком приступила к работе; в состав ее членов М. Д. Шейн включил врид управляющего делами М. И. Полетаева и его заместителя В. Г. Кохановича, начальника организационно-административного отдела А. А. Полубояринова и его помощника В. А. Константинова, начальника финансового отдела В. А. Борденкова, начальника хозяйственного отдела В. И. Глухова, Чусо по изъятиям Г. А. Ангерта, начальника инспекции снабжения Л. В. Гохенберга и его помощника Н. В. Истомина, сотрудников «для особых поручений» А. Б. Измирова, С. Е. Каплан, М. И. Кранц, начальника отдела связи А. Я. Барилонич, начальника кодификационной части Н. А. Голубева; секретарем комиссии стал В. Г. Коханович (чуть позже — с 11.10.21 г. — его сменил Ш. С. Каплан); 25 сотрудников ЧУСО составили технический аппарат ликвидком⁵⁰⁴.

Приказ Чусо об образовании ликвидационной комиссии предписывал ей завершить работу к 01.11.21 г.⁵⁰⁵, что оказалось совершенно нереальным, так как принять дела от всех УЧУСО было крайне сложно. М. Д. Шейну самому приходилось выезжать на места и подгонять там региональные ликвидационные комиссии. (Девять дней, например, пришлось затратить на поездку в Петроград⁵⁰⁶). Но самые большие затруднения, как того и следовало ожидать, встретились при подготовке к сдаче финансовых документов и составлении отчета о расходовании «чрезвычайного» оборотного фонда ЧУСО. Вернувшись из Петрограда, М. Д. Шейн запросил для комиссии дополнительный срок; 12.11.21 г. Президиум ВСНХ продлил его до 01.12.21 г., сократив состав комиссии до 35 человек⁵⁰⁷. Но и этого оказалось недостаточно, потребовался еще почти месяц, чтобы наконец сообщить в заключительном акте (от 20.12.21 г.) о завершении работы в основном (всего за время с 01.10 по 20.12.21 г. состоялось 44 заседания ликвидационной комиссии⁵⁰⁸), а «что касается составления финансового отчета, то, — как считали ее члены, — следовало бы создать специальную комиссию при ВСНХ»⁵⁰⁹. Дело в том, что финансовый произвол и отсутствие должной финансовой дисциплины в отчетности, царившие в системе ЧУСО (об этом скажем в главе третьей), поставили членов ликвидационной комиссии в совершенно затруднительное положение, да и недосуг им было заниматься тщательной сверкой документов: делалось это «сверхурочно», так как все они уже работали на новом месте — в сырьевом Управлении ЦОС ВСНХ.

Для окончания работы ликвидком В. А. Борденков предложил М. Д. Шейну взять у ВСНХ 60 млн р. (ранее — 08.12.21 г. — он называл цифру в 30 млн р.); 16.01.21 г. М. Д.

Шени запросил у-председателя ВСНХ П. А. Богданова 100 млн р., обещая закончить работу к концу января 1922 г.⁵¹⁰ Только в феврале 1922 г. финансовый отчет в связи с ликвидацией ЧУСО был наконец составлен⁵¹¹. Сказанное выше — еще одна из причин нашего к нему столь недоверчивого отношения.

Одновременно с сокращением московского Управления ЧУСО в августе 1921 г. приступили к окончательной ликвидации ее региональных структур. Полустихийное сокращение штатов УЧУСО, начавшееся в июне, в июле было упорядочено еще одним секретным нормативным циркуляром № 685/с (от 15.07.21 г.) — «Планом ликвидации», где говорилось о необходимости создания местных ликвидационных комиссий, порядке их работы, составлении финансовых отчетов и, главное — опять о кадрах, о том, куда и как девать местных «чужаков»⁵¹².

До выхода постановления ВЦИК о ликвидации ЧУСО (от 16.08.21 г.) некоторые из ее региональных подразделений были уже упразднены. Это УЧУСОБелморВО (прик. Чусо № 1225 от 23.05.21 г.), УЧУСОКир (прик. Чусо № 1255 от 14.06.21 г.), УЧУСООВО (прик. Чусо № 1257 от 14.06.21 г.)⁵¹³. В связи с ликвидацией УЧУСООВО, которую, как объясним в главе четвертой, невозможно было оттянуть, ИНЧУСО Тамбовской губернии, из-за невозможности его ликвидировать, так как интенсивно велось подавление восстания в губернии, придали статус «УЧУСО армии» с подчинением непосредственно центру⁵¹⁴. В середине июля приступили к ликвидации УЧУСО-Урала, завершив ее к середине августа⁵¹⁵. Одновременно началось упразднение УЧУСОСиб (прик. Чусо № 1288 от 13.07.21 г.)⁵¹⁶, которое было скорее формальным, так как отношения с Дальневосточной республикой оказались настолько неопределенными, что спешить с сокращением армии в Сибири большевистское руководство было не намерено. Председатель Сибревкома И. Д. Смирнов по этому поводу телеграфировал в ЧУСО: «Не возражаю против ликвидации принципиально, прошу обратить внимание на охранное положение и боевое состояние сибирских войск в связи с событиями на Дальнем Востоке, размер коих трудно предусмотреть», поэтому желательно «временны права УЧУСО Сибири... предоставить председателю Сибпромбюро Брыкову»; это и было сделано, только вместо заболевшего А. П. Брыкова его обязанности взял на себя председатель Сибсовпархоза Г. И. Ломов, включенный к тому же в состав РВС Сибири. И. Д. Смирнов и М. Д. Шени в августе просили об этом Л. Д. Троцкого и Н. Б. Эйсмонта,

а последний убеждал Политбюро ЦК РКП(б) поступить подобным образом «ввиду могущих возникнуть осложнений с ДВР»⁵¹⁷. С 15.08.21 г. должность УЧУСОСиб упразднялась (прик. Чусо № 1301 от 10.08.21 г.), М. Д. Шеин возвращался в Москву «к исполнению своих обязанностей»⁵¹⁸. С 15.08.21 г. (прик. Чусо № 1302 от 13.08.21 г.) ликвидировались подразделения «чусей» на Флоте: в центре — помощника Чусо по морской части; на Украине и Кавказе — помощников Чусо по морской части⁵¹⁹.

С выходом постановления ВЦИК ликвидация системы ЧУСО значительно ускорилась. С 31.08.21 г. упразднились УЧУСОПоволжья и УЧУСОПВО (прик. Чусо № 1299 и № 1300 от 08.08.21 г.)⁵²⁰. К этому времени были также значительно сокращены аппараты УЧУСОУкрКрыма и УЧУСОСКВО; в общей сложности к 01.09.21 г. в периферийных штатах системы ЧУСО оставалось 1604 человека⁵²¹. В сентябре все оставшиеся УЧУСО получили приказы об упразднении: с 10.09.21 г. — УЧУСОТурк (прик. Чусо № 1300 от 31.08.21 г.); с 15.09.21 г. — УЧУСО Тамбовской армии (прик. Чусо № 1319 от 31.08.21 г.) и УЧУСОСКВО (прик. Чусо № 1318 от 31.08.21 г.); с 15.09.21 г. планировалась и ликвидация должности УЧУСО-Зап, но затем срок был перенесен на 25.09.21 г. (прик. Чусо № 1322 от 31.08.21 г. и № 1334 от 14.09.21 г.)⁵²². Приказ Чусо о сроках ликвидации УЧУСОУкрКрыма, к сожалению, среди архивных документов не разыскан, но, судя по косвенным данным, произошло это также 15.09.21 г.

После появления приказов Чусо о сроках ликвидации УЧУСО там создавались ликвидационные комиссии, работа которых продолжалась до конца октября 1921 г.⁵²³

Параллельно с ликвидацией структур системы ЧУСО велась другая, не менее интенсивная работа — принимались меры по сохранению кадров и обобщению накопленного «чрезвычайного» опыта. Одновременно с объявлением о начале кадрового сокращения «чусей» здесь же (прик. Чусо № 1246 от 08.06.21 г.) комиссии под руководством М. Д. Шеина поручалось разработать мобилизационный план с учетом накопленного опыта в связи с «возможной надобностью воссоздания... аппарата в будущем»⁵²⁴. Если судить по количеству документов и проявляемому вниманию комиссии М. Д. Шеина, относящимся к указанным вопросам, то можно с полным основанием заявить, что именно эта часть работы была наиболее важной во всей истории с ликвидацией системы ЧУСО. Делалось это даже тщательней, чем составление финансовых отчетов. Уже 17.06.21 г. в циркуляре № 617 а/с от Чусо потребо-

вали составления подробных описаний истории их прошлой деятельности⁵²⁵. Но Учусо, занятые своими проблемами рас-
тапливания кадров, не очень оперативно отреагировали на
приказ центра. Тогда, 19.07.21 г., в их адрес ушел грозный
циркуляр № 623/с (тоже секретный) с требованием в двухне-
дельный срок прислать злополучные очерки. Смысл настоя-
тельных требований центра — иметь возможность, «если явит-
ся необходимость», быстро восстановить ЧУСО, а также учесть
недостатки работы в прошлом. Очерки предлагалось состав-
лять по такому плану: рост аппарата, взаимоотношения
с местными органами ЦУС и ВСНХ, «наиболее характерные
случаи конфликтов... с военными и гражданскими учрежде-
ниями», а также «представить соображения о желательной
конструкции своих аппаратов» в будущем⁵²⁶. С большим тру-
дом требуемое удалось собрать. На заседании ликвидационной
комиссии ЧУСО (прот. № 38 от 07.12.21 г.) М. И. Крапц сооб-
щил, что исторические очерки получены от всех УЧУСО за
исключением УЧУСООВО и УЧУСОПоволяжья⁵²⁷.

По обстоятельности и объективности освещения прошлого
региональных структур ЧУСО эти очерки были далеко не рав-
нозначными — от коротких, в несколько страниц, отписок, до
подробных, а подчас и вдумчивых, с анализом описаний своего
«чрезвычайного» прошлого (последнее, правда, встречается
редко)⁵²⁸. Подробно об этих воспоминаниях говорилось по
«Введению», здесь обратим внимание лишь на некоторые мо-
менты их содержательной стороны, в связи с построениями
«возможного воссоздания УЧУСО на местах», данными как
в Москве (работа мобилизационной комиссии), так и на пери-
ферии (председатель ликвидационной комиссии УЧУСОПетВО
П. И. Курков, например, предлагал не спешить с отправкой
архива в Москву, «если иметь в виду возможное быстрое раз-
ворачивание работы ЧУСО»)⁵²⁹.

Предложения «на случай воссоздания ЧУСО» поступали
с мест самые разнообразные — от фантастических, «чрезвычай-
но» категоричных, до вполне умеренных и разумных. Так за-
меститель ЧУСОУрала Н. А. Доброклонский считал, что бу-
дущий аппарат ЧУСО должен быть «авторитарным... до мак-
симума»; по отношению к местным властям в вопросах произ-
водства и распределения независимым и представлять из
себя «высшую власть в районе»; в распределении — незави-
симым и от военных властей; РКК не должна вмешиваться
ни в производственную, ни в распределительную сферу де-
ятельности ЧУСО⁵³⁰. Заместитель УчусоСиб М. Карлсберг смот-
рел-же перспективу намного реальней: «все производственные

органы, выполняющие военные заказы, должны подчиняться исключительно ЧУСО; распределение оставить за военными при контроле со стороны ЧУСО⁵³¹. Подобное рассуждение — исключение, чаще приходится читать о самостоятельности ЧУСО, ее достоинствах и, главное, о высоком мастерстве и накопленном опыте «чрезвычайных» кадров, которыми ни в коей мере не следует пренебрегать.

Призыв сохранять кадры ЧУСО — рефрен всех воспоминаний. Почему так заботились друг о друге? Ответ несложен. АКС периода военного коммунизма, воспитавшая новый тип управленца-хозяйственника, выработала и новые принципы их междоусобных отношений, главным звеном которых была круговая порука, не позволявшая «выпасть» из номенклатуры, коль скоро там оказался, а с другой стороны — державшая в узде усредненных правовых, моральных и профессиональных качеств. Последнее не очень смущало, так как вполне устраивало основную массу полуобразованных (а часто и малограмотных) функционеров. Тем более, что первое было благом, индульгенцией (если потребуется) в круговороте кадровых перетасовок, когда до таких «отвлеченных» понятий и норм, как этические, было не ближе, чем хотя бы до среднего уровня культуры.

Потому-то так бережно относились к «ответственным», менее «ответственным» и просто к «товарищам». Циркуляр ЧУСО № 617а/с, разосланный как только было принято решение о сокращении штатов, предписывал, Учусо «на всех сотрудников представить в Управление ЧУСО подробные списки с указанием кто, куда и на каком основании убыл»⁵³². Следом появился приказ ЧУСО (№ 1281 от 11.07.21 г.), требовавший от «чусей» «под страхом привлечения к строжайшей ответственности» дать о себе сведения, а затем сообщать о передвижениях по службе⁵³³. Тут же вышел еще один «секретный» циркуляр (№ 623/с от 19.07.21 г.), в котором от местных Учусо требовали «произвести строгий учет всех сотрудников до начальников отделений Управлений и губинспекторов по предлагаемой анкете с краткой аттестацией каждого...»; анкеты требовалось прислать в недельный срок⁵³⁴.

Июль — август для «чусей» были переломным временем, полным неопределенности и тревог за свою судьбу. Полустихийное сокращение штатов «вымывало» наименее приспособленные к системе кадры. Будоражила начавшаяся повсеместно в Красной Армии фильтрация «ответственных», когда неизвестно было, чем может кончиться подача сведений в специальные «тройки», выяснявшие по анкетным данным «прош-

лое», почему и как оказался в армии, а для «чусей» — еще и почему в армии, но не на фронте, не в действующих частях⁵³⁵.

Страсти поулеглись к сентябрю, когда появилось правительственное сообщение с выражением признательности «чусям». В октябре их судьбами занялась ликвидационная комиссия. На одном из первых заседаний (прот. № 3 от 14.10.21 г.) вспомнили о циркулярах по поводу анкет, исторических очерков и прочих необходимых данных⁵³⁶, а 06.10.21 г. (прот. № 5) ликвидком заслушала мобилизационную комиссию ЧУСО об учете «всех высших сотрудников ЧУСО и УЧУСО»; решено было согласовать действия мобилизационной комиссии со Штабом РККА⁵³⁷. И хотя мобилизационная комиссия постановила отдать «учет всех бывших сотрудников ЧУСО... командному Управлению Штаба РККА и его местным органам», ликвидационная комиссия продолжала тщательно следить за учетом бывших «чусей»: 07.12.21 г. (прот. № 38) там слушали М. И. Крапца «об алфавитном и предметном указателе» на анкетные материалы периферийных «чусей», а спустя неделю (прот. № 42 от 16.12.21 г.) обсуждалась «ведомость» на сотрудников бывшего Управления ЧУСО «с указанием, куда... откомандирован»⁵³⁸. С какой тщательностью это делалось, можно судить, например, по книге «Личного состава», хранящей сведения о среднем звене «чусей» — от заместителя начальника отдела до заместителей и помощников Чусо⁵³⁹. В последний день своей работы (прот. № 43 от 20.12.21 г.) ликвидационная комиссия заявила о необходимости «передать все материалы по учету сотрудников всех органов ЧУСО в организационно-инструкторское Управление ВСНХ...», т. е. туда, откуда распределялась основная масса положительно зарекомендовавших себя «чрезвычайных» представителей советской власти, воспитанных условиями военного коммунизма, претендентов на случай «возможного разоружения ЧУСО». А их потребовалось бы немало: предполагавшееся Управление УЧУСОУкрКрыма, например, должно было состоять, по мнению его «конструкторов», из 1356 человек; цифра сопровождалась оригинальной припиской: «Штаты являются примерными и взяты по количеству в момент наивысшего и наиболее успешного периода работы»⁵⁴⁰.

Процесс мимикрирования военно-коммунистической «чрезвычайщины» к условиям НЭП, как видим, в 1921 г. шел очень активно. Мы анализируем лишь малую толику происшедшего, а именно — формирование советской хозяйственной номенклатуры, ее истоки и перспективы в будущем «социали-

стическом строительстве». Начнем с того, что А. И. Рыков в одном из наиболее «ответственных» своих документов — в докладе в ЦК РКП(б) 16.07.20 г. — прямо заявил: «Аппарат Чусоснабарма связан самым тесным образом с работой ВСНХ и является по существу именно аппаратом ВСНХ»⁵⁴¹. Вся история ЧУСО — неоспоримое подтверждение этому, а финал — особенно реорганизация ВСНХ весной 1921 г. — имел, помимо прочего, цель перераспределить кадры, дать возможность активным проводникам политики военного коммунизма (в данном случае — «чусям») завязать новые наповские управленческие связи. Последовавшие затем практические шаги: письмо А. И. Рыкова в Политбюро ЦК РКП(б) (от 15.06.21 г.), циркуляр ЧУСО о кадрах, постановление СТО от 29.06.21 г. (о порядке перехода «чусей» в гражданские хозяйственные органы) и наконец постановление ВЦИК от 16.08.21 г. — лишь реализация ранее намечавшихся планов. К тому же не встретившая особых затруднений, так как высшие партийные и государственные органы власти, постоянно опекавшие систему ЧУСО, снабжая ее через разного рода «партийные» и прочие мобилизации кадрами, видели в пересаживавшихся в гражданские органы «чусях» теперь уже «чрезвычайных» уполномоченных в среде хозяйственных руководителей в целом.

Местные Учусо, оповещенные о необходимости подождать «особого распоряжения об окончательном переходе аппаратов в губсовнархозы»⁵⁴², тут же откликнулись своими соображениями — каким им видится их место в хозяйственных управленческих структурах в будущем. Заместитель УчусоУкрКрыма Я. А. Андреев, например, ссылаясь на совещание своих инчусо, предлагал на месте упраздняемого УЧУСО создавать отделы военной промышленности Украинского в целом и губернских в частности совнархозов⁵⁴³. Там, где местное руководство «чусей» было поосмотрительней, к сближению с совнархозами приступили еще до появления официальных сообщений о предстоящей ликвидации: УчусоПетВО П. И. Судаков еще в апреле 1921 г. начал совмещать должности инчусо с председательствованием в губсовнархозах⁵⁴⁴.

Тот факт, что функции ЧУСО в 1921 г. переходили исключительно в ведение ВСНХ, не вызывает ни малейшего сомнения: в марте (пост. СНК от 17.03.21 г.) Комиссия Использования ВСНХ подчинила себе чрезвычайную комиссию по выработке валенок и лаптей; с мая (пост. Центркмбесхоз от 17.05.21 г.) многочисленные фронтовые и армейские комиссии по «бесхозному имуществу» стали вливаться в областные отделы снабжения губернских совнархозов, а в сентябре и сама Центркмбесхоз отошла к Центральному отделу снабжения

ВСНХ (прик. Чусо № 1326 от 03.09.21 г.): туда же передана комиссия ЧУСО по учету телеграфной проволоки; а комиссия по учету меди влилась в Главное Управление по цветным металлам; в сентябре (прик. по ВСНХ № 35 от 16.09.21 г.) в ВСНХ перешел интендантский отдел ЧУСО и так далее⁵⁴⁵. Это без того, что СВП образовал в ВСНХ самостоятельное Главное Управление военной промышленности, а один из пяти центральных функциональных отделов — Центральный отдел снабжения — был составлен почти исключительно из Управлений ЧУСО и УЧУСО. Об этом следует сказать особо.

Проблема кадров с первых лет советской власти всегда оставалась острой и никогда не была разрешена цивилизованным путем. Годы военного коммунизма — особенно болезненный период в этом отношении. Интеллектуальный срез общества, осуществленный октябрьским переворотом, поставил российскую интеллигенцию в положение изгой, или, в лучшем случае, пассивного исполнителя «директив» руководителей новой волны. Вся история военного коммунизма — один мощный, сплошной вопль-требование «прислать специалистов» (каких — без разбору). Председатель Украинского СНХ В. Я. Чубарь, например, 24.01.21 г. писал в Президиум ВСНХ: «Нужно заполнить все пробелы в хозяйственных и советских аппаратах... требуются солидные работники, которых здесь не найти...»⁵⁴⁶. Это по всей-то Украине! Понятно, почему А. И. Рыков и Н. Б. Эйсмонт, пользуясь своим «чрезвычайно» исключительным положением, любыми путями старались оградить ВСНХ и всю его внизходящую сеть от кадрового истощения. И надо отдать им должное — не без успеха. Когда, например, ЦК РКП(б) запретил наркоматам кадровые перестановки коммунистов без согласия ЦК или губкомов партии (об этом сообщили «Известия ВЦИК...» 30.11.20 г.), Н. Б. Эйсмонт тут же предложил Центральному Комитету освободить работников-коммунистов ЧУСО от таких ограничений и уже 15.12.20 г. получил на то согласие Оргбюро ЦК РКП(б)⁵⁴⁷.

Приближавшаяся кампания по ликвидации ЧУСО (а на местах неизбежность такого шага понимали со всей определенностью) и распространившиеся слухи о кадровых перспективах «чусей» вызвали некоторую растерянность у представителей такой, казалось бы, стабильной системы. Не всегда правильно понимая намерения центра (а чаще — не понимая их вовсе), растерявшиеся от слухов Уполномоченные досаждали Управлению в Москве телеграммами. УчусоПетВО П. И. Судakov, например, в телеграмме от 31.05.21 г. просил разъяснить,

насколько вероятна перспектива перехода «чусей» в губернские совнархозы в виде особых военных отделов и на каком основании это будет делаться; если да, то сохранятся ли за ними инспекторские функции; сохранят ли сотрудники права военнотружеников; останутся ли особые кредиты, или финансирование будет вестись на общих основаниях через Петро-совнархоз; что делать с Управлениями инчусо и т. д.⁵⁴⁸ Вопросы, как видим, далеко не праздные для людей, чувствовавших себя вполне уютно в условиях их «чрезвычайного» положения.

Появившийся вскоре после согласования А. И. Рыковым в Политбюро ЦК РКП(б) вопроса о судьбе «чусей» циркуляр Чусо № 617а/с («Руководство по сокращению») на некоторые из поставленных вопросов (и прежде всего — в отношении кадровых перспектив) дал вполне удовлетворительные ответы: Учусо, его заместители и помощники, а также управляющие делами поступают в распоряжение ЧУСО, «остальные сотрудники (по возможности не распыляя их) передаются на пополнение местных органов ВСНХ», чрезвычайные инспекторы, их помощники и начальники отделов (если не использованы на местах) переходят в распоряжение ЧУСО⁵⁴⁹. А. И. Рыков, получив принципиальное согласие в Политбюро ЦК РКП(б) на передачу личного состава ЧУСО органам ВСНХ, вскоре подписал (в качестве заместителя председателя Совета Обороны) постановление СТО (от 29.06.21 г.) с завидной для «чусей» формулировкой: «п. 2. Сотрудники, освобожденные по сокращению органов ЧУСО, передаются в органы ВСНХ без особого ходатайства перед Опекомпризом об откомандировании»⁵⁵⁰. Такое кадровое благо мало кому удавалось заполучить. Понятно, что после столь «высокого» позволения, содержание постановления ВЦИК (о ликвидации ЧУСО) было предпринято, его строка о передаче личного состава ЧУСО в ВСНХ⁵⁵¹ была, скорее, соблюдением формальности. Неслучайно, поэтому управляющий делами ЧУСО М. И. Полетаев, сообщая 06.09.21 г. в УЧУСОПетВО о том, что «все, без исключения, сотрудники УЧУСО переходят в органы ВСНХ без ходатайств», ссылался на постановление СТО от 29.06.21 г.; то же видим и в письме ЧУСО в МГСПС (от 09.09.21 г.), ставившим профсоюзную инстанцию в известность, что «...все сотрудники ЧУСО... должны быть автоматически направляемы, по освобождению из Управления ЧУСО, в ВСНХ...»⁵⁵². Из-за слишком необычно благоприятных условий, в которых оказались кадры ЧУСО, отвечать подобным образом приходилось, вероятно, довольно часто. Поэтому М. Д. Шейн предложил секретариату СТО

«Ввиду возникающих частых недоразумений на местах в связи с постановлением СТО от 29.06.21 г.» опубликовать данное постановление⁵⁵³, а в УЧУСО направили «дополнение» к циркуляру № 685/с («План ликвидации»), где особо подчеркивалось, что «сотрудники, передаваемые органам ВСНХ, откомандировываются туда без ходатайств перед Особой центральной комиссией по отсрочкам на основании постановления СТО от 29.06.21 г.»⁵⁵⁴.

Бесспорно, у руководства ЧУСО было много оснований для получения такого исключительного права на «квалифицированные кадры», «нужда в которых, — как писал 17.09.21 г. М. Д. Шенин в ЦК РКП(б), — особенно остро чувствуется в настоящее время в связи с коренной переменой экономической политики»⁵⁵⁵. Как бы там ни было, по смысл подобных заявлений мог быть только одним — вольно или невольно под «квалифицированными кадрами» подразумевался опыт военнокommунистического прошлого (поскольку другого не было). Как он мог согласоваться с «коренной переменой экономической политики», отвечать очень сложно. Но современники такими вопросами, вероятно, не задавались.

В связи с пересаживанием «чусей» в органы ВСНХ возникли некоторые осложнения с политорганами, также претендовавшими на исключительность. М. Д. Шенин вынужден был даже пожаловаться в ЦК РКП(б) на ПУР за перехватывание работников ЧУСО и просить издать специальный циркуляр ЦК «местным политорганам о необходимости воздержаться от вмешательства в дело направления сотрудников ликвидируемых аппаратов ЧУСО»⁵⁵⁶. Но это оказалось делом трудным — Политуправление РВСР имело в ЦК партии влияние ничуть не меньшее, чем ЧУСО (если не большее); кончилось компромиссом — появился совместный приказ ЧУСО и ПУР (№ 1353 от 31.09.21 г.), регулировавший откомандирование партийных «чусей»⁵⁵⁷. Но так как членов партии в системе ЧУСО было не очень много, то и особого значения уступка ПУРу не имела (в октябре туда отдали лепкома Управления ЧУСО М. К. Иванова), кое-кого дали в ЦК РКП(б) (помощника тамбовского чрезвычайного инспектора Б. И. Кунина, инчусо Семиреченской области М. Л. Эльзшберга, кое-кого еще) и тем ограничились; скорее, это была моральная уступка, и Н. Б. Эйсмонт мог с полным основанием заявить, что большая часть личного состава ЧУСО все-таки оказалась в ВСНХ⁵⁵⁸.

В этом нас убеждают и некоторые цифровые данные, характеризующие миграцию «чусей» в гражданские хозяйствен-

ные органы управления, в данном случае — в аппарат ВСНХ. Первая группа сотрудников Управления ЧУСО (канцелярские работники) ушла в ВСНХ 17.08.21 г. (т. е. на другой день после появления постановления ВЦИК о ликвидации ЧУСО) — 14 человек в Центральный отдел снабжения и столько же — Центральный автоотдел⁵⁵⁹. Затем почти ежедневно туда направлялись небольшие группы по несколько человек⁵⁶⁰. По далеко не полным данным из Управления ЧУСО в ВСНХ перешли: в сырьевое Управление Центрального отдела снабжения — 122 человека; в другие отделы ЦОС — 19 человек; в ЦАО — 6 человек; 87 человек было уволено и 25 отправлены на биржу труда (неквалифицированные сотрудники)⁵⁶¹. Последнюю группу «чусей» из бывшего Управления (62 человека) ликвидационная комиссия перевела в ВСНХ в декабре 1921 г., туда же была передана в документация по учету номенклатуры ЧУСО⁵⁶². В общей сложности из аппаратов ЧУСО, УЧУСО, ИНЧУСО, ЧУСО армий в московский аппарат ВСНХ перешли 704 человека⁵⁶³.

Усилия руководства ЧУСО по перемещению своих кадров в гражданские исполнительные органы хозяйственного управления по существу совпадали с намерениями самих «чусей». Как только стало окончательно ясно, что система ЧУСО вот-вот исчезнет, среди сотрудников ее Управлений началось интенсивное передвижение: одни (менее дальновидные), используя накопленные за время «чрезвычайных» полномочий связи в номенклатурной пирамиде, попытались выйти из системы ЧУСО в другие структуры, или подыскивали себе место, присматриваясь к новой политической ситуации; другие (и их большинство), инстинктом чувствуя бесперспективность НЭП, помня о завидном прошлом ЧУСО и надеясь в оставшееся время решить свои личные проблемы, используя, хотя и угасающий, но еще достаточно мощный авторитет этой системы, наоборот, стремились закрепиться в ее номенклатуре. Отсюда такое обилие управленческих приказов в 1921 г. — как в центре, так и на местах. Персоналии системы ЧУСО позволяют довольно легко проследить путь «чрезвычайной» номенклатуры вплоть до перехода ее в новое «нэповское» качество*.

Чтобы составить общее представление о «миграции» «чусей» из военного коммунизма в НЭП, укажем выборочно на некоторые персональные передвижения по служебным лестницам времен «коренной перемены экономической политики».

* Сведения о почти тысяче «чусей» собраны автором по архивным документам и находятся в отделе публикаций Российского государственного военного архива. а

С конца 1921 г. ВСНХ мало-помалу начинал поглотить «чужей», по разным причинам выпадавших или добровольно уходивших из «чрезвычайной» номенклатуры. Так было с УчсоЗап Э. В. Лугановским — возглавившим строительный отдел, управляющим делами ЧУСО З. Н. Доссером — осевшим в Главконфети, начальником ГВИАУ И. Е. Коросташевским — при попытке закрепить его в Комгоссооре и др.⁵⁶⁴ До конца июня 1921 г. (до согласования в Политбюро ЦК РКП(б) и появления постановления СТО от 29.06.21 г.) такие переходы затруднялись множеством формальностей и, прежде всего, необходимостью разрешения ЦК РКП(б): путь через Оргбюро ЦК РКП(б) прошли заместитель УчсоТурк А. И. Войтов и УчсоКрыма И. Б. Пороцкий — переводившиеся в ВСНХ, Л. Я. Карлов из СВП — направлявшийся в НКПС, и некоторые другие; даже для тех, кто уже работал в аппарате ВСНХ, как например, бывший помощник Главначсбаба Е. Л. Зелинский-Бакшицкий, требовалось утверждение ЦК партии; или их судьбой, как псковского чрезвычайного инспектора А. Я. Немировского, должен был распорядиться региональный комитет РКП(б)⁵⁶⁵.

Особое предпочтение «чужаки» отдавалось Наркомвнешторгу, поэтому многие из тех, кто до июля 1921 г. покидал систему ЧУСО, стремились оказаться во внешнеторговом ведомстве — перспектива работать хоть относительно за рамками условий социалистической действительности с первых дней советской власти стала особо привлекательной для «новых красных хозяев». В феврале 1921 г. в НКВТ ушли начальник административного отдела Управления ЧУСО А. Б. Миссия и переехавший незадолго до этого с должности заместителя УчсоСиб С. Г. Гродзенский, о котором хлопотал А. М. Лежава и который вскоре уехал торгпредом в Польшу⁵⁶⁶. В мае «в долгосрочную заграничную командировку по делам НКВТ» из ЧУСО откомандирован начальник финансового отдела А. И. Соболев; за ним — стенографистка М. Б. Добрянская⁵⁶⁷ и др. А вот начсбабу Западного фронта Н. П. Гиацинтова не повезло: все уже было устроено, даже получено согласие ЦК РКП(б) (прот. № 30 от 09.05.21 г.), но помешал Н. Б. Эйсмонт, заявивший: «Никакие назначения по снабженческой линии помимо ЧУСО не могут быть даны». Вспомнили Н. П. Гиацинтова прошлогодний добросовестный рапорт о состоянии снабжения Западного фронта во время советско-польской войны, да и несоблюдение «субординации» раздражало; пришлось отступить — 27.05.21 г. из НКВТ сообщили Главначсбабу: «Вследствие личной просьбы Н. П. Гиацинтова, НКВТ не настаивает

на откомандирований... его в ближайшее время для работы в НКВТ»⁵⁶⁸. С началом «директивного» перехода «чусей» в органы ВСНХ, отток их даже в НКВТ был крайне затруднен. Известен только один случай — бывший Учусо Нижнего Поволжья А. Ф. Лелеков после скандалов в Заволжском ВО, потолкавшись немного в Управлении ЧУСО, вскоре объявился в должности управляющего делами чрезвычайной комиссии по экспорту НКВТ⁵⁶⁹.

Как уже отмечалось, в результате реорганизации ВСНХ в его структуре возник Центральный отдел снабжения (ЦОС). Н. Б. Эйсмонт говорил о нем как об «одном из крупнейших отделов ВСНХ... работа которого 4-м съездом ВСНХ признала ударной»⁵⁷⁰. Понятно, что создавался этот отдел «под чусей» — именно здесь осело большинство из них. Возглавил отдел В. В. Гомбарг, перешедший туда как только М. Д. Шейн вернулся из Сибири (первоначально он ушел на должность руководителя сырьевого Управления Центрального отдела снабжения — приказ Чусо № 1327 от 06.09.21 г., — однако в ноябре М. Д. Шейн называл его уже «начальником ЦУС ВСНХ»), заместителем начальника Центрального отдела снабжения еще в июле намечался В. Я. Рискин⁵⁷¹. В должности заместителя начальника сырьевого Управления ЦОС подвизался М. П. Якубович — мало чем заметный среди «чусей» в прошлом, разве что съездивший с М. Д. Шейным в Сибирь. Помощником начальника сырьевого Управления и одновременно заведующим фондовым подотделом стал Г. А. Ангерт, долгое время руководивший всеми московскими «изъяточными» комиссиями ЧУСО и огромным аппаратом всероссийского Комбесхоза. Здесь же, среди руководства, встречаем в качестве заведующего финансово-счетным подотделом В. А. Борденова (сменившего должность начальника финансового отдела ЧУСО), В. А. Константинова (поднявшегося от помощника начальника организационно-административного отдела Управления ЧУСО до начальника административно-хозяйственного подотдела ЦОС ВСНХ); Ш. С. Каплан стал помощником начальника организационного отделения; «консультантами» инструкторского отделения взяты были А. А. Полубояринов и П. В. Рождественский — оба уже староваты для руководящих должностей (одному — за 50, другому — чуть меньше)⁵⁷². Среди прочих «руководящих» — начальник транспортного Управления ЦОС Измайлов (несостоявшийся помощник УчусоКавк по морской части) и начальник авточасти транспортного Управления А. Л. Эпштейн (инженерно-технические способности которого использовались еще в Чрезкомснаб) и т. д.⁵⁷³

По приказам ликвидационной комиссии ЧУСО... (в архиве обнаружены с № 1 по № 33 от 01.10. до 30.11.21 г.) можно установить примерную управленческую «географию» расселения «чусей» — тех, кто работал в Москве, и тех, кто туда прибывал «в распоряжение» ликвидационной комиссии⁵⁷⁴. Подавляющее большинство, опять же, направлялось в ЦОС ВСНХ. Среди них: злополучный Учусо КВО М. Н. Калашников, начальник общей части Управления ЧУСО Первой Конной армии Л. И. Песоченский, «агент для поручений» при УЧУСО-Кир И. И. Пономарев, В. В. Васин из штата ИНЧУСО Дагестана, помощник начальника инспекции снабжения ЧУСО Н. В. Истомина, управляющий делами УЧУСОЗап С. К. Каргельс и сотрудник этого Управления А. Я. Шнейерсон, многие другие⁵⁷⁵. Центральный автоотдел ВСНХ принял бывшего сотрудника «для особых поручений» ИНЧУСО Кубано-Черноморской области Шейлберга, и даже шофера УЧУСО Поволжья Анисимова⁵⁷⁶.

Прибывавшие в Москву устранивались кто как мог, у кого как получалось. Бывший УчусоТурк П. М. Жоголев, приехав в Москву, намеревался продолжить учебу в МВТУ, но по протекции члена Президиума ВСНХ В. В. Куйбышева ушел в Главный хлопковый комитет, прихватив с собой и состоявшего при нем в Ташкенте «для поручений» Я. Я. Карклина⁵⁷⁷. Те из «чусей», судьба которых была неопределенной, направлялись в Центральное организационно-инструкторское Управление ВСНХ: кто по «партийной мобилизации», как писал о себе Л. Г. Элиман, кто для определения своего будущего предназначения, как Учусо Тамбовской армии Н. С. Караганов; его заместитель Н. В. Второв или бывший чрезгубинспектор Орловской губернии Ёршман, а кто и потому, что лучше его предложить не могли (или не хотели) и надо было переждать, как Учусо Поволжья З. И. Абезгауз, которого по мере сил уводили от суда за крупные хищения⁵⁷⁸.

Протоколы ликвидационной комиссии ЧУСО пестрят назначениями, перемещениями, возвращениями: заместителя Учусо-Сиб В. Ф. Ваничкова — в СВП (точнее — в Главное Управление военной промышленности ВСНХ), П. Н. Лукашевича (бывшего начфина Управления УЧУСОУкрКрыма) — по протекции в Наркомфин, кое-кого в НКВД, профессиональный Союз химиков, институт народного хозяйства им. К. Маркса, Главэлектро ВСНХ, АХО ВСНХ (очень многих), Главспирт, отдел Бесхоза, Центросоюз и т. д. и т. д.⁵⁷⁹

Как видим, не только «ответственные» из «чусей» отправлялись в Москву, как то предписывалось соответствующими

циркулярами и приказами ЧУСО. Но не всем из рискнувших попытать судьбу счастье улыбалось — приходилось и возвращаться. Учусо Тамбовской армии Н. С. Караганов, после напряженной борьбы с крестьянскими восстаниями, получив отпуск, должен был затем «направиться в распоряжение Центрального организационно-инструкторского Управления ВСНХ», но был разочарован, когда узнал о предписании М. Д. Шенна ехать в воронежский губернский совнархоз; а прибывшему с ним в Москву служившему в Тамбове «для специальных поручений» Н. И. Трофимову пришлось вернуться в тамбовский ГСНХ⁵⁸⁰. Никому неизвестного в Москве Яблочкина вернули в тверской ГСНХ⁵⁸¹. Кое-кто из сибиряков (бывший начальник АХО Управления УЧУСОСиб А. К. Рябов и сотрудник того же Управления Лазарев), не прельстившись столичными должностями, сочли за благо вернуться домой, тем паче, что там оставался еще А. П. Брыков, возглавлявший Сибпромбюро ВСНХ, он их и принял⁵⁸². Под предлогом «укрепления кадрами местных хозяйственных органов» возвращали или переадресовывали многих: отправляли в тамбовский, тверской, вологодский, воронежский, иркутский совнархозы; на Украину, в Петроград и в Сибирь, на Юго-Восток и на Северный Кавказ; самые незадачливые получали путевку в отдел учета и распределения рабочей силы НКГР⁵⁸³.

Последними из ЧУСО уходили члены ликвидационной комиссии, которые и оставались-то там по существу формально, так как большинству из них уже было определено место в сырьевом Управлении Центрального отдела снабжения ВСНХ и даже разрешено там совмещительствовать, куда они и перешли окончательно с завершением работы ликвидационной комиссии; среди них М. Д. Шенн, Л. В. Гохенберг, Д. И. Абезгауз, С. Е. Каплан, Е. В. Отт, А. Е. Абрамов, В. В. Ефимов, А. Я. Барилевич, К. В. Петров, Н. А. Голубев и др.; М. И. Полетаев отправился в Главэлектро ВСНХ⁵⁸⁴.

Что касается распределения «чусей» на местах, то там происходило примерно то же, что и в Москве, только в более мелких масштабах. Имеющиеся в архиве документы — списки личных составов УЧУСО, ИНЧУСО, ЧУСО армий, составившиеся на момент их ликвидации, — позволяют утвердиться в мысли о пересаживании местных «чусей» преимущественно в периферийные структуры ВСНХ. Списки имеются далеко не по всем Управлениям, не всегда они полны — недостает тех, кто уходил во время полустихийного сокращения (а таких, как мы указывали выше, было до половины), но и того, что имеется, на наш взгляд, достаточно, чтобы считать произве-

денный подсчет вполне достоверно отражающим основные направления «миграции» местных «чусей» из военного коммунизма в НЭП. Судя по данным, приведенным ниже (см. табл 3), больше половины из местных «чусей» (60%) оказались пригодными для изповской хозяйственной номенклатуры ВСНХ; каждый десятый оказался уволен; только 8% связали свою судьбу с военным ведомством и столько же уехали в Москву. Среди последних не находим П. И. Судакова — ставшего председателем петроградского СНХ (прик. Чусо № 1300 от 08.08.21 г.); бывшего УчусоКир Щербакова — оставленного в республиканском СНХ (прик. Чусо № 1255 от 14.06.21 г.); А. П. Брыкова и К. Г. Максимова — некоторое время вынужденных оставаться в Сибирском и Уральском бюро ВСНХ; были и помельче из «ответственных», имевшие превентивное право отъезда в столицу, но предпочитавшие «синицу в руке» — заместитель УчусоУкрКрыма И. К. Гамбург, например, превратившийся в начальника снабжения Украинского СНХ, и некоторые другие⁵⁸⁵. Последнее встречается редко, было необычным, а подчас просто случайно временным — неодолимо невежественная тяга к «Центру» захватывала и увлекала новую волну «молодой России».

Т а б л и ц а 3

Кадровое перераспределение работников местных органов ЧУСО в связи с ликвидацией их Управлений⁵⁸⁶

Структура ЧУСО	Всего сотруд- ников	Из них перешло в			Уволен
		органы ВСНХ	военвед	Москву	
УЧУСООВО	83	39	2	8	28
УЧУСОУрала	57	27	23		
УЧУСОЗап	202	80	10	38	43
УЧУСОПетВО	137	88			
УЧУСО Отдельной Кавказской армии	25	5	10		
ИНЧУСО Харьковской губернии	32	17			5
ИНЧУСО Минской губернии	27	16	2		
ИНЧУСО Витебской губернии	17	15			
ИНЧУСО Смоленской губернии	38	20	8		
ИНЧУСО Кубано-Черноморской области	54	43	1	7	
Всего	672	350	56	53	76

На первый взгляд может показаться странным столь незначительное число «чусей», перешедших в военвед. Но достаточно вспомнить историю их взаимоотношений с военным руководством, как все станет на свои места. В сентябре, однако, Главначснаб попытался переломить настроение: упрекая Чусо за посылку «специалистов» расформировывавшихся «чрезвычайных» структур «преимущественно в гражданские органы ВСНХ и НКВТ», он доказывал, «что это лишает военное ведомство нужного кадра», «прошу дать категорическое распоряжение подведомственным Вам органам ЧУСО, — писал Г. Д. Базилевич, — откомандированных в гражданские ведомства лиц возвратить, дальнейшее откомандирование прекратить и всех освобождающихся направлять в мое распоряжение»⁵⁸⁷. На это М. Д. Шенин, сославшись на постановление СТО от 29.06.21 г., спокойно уведомил Главначснаба об исключивном праве ВСНХ на кадры ЧУСО, которых «лучшие вернуть к привычной отрасли»⁵⁸⁸. Но кое-кого, как видно из приведенной выше таблицы, пришлось все-таки отдать военведу. Среди них заместитель УчусоЗап Н. П. Гиацинтов, заместитель УчусоУрала Н. А. Доброклонский, УчусоБелморВО К. И. Пронский, начальник интендантского отдела ЧУСО А. Д. Кишкин-Любавский; из тех, кто «помельче», — М. И. Лавочкин (председатель трофейной комиссии 4-й кавалерийской дивизии Первой Конной армии), мало кому известный А. О. Бабкин, кое-кто из УчусоЗап, УчусоУрала — но это были единицы⁵⁸⁹. Поэтому не стоит принимать всерьез соответствующее заявление ЧУСО и ПУР (в прик. Чусо № 1353 от 31.09.21 г.) о том, что личный состав Управлений ЧУСО «передан в органы ВСНХ и военного ведомства»⁵⁹⁰.

Вместе с людьми ЧУСО в структуры ВСНХ отошла и ее материальная часть. Еще задолго до выхода правительственного постановления о ликвидации ЧУСО в адрес ее местных организаций ушла телеграмма В. В. Гомбарга (от 11.07.21 г.) упрещающего содержания: «В случае ликвидации органов ЧУСО инвентарь и имущество последних, за исключением специального военного, передается местным органам ВСНХ»⁵⁹¹. Затем официально это подтвердило постановление ВЦИК⁵⁹². Система ЧУСО переходила в новое качество со старым скандалом: прихватили, например, в полном составе свой московский гараж — с 01.10.21 г. он передан в транспортное Управление ЦОС ВСНХ⁵⁹³. Прихватили не только гараж — заключительный протокол ликвидационной комиссии утверждал: «Инвентарь Управления ЧУСО передан в ЦОС ВСНХ»⁵⁹⁴. То же мы могли бы прочитать и в документах периферийных ликвида-

дионных комиссий⁵⁹⁵. Система ЧУСО скопом и очень быстрошла в новую экономическую политику.

§ 5. Выделение военно-промышленного производства и управления им в корпоративно-замкнутую сферу экономики

Первоначально практические действия системы ЧУСО оказались в кругу проблем, связанных с обеспечением армии преимущественно вещевым довольствием, к тому же в большей мере — распределением и перераспределением имевшегося. Но впоследствии некоторого времени административный аппарат «чусей» оказался в состоянии заняться и производственными вопросами. Стало ясно, что эта функция ЧУСО потребует к себе особого внимания, в первую очередь — организационного. Опыт работы ЦОВЗ ВСНХ убеждал в необходимости передачи управления военным производством (артиллерийским, инженерным, связи и проч.) в ведение исключительно обособленного военно-административного органа, каковым и стал Совет военной промышленности (СВП), образованный при ЧУСО.

История создания СВП и связанных с ним мероприятий в области военного производства выделена в специальный раздел исследования, так как при всем том, что СВП являлся частью ЧУСО, его функции с течением времени уравнивались со всей «чрезвычайной» системой и в конечном счете, в результате обособления, выделились в некое подобие самостоятельного «ЧУСО», но только в области военно-промышленного производства.

К сожалению архив этого ведомства по причине особой секретности — подчас переходящей рамки здравого смысла — довольно скуден. Фонд СВП в ЦГАСА (ф. 67, влитый в ф. 23751) оставил пока малозаметный след и, вероятно, еще ждет скрупулезного исследования. Но в нашем случае даже того, что имеется в фонде ЧУСО, будет достаточно, смеем надеяться, для составления научно приемлемого представления о судьбе военно-промышленного производства и управления им в годы военного коммунизма. Это тем более важно сделать, так как в научной исторической литературе мы найдем лишь упоминания о СВП как о факте его появления — и только⁵⁹⁶.

Во всей истории создания и функционирования СВП мы увидим мало принципиально отличного от опыта работы пресловутых (в советской историографии) «Земгора» и Военпрома времен первой мировой войны. Если судить по польскому 1919 г. докладу Н. Преображенского А. И. Рыкову в части ре-

комендовавшихся принципов организации заготовки и производства предметов военного довольствия (а эти рекомендации, как мы убедимся ниже, стали основой административно-функционального строительства СВП), то суть их сводилась к следующему: упростить финансирование и управление предприятиями, выделив их в специальную группу и создав для этого особый орган согласования военного и гражданского управлений, подчиненный А. И. Рыкову, как Чусо. Этот орган должен был иметь внизходящую иерархическую структуру, соподчиненную на местах одновременно военным властям и тамошним уполномоченным ЧУСО; производимая военная продукция должна была сдаваться на склады ЦУС и распределяться под контролем ЧУСО⁵⁹⁷.

Первоначально, в хаосе «чрезвычайного» административного угара, в Управлении ЧУСО было образовано техническое бюро (о нем говорилось выше)⁵⁹⁸, долженствовавшее перенять традиции Чрезкомснаб в деле организации военного производства. Может сложиться мнение — и оно будет верным — о существовавших параллельных структурах в системе ЧУСО. Но с течением времени этот изъян устранили — техническое бюро растворилось в Управлении СВП.

Подготовительная работа по созданию СВП началась почти с момента образования ЧУСО: 28.07.19 г. секретарь Управления ЧУСО З. Н. Доссер сообщил в химический отдел ВСНХ П. А. Богданову распоряжение А. И. Рыкова о назначении его «председателем комиссии по объединению всей промышленности, вырабатывающей предметы боевого снабжения»; в этот же день вечером в Чрезкомснаб состоялось первое заседание этой комиссии, где решено, что создаваемый орган «должен быть действенным при т. Рыкове»; второе заседание комиссии (01.08.19 г.) определило цели и задачи, которые затем были сформулированы в проекте «Положения о СВП при ЧУСО»⁵⁹⁹. Известие о готовящейся реорганизации управления военной промышленности было встречено неоднозначно. На собрании 14.08.19 г. «экстренном» заседании Президиума ЦК Всероссийского Союза рабочих металлистов (прот. № 68) под председательством А. Г. Шляпникова в поддержку ранее состоявшегося 2-го съезда ВСРМ и Пленума его ЦК (17.05.19 г.), высказавшихся за распределение предприятий, производивших боевое снаряжение, по производственным отделам ВСНХ, постановили: «Считать излишним организацию Совета военной промышленности с производственными функциями и с непосредственным управлением промышленностью...», использовать для этих целей аппарат ЧУСО⁶⁰⁰. Однако А. И. Рыкову удалось

убедить Президиум ВЦСПС, где он выступал с сообщением о создании СВП (20.08.19 г.), принять положительное решение⁶⁰¹. Чтобы не терять времени, А. И. Рыков предложил СРКО (12.09.19 г.) «впредь, до организации Промвоенсовета», образовать при отделении военной промышленности отдела металлов ВСНХ «особый кадр районных наблюдателей» (на чем наставляла комиссия П. А. Богданова), роль которых сводилась бы к контролю за выполнением военных заказов; предлагался персональный список из 13-ти уполномоченных (все со специальным техническим образованием, работавшие в годы первой мировой войны в органах военного снабжения и производства), каждому из которых полагался бы штат из двух десятков наблюдателей. Была составлена и специальная инструкция, судя по которой права уполномоченных и наблюдателей носили черты скорее статистов, чем организаторов производства⁶⁰². В этот же день появился и приказ Чусо (№ 76 от 12.09.19 г.) о назначении П. А. Богданова председателем СВП, В. Ф. Толоконцева — его заместителем, А. Е. Васильева, В. С. Михайлова и К. Н. Орлова — членами Совета⁶⁰³. П. А. Богданов (сын московского купца второй гильдии, в 1909 г. окончил Московское Высшее техническое училище, с РКП(б) связан с 1905 г.⁶⁰⁴), А. Е. Васильев, К. Н. Орлов и В. Ф. Толоконцев вошли в состав Совета от ЦК ВСРМ⁶⁰⁵. В. Ф. Толоконцев до назначения в СВП работал в ЦЕПАЗ⁶⁰⁶; его и А. Е. Васильева петроградский комитет РКП(б) отказался отпустить в Москву, тогда А. И. Рыков обратился в ЦК РКП(б) (24.09.19 г.), где в тот же день, — по словам Е. Стасовой, — конфликт исчерпали в пользу ЧУСО⁶⁰⁷. К. Н. Орлов после октябрьского переворота возглавлял Всероссийскую Коллегию по вооружению Красной Армии, затем от ЦЕПАЗ комиссарил на тульских оружейных заводах⁶⁰⁸. В. С. Михайлов в начале 1919 г. работал в ГАУ⁶⁰⁹, а затем вместе с К. Н. Орловым вошел в состав (как мы помним) Чрезкомпроизводства Л. Б. Красина⁶¹⁰. Перечисленный состав должен был образовывать, как записано в «Положении...» о СВП, Коллегию Совета, утверждаемую СРКО и ответственную перед ЧУСО; председатель СВП и его заместитель назначались Чусо А. И. Рыковым⁶¹¹.

Итак, отчет времени образования СВП мы можем вести от 12.09.19 г., хотя имеются и другие суждения: заместитель паркома финансов С. Е. Чуцкаев, например, называл почему-то другую дату — 22.08.19 г.⁶¹²; иногда говорили об октябре 1919 г.⁶¹³

Первое заседание СВП состоялось 22.09.19 г. (прот. № 1),

обсудившее организационные вопросы; П. А. Богданову поручено «выяснить с подотделом военной промышленности отдела металлов ВСНХ вопрос о возможности использования его аппарата... для организации технического отдела СВП»⁶¹⁴. Позже (прот. № 4 от 07.11.19 г.) этот вопрос решили положительно: подотдел военной промышленности перешел из ВСНХ в СВП⁶¹⁵, в так называемую «техническую часть», руководителем которой назначили инженера А. А. Зернова (там же оказался инженер С. А. Эгиз); секретарем отдела снабжения технической части стал С. В. Высочанский (прот. СВП № 1 от 14.10.19 г.)⁶¹⁶.

Судя по первым приказам СВП (до конца 1919 г. их вышло 26)⁶¹⁷, с 14.10.19 г. по ноябрь 1919 г. велось активное формирование штата Управления СВП⁶¹⁸. За это время туда перешли более 40 сотрудников ликвидируемой Чрезкомснаб⁶¹⁹; среди них В. А. Крит — на должность заведующего авиационно-автомобильным подотделом⁶²⁰, Г. Н. Парун-Саркисов — секретарем СВП и одновременно начальником административного отдела, В. И. Даниель-Бек — стенографистом и др.⁶²¹ Был образован ряд отделов, таких как «труда и продовольствия» (заведующий Я. И. Гиндин-Гинсбург), финансово-экономический (заведующий А. М. Галаган, его заместитель — инженер А. А. Леви) и др.⁶²² В декабре 1919 г. «в целях планомерной и правильной организации дела учета военной промышленности» при СВП возникло «бюро статистики»⁶²³, а для руководства производством танков — «Танк-бюро»⁶²⁴. Так, постепенно к концу 1919 г. образовалось Управление СВП, штат которого с октября (56 сотрудников) вырос почти вдвое (до 103 человек), что равнялось почти половине штата Управления ЧУСО (222 служащих)⁶²⁵. Расходы на содержание этого Управления в 1919 г. составили 1 346 670 р. — это даже больше того, что истратили на содержание за такой же промежуток времени (но до августа 1919 г.) Цекомпродарм (1 136 316 р.)⁶²⁶.

Новая административно-управленческая структура очень быстро сконцентрировала в своих руках мощный производственный потенциал республики. Первое, с чего начали — переподчинили ЦЕПАЗ Наркомвоен «со всеми заводами и мастерскими» (проект соответствующего постановления был подготовлен вслед за образованием СВП и объявлен приказом Чусо № 107 от 01.10.19 г.)⁶²⁷. Эта реорганизация, если судить по результатам инспекции комиссией ВСНХ (И. В. Филиппович) постановки работы в ГАУ и конкретно — в ЦЕПАЗ, готовилась давно⁶²⁸. Негативное отношение руководства ЦЕПАЗ (счи-

тавшего эту реорганизацию «грубым обобщением») повлекло за собой смену там председателя: А. И. Рыков добился через Оргбюро ЦК РКП(б) (прот. от 14.10.19 г.) перевода А. П. Серебровского (занимавшегося организацией вывоза военного имущества из Украины) на Симбирский патронный завод и тут же (прик. Чусо № 141 от 14.10.19 г.) назначил его председателем ЦЕПАЗ⁶²⁹. В дальнейшем многие из работников ЦЕПАЗ активно сотрудничали с СВП, среди них инженер научно-технического отдела Н. Г. Высочанский, директор первого отдела В. Л. Дыммаи, Б. В. Самойлов, Н. Н. Филиповский, С. И. Чердвинцев и др.⁶³⁰

Вслед за ЦЕПАЗ к СВП отошли (прик. Чусо № 136 от 09.10.19 г.) заводы и порты, управлявшиеся ранее Коллегией Наркоммор (Центральным правлением военно-морских заводов — ЦЕПВМОРЗ)⁶³¹. В конечном счете после перехода под управление СВП заводов Главкоавиа, обозного производства, ГОМЗы, Цетромеди, частично Центрального автосовета ВСНХ, Главцветмет и секции взрывчатых веществ (все из ВСНХ), а также петроградской тяжелой индустрии в ведении СВП оказалось около 60 крупнейших оборонных заводов⁶³². Как утверждал А. И. Рыков в докладе ЦК РКП(б) (16.07.20 г.): «Непосредственное подчинение Главначснаба, а через него и всех довольствующих Управлений, Чусоснабарму Республики позволило совершенно безболезненно изъять из военного ведомства все производство, вплоть до заводов ГАУ, передав его образцовому при Чусоснабарме Совету Военной Промышленности»⁶³³.

Конкретное содержание деятельности Промвоепсовета можно проследить по его протоколам, приказам, нормативным документам. Основным правовым актом, определявшим права и обязанности Совета, стало «Положение о Совете Военной Промышленности при ЧУСО», где он определен как орган «объединения, согласования и регулирования всей военной промышленности»; в его задачу входило создание производственных управленческих центров военной промышленности и определение их функций и штатов, перераспределение заводов между производственными центрами (при том, что право изъятия заводов из ВСНХ или иных органов принадлежит исключительно ЧУСО), открытие и закрытие военных заводов, распределение военных заказов, контроль за снабжением сырьем и, главное — финансирование оборонной промышленности, СВП имел право использовать аппараты подведомственных ему главков, центров и проч., иметь свое Управление под контролем ЧУСО, созывать совещания по вопросам воен-

ной промышленности и ее финансирования, издавать инструкции, утверждаемые Чусо⁶³⁴. Как видно из протоколов СВП, он занимался вопросами технического оснащения заводов, организацией их управления (утверждал членов Правлений заводов и «кустов» промышленности), распределением заказов ГАУ, снабжением заводов рабочей силой, утверждением производственных программ, внедрением передовых технологий и так далее⁶³⁵. Когда случались вопросы, затрагивавшие другие отрасли или ведомства, неподвластные СВП, он довольно быстро решал их с помощью Чусоснабарма⁶³⁶. Промвоенсовет получил также право (параллельно с ЧУСО и ЦУС) расходования Особого оборотного фонда ЧУСО⁶³⁷ (об этом подробно речь пойдет в третьей главе). Из документов, относящихся к практической деятельности СВП, можно сделать вывод, что это был орган исключительно производственный⁶³⁸, распределением он не занимался (это было функцией ЧУСО, а позже — с августа 1920 г. — военведа). До февраля 1920 г. СВП по существу выполнял ту же роль, что ранее ЦОВЗ, по только в области металлообрабатывающей и химической промышленности; производство вещевого, обозного, инженерного, санитарно-хозяйственного имущества по-прежнему оставалось за ЦОВЗ⁶³⁹. И тем не менее к концу 1919 г. сделано было много, о чем и сказал А. И. Рыков на 7-м съезде Советов, доклад к которому ему готовил П. А. Богданов⁶⁴⁰.

Наивысшей активности деятельность СВП достигла к концу 1920 г. Это связано прежде всего с советско-польской войной и укреплением военно-коммунистических настроений в советском государственном и партийном руководстве. Уже сугубо формальный анализ документов Промвоенсовета подводит нас к такому мнению: за 3,5 месяца 1919 г. состоялось 28 заседаний СВП. в 1920 г. — 78, за 6 месяцев 1921 г. — 29 заседаний; в 1919 г. вышло 26 приказов СВП, в 1920 г. — 120, в течение первого полугодия 1921 г. — 30 приказов⁶⁴¹. В начале февраля 1920 г. межведомственное финансовое совещание при СВП, несмотря на появившиеся в это время демилитаризационные настроения в советском руководстве республики, утвердило смету его организационных расходов в сумме 31 051 400 р.⁶⁴² Цифра довольно внушительная. Но и она оказалась крайне недостаточной и в течение года корректировалась в сторону увеличения, особенно в сентябре, когда после поражения под Варшавой от военно-промышленного производства Л. Д. Троцкий и образовавшая при нем «чрезвычайная» комиссия по снабжению армии потребовали по существу невозможного⁶⁴³. К концу 1920 г. милитаризация экономики

России достигла совершенно абсурдных размеров: только УчсоЗап, например, контролировал 316 предприятий, работавших на армию⁶⁴⁴. Аппарат Управления СВП в это время был максимально сосредоточен; приказом Чусо (№ 520 от 28.05.20 г.), «ввиду напряженной работы, вызванной состоянием войны на Западном фронте», там были введены даже сверхурочные часы работы⁶⁴⁵.

Усиление роли СВП в 1920 г., и особенно во второй его половине, объясняется, помимо прочего, в значительной мере еще и исходом противоборства военного ведомства и ЧУСО за распределительные прерогативы, борьбы, закончившейся поражением ЧУСО и усилением «чрезвычайщины» в производственной сфере экономики республики.

Реорганизация Управления ЧУСО в феврале 1920 г. не обошла вниманием и СВП. К нему окончательно перешли остававшиеся за ЦОВЗ функции организатора военного производства. В структуре Управления СВП созданы два крупных отдела. Один из них, так называемый интендантский, занимался наблюдением за производством предметов военно-хозяйственного (кроме обоза) и обмундировочного снабжения и выработкой для соответствующих главков ВСНХ производственных программ. На уровне СВП было принято решение поручить руководство этим отделом М. В. Акимову, а контроль за работой отдела обязан был осуществлять персонально Главначснаб, для чего приказом Чусо (№ 367 от 10.03.20 г.) Л. З. Аккерман введен шестым членом в состав Коллегии СВП⁶⁴⁶. Смету содержания этого отдела на 1920 г. утвердили в размере 4 млн р.⁶⁴⁷ В июле, вероятно с целью поднять авторитет пачальника интендантского отдела, М. В. Акимов был утвержден в этой должности специальным приказом Чусо (№ 651 от 15.07.20 г.) с оставлением помощником Главначснаба, каковым он стал за месяц до этого (прик. Чусо № 559 от 10.06.20 г.)⁶⁴⁸.

Работа интендантского отдела таким образом оказалась тесно связанной с ЦУС, что далеко не положительным образом отразилось в будущем на взаимоотношениях его с ЧУСО. Особенно наглядно проявилось это на Всероссийском совещании ЧУСО (5—8.11.20 г.), где доклад М. В. Акимова о работе интендантского отдела был встречен местными Учсо очень неодобрительно⁶⁴⁹. И хотя на совещании М. В. Акимов обещал в ближайшее время утвердить «для связи с отдельными УЧУСО» специальное положение об интендантских отделах при уполномоченных СВП, «которые будут подчиняться Уч-

со», ему из зала заметили, что с посылкой уполномоченных он запоздал, так как на периферии самостоятельные интендантские отделы возникли уже стихийно (В. В. Гомбарг)⁶⁵⁰. Это была лишь внешняя форма проявления недовольства «чусей» работой интендантского отдела, суть определялась более сложными мотивами противоборства между ЧУСО и тяготивший к нему интендантский отдел оказались в центре этой борьбы. На Всероссийском совещании «чусей» помощник Чусо М. Д. Шейн очень упорно настаивал на передаче интендантского отдела непосредственно в ЧУСО, но отрицательная позиция А. И. Рыкова, поддержанного Н. Б. Эйсмонтом, принудила м. Д. Шейна пойти на компромисс — в постановлении «По организационному вопросу» совещание записало: «Интендантский отдел оставить в составе СВП, временно подчинив особо уполномоченному ЧУСО, члену СВП, подчиненному непосредственно ЧУСО»⁶⁵¹. Для М. В. Акимовы склонность к ЧУСО окончилась определенными неудобствами — оказавшись замешанным (вместе с Главначспабом Л. З. Аккермалом и начальником Главхозупра В. Я. Рискиным) в скандальной истории с судебным разбирательством, он (хотя и был оправдан «за недоказательностью вины»⁶⁵²) приказом Чусо (№ 1000 от 31.12.20 г.) от должности начальника интендантского отдела был отстранен⁶⁵³. Учусо «по наблюдению за интендантским производством» стал В. Я. Рискин⁶⁵⁴, освобожденный по тому же делу от должности начальника Главхозупра.

Другим крупным подразделением, образованным в рамках Промвоенсовета, стало Центральное Управление военных заготовок обозного и инженерного имущества (ЦУПВОЗ), возникшее из подотдела ЦОВЗ, выделенного в подчинение СВП на правах отдельного главка (прик. Чусо № 314 от 14.02.20 г.)⁶⁵⁵. Как видно из «Основного Положения...» о ЦУПВОЗ, это было «центральное государственное учреждение», подчиненное СВП и имевшее своей целью объединить производство военного обоза всех наименований, а также инженерного и санитарно-хозяйственного имущества, притом преимущественно на крупных заводах «непосредственно ему подчиненных»⁶⁵⁶. Бюрократический аппарат нового «управления», следуя военно-коммунистическим традициям административной системы, рос очень быстро (опережая даже Управление СВП): приказами Чусо (№ 466 и 479 от 29.04. и 11.05.20 г.) утвержден его временный штат⁶⁵⁷, в июле 1920 г. насчитывавший 180 человек (с подчинением ему восьми заводов с числом рабочих 1 905 человек)⁶⁵⁸. Окончательно штат

ЦУПВОЗ Чусо утвердил 10.08.20 г. (прик. № 709)⁶⁵⁹. Организационные расходы этого Управления с марта по декабрь 1920 г. составили 36 720 000 р.⁶⁶⁰⁻⁶⁷⁰. Это даже больше истраченного на содержание в 1920 г. Управления Промвоенсовета. Как уже отмечалось в связи с интендантским отделом, образование ЦУПВОЗ явилось также одной из причин ввода Главначснаба в состав СВП (прик. Чусо № 367 от 10.03.20 г.)⁶⁷¹.

Изъятие обозной секции из ЦОВЗ предreshило судьбу последнего: 09.03.20 г. (прик. Чусо № 371) Центральный отдел военных заготовок ВСНХ и его местные воензаги были ликвидированы окончательно⁶⁷². Противостояние структуры ЦОВЗ системе ЧУСО, о чем писал, например, заместитель председателя ЦОВЗ А. М. Тамарин⁶⁷³, завершилось в пользу военно-коммунистических методов управления. Теперь между производственными органами ВСНХ, фабриками и заводами, с одной стороны, и военным ведомством как потребителем, с другой, остался один согласующий орган — Промвоенсовет, а в конечном счете — система ЧУСО. Управление военным производством в интересах военведа было упрощено максимально. Тем самым была решена одна из задач, ставившихся перед Советом военной промышленности накануне его создания.

Влияние СВП в управлении военным производством росло довольно быстро. В мае 1920 г. П. А. Богданов даже просил Н. Б. Эйсмонта о переводе части сотрудников Управления ЧУСО в Управление СВП, так как, по его мнению, «сфера деятельности СВП значительно расширилась и в дальнейшем будет прогрессировать расширением... сфера деятельности Управления ЧУСО сокращается»⁶⁷⁴. П. А. Богданов ошибался в ближайшем прогнозе, но в целом он был прав: Управление СВП к концу 1920 г. представляло из себя солидный бюрократический аппарат — технический, административный, снабжения, финансово-экономический, труда и продовольствия, интендантский отделы, а также различные «бюро» и «особые» комиссии тужились управлять военным производством советской России⁶⁷⁵. К числу указанных уже военных и гражданских главков и центров, подведомственных Промвоенсовету, прибавилось еще и право его контроля над такими крупнейшими подразделениями ВСНХ, как Главкож, Главodeжда и Главтекстиль⁶⁷⁶. В июле состоялось постановление Совета Обороны, упорядочившее его взаимоотношения с подведомственными главками, учреждениями и заводами⁶⁷⁷, а еще раньше — в марте, Главначснаб стал шестым членом СВП, как сказано в приказе Чусо, «для достижения более тесной связи меж-

ду органами снабжения Красной Армии и органами производства предметов военного снабжения»⁶⁷⁸.

Примечательно, как распределялись обязанности между членами Коллегии СВП. П. А. Богданов выполнял общеорганизационные функции, контролировал финансы, морское ведомство, Центральный совет ВСНХ (автомобильный), следил за организацией производства танков и катеров, руководил работой уполномоченных Промвоенсовета; К. Н. Орлов занимался вопросами труда, продовольствия, снабжения, наблюдал за ЦЕПАЗ, Главкоавиа, ЦУПВОЗ, ЫВИУ, тульским строительством и разного рода «бюро»; В. С. Михайлову были определены статистика, техсовет, ГАУ, ЦЕПАЗ (совместно с К. Н. Орловым), вопросы мобилизации и демобилизации, составление производственных программ, вопросы рациональной организации производства⁶⁷⁹. В. Ф. Толоконцев был заместителем у П. А. Богданова, а А. Е. Васильева, ничем заметным себя не проявившего, приказом Чусо (№ 698 от 10.08.20 г.) исключили из состава СВП с нейтральной формулировкой: «В связи с получением нового назначения в ВСНХ»⁶⁸⁰. На смену ему в октябре пришел помощник Чусо по морским делам В. И. Зоф, поставленный во главе созданного при ЧУСО Управления по снабжению флота и одновременно назначенный членом СВП⁶⁸¹. П. А. Богданову при этом были даны права (прик. Чусо № 933 от 24.11.20 г.) «помощника Чусо по производственной части»⁶⁸². В ноябре, после сокрушительной критики на Всероссийском совещании за предпочтительность военведу, нежели ЧУСО, из Коллегии СВП вывели Главначснаба Л. З. Аккермана, заменив его членом СВП М. Л. Никифоровым, которому предписывалось (прик. Чусо № 916 от 13.11.20 г.) сдать дела УчусоЗап и «прибыть в Москву не позже 01.12.20 г.»; в заместители ему по СВП придавался В. Я. Рискин⁶⁸³.

Пропорционально росту авторитета СВП увеличивался и аппарат его Управления: к ноябрю 1920 г. число сотрудников там доходило до 300 человек⁶⁸⁴. Происходило это за счет образования новых структурных подразделений, как, например, особой комиссии по выработке опытных сукон и полушерстяных тканей при интендантском отделе; в результате передачи части административных органов из Управления ЧУСО (так было с техническим бюро, отданным в СВП по решению Всероссийского совещания ЧУСО, и чрезвычайной комиссией по заготовке валенок и лаптей (Чеквалап), отошедшей в интендантский отдел в декабре 1920 г. — прик. Чусо № 987 от 25.12.20 г.)⁶⁸⁵; а также за счет расширения своих подразделе-

ний — в октябре, например, заведующий отделом труда и довольствия Я. И. Гиндин-Гинсбург просил П. А. Богданова увеличить штат его отдела «в связи с большой работой, связанной с обработкой поступающих откомандированных из армии специалистов», что и было сделано приказом Чусо № 895 (от 31.10.20 г.)⁶⁸⁶.

Расходы на содержание Управления СВП в 1920 г. выросли относительно затрат 1919 г. примерно в восемь раз и составили 31 750 031 р.⁶⁸⁷

Одним из основных показателей престижности советского учреждения была мера финансового права распоряжения кредитами. О финансовой деятельности СВП речь пойдет в главе третьей. Здесь лишь отметим основные этапы ее развития, проследив которые, еще раз утвердимся в мысли о резком скачке авторитета Промвоенсовета к концу 1920 г. В феврале 1920 г. в ЧУСО приняли решение провести через СНК постановление о предоставлении СВП права расходования «чрезвычайного» фонда⁶⁸⁸. Вскоре там было создано межведомственное финансовое совещание (прик. Чусо № 429 от 13.04.20 г.), а главного бухгалтера Управления ЧУСО В.В. Ефимова назначили одновременно главным бухгалтером финансово-экономического отдела СВП⁶⁸⁹. С осени 1920 г. права межведомственного финансового совещания при СВП неоднократно расширились и к началу 1921 г. окончательно сравнялись с аналогичными правами ЦУС⁶⁹⁰. Более того: в январе 1921 г. Промвоенсовет обзавелся своим «чрезвычайным» оборотным фондом в размере 10 млн. р.⁶⁹¹, чего не было даже у ЦУС.

По нашим предварительным подсчетам в 1920 г. Промвоенсоветом было проведено смет и открыто кредитов на организационные и производственные расходы подотчетных ему главков, ведомств и предприятий в размере 16 265 048 121 р.⁶⁹² Эта цифра, как выяснилось позже, далеко не полная и может составить до половины годового объема финансовых операций СВП — в докладе ЦК РКП(б) в июле 1920 г. А. И. Рыков указывал 16 283 240 121 р. (только из «чрезвычайного» фонда ЧУСО за это время СВП выдал авансов на сумму 1 434 150 000 р.)⁶⁹³ Прав был отчасти инспектор РКИ А. Я. Левин, обследовавший Управление ЧУСО в мае 1920 г., утверждая, что «работа ЧУСО... постепенно сосредоточивается в СВП, приобретающим с каждым днем все большее значение в ЦУСе»⁶⁹⁴. Если обратить внимание на структуру июльского 1920 г. доклада А. И. Рыкова ЦК РКП(б), то мы увидим: половина его объема посвящена только СВП, вторая половина — ЧУСО в целом⁶⁹⁵. Не случайно П. А. Богданов заявил на Все-

российском совещании ЧУСО: СВП «объединил в своем ведении все производство по снабжению армии, как боевое, так и интендантское»⁶⁹⁶; а вышедший вскоре очередной приказ Чусо (№ 933 от 24.11.20 г.) добавил к сказанному: «...независимо от того, находится ли это производство в тыловых или прифронтовых районах Республики»⁶⁹⁷.

Динамика роста авторитета Промвоенсовета в 1920 г. отчетливо прослеживается на его местных подразделениях. Начинаясь с того, что в октябре 1919 г. СВП (прот. № 8 от 18.10.19 г.) обратился к Чусо А. И. Рыкову с просьбой разрешить «иметь при его представителях в Петрограде, на Урале и в Самаре представителей СВП, коим для выполнения поручений Совета разрешить небольшой штат... за счет СВП»⁶⁹⁸. Вскоре такие уполномоченные СВП появились в Нижегородском «кусте» металлообрабатывающей промышленности (И. П. Валуйский), на морских заводах в Петрограде, в Казани, в Самаре⁶⁹⁹. Как правило, это были люди из прежних структур Чрезкомснаб. Но для объединения управления военной промышленностью этого оказалось очень мало. Из районов наибольшей концентрации военных заводов поступали предложения о создании там филиалов Промвоенсовета. В августе 1919 г., например, Президиум СНХ Северной области (прот. № 216 от 22.08.19 г.) постановил: «...обратиться к Чусо с предложением создать в кратчайший срок отделение СВП в Петрограде, передав в его распоряжение весь аппарат (! — Н. П.) совнархоза Северного района»⁷⁰⁰. Организовывать Советы военной промышленности при УЧУСО предлагал в ноябре 1919 г. А. И. Рыкову и И. Е. Любимов, при этом он также советовал не ограничиваться переподчинением только военных отделов губсовнархозов, а отдавать УЧУСО весь их аппарат⁷⁰¹. Не все в этих предложениях было разумным, но реализация их (и достаточно быстрая) началась. Впыхах решили упразднить уполномоченных СВП в Казанском и Самарском районах, как сказано в постановлении СВП (прот. № 32 от 21.01.20 г.), «в связи с намечавшимися новыми условиями работы военной промышленности»⁷⁰². Но вовремя остановились, а Казанскому представительству даже утвердили дополнительную смету на содержание, добавив 720 тыс. р.⁷⁰³.

В мае 1920 г. СВП имел три крупных областных отделения — в Петрограде, на Юге России и в Урало-Сибирском районе; кроме того, он назначал «особоуполномоченных» на наиболее ответственные заводы «для особого контроля»⁷⁰⁴.

Первый и самый крупный отдел Промвоенсовета возник в Петрограде — приказом Чусо (№ 197 от 18.11.19 г.) обязан-

ности председателя СВП по петроградскому району были возложены на УчусоЗап П. И. Судакова⁷⁰⁵. В феврале 1920 г. (прик. УчусоЗап № 26 от 04.02.20 г.) там возникло солидное Управление военной и морской промышленности (Воморпром) в составе 152 человек; в него вошли — в отличие от августовских 1919 г. предложений П. И. Судакова и члена Президиума СНХ СО А. М. Кактыня — только те отделы СНХ, «которые ведали военной промышленностью»⁷⁰⁶. Предоставление кредитов Воморпрому и обслуживание его в финансовом отношении велось через финансовый отдел УЧУСОЗап⁷⁰⁷.

В ходе сумбурных реорганизаций и перестановок среди питерских «чусей» в апреле 1920 г. Промвоенсовет назначил своим уполномоченным в Петрограде (прот. № 58 от 28.04.20 г.) М. Л. Никифорова, а его заместителем — А. Н. Сергеева⁷⁰⁸, в июле (прик. Чусо № 612 от 09.07.20 г.) ставшего одновременно помощником УчусоПет вместо ушедшего на должность УчусоЗап М. Л. Никифорова⁷⁰⁹. В мае — августе 1920 г. с образованием УЧУСОПет и возвращением П. И. Судакова, игравшего заметную роль в управлении военной промышленностью петроградского района, Воморпром претерпел ряд существенных реорганизаций: в связи с созданием в ВСНХ Главдежды изъято текстильно-обмундировочное отделение; с кончиной ЦОВЗ убрали отдел военных заготовок; изменение функций Главкож ВСНХ повлекло ликвидацию кожевенно-брезентового отделения; и некоторые другие⁷¹⁰. В результате штат Управления Воморпром уменьшился до 105 человек (прик. Чусо № 724 от 16.08.20 г.), но и в этом случае он не многим уступал штату Управления УЧУСОПет (165 человек)⁷¹¹. Круг задач Воморпрома в 1920 г. был очень широк, основное внимание обращалось на инженерное обеспечение военной промышленности, но приходилось заниматься и такими вопросами, как, например, организацией производства знаков ордена «Красного Знамени»⁷¹².

Отдел Совета военной промышленности юга России (Промвоенсоветюж) озник в апреле 1920 г. при УЧУСОЮг-Зап. Как видно из пояснительной записки к его штатам (43 человека), главную роль там играл технический совет, взявший на себя военно-производственные функции⁷¹³. Создание отдела СВП на юге России опосредованно повлияло на положение тамощнего Промбюро ВСНХ. УчусоЮг-Вост (а затем — Кавказского фронта) З. И. Абезгауз, например, совершенно перестал считаться с руководством Промбюро; председатель его Президиума Вл. Гинсбург жаловался в ЧУСО на несносное поведение З. И. Абезгауза, работа с которым «совершенно невозможна».

а бестактность его, когда он заявлял, что «ЧУСО выше Промбюро... переходит всякие границы»⁷¹⁴. Заметим кстати, что такое поведение З. И. Абезгауза явилось не последней из причин замены его августе 1920 г. на Кавказском фронте А. А. Квятковским с оставлением последнего членом Промбюро Юго-Востока России⁷¹⁵.

Южный отдел СВП быстро разрастался; осенью 1920 г. у него имелись даже свои филиалы, как, например, в Харькове, руководил которым А. Л. Киришон⁷¹⁶. К концу 1920 г. Южный отдел СВП переименовали в Украинский (прот. СВП № 98 от 11.11.20 г.) «с районом деятельности, определяемым государственными границами Украины»⁷¹⁷. На юго-востоке России возник свой отдел СВП. Не последнюю роль в этом организационном разделении сыграли, вероятно, В. Я. Чубарь и Г. Д. Вейнберг, еще в декабре 1919 г. направленные А. И. Рыковым на Украину: первый с мандатом руководителя «организационного бюро по восстановлению промышленности Украины», второй — «для работы по организации производства и органов управления металлической промышленности на территории Украины»⁷¹⁸.

Организационные расходы на содержание южных отделов СВП составили солидную сумму: только на вторую половину 1920 г. промвоенсовету Юга планировалось 3 460 000 р., по фактически было затрачено 4 860 000 р.; это при том, что аппарат выделившегося уполномоченного СВП на Юго-Востоке израсходовал еще 3 308 000 р.⁷¹⁹

В феврале 1920 г. СВП (прик. № 40 от 18.02.20 г.) признал «целесообразным организовать в Екатеринбурге для Урала и Сибири» новый отдел Промвоенсовета; просили ЧУСО утвердить это решение⁷²⁰. Ответ получен положительный. Функции отдела СВП там первоначально взяла на себя Уралосибирская комиссия ВСНХ. После разделения в 1920 г. УЧУСОУралосибирского округа на УЧУСОУрала и УЧУСОСиб, приказом УчусоУрала (№ 217 от 18.05.20 г.) «для объединения и регулирования военной промышленности Урала и согласования ее с деятельностью центра» при УЧУСОУрала образован Уральский отдел СВП во главе с УчусоУрала К. Г. Максимовым (по совместительству)⁷²¹. Интересы военной промышленности Сибири отстаивал УчусоСиб А. Н. Брыков, совмещавший одновременно и должность председателя Сибпромбюро ВСНХ⁷²².

В местах, где не было отделов СВП, при соответствующих Управлениях УЧУСО создавались производственные отделы во

главе с уполномоченными СВП, которые являлись помощниками Учусо по производственной части с подчинением по горизонтали Промвоенсовету⁷²³.

Особо стали обращать внимание на работу местных отделов СВП в конце 1920 г. Это заметно из материалов Всероссийского совещания ЧУСО (5—8.11.20 г.), из обсуждения докладов П. А. Богданова о работе СВП в целом и М. В. Акимова об интендантском отделе, в частности. И тот и другой (последний — особенно) получили массу замечаний в свой адрес⁷²⁴. Но не это главное, важна сама постановка вопроса и то, как было «дозволено» с таким пристрастием обсуждать состояние военной промышленности. На состоявшемся одновременно с совещанием ЧУСО заседании уполномоченных СВП было принято постановление о необходимости «объединить в ведении СВП как боевое, так и интендантское производства как в тыловых, так и прифронтовых частях», произвести соответствующую реорганизацию производственных отделов Управлений УЧУСО⁷²⁵. В резолюции по докладу П. А. Богданова совещание ЧУСО конкретизировало: производственные отделы Управлений УЧУСО «реорганизуются в отделы военной промышленности», руководители которых «являются помощниками Учусо по производственной части и назначаются Учусонабармом совместно с СВП»⁷²⁶. Последнее для того, чтобы унять неистовые желания «чусей» с периферии, единодушно требовавших полного подчинения им местных отделов СВП. Совещание ЧУСО признало также необходимым «вести должности губиспекторов по производству»⁷²⁷. Это означало, что разветвление функций между ЧУСО и СВП достигло самого нижнего звена их бюрократических аппаратов. Очень скоро эти решения, объявленные приказом Чусо (№ 933 от 24.11.20 г.), вступили в силу; Промвоенсовет предписывалось «в нужных случаях создавать местные отделы Совета»; появилось и специальное «Положение...» о местных отделах СВП — теперь их создавали даже там, где не было аппаратов УчУСО⁷²⁸.

Как видим, только к концу 1920 г., когда экономическое состояние России было доведено до наивысшего истощения, стали всерьез обращать внимание на производственную сферу — отсюда и резкий подъем авторитета СВП.

Показательным на Всероссийском совещании было и другое. Если Центральное Управление снабжения Красной Армии окончательно выявило свою склонность к военному ведомству (и это было закономерным явлением в военном-коммунистической действительности), то Промвоенсовет занял открыто

просовнархозовскую позицию, что с точки зрения логики развития событий — и как следствие действий объективных экономических законов (как бы они ни попирались!) — было также явление неизбежное (в конечном счете производство, а не распределение, определяет способность выживания общества, необходимость которого в России к концу 1920 г. была, наконец, осознана «самым образованным» правительством мира). Последнее имело небольшую и не очень бросающуюся в глаза предысторию. В докладе А. И. Рыкова ЦК РКП(б) в июле 1920 г. мы можем прочитать о Промвоенсовете, «работа которого идет в полном контакте с ВСНХ»⁷²⁹. О деятельности СВП, которая отчасти сводилась также к «налаживанию отдельных отраслей промышленности и по налаживании их, включению в состав ВСНХ», писали и пристрастные свидетели событий⁷³⁰. Были и административные попытки замкнуть треугольник ВСНХ—ЦУС—СВП. По свидетельству А. И. Рыкова в приложении к тому же докладу «председатель СВП входит в Президиум ВСНХ, а начальник ЦУСа в Коллегию СВП»⁷³¹. Реальная отдача от этих назначений, как это можно заключить из архива ЧУСО, и в первом и особенно во втором случаях была мизерной. П. А. Богданов на Всероссийском совещании ЧУСО говорил о вхождении на места уполномоченных СВП в Промбюро ВСНХ⁷³². Но если принять во внимание натянутость взаимоотношений между периферийными совнархозовскими структурами и местными «чусеями», то от такого вхождения можно было ожидать мало полезного.

Только после ноябрьского совещания производственные функции «чусей» получили достойную организационную согласованность как в центре, так и на местах⁷³³, где отделам СВП предписывалось строить свою работу «в полном контакте с органами ВСНХ и Главками»⁷³⁴.

Тот факт, что СВП, как субъект производственных функций «чусей», до конца 1920 г. значительно уступал их распределительным амбициям, в который раз подводит нас к мысли о переломе в политическом сознании советского руководства, наметившемся поздней осенью 1920 г. В главе четвертой мы попытаемся доказать, что этот перелом имел объективно-экономические причины, не случайно толкнувшие советскую Россию в ИЭП.

Комплекс мероприятий, начатых советским правительством в конце 1920 — начале 1921 г., и прежде всего — разгон ставшей опасной для политического режима армии, в дальнейшем получил определение как переход к новой экономической политике. Однако традиции военно-коммунистического опыта,

как в этом убеждает последующее так называемое социалистическое строительство, оказались сильнее волевых попыток отойти от них. Это можно проследить в любой из сфер общественно-экономической жизни России начала 20-х гг. Разумеется, мы здесь говорим только о военной сфере, и даже несколько уже — о судьбе военной промышленности и кадровых переменах среди «чусей» на пути в НЭП.

Как кардинальнейшие преобразования после октябрьского переворота, так и реформы 1921 г. имели спонтанный, эмпирический характер. Надо признать, что метод «проб и ошибок» был, по существу, единственным в управленческом арсенале советского правительства. ЦЭП не стала исключением, армия — тоже. Из большого числа появившихся предложений (большого по численности, но однообразных по содержанию) как решить судьбу армии и конкретно — организации ее снабжения, можно выделить три группы, в известной мере отличавшихся друг от друга. Представители военного ведомства призывали разграничить заготовительные и распределительные функции снабжения, подчинив последние командованию войсками. Там считали, что «вернуться к старому типу военных заготовок исключительно военным ведомством нельзя», как и оставить распределительные функции за гражданскими органами, «далеко стоящими от жизни армии», тоже невозможно, — это из доклада помощника Главкома по Сибири, переданного в марте 1921 г. Г. Д. Базилевичу и Н. Б. Эйсмунту помощником начальника Штаба республики Б. М. Шапошниковым⁷³⁵. У «чусей» была иная точка зрения. Заместитель УчсоПриВО С. М. Максимов, например, так представлял себе будущую систему снабжения армии: Главнацснб «под руководством и при поддержке ЧУСО» координирует снабжение; при нем — ЦУС, которое тесно связано с СВВ, «по своему образам не как распределитель и не как параллельный орган Главным довольствующим (исполнительным) управлениям», т. е. примерно так, как было до августа 1920 г., когда ЧУСО объединяло в себе производственные и распределительные функции. Финансовое снабжение, по мнению С. М. Максимова, необходимо «приблизить к действующим частям», введя кредитные штатные органы даже в бригадных отделах снабжения⁷³⁶. В результате последнего, оказавшись оно воплощенным в жизнь, и без того вольное обращение в армии с денежными суммами окончательно превратилось бы в формальную бумажную статистику государственных ассигнований военным. Наиболее ортодоксальные из «чусей» видели выход из постоянно возникавших конфликтов с военными в «полной

самостоятельности и независимости органов ЧУСО от органов военных, т. е. полная и резкая диктатура» (ЧУСО, разумеется), — считал Л. В. Гохенберг⁷³⁷.

Была и третья группа мнений людей, профессионально наиболее подготовленных к даче подобных рекомендаций. Среди них выделяется доклад начальника снабжения войск Украины и Крыма Фрейганга, представленный М. В. Фрунзе и тут же переправленный в ЧУСО⁷³⁸. Доклад, помимо основной профессионально существенной части, интересен комментариями к июльскому 1920 г. докладу А. И. Рыкова в ЦК РКП(б) и «Объяснительной запиской к проектируемой схеме реорганизации Центральных органов снабжения в связи с выделением военной промышленности». Фрейганг считал, и это было справедливо, что должность начальника снабжения (фронтного и армейского) в годы гражданской войны была обезличена (от себя добавим — разного рода чрезвычайными управленческими структурами); военная промышленность, по мнению автора, должна быть выделена из гражданского производства и обособлена от гражданского управления, что позволит вывести армию «из состояния полуголодных оборывшей»⁷³⁹. Предлагалось использовать «комбинированное производство военного имущества», т. е. помимо сугубо военных заводов главные довольствующие Управления должны контролировать и гражданское производство, выделяя из него часть необходимого для армейских нужд: «дело организации развития (военной промышленности. — Н. П.) должно составить заботу военного ведомства и ни в коем случае не должно переходить ни в какие отделы гражданского ведомства», — предостерегал Фрейганг⁷⁴⁰. Основным руководителем военно-промышленного производства должно стать Главное Управление военной промышленности и снабжения, сконструированное из органов ЦУС, СВП, ЧУСО и Главснабпродарма и подчиненное РВСР; руководство со стороны ВСНХ и Наркомпрода Фрейганг предлагал осуществлять через вхождение представителей последних в состав РВСР, т. е. косвенно⁷⁴¹.

Таковы вкратце идеи организации снабжения армии, выдвигавшиеся в связи с переходом от военного коммунизма к НЭП. Проследим, как это осуществлялось в действительности.

О судьбе Промвоенсовета, похоже, условились еще в ноябре 1920 г. Так, проверяя стенограмму Всероссийского совещания ЧУСО, П. А. Богданов сделал примечательную приписку: «Упущен существенный абзац о перспективах дальнейшего существования СВП — как органа ВСНХ»⁷⁴². А в феврале 1921 г. А. И. Рыков, готовя проект постановления СНК об

экономических комиссариатах, предложил передать СВП (без интендантского отдела) в ВСНХ, но с условием, что в отношении предприятий Промвоенсовета председатель ВСНХ получает права ЧУСО; в случае ликвидации ЧУСО интендантский отдел также должен был войти в ВСНХ «как самостоятельный отдел», или как часть Центральной производственной комиссии (ЦПК) «по усмотрению Президиума ВСНХ»⁷⁴³. Так и поступили: 17.03.21 г. СНК принял постановление (объявлено в «Экономической жизни» № 62 от 23.03.21 г. под заголовком «Организация единого хозяйственного центра») «О передаче в месячный срок ПВС и всех его органов в ведение ВСНХ»⁷⁴⁴. В этот же день в СВП обсуждались основные организационные принципы перехода: сочли необходимым оставить сложившуюся структуру и производственные права; войти в ВСНХ как особое Управление, подчиненное Президиуму⁷⁴⁵.

Аккуратно через месяц появился приказ Чусо (№ 1171 от 18.04.21 г.), где «во исполнение постановления СНК от 17.03.21 г.» Промвоенсовету со всеми подведомственными ему предприятиями (за исключением интендантского отдела) предписывалось «перейти в виде центральной организации в ведение ВСНХ», контроль за военным производством оставался за ЧУСО⁷⁴⁶. Окончательная передача состоялась в мае, когда Президиум ВСНХ принял разрешительное постановление (06.05.21 г.)⁷⁴⁷. Так возникло Главное Управление военной промышленности ВСНХ.

Реорганизация СВП существенно затронула и состав его Коллегии. В апреле 1921 г. в ЧУСО обратился начальник ГАУ П. С. Борисов, просивший освободить его от этой должности и направить в ЦЕПАЗ, которое он оставил в мае 1920 г., перейдя в ГАУ на место отстраненного тогда от должности А. В. Зотова; П. С. Борисов рекомендовал вместо себя кого-либо из членов СВП — М. Л. Никифорова или К. Н. Орлова⁷⁴⁸. Дело в том, что член Центрального Правления артиллерийских заводов Г. Н. Гроздев вернулся в Коллегию Правления ижевских заводов, и ЦЕПАЗ предлагало перевести П. С. Борисова на прежнее место; просьбу П. С. Борисова поддержал член СВП В. Ф. Толоконцев, тоже тяготевший к ЦЕПАЗу⁷⁴⁹. В июле 1921 г. Президиум ВСНХ (постановление от 18.07.21 г.) утвердил новый состав Коллегии СВП: В. С. Михайлов, М. Л. Никифоров, Г. И. Бруно и Хахарев; председателем стал К. Н. Орлов⁷⁵⁰. П. А. Богданов, с мая 1921 г. фактически исполнявший обязанности председателя Президиума ВСНХ, вышел из состава Коллегии СВП — в июле (прик. по СВП № 131 от

21.07.21 г.) он прощался с его сотрудниками⁷⁵¹. Не оказавшего в составе СВП Главначснаба ЦУС тут же предложило ЧУСО ввести в Главное Управление военной промышленности на правах члена с решающим голосом⁷⁵².

О планах перехода СВП в ВСНХ, вынашивавшихся с конца 1920 г., свидетельствуют и другие факты. К началу 1921 г. Управление СВП вывели из-под опеки военного ведомства; как писал управляющий делами ЧУСО в штатно-тарифный отдел РВСР, «Промвоенсовет и подчиненные ему организации — не военные и подлежат тарификации по ставкам соответствующих профсоюзов»⁷⁵³.

В ноябре — декабре 1920 г. межведомственное финансовое совещание при СВП пересмотрело оплату сотрудников его Управления: отменялась, помимо прочего, ранее существовавшая 50%-ная надбавка к кредиту на оплату жалованья по тарифу (для сверхурочных и премиальных) — исключение временно сделали только для техотдела; поэтому представленную Промвоенсоветом смету на содержание Управления в 1921 г. в размере 213 243 438 р. сократили почти вдвое — до 122 465 000 р.⁷⁵⁴ И это несмотря на то, что число занятых в Управлении СВП к апрелю 1921 г. выросло до 500 человек списочного состава (720 — по штату), а с подведомственными ему главками (ЦЕПАЗ, ЦУПВОЗ, Главкоавиа) — до 1 907 (2 343 — по штату)⁷⁵⁵. За три месяца 1921 г. финансовое совещание при СВП рассмотрело сметы своих организационных расходов на сумму 570 057 000 р. (в то время как в течение всего 1920 г. они составили 534 756 907 р.), а производственные сметы выросли как минимум раз в десять (с января по март 1921 г. их рассмотрено на сумму 32 472 921 000 р.)⁷⁵⁶.

Рост затрат на содержание бюрократических аппаратов Промвоенсовета в значительной мере был связан с оживлением деятельности его местных отделов. После Всероссийского совещания ЧУСО производственные вопросы стали играть решающую роль в практике «чусей», и прежде всего — периферийных. Началось это, как и следовало ожидать, с расширения штатов и организационных аппаратов. В этом отношении особенно отличалось УЧУСОУкрКрыма. В декабре 1920 г. штат отдела СВП там подскочил до 214 человек; после разного рода реорганизаций, проведенных в марте 1921 г., к июлю это число выросло до 263 человек, совсем немногим уступая численности самого Управления УЧУСОУкрКрыма (316 человек); структура Управления Промвоенсовета УЧУСОУкрКрыма разрослась неимоверно — автоброневой, морской, артиллерийский, военно-инженерный, труда и продовольствия, снаб-

жения, инспекционно-распределительный, инспекционно-инструкторский, авиационный отделы, управление делами, статистическое бюро...; в ведомственном подчинении у СВП Украины и Крыма находились ЦЕПАЗУкр, ЦУПВОЗУкр, ЦАСУкр, АвиаУкр, ЦУПВОМОРЗавУкр⁷⁵⁷.

Не менее интенсивно росли штаты и в других местах. Напряженно работавшая в ноябре — декабре 1920 г. межведомственная штатная комиссия ЧУСО на каждом из своих заседаний утверждала все новые и новые штаты «организаторов военного производства»: 64 человека — для Кавказского фронта (больше половины самого Управления УЧУСОКавк)⁷⁵³; с 48 человек в декабре 1920 г. до 97 в январе 1921 г. — на Туркестанском фронте (почти как в Управлении УЧУСО-Турк)⁷⁵⁹; в марте 1921 г. возник самостоятельный сибирский СВП, выделявшийся из Сиббюро ВСНХ окончательно⁷⁶⁰. Расширялись или создавались вновь отделы СВП в других регионах, как, например, при УЧУСО Нижнего Поволжья, в Орловском военном округе⁷⁶¹, в Нижегородской губернии, в Казани⁷⁶².

Мартовское 1921 г. постановление СНК о передаче СВП в ВСНХ относилось, бесспорно, и к его региональным отделениям. На совещании в Промвоенсовете (прот. № 118 от 17.03.21 г.) уточнялось: при каждом региональном Промбюро ВСНХ создается отдел СВП; в губерниях, где нет Промбюро, но имеются военные заказы (а где их не было? — Н. П.), в составе Президиумов губернских СНХ один из членов является ответственным перед СВП за выполнение военных программ⁷⁶³. По существу это означало, что аппараты местных органов СВП должны были вливаться в региональные структуры ВСНХ, т. е. Промбюро и губернские СНХ, что и происходило, начиная с мая 1921 г.

Одним из первых было принято решение (прик. Чусо № 1189 от 04.05.21 г.) о передаче Управления СВП на Украине в состав Украинского СНХ (в качестве военно-промышленного Управления — Промвоенукр)⁷⁶⁴. К июлю 1921 г. этот переход завершился⁷⁶⁵. Затем один за другим пошли аналогичные приказы Чусо на места в отношении других территориальных отделов СВП: № 1214 от 17.05.21 г. по УЧУСОУрала (там создавался Промвоенсовет Урала); этим же приказом Управление военной и морской промышленности при УЧУСО-ПетВО (самый крупный отдел СВП — его организационная смета на 1921 г. составила 17 700 000 р.) передавалось «в качестве особого отдела» (ему сохранялось название «Воморпром» и статус «районного филиала СВП») в Петроградский

СНХ⁷⁶⁶; № 1215 от 17.05.21 г. — по УЧУСОап, УЧУСО-Поволжья, УЧУСО Нижнего Поволжья⁷⁶⁷.

Кадры промвоенсоветовских «чусей» в свою очередь также передавались в местные совнархозовские структуры. На Урале, например, К. Г. Максимов заведовал теперь Промбюро Урала (прик. Чусо № 1290 от 10.07.21 г.)⁷⁶⁸; членом Президиума Промбюро Юго-Востока стал Н. М. Шверник (прик. Чусо № 1318 от 31.08.21 г.), туда же переходил его бывший заместитель по УЧУСОКавк Н. П. Першиков и бывший начальник финансового отдела Управления УЧУСОКавк П. Казаков⁷⁶⁹.

Из сказанного выше возникают малоутешительные выводы. Резкий поворот в конце 1920 г. внимания «чусей» к производственным вопросам был шагом, безусловно, запоздалым. Судорожные поиски выхода из абсолютно кризисной экономической ситуации по плану вывели советское правительство к НЭП, тут же сведшей на нет все бюрократические построения времен военного коммунизма. Автор исторического очерка об УЧУСОСиб, например, считал, что создание сибирского СВП оказалось бесполезным из-за последовавшего сокращения армии⁷⁷⁰. На Кавказе, где отсутствовала тяжелая промышленность, организация Промвоенсовета, по мнению компетентных участников событий, на работе УЧУСО никак не отразилась, за исключением «разбухания штатов»⁷⁷¹. То же можно говорить об Украине, Туркестане и проч.

В отличие от СВП в целом, несколько витиеватей сложилась судьба его интендантского отдела. На Всероссийском совещании ЧУСО, как мы помним, работа его была подвергнута обстоятельной критике — тон задавал Н. Б. Эйсмонт, во вступительном слове предложивший передать отдел непосредственного в Управление ЧУСО; однако А. И. Рыков не поддерживал эту идею, и отдел остался в Управлении СВП⁷⁷². (В июле 1921 г. Н. Б. Эйсмонт, отстаивая В. Я. Рискина от партийной мобилизации, писал в МК РКП(б) о нем, как о «совмещающем должность начальника интендантского отдела ЧУСО»⁷⁷³. Это неверно — В. Я. Рискин только курировал отдел как Уполномоченный ЧУСО, а его начальником, вместо неугодного М. В. Акимова, был назначен А. Д. Кишкин-Любавский⁷⁷⁴).

Вскоре А. И. Рыков изменил свое мнение: в феврале 1921 г. в связи с намечавшейся передачей СВП в ВСНХ он настаивал на передаче интендантского отдела из Управления СВП в Управление ЧУСО, подтвердив это приказом Чусо № 1171 от 18.04.21 г.)⁷⁷⁵⁻⁷⁷⁶. Интендантский отдел к этому времени пред-

ставлял из себя солидную организацию со штатом далеко за сотню человек и годовой сметой содержания в 14 956 970 р.⁷⁷⁷

Как мы убедимся из содержания главы второй, обмундировочное снабжение Красной Армии в 1921 г. (несмотря на резкое ее сокращение) будет оставаться бедственным. Поэтому разного рода переподчинения интендантского отдела были не чем иным, как административно-бюрократическими играми. Как только стало известно о предстоящей ликвидации ЧУСО, в Главном Управлении военной промышленности (ГУВП) ВСНХ (прот. № 1 от 22.08.21 г.) решили «срочно войти с докладом в ВСНХ и ЧУСО» о включении интендантского отдела в ГУВП⁷⁷⁸. Через неделю в ЧУСО появился соответствующий приказ (№ 1325 от 31.08.21 г.)⁷⁷⁹. По распоряжению председателя ВСНХ П. А. Богданова (прик. по ВСНХ № 35 от 16.09.21 г.) интендантский отдел включили в производственно-технический отдел ГУВП «на общих основаниях с другими подразделениями»⁷⁸⁰ — круг административных блужданий замкнулся.

Судьба периферийных отделений интендантского отдела была сложнее: начав повсеместно возникать после Всероссийского совещания ЧУСО, после передачи СВВ в ВСНХ они стали отходить к соответствующим УЧУСО, как, например, в Петрограде — из Вомаршпром в УЧУСОПетВО⁷⁸¹, а с ликвидацией УЧУСО — в совнархозовские структуры, как на Кавказе (из УЧУСОКавк в Промбюро Юго-Востока)⁷⁸².

Закончившийся в 1921 г. переход военно-промышленных управленцев под эгиду ВСНХ стал логическим завершением курса, взятого П. А. Богдановым в конце 1920 г., когда он, например, предложил вывести науку из-под контроля военного ведомства и передать ее совнархозам⁷⁸³. Эти действия в чем-то перекликались с усилиями Л. Д. Троцкого в области авиационного строительства, т. е. где-то на уровне интуиции понимали, что не военное ведомство должно питать общегосударскую творческую мысль, а наоборот — из широкомасштабного развития производства, науки и управления в общественной жизни следует черпать необходимое для военного ведомства. Однако, как показало время, эти намерения оказались только проблесками интеллектуальной мысли, рожденными отчасти относительной отстраненностью от военно-коммунистической действительности, стали редким исключением из общего правила структурирования советского общества начала 20-х гг. А оно было таковым, что путь военно-промышленного комплекса лежал в совершенно замкнутую корпоративную сферу экономики.

Перемещавшаяся в НЭП хозяйственная номенклатура военного коммунизма брала с собой не только канцелярские принадлежности, она несла с собой определенную устоявшуюся психологию, воспитанную условиями «чрезвычайной» административно-распределительной практики цоредения «новых хозяйственных руководителей». В НЭП она несла с собой и определенные морально-этические нормы поведения, надеяться на быстрое избавление от которых было бы также абсурдно, как и верить в неповскую утопию растерявшихся от почти полного провала «пугливых растратчиков чужого добра» (А. М. Ремизов). У большинства из перемещавшихся в НЭП «чусей» было достаточно времени и соответствующих условий для выработки устоявшегося вкуса к административно-распределительному типу поведения. В октябре 1921 г., например, из 181 бывшего сотрудника Управления УЧУСОПетВО, получавшего двухмесячное «выходное пособие», 70 человек работали в системе ЧУСО с 1919 г., 88 — с 1920 г. и 23 человека — с 1921 г.⁷⁸⁴ Такое же положение мы могли бы наблюдать и по другим структурам.

Как можно было убедиться из сказанного выше, наименее адаптировавшаяся к «чрезвычайщине» хозяйственная номенклатура военного коммунизма в ходе полустихийного сокращения ушла из ЧУСО в повседневность новых политических условий. Основная, наиболее «квалифицированная» часть, сменив административные посты, влилась в НЭП. У этого перетока кадров была еще одна специфическая особенность, откровенно изложенная в приказе Чусо № 1353 от 30.09.21 г.: уступая ПУРу в отношении «чусей»-коммунистов, документ завершался оригинальной, сводящей компромисс на нет, фразой — «все работники ЧУСО, вне зависимости от их специальности, в возрасте до 35 лет» передаются исключительно в ВСНХ⁷⁸⁵. На руководящие хозяйственные посты «в связи с коренной переменой экономической политики» (Н. Б. Эйсмонт) усаживалась молодая, энергичная, тщеславная, малообразованная, но безапелляционно «чрезвычайная» прослойка «победившего пролетариата и крестьянства». Инчусо Волыни, например, выступая на съезде УЧУСО-УкрКрыма (12.07.21 г.), был совсем не прочь применить на местах «вполне естественное совмещение в Центре работы СНХ и ЧУСО»⁷⁸⁶. Достаточно почитать их «планы» на случай воссоздания ЧУСО, чтобы понять, с какой психологией администратора они входили в НЭП. В июне 1921 г. УчусоДаг в док-

ладе областному комитету РКП (б) писал: «До сего времени существуют частные мастерские и занимаются спекуляцией, зарабатывая сотни тысяч рублей... Нужно в корне изжить все частные мастерские и силой заставить работать»⁷⁸⁷.

Все эти люди из «чусо» в будущем заняли определенные места в управленческой иерархии советской власти. Они не могли не нести с собой приемы, методы и навыки, приобретенные в годы военного коммунизма. А если учесть их низкий общеобразовательный и культурный уровни, то станет вполне понятно, почему они оказались не чем иным, как послушными исполнителями в руках жесткого партийного руководства.

Система ЧУСО, как структурное построение субъективной политической власти, в 1921 г. исчезла. Но через ее «чрезвычайный» опыт прошел целый подкласс, претендовавший на право играть «руководящую роль» в организации общественно-экономического устройства России; и прежде всего — его антропогенный субъект, почерпнувший из практики военного коммунизма исходность своих поступков, надолго «зациклившийся» в пределах накопленных стереотипов, определивший своим поведением и умонастроением будущее всего «социалистического строительства». Поэтому противопоставление новой экономической политики людям, чья психология (управленческая и политическая) формировалась под влиянием военно-коммунистического прошлого, было бесперспективным и может расцениваться действительно как временное отступление, обусловленное силой обстоятельств, управлять которыми по старому не было ни сил, ни интеллектуальных способностей. Изначальная обреченность НЭП (с ее элементами рыночной экономики) крылась, помимо прочего (а возможно — и прежде всего), в примитивном военно-коммунистическом распределительном сознании «новых красных хозяев», глубины которого хватило не на одно поколение. Обреченность НЭП закладывалась в годы военного коммунизма. Носителем ее были люди, вкусившие от примитивно-уравнительных надежд и ставшие объективно неспособными расстаться с этими настроениями в силу крайне низкого уровня культуры и своих профессиональных качеств.

По существу вся система ЧУСО — это не что иное, как попытка через беспредельное усиление исполнительной власти решать проблемы экономические. Если на этапе Чрезкомснаб мы еще можем наблюдать элементы стремления сочетать законодательную и исполнительную власти, то к середине 1919 г. приоритет отдается только исполнительной власти. Кроме как

провалом, это ничем иным не могло закончиться. И тогда потребовался переход к НЭП, т. е. к попытке временно «отпустить на волю» экономические законы.

Хочется надеяться, что научный анализ, осуществленный в предлагаемом исследовании (в части изучения процессов становления административно-хозяйственной номенклатуры), побудит в будущем историков этого периода основательно приглядеться к тем, кто занимался организацией управления экономикой в первые годы после октябрьского переворота, к традициям, сложившимся в то время, и их неизбежному переносу в будущее.

Завершая первую часть исследования деятельности ЧУСО, отдельно скажем о А. И. Рыкове, оставившем заметный след в истории октябрьского переворота и первых послеоктябрьских лет. Не имея возможности основательно и квалифицированно оценивать его поведение в целом (для этого потребовалось бы отдельное детальное исследование, что в данном случае не входило в задачу анализа), ограничимся лишь общими замечаниями об этом человеке, трагическая судьба которого еще далеко непрофессионально освещена в советской историографии.

А. И. Рыков — одна из «пseudобных фигур» революции, человек крайне противоречивый, мировоззрение его претерпело много изменений. Его кажущаяся иногда непоследовательность на самом деле непонятной была лишь современникам, чему во многом способствовали его природная одаренность, совесть и отсутствие качеств конформиста. Даже В. И. Ленин уловил это только к концу гражданской войны. 1921 г. для А. И. Рыкова стал «звездным часом» его политической биографии: в это время он замещает В. И. Ленина в СНК, часто исполняет его обязанности в Совете Обороны⁷⁸⁸. Указанное время совпало и с резким ухудшением здоровья, когда А. И. Рыков вынужден был уехать лечиться в Германию⁷⁸⁹. Однако это не помешало карьере: в политическом докладе XI съезду партии (27.03.22 г.) В. И. Ленин выразил надежду на скорейшее выздоровление А. И. Рыкова и успешную работу его и А. Д. Цюрупы в качестве заместителей главы государства⁷⁹⁰. Политическая биография А. Д. Цюрупы в годы военного коммунизма, прежде всего как руководителя народного комиссариата продовольствия, в сущности превращенного в Главснаб-продарм (как ВСНХ — в ЧУСО), также ждет своего исследователя. Только тогда станет понятным, почему именно эта пара столь головокружительно быстро выдвинулась на самые

ключевые посты большевистской бюрократической пирамиды власти изповского периода.

Деятельность А. И. Рыкова и А. Д. Цюрупы определялась схожими обстоятельствами: оба «чрезвычайно» уполномоченные, оба имели неограниченную «диктаторскую» власть и средства для ее реализации. Пока трудно сказать, что было главным — обстоятельства, которые «сделали» А. И. Рыкова и А. Д. Цюрупу, или они сами смогли подчинить себе обстоятельства, став тем, кем оказались в действительности. Но одно несомненно: военно-коммунистическое прошлое и того и другого явилось причиной, побудившей к выдвижению их в скором будущем на столь высокие государственные посты.

В. И. Ленин неоднократно в положительном смысле поминал «чрезвычайное» прошлое А. И. Рыкова. Уже в конце 1920 г. он соглашался с мнением о необходимости поставить рядом А. И. Рыкова и Л. Д. Троцкого, как людей, «создавших известную школу работы в своем ведомстве»⁷⁹¹. А на XI съезде партии похвалы в адрес А. И. Рыкова имели вполне прагматический характер и смысл: «Освобожденный от «маленького» избытка коллегальности в ВСНХ, — говорил В. И. Ленин, — Рыков показал себя единоличной властью, как чрезвычайный комиссар снабжения...», «Рыков, когда работал в Чусоснабарме, сумел подтянуть дело и дело пошло...», — речь велась о назначении А. И. Рыкова на пост заместителя главы государства⁷⁹².

Ортодоксальность, вероятно, претила А. И. Рыкову, но часто под влиянием обстоятельств он совершал поступки, противоречащие его внутренним убеждениям. Такая двойственность существования, на наш взгляд, достигла своего апогея с назначением на пост Чусо, когда А. И. Рыкова шатнуло в административную крайность — особенно на начальном этапе. А. И. Рыков, человек одаренный, стал превосходным исполнителем идеи, предложенной ему В. И. Лениным. Он стал превосходным администратором воплощения этой идеи, оказался в ее плену. Однако природные качества не могли не привести его к конфликту с идеей, финал которой обозначен трагедией. А. И. Рыков, как немногие из числа тех, кто сознательно, а главное — интеллектуально подготовленно, шел в революцию, не смог смириться с реальной действительностью, требовавшей усредненных способностей всех структур большевистской власти. Попытки вырваться за пределы этой усредненности, сопровождавшиеся к тому же отсутствием «политической гибкости», могли привести только к одному закономерному финалу — к 1938 г.

Была и другая причина такой развязки. Антимилитаристские настроения. А. И. Рыкова вполне просматривались даже в бытность его «чрезвычайным комиссаром снабжения Красной Армии». По существу А. И. Рыков стал главным исполнителем акции разгона Красной Армии в 1921 г. Выполнял ли он волю В. И. Ленина, или был сам вдохновителем этого мероприятия и убеждал В. И. Ленина пойти на такой шаг, сказать трудно — необходимы дополнительные документы. Но ни Л. Д. Троцкий, ни позже И. В. Сталин (и его окружение — К. Е. Ворошилов, в частности) ему этого не простили.

А. И. Рыков, хотя и стоял во главе ЧУСО, по-настоящему военным коммунистом не был. Его помощники, такие как Н. Б. Эйсмонт, П. А. Богданов и прочие из «чусей» оказались намного «левее» А. И. Рыкова по части «чрезвычайности». Их поведением определялся авторитет ЧУСО, подкреплявшийся административным постом А. И. Рыкова.

Но при всех своих положительных качествах А. И. Рыков — детище военного коммунизма. И только с этих позиций уместно оценивать его прошлое.

ПРОМЫШЛЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Оборонное производство: артиллерийские заводы, черная и цветная металлургия, сырьевая база

За надуманным политическим лозунгом — «Декретом о мире», в начале 1918 г. последовали такого же содержания действия по демобилизации военной промышленности, которая в наикратчайший срок оказалась полуразрушенной (чем очень гордилось большевистское руководство). И тем не менее, когда в середине 1919 г. стало окончательно ясно, что старые военные запасы почти иссякли и надо думать о налаживании военного производства, система ЧУСО обратилась к опыту мобилизованной и централизованной русской военной промышленности 1915—1917 гг. В 20-е гг. советские историки говорили об этом открыто¹, позже писать на эту тему стало не принято, как вообще не принято было писать о русской армии в годы первой мировой войны. А ведь именно от того опыта отталкивалась и система ЧУСО, взявшись за организацию военно-промышленного производства.

Накануне первой мировой войны боевое снабжение русской армии обеспечивали 14 специализированных государственных и частных заводов, 7 сухопутных и 2 морских арсенала². Крупнейшими из них, производившими артиллерийское имущество и снаряжавшими его для армии, были: Петроградский оружейный, Обуховский (морской), Пермский пушечный заводы; Петроградский, Киевский и Брянский арсеналы; среди частных заводов — Путиловский (самый мощный военный завод в России, в годы войны — секвестированный) и Царицынская группа заводов, на которую секвестр не был наложен. Казанский и Шостенский заводы выделяли винтовочный порох, Охтенский — артиллерийский. Винтовки изготавливались на трех государственных заводах — Тульском (выпускавшем и пулеметы), Ижевском и Сестрорецком. В Луганске и Туле имелись патронные заводы. (Обо всем этом хорошо и профессионально написал А. А. Маниковский³). Как видим, — предельно концентрированное (жестко централизованное) военное производство. Попытались добиться этого и органы советской власти.

К лету 1919 г., по данным Чрезкомснаб, военные заказы для Красной Армии выполняли 230 предприятий тяжелой про-

мышленности с общим числом занятых на них рабочих 227 200 человек; распределялись они следующим образом: ГАУ — на 6 заводах 5 767 человек, ГВИУ — соответственно 42 и 9 707, ЦЕПАЗ — 31 и 72 439, Автосекция ВСНХ — 68 и 11 204, отдел металлов ВСНХ — 30 и 85 269, авиационная промышленность — 6 и 1 934, химическая промышленность — на 47 предприятиях 6 390 рабочих⁴. Состояние этих заводов было крайне удручающим. Выпуск продукции на них, как это видно из приводимой ниже табл. 4, существенно снизился.

Для иллюстрации положения в тяжелой промышленности показательны свидетельства инспектора ЦУС Е. М. Альперовича, в сентябре 1919 г. обследовавшего приволжские заводы: упрощенное перепрофилирование (предназначенный для точного машиностроения завод «Фельзер» занят исключительно бронированием и вооружением поездов); разруха (на сохранившихся шести заводах в Казани осталось по две — три сотни рабочих, «работа протекает довольно вяло»); полная остановка заводов, как на сормовском «Новая Этна» (при этом «рабочие исправно получают жалование и ничего не делают»)⁵. Аналогичной была ситуация на Урале, где к тому же не хватало наличных денег, из-за чего заводы могли остановиться полностью: штаб Челябинского укрепрайона в декабре 1919 г. срочно требовал от ЧУСО 70 млн. р., так как там уже два месяца не выплачивалась зарплата, а из просившихся по смете на октябрь — ноябрь месяцы — 113 млн. р., прислано только 23 млн.⁶. Но и это было не главным — на Урале, по сведениям отдела металлов ВСНХ, в начале 1920 г. реально возникла угроза полной остановки заводов из-за нехватки металлов⁷.

Переход заводов из рук в руки противников, как было, например, с Ижевским оружейным⁸, расстраивал их работу, оборудование и материалы расхищались. В Луганске, после взятия его Красной Армией, такая угроза возникла над патронным заводом; А. И. Рыков называл его «заводом первостепенной важности» и просил РВСР (14.01.20 г.) сделать все возможное, чтобы завод не растащили⁹. Ниже мы подробнее остановимся на обстоятельствах, сопутствовавших упадку тяжелой промышленности России в годы военного коммунизма. К весне 1920 г. кризис, казалось бы, достиг предела. Главком С. С. Каменев писал в ЧУСО (03.05.20 г.): «...трудно рассчитывать, что республике удастся значительно расширить свое производство военных припасов, оружия, снаряжения и оборудования...»; он предлагал Н. Б. Эйсмунту постараться довести производство военных предметов «по крайней мере до

Производство крупнейших оружейных заводов России в 1916—1919 гг.

Завод	Вид продукции	Месячный выпуск, шт.				
		1916 г.	1917 г.	Март — февраль 1919 г.	Май 1919 г.	Декабрь 1919 г.
Тульский оружейный	Винтовки	61000				26000
Ижевский оружейный	Пулеметы	1200				400
Сестрорецкий оружейный	Винтовки	53200	55800	27677		
Тульский патронный	Сталь, пуд	67000		20331		
Симбирский патронный	Винтовки	145000				1400*
Казанский пороховой	Патроны	34000000			22828500	
Подольский патронный	Прокат, пуд	45000		26000		
Луганский патронный	Патроны				5463000	
	Порох, пуд		30000		6990	
	Винтовки				Выпуск намечался с августа 1919 г.	
	Патроны	60000000		3600000		

Примечания. Взято производство только винтовок и пулеметов, как наиболее распространенного вида оружия в годы гражданской войны. Таблица составлена по данным ЦЕПАЗ на 01.07.19 г. и планам на перспективу. *В декабре 1919 г. Сестрорецкий завод производил только ремонт винтовок.

того уровня, на котором оно уже стояло и от которого за последнее время пошло в сторону значительного уменьшения...»¹¹. И тем не менее советское правительство без особых сомнений пошло на войну с Польшей, а Л. Д. Троцкий с приущей ему экспрессией требовал от ЧУСО «исключительных», «вне всякой очереди» мер по восстановлению военных заводов¹². Поражение под Варшавой было вполне закономерным явлением, выравставшим из десятков составляющих причин. Вот одна из них: в эти дни (04.08.20 г.) заместитель начальника Управления связи Красной Армии И. Халепский ставил в известность Полевой штаб республики о том, что отраслевые заводы «находятся... в состоянии агонии и ожидать какого-либо выпуска с них полуфабрикатов... почти нельзя»¹³. Абсурдные и дилетантские требования от военной промышленности (в частности — 45 тыс. винтовок от Тульского и 30 тыс. от Ижевского заводов), на чем настаивал Л. Д. Троцкий в сентябре 1920 г., были, по мнению современников, «превосходящими предел допустимого»¹⁴. К концу 1920 г. тяжелая промышленность России вообще и военное производство в частности пришли в совершеннейший упадок. Докажем это при рассмотрении состояния заводов (числа занятых на них рабочих, дисциплины труда, снабжения предприятий топливом, сырьем и полуфабрикатами).

Положение заводов тяжелой промышленности России в 1919—1920 гг. отчасти можно наблюдать по изменению численности занятых на них рабочих. При всей сложности изучения интересующего нас вопроса (плохая отчетность, противоречивость документов, беспрецедентная миграция в масштабах страны и проч.) полученные результаты могут иметь лишь иллюстративную функцию и не рассматриваться как идентифицированный научный материал.

Как уже отмечалось, на 230 заводах тяжелой промышленности, связанных с военным производством, в середине 1919 г. были заняты 227 300 рабочих¹⁵. Цифра взята из информации, готовившейся в связи с прошедшим 18.07.19 г. совещанием в ЧУСО, обсуждавшим необходимость бронирования рабочих военной промышленности, где В. П. Милютин заявил, что «приблизительно 100 000 с лишним человек работают в оборонной промышленности»¹⁶. Такая условность цифр объясняется многими причинами, в том числе и, назовем ее, скрытой безработицей: Казанский пороховой завод, например, в декабре 1918 г. имел 7 тыс. рабочих; в мае 1919 г. он выпускал только четверть от производимого в 1917 г. объема продукции и мог увеличить производительность втрое (в июле 1919 г.), но не де-

лал этого только потому, что «в этом сейчас нет необходимости»¹⁷, т. е. складывалась ситуация, похожая на саратовскую, где заводы стояли, но рабочие числились за ними¹⁸. Влияло на учет и соотношение занятых непосредственно в производстве с общим числом рабочих и служащих. Так, на Ижевском оружейном в сентябре 1919 г. в производстве насчитывалось 10 882 рабочих, тогда, как в целом за заводом числилось 15 066, а с семьями рабочих — 26 464 человека¹⁹. (Немаловажная деталь — среди рабочих был большой процент жепиции: на Ижевском оружейном и сталелитейном — до 25%, и это только в производстве; на Самарском заводе взрывчатых веществ — более 60%²⁰.)

Со второй половины 1919 г. число рабочих в военной промышленности начинает быстро расти — правительство перебрасывало туда все имеющиеся в республике ресурсы, в том числе продовольственные и людские: 01.08.19 г. Совет Обороны перераспределил на предприятия военной промышленности 180 тыс. продовольственных пайков, а 15.09.19 г. Промвоенсовет обратился к правительству с предложением объявить рабочую мобилизацию «для обеспечения квалифицированными рабочими заводов, работающих на оборону»²¹. В октябре 1919 г., как свидетельствует А. Л. Кубланов, на оборонных заводах имелось 122 627 человек²² — цифра довольно сомнительная. В январе 1920 г. ЦЕПАЗ выпустило «секретную» брошюру «Состояние артиллерийских заводов на 1 января 1920 г.», где можно подсчитать, что только на 39 заводах, подчиненных ЦЕПАЗ, к этому времени находилось 92 342 производственных рабочих, 104 094 — рабочих вообще и 281 331 человек — рабочих с членами их семей (это без Тульского патронного, Брянского (бывшего Варшавского) арсенала и завода оптических приборов в Изюме)²³. Ускоренные темпы наработки заводов рабочими быстро отреагировали отрицательными последствиями. Для ЦЕПАЗ не было секретом, что на Тульском патронном заводе, например, невыход на работу по причине болезней — из-за «страшной скученности» и антисанитарии — доходил летом 1919 г. до 60% (население завода насчитывало около 100 тыс. человек)²⁴. То же на Симбирском патронном заводе, «...и как результат — 5000 амбулаторных больных и значительная смертность от эпидемий»²⁵.

А. Л. Кубланов насчитал в мае 1920 г. 130 680 рабочих военной промышленности²⁶. С этим тоже трудно согласиться — пожалуй, было больше, и намного. Так, 26.07.20 г. из ЧУСО просили Совет Обороны о забронировании 95 501 рабочего 37 оборонных предприятий, выделенных в мае 1920 г. в особые

три группы, из которых 13 заводов, подведомственных ЦЕПАЗ, насчитывали 78 417 рабочих²⁷. Это была лишь часть заводов ЦЕПАЗ: по данным СВП к 01.08.20 г. туда входило 40 заводов с 91 287 рабочими²⁸, т. е. только в этом случае следует прибавить 12 870 человек. Но были и другие главки, чьи заводы не входили в число «ударных», и тем не менее занятых на них рабочих надо учитывать.

Авторы истории гражданской войны в СССР 1918—1921 гг. приводят такую динамику изменения численности рабочих военной промышленности: январь 1917 г. — 184 800 человек, январь 1918 г. — 152 005, январь 1919 г. — 47 674 человека²⁹. Е. Г. Гимпельсон предлагает динамику по крупнейшим заводам (соответственно в 1913, 1917 и 1920 гг.): Сормовский — 11 000, 25 300, 8 600 рабочих; Коломенский — 11 500, 18 000, 4 600; Брянский — 12 700, 16 300, 6 600; Путиловский — 13 500, 26 500, 5 000 рабочих³⁰. Поэтому 130 680 рабочих оборонных заводов, указанных А. Л. Кублановым, кажется числом завышенным. Однако это не так. Авторам советской историографии, по понятным причинам, в прошлом было удобно оперировать с цифрами о российских рабочих периода гражданской войны как можно более низкими в сравнении со временем первой мировой войны — в противном случае, как было объяснить, почему при почти том же количестве занятых рабочих военная промышленность России в 1914—1917 гг. содержала почти 15-миллионную армию, а в 1918—1920 гг. не выдержала даже трех-, пятимиллионную. Да, действительно, сокращение числа рабочих, занятых в тяжелой промышленности, было существенным, но оно (в целом) также существенно отличалось от сокращения занятых в сугубо военном производстве, где число рабочих в конце 1920 г. не могло значительно отличаться от численности их в конце 1916 — начале 1917 г. (пик военного производства в годы первой мировой войны). Авторы «Истории Москвы...» утверждают, что к концу 1920 г. в оборонной промышленности города было занято 45 тыс. человек, и это только на московских «ударных» заводах³¹. Выходит, что доля московских рабочих в военной промышленности составила одну треть от всех по республике в целом — еще одно свидетельство заниженности подсчетов советских историков. И еще. В апреле 1921 г. на 3-й Всероссийской конференции артиллерийских заводов член СВП К. Н. Орлов заявил, что в июле 1920 г. только «забронированных» рабочих военной промышленности было 252 000³². Имеются и вовсе непонятные подсчеты. А. Л. Кубланов, например, только в Петрограде в январе 1919 г. насчитал на оборонных заводах более

ста тысяч рабочих³³ (!? — Н. П.) — почти в 2,5 раза больше, чем указывали авторы истории гражданской войны в СССР 1918—1921 гг. по республике в целом. Причина таких недо-разумений — отсутствие у историков гражданской войны еди-ной методики подсчета.

Настоящим бедствием для тяжелой промышленности была текучесть рабочей силы. За год, прошедший до 01.08.20 г., со-став рабочих на заводах ЦЕПАЗ, например, обновился более чем на 40% (из 91 287 на 01.08.20 г., появившихся вновь, было 38 574; ушло к этому времени 34 939)³⁴. Главначснаб оказался кознями прав, когда писал в августе 1920 г.: «Граждан-ская война... научила... чрезвычайно бережно относиться к люд-скому материалу, имеющему специальную подготовку»³⁵.

Теперь к вопросу о том, какова была отдача от этих рабочих. Существует банальное понятие «дисциплина труда», важным компонентом которого советская действительность сделала «вы-ход на работу». К. Н. Орлов на 3-й Всероссийской конференции артиллерийских заводов (07—11.02.21 г.) сказал о 12—13% невыходе на работу на предприятиях СВП в конце 1920 г. и назвал это положение «хроним»³⁶. Что послужило причи-ной такого оптимизма, и из какого подсчета взята эта цифра, остается загадкой. Е. М. Альперович, например, в сентябре 1919 г. писал о 50—60% невыходе на Сормовском заводе (10 411 рабочих) и называл неявку «хронической»³⁷. Коман-дующий 14-й армией И. П. Уборевич, заботившийся о «поста-ровке крепкого тыла» в Кременчуге, так характеризовал поло-жение в городе: «Как рабочие, так и служащие относятся к вверенной им (! — Н. П.) работе халатно, а часто даже пре-ступно, не являясь на работу по несколько дней... ходят на рынок и занимаются разной спекуляцией...»³⁸. Во Владимир-ской губернии на Кольчугинском заводе (более 3 тыс. рабочих) количество прогулов в июле 1920 г. доходило до 22%...³⁹ Вере-инцу примеров можно продолжать без конца.

Сказать, не выходя в крайность, какова во всем этом доля «вины» российских рабочих и насколько обстоятельства опре-деляли их поведение, очень трудно. Нельзя не видеть, как про-грессирующий развал экономики обрекал промышленность России на застой, в первую очередь черную и цветную метал-лургию. Уже к середине 1919 г. стала ощущаться нехватка сырья и материалов для промышленных заводов. Те из них, что выполняли срочные оборонные заказы, в это время находи-лись еще в довольно спосном положении, как, например, Сор-мовский, где 80% продукции имело военное значение⁴⁰. Одна-ко все чаще поступали сведения об остановке производств:

из-за нехватки угля оказалась «на парах» домна Надежденского завода, стали прокатные цехи Серебрянского завода⁴¹ и т. д. и т. д. В середине 1920 г. в ЧУСО готовили документ, очень выразительный по своему содержанию⁴², данные из которого сведены нами в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Производство металла в России в 1913 —
первой половине 1920 г. (без Польши)

Год	Количество работающих домен, шт.				Вид продукции и количество, пуд		
	Юг	Урал	Центр	Всего	Чугун	Полупродукт	Прокат
1913	49	71	17	137	257398000	263918000	219463000
1917				117	190445000	201621000	155474000
1919					1500000	—	1600000
1-я половина 1920 г.	1	6	7	14	2734000	4613000	5079000
% 1920 г. к такому же периоду 1913 г.	2	8,5	41	10,2	2,2	3,5	5,2

Как видим, при однопорядковом сокращении количества домн выпуск продукции уменьшился от полутора до двух порядков, по существу — почти прекратился.

Еще один очень примечательный документ, подготовленный в СВП в ноябре 1919 г.⁴³, данные из которого, для удобства, сведены нами в табл. 6.

Т а б л и ц а 6

Снабжение патронных заводов (Тульского, Симбирского
Подольского) латуной и мельхиором в октябре 1919 г.

Вид металла	Имелось на заводских складах, пуд	Месячное производство в республике, пуд	Месячная потребность заводов, пуд
Латунь	57103	19000	49000
Мельхиор	11671	7000	11500

Если судить по этим цифрам, то патронные заводы через 2—3 месяца следовало бы остановить. И это даже при условии,

что имелись определенные запасы на складах республики, которые можно было бы на какое-то время подвезти к заводам. Запасы действительно были. Но, как видно из результатов ЦУСовского обследования работы Продрасмет, к концу 1920 г. запасы металлов на базисных складах были истощены, и начинался их подвоз уже с Урала (из Уфы и Лёвшина)⁴⁴.

К сказанному следует добавить топливный кризис, быстро нараставший с начала 1919 г., — в августе даже образована (прик. Чусо № 64 от 21.8.19 г.) «чрезвычайная» Коллегия по заготовке дров⁴⁵. В январе 1920 г. Учусовост К. Г. Максимов сообщал А. И. Рыкову об угрозе остановки через три месяца заводов и фабрик Уральского района из-за нехватки дров⁴⁶.

Сопоставляя сказанное выше, мы вправе сделать вывод: действия советского правительства, в этих условиях пошедшего на войну с Польшей, иначе как преступными не могут быть расценены по-другому. В начале сентября 1920 г., когда осознали степень разгрома Западного фронта под Варшавой, Совет Обороны создал «сверхчрезвычайную» комиссию по снабжению армии под председательством Л. Д. Троцкого, среди массы распоряжений которой были и касающиеся выплавки металлов, свинца — в частности⁴⁷. На Урал, в Сибирь, Юго-Восточному промбюро ВСНХ и даже в Ташкент пошли телеграммы с требованием «максимально усилить вывоз в Москву... свинца и свинцовых руд»⁴⁸. От Вл. Гинсбурга, например, А. И. Рыков требовал вырабатывать свинец на юге «во внеочередном порядке, хотя бы с временным ущербом для работ в других отраслях промышленности»⁴⁹. К. Г. Максимов огорчил А. И. Рыкова, ответив, что «отпускать свинец из палиция Урала нет возможности...»; обещал увеличить его выплавку до 20 тыс. пудов... но только в мае 1921 г.⁵⁰ Вероятно поэтому комиссия Л. Д. Троцкого решила приступить к закупкам свинца за границей, как равно и к закупкам другого сырья для артиллерийской промышленности. Другого выхода, похоже, не было. Что оставалось делать, скажем, Подольскому оптическому заводу, работавшему исключительно на импортном сырье, запасы которого иссякли⁵¹.

Таковой в общих чертах была ситуация в тяжелой промышленности России в 1919—1920 гг. Встает очередной вопрос — какова роль СВП и всей системы ЧУСО в деле организации этой промышленности? В подавляющем большинстве исторических работ на эту тему можно прочесть о «трудовом героизме рабочего класса» при обеспечении тыла Красной Армии. При более детальном рассмотрении этого тыла, он, к удивлению, представлялся в значительно ином виде.

Ко времени создания СВП потребности армии покрывали около 400 промышленных предприятий, две с половиной сотни из которых относились к тяжелой промышленности. Эта огромная отрасль экономики требовала ухода, управления, инвестиций и т. д. Тульский оружейный завод, например, с марта по октябрь 1919 г. затребовал только на расширение производства 30 млн р.⁵² Чрезвычайная комиссия Л. Б. Красина оказалась недостаточно «чрезвычайной», ибо не смогла отстоять ассигнования Тульскому заводу, сокращенные финансовыми органами до 8 млн р. И так во многом. Возникшая в июле 1919 г. система ЧУСО энергично взялась за военную промышленность — до мая 1920 г. более 40 % всех выходивших приказов Чусо относилось по существу к военному производству⁵³. Очень быстро стали расти объемы финансирования: если в первой половине 1919 г. они составили 234 678 471 р., то во второй — уже 1 680 439 190 р., а на первую половину 1920 г. планировалось 16 111 795 484 р. — это производственные расходы: не менее впечатляющими были и организационные — на первое полугодие 1920 г. намечалось 171 444 637 р.⁵⁴ Совершенно понятно поэтому появление в системе ЧУСО особого «чрезвычайного» аппарата — Промвоенсовета, получившего в наследство 59 оборонных заводов⁵⁵.

В мае 1920 г. в связи с начавшейся советско-польской войной и необходимостью концентрации оставшихся скудных запасов, СВП через ЧУСО добился от Совета Обороны разделения оборонных заводов на особые категории по роду выпускавшейся ими продукции: особо «ударными» были признаны Тульские (оружейный и патронный), Ижевский оружейный, Симбирский и Подольский патронные, Ковровский пулеметный; во вторую, менее «ударную», но тоже очень важную группу вошли Луганский патронный, Шостенский пороховой, Охтенский, Сергиевский, Самарский взрывчатых веществ, Самарский трубочный и Московский капсульный; имевшими в военной промышленности «особое значение» были признаны еще 24 завода ЦУПВОЗ, ЦЕПВМОРЗ и Главкоавиа⁵⁶. К июлю 1920 г. число особо опекаемых заводов возросло, прежде всего за счет ЦЕПАЗ, насчитывавшим к этому времени 31 производство со сметой производственных расходов на первую половину 1920 г. в 13 378 640 350 р.; поэтому 79 442 000 р., отпущенные ЦЕПАЗ на организационные расходы, были потрачены, разумеется, немедленно⁵⁷.

В августе 1920 г. СВП активно обсуждал с ЧУСО и ВСНХ перспективу разделения (до 1921 г.) всей тяжелой промышленности России на четыре группы, две из которых — «удар-

ные» и «работающие заводы» — снабжают армию, две другие — «длительно остановленные» и «ликвидируемые» заводы — исключаются из производства вообще⁵⁸. В это же время Совет Обороны (04.08.20 г.) принял постановление о милитаризации подведомственных СВВ предприятий «сроком на все время состояния войны»⁵⁹.

Важнейшим условием появления столь поразительных решений явилось состояние производительности заводов, пугавшее большевистское руководство своим стабильным снижением.

Вторая половина 1919 г. — время наивысшего напряжения экономики России, отдававшей в армию почти все, что производилось. Месячная норма поставок на Южный фронт летом 1919 г., например, составила более 60 тыс. винтовок и более 30 млн патронов к ним⁶⁰. Это примерно столько, сколько давала патронов в месяц промышленность России в целом, а винтовок даже в полтора раза больше, и это только одному — пусть главному — фронту⁶¹. Приведенные выше цифры говорят о том, что патронов в армию давалось в два раза меньше положенного по норме. Следовательно, их неоткуда было взять. Это был один из первых сигналов наступавшего кризиса в боевом снабжении армии — 22.09.19 г. СВВ обсуждал необходимость «принятия исключительных мер» к нормальному снабжению армии патронами; принятое заключение удивительно по своей простоте и наивности...: «Вопрос зависит прежде всего (1? — Н. П.) от отсутствия правильного снабжения рабочих и их семей продовольствием»⁶². Вывод не случаен: СВВ отовсюду получал однообразную информацию. Так, Е. М. Альперович считал, что стоит накормить рабочих приволжских заводов, и их производство будет налажено⁶³. Использовали и старый проверенный способ: 26.11.19 г. А. И. Рыков обратился в МК РКП(б) с предложением «усилить партийную работу на заводах московского района, работающих на оборону»⁶⁴.

Однако положение было угрожающим, намного серьезней, чем можно было надеяться поправить его такими методами. Выше мы приводили сравнительную таблицу спада военного производства в 1919 г.: месячный выпуск крупнейших военных заводов сократился в сравнении с 1916 г. в 1,5—3 раза. Особенно заметно это сказалось на производстве винтовок. Три завода (Тульский, Ижевский и Сестрорецкий), обеспечивавшие русскую армию винтовками, накануне первой мировой войны имели годовую расчетную производительность 525 тыс. штук (250 тыс., 200 тыс. и 75 тыс. соответственно), которую они со-

хранили в 1914 г., увеличили в 1,5 раза в 1915 г. и в 2,5 раза в 1916 г.⁶⁵ Затем производительность этих заводов, начиная с середины 1917 г., стабильно снижалась и к концу 1919 г. упала: на Тульском заводе — в 2 раза, на Ижевском — в 2,5 раза, на Сестрорецком — «из-за состояния своего оборудования» работа прекратилась вообще; а в целом выпуск оказался ниже довоенного 1913 г.⁶⁶ Более чем в три раза сократилось производство патронов; если в годы мировой войны русские заводы давали примерно 100 млн штук в месяц, то среднемесячная выработка в 1919 г. составила примерно 30 млн штук (Тульский, Симбирский и Подольский заводы)⁶⁷. К концу 1919 г. производство патронов выросло до 43 млн штук в месяц⁶⁸. Но это в основном за счет расширения Симбирского патронного завода, в начале 1919 г. дававшего от 4,5 до 5,5 млн патронов, а к концу, заботами ЧУСО (дававшего ему строительные материалы «вне всякой очереди»), выпускавшего 17 млн штук⁶⁹.

Более профессиональную оценку причин спада производства находим в справке ЦЕПАЗ о состоянии артиллерийских заводов к середине 1919 г.: на Тульском оружейном — понижение рабочей дисциплины, недостаток рабочих высшей квалификации, в 3—5 раз возрос расход инструментов из-за неопытности рабочих и снижения качества стали; на Тульском патронном — невыход на работу составлял от 30 до 60%, забастовки рабочих, расход инструментов (из-за низкой квалификации рабочих и воровства) по сравнению с 1916 г. вырос в 5—8 раз; даже на Подольском оптическом заводе, при том, что он находился «в большом порядке, при хорошей рабочей дисциплине и опытным высшем техническом персонале», производительность снизилась (в сравнении с 1916 г.) в 1,5—2 раза⁷⁰. Как видим, дело далеко не в голодавшем рабочем классе, причине, так активно муссировавшейся в советской историографии. Шла ли речь об этом на заседаниях Совета Обороны 30.01 и 13.02.20 г. (прот. № 96 и 99), обсуждавших «причины падения производительности труда на Урале»⁷¹, сказать трудно — скупые протокольные записи такой информации не дают. (Производительности уральской промышленности мы коснемся подробнее, отдельно и ниже).

Развитие событий вскоре отодвинуло эту проблему далеко на задний план — в лававшейся войне с Польшей надо было исходить из существовавшей реальности. А она была таковой, что РВСР (прот. № 107 от 04.05.20 г.), заслушав Н. Б. Эйсмонта, констатировал «угрожающую основным интересам Советской Республики опасность, исходящую из крайнего падения производительности заводов, производящих предметы артилле-

рийского снабжения, в особенности патроны, винтовки, пулеметы»; РВСР считал, что «интересы безопасности страны будут в минимальной степени обеспечены», если военная промышленность даст ежемесячно, как минимум, 50 тыс. винтовок и 50 млн патронов⁷². Это решение вызвало недоумение даже у Н. Б. Эйсмонта, писавшего находящемуся в это время на Северном Кавказе А. И. Рыкову о том, что минимальная месячная потребность фронтов — 30 тыс. винтовок и 30 млн патронов, и она может быть выполнена, но Л. Д. Троцкий требует количества, «которого заводы еще не давали»; но даже при этом, заключал Н. Б. Эйсмонт, можно будет лишь приблизиться к заявленной РВСР потребности⁷³. Однако такие настроения оказались в немилости у Совета Обороны (прот. № 121 от 14.05.20 г.), поставившего «на вид» ЧУСО, СВП и военведы «явную неправильность, обнаруженную ими в ослаблении аппарата по производству патронов и оружия тогда, как им не было дано соответствующих указаний от Советского правительства» — ЧУСО преподан урок за весеннюю демобилизацию; была создана комиссия под председательством И. В. Сталина, которой поручено через неделю представить план мероприятий для утверждения их в СТО⁷⁴. Но даже под таким нажимом СВП смог дать указание заводам ЦЕПАЗ довести к июлю выработку винтовок только до 30 тыс. штук, а патронов до 35 млн штук (и только «в дальнейшем» — соответственно до 35 тыс. и 40 млн); пулеметов поручалось выпускать по 400 штук в месяц⁷⁵. Требования Л. Д. Троцкого о почти двойном увеличении производства вооружения были, бесспорно, абсурдными. В этом убеждаешься, когда сравниваешь итоги работы военной промышленности в 1919 и в первой половине 1920 г., изложенные в докладе ЧУСО в ЦК РКП(б) в июле 1920 г.⁷⁶ (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Производство некоторых видов
артиллерийского имущества в 1919—1920 гг.

Год	Винтовки	Пулеметы	Револьверы	Патроны, тыс. шт.	Порох, пуд	Артилле- рийские орудия	Артилле- рийские снаряды
1919	470155	6056	77560	357260	63767	366	183998
6 мес. 1920	155063	2238	19192	157750	21740	207 (за 5 мес.)	9561

Примечание. Д. П. Жмуровский повторяет данные о количестве вооружения, полученного Красной Армией в 1919 г., каким-то образом

подсчитанного В. С. Владимировским: около 500 тыс. винтовок, более 500 артиллерийских орудий и 350 млн патронов⁷⁷. За исключением орудий, данные, как видим, почти совпадают.

Судя по табл. 7, производство первой половины 1920 г., оказывается, уменьшилось по сравнению с соответствующим периодом 1919 г. в среднем в 1,5 раза (артиллерийских снарядов — в 5 раз). Вырос только выпуск артиллерийских орудий (почти в 2 раза). Как объяснили авторы-составители доклада ЧУСО, причинами снижения производительности были: изношенность оборудования, отсутствие топлива, отсутствие инструментов и т. д., по даже отмеченной первой из причин было бы достаточно. А была еще и масса приходящих, так называемых «частных» причин — выход из строя оборудования, недостаток сырья, забастовки, эвакуация и проч. Когда, например, попытались ускорить производство винтовок на заводах УЧУСОЗап, то П. И. Судаков вполне доходчиво объяснил, что планировавшийся месячный выпуск винтовок Сестрорецким заводом в 7 тыс. штук оказался невозможным «ввиду эвакуации большей части оборудования завода» и надеяться можно только на производство 2 тыс. винтовок⁷⁸. На Тульском заводе в мае 1920 г., как ссылается К. И. Позняков, производство подняли до 18 тыс. винтовок (в январе — 15 тыс.), однако достигнуто это было за счет еще двойного уменьшения выпуска револьверов (до 1 500 штук в месяц). Это дало дополнительно 2 тыс. винтовок в месяц⁷⁹, но и эта цифра оказалась далекой даже от декабря 1919 г. (26 тыс. винтовок в месяц)⁸⁰.

Война с Польшей требовала все большего и большего. РВСР не унимался. В конце августа СВП (непонятно из каких соображений) рапортовал в ЧУСО о готовности исполнить требование РВСР (прот. № 16 от 09.08.20 г.) об увеличении выпуска винтовок до ...65 тыс. штук в месяц (!? — Н. П.), сообщалось, что «принимаются меры»⁸¹.

После провала под Варшавой абсурд стал нормой поведения: Л. Д. Троцкий требовал ни много ни мало — 115 тыс. винтовок (новых и отремонтированных) в месяц (!) и 75 млн патронов «как минимум»⁸². Для сравнения скажем, что военная промышленность России в 1916 г. (самом результативном) давала в месяц 110 тыс. винтовок и около 100 млн патронов⁸³. И эта фантазмагория принималась «чрезвычайной» комиссией по снабжению армии; где присутствовали А. И. Рыков, П. А. Богданов, Н. Б. Эйсмонт... Далеко, вероятно, зашли военные амбиции в советской России! Авторам абсурда не ведомо было, надо думать, что изготовление винтовки или пулемета

при хорошо налаженном производстве требовало строго ограниченного времени (не менее 42 ч в первом случае и 870 — во втором⁸⁴), поэтому увеличивать выпуск можно было либо за счет расширения производства, либо за счет снижения качества продукции. Пошли, конечно, по второму пути. Опыт присылки на Западный фронт миллионов негодных патронов и на Туркестанский — негодных винтовок так ничему и не научил.

План Л. Д. Троцкого предусматривал выпуск для Тульского завода в 45 тыс. винтовок, Ижевского — 30 тыс. На это технический отдел СВП дал вполне разумное заключение: производительность заводов очень низка из-за изношенности штампов, увеличить количество которых по технологическим причинам невозможно (переход с угля на дрова не обеспечивал необходимого давления пара); пойти по пути увеличения количества рабочих нереально, так как их некуда будет поставить (чтобы выйти на выпуск 75 тыс. винтовок, следовало бы добавить к занятым на заводах 37 864 рабочим еще 22 700 человек, из них — 5 500 квалифицированных)⁸⁵. Да и где их было взять? В конечном счете Тульскому заводу установили (прот. СВП № 98 от 11.11.20 г.) месячную норму в 28 тыс. винтовок⁸⁶. На Ижевском, несмотря на крайнюю изношенность его оборудования, производство винтовок подняли, как докладывал П. А. Богданов А. И. Рыкову, с 17 до 25 тыс.⁸⁷ (А. П. Лобанов почему-то приводит данные, судя по которым производительность этих заводов с мая по декабрь 1920 г. составила в среднем 15 012 винтовок⁸⁸). С выпуском патронов, по сведениям СВП, дело обстояло таким образом: Тульский, Симбирский, Подольский, Луганский и Московский дробилейный вместе взятые заводы давали в октябре и ноябре 1920 г. примерно по 46 млн штук, в сентябре и декабре — по 42 млн штук⁸⁹, т. е. майский план Промвоенсовета был перевыполнен, но до требования комиссии Л. Д. Троцкого было также далеко, как и в производстве винтовок. В целом выпуск винтовок, как свидетельствует С. М. Кляцкин, собравший данные по сборнику «История гражданской войны в СССР», в декабре 1920 г. составил 52 382 штуки (втрое больше, чем в апреле), а патронов — 41 857 000 (в два раза больше апрельского)⁹⁰. По данным расчета СВП, собранным в четвертом томе «Директив командования фронтов Красной Армии», выходит, что в 1920 г. в среднем ежемесячно военная промышленность давала 38 334 винтовки, а в 1919 г. — 38 338 винтовок⁹¹, т. е. производительность по этому виду вооружения в 1920 г. была сохранена на уровне 1919 г. (хотя и отличалась втрое от

1916 г. и в два раза от требований комиссии Л. Д. Троцкого). Рассмотрим, какими путями это достигалось и каковы были последствия.

Как отмечалось выше, настораживающие симптомы стали появляться в связи со спадом производства патронов еще в середине 1919 г. Были приняты «экстренные» меры. И вот в мае 1920 г. разразился скандал. Как сообщалось в приказе Главначснаба (№ 81 от 25.05.20 г.), 08.05.20 г. Западному фронту были направлены 9 млн патронов, «кои... оказались в большей своей части негодными»; 16.05.20 г. взамен негодных отправили еще 5 млн патронов, «кои... также оказались негодными»; выезжавшая ранее на Западный фронт комиссия, оказалась, по мнению Н. Б. Эйсмонта, малокомпетентной, и он потребовал от Л. З. Аккермана для расследования причин случившегося отправить новую комиссию «с более авторитетным составом»⁹². Занялся этим и Совет Обороны: 28.05.20 г. (прот. № 125) была образована во главе с наркомом юстиции Д. И. Курским «временная чрезвычайная комиссия для расследования порядков в ЦУСе и его местных органах, давших в результате двукратную отправку на фронт негодных патронов в большом количестве»; комиссия получила самые «чрезвычайные» права, в том числе и право «немедленно отстранять всех работников ЦУСа независимо от занимаемого места и предавать военному суду»⁹³. Виновных «нашли» в ГАУ — 19.06.20 г. РВТР раздал там многим по суровому приговору, в том числе и начальнику ГАУ А. В. Зотову⁹⁴. Нелепость этих приговоров вполне очевидна: 05.06.20 г. командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе сообщал Главкому и А. И. Рыкову о присылаемых «за последнее время» винтовках (как оказалось — тульского производства), которые «обнаруживают серьезные дефекты, делающие их негодными для боя»⁹⁵. На этот раз обошлось без подозрений в адрес ЦУС. Да и как могло быть иначе, когда специалисты, понимавшие толк в производстве, писали, например, об Ижевском оружейном заводе: «Винтовки этого завода настолько отошли от своих лекальных размеров, что дальше отклонения в размерах обратят изделия в брак» (это в ответ на требование Л. Д. Троцкого, увеличить производство завода до 30 тыс. штук в месяц)⁹⁶. Но кто слушал компетентных! — в ноябре 1920 г. завод получил указание увеличить производство с 17 до 25 тыс. винтовок (!), правда с «квалифицированной» оговоркой — «продолжать дальнейший подъем без риска нарушения производства нельзя»⁹⁷.

Количество направляемого в армию оружия было большим.

Но плохое качество изготовления и небрежное отношение к нему со стороны красноармейцев приводили к быстрому и массовому выходу его из строя. В ЧУСО принимались меры (и очень активные) по организации ремонта вооружения. В январе 1920 г. введена территориально-скоординированная система ремонта по регионам республики⁹⁸. Однако военные чаще всего игнорировали такой способ пополнения своих арсеналов — проще было требовать нового вооружения. В августе—сентябре 1920 г. Чусо вынужден был напомнить фронтовому начальству (прик. Чусо №№ 678 и 780 от 02.08 и 16.09.20 г.) о способности заводов тыла исправлять до 20 тыс. винтовок в месяц, «но таковые не поступают от фронтов»⁹⁹. И это в то время, когда, по свидетельству Полевого штаба (основанному на сообщениях с фронта), «оружие, главным образом — винтовки, не может быть приведено в порядок не только в самих частях, но даже и в оружейных мастерских фронтового масштаба» — там не хватало запасных частей¹⁰⁰.

Из сказанного выше вывод может быть только один — качество вооружения Красной Армии к концу 1920 г. оказалось намного ниже допустимого.

Но если в производстве вооружения еще соблюдались какие-то нормы, то в выпуске прочего имущества сознательно и официально время от времени эти нормы снижались. Для примера остановимся на изготовлении гужевого имущества. Приказами (Чусо (№ 17 от 05.08.19 г., № 131 от 04.10.19 г., № 743 от 21.08.20 г.) упрощалось изготовление походных артиллерийских кухонь¹⁰¹. Артиллерийскую амуницию, «ввиду затруднений... вызываемых недостатком металлов...», разрешено изготовлять (прик. Чусо № 132 от 05.10.19 г., № 231 от 11.12.19 г., № 744 от 21.08.20 г.) «по упрощенному описанию»¹⁰². Ослаблялись требования — «вследствие недостатка металла» — к изготовлению одноконных и пароконных двуколок (прик. Чусо № 185 от 08.11.19 г., № 232 от 12.12.19 г.)¹⁰³. Приказами Чусо (№ 80, № 745, № 746) разрешалось шить «упрощенное конское снаряжение»¹⁰⁴ и т. д.

Разумеется, Главхозупр время от времени должно было снижать и технические требования при приемке продукции военных производств; а иногда, «в моменты исключительной нехватки того или иного предмета снабжения», Главхозупр предписывало своим приемным органам «принимать готовые вещи, не отвечающие даже до крайности пониженным техническим требованиям»¹⁰⁵. Такое положение развращало производителей, приучало их к мысли, что в конечном счете все будет принято независимо от степени добросовестного исполне-

ния. Так, военно-коммунистические приемы организации производства с разных сторон способствовали разрушению экономики.

Несмотря на явный упадок промышленного производства в 1920 г., производительность военных заводов, как мы указывали выше, удалось сохранить в среднем на уровне 1919 г. Одним из условий такого, казалось бы, парадоксального явления стала жесткая эксплуатация промышленных рабочих, пагубно и путем предоставления различных «льгот» (прежде всего — продовольственных), сгонявшихся на военные заводы.

Осенью 1919 г. этим занималась так называемая комиссия по снабжению военной промышленности рабочей силой (Главкомтруд) при отделе распределения рабочей силы Наркомтруд; туда входили представители СВП, мобилизационного Управления Всероссийского Главного штаба, ЦК Союза металлистов, ЦК Союза строительных рабочих; распоряжением А. И. Рыкова от 18.10.19 г. включен и представитель НТО ВСНХ¹⁰⁶. С укреплением в 1920 г. Промвоенсовета этим параллельно стал заниматься и его отдел труда и продовольствия.

Ко времени возникновения ЧУСО недостаток военно-промышленных рабочих (профессиональных), как считали в Чрезкомснаб, составлял 5 299 человек (из которых только 893 — неквалифицированных)¹⁰⁷. К ноябрю 1919 г. потребность в рабочих выросла до 23 092, причем отделу труда и продовольствия СВП к середине ноября удалось отправить на заводы только 1 560 человек (в т. ч. 1 140 — квалифицированных)¹⁰⁸. Следовало «экстренно» найти выход из неблагоприятного положения. Попытки использовать красноармейские части и военнопленных оказались нерациональными: в Рязани, например, невыход на работу среди них составлял более 60%, так как «военнопленные болеют больше рабочих и живут в худших условиях», — сообщалось оттуда¹⁰⁹. Такими приемами можно было обходиться в авральных случаях, как в Туле, например, где в результате забастовки рабочих на заводы было брошено около полутора тысяч красноармейцев¹¹⁰.

Между тем заводы пустели. Так, вполне авторитетный документ, справка ЦЕПАЗ, сообщал: после первого оставления Колчаком Ижевска с ним ушло около 10 тыс. рабочих Ижевского оружейного завода (в период максимальной производительности этого завода, в апреле 1917 г., там было занято 16 500 рабочих¹¹¹); вторичный уход белых увлек за собой около 8 тыс. рабочих, «причем ушли все мастера, квалифицированные рабочие, почти все конторские служащие»; завод мог

печатать работу только в том случае, если откомандировать туда рабочих «с Тульского, Сормовского и Симбирского» заводов, считали в Москве¹¹². Но Тульскому оружейному самому не хватало более 2 тыс. рабочих, а на Симбирском патронном недостатка составляла почти 1,5 тыс.¹¹³. Частые так называемые «откомандирования» (вся республика покрылась сетью переезжавших вместе со своими рабочими заводов) только отягощали положение. Так, с Подольского оптического (проделевавшего путь из Петрограда в Воронеж, затем в Пермь и, наконец, в Подольск), рабочие и служащие которого были «почти все исключительно латыши», они стремились уехать домой, а «многие уже уехали», — сообщало республиканское артиллерийское руководство¹¹⁴. (О том, что было названо «пересадкой» петроградской военной промышленности, речь пойдет подробней и ниже).

К февралю 1920 г. военная промышленность нуждалась уже в 41 406 рабочих; за 4 предшествующих месяца СВП смог дать заводам только 10 026 человек¹¹⁵. Если иметь в виду, что с октября 1919 г. до июня 1920 г., как сообщалось ЧУСО в ЦК РКП(б), СВП смог дать на заводы «по неполным данным» 43 713 рабочих¹¹⁶, то выходит, что с февраля до июня (за 4 месяца) заводы получили 33 677 рабочих (!). Если это так, то мы вправе заключить: цена войны с Польшей и в этом случае была огромной.

С началом боевых действий на польском фронте на заводах военной промышленности были запрещены (прик. Чусо № 476 от 08.05.20 г.) всякие отпуска до 15.07.20 г., а затем (прик. Чусо № 638 от 15.07.20 г.) запрет продлен «впредь до особого распоряжения»; однако в реальной действительности эти решения оказались беспомощными, и тогда (прик. Чусо № 665 от 23.7.20 г.) ограничение оставили только для Охтенского, Подольского, Симбирского и Тульского патронных, Ковровского пулеметного и Кольчугинского медеобрабатывающего заводов¹¹⁷.

В сентябре снова наступил острый «голод» в военной промышленности; как считали в Главкомтруд, только «ударным» заводам требовалось 10 тыс. квалифицированных рабочих¹¹⁸. «Чрезвычайная» снабженческая комиссия Л. Д. Троцкого на первом своем заседании (07.09.20 г.), требуя резкого увеличения производства винтовок (до 75 тыс. в месяц), поручила СВП «сделать подсчет на рабочую силу...» для такой производительности¹¹⁹. Когда подсчитали, оказалось ... Тульскому и Ижевскому заводам надо дать 22 700 рабочих (почти две трети от того, что там было уже занято!)¹²⁰. Но иначе и быть

не могло, если, скажем, Ижевский оружейный завод с апреля 1917 г. по июль 1919 г. снизил производительность более, чем в 4 раза, а число рабочих там уменьшилось только в 2,5 раза¹²¹.

Как похвалил себя СВП на заседании 09.12.20 г. (прот. № 103), с октября 1919 г. по октябрь 1920 г. «на подведомственные заводы прибыло 67 633 человека»¹²², т. е. примерно половина из числа, считаемых некоторыми историками занятыми в военном производстве в конце 1920 г. (Примерно столько же, 60 тыс., промышленных рабочих гражданская война унесла с собой¹²³).

Низкая результативность обеспечения военных заводов рабочими во второй половине 1919 г. объяснялась, между прочим, слабым «законодательным» закреплением их на производстве. Милитаризация промышленных предприятий в известной мере облегчала призывы в армию, но оставляла заводы часто с половинным составом рабочих. В ВСНХ и в ЧУСО с конца 1919 г. все больше стали думать о «забронировании» промышленных предприятий. В сентябре 1919 г. отдел металлов ВСНХ предложил ЧУСО бронировать 75% рабочих Павловского, Муромского и Тульского агентств Продрасмет (около 20 тыс. человек), в противном случае, предупреждали из ВСНХ, армейские заказы, которые уже срываются, не смогут быть выполнены¹²⁴. Затем бронирование стало быстро парастать. К. Н. Орлов привел такую динамику: декабрь 1919 г. — 186 тыс. рабочих, январь 1920 г. — 220 тыс., февраль — 221 тыс., март — 247 тыс., июль 1920 г. — 252 тыс. рабочих¹²⁵. Эти цифры, вероятно, ниже реальных, так как 27.02.20 г. Совет Обороны (прот. № 101) постановил бронировать на уральских заводах 41 226 рабочих¹²⁶. Уже только поэтому мартовская цифра К. Н. Орлова должна была бы подняться тысяч до 260, в ином случае следует допустить, что постановление СРКО по Уралу не было выполнено. Темпы роста числа забронированных рабочих вызвали у правительства сомнения в добросовестности исполнителей постановлений: 01.06.20 г. Совет Обороны решил проверить списки забронированных с тем, чтобы «излишки направить в действующую армию»¹²⁷. Судя по июльской 1920 г. цифре из сообщения К. Н. Орлова и развитию последующих событий, из этой затеи ничего не получилось.

В июле 1920 г. в ЧУСО пошли еще дальше, предложив СТО принять решение о 100%-ном бронировании рабочих 37 подведомственных СВП заводов, а также служащих под-

контрольных СВП Управлений (это 96 589 человек)¹²⁸. А в августе, после обсуждения в Президиуме ВСНХ, в ЧУСО и в Промвоенсовете, в Совет Обороны ушел проект постановления о разделении заводов тяжелой промышленности (вплоть до 01.01.21 г.) на четыре категории: первая подлежала 100% бронированию с первостепенным снабжением продовольствием; заводы второй получили право на 60%-ное бронирование¹²⁹.

Бронирование приняло настолько массовый характер, что этим стали заниматься даже местные УЧУСО. УчусоЗап, например, издал совместно с руководством фронта приказ (№ 2014), «коим подведомственные УЧУСОЗап военно-промышленные предприятия в отношении командирования разного рода специалистов из частей войск фронта, приравнены к военным учреждениям»; оценивая этот документ, Р. Я. Кривошиц отмечал: «Это... дало возможность сохранить все 100% рабочих, занятых в военно-производственных предприятиях», уберечь их даже от 70%-ного призыва на фронт; чиновник из Управления ЧУСО написал на документе: «Хотя это и является превышением власти, но вполне целесообразно»¹³⁰. А в Петрограде зашли совсем далеко: УчусоПет П. И. Судаков осмелился даже просить о бронировании на военных заводах около 500 «бывших младших офицеров старой армии»¹³¹. С подобной «целесообразностью» не согласился Л. Д. Троцкий. Собрав в Минске (10.09.20 г.) «экстренное» совещание по устранению причин поражения Западного фронта, он, между прочим, потребовал «создать комиссию... для проверки того, в какой мере рабочие на предприятиях, подведомственных ЧУСО и обслуживающих фронт, являются действительно незаменимыми...», потребовал сменить там рабочих, подлежащих призыву, «рабочими других возрастов, а также женщинами...»¹³². Существенный вклад последних в дело «защиты революции» до настоящего времени изучен слабо — слишком неудобной (по морально-этическим соображениям) была тема для исследователей. Как «неудобной» была и другая тема — о вкладе пенитенциарной системы, результаты которого, вероятно, тоже были довольно внушительными. В мае 1919 г. Президиум ВЦИК (прот. № 34 от 12.05.19 г.) принял «Инструкцию...» о концентрационных лагерях: в каждом губернском городе по меньшей мере на 300 человек¹³³. Республика стала покрываться сетью «неправильных» лагерей; появился такой, например, в Рязанской губернии¹³⁴. (Это было, конечно, «детской забавой» по сравнению с будущим ГУЛАГом, но начиналось все именно так и тогда). Надо думать, установ-

лепная Президиумом ВЦИК «норма» была перевыполнена с лихвой — в начале 1920 г. в концентрационных лагерях «отбывали» свой срок 16 тыс. человек; да еще 32 тыс. в тюрьмах; итого 48 тыс. человек¹³⁵. Занимались эти люди, бесспорно, не изготовлением детских игрушек. В Москве, например, самой крупной военно-обмундировочной фабрикой была фабрика ... при Бутырской тюрьме (10 000 человек)¹³⁶. А осенью 1920 г., «в целях использования высококвалифицированных рабочих и специалистов, заключенных в Бутырской тюрьме», ее комендант предложил ЧУСО даже «взять на себя ремонт электрических приборов»¹³⁷.

Как видим, обеспечивать оборонную промышленность рабочими было трудно. При пайках-то, льготах, отсрочках от призыва в армию, высокой заработной плате и даже... безработице — еще один парадокс военного коммунизма. Начиная с середины 1919 г., наряду с забронированием, все больше стали обращать внимание на армию, как на возможный источник пополнения промышленных рабочих. Совершенно бездарные и бестолковые мобилизации в Красную Армию, помимо того, что плодили массу дезертиров (подробней об этом скажем в главе 4), совершенно оголяли промышленность, в том числе и военную. Заведующий информационно-статистическим отделом Чрезкомснаб М. Л. Болотин в одной из справок отмечал огромный вред, наносимый мобилизациями, которые «совершаются так быстро, что заводы не имеют возможности возбудить ходатайство перед Центром об освобождении рабочих», а вернуть их из армии «если не совершенно невозможно, то во всяком случае крайне затруднительно»¹³⁸. Поиск возможности обеспечить заводы рабочей силой закончился (наряду с забронированием) решением направлять на заводы ... ранее мобилизованных. Так, из предполагаемых 600 тыс. человек осеннего 1919 г. «поверочного сбора» специальная комиссия мобилизационного Управления Всеросглавштаба намеревалась отобрать 5 тыс. квалифицированных рабочих «для военной промышленности»¹³⁹. Накануне мобилизации (10.10.19 г.) А. И. Рыков направил в РВСР проект приказа о необходимости «предоставить ЧУСО право отозвать из рядов Красной Армии и Флота необходимых для военной промышленности рабочих в общей сложности до 5000 человек»; предполагалось сделать это через Главкомтруд¹⁴⁰. Но по сведениям, собранным в отделе труда и продовольствия СВП, к ноябрю 1919 г. забронированные заводы получили только 1 500 рабочих (примерно 7% от числа необходимых); начальник отдела Я. И. Гиндин-Гинсбург предлагал П. А. Богданову принять «экстрен-

ные меры по изъятию специалистов из армии»¹⁴¹. В январе 1920 г. начальник Полевого штаба республики вновь авторитетно заявил о готовности военведа «на более широкое откомандирование из рядов Красной Армии... квалифицированных рабочих»¹⁴². Однако на деле все осталось по-прежнему — до 01.02.20 г. у военных удалось взять лишь 2 700 человек (1 800 — из тыловых частей), т. е. вновь примерно 7% от необходимого; как считал Я. И. Гиндин-Гинсбург, откомандирования срывались из-за невыполнения Полевым штабом своих ноябрьских (1919 г.) обещаний¹⁴³.

Появившиеся в начале 1920 г. демобилизационные настрояния, на которые в правительстве республики по определенному времени закрывали глаза, позволили СВП даже принять решение (17.01.20 г.) о «дополнительном» откомандировании из армии 5 тыс. квалифицированных рабочих, с чем Промвоенсовет обратился в ЧУСО и что было поддержано А. И. Рыковым¹⁴⁴. И опять вежливое согласие из Всеросглавштаба от Н. О. Рателя: «Разрешить вопрос в обычном (!— Н. П.) порядке...»¹⁴⁵. Только к середине 1920 г. ЧУСО удалось изъять из армии первоначально планировавшиеся 5 тыс. рабочих¹⁴⁶.

Когда случилась беда под Варшавой, одной из важных причин которой был упадок военно-промышленного производства, за дело снабжения заводов рабочими из армии взялся Совет Оборон: 01.09.20 г. появилось его постановление, обязывавшее воинские части принимать наряды Главкомтруда и его местных органов «на предмет предоставления... рабочей силы для предприятий»¹⁴⁷. По результатам работы «чрезвычайной» комиссии Л. Д. Троцкого решено откомандировать из армии 10 тыс. квалифицированных рабочих, 5,5 тыс. из которых предполагалось дать в первую очередь Тульскому и Ижевскому оружейным заводам¹⁴⁸.

Как только мода на военных стала проходить и обозначился грядущий разгон армии (то, что это был именно разгон, мы попытаемся доказать в главе 4), в ЧУСО усердно стали обсуждать перспективу переброски бывших квалифицированных рабочих из армии на заводы; на что военным теперь пришлось пускаться в пространные объяснения о невозможности это сделать «без ущерба для армейских мастерских»; но тон задавали уже другие силы — в ЧУСО решено создать комиссию «для проверки данных с мест», т. е. у военных¹⁴⁹. Как быстро менялась политическая конъюнктура! Полтора месяца назад Л. Д. Троцкий отправлял подобную комиссию на заводы УЧУСОЗап, а теперь Я. И. Гиндин-Гинсбург писал П. А. Бог-

дапову: «В связи... с массовыми откомандированиями из армии...», — в конце 1920 г. таковых ожидалось до 40 тыс.¹⁵⁰ В ноябре 1920 г. на Всероссийском совещании ЧУСО П. И. Судаков требовал вернуть из армии «всех (! — Н. П.) квалифицированных рабочих»¹⁵¹.

Наконец, последнее, на чем остановимся, характеризуя состояние военной промышленности 1919—1920 гг., на продовольственном снабжении военных заводов. Анализ этой проблемы осложняется прочно внедренным советской историографией в сознание читателей тезисом о бедственном продовольственном существовании рабочих в годы гражданской войны. Мы не претендуем на исчерпывающее освещение этой крайне сложной, запутанной и очень обширной проблемы, еще ждущей своего внимательного и добросовестного исследователя. Но даже приближенное рассмотрение ее паталкивает на мысль о недостоверности расхожего мнения о всеобщем голодавшем рабочем классе. По крайней мере в отношении военно-промышленных рабочих это утверждение, скажем мягко, некорректно. К тому же понятие «голод» весьма относительно. В данном случае важно установить, как сильно отличалось продовольственное потребление рабочих от всего остального населения республики.

В мае 1919 г. В. И. Ленин призвал «...на насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответить насилием над владельцами хлеба»¹⁵² — политическая установка (кошунственная по существу), ставшая ключевой в разрешении продовольственных проблем в годы военного коммунизма. А. В. Луначарский, посетивший летом 1919 г. в качестве «особоуполномоченного» ВЦИК и ЦК РКП(б) Смоленскую губернию, увидев там плоды «революционных» преобразований, направил в Москву крайне пессимистический доклад: это и бестолковость распоряжений центральной власти, в частности — решение СНК закрыть мелкие маслобойни, от которого затем пришлось отказываться; и грабеж населения воинскими частями, «самым разбойничьим образом» захватывавших «всякие пищевые склады»; и беспредел губпродкомов, пытавшихся «выкачать из губернии все, что можно», — варварский и бессмысленный, так как «даже при самом большом напряжении сил и при самых благоприятных результатах, — заключал А. В. Луначарский, — губерния едва ли сможет прокормиться сама»¹⁵³. Этот «панегирик» советскому хозяйствованию можно продолжать без конца. В Могилеве, например, в июле 1919 г. пуд муки стоил 1300 р. — месячная тарифная ставка рабочего¹⁵⁴. А доля рынка в продовольственном потреблении насе-

ления летом 1919 г. составляла в потребляющей полосе более трети, а в производящей доходила до половины его объема¹⁵⁵. Естественное стремление горожан запастись продуктами на зиму делало летний период самым сложным в промышленном производстве. Из Чрезкомснаб в июле 1919 г. сообщали: «Ввиду повального бегства в настоящее время рабочих с заводов за продовольствием... выполнение заказов на оборону пострадает»¹⁵⁶. В Совет Оборону поступали даже предложения приостановить работу заводов на время поездок рабочих за продовольствием, на что пойти не могли, но разрешили поездки делегаций из состава семей рабочих, обязав руководство предприятий «оказывать им всевозможную помощь, прежде всего транспортом»¹⁵⁷. Ничего кроме роста цен, общего хаоса и отказа крестьян сбывать продукты в обмен на деньги это дать не могло. Теперь и крестьяне стали требовать продукты. Член Коллегии Тульского патронного завода Дружинин сообщал, например, об отказе крестьян от денег, требовавших оплаты труда продуктами, «которых завод, несмотря на хлопоты, получить не может»¹⁵⁸. Как понимаем, положение было достаточно запутанным и мрачным, и историку-исследователю парировать им можно было очень легко. Были и ответные меры правительства. Первой крупномасштабной правительственной акцией по вовлечению продовольственной проблемы в политическую игру с рабочими военно-промышленных предприятий было решение Совета Оборону (от 01.08.19 г.) о введении «180 тысяч повышенных продовольственных пайков» для этих рабочих¹⁵⁹. Как только об этом стало известно, ЧУСО, Совет Оборону и другие правительственные организации со всех сторон стали дожимать требованиями хлеба: член РВС Южного фронта Владимир — для Брянского завода; Е. М. Альперович — для Сормовского¹⁶⁰ и т. д. и т. д. Маневр был рассчитан довольно удачно. Разыгрыванием продовольственной карты занялся и СВП, записавший в одном из первых своих решений (прот. № 2 от 25.09.19 г.): «Считать очередной задачей ПВС постановку в Совете Об. вопроса о выделении некоторых заводов, из работающих на оборону, в особую группу в смысле снабжения их продовольствием»¹⁶¹. И если верить отчету Я. И. Гиндина-Гринсбурга, уже к середине ноября 1919 г. было достигнуто немало: в этом месяце Главснаб-продарм уже планировал 112 000 красноармейских продовольственных пайков для снабжения ими рабочих и 96 000 — для продовольственных пунктов¹⁶²; удалось договориться с Наркомпрод о выдаче рабочим и членам их семей по 20 фунтов хлеба в месяц в общей сложности на «475 000 едоков»¹⁶³.

С конца 1919 г. бронированное продовольственное снабжение на предприятиях СВП получали: в декабре — 180 тыс. рабочих, в январе 1920 г. — 210 тыс., в феврале — 215 тыс., в марте — 223 тыс., в апреле — 226 тыс., в мае — 237 тыс., в июне — 248 тыс., в июле — 250 тыс. рабочих¹⁶⁴, т. е. бронирование продовольственного снабжения автоматически росло с бронированием определенного числа рабочих^{165 166}. Советская статистика, а за ней и историки часто варьировали цифрами прошлого, не задумываясь над их содержанием. В. В. Герменчук, например, ссылается на 55 847 рабочих «оборонной промышленности» Белоруссии, находившихся на бронированной форме снабжения в 1920 г.¹⁶⁷ Это в Белоруссии-то, где, как заявляет сам автор, военной промышленности по существу и не было¹⁶⁸. По В. В. Герменчук, выходит, что военно-промышленным рабочим Белоруссии жилось сравнительно неплохо. На самом деле! Если вдуматься в изложенное выше, рабочим военной промышленности в годы военного коммунизма жилось действительно относительно неплохо. Но только относительно. В связи с этим припятое Советом Оборонной постановление (18.07.19 г.) о значительном ограничении доступа на военно-промышленные предприятия разного рода контролеров, помимо указанной в документе цели «сохранения тайны боевого снабжения армии»¹⁶⁹, имело, на наш взгляд, и другую, неформальную цель — уберечь от постороннего взгляда и излишних разговоров об «элитарном» положении военно-промышленных рабочих. Иезуитские решения принимались повсюду, что касается продовольствия, то они были особенно изощренными.

Завершим анализ состояния военной промышленности России в годы военного коммунизма двумя особыми подразделами. Одним — посвященным судьбе петроградских военных заводов, по бездарности (предвзятый историк сказал бы — по злому умыслу) политического руководства оказавшихся в значительной степени исключенным из военно-промышленного производства в годы гражданской войны. И другим — о попытках создания новой военной-промышленной базы на Урале, идее, выдвигавшейся еще царскими министрами накануне и в ходе первой мировой войны, подхваченной и развиваемой Л. Д. Троцким в годы гражданской.

За неожиданным переездом советского правительства в Москву последовало и не менее неожиданное решение о срочном переводе туда (и в ближайшие окрестности) военно-промышленных заводов Петрограда. Абсурдность этого в высшей степени «революционного решения» заключена уже в том, что, как утверждали люди сведущие, военная про-

мышленность Петроградского района давала русской армии к 1917 г. не менее 60% боевого снабжения¹⁷⁰. И тем не менее решение о переносе (да еще и в сжатые сроки) было принято. Практическим осуществлением этой идеи занималась, наряду с прочим, Всероссийская эвакуационная комиссия (Всероком) М. К. Владимирова.

К сентябрю 1918 г. стало ясно, что взятые темпы эвакуации переальны и их надо пересмотреть. С 23 по 30.09.18 г. в Петрограде заседало «Особое межведомственное совещание» заинтересованных сторон (Всероком, ГАУ, ГВИУ, морвед, СНХ Северной области, Петроградская трудовая коммуна), которое внесло существенные коррективы в планы эвакуации, а по отдельным заводам признало необходимым начать реэвакуацию: эвакуация прекращалась на Балтийском, Ижорском, Адмиралтейском, радио-телеграфном и Обуховском заводах морведа; трубочном, Сестрорецком оружейном, орудийном, Охтенском и Шлиссельбургском пороховых заводах ГАУ и арсенале; «Франко-Русском», «Сименс», «Треугольник» и других частных заводах: решено восстановить радиотелеграфный, Ижорский, Обуховский, трубчатый и другие заводы (это означало вернуть отправленное или разгрузить уже погруженное оборудование); эвакуация продолжалась частично с Балтийского судостроительного, Охтенского взрывчатых веществ, патронного, оптического, Сестрорецкого заводов, арсенала и Главного артиллерийского полигона¹⁷¹.

Эвакуация была приостановлена, но и вывезено было немало. Немало и потеряно в результате переездов. Значительная часть оборудования Сестрорецкого оружейного завода (еще в годы первой мировой войны планировавшегося к переводу в начинавшийся строиться в районе Екатеринослава новый военный завод¹⁷²), например, отвезена была в Подольск, а затем возвращалась на место, в результате чего, по свидетельству ЦЕПАЗ, «много ценного оборудования было захвачено белыми»¹⁷³. В Подольск (на бывший завод «Зингер») отвезли и часть оборудования Петроградского патронного завода; туда же прибыл и поколесивший по республике Петроградский оптический завод¹⁷⁴, а также часть Охтенского взрывчатых веществ¹⁷⁵. Сложной была судьба рабочих и оборудования Петроградского орудийного завода, первоначально направленного в Нижний Новгород, а затем, в ноябре 1919 г., прибывшего в Мытищи на бывший завод «Бекас»¹⁷⁶. Рабочие Балтийского, Ижорского и Адмиралтейского заводов с частью оборудования оказались на Волжском судостроительном в Паратском затоне в районе Казани¹⁷⁷. Остановка эвакуации Петроградского

арсенала застала часть его оборудования в Коломне; Главный артиллерийский полигон обособился в Можайске¹⁷⁸. Большая часть Петроградского патронного завода составила основное ядро рабочих Симбирского патронного¹⁷⁹. Всего не перечесть... Как нетрудно убедиться из сказанного выше, первоначально эвакуация петроградской военной промышленности ориентировалась на Москву и районы, к ней прилежащие.

Решение об эвакуации петроградской промышленности в самом городе было встречено более чем прохладно. Уполномоченный Всерокм С. Я. Гросман по этому поводу писал в Москву: председатель Петроградской Центроколлегии Всерокм Иванов «явно не желает способствовать делу эвакуации», а близкий к нему И. Н. Крайнев (из СНХ СО) придерживался той же позиции; сам СНХ СО «имел определенную точку зрения: ничего из Петрограда и его района не давать в Центр, ничего не отправлять»¹⁸⁰. Возглавлявший петроградское отделение Чрезкомснаб (а затем ставший УчусоЗан и позже — УчусоПет) П. И. Судаков был также активным противником эвакуации. Позже, в 1921 г., он писал о «пагубных последствиях поспешной и неплановой эвакуации петроградской промышленности... в 1918 г.», хотя и признавал, что эвакуация была одной из основных задач его ведомства¹⁸¹. П. И. Судаков, бесспорно, был прав — в 1919 г. Петроград, ставший главным снабжающим центром целого фронта, оказался в значительной мере лишенным военно-промышленных ресурсов. Снохватились в конце ноября 1918 г. — из Чрезкомснаб писали в Коммуну Северной области: «Работа петроградских заводов приобретает в настоящее время, с развитием военных заказов, особое значение»¹⁸². Были и более квалифицированные мнения по поводу эвакуации петроградской промышленности. В декабре 1918 г. ГАУ представило в Чрезкомснаб доклад, выводы которого заключались в следующем: опыт текущей и мировой войны явно указал на то, что эвакуированные заводы раньше чем через год восстановить свою деятельность не смогут, поэтому ГАУ считало «более целесообразным оставить петроградские заводы на местах, используя их до последней возможности, чем эвакуировать»¹⁸³. Однако урок оказался пропущенным. На 01.01.19 г. в Петрограде, по подсчетам А. Л. Кубланова, насчитывалось 264 предприятия, большинство из которых работало на военные заказы¹⁸⁴, по которые продолжали вывозиться. Имеются, например, такие данные транспортно-материального отдела (Трамот) ВСНХ: с 26.05. по 02.07.19 г. из Петрограда ушло 3 825 вагонов и 29 барж, среди

которых 1 380 вагонов были с машинным оборудованием и 1 381 вагон с металлом¹⁸⁵.

Вместе с тем в 1919 г. в Петрограде было кое-что сделано, чтобы затормозить растаскивание военных заводов. П. И. Судакову удалось создать Петроградское отделение СВР и даже, с согласия А. И. Рыкова (прик. Чусо № 197 от 18.11.19 г.), возглавить его; в сентябре намеревались провести пленум СНХ СО, «на котором поставить вопрос о милитаризации петроградской промышленности и ее руководящих органов», надеялись даже на приезд А. И. Рыкова в качестве основного докладчика¹⁸⁶. Надо сказать, что первоначально отношения между А. И. Рыковым и П. И. Судаковым сложились вполне миролюбиво, но «антицентризм» питерца привел в дальнейшем к их охлаждению. Это заметно по служебным передвижениям выходцев с Западного фронта и из Петрограда: П. И. Судакова не спешили звать в Москву, в отличие от многих, туда уехавших.

С конца 1919 г. начинался новый виток петроградского эвакуационного бума. Материальные ценности бывшей российской столицы постоянно притягивали к себе внимание из Москвы. Вслед уехавшему в Петроград Л. Д. Троцкому А. И. Рыков слал телеграмму (от 01.11.19 г.) о необходимости «принять меры, чтобы Петроград не только ничего не требовал... от Центра, но немедленно сам бы пришел на помощь Центру...»¹⁸⁷. Это было вполне в духе Троцкого, увидевшего «в бесчисленных петроградских складах разных учреждений... огромное количество военного имущества», до сих пор, как он сообщал А. И. Рыкову, неучтенного; Л. Д. Троцкому понравилась идея, поданная заместителем УчусоЗап М. Л. Никифоровым, о создании Центральной петроградской комиссии по учету имущества, он просил А. И. Рыкова «провести это через Совет Обороны»; в результате председатель Трамот ВСНХ С. В. Громан тут же получил задание «срочно составить проект постановления...»¹⁸⁸. Перед этим в Петроград отправились помощник Главначснба Я. П. Бронштейн и следователь специального отдела ВЧК Мирза-Беклян, снабженные грозными мандатами, «под страхом судебной ответственности не позволявшими никакому органу власти... оказывать противодействие вышеуказанному товарищу при исполнении вышеизложенного поручения...»; эмиссары ехали с целью «извлечь находящиеся в Петербурге предметы военного снабжения, — как писал в сопроводительном письме А. И. Рыков председателю Петроградского Совета Обороны Зиновьеву, — до сего времени служившие предметом торговли»¹⁸⁹.

В Москве в это время решалась (точнее — перерешалась) судьба петроградской промышленности. На заседании СВП (прот. № 17 от 20.11.19 г.) Н. Н. Воскресенский делал доклад о переносе металлообрабатывающей промышленности из Петрограда на Урал; решено создать специальную комиссию по выработке предложений по существу¹⁹⁰. Следом, одно за другим, состоялись еще два заседания СВП (прот. № 21 от 02.12.19 г. и № 24 от 17.12.19 г.), посвященные перебрасыванию петроградских заводов в районы Урала, — И. И. Судакову поручено образовать специальное бюро по организации переноса (представителем СВП в это бюро утвержден председатель Коллегии по управлению морскими заводами Бочков), а из специалистов Путиловского и Обуховского заводов создать комиссию для поездки на Урал с целью обследования предполагаемых мест расположения переносимых заводов¹⁹¹. В начале января 1920 г. эта комиссия выехала на Урал, где в течение трех месяцев выясняла состояние Мотовилихинского, Златоустовского, Лысьвенского, Высокогорского, Аша-Балашевского и Миньярского заводов¹⁹².

Начавшаяся война с Польшей внесла коррективы в планы переноса военной промышленности Петрограда на Урал. На заседании СВП (прот. № 58 от 28.04.20 г.) после доклада И. А. Богданова о положении военного производства на петроградских заводах «в связи с сокращением военной программы» решено разобраться с этим «на закрытом совещании СВП»¹⁹³. Но даже несмотря на изменившуюся ситуацию, казалось бы диктовавшую необходимость принятия противоположных решений, из Петрограда продолжали вывозить максимально возможное: только за время с 20.05 по 20.06.20 г. оттуда ушли 3 951 вагон и 30 барж, из которых 1 434 вагона с артиллерийским имуществом и 1 392 вагона с металлом и машинами¹⁹⁴.

И опять, как в 1919 г., целый фронт (в данном случае — Западный) оказался лишенным возможности получать максимально допустимое от петроградской военной промышленности. Сестрорецкий завод, например, планировавший на 1920 г. выпуск 84 тыс. винтовок, смог дать своими остатками только 24 тыс.¹⁹⁵ и т. д. Петроград по существу был превращен в сырьевой придаток «Центра» (если говорить о боевом снабжении армии). Вернувшемуся оттуда Н. Б. Эйсмунту Президиум ВСНХ (прот. № 137/195 от 16.08.20 г.), которому он докладывал о результатах поездки, поручил «выработать проект постановления СНК о праве Петроградской Чрезвычайной учетной комиссии обследования всех складов Петрограда, в чем бы ве-

дении они ни находились...»¹⁹⁶, и отправки найденного, разумеется, в центр.

Большевистскому руководству надо отдать должное в его настойчивости и последовательности при достижении поставленной цели. От затей с переносом петроградской промышленности оно не отказалось и в 1921 г. По предложению Н. Б. Эйсмонта и П. А. Богданова Совет Обороны (прот. № 160 от 19.01.21 г.) принял соответствующий проект постановления¹⁹⁷; СВП составил перспективный план; в Петроград выехала специальная комиссия ... но все вдруг остановилось из-за несогласия петроградских СНХ и Экономсовета, совместное заседание которых должно было состояться 30.04.21 г., где предполагалось решить окончательно этот вопрос¹⁹⁸. В ЧУСО, сообщая об этом 26.04.21 г. Совету Обороны и РВСР, надеялись, вероятно, на поддержку. И не напрасно — 05.05.21 г. СВП уже принимал решение организовать при своем Управлении «Центральное бюро по переносу военной промышленности из Петрограда на Урал»¹⁹⁹; на содержание его аппарата выделялось до конца 1921 г. 9 848 880 р.²⁰⁰ Таким образом, решение было принято окончательно, хотя приказом Чусо (№ 1229 от 26.05.21 г.) петроградским заводам и предписывалось продолжать ремонт артиллерии, так как организовать ее производство на Урале, одновременно с переносом из Петрограда, оказалось невозможно²⁰¹.

Из вконец разоренной дилетантизмом петроградской военной промышленности забрать оставалось немного: среди оборонных предприятий, оставшихся весной 1921 г. на бронированном продовольственном снабжении, количество московских заводов уже вдвое превышало количество петроградских; при этом среди последних не оказалось ни одного, получавшего красноармейский паек²⁰².

О целесообразности переноса военной промышленности из петроградского района на Урал можно спорить, приводя массу доказательств «за» и «против», расширяя хронологические рамки вплоть до войны 1941—1945 гг. Но одно, на наш взгляд, не должно вызывать сомнений: затей с переносом в ходе гражданской войны была крупнейшим стратегическим просчетом большевистского руководства, обернувшимся для Красной Армии потерей значительной доли боевого снабжения, а для промышленности советской России — ускоренными темпами ее разложения.

С историей так называемой «пересадки» петроградской военной промышленности тесно связаны и усилия советского

правительства по созданию новой военно-промышленной базы на Урале — очередной крупнейшей революционной перестройкой структуры российской экономики. Как и в случае с военными заводами Петрограда, так и на Урале основным условием осуществлявшихся преобразований была скорость — субъективно-имманентный фактор исторически чередовавшихся затем больших и малых социалистических строек. Уральская промышленность после октябрьского переворота претерпела, наряду со всей промышленностью России, ряд циклических изменений, связанных с приливами и отливами военно-коммунистических настроений в высшем политическом руководстве республики. Первый крупный спад произошел в результате начавшейся после октябрьского переворота демобилизации промышленности. К концу марта 1918 г., как считает Н. И. Дмитриев, военное производство на Урале почти прекратилось, «переход сопровождался ростом безработицы»²⁰³. Сказано в данном случае очень мягко. По подсчетам уральских ученых на 01.01.18 г. на Урале имелось 339 600 рабочих²⁰⁴, большинство из которых было занято в оборонной и связанных с ней добывающей и перерабатывающей отраслях экономики Урала. Однако, судя по цифрам, приводимым Н. И. Дмитриевым, можно заключить, что к лету 1918 г. уральское военное производство было в значительной мере восстановлено²⁰⁵. Но факт производственного сбоя, а также изменившиеся политические условия, поставившие промышленность Урала в прямую зависимость от производства военных частей, привели к тому, что к концу 1918 г. расстройство промышленного производства, как общее явление, стало принимать хронический характер. По свидетельству Особой инспекции Всероком, руководство некоторых заводов там было «совершенно терроризировано»²⁰⁶.

Со второй половины 1919 г. с Уралом стали связывать далеко идущие политические планы. В начале августа Л. Д. Троцкий выступил с идеей поворота международной революции с Запада на Восток (предполагалось даже послать конный корпус в Индию). В связи с этим он настаивал на создании на Урале мощной военно-промышленной базы; по этому поводу им был направлен в ЦК РКП(б) доклад, с которым он рекомендовал А. И. Рыкову обязательно ознакомиться²⁰⁷. Идею стали активно проводить в жизнь. РВСР постановил (прик. № 1585/325 от 03.10.19 г.) образовать компактный Приуральский ВО: Екатеринбургская, Пермская, Уфимская и временно (до образования Западно-Сибирского ВО) Челябинская, Тюменская, Тобольская, и Омская губернии, все прочие местности бывшего Уральского ВО отходили в состав Приволжско-

го ВО²⁰⁸. Вероятно, было принято и соответствующее правительственное постановление, так как 30.10.19 г. РВСР (прот. № 66) потребовал от ЧУСО «доклад о том, что сделано во исполнение постановления о создании базы снабжения на Урале»²⁰⁹.

А сделано было немало. Коллегия ЧУСО (прот. № 3 от 10.12.19 г.) решила изъять уральские губернии из подчинения Восточному фронту и передать их Урало-Сибирской комиссии ВСНХ, включив в состав этой комиссии УчусоВост К. Г. Максимова²¹⁰. Судя по действиям последнего, он и до этого имел неофициальные полномочия касательно уральской промышленности: член Бюро отдела металлов ВСНХ на Урале Андронников жаловался на поведение К. Г. Максимова, спрашивая А. И. Рыкова и В. Я. Чубаря: «...неужели есть тенденция к милитаризации заводов не только в производстве, но и в управлении?»²¹¹. Догадки Андронникова были реальностью — в составе Урало-Сибирской комиссии ВСНХ образовали военный отдел во главе с заместителем К. Г. Максимова А. И. Брыковым²¹²; сама комиссия была призвана организовать «базу снабжения, по возможности достаточную для удовлетворения потребностей Сибирской армии»²¹³; а Андронникову с его жалобами посоветовали обратиться в... Урало-Сибирскую комиссию²¹⁴. Организационное оформление милитаризации управления военной промышленности Урала завершилось назначением К. Г. Максимова (прик. Чусо № 305 от 30.01.20 г.) Учусо Урало-Сибирского ВО²¹⁵.

Наряду с местным организационным строительством уральской военно-промышленной базы снабжения в Москве продолжалась детализация военно-политических планов в отношении Урала. В ВСНХ образована специальная комиссия «по использованию Урала в снабжении Красной Армии», которая после ряда обсуждений пришла к следующему заключению: «Главной задачей настоящего момента является интенсивное финансирование Урала и скупка заготовленных заранее изделий и сырья. Организация же самостоятельного производства в широких размерах сейчас технически невозможна...»²¹⁶, — это середина ноября 1919 г. Имеется и другой документ: неделей позже СВП после доклада Н. Н. Воскресенского постановил приступить к выработке плана переноса петроградских заводов на Урал²¹⁷. А в январе 1920 г. И. И. Вацетис направил в РВСР доклад комиссии, занимавшейся разработкой теоретико-стратегических военных вопросов, где предложено «передвинуть военно-административный центр с запада на восток в районы Урала, Камы и Волги и создать... единую государст-

военную военно-техническую базу»²¹⁸. Так завершилось теоретическое оформление идеи, брошенной Л. Д. Троцким в августе 1919 г.

Параллельно с организационной подготовкой и теоретическим обоснованием началась и практическая реализация планов. С осени 1919 г. на Урал стали выезжать инженерно-технические комиссии, цель которых — организация там военно-промышленного производства в широких масштабах. Об одной из таких групп в полторы сотни специалистов сообщают авторы «Истории народного хозяйства Урала»²¹⁹. Ехали туда эмиссары от ЧУСО, от СВН, из ВСНХ и проч.²²⁰

Как на пример успешного освоения уральского района можно указать на историю организации там нового патронного завода. В сентябре 1919 г. СВН постановил (прот. № 3 от 29.09.19 г.) создать патронное отделение «на одном из заводов Урала»²²¹. По сообщениям из Уфы, подыскиванием соответствующего места для этих целей занялись агенты УЧУСОВост²²². Выбор пал на Златоуст, хотя, по мнению Андронникова, предпочтительней было бы остановиться на Лысьве, так как Златоуст испытывал серьезные затруднения с топливом и набором рабочих²²³. После ряда консультаций между СВН, Уралсибкомиссией и ЧУСО было признано «целесообразным для обороны Республики устройство патронного завода на Златоустовском снарядном заводе...»; Промвоенсовету поручено дать соображения о постройке на Урале «нового патронного и латунно-прокатного завода»²²⁴.

Насколько своевременным было начало военно-промышленного освоения Урала, какие при этом преследовались цели, во что в конечном счете это обошлось России, ответ будет дан, вероятно, не скоро: тема военного производства на Урале в годы гражданской войны долгое время оставалась непрестижной у советских историков; только с середины 80-х гг. стали появляться заметные труды в этом направлении²²⁵. С уверенностью можно сказать только, что уральское промышленное производство к началу 1920 г. не стало исключением из общего правила развала экономики России. Мы попытаемся доказать это путем анализа ниже, здесь лишь изложим факты.

По данным Уральского бюро отдела металлов ВСНХ, к середине декабря 1919 г. на его заводах находилось в действии: домашних печей — 14 из 97, мартеновских — 6 из 80, прокатных станков — 49 из 195²²⁶. Но и то, что оставалось действующим, было под угрозой полной остановки из-за пехватки топлива²²⁷. Не составит труда представить положение уральской

промышленности, оказавшейся, наряду с прочим, еще и без сырья, — только за 4 месяца с августа 1919 г. в центр вывезено около 3 млн пудов чугуна, проката и разных металлов²²⁸.

Другим бедствием уральской промышленности стали массовые мобилизации. По подсчетам Л. Крицмана, военкоматами Уральского ВО во второй половине 1919 г. «было мобилизовано и передано в части 251 512 рабочих»²²⁹. Я. Л. Ниренбург и Г. В. Пожидаева насчитали таковых (за полтора года с лета 1919 г.) 324 тыс. 465 человек²³⁰. Если сравнить эти цифры с числом рабочих Урала на 01.01.18 г. (339 600), указанным в «Истории народного хозяйства Урала»²³¹, то выходит, что в армии оказались почти все (!) рабочие Урала. При этом три четверти мобилизованных приходится на вторую половину 1919 г., на время борьбы с армией Колчака. (Попутно возникает вопрос к авторам таких подсчетов — кто же был в армии у Колчака? Неужели исключительно крестьяне? А как быть с сообщениями об уходе с Колчаком только с Ижевского оружейного завода около 18 тыс. рабочих?)

Военные мобилизации дополнялись профессиональными; как писал Л. Д. Троцкий, «ненужными» и окончательно разогнавшими уральских рабочих²³². О произволе в уральских губерниях красноармейских властей, организовывавших «свои производства» и мобилизовывавших для них рабочих, свидетельствовали многие из современников событий. Некто А. Пьянков, например, сообщая об этом из Екатеринбурга, требовал прекратить подобные действия военных и предоставить губсовнаркозам право «брать квалифицированных рабочих из армии», освобождая их от мобилизаций²³³. Письмо через В. Я. Чубари попало к А. И. Рыкову, оба сошлись во мнении о необходимости оставления «на всех заводах Урала не менее 75% рабочих», с чем ЧУСО обратилась в Президиум Высшего Совета народного хозяйства²³⁴. Учитывая сказанное выше, в положительном решении вопроса сомневаться не приходится, по крайней мере более 40 тыс. рабочих уральских заводов постановлением СРКО (прот. № 101 от 27.02.20 г.) получили «бронь» от призыва в армию²³⁵. Но принято это решение было только после двукратного обсуждения в Совете Обороны (прот. № 96 и 99 от 30.01. и 12.02.20 г.) вопроса о «причинах падения производительности труда на Урале»²³⁶.

На усиленное внимание к Уралу в начале 1920 г. отреагировала и система ЧУСО. Промвоенсовет, например, постановил (протокол № 40 от 18.02.20 г.) организовать в Екатеринбурге свое отделение для районов Урала и Сибири²³⁷. Однако практическая реализация этого решения задержалась до мая ме-

сяца. Дело в том, что первоначальные планы объединения промышленных и сырьевых ресурсов Урала и Сибири оказались явно фантастическими. В апреле — мае 1920 г. произошло разделение этих регионов и их административных органов управления. Что касается системы ЧУСО, то, как отмечалось в главе первой, там возникли два автономных УЧУСО и, разумеется, два автономных отделения СВП; в мае Совет Обороны (прот. № 108 от 07.05.20 г.) разделил и Урало-Сибирскую экономическую комиссию ВСНХ; были созданы два специальных обособленных «фонда восстановления промышленности» — трехмиллиардный для Сибири и пятимиллиардный для Урала соответственно²³⁸. Уральский отдел СВП, как явствует из приказа УчусоУрала (№ 217 от 18.05.20 г.) о его образовании, наделялся очень широкими правами: учет и распределение военных заказов на уральских заводах; контроль за их исполнением с применением, если потребуется, чрезвычайных мер; изъятие необходимых для военного производства предприятий из гражданского ведения; посылка своих представителей на заводы; дача заводам внеочередных заданий и т. д.²³⁹

Таким образом мы вправе заключить, что к середине 1920 г. завершилось организационное оформление системы управления новой военно-промышленной базы на Урале. Но только управления. Производство, несмотря на принимавшиеся самые радикальные меры (вплоть до переброски военных заводов из Петрограда), продолжало снижаться и к концу 1920 г. достигло невероятно низкого уровня. Как считают уральские ученые, объем промышленной продукции Урала в 1920 г. составил 12%, выплавка чугуна — 9, а добыча железной руды — 7% по отношению к довоенному 1913 г.; но, как утверждают те же авторы, удельный вес предприятий черной металлургии Урала в общереспубликанском производстве за время с 1918 по 1920 г. вырос примерно на треть, а это значит, что реальный относительный выпуск промышленной продукции и выплавка металла оказались на столько же (т. е. на треть) ниже цифр, приведенных авторами исследования, что по существу означало почти полное прекращение работы промышленности России²⁴⁰.

Насколько безнадежной оказалась обстановка на Урале, можно судить уже по тому факту, что Совет Обороны (прот. № 183 от 28.01.21 г.) после доклада А. И. Рыкова решил направить туда «полномочную комиссию под председательством Троцкого»²⁴¹.

Подводя итоги характеристики состояния тяжелой про-

мышленности России в годы военного коммунизма, мы обязаны сказать следующее: истощение ее к концу 1920 г. достигло почти абсолютных размеров; военное производство, искусственно поддерживавшееся советским правительством в годы гражданской войны, также находилось на грани полной остановки; военно-коммунистические методы управления промышленностью отличались дилетантизмом, произвольно принимавшимися решениями, преимущественно политического характера.

§ 2. Легкая промышленность республики и обмундировочное снабжение армии (вторая половина 1919—1920 г.)

Состояние легкой промышленности России мало чем отличалось от положения в тяжелой. Первое время, когда еще сохранялась инерция старого дореволюционного производства, Красная гвардия, а затем и Красная Армия особых затруднений в интендатском имуществе не испытывали: имелись огромные запасы, оставшиеся после старой армии²⁴²; кое-что еще производилось: летом 1919 г. изготовлением обмундирования для армии занимались около 80 предприятий с числом рабочих более 30 тыс. человек²⁴³. К концу 1919 г. положение стало явно ухудшаться. Это заметно даже по поступавшим отовсюду просьбам о забронировании рабочих, мере — единственно возможной и реально осуществимой, чтобы уберечь производство от полной остановки. Просили об этом из химического отдела ВСНХ (для 29 заводов стекольной промышленности с 7,5 тыс. рабочих); то же предлагалось ЧУСО сделать для сапожных и шорных мастерских отдела утилизации ВСНХ (7 540 человек); об этом просили с периферии, из УЧУСОПет, например (для 6 450 человек губернского кожевенного производства)²⁴⁴ и т. д.

Легкую промышленность послереволюционной России отличала чрезмерная раздробленность и распыленность. За исключением нескольких фабрик Москвы и Петрограда, это предприятия с числом рабочих, не превышавшим в среднем 50 человек, как, например, среди кожевенного, шорно-седельного, обувного, бельевого и утилизационного производств, подведомственных УЧУСОЗав (9 033 рабочих на 198 предприятиях)²⁴⁵. Здесь так же, как и в тяжелой промышленности, испытывался острый недостаток сырья и материалов, что к концу гражданской войны стало настоящим бедствием. Для примера сопшемся на положение в Главмех ВСНХ, осенью

1920 г. объединявшего 29 предприятий, для выполнения производственной программы которых в 1920 г. требовалось более 5 млн. овчин; но вместо планировавшихся к сбору в 1920 г. от 3 до 4 млн овчин, оказалось собранным лишь 1 860 тыс.; даже при том, что от 1919 г. остался запас овчин в 1,200 тыс. штук, производственная программа 1920 г. была обеспечена сырьем только наполовину; произошло это из-за массы трудностей с набором рабочих — из более чем 12 тыс. занятых в меховом производстве продовольственным пайком обеспечивались только 2 800 человек, а зарплата 150—300 р. в день была «ничтожно мала», поэтому летом число рабочих в меховом производстве сокращалось в 2—3 раза²⁴⁶. Понятно, что при таком положении дел легкая промышленность еле-еле могла сводить концы с концами, и то лишь работая преимущественно на армию. Так, в Главмех в конце 1920 г. из 12 252 производственных рабочих, «исключительно военными заказами» было занято 9 189 человек²⁴⁷. Показательно соотношение изготовления армейской и гражданской обуви. В ноябре 1919 г., например, в республике пошито 400 062 пары армейской обуви и 80 043 пары гражданской (до этого на складах имелось соответственно 190 825 и 214 310 пар, выдано со складов (в ноябре) 375 161 и 99 007 пар, оставалось 215 753 и 195 347 пар обуви)²⁴⁸. Как видим, и изготовлялось, и выдавалось (со складов) армейской обуви в 4—5 раз больше, чем гражданской. Можно предположить, что ноябрь 1919 г. был в известной мере исключением. Отнюдь нет! Гражданское производство постоянно сокращалось — в ЧУСО на одном из совещаний в январе 1920 г. было принято, например, такое решение: «Ввиду того, что материала для резиновой подошвы... не хватает для удовлетворения потребностей даже только армии, признать необходимым для нужд гражданского населения ... организовать в более широком масштабе производство обуви на деревянной подошве»²⁴⁹...; или прекращалось вообще: 21.10.19 г. президиум Брянского губсовнархоза постановил: «Сапожную мастерскую СНХ милитаризовать... Пошивку обуви для гражданского населения прекратить совершенно», — это в связи с телеграммой А. И. Рыкова о передаче сапожных мастерских республики в ведение военно-заготовительных органов²⁵⁰.

Все возраставшее поглощение армией национальных ресурсов, в том числе и необходимых для легкой промышленности, ставило последнюю на грань развала. Характеризуя ее состояние в период военного коммунизма, мы, как и в случае с описанием производств тяжелой промышленности, только пытаемся представить общую картину состояния экономики Рос-

сии. Анализ причин сложившегося положения будет дан ниже в связи с анализом «чрезвычайщины» как метода военно-коммунистической организации управления военно-промышленным производством.

Среди массы причин ухудшившегося положения легкой промышленности укажем только на отдельные, достаточно наглядно свидетельствующие о прогрессирувавшем упадке. Так, обмундировочное производство в первой половине 1919 г. недополучило от Главтекстиль 2 млн аршин сукна из планировавшихся к выпуску 20 млн аршин²⁵¹. На вторую половину 1920 г. выпуск серошинельного сукна даже планировался в пять раз меньше (3 700 тыс. аршин), но и эта цифра, как выяснилось в сентябре 1920 г., оказалась невыполнимой — Тамбовское, Симбирское и Кузнецко-Городищенское производства, например, обязанные давать в месяц (в июне, июле и августе) 902 580 аршин сукна, фактически вырабатывали только по 428 377 аршин (47,4% от плана)²⁵². Причина такого резкого спада производства — отсутствие заготовок шерсти в 1920 г. Весной шерсть не собиралась из-за неувязок между ВСНХ и Наркомпрод — не смогли договориться, кому заниматься сбором: существовала реальная угроза срыва и осеннего сбора, после чего, как считали в Главтекстиль, наступит «безусловная остановка сначала валяльной промышленности, а затем и всей вообще шерстяной»²⁵³. (Забегая вперед, скажем, что прогноз оправдался в 1921 г.) Положение усугублялось действиями Наркомвнешторг, с одной стороны закупившего (через товарообмен) шерсть в Монголии (отдавал шелк и серебро), а с другой — готовившего в Омске такую же шерсть к отправке на экспорт в надежде получить валюту (курс которой был далеко не в пользу советской России); нечто подобное происходило и на Северном Кавказе, где готовилось к вывозу 500 тыс. пудов очень ценной мериносовой шерсти; и это при том, что запасы шерсти в республике к осени 1920 г. составляли немногим более 2 млн пудов²⁵⁴.

Нежелание (точнее — неспособность) организовать хозяйство часто вело к действиям, граничащим с преступлением. При острой нехватке сырья для обувной и меховой промышленности в городе Уральске, например, на складах находилось 857 600 различных кож. «подлежащих вывозу в Центр», но так как вывозить было нечем, их солили и засушивали, в результате они пропадали; чусо Уральского Бученко сообщал своим коллегам в Москву — «уже испорчено свыше 40%»²⁵⁵.

Настоящее бедствие легкой промышленности принес —

в части снабжения ее топливом, сырьем и материалами — военно-коммунистический распределительный бюрократизм, проявивший здесь себя особенно ярко. К 1919 г. «места» и шага не могли ступить без благословения «Центра». Начальник окружного военно-хозяйственного Управления Орловского ВО, беспокоясь за многомиллионные кредиты, отпущенные Орловскому, Курскому и Воронежскому губернским СНХ, писал Л. Б. Красину в Чрезкомснаб о почти безнадежном положении выданных заказов, исполнение которых зависело «исключительно от степени исправного и своевременного поступления по распоряжениям Центра всех необходимых для заготовок материалов», отпуск которых производился крайне медленно и поступали они в производство спустя два — три месяца с момента заявленной потребности²⁵⁶.

Почти анекдотическая история приключилась зимой 1920 г. в связи с кризисом снабжения текстильных фабрик топливом. В 1919 г. Комиссия Исползования Ю. Ларина установила премиальную оплату натурой за подвозку дров на фабрики, и положение было спасено. Зимой 1920 г. Наркомпрод оказался не в состоянии обеспечить продовольственными пайками подвозку дров, хотя и должен был это сделать, поэтому Главлеском, учитывая опыт прошлого, предложил заменить их выдачей мануфактуры, на что потребовалось бы 35 тыс. аршин; из Наркомпрод ответили, что считают «такой порядок недопустимым отступлением от общего принципа», и отослали просителей в Главлеском. Оттуда последовало заявление о существующем «общем порядке» рассмотрения подобных заявок, которые должны быть «включены в общий фонд премирования всех заготовок Главлескома»; между тем фабрики должны были вот-вот остановиться из-за отсутствия топлива, почему Главтекстиль просил Н. Б. Эйсмонта «совершенно срочно» дать соответствующее распоряжение²⁵⁷. Из ЧУСО письмо Главтекстиль отправили «срочно т. Ломову на отзыв», но после двукратных запросов (28.12.20 г. и 12.01.21 г.) от Президиума ВСНХ ответа так и не поступило²⁵⁸. Тогда и родился документ (удивительный для нормального человеческого сознания, но очень характерный для военно-коммунистического прошлого). 02.03.21 г. «сотрудник для поручений» А. И. Абрамов сообщал начальнику общедминистративного отдела Управления ЧУСО: «25.02. я был у секретаря т. Ломова в Президиуме ВСНХ по делу о премировании крестьян, подвозивших топливо для заводов Главтекстиля, мануфактурой. Получил ответ, что т. Ломовым было отказано в удовлетворении крестьян мануфактурой

в экстренном порядке и дело передано в Главлеском для удовлетворения в общем порядке.

27 февраля был в Главлескоме у т. Либермана и получил ответ, что дело передано Управлению лесозаготовок.

27 ф. был у начальника Управления лесозаготовок т. Мармузова, но он меня не принял.

28 ф. опять был у т. Мармузова, но приема не дождался опять, т. к. т. Мармузов был очень занят. Получил у секретаря ответ, что по делу было отказано.

2 марта явился к т. Мармузову опять, но принят не был. Получил от секретаря ответ, что это дело должно было рассматриваться в общем порядке.

Направился затем в регистратуру, но дела там найти не смогли.

Ввиду вышеизложенного доношу Вам для распоряжений»²⁵⁹. Только 06.04.21 г. в ЧУСО, наконец, получили ответ от председателя Главтоп И. Т. Смиги: «Главтоп считает ис-спрашиваемый Главтекстилем способ премирования подвозки дров продуктами производства совершенно недопустимым с точки зрения единого планового хозяйства и практически вредным ввиду неизбежного ущерба общему делу подвозки дров, связанного с выделением одной группы производителей в привилегированное положение»²⁶⁰. А требовалось всего-то 35 тыс. аршин ткани для всей текстильной промышленности республики! (Вспомним об этом, когда речь пойдет об обмундировочном снабжении армии весной 1921 г.)

Особенно невежественным было проявление централизованного бюрократизма на периферии, усиливавшей нелепость принимавшихся в центре решений своим провинциализмом. Так, в начале 1920 г. текстильно-обмундировочное отделение Управления УЧУСОЗап не смогло справиться с производственными планами только потому, что в декабре 1919 г. Комиссия Исползования Ю. Ларина запретила получение ткани через местные распределяющие органы, поэтому наряды УЧУСОЗап были направлены в ЦОВЗ; отсюда — несмотря на все хлопоты — петроградская промышленность получила из заказанных 1 107 777 аршин сукна и 5 092 674 аршина хлопчатобумажной ткани только 22 294 аршина сукна и 260 187 аршин хлопчатобумажной ткани... а вата стала поступать только в марте, когда пошив зимнего обмундирования был прекращен²⁶¹.

О разрухе и техническом упадке промышленности России охотно писали все авторы-историки гражданской войны. При этом о причинах развала экономики — мол-де война! — пред-

почитали не говорить. Да, действительно, промышленный упадок в России периода военного коммунизма был беспрецедентным (даже относительно!) в истории России. С каждым днем промышленное производство ставило перед «новыми красными хозяевами» совершенно неожиданные задачи, требовавшие профессионального хозяйственного решения. В августе 1919 г., например, из Главтекстиль известили А. И. Рыкова об угрозе остановки шерстеобрабатывающих фабрик из-за нехватки карданной ленты, для изготовления которой необходима проволока, которой тоже нет, а изготовить которую, оказывается, невозможно ни на одном из предполагавшихся заводов — технически они уже были неспособны это сделать; решено поискать проволоку и складах (прием, достаточно распространенный), одновременно попытавшись организовать ее производство²⁶². Можно было бы, следуя старой традиции, приводить еще массу примеров, однако архивы пасторажируют и заставляют думать о другом. В декабре 1919 г. член Президиума ВСНХ В. Я. Чубарь, «согласно постановления Коллегии при ЧУСО», навел соответствующие справки о причинах низкого качества изготавливаемой для армии обуви, из которых, как он сообщал А. И. Рыкову, выяснилось, что «...техническое состояние фабрик не является препятствием к развитию и улучшению производства в данное и прошедшее время. Некоторые фабрики выпускают ничтожное количество обуви, не используя оборудование совершенно, так как процент невыхода рабочих очень велик... малая производительность обувных фабрик и мастерских объясняется недостатком квалифицированных рабочих и отсутствием (! — Н. П.) трудовой дисциплины как среди рабочих, так и среди административно-технического персонала...»²⁶³. Пожалуй, лучше не скажешь. Предприятия легкой промышленности в это время по существу превратились в проходной двор. Служба текущей статистики Главкож ВСНХ, пытаясь определить количество рабочих, занятых в обувном производстве в 1919 г., вынуждена была пользоваться среднестатистическими параметрами производительности труда, потому как «количество рабочих в настоящее время меняется чуть ли не еженедельно»²⁶⁴. Пристальное знакомство с происходившим в обувном производстве не оставляет и тени сомнения в справедливости сказанного В. Я. Чубарем. В июне 1920 г. в ЧУСО из Казани от помощника командующего Запасной армией Синева и ее пачснаба Б. С. Базыкина пришла телеграмма о положении на кожевенной фабрике «Полар»: вместо 2 тыс. пар ежемесячной плановой обуви фабрика давала менее 20%; «рабочие распустились до такой степени, что

совершенно ни с чем не хотят считаться... воровство материалов достигло ужасных размеров»²⁶⁵. И так повсюду. Сентябрьская Коллегия Главдежды (1920 г.) под председательством А. И. Рыкова и доклад на ней П. В. Аникеева свидетельствовали об одном — производство армейского вещевого обмундирования все время падало; причины: запрет на обращение к услугам частного рынка; несовершенство оплаты труда рабочих; отсутствие местной инициативы, подавляемой зацентрализованным управлением; отсутствие административных мер влияния на поведение рабочих и т. д.²⁶⁶. Пресловутый «трудовой героизм рабочего класса», с особым наслаждением и многократно описанный в прошлом, всего лишь демагогический блеф политикамствовавших (или наивно заблуждавшихся) историков. В июне 1919 г. начальник снабжения Восточного фронта составил доклад по результатам обследования обувных фабрик и кожевенных заводов Новгородской губернии. Результат обескураживающий: 2/3 рабочих были заняты пошивом обуви для частной торговли на «вольном рынке», а мастерские использовали для получения заказов от частных лиц²⁶⁷ и, конечно же, как источник необходимых материалов и инструментов, добывать которые можно было только единственным способом — воровством. Таков обратный результат военно-коммунистических запретов на частный труд. А. В. Луначарский, ездивший в сентябре 1919 г. в Смоленскую губернию, рассказывал о жалобах крестьян, которым достаточно было сделать несколько саней на продажу, «как местная власть объявляла их буржуями и отнимала у них не только продукты их труда, но вдобавок что-нибудь из имущества»; в ответ крестьяне вынуждены были оставить мысль о заработках²⁶⁸.

Очередной важнейшей причиной расстройства легкой промышленности было почти исключительное профессиональное невежество среднего управленческого звена, находившегося в полной зависимости от рабочей массы. Прочитав, скажем, отчет комиссии, обследовавшей в июле 1920 г. текстильную промышленность Симбирского куста, мы вынуждены будем согласиться с авторскими оценками правления фабрик: «Безграмотно и с него нечего спрашивать»²⁶⁹. Этой фразой можно характеризовать подавляющее большинство из тех, кто занимался «социалистическим строительством» в годы военного коммунизма. И не только в легкой промышленности.

Сообразно положению в легкой промышленности, использовались и соответствующие меры ее поддержания. Учитывая сентябрьские жалобы Главмех, например, Совет Обороны (05.11.19 г.) постановил забронировать там 1920 рабочих «не-

зависимо от возраста и пола», а три недели спустя добавив решение об ограничении общего числа занятых в Главмех тремя тысячами человек и о запрещении принимать лиц призывного возраста²⁷⁰. Теперь, ни 5 тыс. рабочих летом, ни 12 тыс. занятых зимой не могли найти работу в Главмех. И это «в целях обеспечения непрерывности работы всех предприятий по заготовке зимней одежды... для Красной Армии»²⁷¹⁻²⁷².

К середине 1919 г. численность Красной Армии достигла, надо думать, того предела, за которым молодое советское государство уже не могло ее содержать. Свидетельство тому — создание разного рода «сверхчрезвычайных» органов армейского снабжения, в том числе и интендантского отдела СВП (февраль 1920 г.). Однако наращивание «чрезвычайщины» теперь принимало уже самодовлеющий характер, вгоняло экономику в работу на износ. Так, недостаток полуфабрикатов для легкой промышленности, обеспечивавшей военные нужды, компенсировали волевым перераспределением. 13.05.20 г. появился приказ № 1 Уполномоченного ЧУСО «по извлечению материалов для изготовления вещевого имущества для Красной Армии», подписанный Я. П. Бронштейном: «забронировать»!, «под страхом придания суду РВТр»!, «создать губернские комиссии» и т. д.; следом приказ № 3 (от 10.05.20 г.), объявлявший первоначальный список забронированных товаров (около 60 наименований); наконец, 18.08.20 г. приказ № 13 — «Предлагаю немедленно прекратить в дальнейшем бронирование для нужд Красной Армии...»²⁷³ — типичная схема решения проблем военно-коммунистической действительности.

Продолжался спад производства?.. Еще круче «чрезвычайщина» — Главдежду, Главкож, другие необходимые главки и центры включить в систему ЧУСО! Армия терпит поражение под Варшавой?.. Виновата снабжение — создать еще одну «сверхчрезвычайную» комиссию под председательством Л. Д. Троцкого! Не во что одеть армию?.. Не считаться ни с чем, ввести десятичасовой рабочий день, премировать натурой, предоставить рабочим «максимум всего... что может дать в настоящее время республика»²⁷⁴. Что будет в «будущее время» — этого никто не знал, да о нем и не думали.

Для выхода из кризисных ситуаций иногда принимались решения почти нелепого содержания. Так, совершенно босую армию на хануне наступающей зимы 1920—1921 гг. Л. Д. Троцкий решил обуть способом незаурядным. 05.10.20 г. он отправил УЧУСОЗап и УЧУСОЮг-Зап телеграмму следующего содержания: «Для рациональной организации военной портняжной и сапожной промышленности необходимо срочно привлечь

к делу рабочих портных и сапожников, работавших в Англии и Северной Америке...»²⁷⁵. Выход оказался настолько удачным, что спустя десять дней А. И. Рыков и И. Серебряков (Главкомтруд) подписали приказ Чусо (№ 844 от 21.10.20 г.), обязывавший всех портных — «бывших эмигрантов и работавших за границей» — г. Москвы в течение двух дней (как будто московские портные только тем и были заняты, что следили за приказами ЧУСО!) зарегистрироваться в Главдежде ВСНХ «для усиления опытными рабочими московских предприятий Главдежды, работавших по снабжению Красной Армии»²⁷⁶. Но и это решение повизной не отличалось. Система ЧУСО завершала свою деятельность тем, с чего начинала — в ноябре (еще 1919 г.) вышел приказ Чусо (№ 119 от 04.11.19 г.) о регистрации в местных воензагах всех специалистов шорно-седельного производства²⁷⁷.

Чтобы иметь более детальное представление о состоянии легкой промышленности в годы военного коммунизма, остановимся подробнее на изготовлении обуви и пошиве обмундирования для Красной Армии. Сведения из архивных документов о состоянии обувного производства сведены нами в табл. 8, помещенную ниже.

В первой половине 1919 г. обувные мастерские республики получили заказ на изготовление 1 857 000 пар армейской обуви²⁷⁸. Как видно из табл. 8, заказ был даже перевыполнен (2 062 186 пар, т. е. 111 %). В марте 1919 г. Комиссия Исползования ВСНХ установила план пошива армейской обуви (с 01.03.19 г. по 01.03.20 г.) в количестве 2 842 500 пар; к 01.07.19 г. заказ был выполнен по 1 580 000 (1 519 837) пар и к оставшемуся плану Комиссия Исползования прибавила еще 300 т. тыс. пар; при этом в июле — сентябре 1919 г. требовалось изготовить 1 млн пар²⁷⁹. Судя по табл. 8, к 01.03.20 г. годичный план Комиссии Исползования был также перевыполнен. Но это перевыполнение было только плановым. Армия недополучила большое количество обуви. Дело в том, что, по расчетам Главхозупр (представленным еще в июле 1919 г.), армии, исходя из ее численного состава в 1 800 тыс. человек, требовалось на год 5 400 тыс. пар обуви; при этом в Главхозупр надеялись на среднемесячную производительность 25 губерний России в 489 тыс. пар — в этом случае армия была бы обеспечена обувью в достаточном количестве²⁸⁰. Как видно из табл. 8, обувная промышленность не смогла дать требовавшегося Главхозупр (даже из расчета на 1 800 тыс. красноармейцев).

Т а б л и ц а 8

Изготовление и движение армейской обуви
с декабря 1918 до декабря 1920 г. (пар)

Период	Количество			
	Имелось на складах	Пошито	Выдано со складов	Осталось на складах
Дек. 1918		245312	244838	
Янв. 1919		204767		
Февр. 1919		337757		
Март 1919		347986		
Апр. 1919		377715		
Май 1919		405527		
С 01.12.18. по 01.06.19.		1843491	1791190	
Июнь 1919		388609		
С 01.03.19. по 01.07.19.		1580200		
С 01.01.19. по 01.07.19.		2061879		
Июль 1919		371191	450398	
С 01.12.18. по 01.08.19.		3678382		
Авг. 1919		260168	244870	
Сент. 1919		405107	403088	
Окт. 1919		517382	495796	
Нояб. 1919	190852	400062	375161	215753
Дек. 1919		371255	323633	
С 01.01.20 по 15.01.20	154445	86236	84102	155580
С 16.01.20 по 31.01.20	236539	186393	158393	264538
С 01.05.20 по 15.05.20	211374	113609	105834	219348
С 16.06.20 по 30.06.20	148669	126674	113073	161005
Июль 1920	179094	215649	240004	154739
Авг. 1920	126895	160368	157163	126762
С 16.09.20 по 30.09.20	143065	122450	141898	123517
С 01.10.20 по 15.10.20	117982	134379	218475	233886
С 16.10.20 по 31.10.20	164494	236586	238618	162461
Ноябр. 1920	183351	407472	388481	205261

Примечание. Таблица составлена по данным текущей статистики Главкож ВСНХ²⁸¹.

Из показанного и сказанного можно заключить: до середины 1919 г. республика еще могла обуть армию в ее тогдашнем численном составе; в июле — сентябре 1919 г. план Комиссии Исползования (в 1 млн пар) был выполнен, по этого было далеко не достаточно для быстро увеличивавшейся армии; если учесть, что к концу 1920 г. численность Красной Армии превысила пять миллионов человек, а валовое производство армейской обуви в 1920 г. оказалось ниже 1919 г., то станет совершенно ясно, что армия по существу была босая. (Подробней о динамике изменения численного состава Красной Армии речь пойдет в главе четвертой). Проследим историю развития такого печального финала.

В советской историографии довольно часто можно встретить оптимистические реляции о снабжении Красной Армии. В. В. Герменчук, например, насчитал 262 839 пар обуви, пошитых в 1920 г. в Витебской и Гомельской губерниях²⁸². Много это или мало? Судя по авторскому тону изложения — много. Вдумаемся в названную цифру: в месяц две губернии, выходит, давали в среднем 22 тыс. пар обуви. В июле 1919 г. Главхозупр планировал только для Витебской губернии месячное производство в 40 тыс. пар²⁸³. И это была довольно реальная цифра, по крайней мере в декабре 1919 г. губерния пошила 36 781 пару армейской обуви²⁸⁴. Получается, что в 1920 г. в Витебской губернии производство уменьшилось почти в три раза. Причин для оптимизма, как видим, нет. Имелись причины иного плана. Пензенская губерния, например, при существовавшей производительности, как сообщали из губкож, три пары сапог в неделю и 2 400 человек, занятых в обувном производстве, должна была бы давать до 29 тыс. пар в месяц, однако с апреля до сентября 1919 г. там сдали только 45 025 пар (в месяц выходит по 9 тыс. пар), т. е. фактическая производительность была в три раза ниже — одна пара в неделю²⁸⁵. Но и эта выработка стала падать, в декабре 1919 г. Пензенская губерния дала только 7 171 пару обуви²⁸⁶, при том, что наряд губкож был увеличен почти вдвое от прежнего²⁸⁷. «Главная причина такого положения», сообщали в июне 1919 г. из Нижегородской губернии, в низкой заработной плате (максимум 60 р. в день); при цене, скажем, за пуд муки в 800 р. рабочие любыми путями старались «заболеть» и остаться дома на три-четыре дня; за это время за пошив трех-четырех пар сапог на «вольный рынок» они зарабатывали две-три тысячи рублей, «а затем возвращались в мастерскую для получения нового частного заказа»; из 1 200 рабочих Новгородского губкож, как оказалось, на работу выходило от 10 до 50%, по-

этому фактическая производительность была в три раза меньше плановой, из-за чего за три месяца губерния дала только 40 тыс. пар сапог вместо плановых 120 тыс.²⁸⁸. Так продолжалось и впредь: в декабре 1919 г. в Новгородском губкоже изготовили только 14 963 пары армейских сапог²⁸⁹.

Неспособность обувной промышленности справиться со все возрастающими заданиями военввода породила ответные «чрезвычайные» меры: появился приказ Чусо (№ 70 от 06.09.19 г.) о создании «собой комиссии» по организации производства для армии валенок и лаптей (Чеквалап) под председательством заведующего кустарно-кооперативным Управлением при ВСНХ Яхонтова и членов — от Чрезкомснаб, ЦОВЗ и Комиссии Исползования (П. В. Аликеевым) и Наркомпрода (Капелинским)²⁹⁰; в октябре А. И. Рыков разослал телеграмму о передаче сапожных мастерских в ведение воензагов²⁹¹; из ЧУСО стали требовать об освобождении от призыва в Красную Армию рабочих сапожных производств²⁹². Кое-какие результаты принимавшиеся меры дали — в октябре 1919 г. производство обуви впервые превысило 500 тыс. пар (см. табл. 8). Вероятно, поэтому на заседании Коллегии ЧУСО (прот. № 1 от 13.11.19 г.) было решено, приняв соответствующие меры, «довести производство армейской обуви в ближайшие два месяца до 450 тыс. пар в месяц»²⁹³ — решение, так и оставшееся невыполненным. С октября 1919 г. производство стало падать, а январский 1920 г. выпуск вызвал настоящую тревогу в ЧУСО: З. Н. Доссер потребовал от Главкож объяснить по поводу столь резкого сокращения поступлений из обувных мастерских и фабрик²⁹⁴. Тогда-то и состоялось совещание в ЧУСО, где решено ограничить пошив обуви для гражданского населения, а тыловые части обувать в сапоги на резиновой и деревянной подошве²⁹⁵.

Освобождение Юга России от армий А. И. Деникина и захваченное там кожаное сырье позволили надеяться на улучшение положения. 03.03.20 г. из ЧУСО обязали обувную промышленность увеличить производство «до полной пошивочной способности, т. е. до 500 — 600 000 пар в месяц»²⁹⁶. Одновременно Н. Б. Эйсмонт предложил Совету Обороны (прот. № 105 от 16.03.20 г.) продлить до 15.06.20 г. отсрочку от призыва в армию рабочих обувного производства²⁹⁷. Как видно из приводимой табл. 8, решение это вновь оказалось невыполнимым. Более того: с началом советско-польской войны возникла, как считали в Совете Обороны, реальная опасность, «что армии, в частности Западного фронта, останутся без обуви и обмундирования»; поэтому СТО постановил

(05.05.20 г.): «ЧУСО немедленно прекратить отпуск обуви и вообще предметов и обмундирования военного образца для нужд промышленности и вообще для всех хозяйственных организаций Республики»²⁹⁸. Вводился режим жесткой экономии и сверхчрезвычайных мер. На петроградскую фабрику «Скороход», например, УчусоПет направил (прик. № 1/с от 24.05.20 г.) своего «чрезвычайного» уполномоченного Э. Ф. Раушенбаха²⁹⁹. Дела у петроградских сапожников, действительно, из рук вон были плохи — во всем обувном производстве в июле 1920 г. было занято только 6 450 человек³⁰⁰, что составляло примерно столько, сколько в июле 1919 г. работало лишь на двух обувных фабриках («Скороход» — 3 583, и «Победа» — 1 408)³⁰¹.

Меры скоропалительного характера принимались и в Москве. Приказом Чусо (№ 495 от 18.05.20 г.) Чеквалап передавалась в ЧУСО; ее председателем назначили Г. А. Ангерта, добавившего к своим «чрезвычайным» титулам (заведующий техническим бюро Управления ЧУСО, председатель Коллегии Комбескоа) еще один, не менее чрезвычайный³⁰²; Совету Оборон предложено продлить отсрочку от призыва в армию рабочих-обувщиков до 15.12.20 г.³⁰³ и т. д.

В административном угаре принимавшихся решений рождалась идея о возможном производстве в июле — сентябре 1920 г. до 510 тыс. пар армейской обуви — решение Особого совещания при ЦУС (прот. № 41 от 25.06.20 г.); председателю совещания М. В. Акимову пришлось нелегко, ибо даже эта абсурдная цифра (посмотрим для сравнения табл. 8. — Н. П.) была намного меньше требовавшегося Советом Оборон (633 тыс. пар в месяц), не говоря уже о заявке Главхозупр (1 200 тыс. пар); чего не хватит решено компенсировать лаптями — Чеквалап поручено до 01.01.21 г. собрать их 18 млн пар³⁰⁴. Произвольность принимавшихся решений выходила уже за рамки даже здравого смысла: в июле было установлено, например, что из недостающих на зимний период 1 400 тыс. пар валенок «Чеквалап сможет дать до 01.01.21 г. 250 000 (в лучшем случае — 500 000)» ... но Чеквалап обязали дать к 01.01.21 г. 700 тыс. пар лаптей(!? — Н. П.)³⁰⁵.

То, что происходило дальше, в частности после поражений Западного фронта под Варшавой, годится только для юмористического журнала. Надо было так опешить, растеряться и испугаться, чтобы в ответ на требование «сверхчрезвычайной» комиссии Л. Д. Троцкого, установившей «потребность армии в обуви в 750 тыс. пар в месяц», на совещании в Главкож (13.09.20 г.) — под председательством А. И. Рыкова (!) — дать вадание на ... 1 млн пар армейской обуви (в месяц!)³⁰⁶.

Готовы были пойти на все, даже прекратить закрывать мелкие мастерские³⁰⁷ — мера, по тем временам, совершенно «богоульственная». Главначснаб в связи с этим ответил тирадой: «Итак... шить обувь будет не только каждый губернский город, но даже и уезды, т. е. остается распыление сил, материалов, контрольных возможностей и т. п. и вместе с тем дается широкий простор для хищений и злоупотреблений...»³⁰⁸. Последней фразой И. З. Аккерман сказал о многом: в столице знали, что воровали все, все и повсюду, а потому так боялись «распыленности» и так ратовали за «концентрацию», которая, как видим (если вновь вернуться к табл. 8), привела обувное производство в 1920 г. к смехотворным цифрам.

Однако кое-что удалось сделать. В октябре — ноябре 1920 г. месячное производство армейской обуви поднялось до 400 тыс. пар (см. табл.). Но случилась другая беда. В сентябре вдруг выяснилось, что «минимальная потребность армии в валенках» — 2 млн пар (а не 1 550 тыс., как считали в июне³⁰⁹); в наличии имелось не 510 тыс. (как думали раньше), а всего лишь 300 тыс. пар (по другим данным — 100 тыс.³¹⁰), т. е. изготовить следовало 1 700 тыс. пар; для этого потребовалось бы 412 236 пудов шерсти³¹¹. Как отмечалось выше, в республике к концу 1920 г. имелось около 2 млн пудов шерсти (из которых много готовилось на экспорт)³¹². А было еще и обмундировочное производство (шинели, одеяла, морская форма и проч.). Поэтому максимально возможное число необходимых для изготовления валенок установили в 800 тыс. пар³¹³. А это означало, что даже при самых благоприятных условиях, т. е. изготовлении до 01.01.21 г. 800 тыс. пар валенок (Чеквалап, как помним, обещала только 500 тыс. в лучшем случае), армия получила бы лишь половину необходимого.

Обнадеживающие известия поступали в ЦУС о ходе заготовки лаптей. Это и понятно — за сто пар посулили 10 фунтов соли, 2 фунта керосина и 1 аршин мануфактуры; только Татарский кустпром, например, заготовил в 1920 г. 5 млн пар, в которые была обута Запасная армия³¹⁴. Беда только в том, что приближалась зима и вместо лаптей нужны были все-таки валенки.

В конечном счете к декабрю 1920 г. у Красной Армии имелась преимущественно кожаная обувь, но лишь для 37% личного состава; это почти вдвое меньше, чем в феврале 1920 г. (63%)³¹⁵. Но и такое снабжение достигалось путем неимоверного истощения хозяйственных возможностей республики и методами «сверхчрезвычайными»: в ноябре 1920 г., наприм-

мер, некто Межин был назначен «Учусо по изъятию материалов, необходимых для пошива армейской обуви»³¹⁶.

Итак, мы можем заключить: начиная с середины 1919 г. производимого в республике количества обуви стало не хватать для быстро увеличивавшейся Красной Армии; с конца 1919 г. пачался прогрессирующий спад в обувном производстве, а к началу 1921 г. армию не во что было обуть; никакие «чрезвычайные» и «сверхчрезвычайные» меры не спасали положение.

Чтобы не сложилось мнение об обувном производстве, как исключении из общего положения в легкой промышленности, обратимся к другой ее отрасли — к пошиву армейского обмундирования.

По планам ЦОВЗ в 1919 г. предстояло пошить 1 369 250 шинелей (до 01.07.19 г. изготовлено 741 133), 2 200 450 ватных шаровар (готовых за полугодие оказалось 173 748), 2 200 450 комплектов теплого белья (к 01.07.19 г. сшито только 363 180), 3 547 400 нательных рубах (за первое полугодие пошито 2 млн 581 387)³¹⁷. При кажущемся относительно благополучии с пошивом обмундирования в первом полугодии 1919 г. на деле положение было угрожающим — для быстрого численного роста армии, не предусмотренного планами ЦОВЗ, этого было далеко не достаточно. Пришлось переделывать планы. В августе 1919 г. Главхозупр, в связи с состоявшимся 30.07.19 г. совещанием у Главначснаба, скорректировал их на период до мая 1920 г. — предстояло изготовить полный армейский комплект суконного и летнего обмундирования, три комплекта нательного белья, почти полный комплект шинелей и т. д. (все это из расчета на 1 800 тыс. красноармейцев); при этом оказалось, что шинелей пошито к 01.08.19 г. лишь 650 тыс. (даже не 741 133, как указывал ЦОВЗ к 01.07.19 г.)³¹⁸. Поэтому в ноябре 1919 г. установили план пошива шинелей в 350 тыс. штук (т. е. в три раза больше ежемесячного производства в первой половине года)³¹⁹. Как и из чего их планировали шить, ответить не смогли бы, вероятно, и в Главхозупр — ведь уже в сентябре 1919 г. Пензенскому отделу ЦОВЗ, например, было дано задание переделать на шинели 24 890 больничных халатов³²⁰.

На выявившиеся трудности в снабжении армии обмундированием во второй половине 1919 г. советское правительство ответило привычными «чрезвычайными» мерами: 05.09.19 г. в ЧУСО образована межведомственная комиссия по организации производства военного обмундирования³²¹. А в ноябре вы-

шел приказ Чусо (№ 204 от 18.11.19 г.), требовавший от призывников «приходить в лучшей, имеющейся у них одежде и обуви», которые будут оплачены казной³²²; 13.12.19 г. А. И. Рыков даже утвердил «Положение...» о расценочной комиссии при Главхозупр, которая должна была этим заниматься³²³. Как свидетельствуют архивные документы периода военного коммунизма, эта мера была очередным пропагандистским трюком в ряду неисчислимых лицемерных декретов и приказов.

В мае 1920 г. подвели итоги ранее составлявшихся планов: ...они оказались плачевными. Н. Б. Эйсмонт писал А. И. Рыкову: «...с пошивом обмундирования еще хуже. Нет материала...»³²⁴. А тут еще война с Польшей — опять без «чрезвычайщины» не обойтись: принят ряд секретных решений СТО, о которых проговорился «Бюллетень УЧУСОЮг-Зап» (№ 2 от 08.06.20 г.). С 10 по 14.05.20 г. вышло несколько постановлений, дававших Я. П. Бронштейну неограниченные права изъятий со складов «необходимых для армии ... материалов и одежды», правда, «под надзором ЧУСО и Комиссии т. Сталина»³²⁵. (Последняя образована Советом Обороны (прот. № 121 от 14.05.20 г.) для выработки «чрезвычайных мер по оживлению промышленности»³²⁶.) Одновременно СТО запретил снабжать обувью и одеждой рабочих, все отправлять в армию³²⁷.

Майский синдром, как и подавляющее большинство возникавших до этого критических ситуаций, оказался для большевистского руководства неожиданностью только потому, что в августе 1919 г. планы строили на 1 800 тыс. красноармейцев, а в июле 1920 г. их было уже 4 876 110 (см. в главе четвертой таблицу изменения численного состава Красной Армии), т. е. в три раза больше.

Неожиданны ли после всего этого провал под Варшавой и следовавшие затем метания в поисках выхода из положения! Сентябрьское (1920 г.) совещание в Главодежде, где А. И. Рыков назвал положение со снабжением Красной Армии одеждой «катастрофическим», установило месячную норму пошива шинелей в «600 тыс. и выше» (П. В. Аникеев допускал возможным только 450 тыс.), 480 тыс. комплектов ватного обмундирования, 1 млн комплектов нательного белья и т. д.³²⁸ — цифры, конечно же, астрономические для разваливавшейся легкой промышленности. Но что оставалось делать А. И. Рыкову, если из недостающих на зиму 1 млн 800 тыс. шинелей имелся запас только в 50 тыс., а из необходимых 1900 тыс. комплектов ватного обмундирования Главхозупр мог дать только 300 тыс.; теплого белья, которого требовалось 1 200 тыс. комплектов, не было вообще³²⁹; из 1 млн полушубков, требо-

вавшихся военведом, Главмех обещал до 01.01.21 г. (мы уже знаем цену этим обещаниям!) 791 тысячу³³⁰. Подстегиваемый общей растерянностью советского правительства и бешенством Л. Д. Троцкого, А. И. Рыков собрал «экстренное» совещание в ЧУСО (вечером 10.09.20 г.), где было подтверждено требование к Главодежде месячного пошива 600 тыс. шинелей и обговорены меры, с помощью которых считали возможным приодеть Красную Армию, в том числе и необходимость вмешательства МЧК и Рабкрин в обследование пошивочных мастерских и фабрик³³¹.

«Чрезвычайное» насилие возымело действие: 28.10.20 г. на совещании комиссии по производству вещевого довольствия для Красной Армии П. В. Аникеев сообщил о выполнении (в октябре) своего сентябрьского обещания о пошиве 450 тыс. шинелей; приняв это к сведению, совещание разразилось массой угроз в адрес Главодежды, требуя в ноябре — декабре по 600 тыс. шинелей³³². Из чего их собирались шить, одному Богу известно. В сентябре в Москве запас шерсти составлял 190 781 пуд, в уральско-степном районе — 307 000, на Северном Кавказе — 850 000, в остальной «провинции» (19 городов РСФСР) — 716 199 пудов³³³, итого 2 064 280 пудов шерсти по республике в целом, четверть запасов которой необходима была только для изготовления валенок.

Надорвавшись под непосильной пошей снабжения армии, «Центр» (Москва, в первую очередь) готов был даже уступить производство округам: со 2 по 15.10.20 г. в РВСР шли споры о возможности «пошива белья для армии» на периферии; требовавшим этого Наркомвоену и Главначснabu противостояли Главодежда (П. В. Аникеев) и Главхозупр (В. Я. Рискин), поддержанные А. И. Рыковым³³⁴. Особенно противился «децентрализации» П. В. Аникеев, на ноябрьском 1920 г. Всероссийском совещании ЧУСО заявивший, что в Москве Главодежда уже на 70—80% перешла от кустарного пошива к фабричному³³⁵, как будто бы ему не было известно, что днем раньше Чусо издал приказ (№ 873 от 04.11.20 г.) о создании (во главе с помощником Главначснaba Е. Л. Зелинским-Бакшищиким) УЧУСО по «привлечению всех гражданок республики, в порядке трудовой повинности, к обязательной пошивке белья... для нужд Красной Армии»³³⁶ («Комшвейповинность» — то ли «комиссия», то ли «коммунистическая» ...), на чем настаивал А. И. Рыков еще в сентябре 1920 г.³³⁷ Этой УЧУСО поручалась организация «принудительного изъятия шинелей», а также «добровольного сбора вещей» для армии³³⁸. Последнее — свидетельство крайней нищеты государства и со-

вершенной неспособности его к концу 1920 г. содержать армию: в сравнении с февралем 1920 г. процент обеспеченности ее основными видами обмундирования снизился с 87 до 55³³⁹. А в советской историографии звучит назойливо-удовлетворительный речитатив: «В 1920 г. только на предприятиях Витебской и Гомельской губерний было пошито...»³⁴⁰.

Итак, мы вправе заключить, что положение легкой промышленности России к концу 1920 г. мало чем отличалось от положения в тяжелой. Ее разрушение достигло того критического предела, когда даже почти абсолютно переключившись на обеспечение нужд только армии, она могла удовлетворить лишь половину ее потребностей.

§ 3. Специфика управления и организации военно-промышленного производства: «кадры решали все»

До сих пор мы оценивали положение в промышленности России военно-коммунистического периода как бы визуально. Ниже попытаемся усложнить подход к анализу, надеясь понять причины разрушения экономики республики. Чрезвычайщина в годы военного коммунизма стала определяющим принципом поведения новой генерации хозяйственных руководителей. Для анализа в данном случае взяты отдельные моменты, наиболее отчетливо, на наш взгляд, представляющие военно-коммунистический опыт хозяйствования.

Достаточно широко распространен тезис о чрезмерной лениности русского народа, который работает чаще из-под палки и почти генетически испытывает потребность в административном верховенстве над собой. Большевицское руководство (кто гласно, как В. И. Ленин, а чаще — лицемерно расточая похвалы) в конечном счете так и смотрело на своих сородичей. Возможно, искренне желая добра России, большевики, в силу извращенного российскими условиями социал-демократического сознания, единственно правильными для общественного устройства считали военно-коммунистические принципы организации труда. А такая отрицательная черта русского характера, как нетерпимость (т. е. суета, торопливость), вызывала в большевизме горячее стремление к моментальным преобразованиям. Возбужденному успехом октябрьского переворота сознанию русских социал-демократов казалось вполне достижимым в кратчайшие сроки волевое устройство всеобщего равенства с помощью чрезвычайных методов — приемов грубых, но понятных россиянам. Действительность обманула ожидания, по

инерция невежественного сознания подталкивала на все новые «чрезвычайные» меры, за каждой из которых грезилась радостная перспектива воплощения исповедуемых идей. Среди мыслящей российской интеллигенции, оказавшейся на первых порах в большевистском окружении, задумываться над этим стали в самый разгар военного коммунизма. Так, в мае 1920 г. в «Бюллетене ЧУСО» появилась статья А. А. Зернова об опыте работы Промвоенсовета, с прозорливыми мыслями о судьбе чрезвычайных мер, длительное применение которых «неизбежно действует разлагающе как на дело, ради которого они применяются... так и на смежные области, ради него эксплуатируемые и подрываемые»³⁴¹. Но это были крупницы здравого смысла, обращать внимание на которые в угаре идей мировой революции никто не стал. Наоборот, мы повсюду сталкиваемся с фактами агрессивной чрезвычайщины. Командующий 14-й армией И. П. Уборевич «повинных» рабочих Кременчуга намеревался (прик. № 156 от 21.04.20.) «качать по законам военного времени», за невыход на работу отправлять их «на фронт маршевыми ротами», а тех, кто не может служить в стрелковых частях, посылать «в концентрационные лагеря как врагов рабочих и крестьян»³⁴². Жестких мер требовала Цekomдез по отношению к рабочим Кольчугинского завода, большинство из которых, как считали в комиссии, «нуждается в подгонялке, благодаря отсутствию самосознания»³⁴³. За провал под Варшавой А. И. Рыкова «накачивали» в Совете Обороны, а он, в свою очередь, расточал угрозы то Главдежде, то Главкоз за «пассивность», требуя невозможного³⁴⁴. Комиссия Э. М. Склянского «по увеличению производства вещевого довольствия» придумывала самые изощренные угрозы за недопосыл «планировавшегося» числа шинелей³⁴⁵... Плеть, плетть и еще раз плетть! До разбора ли каких-то там экономических причин упадка, когда легче и намного проще пригрозить реввоентрибуналом? И что очень важно: чем невежественнее автор, тем громче и чаще звучали угрозы.

Что до невежества, то оно буквально захлестнуло Россию. Председатель одной из комиссий (№ 183) Высшей Военной инспекции А. М. Стопани считал, что настроение рабочих Мотовилихинского завода в Перми до прихода белых (в конце 1918 г.) было контрреволюционным, вызванным «неумелыми действиями советских хозяйственников, поведением коммунистов, действиями местных чрезвычайных комиссий»³⁴⁶. Председатель другой комиссии (№ 141) А. Ильин, инспектировавший в мае — июне 1919 г. в Петрограде морвед, называл положение со снабжением там «запущенным, неквалифициро-

ванным»³⁴⁷. Если вчитаться в материалы отчета о работе технического отдела Управления ЧУСО (за время с 01.01. по 01.08.20 г.), то складывается впечатление, что это была лишь косметическая работа, даже без намека на аналитическую мысль, для чего не хватало ни опыта, ни квалификации³⁴⁸. Поступки «новых красных хозяев» чаще всего определялись сладостным упоением властью, напористостью, административным рвением и... невежеством. В октябре 1920 г. из Главшвеймашины жаловались в отдел металлов ВСНХ (до июня 1920 г. Главшвеймашина состояла в Главпродукте³⁴⁹ — факт анекдотический; — Н. П.) на поведение «чрезвычайных» эмиссаров из ЧУСО, не имевших элементарного представления о швейном производстве, своими действиями («изъятиями») по существу разрушивших производственный процесс на Подольском заводе; в качестве ответной меры председатель Коллегии Главшвеймашины Я. Новаковский просил разрешить «обследовать» Главодежду в целях установления «действительной нужды в огромных требованиях на части и иглы»³⁵⁰. Межведомственная вражда — характерный из признаков создававшихся «социалистических» производственных отношений и управленческих связей.

К концу 1920 г. нагромождение бестолковщины достигло критического предела. Даже в таком консервативном ведомстве, как военвед, стали понимать необходимость отказа от военно-коммунистического абсурда, робко требуя хотя бы белье для армии шить не только в Москве, но и на периферии³⁵¹...

Сказанным выше намечен дальнейший план анализа производственной чрезвычайщины: влияние ее на процессы хозяйственной жизни; профессиональный уровень исполнителей (хозяйственных) политических установок; отказ от чрезвычайщины, как условие выхода из тупиковой экономической ситуации. Разумеется, все это на примерах опыта снабжения Красной Армии.

Время с середины 1919 г. — это быстрое наращивание административного начала в советской системе управления так называемом общественным производством. «Распустившихся» рабочих в Казани считалось необходимым «взять в железные руки (любимое, часто встречающееся выражение из лексикона советского партхозактива. — Н. П.) и заставить их работать»; для этого, по мнению тамошних хозяев, достаточно было прислать «комиссара из Центра», о чем и просили ЧУСО; комиссар И. Н. Рычков в Казань выехал «срочно»³⁵². Некто В. Мешберг, обследовавший текстильную промышленность

Симбирского куста и вынесший самое нелицеприятное впечатление о ее состоянии, рекомендовал применить репрессивные меры, а «деятельность фабрик подчинить... контролю Центра»³⁵³. Примеров мириады, суть их одна — запугать и централизовать. Московский политический олимп в поисках универсального средства разрешения этой жгучей проблемы, потолкавшись о нее эмпирически (то Чусо ограничивал роль законов (прик. № 74 от 11.09.19 г.), то Совет Обороны занимался каким-то «Нефтегазом» в Петрограде, объявляя его переведенным на военное положение³⁵⁴ и проч.), наконец, его отыскал: 28.11.19 г. СРКО принял «историческое» постановление «О милитаризации», т. е. о военно-административном прикреплении населения к военным комиссариатам³⁵⁵ — предтече введенной в будущем военной приписки как нормы гражданского права.

Идея четко уложилась в систему военно-коммунистических представлений о принципах общественной организации, в частности — управления производством; а также в цепь практических дел, направленных на реализацию этих представлений. Анализируя и оценивая поступки УчусоВост К. Г. Максимова, член бюро отдела металлов ВСНХ на Урале Андронников уже в декабре 1919 г. пришел к заключению, что имеется тенденция к милитаризации не только производства, но и управления, что это как бы подготовка «к революции в управлении»³⁵⁶. Справедливость последнего замечания не вызывает сомнений: одно за другим пошли чередой постановления о милитаризации — от угольной промышленности Донбасса до холодильных предприятий и боеи — с сопутствующей им «трудовой повинностью» мужского населения от 18 до 46 лет, а специалистов — до 65 лет³⁵⁷. Техника введения была упрощена до крайности: объект или регион признавался «имеющим чрезвычайное значение» и на него «распространялось» положение о милитаризации, как с тульским строительством, например. По мере надобности и по ходу дела милитаризационное законодательство совершенствовалось — 09.06.20 г., например, Совет Обороны добавил его рядом «недостающих» положений³⁵⁸.

Самой крупной милитаризационной акцией было решение правительства (04.08.20 г.) об объявлении «на военном положении ... сроком на все время состояния войны» 60 заводов и предприятий СВП; чуть позже добавили еще 4 завода Главного Управления резиновой промышленности ВСНХ³⁵⁹. Заметим, между прочим, столь кардинальное решение принято до поражения под Варшавой, т. е. в момент наиболее благоприят-

ятно развивавшегося интенсивного наступления Западного фронта.

Нам могут возразить, мол шла война и принимались соответствующие меры... Нашему угрюмому сознанию, воспитанному на псевдопатриотических постулатах, невдомек, что гражданская война в России — явление исключительное и беспрецедентное. Это не война в привычном смысле слова, где допустимы меры, воспринимаемые национальным сознанием как должное. Гражданская война в России — это в чистом виде вооруженная борьба за политическую власть, и от того, какими методами и приемами она велась той и другой стороной, мы и даем моральную и этическую оценку ее представителей. Мы не берем на себя смелость оценивать действия Белого движения — еще слишком мала для этого (ее почти нет) историографическая наработка. Действия советского правительства при достижении цели в этой войне мы расцениваем как максимально допустимые поступки политического руководства в войне настоящей, с тем только отличием, что в данном случае война велась против своего народа.

Милитаризация — шаг, бесспорно, вынужденный. Вскоре после октябрьского переворота рабочий класс мало что оставил от бывшего о себе представления. Политком Самарского завода взрывчатых веществ С. М. Семков в августе 1919 г. сообщал в Совет Обороны: «Политический уровень, классовое сознание среди рабочих очень низки. Когда-то славившийся завод передовыми рабочими, увы, теперь не существует»³⁶⁰. Среди рабочих, когда дело дошло до скудного питания и резкого снижения жизненного уровня их семей, развилось воровство, безучастное отношение к работе, начался массовый уход с заводов и фабрик невзирая ни на какую «классовую солидарность» (о которой так много написано советскими историками и которая есть в сущности не что иное, как групповой агрессивный эгоизм люмпенизированных и маргинальных слоев). Е. Г. Гипельсон насчитал на петроградском Балтийском заводе в марте 1921 г. из 4 тыс. рабочих 3 200 «непролетарских элементов»³⁶¹, т. е. тех, кто сменил «настоящих» пролетарских рабочих. Такие подсчеты, как представляется, преследовали одну из определенных прагматических целей — объяснить, почему к началу 1921 г. промышленное производство России окончательно развалилось и началась полоса всеобщего недовольства советской властью... даже среди рабочих.

По мере укрепления военно-коммунистических начал рабочий все больше голосовал за советскую власть ногами. Поэтому требовались сдерживающие меры (и в огромном мас-

штабе). Августовское 1920 г. постановление СТО о милитаризации предприятий СВП имело официально заявленную цель — обеспечить заводы «необходимым составом рабочих и служащих»³⁶². Достичь этого можно было только с помощью чрезвычайщины, как в управлении производством, так и в его организации.

Об управлении мы говорили по большей мере в связи с административным строительством Промвоенсовета (в главе первой), а здесь основное внимание уделим организации, в процессе которой чрезвычайщина проявилась с особой силой.

Отправившийся в конце 1919 г. на Украину «восстанавливать промышленность» В. Я. Чубарь, оценивая обстановку в Харькове, писал А. И. Рыкову в январе 1920 г.: «Все профсоюзы меньшевистские, придется долго их выживать, т. к. рабочая масса не очень сильно всколыхнулась», так как при белых зарплата рабочих в 2—3 раза превышала «наши сдельные и премиальные», рабочим выдавался хлеб по очень низкой цене, они были освобождены от уплаты за квартиры, шахтерам бесплатно выдавался уголь; «для получения хлеба широко практиковался товарообмен, при котором заводчик в согласии с рабочими и с разрешения властей проявлял частную инициативу и гнал поезд с материалом, а обратно вез хлеб... При таких навыках, — заключал В. Я. Чуб, — с плеча рубить не приходится, нужно хорошенько учуять, насколько глубоко укоренился этот разврат в широких массах...», к тому же, сил для приведения «рабочих в советское сознание почти нет...»³⁶³ Этот документ (цитированный так длинно) мог бы служить определяющим методологическим постулатом для понимания сущности чрезвычайщины (экономической) периода военного коммунизма, сущности системы ЧУСО, в основе которой была заложена, например, и такая «правовая норма»: «В целях поднятия производительности... Чусо имеет право устанавливать... сверхурочную работу до 12 часов...»³⁶⁴. Вскоре советское руководство подтвердило это право правительственным решением: 17.10.19 г. СРКО принял разъясняющее постановление: «...в случае экстренных работ, временно, в отдельных предприятиях...» и т. д.³⁶⁵ Так, постепенно, с оговорками начинался официальный отказ от провозглашавшихся после октября 1917 г. «прав трудящихся». В конце января 1920 г. Чусо своим приказом (№ 290) напомнил о своем строго эксклюзивном праве на подобные действия, но уже 21.02.20 г. (прик. Чусо № 331) право решать вопросы о сверхурочных, механизм введения которых разъяснял «секретный, без опубликования» приказ Чусо № 335 (от 27.02.20 г.), получили

Главтоп, Главлеском, Главуголь, Главконефть, Главсланец³⁶⁶.

Вместе с правом введения сверхурочных система ЧУСО получила и право устанавливать премиальную оплату труда. Постановлением СРКО (прот. № 105 от 16.03.20 г.) разъяснялось: Чусо вводит «своей властью премии, не превышающие 50% нормального оклада. Премии выше указанной нормы могут быть введены Чусоснабармом лишь по согласованию с Наркомтрудом»³⁶⁷. Особых затруднений такие «согласования», как думается, не вызывали: к июлю 1920 г. премирование на заводах военной промышленности доходило уже до 200, а на «ударных» — до 300%³⁶⁸. В главе первой, посвященной административному строительству аппаратов ЧУСО, мы показали, как там использовалась премиальная система оплаты. С известной долей уверенности можно предположить, что и на промышленных предприятиях премирование было таким же произвольным, являясь неперменным довеском к тарифному окладу (часто в несколько раз превышая его).

К середине 1920 г. денежная премиальная система оплаты труда стала давать явные сбои, особенно на второразрядных заводах, где основную массу рабочих составляли жители окрестных деревень, которых совзнаки уже мало интересовали. Так было, например, на Кольчугинском заводе, где «введение премиальной системы сказалось только на пролетариате, насчитывавшем лишь 15% от общего числа заводских рабочих»³⁶⁹. Усиливавшаяся инфляция формализовала зарплату. Получаемых рабочими в конце 1920 г. 6—8 тыс. р. в месяц³⁷⁰ было явно недостаточным из-за безудержного роста цен. Поэтому с середины 1920 г. все чаще стали использовать систему натурального премирования. Июльский доклад ЧУСО в ЦК РКП(б) отмечал введение ее на «некоторых заводах»³⁷¹, а в августе вышел приказ Чусо (№ 805), объявлявший о повсеместном использовании на предприятиях военного производства такой формы оплаты труда³⁷². В сентябре, после ряда «экстренных» обсуждений положения с обмундированием армии, из ЧУСО — теперь уже очень настойчиво — подтвердили необходимость «устанавливать натуральное премирование рабочих»; приказ Чусо № 865 (от 18.09.20 г.) придал этим домоганиям законченную правовую форму³⁷³. Но возникли сложности на периферии: приученная к мелочной централизованной опеке, она растерялась от такого шага правительства. Как сообщали в ноябре 1920 г. из УЧУСОЗаВО, из-за «отсутствия определенных распоряжений Центра... дальнейшего развития приказ этот не получил»³⁷⁴.

Так производственная чрезвычайщина сомкнулась с диле-

тантским представлением о денежном обращении как отжившей форме хозяйственных расчетов.

Среди дурных последствий военно-коммунистического прошлого — переживший его опыт создания «образцово-показательных» промышленных предприятий. Эта идея, как «плод творческой деятельности партии», родилась весной 1920 г. на IX съезде РКП(б). Развивая директиву съезда, в ВСНХ стали придумывать, как и где распорядиться о выделении «группы образцовых заводов» (их намечалось около двадцати); с этой целью при СВП в апреле 1920 г. была создана «инициативная комиссия»³⁷⁴. Начавшаяся война с Польшей на время модифицировала идею, прагматизовав ее содержание — «образцовость» заменили на «ударность», оставив пока в стороне «показательность»; 21.05.20 г. СТО разделил военно-промышленные предприятия на «чистые», «нечистые» и «чистые наполовину» с соответствующей пропорциональной долей государственного внимания к тем и другим³⁷⁵. Прецедент вскоре был трансформирован вглубь и вширь в форме всякого рода «бронирований» и ранжирований по степени исключительности. В октябре 1920 г. начальник ГВИУ И. Е. Коросташевский пытался даже выделить в «ударную группу» 12 республиканских складов «как играющих первостепенную роль в снабжении фронта»³⁷⁶.

К концу 1920 г. мысль об «образцово-показательном» вновь захватила умы советских хозяйственников. Без тени иронии об этом говорилось, как об «организации научной постановки производства»; П. А. Богданов (поддержанный Н. Б. Эйсмонт) предложил выделить из СВП апрельскую «инициативную комиссию» (сыгравшую, по его словам, «положительную роль в деле создания образцовых заводов») в особую структуру ВСНХ как «научный центр по объединению и систематизации получаемых результатов»³⁷⁷. Нашлось немало сподвижников теории основ будущего «социалистического соревнования». Так, некто И. И. Ланцов («член Коллегии финансово-счетного отдела ВСНХ») в приличном и достаточно аргументированном докладе в Президиум ВСНХ о плачевном состоянии учета в промышленности предлагал... создавать «ударно-показательные» предприятия с таким же «показательным» учетом³⁷⁸. Среди хозяйственников рангом ниже то и дело раздавались призывы избрать один — два завода, сделав их «показательными в отношении других заводов»³⁷⁹. Таким представлялся выход из кризиса в промышленности. Все это напоминает слова литературного персонажа о грядущем построении коммунизма сначала в Москве, а затем по

всей России. На самом деле «ударность, образцовость и показательность» сводились к следующему: для рабочих — иметь возможность получать отличный от других продовольственный паек, как, например, в случае с соледобывающим производством, приравненным Советом Обороны в феврале 1921 г. к «предприятиям ударного значения 1-й категории»³⁸⁰; для советской хозяйственной номенклатуры — иметь простор для маневра, подменявшего ее некомпетентность перераспределением отраслевых средств на отдельные предприятия и создававшего тем самым иллюзию производственного прогресса. В самом деле, чтобы быть образцовым, завод не должен был оставаться в обычных, крайне ненормальных и неблагоприятных условиях; но чтобы быть образцово-показательным, завод не должен был находиться в исключительно благоприятных условиях, так как показательно-агитационный эффект от такого предприятия — как бы оно ни было образцово по своей работе — будет ничтожным (если не со знаком «минус») для других, находящихся в обычных, т. е. крайне тяжелых условиях... не говоря уже о существовавших тарифах, недостатке квалифицированных специалистов и о многом другом. Но такие прописные истины были не в чести у революционных политиков. На отдельные попытки показать несуразность «новых подходов» никто не обращал внимания, даже хуже: Центральная производственная комиссия при Президиуме ВСНХ, например, намеревалась «в возможно ближайшее время» сделать выделенные для «образцовости» группы предприятий не только образцовыми, но и «показательно-агитационными»³⁸¹.

Таким образом, «ударность» и «образцовость» — это всего лишь закамуфлированная форма чрезвычайщины, явление настолько опасное, как и малозаметное, благодаря чему военнокommунистический опыт благополучно пересаживался в провозглашенную новизну нэповского хозяйствования.

Чрезвычайщина, как можно было установить из предшествующего изложения, оценивается нами как функция административно-волевой системы организации хозяйствования. С этой точки зрения любопытно посмотреть на имевшиеся в тот период представления о компенсации рабочим за их труд. Выражение «компенсация» употреблено не случайно, так как слово «оплата» не отвечало бы содержанию происходившего: удовлетворялась только естественная биологическая потребность рабочих в питании, поэтому компенсирование за труд выражалось в большей мере выдачей продуктов.

Кроме забот о пропитании рабочих, продовольственные затруднения использовались и как стимул (т. е. палка) для по-

вышения производительности труда. В сентябре 1919 г. Промвоенсовет образовал специальную комиссию под председательством К. Н. Орлова «по разработке вопроса о введении премиальной системы в виде выдачи премий натурой (продовольственной. — Н. П.) за повышение производительности труда»³⁸². Слово «гуманность» рядом с этим будет кощунственным! Но и это было только началом, позже «перадивных» стали наказывать (официально) лишением продовольственного пайка... за прогулы, например; об этом можно прочесть в приказе Чусо № 936 (от 29.11.20 г.)³⁸³. Слово «Паек» стало магическим, его, как и слово «Центр», писали с заглавной буквы³⁸⁴, а отдел СВП, занимавшихся снабжением заводов рабочей силы (стиль участников событий. — Н. П.), не случайно был назван «отделом труда и продовольствия» — так тесно было сопряжено понятие «рабочая сила» с понятием «продовольствие».

Среди компенсационных разновидностей, чрезвычайщины были и другие, не менее безнравственные. Такова, например, история с выдачей водки рабочим тульских заводов. В первой половине 1919 г. по настоянию комиссара этих заводов К. Н. Орлова и с разрешения Чрезкомснаб водку стали давать всем без исключения рабочим меднолитейного производства: резко увеличившийся расход спирта насторожил химический отдел ВСНХ, об этом поставили в известность А. И. Рыкова (04.08.19 г.); последовал категорический приказ: «Дать распоряжение Орлову... организовать выдачу молока... Все должно быть закончено самое большее в недельный срок»; через месяц из Тулы взмолились об отмене распоряжения А. И. Рыкова, мотивируя это «увеличением невыхода рабочих и падением производительности труда», к тому же и молока не хватало — пришлось чередовать то водку, то молоко; А. И. Рыкову не осталось ничего другого, как согласиться³⁸⁵.

Таким же безобразным проявлением административного творчества была региональная дифференциация оплаты труда: в Москве и Петербурге, например, под аккомпанемент указания Политбюро ЦК РКП(б) «запретить публично поднимать этот вопрос» (прот. от 23.01.20 г.) к маю 1921 г. разница в тарифной оплате в сравнении с другими регионами доходила до 300%³⁸⁶.

Система ЧУСО настолько уверовала в свою неотделимую причастность к делу снабжения рабочих, что на Всероссийском совещании сочли даже возможным принять резолюцию о необходимости договориться с ВСНХ и «высшими органами республики» о передаче «дела распределения предметов для ра-

бочих из ВЦСПС в органы ЧУСО при участии в этом профсоюзов»³⁸⁷.

Перечень признаков отрицательного влияния чрезвычайщины в экономике можно продолжать долго. Проследим, каков практический результат военно-коммунистических методов хозяйствования в промышленности и каким было отношение рабочих к этим методам.

Об общем упадке промышленного производства мы говорили выше, в данном случае обратимся к состоянию складского дела, стоявшему между производством и потреблением, и на его примере ответим на первый из поставленных вопросов. Документы о складском хранении — хороший материал для анализа хозяйственной ситуации, тем более, что «склад» и то, что там происходило, стали важнейшими атрибутами советской власти (с последующим продолжением далеко за годы военного коммунизма). Выше мы также довольно подробно говорили о центростремительных аспектах хозяйственной политики советского правительства. Поистине сомнамбулическое стаскивание все и вся в центр России в конечном счете должно было дать взрывной результат. И обязательно со знаком «минус»! Складирование и хранение свозимого со всех сторон убеждает нас в этом безапелляционно.

Среди разумных представителей большевистской власти уже осенью 1918 г. стали появляться серьезные опасения за последствия столь несуразных действий. Таковы, например, результаты обследования одного из крупнейших перевалочных мест «пересаживаемой» петроградской промышленности (район станции Куженкино), произведенного в октябре 1918 г. особой комиссией СНК: хаос, отсутствие учета, полное безразличие к привозимому и увозимому и т. д.³⁸⁸ Весной 1919 г. к хаотическому нагромождению хранимого в складах добавилось решение о передаче в распоряжение губернских воензагов собранного там сырья³⁸⁹, а в сентябре к руководству складским делом допущены транспортно-материальные отделы совнархозов: из ЧУСО разошлась телеграмма, дававшая им право обследования складских помещений по всей территории РСФСР³⁹⁰. К этому времени произошло и относительное упорядочение организационного строительства складского хранения: на территории республики выделен 21 пункт важнейшего сосредоточения имущества, которым должны были снабжаться формировавшиеся воинские части³⁹¹. О степени концентрации там этого имущества свидетельствует, например, тот факт, что в десяти из этих пунктов к январю 1920 г. хранилось 7 950 тыс. пудов взрывчатых веществ (при общей емко-

сти каждого из них не менее 100 тыс. пудов)³⁹². Но и этого оказалось мало. В марте 1920 г. (прик. Чусо № 396 от 22.03.20 г.) объявлено о необходимости создания еще 36 Главных и стольких же окружных инженерных складов³⁹³.

С ростом числа мест хранения свозимого имущества, росли и сопутствующие негативные явления, среди которых одно из самых отвратительных (как по существу, так и по социальным последствиям) — воровство. В одном из писем Продрасмет в ЧУСО в довольно сдержанных выражениях указывалось, что «непалаженность складского дела, отсутствие учета и надлежащего контроля облегчают для спекулятивного рынка пользование товарами, хранящимися на государственных складах»³⁹⁴. Это апрель 1920 г. А в июле член Коллегии Трамот ВСНХ А. Д. Щербаков, ведавший складским делом, после ознакомления с положением на московских складах говорил Н. Б. Эйсмунту о «критическом положении» там: «...имущество портится и находится под постоянной опасностью быть уничтоженным огнем... Еще более страшным является систематическое хищение имущества со складов... оптом и в розницу»³⁹⁵. Чтобы представить московскую воровскую вакханалию, скажем, что только у Продрасмет в декабре 1920 г. в столице имелось около 600 складов, каждый из которых, по словам члена комиссии по их обследованию Н. Сайлова, представлял из себя «универсальный магазин»³⁹⁶. Но если московские склады были в ужасном состоянии, то о благополучии на периферии и речи быть не могло: кожевенное сырье на складах Уральска пропадало из-за невысылки «Центром» нафталина, скипидара и табачной пыли³⁹⁷; в Омске, из-за ужасного состояния складов, по мнению окружного военкома Западно-Сибирского военного округа Хомутова, возможны были взрывы, в результате которых мог «пострадать весь Омск»³⁹⁸...

1920 г. стал временем череды пожаров и взрывов на складах республики. В мае на Военном поле в Москве (Ходынка) взорвались самые крупные в республике артиллерийские склады. Знакомясь с архивными документами, относящимися к этой катастрофе, неизбежно приходишь к выводу о закономерности случившегося. Репрессивные меры, следовавшие вслед за взрывом (в том числе и отстранение от должности начальника ГАУ А. В. Зотова), — лишь ширма настоящего положения дел; тащившееся в Москву с начала 1918 г. сваливалось без всякого порядка, склады были заполнены до недопустимых пределов³⁹⁹.

Что до периферии, то там... В июне 1920 г. в результате взрыва в Харькове погибло «почти полностью» артиллерий-

ское имущество 12-й армии Юго-Западного фронта⁴⁰⁰. В этом же месяце сгорел Козловский завод, снабжавший консервными балками Уральский, Оренбургский и Самарский консервные заводы⁴⁰¹. Жуткую весть сообщили П. Б. Эйсмону 07.08.20 г. с Западного фронта: в ночь с 6 на 7 августа начался пожар на Вяземских базисных складах (снабжавших весь Западный фронт), «уничтоживший большую часть хранившегося там имущества»⁴⁰². И это в разгар наступления фронта на Варшаву!.. Пожары и взрывы в 1920 г., по заявлению Главначсбыа Л. З. Аккермана на Всероссийском совещании ЧУСО в ноябре 1920 г., уничтожили остатки имевшихся в республике запасов военного имущества, и органы армейского снабжения оказались неготовыми к очередной зимней кампании⁴⁰³. А председатель Центральной комиссии по контролю за военным производством Сидельников так охарактеризовал положение в конце 1920 г.: «Колоссальное и чрезмерное напряжение всех сил РСФСР по снабжению многомиллионной Красной Армии обесценивается и совершенно обесмысливается благодаря тому обстоятельству, что военное ведомство не может должным образом хранить переданное ему для военных надобностей народное достояние от расхищения, порчи, сырости и пожаров...»⁴⁰⁴. Как этого избежать? Рецепт дается автором известный — создать «чрезвычайный орган по упорядочению складского дела»⁴⁰⁵.

Неблагополучным оказался и 1921 г.: то и дело приходили сообщения о гибели складского имущества, как в мае, например, на Томилловском (Самарская губерния) огнескладе⁴⁰⁶.

Нельзя сказать, что столь бедственные явления оставляли советское правительство безучастным. В июле 1919 г. Совет Обороны учредил при ЦУС комиссию, ведавшую вопросами противопожарной охраны; А. И. Рыков, как только стал Чусо, потребовал от всех ведомств (прик. Чусо № 38 от 12.08.19 г.) согласования своих действий с названной комиссией⁴⁰⁷. Майский 1920 г. взрыв на Ходынке подтолкнул к более решительным действиям: 15.05.20 г. на месте этой комиссии возник аппарат Чрезвычайного комиссара складов огнеприпасов и взрывчатых веществ (Чрезкомвзрыв) в составе представителей ГАУ, ГВИУ, Главмортех, химического и пожарно-страхового отделов ВСНХ, Наркомпуть, ВЧК и РКИ; все они входили в так называемое «Особое совещание»⁴⁰⁸. Председателем комиссии назначили И. Е. Коросташевского — начальника ГВИУ⁴⁰⁹. (В начале 1921 г. в кругах военного руководства обсуждалась перспектива создания из Чрезкомвзрыв Главной государственной инспекции по безопасности, но не при ВСНХ, а при РВСР⁴¹⁰.

В сентябре 1921 г. Совет Обороны (прот. № 251 от 21.09.21 г.) ликвидировал межведомственную сколку, упразднив Чрезком-взрыв и передав ее функции «соответствующим органам по принадлежности»⁴¹¹.

Все это, как видим, административные меры, принимавшиеся советским правительством с целью урегулирования складского хранения. Они имели более чем умеренный характер. Другое дело — репрессии. Патологическая атмосфера страха, витавшая над всем, что связано с временем военного коммунизма, и здесь диктовала свои манеры поведения. Как писал Сидельников, взрывы и пожары на складах республики к лету 1920 г. «поставили Красную Армию под угрозу катастрофы, вынудили советскую власть применить расстрелы ко многим лицам из военно-складской администрации и вообще довести ответственность персонала складов до последней степени»⁴¹². Что касается последнего, то это административно-полицейский перебор — склады и позже взрывались и горели с не меньшей интенсивностью. А вот репрессии... — этим пользовались широко: в августе 1920 г. заместитель председателя ВЧК поделился с ЧУСО «конфиденциальной» информацией о якобы существовавших контрреволюционных группах, ставивших своей целью планомерные взрывы и поджоги складов. «Органам на местах, — сообщалось в документе, — удалось уловить участников поджогов, но уловить всю организацию пока не представляется возможным по причине большой замкнутости к-р группы и высокому качественному подбору их членов»⁴¹³. По степени изобретательности эти рассуждения сравнимы разве что с творчеством средней руки детского писателя. Но таков был «дух времени»: о бесхозяйственности, всеобщем безразличии, происходивших от полной непричастности (а следовательно, и неумения цепить) к свезенному, «централизованному», обезличенному, среди «новых красных хозяев» речей не велось.

Состояние складского хранения военно-коммунистической России — один из результатов всеобщей постреволюционной чрезвычайщины, многогранной и многоликой. Для большей убедительности суждений коснемся еще одной ее грани — скрытых мотивов падения производительности труда и развала производства.

А. Вольпе, анализировавший июльский 1920 г. доклад ЧУСО в ЦК РКП(б) и, в частности, приводившиеся там данные по промышленному производству, расточая похвалы организационным способностям советской власти, вынужден был, однако, заключить: «Не есть силы, выше человеческих... в на-

чале 1920 г. производство стало падать»⁴¹⁴. Но даже то, что удалось показать в нашем исследовании, представляется достаточным, чтоб убедиться в справедливости более радикального утверждения: промышленное производство России снижалось с 1917 г., и снижение это с течением времени все ускорялось. Доля вины за это лежит и на рабочих, идеализированных советской историографией до пределов, за которыми отсутствовала возможная объективная их оценка. Падло ли комментировать, скажем, создание в мае 1920 г. «особых комиссий по борьбе с дезертирством на заводах» и распоряжение СВИ (прот. № 65 от 29.05.20 г.) заводоуправлениям «оказывать всякое содействие работе комиссий по борьбе с трудовым дезертирством»⁴¹⁵? В сентябре 1920 г., когда положение в промышленности стало совершенно невыносимым, снабженческая комиссия Л. Д. Троцкого потребовала от Оргбюро ЦК РКП(б) дать максимальное число коммунистов «непосредственно для производственных задач, т. е. для работы за станком... чтобы поднять производительность важнейших предприятий»⁴¹⁶. Опять все из арсенала чрезвычайщины. И опять бессмысленно. В ноябре на Всероссийском совещании ЧУСО К. Н. Орлов, поистинночески вспоминая о 1916 г., заключал: «...та производительность, которая была, конечно, пала»⁴¹⁷. В который раз убеждаясь в этом, обратимся к положению дел на Урале. Анализ статистического материала, содержащегося в появившейся в 1988 г. коллективной работе уральских ученых⁴¹⁸, позволяет прийти к довольно нетрадиционным выводам. В 1920 г. объем промышленной продукции Урала составлял 12%, выплавки чугуна — 9, а добычи железной руды — 7% от уровня 1913 г.⁴¹⁹. При этом удельный вес уральского производства в республиканском объеме в целом с 1918 по 1920 г. вырос на треть и составлял: по чугуну — 71,3%, по мартеновской стали — 72,8, по прокату — 71,4%, т. е. примерно две трети черной металлургии к концу 1920 г. были сосредоточены на Урале⁴²⁰, а это означает, что в других регионах черная металлургия по существу прекратила свое существование. В 1921 г. положение ухудшилось и на Урале. Это легко установить из табл. 9.

Как видно из табл. 9, доля уральского производства черной металлургии в 1921 г. снизилась, однако темпы падения производства чугуна на Урале лишь в 2,72 раза отставали от общереспубликанских (стали — в 2,14 раза, проката — в 2,16 раза). Из сказанного можно заключить: меры советского правительства по созданию на Урале новой военно-промышленной базы в 1920 г. дали известный результат, но в 1921 г. темпы падения производства на Урале стали приближаться

Т а б л и ц а 9

Производство черной металлургии в 1913—1921 гг. ⁴²¹

Вид продукции	Год	Производство на Урале, т	Производство по стране, т	% Урала от всего по стране
Чугун	1913	9134	4216	21,7
	1921	68,6	116,4	58,9
Сталь	1913	906,6	4231	21,4
	1921	83,7	182,7	45,8
Прокат	1913	668,5	3506	19,1
	1921	74	179,6	41,2

к общереспубликанским. А это означает, что динамика развала черной металлургии как в целом по республике, так и в регионах была одинаковой и, следовательно, определялась одними и теми же экономическими законами.

Любопытен и другой вывод, возникающий из внимательного прочтения сообщаемого статистического материала, сведенного нами в табл. 10.

Т а б л и ц а 10

Динамика изменения производительности
труда в уральской промышленности⁴²²

Промышленность Урала	Год	Число рабочих, чел.	Объем продукции, %	Снижение произ- водительности труда
Черная металлургия	1913	35026	100	
	1921	13691	7,8	В 5 раз
Каменно- уольная	1913	7900	100	
	1921	15034	82,5	В 2,3 раза
Химическая	1913	1900	100	
	1921	2317	20,5	В 6 раз
Бумажная	1913	1200	100	
	1921	2310	37,3	В 5 раз

Из расчетов, полученных в приведенной выше табл. 10, мы можем сделать вывод, что снижение промышленного производства на Урале происходило в основном не за счет его сокращения (что, бесспорно, имело место), а за счет катастрофического падения производительности труда (в 2—6 раз). Если исходить из того, что производительность труда зависит в основном от трех факторов (научно-технического прогресса, степени успешной организации производства и организации тру-

да — производственных отношений), то мы вынуждены будем признать, что такое падение за столь небольшой промежуток времени могло произойти в решающей мере из-за прогрессировавшего несовершенства организации труда и организации производства, и в первую очередь — из-за непригодности управленческого аппарата, его неспособности исполнять свои функции. Существенный вклад в развал промышленности внесла и чрезвычайщина, выражавшаяся в данном случае в перациональном наращивании числа рабочих на заводах и требованиях выпуска нереальных объемов продукции. И все это под назойливые жалобы на нехватку рабочих рук.

Отвечая на вопрос, почему российская промышленность в период первой мировой войны год от года наращивала темпы производства, содержа 15-миллионную армию, а военнорешимистический режим оказался неспособным дать элементарно необходимое для 5-миллионной армии, мы приходим только к одному выводу: неумение организовать производство, неумение им управлять — главная причина; чрезвычайные меры только на время сглаживали ситуацию, не лечя болезнь, а делая ее хронической.

Военно-решимистическое распределение, при котором волевыми методами перераспределялся общественный продукт в пользу государства (в данном случае — армии), привело к крайне пассивному отношению производителей к результатам своего «огосударствленного» труда, пытавшихся любыми путями работать «на сторону», так как спрос на результаты этого «левого» труда был огромный... опять же по причине изъятия государством минимально необходимого для широких слоев населения (продуктов питания, обуви, одежды и проч.). Отсюда падение производственной дисциплины, замыкание в примитивном «латуральном» хозяйстве и беспредельное воровство. Поэтому падение производительности труда, помимо объективных причин, происходило и в результате, назовем ее так, ползучей забастовки рабочих (размах которой был грандиозным, но мало заметным на первый взгляд). Рабочие балансировали на грани двух властей — белой и красной. Решающим в этой балансировке был продовольственный вопрос и бытовые мелочи (мелочи, с точки зрения провозглашавшихся правящей партией политических задач рабочего класса, но не с позиции его самого). Наглядный пример — положение на Мотовилихинском заводе. Незавакуированный в результате быстрой сдачи Перми, завод с декабря 1918 г. по июль 1919 г. работал на белых. А. М. Стопани в отчете об итогах обследования этого завода тотчас после ухода белых писал: «В своей

основной массе местные рабочие настроены обывательски; отношение их к власти белых было, скорее, пассивным (в начале этой власти, по-видимому, даже доброжелательным), как было оно пассивным при их уходе и при приходе красных»⁴²³.

В общей совокупности поведение рабочих (в его чистом, неполитизированном виде) было консервативным. Подстегиваемое чрезвычайщиной, оно тем более не способствовало росту производительности труда. И тем не менее всплески политического недовольства советским режимом среди рабочих имели место — проблема, в советской историографии неизученная совершенно. Лишь за редким исключением телеграфным стилем изложения сообщений — «были случаи забастовок», «завод забастовал»⁴²⁴, советские историки сторонились анализа этой темы.

Первые крупные открытые проявления недовольства рабочих относятся к весне 1919 г. 03.03.19 г. забастовал Тульский оружейный завод (по другим данным — 07.03.19 г.)⁴²⁵. Забастовка длилась пять дней, ее удалось приостановить, так как 07.03.19 г. в Тулу пришла телеграмма Л. Б. Красина о переводе оружейного и патронного заводов на красноармейский паек; однако рабочим этого показалось мало, к тому же, как сообщал чрезвычайный политический комиссар Тульского оружейного завода, в это время начались «выступления в Петрограде, Брянске, Самаре и многих других городах...»; пришлось прибегнуть к репрессивным мерам. 31.03.19 г. в Туле арестовали 23 человека «видных меньшевиков и эсеров»; этот шаг вызвал еще большее недовольство рабочих, и 03.04.19 г. оружейный и патронный заводы забастовали вновь; но теперь увещевать рабочих не стали; с помощью мер, раскалывающих рабочих, 09.04.19 г. забастовку удалось ликвидировать; в результате было арестовано еще 250 человек; тот же политком с удовлетворением отмечал: «Эта забастовка надолго отбила у многих аппетит к ней... в основном они боятся быть арестованными»⁴²⁶. Чтобы избежать в будущем подобных инцидентов, тульские заводы стали ускоренно снабжать коммунистами; если в апреле на оружейном и патронном заводах их было 460 человек, то к концу августа, судя по справке П. Осипского для В. И. Ленина и ЦК РКП(б), численность этих заводских партийных организаций выросла почти втрое, составив 80% от 1500 членов всей городской партийной организации⁴²⁷. А в январе 1920 г. ЦЕПАЗ даже рекомендовал эти заводы к награждению орденом Красного Знамени, несмотря на то, как писалось в представлении, что там «были и отрицательные явления

в виде забастовок», о чем полагалось, по мнению Правления, довести до сведения наградной комиссии⁴²⁸.

Сообщения о забастовках рабочих весной 1919 г. поступали из многих мест. Малюгин из Харькова «напоминал Рыкову, Ломову, Крестинскому, Красину, Ленину, Главуголь Франкфурту» о том, что «...в Донбассе голод. Рабочие бегут. Лошадидохнут. Предприятия погибают. Добыча останавливается. Угли не будет. Начались забастовки. Предстоят бунты...»⁴²⁹. То же происходило и в подмосковном угольном бассейне. По сообщениям из ЦЕПАЗ, «ввиду забастовок на подмосковных копях положение завода (Тульского патронного. — Н. П.) с твердым топливом критическое: ожидается остановка завода, если не изменится обстановка»⁴³⁰. Чтобы этого не случилось, М. И. Калинин, объезжавший на «Октябрьской революции» подмосковный угольный бассейн, советовал В. И. Ленину и А. И. Рыкову, «дав шахтерам удовлетворение одной части их законных требований... разрешить политкому Портнову... уволить некоторую группу давно намеченных шахтеров, отправив их на фронт... таким путем подействовать отрезвляюще на остальных милитаризированных шахтеров»⁴³¹. Примерно таким же методом успокаивали рабочих Московского арсенала, в августе 1919 г. попытавшихся открыто выступить против установившихся порядков⁴³².

В июле 1919 г. заволновались рабочие Киевского арсенала. Председатель Украинского отделения Чрезкомснаб М. С. Багдатын предупреждал А. И. Рыкова и Л. Б. Красина: «Арсенал — единственное крупное промышленное предприятие киевского района и осложнения с рабочей массой при теперешних (! — Н. П.) политических условиях нежелательны...»⁴³³. События там развились, вероятно, из-за эвакуации оборудования арсенала, да еще и на антисемитской почве: прося прислать для заводоуправления двух инженеров, М. С. Багдатын оговаривался — «желательно не евреев»⁴³⁴. Сообщение из Киева серьезно встревожило А. И. Рыкова. На другой день в телеграмме председателю украинского СНК Э. И. Квиригу он советовал обратить «особое внимание на безопасность «Арсенала»... в случае нужды прибегнете к закрытию... на две недели и новому набору рабочих»⁴³⁵. В Киев для урегулирования конфликта отправился — в качестве Учусо — помощник Главначснаба Л. Э. Аккерман⁴³⁶, а позже А. И. Рыков дал указание реэвакуировать «полностью оборудование киевского «Арсенала»»⁴³⁷.

Подчас для возникновения конфликта с рабочими оказывалось достаточным даже пустякового повода. Так было, напри-

мер, в Петрограде, где после награждения Л. Д. Троцким штаба 7-й армии двойным месячным окладом питерские рабочие потребовали того же и для себя; «сообщая об изложении», из ЧУСО просили Л. Д. Троцкого дать свое заключение, так как «в Питере возможны забастовки»⁴³⁸. (Л. Д. Троцкий, правда, открещивался от содеянного; в ЧУСО он писал: «Совершенно не помню, чтобы служащим штаба (7-й армии. — Н. П.) дважды выдавалось месячное жалованье»⁴³⁹.)

Подводя некоторый итог, мы вправе заключить: 1919 г., особенно его первая половина, стал в известной мере переломным в настроениях рабочих, в их отношении к политической власти. На это большевистское руководство отреагировало усилением репрессивных мер, созданием особого рода экономических «чрезвычайных» органов защиты военно-коммунистического режима.

Рабочие страсти не улеглись и в 1920 г. Весной тульские заводы вновь доставили массу хлопот Совету военной промышленности: К. Н. Орлов сообщал о массовых (до 20—30%) невыходах рабочих этих заводов; ЦЕПАЗ поручили (прот. № 57 от 22.04.20 г.) «срочно принять соответствующие меры... на основании всех постановлений, изданных СНК-ом и НКТруд о пролетарской дисциплине»⁴⁴⁰. Однако уже на очередном заседании СВП (прот. № 58 от 28.04.20 г.) слушали доклад К. Н. Орлова «О забастовках на тульских заводах»; принятые решения отличались агрессивностью: за дни простоя рабочим не платить и не выдавать продукты; разобраться, почему падает дисциплина труда; «назначить расследование деятельности администрации завода»⁴⁴¹. Чем кончилось это «расследование», неизвестно, похоже, конфликт ликвидировать не удалось, так как 26.05.20 г. СВП (прот. № 64) предложил тульской губкомдезертир «принять все меры для борьбы с трудовым дезертирством на тульских оружейном и патронном заводах»⁴⁴². Но забастовки рабочих продолжались там и в июне, после чего П. А. Богданов запросил у военведа до 1 500 солдат, чтобы, наконец, довести производительность тульских заводов до установленной нормы⁴⁴³.

Особенностью 1920 г. было активное подключение к забастовочной волне рабочих легкой промышленности. Председатель Коллегии Главдежды П. В. Аникеев, в сентябре 1920 г. называя причины снижения производства военного обмундирования «за последние два месяца», как на одну из главных указал на «остановку нескольких крупных фабрик из-за отпусков и забастовок рабочих»; по этой причине Казань, например, снизила производство шинелей со 150 до 75 тыс. штук⁴⁴⁴.

В ноябре 1920 г. «заволновались» рабочие московских вязально-трикотажных фабрик (это примерно 3 400 человек); «в целях смягчения создавшегося положения, чреватого недопустимыми последствиями», правление этих фабрик просило Наркомпрод исполнить данные ранее обещания об улучшении продовольственного снабжения⁴⁴⁵.

Недостаток элементарно необходимого — продовольствия, одежды, обуви — делал рабочих противниками любой власти, в том числе и советской. Рабочим Симбирского патронного завода, бастовавшим в октябре 1920 г.⁴⁴⁶, было безразлично, по чьей вине их семьи и они сами остаются полуголодными.

Подводя итог сказанному, мы вправе сделать вывод: не исключая даже особо опекаемых военных предприятий, вся промышленность советской России в годы военного коммунизма находилась в состоянии перманентной забастовки (прогулы, воровство, спекуляция и т. д.). Иногда эта хроническая забастовка переходила грань допускаявшегося, поднимаясь до открытых массовых проявлений недовольства, которых, оказывается, было немало. К. Н. Орлов, выступая на Всероссийском совещании ЧУСО в ноябре 1920 г. с докладом о работе военной промышленности, хорошо зная, о чем говорит, заявил: «На многих заводах были забастовки»⁴⁴⁷.

Как можно было убедиться из сказанного выше, советское правительство усердно старалось удержать рабочих в качестве своей социальной опоры, ставя их в привилегированное положение (материальное, моральное и проч.). Среди набора признаков достижения этой политической цели были и совершенно безнравственные. Так, полуголодных рабочих заставляли отнимать хлеб у крестьян. Делалось это открыто, через правительственные постановления. В «Письме к петроградским рабочим» В. И. Ленин призывал: «Советую двинуть этих рабочих поголовно на Украину, на Дон, на Восток... Глупо голодать, погибать в Питере, когда можно отвоевать хлеб и уголь»⁴⁴⁸. В августе 1920 г. Совет Обороны и Президиум ВСНХ образовали специальную комиссию по использованию рабочих «неработающих фабрично-заводских предприятий для организации продотрядов»⁴⁴⁹. «Неработающих» предприятий было немало, только в Москве к лету 1920 г. их насчитывалось свыше 400⁴⁵⁰. (А всего за время с 1918 по 1920 г. число московских рабочих, оказавшихся в продотрядах, как подсчитали авторы юбилейного сборника, составило 22 тыс. человек⁴⁵¹. Неудивительно поэтому, что, как отмечал Ю. П. Бокарев, «на участников продотрядов крестьянин стал смотреть как на врагов, стремящихся воспользоваться результатами чужого труда»⁴⁵².

Завершая анализы чрезвычайщины в управлении и организации промышленности, попытаемся выделить главное, ставшее основной причиной развала производства. Подчас большевистское руководство само прямодушно указывало на эту причину. В январском 1920 г. циркуляре ЦК РКП(б) по поводу разрухи на транспорте читаем: «Тяжкое состояние транспорта объясняется не только изношенностью материальной части или продовольственными и топливными затруднениями, но и пеналаженностью труда железнодорожных работников на местах»⁴⁵³. Последнее надо читать как признание партийной элитой некомпетентности железнодорожных управленцев. Как выйти из положения? По В. И. Ленину — дать на транспорт «временно» три четверти «ответственных работников» из всех ведомственных учреждений⁴⁵⁴; по мнению партийного съезда — отправить на транспорт 10% своего состава⁴⁵⁵... и т. д. Так, время от времени партийные «специалисты» толпой отправлялись поднимать ту или иную отрасль российской экономики, оседая там, обрастая вспомогательными (а как иначе!?) штатами — такими же некомпетентными, но «партийно-отмобилизованными». Поэтому и наказывать их теперь за ошибки было как-то уже и неловко.

К этому шли очень стабильно. В сентябре 1919 г. на Ижевских оружейном и сталелитейном заводах, например, количество занятых в хозяйственной части составило более четверти от общего числа производственных рабочих⁴⁵⁶. В январе 1920 г. доля управленческого персонала на 39 крупнейших артиллерийских заводах составляла 11%⁴⁵⁷. В феврале положение на некоторых из этих заводов было следующим: на Тульском оружейном — 14,1%, на Ижевском оружейном — 9, на Тульском патронном — 6,4, на Симбирском патронном — 21, на Самарском взрывчатых веществ — 14% управленцев⁴⁵⁸. Артиллерийские заводы России в начале 1921 г. в сравнении с дореволюционным периодом давали продукции намного меньше, но доля служащих там порой доходила до 26% от общего числа занятых рабочих, т. е. в 4,5 раза выше дореволюционного соотношения⁴⁵⁹.

Еще более охотней партийные управленцы шли в легкую промышленность. На кожевенных предприятиях Петроградской губернии, например, в июле 1920 г. на четверых занятых там приходился один «организатор производства»⁴⁶⁰. Если считать вульгарно, то военный коммунизм действительно позволил большевикам воплотить свой лозунг о кухарках (а позже позаботиться об их детях). Но для нас важно другое: что принесли

с собой «кухаркины дети», точнее, что они могли принести с собой.

Массовый исход россиян в «управленцы» государством и все, что с ним связано, принес неизбежное при этом (и очень значительное) понижение профессионально-культурного уровня самих «управленцев». Для иллюстрации приведем краткую справку о составе делегатов 3-й Всероссийской конференции артиллерийских заводов (февраль 1921 г.): только 21% нечленов РКП(б); две трети — в возрасте до 40 лет; треть — в прошлом слесари; с высшим образованием — 6%, со средним — треть, остальные — с «низшим»⁴⁶¹ — вполне закономерный результат октябрьского переворота. Одна из комиссий (№ 115) Высшей военной инспекции, обследовавшая в августе 1919 г. Центральное Управление военных сообщений (ЦУПВОС), в докладе о качестве руководящих специалистов там, довольно сдержанно сообщала: «Были случаи назначения на должности ... людей несоответствующих», и как пример приводился Восточный фронт, где по распоряжению начальника военных сообщений Жигмунда «специалисты были смещены... на нижние должности только потому, что они не принадлежали к партии коммунистов»⁴⁶². Какой же примитивной должна была быть промышленность и инфраструктура, чтобы ими можно было управлять в таком составе! Как после такого не расти партии РКП(б), когда отовсюду шли настоятельные требования «ответственных сотрудников (читай — коммунистов. — Н. П.) на постоянную работу» (требовавший этого из Новоиколаевска М. Д. Шенин, например, заботился о кооперации Сибири)⁴⁶³.

Любая партия, оказавшись у власти, заботится о квалифицированной поддержке своих политических доктрин. Общественный переворот, совершенный РСДРП, был так обширен, сфера защиты необходимых интересов партии так велика, а отказ российской интеллигенции сотрудничать с установившимся политическим режимом столь категоричен, что коммунисты оказались в неимоверно затруднительном положении и были вынуждены искать и наспех готовить свои кадры, в том числе и военно-хозяйственные, далеко не из лучшего «подручного» материала. В главе третьей мы попытаемся составить представление об огромных масштабах поглощения Красной Армией национального достояния России. Одной из главных среди причин такого положения (и на этом сходились многие из современников событий) было отсутствие специалистов-снабженцев, а отсюда — с трудом ограничиваемые запросы военного командования. Об этом, кстати, достаточно убедительно го-

вошло в доклад управляющего делами ЦОВЗ о состоянии снабжения Южного фронта осенью 1919 г.⁴⁶⁴. Но о том же (и тоже о Южном фронте) говорилось почти год назад в сообщениях уполномоченного СНК Ройзенмана, предлагавшего как можно быстрее прибегнуть к услугам старых специалистов⁴⁶⁵. Как видим, с последним не спешили. Чванливое отношение к прошлому мешало переступить грань необходимого. Даже в 1921 г. мы встречаемся с заверениями типа: «Многие старые работники совершенно не были пригодны для современной службы снабжения», — об этом публично заявлено в печати⁴⁶⁶. По тронии судьбы справедливость сказанного оказалась вне сомнений — бесспорно, «бывшие» с трудом могли бы выдержать конкуренцию с невежеством. Поэтому, как признался М. Д. Шейн Главнаснабу в том же 1921 г., «в органах ЧУСО работало очень мало специалистов-снабженцев», в основном это были «производственники»⁴⁶⁷, т. е. люди от станка и от сохи. И как резюме такого положения: очень мягкое и сдержанное заявление начснаба войск Украины и Крыма Фрейганга командующему войсками М. В. Фрунзе (тоже в 1921 г.): «Лица, поставленные во главе... снабженческих аппаратов, не будучи достаточно подготовленными... конечно, не могли выполнить возложенные на них задачи»⁴⁶⁸. Для иллюстрации справедливости этих слов приведем «послужной список» одного из представителей нового поколения армейских снабженцев — Г. И. Дышлогого. Ему 26 лет; до революции — студент первого курса института; с марта по апрель 1918 г. — уездный землемер; с К. Е. Ворошиловым ушел под Царицын; в июне 1918 г. — он уже начальник снабжения 10-й армии; в марте 1919 г. — особоуполномоченный Чрезкомснаб на Украине по инспектированию снабжения Красной Армии; в июне 1919 г. — начснаб 14-й армии⁴⁶⁹. Вот так, в один присест «от солдата до генерала»... Какая там «достаточная подготовленность», когда отовсюду шли требования «прислать специалистов для налаживания военного производства» или организации снабжения воинских частей — просили из Сибири и из Туркестана, из Москвы и из самого отдаленного «медвежьего угла»⁴⁷⁰.

Большевистское руководство отчетливо представляло себе проблему кадров. Но предложить могло только один выход — послать коммунистов (звание, ставшее в годы советской власти универсально-профессиональным). В октябре — декабре 1919 г. Совет Обороны (прот. № 76, 78, 88, 90 от 24.10, 05.11, 11.12 и 24.12.19 г.) допимал А. И. Рыкова требованием «плана мер к улучшению снабжения армии» и предложением В. И. Ленина об «использовании в этом отношении новых членов пар-

тип»⁴⁷¹. Судя по тому, что А. И. Рыков только в декабре 1919 г. выступил в Совете Обороны с искомым докладом, он без особого энтузиазма восприимчивал идею В. И. Ленина и согласился на «привлечение членов партии в органы снабжения» только «через соответствующие школы»⁴⁷². К этому времени подоспело и предложение Л. Д. Троцкого, генирировавшего новые идеи: Главначснаб, «в копии» А. И. Рыков ставились в известность, что «благодаря централизации и постепенной милитаризации в деле снабжения, в Центре достигнуты значительные результаты», теперь «самой неотложной задачей является состояние необходимого кадра снабженцев, которые могли бы с успехом выполнять обязанности начальников хозяйственной части в полках». Л. Д. Троцкий рекомендовал «срочно привлечь на военно-хозяйственные курсы значительное число мобилизованных студентов и вообще лиц, обладающих необходимым общеобразовательным цензом»⁴⁷³.

О школе снабженцев подумывали в ЧУСО и до предложения Л. Д. Троцкого: 11.11.19 г. на одном из крупных совещаний эта проблема обсуждалась довольно оживленно⁴⁷⁴. Вскоре к этому подключился и председатель ЦОВЗ А. Л. Коллегаев, 14.01.20 г. «еще раз» напоминавший «о необходимости экстренных мер по образованию школы снабженцев»⁴⁷⁵. Но Чусо А. И. Рыков уже отдал приказ (№ 288 от 11.01.20 г.) о создании при Московской военно-хозяйственной академии пятимесячных курсов, занятия на которых должны были начаться 20.01.20 г.⁴⁷⁶ Для обучения предполагалось набрать 500 «партийных работников»; но к концу мая удалось собрать только 120 человек и, как сообщал Главначснаб, «приток остановился»; Л. З. Аккерман спрашивал А. И. Рыкова, нельзя ли зачислять на курсы непартийных работников, «но по роду своей деятельности стоящих на вполне лояльной Советской власти платформе»⁴⁷⁷. Ответ А. И. Рыкова, судя по некоторым признакам, был отрицательным.

Как выяснилось позже, пять месяцев оказались сроком недостаточным для получения курсантами необходимых «практических навыков» и начальник академии просил А. И. Рыкова добавить еще месяц, что и было сделано приказом Чусо (№ 756 от 27.08.20 г.)⁴⁷⁸.

Параллельно с этим при военно-хозяйственной академии были открыты двухмесячные курсы (прик. Чусо № 289 от 14.01.20 г.) на 100 слушателей «с целью подготовки военно-хозяйственных приемщиков для укомплектования окружных приемных комиссий»; программа обучения рассчитывалась на

348 ч. (180 ч. лекций и 168 ч. практических занятий) с изучением в основном товароведения и технологии производства⁴⁷⁹. Позже решили, что двух месяцев мало, и в апреле были открыты уже трехмесячные курсы (прик. Чусо № 464 от 26.04.20 г.) тоже на 100 человек слушателей⁴⁸⁰. Еще 100 человек прошли трехмесячную подготовку приемщиков для Главохозупр, начиная с 15.08.20 г.⁴⁸¹. Готовили и других «специалистов-снабженцев». При той же военно-хозяйственной академии в июне 1920 г. «по вечерней форме обучения» с 96-часовой программой готовилось до полусотни будущих армейских бухгалтеров⁴⁸².

К концу 1920 г. стали всерьез подумывать и о необходимости профессиональной подготовки (в школах и на курсах) работников учета и распределения для гражданских отраслей экономики. Это вменялось в обязанность образованному в сентябре 1920 г. при ВСНХ Совету снабжения и распределения⁴⁸³. Военно-коммунистический размах волюнтаризма постепенно иссякал, на смену ему шла осознанная, наконец, необходимость профессионального начала в экономике, в хозяйственной жизни.

Приводя примеры подготовки военно-хозяйственных кадров, мы отнюдь не заблуждаемся на счет качества их обучения. Здесь, как и во всех сферах общественно-экономического устройства военно-коммунистической России, господствовали наскок, «ударность», кампанийщина. Объективную оценку уровня подготовки военно-снабженческих кадров давали сами современники из большевистского окружения. В июне 1920 г. в «Бюллетене ЧУСО», например, появилась недурная статья, автору которой принадлежит непривольный пассаж о «новых красных хозяевах», — речь шла о первом выпуске курсантов Военно-Хозяйственной академии, из которых «около 80 красных академиков-хозяйственников направлено на работу по снабжению армии». Степень их профессиональной пригодности, как указывал автор, по отзывам самой академии, была достаточной только «для занятия младших канцелярских должностей»; «с фронтов, куда были посланы академики», поступали допесения, что новые снабженцы «не более приспособлены к работе, чем... прибывающие на фронт без специальной подготовки»; однако, как утверждал автор статьи, «академики... несмотря на слабость своих знаний, почти все поголовно... проявили очень большую настойчивость в выполнении данных им заданий»⁴⁸⁴.

Военно-коммунистическая неизбежность снижения требований к производимому в промышленности не могла быть иск-

любчением. Усреднялось все, в том числе и подготовка специалистов. Когда заместителя управляющего делами ЧУСО В. Г. Кохановича спросили из Рязани об условиях поступления в Военно-Хозяйственную академию, он сообщил, что эта процедура «не требует больших хлопот ... нужно выдержать небольшое испытание ... приблизительно в объеме курса 4 классов гимназии»⁴⁸⁵. Но и уровень учителей тоже был сказочным. Член Совета военной промышленности В. С. Михайлов, прося Наркомвнешторг о закупке за границей книг по военному делу и пытаясь скрыть невежество свое и своих коллег, писал: «Не зная современных названий ... СВП не имеет возможности представить настоящее заявление по форме ... СВП просит предоставить ему... право на тоннаж в 100 пудов»⁴⁸⁶. Это книг-то!

Среди «новых красных хозяев» почиталось особенно престижным иметь о себе мнение, как о «работающем днями и ночами». Но по-другому не могло и быть — на то, что специалистами делалось в считанные минуты, у дилетантов уходили дни и недели. Возможно поэтому так называемая Великая Октябрьская революция (социалистическая) растянулась более чем на 70 лет.

* * *

Завершая вторую часть исследования, подведем краткие итоги. Промышленность России к концу 1920 г. пришла в совершеннейший упадок. Попытки административно-волевыми методами организовать производство дали прямо противоположный результат. Рабочий класс оказался равнодушным к национальной трагедии республики. Произошел крупномасштабный кризис квалификации среднего управленческого звена в промышленности. Экономические законы поставили политическое руководство перед необходимостью отказа от военно-коммунистических методов регулирования общественных отношений и допущения элементов капиталистического пути развития. Россия вступала в НЭП.

**ОБЛИК ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНЫ.
«ПОЛИТИКА ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» И «НОВАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»:
ИЗМЕНЕНИЕ АКЦЕНТОВ В ОПРЕДЕЛЕНИЯХ**

В исторической литературе укрепились довольно устойчивое представление об экономической политике военного коммунизма, как привнесенной якобы извне, ставшей продуктом исключительно внешних условий, неизбежным результатом гражданской войны. «Обстановка интервенции и гражданской войны вынудили Советскую власть осуществить ряд чрезвычайных мер в экономической области, составивших в целом политику «военного коммунизма»¹ — наиболее характерный тезис советских историков, занимавшихся изучением данного периода. Чаще всего к таким выводам приходили из анализа ленинских работ, ссылаясь на его высказывания по тому или иному конкретному поводу². При этом использовался синтаксический прием, разделявший понятие на две части: «политика», как субъект государственной деятельности, допускалась в качестве приемлемой части определения; вторая, определяющая часть — «военного коммунизма», употреблялась в условном, несобственном смысле. Тем самым концентрированно отражалась суть тезиса: устранялась возможность критики этой политики (как мер государственной власти) обусловленностью ее обстоятельствами, не зависящими от самой этой власти. Такой прием удачно сковывал инициативу попыток проникновения в существо самого понятия «политика», направляя ее на анализ лишь в связи со второй частью определения — «военного коммунизма». Этим же определялись и утилитарные рамки анализа, т. е. своеобразной задачностью выводов. Так замыкался круг, выход из которого был крайне сложен. Осторожные попытки нарушить традицию мы наблюдаем, например, у Ю. И. Кораблева, когда он писал: «Осуществлению ленинской программы единого военного лагеря в огромной степени способствовала политика военного коммунизма, которая характеризуется прежде всего как политика чрезвычайных мер в области экономики, вызванная «войной и разорением»³. Окончание фразы Ю. И. Кораблев оставляет за В. И. Лениным⁴, не беря на себя ответственность заявить, чем же, по его мнению, была вызвана политика военного коммунизма.

В настоящей главе мы попытаемся изложить взгляд на «политику военного коммунизма» в несколько отличном от суще-

ствующих представлений. Последнее потребовало определиться и с отношением к понятию «новая экономическая политика», которое, думается, также требует определенной коррекции. Утверждение специалистов, занимавшихся изучением НЭП, о том, что в этой политике мало что нового по сравнению с весной 1918 г., когда намечавшиеся меры в экономической области были прерваны интервенцией и гражданской войной и на смену им пришла политика военного коммунизма, от которой стало возможным отказаться только в 1921 г., представляется спорным, как спорной в целом кажется оценка НЭП по существу и особенно в мотивационной части перехода к ней. Неадекватное существованию определение «политика военного коммунизма» повлекло за собой столь же неадекватное определение «новая экономическая политика».

Вызывает обоснованное, на наш взгляд, сомнение и утверждение о значении X съезда РКП(б) как отправного пункта отсчета в переходе к НЭП. Это заблуждение вызвано обилием историко-партийных исследований, неоправданно оттеснивших решения VIII съезда Советов о предоставлении экономической самостоятельности местным органам власти, продиктованные инициативой снизу, принятие которых в деле демократизации экономической жизни представляется куда более существенным стратегическим шагом, нежели замена продовольственной разверстки продовольственным налогом, предпринятая по решению X съезда РКП(б) и свидетельствующая скорее о повороте тактическом, чем о принципиальном пересмотре сложившихся представлений об основах управления и ведения хозяйственной жизни⁵. Решения X съезда РКП(б) по экономическим вопросам — это скорее удачный политический маневр в условиях стихийно начавшегося перехода к НЭП, позволивший выиграть время и сохранить существовавшие политические структуры, в результате чего в будущем оформился парадоксальный конгломерат обновленного экономического базиса и нетронутой (а со временем — усилившейся) политической надстройки. Поэтому представляется оправданным обратиться к анализу событий в хозяйственно-экономической жизни республики конца 1920 г., под знаком которых проходил в декабре VIII съезд Советов, и акцентировав внимание на его решениях, определиться с хронологией начала перехода к НЭП.

Нет единого мнения и о конечных границах НЭП. Обилие привходящих обстоятельств, наплававшихся с течением времени на первоначально взятые исходные положения, крайне затрудняет однозначный вывод. Одно можно сказать с уверенностью: НЭП в историческом обобщении (но не в объективно-практическом, как она начиналась) предполагала определен-

ный конечный рубеж, т. е. была, по мнению В. И. Ленина, всего лишь политика стратегического отступления пролетарского государства, хотя «всерьез и надолго», по тем не менее не более чем на 10—20 лет. Такая заданность границ, с одной стороны, свидетельствует об оправданности замечания о прикладном значении, придававшемуся НЭП как политическому маневру, с другой, дает право предполагать допущение тогдашним политическим руководством возможности возобновления в будущем унифицированной политики военного коммунизма. Такой вывод правомерен, как представляется, еще и потому, что советская историческая наука, затрудняясь определить конечные границы НЭП, оказалась совершенно в тупике при попытках дать квалифицированное определение экономического состояния страны в так называемый посленэповский период. Противоречивость суждений о «полной и окончательной победе социализма» осознавалась многими, но логика была бессильной в борьбе с идеологией. Поэтому все стремления политэкономии внести ясность оказывались тщетными и больше походили на игру без правил, сформулированных в 1921 г. и пригодных на срок в 10—20 лет.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что дефиниции, о которых речь шла выше, обусловлены исторически, социально и, особенно, политически. Исторически — потому как все наши представления о периоде военного коммунизма сведены до крайне упрощенной схемы: героика Красной Армии — не менее героический тыл — разумное политическое руководство. Если граничные составные этой схемы достаточно разработаны исторической наукой (пусть даже односторонние), то о среднем звене мы знаем поразительно мало. Разумеется, из такого исходного материала не могли возникнуть объективные научные оценки происшедшего. Социальная обусловленность стоит за людьми, взявшимися за строительство эфемерного будущего и с самого начала оказавшимися в плену обстановки гражданской войны. Сравнительно узкие интеллектуальные возможности не позволяли им заглянуть за пределы этой войны, поэтому сиюминутный опыт они расценивали как опыт на перспективу, как основополагающий вариант общественно-экономической модели в будущем. Политизация подходов выражается в искусственном принуждении вести анализ вслед за решением X съезда РКП(б) (чаще обращая взоры вперед, чем учитывая прошлое), выявлять полезное и рациональное в НЭП. Редкие попытки нарушить традицию и заняться поисками иррационального считались неуместными и строго «наказывались», как случилось, например, с выступлением Е. А. Амбарцумова⁶.

Указанные методологические посылки являются во всем последующем рассуждении отправными. Хронологически оно распадается на две части: события, связанные с анализом политики военного коммунизма (1918—1920 гг.), — глава третья; события, преимущественно с конца 1920 и до осени 1921 г., — глава четвертая.

Понимая бесперспективность попытки дать хотя бы ретроспективный абрис всей экономической политики первых лет советской власти (до 1921 г.) в плане оценок «политики военного коммунизма», мы остановимся только на отдельных ее составляющих, позволяющих, будем надеяться, подойти в известной мере к обобщающим выводам, а именно: роли частного рынка в материальном обеспечении Красной Армии; военно-кредитно-финансовой практике советского правительства; внешнеэкономической практике. Но даже такое сужение предмета, допустимое, как представляется, для достижения поставленной цели в рамках небольшого исследования, будет недостаточным. В связи с этим необходимо пойти по пути дальнейшего ограничения: анализ вести на примере деятельности полувоенного, полугражданского «чрезвычайного» центрального республиканского органа — ЧУСО.

Система ЧУСО — это система управления хозяйственной жизнью в период военного коммунизма. Роль «чрезвычайных» органов А. И. Рыкова в сфере экономики сравнима разве что с ролью «чрезвычайных» органов Ф. Э. Дзержинского в сфере юриспруденции. Мы весьма много знаем о «чрезвычайных комиссиях» Ф. Э. Дзержинского, но мы почти ничего не знаем о не менее «чрезвычайных комиссиях» А. И. Рыкова. В первом случае «чрезвычайная» практика имело дело с человеческими жизнями и человеческим достоинством, унижение которого вызывало моментальную реакцию общественной мысли. И тем не менее это была всего лишь поверхность революции, хотя и жуткая для человеческого сознания. Ее глубинные течения, предопределившие собою наше сегодняшнее экономическое состояние, формировались под влиянием «чрезвычайных» комиссий А. И. Рыкова, имевших дело с экономикой. Здесь не было ужасов человеческих судеб, столь непосредственно затрагивавших каждого в данный конкретный момент, но здесь был ужас, лежавший за пределами осуществлявшегося опыта — подспудное и с перспективой разрушение экономических условий существования общества. Разумеется, он протяжен по времени и ощутить его стало возможно лишь на определенной стадии экономического хаоса, к которому мы подошли в последнее время. С полным основанием можно утверждать, что практика ЧУСО — это «чрезвычайная и полномочная» экономическая диктатура.

ра во всех сферах хозяйственной жизни республики в период так называемого военного коммунизма. Организационное слияние деятельности ВСНХ с военно-хозяйственными органами было не чем иным, как высшим проявлением милитаризации экономики, основной отличительной чертой политики военного коммунизма.

Сказанное выше, на наш взгляд, убеждает в достаточности причин, чтобы поставить под сомнение обоснованность существующих ныне выводов по части анализа политики военного коммунизма, изучение которой обходилось без рассмотрения истории ЧУСО — ее важнейшего административно-экономического управленческого звена. Попытаемся доказать это фрагментарным историко-экономическим анализом.

§ 1. Частный рынок и проблемы материального обеспечения Красной Армии

Разговор о рыночных отношениях в годы военного коммунизма, с его почти исключительными ограничениями частной коммерческой практики может показаться страшным, тем более в связи с такой областью государственной хозяйственной деятельности, как снабжение армии. Принято считать, и это неоднократно утверждалось историками, что частная торговля в годы гражданской войны отсутствовала, не говоря уж о влиянии ее на снабжение армии. В основе такого вывода лежат, на наш взгляд, три категории причинности: попытки государственной власти той поры административно запретить всякую частную торговлю, в результате чего само понятие «торговать» трансформировалось в понятие «спекулировать»; субъективизм исследователей, вынужденных в силу ряда причин пойти по пути недопущения даже косвенного осуждения политики военного коммунизма — за пределы ее так называемой «вынужденности» и «временности» мало кто шел; одномерный подход к изучению частного рынка как общественно-экономического явления, когда в поле зрения историков оказывалась государственно-законодательная юрисдикция по данному вопросу, а реальная действительность с ее огромным мелкоторговым спросом и предложением оставалась за пределами внимания.

Тема эта, по причине деструктивного подхода к ней в прошлом, требует обширного рассмотрения, и исчерпывающие ответы будут даны, вероятно, не сегодня. Важно не увлечься перспективой, не делать размашистых обобщений, отказываться от которых, как учит опыт, крайне сложно. Наиболее приемлемый путь, как представляется, — неполитизированное, некогъ-

юнктурное, логическое сопоставление максимально возможного числа документов, строго идентифицированных в пределах, несущих информацию.

Несоответствие политических установок военного коммунизма объективным экономическим законам разяще контрастно. Чтобы убедиться в этом, достаточно лишь непредвзято подойти к оценкам нормативно - правовых документов в процессе их «работы» в атмосфере действовавших хозяйственных отношений в годы гражданской войны. Административное запрещение, скажем, частной торговли отнюдь не означало ее ликвидации на практике. Более того: ряд постановлений правительства и особенно действия низовых государственных структур в направлении реализации этих постановлений создавали определенные благоприятные условия стихийного отрицания волевых законов, в общей совокупности приведшие в конечном счете к отказу от так называемой «политики военного коммунизма» и переходу к новой экономической политике.

Это можно проиллюстрировать на примере взаимоотношений частного рынка и дела снабжения армии. В. В. Кабанов утверждает, что в годы военного коммунизма «через черный рынок шло не менее 50% продуктов»⁷. Речь идет о продуктах питания. Мы обратимся к предметам промышленного производства. Трудно сказать (даже приблизительно), какой процент этих товаров шел на «черный рынок», но то, что тенденция развития этого рынка, также «напрасливавшегося на легализацию» (В. В. Кабанов), существовала, набирала силу и к началу 1921 г. стала уже неуправляемой, не вызывает сомнения. Попытаемся это доказать.

То, что армия и частный рынок взаимно дополняли и подпитывали друг друга, у нас не вызывает никаких сомнений, но будучи ограничены объемом, мы рассмотрим только одну из сторон проблемы, а именно: как влиял частный рынок на снабжение армии и могла ли последняя обойтись без него.

Юридическое запрещение частной торговли происходило очень быстро. Делалось это под предлогом перехода ко всеобщей потребительской кооперации как программному положению о социализации хозяйственной деятельности. Вспомним хотя бы пятипроцентный налог с продаж, призванный подтолкнуть нечленов к вступлению в кооперативные объединения. Введенный в апреле 1918 г. и отмененный за ненадобностью в марте 1919 г.⁸, этот налог как бы подводил черту, хронологически за которой частной торговли уже якобы не существовало. Даже этот пример показывает, что мы имеем дело с попытками жесткой централизации и переводом экономики под контроль государства, в том числе и такой ее сферы, как

частная торговля. В первую очередь это коснулось товарообмена продуктами питания и предметами первой необходимости, почти полностью запрещенного декретом ВЦИК в мае 1918 г.⁹ В таком же объеме закреплена была и ликвидация частной торговли товарами промышленного производства: сначала в ноябре 1918 г. декретом СНК «Об организации снабжения»¹⁰, а затем в январе 1919 г. декретом СНК «О расчетных операциях». Мы говорим о «почти полном» по той причине, что в двух из названных документов имелись примечания (в первом — к п. 4, в третьем — к п. 3), допускавшие сбыт товаров частными лицами. Эти-то примечания и явились в будущем предметом оживленных дискуссий между сторонниками и противниками полного запрещения частной торговли, а на практике — единственным выходом ее юридической легализации.

Оставив в стороне торговлю продуктами питания, обратимся к судьбе декрета «О расчетных операциях». Такое сужение предмета исследования связано с существовавшим механизмом снабжения армии, составлявшим до середины 1919 г. одно целое, когда продовольственное, интендантское обеспечение и поставки вооружения осуществлялись хотя и двумя вертикальными государственными структурами (Чрезкомснаб — органом СНК, тесно связанным с ВСНХ, и ЦУС — подведомственным Наркомвоен), но в единой горизонтальной хозяйственной плоскости. В июле 1919 г. произошла крупная реорганизация этого механизма; декретом ВЦИК от 09.07.19 г. образована система ЧУСО с диктаторскими полномочиями по самому широкому кругу вопросов, связанных с обеспечением армии всеми видами довольствия, за исключением продуктов питания. Последнее отошло к компетенции Наркомпрод, получившего не менее «чрезвычайные» и не менее диктаторские права, но только в сфере заготовки и распределения продовольствия. Поэтому, чтобы избежать навязчивых в подобных случаях параллелей и повторов, анализ эволюции частного рынка в годы гражданской войны поведем исключительно по линии ЧУСО.

Первое, что вменялось в задачу ЧУСО, — необходимость преодолеть хаос в организации военного производства и снабжения армии, попытаться преодолеть анархизм воинских частей, ввести в предельно допустимые рамки развившийся процесс их самоснабжения. С этой целью Чусо А. И. Рыков по кругу своих прав был поставлен если не над военным ведомством, то во всяком случае наравне с ним.

Альтернативного выбора у ЧУСО не существовало. Достичь цели можно было только исключительно жестким подчи-

нением хозяйственной жизни интересам армии. Наиболее приемлемым и эффективным, казалось, средством стало введение всеобъемлющей конфискационной политики. В связи с этим и появился печально известный приказ Чусо № 93 (от 22.09.19 г.), окончательно отменявший существовавшие в какой-то мере торгово-закупочные принципы организации снабжения армии (в частности — постановление Совета Обороны от 24.05.19 г. в отношении интендантского имущества). «Все предметы интендантского снабжения, — читаем в приказе, — оказавшиеся на рынке вольной продажи, на складах каких-либо частных предприятий, на складах транспортных, пароходных, и железнодорожных, местных продорганов и кооперации, арестовываются...». Объявлен был и список групп товаров (их примерно 25), подлежащих административному изъятию¹¹. Позже номенклатуру товаров, подпадавших под приказ Чусо, детализировали — в общей сложности она включала около 3 тыс. наименований¹². Истинный смысл приказа очевиден — ввести в организованное русло отбирание воинскими частями товаров у населения и хозяйственных организаций. Месяцем раньше, например, А. И. Рыков грозил военно-заготовительным органам «строгими мерами военного времени», если они не прекратят хаотических реквизиций¹³. Чтобы избежать затяжек в исполнении приказа Чусо № 93, в ноябре 1919 г. Совет Обороны принял постановление, где разъяснялось: «В случае возникновения каких-либо недоразумений по вопросу о номенклатуре товаров, подлежащих изъятию для нужд Красной Армии, спорные вопросы разрешаются безапелляционно Чусо т. Рыковым»¹⁴.

Первоначально приказ Чусо № 93 вводился сроком на три месяца, затем продлен до марта 1920 г., затем еще и еще, вплоть до 1921 г.^{14а} Уточнялась (одновременно, расширяясь), и номенклатура товаров, подпадавших под изъятие. Так, на совещании в ЧУСО 06.12.19 г. после доклада Учусо Турк И. Е. Любимова постановили: «Поручить ЦУС... подготовить... измененный приказ № 93»¹⁵. Речь шла о необходимости расширения номенклатуры товаров, объявленных для конфискации, и упрощения процедуры их изъятия. Позже разрешительный порядок дополнительных реквизиций был упрощен и ограничивался изданием очередного приказа Чусо («в развитие приказа № 93» — их довольно много (№ 175 от 01.11.19 г., № 229 от 11.12.19 г., № 237 от 13.12.19 г., № 279 от 09.01.20 г., № 653 от 15.07.20 г., № 716 от 13.08.20 г., № 792 от 18.09.20 г. и др.))¹⁶. Таким образом, проблема снабжения армии тем или иным видом довольствия разрешалась сравнительно просто и достаточно быстро. Чусо издавал очередной приказ: «Ввиду острой необходимости в снабжении войсковых частей... всем граж-

данским учреждениям и частным лицам не позже... сообщить губвоенкоматам о имеющихся у них... Впионные в неисполнении этого будут отданы суду реввоен трибунала»¹⁷, в это клише вписывались необходимые группы товаров и указывались сроки их сдачи. Интендантское производство УЧУСОЗап, например (а это более 200 предприятий Гомельской, Смоленской, Витебской, Могилевской и Минской губерний), до мая 1921 г., как утверждал УчусоЗап Р. Я. Крумович, снабжалось «почти исключительно материалами, которые реквизировались из гражданских учреждений и у частных лиц»¹⁸.

Если смотреть с точки зрения тех, у кого отбиралась та или иная вещь, то ситуация принципиально мало в чем изменилась, менялся только порядок распределения изымавшегося: реквизируемое поступало на склады Главхозупр, подчиненного ЧУСО, а затем отпускалось воинским частям или пускалось в производство «по нарядам Центра», т. е. через ЦУС, также перешедший под протекторат ЧУСО.

Следует заметить, что мало в чем изменился и сам порядок изъятий — к самочинным действиям армейских органов снабжения теперь добавилась государственно узаконенная политика ЧУСО. Председатель ВЦИК М. И. Калинин во время поездки по Юго-Восточному фронту в ноябре 1919 г. обязал, например, Воронежский ревком принять меры к прекращению бесчинств военных частей; но даже он мог требовать ограничения их действий только в пределах «на точном основании приказа Чусо № 93»¹⁹. В том, что такая необходимость была кричащей, нет сомнений, от РВС одной из армий М. И. Калинин потребовал вернуть совпархозам Орловской губернии вещи, причисленные к интендантскому снабжению (кружева, дамские туалеты, ковры и т. д.), а начснба 9-й дивизии отдать под суд за «самоснабжение» и произвол в отношении складов Орловского воензасага²⁰.

Но и действия системы ЧУСО мало чем отличались от аналогичных поступков в прошлом военно-снабжениеческих органов. В ноябре—декабре 1919 г. из различных организаций и ведомств пошли жалобы на УчусоЮг-Вост З. И. Абезгауза²¹, УчусоТурк И. Е. Любимова и его заместителя А. Н. Войтова²², превышающих полномочия, определенные приказом Чусо № 93. А. И. Рыков направил И. Е. Любимову телеграмму с требованием прекратить самочинный захват имущества, «зачваченное вернуть и срочно представить объяснения» своим действиям²³. З. И. Абезгаузу. А. И. Рыков пообещал отдать его под суд «в случае дальнейшего превышения своих полномочий»²⁴. Но вся грозность таких предписаний была, скорее, по-

казной, чем предполагала действительное намерение привести их в исполнение; З. И. Абезгаузу приказом Чусо (№ 299 от 27.01.20 г.) была даже объявлена «товарищеская благодарность» за «весьма энергичную организацию снабжения войск»²⁵. А. Н. Войтов был отдан под суд, но следом Чусо отменил свой приказ и восстановил его в должности заместителя Учусо-Турк²⁶; действия И. Е. Любимова вообще не получили никакой оценки.

В 1920—1921 гг. конфискационная политика ЧУСО укрепилась разветвленной структурой «чрезвычайных органов по изъятию» с многочисленными аппаратами Управлений, различного рода комиссиями, агентами и т. д. Список их обилел: комиссия по мобилизации велосипедов — сентябрь 1919 г.²⁷; УЧУСО по извлечению материалов для изготовления венцовольствия для Красной Армии и Флота — май 1920 г.²⁸; УЧУСО по учету, изъятию и распределению станков, машин и предметов технического оборудования — июль 1920 г.²⁹; УЧУСО по изъятию материалов, необходимых для пошива армейской обуви — ноябрь 1920 г.³⁰; УЧУСО по изъятию материалов для ремонта нефтеналивного флота и землечерпального каравана — январь 1921 г.³¹; комиссия по изъятию материалов для судоремонта и судостроения — январь 1921 г.³²; комиссия по учету меди и кирпича — июнь 1921 г.³³ и др. Эти органы, наделенные «чрезвычайными» полномочиями, вели себя по-варварски. Полбеда, если их работа касалась конфискации готовой продукции, как, например, пищащих машинок³⁴. Но беда, когда доходило до вмешательства в производство, в хозяйственные связи. Обувные фабрики Главкож ВСНХ в Москве вдруг оказались без сырья только потому, что закупленное в Петрограде, по пути в Москву оно оказалось арестованным и затем «отправленным в неизвестном направлении»³⁵. После «обследования» одной из таких комиссий Подольского завода и складов Главшвеймашинны производство швейных машин и запасных частей к ним фактически развалилось, так как «изъятие благодаря отсутствию специальных знаний, по словам очевидцев, сопровождалось уничтожением»³⁶.

Что до частных лиц и кооперативов, то здесь первоначально пытались соблюсти видимость законности. В одном из приказов Чусо разъяснялось: изъятие производить за оплату «по казенной заготовительной стоимости... при условии предоставления непреложных доказательств законного приобретения»³⁷. Но казенная заготовительная стоимость далека от реальной, а требование доказательств законности приобретения в условиях экономического хаоса, мягко говоря, от лукавого: поэтому впол-

не естественны нежелание отдавать и предпочтительность обмена на частном рынке.

Конфискационная политика вела к произволу, бесконтрольности и неэффективности использования реквизируемого. Бывший заместитель УчусоКав, а затем УчусоСКВО Н. П. Першиков так вспоминал об этом: «Забиралось «чохом» все, что... было годно для армии», в результате чего при изготовлении военной продукции «ни о нормах, ни об экономии не могло быть и речи»³⁸. Эта практика «взаимоотношений», по мнению Н. П. Першикова, стала причиной того, что «много было украдено и поддерживался спекулятивный рынок»³⁹. Об этом следует говорить особо.

На мнению, что спекулятивный частный рынок в первой половине 1919 г. достиг угрожающих размеров, сходились исключительно все, кто хоть как-то был причастен к управлению хозяйственной жизнью республики. Заместитель Чусо Н. Б. Эйсмонт, например, считал, что предлагаемые на вольном рынке предметы фабрично-заводского производства «в громадном большинстве случаев получают из советских складов путем целого ряда мошенничеств и воровства»⁴⁰. В отделе химической промышленности ВСНХ с этим соглашались полностью, полагая также, «что вольный рынок предлагает товары, главным образом похищенные из продовольственных складов»⁴¹. Не менее категоричен нарком путей сообщения Л. Б. Красин: товары частных рынков Москвы и Петрограда «могут иметь только одно происхождение — ворованные»⁴². Вероятно, пет необходимости задумываться над вопросом, почему именно в это время (в конце марта 1919 г.) была образована специальная межведомственная комиссия ВЧК, а в июле на сессии ВЦИК слушался специальный вопрос «О спекуляции».

Но одно дело констатация фактов, другое — объяснение причин. Здесь мнения, хотя и нешироко, но расходились. Большая часть винила во всем декрет СНК от 23.01.19 г. «О расчетных операциях», допускавший частную торговлю. Декрет, действительно, предоставлял право учреждениям в случае отказа соответствующего распределительного органа, с соблюдением некоторых формальностей, закупать различные предметы на вольном рынке. Как разъяснил Н. Б. Эйсмонт, «этот декрет имел цель выкачать у частных лиц скрытые запасы товаров»⁴³. Но результат оказался прямо противоположным — декрет подтолкнул к хищениям и разного рода спекулятивным сделкам, в том числе и среди государственного управленческого аппарата, ведавшего снабжением и распределением. По утверждению одного из современников событий, «в одной комнате получа-

ли отказ на материалы, которые получали частным образом в другой компате»⁴⁴.

Обвинения в адрес декрета о «О расчетных операциях» отчасти справедливы, но лишь отчасти и более всего по формальным причинам. Настоящие лежали за пределами декрета и не в последнюю очередь были следствием жуткого состояния производственных предприятий, складов и почти полного отсутствия учета. Можно согласиться с авторами заключения в Продрасмет ВСНХ, считавшими «источником снабжения частного рынка» почти свободный доступ к товарам, «храпящимся на государственных складах»⁴⁵, но и они не дают исчерпывающего ответа. Действительной причиной разгула спекуляции, ее первоосновой, нашедшей свое логическое завершение, в частности, в приказе Чусо № 93, стала беспредельная национализация и вытекающая из нее конфискационная политика, толкавшая на воровство и растаскивание «государственной собственности», днем раньше бывшей собственностью индивидуальной. Попутно прихватывалось и то, что на самом деле являлось собственностью государственной. Однако об этом никто из современников и участников событий, обремененных политическими установками и задававших тон в хозяйственном управлении, речей не вел, все были заперты одним: как регулировать частный рынок, чтобы избежать хищений и служебных злоупотреблений и, в конечном счете, они выходили на декрет «О расчетных операциях».

После обсуждения вопроса о частном рынке на Президиуме ВСНХ 19.04.20 г. постановили: «Признать необходимым совершенно запретить свободную продажу и покупку... без разрешения соответствующих производственных органов», создать комиссию, которой «установить список предметов, запрещенных к свободной продаже, и тех, «которые могут быть изготовлены кустарным путем и в небольших количествах могут свободно продаваться»⁴⁶. Ответственность за работу комиссии возлагалась на заместителя Чусо Н. Б. Эйсмонта. Спустя два дня он разослал в производственные главки ВСНХ письма, сообщив о решении Президиума ВСНХ «выработать точный список запрещенных товаров», который должен быть «кратким, но всеобъемлющим»⁴⁷ (!). ЧУСО превратилось в настоящий дискуссионный клуб⁴⁸. Для обобщения поступающих предложений образовали специальную подкомиссию во главе с управляющим делами ЧУСО М. Д. Шейным⁴⁹, которая после подведения итогов 10—11 мая, дала свои рекомендации к пленарному заседанию комиссии Н. Б. Эйсмонта. Суть их сводилась к следующему: «Оставить декрет в силе, но ограничить круг его применения»; что касается списка товаров, запрещенных к покуп-

не на вольном рынке, то комиссия полагала «ограничиться общими указаниями»⁵⁰. Пленарное заседание комиссии Н. Б. Эйсмонта, проходившее 13 и 17 мая, в целом согласилось с этими рекомендациями, разъяснив лишь в отношении конкретного номенклатурного списка, что «составление подобного... вследствие чрезмерной его громоздкости, не представляется возможным»⁵¹. Комиссия Н. Б. Эйсмонта подготовила проект постановления ВСНХ и предложила «войти в Совнарком с ходатайством об оставлении декрета от 23.01.19 г. в силе с ограничением круга его применения»⁵². Что и было принято Президиумом ВСНХ 20.05.20 г.⁵³ С докладом в СНК поручили выступить С. Н. Швердину, дававшему, кстати сказать, разъяснения по этому вопросу и на заседании Президиума ВСНХ 19.04.20 г.⁵⁴

Во всех этих перипетиях, связанных с декретом «О расчетных операциях» от 23.01.19 г., важно выделить мотивационную логику предложений заинтересованных сторон, которые, как убедимся, были далеко неоднозначными, и в связи с этим определить позицию ЧУСО, двоившуюся между конфискационно-распределительными мерами, вытекавшими, например, из приказа № 93, и производственными функциями, толкавшими ЧУСО к частному рынку.

Особенно жесткой критике частный рынок подвергся со стороны представителей ВЧК, еще на заседании Президиума ВСНХ 19.04.20 г. пытавшихся провести решение о полной отмене декрета СНК от 23.01.19 г.⁵⁵ Несмотря на то, что предложение отклонили, в ходе обсуждения в ЧУСО Н. В. Крыленко вновь активно настаивал на полном запрещении частной торговли, и когда комиссия Н. Б. Эйсмонта 17.05.20 г. приняла компромиссное решение, выступил с «особым мнением» и отличным проектом постановления, подготовленным Особой межведомственной комиссией ВЧК⁵⁶. Исключения, допускавшие частную торговлю, обставлялись здесь многими условиями, делавшими ее практически невозможной. Предлагалось, например, запретить наличные расчеты между предприятиями, а при расчетах с частными лицами пользоваться только переводами через народные банки и т. д.⁵⁷ Но и здесь проект ВЧК не встретил одобрения, хотя и был активно поддержан представителями Мосгорсовнархоза, текстильного и финансового отделов ВСНХ⁵⁸.

Сугубо ведомственной оказалась тактика производственных управлений ВСНХ. Так, химотдел считал, что допускать частный рынок нельзя, «в то же время... по соображениям практическим, разрешить в виде опыта свободную торговлю теми хим-

продуктами, государственные запасы которых ничтожны»⁵⁹. Эта уловка будет понятна, если напомнить, например, что Химоснов, выполнивший на своих заводах производственную программу химотдела, покупал на частном рынке «инструмент, ремонтные и строительные материалы и даже механическое оборудование»⁶⁰, государственные запасы которых, как понимаем, были тоже ничтожными. Отношение к декрету «О расчетных операциях» в Продрасмет: «Легализовал свободную торговлю, развил спекуляцию», поэтому необходимо запретить всякую торговлю на частном рынке за исключением лишь «подержаных товаров» металлопромышленности⁶¹. Электротехнический отдел также высказался за принципиальную «своевременность» полной отмены декрета, соглашаясь в то же время на ограничение частной торговли в целом, без изъятия из нее, разумеется, тех предметов, в которых испытывает недостаток электротехническое производство⁶².

Совершенно полярной оказалась позиция военно-хозяйственных органов, в частности — ГВИУ и МОВИУ, предполагавших, что запрещение частной торговли «уничтожит возможность строительства... почему необходимо или оставить декрет в силе, или значительно сократить строительство»⁶³. Судя по словам председателя заготовительно-закупочной комиссии МОВИУ Н. Ф. Седых, к частному рынку давно и активно обращались многие учреждения (Наркомпуть, Главтон, Главуголь, Химотдел и др.). В одно и то же время главки, пытавшиеся запретить торговлю продуктами своего производства, покупали все, относящееся к номенклатуре товаров других главков и центров, только бы не остановить свои заводы и фабрики. «Такое положение каждого главка и центра, — заключал Н. Ф. Седых, — стоит только поближе посмотреть на их работу..., невольно хочется сказать, что этой мерой живет вся производственная программа республики»⁶⁴.

В борьбе мнений по вопросу о частном рынке мы наблюдаем две тенденции: гражданские производственные органы и органы охраны «социалистической собственности» в конечном счете соглашались на полное запрещение частной торговли; военные и близкие к военному производству гражданские хозяйственные центры стремились этого не допустить. Столь диаметрально противоположные подходы объясняются, на наш взгляд, имевшимися источниками и масштабами финансирования. Военвед, обладая огромными кредитами, мог позволить себе расходы на частном рынке. Практически бесконтрольная и щедрая трата средств не смущала его разгулом частной торговли, а тем более — инфляционными процессами. Другим это грозило нищенским существованием. ЧУСО, являясь промежуточ-

ным звеном между военведом и гражданскими структурами управления экономикой, неизбежно должно было занять половинчатую позицию. И если вначале она была довольно категоричной — 24.4.20 г. Н. Б. Эйсмонт писал своим респондентам: «В настоящий момент, когда все производство национализировано, а притока вещей из-за границы нет... и до тех пор, пока будет разрешаться свободная покупка на вольном рынке, спекуляция и злоупотребления... будут развиваться»⁶⁵, — к концу в ЧУСО пошли на компромисс, предложив ВСНХ и СНК хотя и в «исключительных случаях», но все же разрешить частный рынок⁶⁶.

Допущение частной торговли было по конфискационной политике ЧУСО, но там не могли не видеть, что запрещение частного рынка неизбежно поведет к срыву производственных программ и снабжение армии пойдет в тупик. Выступив в данный момент в роли арбитра между разошедшимися во мнениях, в ЧУСО вскоре изменили свою позицию. Связано это было с борьбой за распределительные прерогативы, в ходе которой военведо удалось отобрать их у ЧУСО, и тогда позиция «чусей» изменилась в сторону «изъятий» из ограничений частной торговли в интересах производственных органов.

Желание отменить частную торговлю и тем самым устранить спекуляцию — выход, по продуманности своего содержания столь же ординарный, как и сам факт появления ЧУСО, призванного «чрезвычайно» быстро решить все проблемы армии в смысле ее снабжения. Мало объяснить это условиями революционного времени, ипострастной интервенцией и как бы там еще, надо дать оценку «запасу интеллектуальной прочности» тех, кто определял хозяйственную политику. Как бы мы ни судили, но она будет очень низкой. История с отменой декрета «О расчетных операциях» от 23.01.19 г. свидетельствует об упрощенном понимании причин спекуляции, а тем более — предлагавшихся методов борьбы с ней. Убеждение, что таким образом можно быстро покончить с этим порочным явлением, по-верхностно по сути, как, впрочем, поверхностно убеждение, что с введением конфискационной политики будут решены проблемы снабжения армии.

По итогам подготовительной работы, проделанной в ЧУСО и ВСНХ, 15.07.20 г. СНК принял постановление «О расчетных операциях», отменявшее декрет от 23.01.19 г. и вводившее новые правила регулирования частного рынка. Вновь принятое постановление налагало на него еще более жесткие юридические запреты. Вместе с тем оно (как и предыдущее) носило весьма противоречивый характер. Так, постановление запрещало «всякую покупку изделий и материалов советскими

общественными организациями на вольном рынке»⁶⁷, по одновременно с этим разрешало «приобретение... предметов сырья, изделий, материалов и продуктов у частных производителей... советскими учреждениями... входящими в состав общегосударственного заготовительного аппарата... по ценам, установленным соответствующим советским органом»⁶⁸. Очевидна тенденция централизовать выход на частный рынок, подчинив его государственному регулированию через ценовую политику, т. е. мы видим лишь государственно-бюрократический, волевой па- жим, но ни в коей мере не попытку экономического влияния на хозяйственную ситуацию. Могло ли это изменить положение? Развитие событий дало отрицательный ответ. Оправдались, например, опасения военно-строительных органов, оказавшихся перед необходимостью свертывания работ⁶⁹. Значительно сузилась финансовая маневренность агентов УЧУСО, до сих пор рассчитывавшихся на вольном рынке знаками различного образца, как было, например, при закупках на Украине⁷⁰. Разрешение покупать товары только у непосредственных производителей оказалось несостоятельным. По словам Главнаснаба Г. Д. Базилевича, «разыскать их очень трудно, т. к. предлагаемые им цены не соответствуют современной рыночной стоимости», поэтому военное ведомство поставлено в «безвыходное положение», а деятельность довольствующих учреждений «подверглась полному расстройству»⁷¹. С массой трудностей столкнулась военная промышленность из-за нехватки мелких, но очень нужных товаров, которые ни одним главком или центром не распределялись. В ЧУСО и в СВП пошел поток жалоб с требованиями свободы выхода на свободный рынок⁷².

С августа 1920 г. позиция ЧУСО в вопросе о частном рынке резко изменилась. К этому времени борьба между ЧУСО и военведом за распределительные функции завершилась успехом последнего, за ЧУСО остались только заготовительная и производственная сферы. А коль так, то и возможности частной торговли, ощутимо влиявшей на военно-промышленное производство, вошли в милость у ЧУСО, стремившегося теперь к их легализации. Вновь, как и после декрета от 23.01.19 г., началась полоса «изъятий», теперь уже из декрета от 15.07.20 г. Вслед за постановлением СТО от 08.08.20 г., разрешавшим военноснабженческим органам покупать на вольном рынке фураж⁷³, 27.08.20 г. ЧУСО и СВП обратились в СТО с предложением разрешить главкам и центрам ВСНХ «производить снабжение материалами на основе прежде существовавших постановлений, согласно декрета от 23.01.19 г.»⁷⁴. После некоторых заминок из СНК, наконец, сообщили положительный ответ о праве ЧУСО использовать свободную торговлю⁷⁵. В постанов-

лении СНК от 18.10.20 г. читаем: «Разрешить ЧУСО в изъятие из декрета от 15.7.20 г. о расчетных операциях приобретать на вольном рынке предметы, необходимые для операций подведомственных ему органов и предприятий» при условии, что ассортимент, количество и цены предварительно будут утверждаться оценочной комиссией⁷⁶. Но это уже формальности, обойти которые было несложно.

В ноябре 1920 г. при СВП возникла Центральная оценочная комиссия в составе представителей от ВСНХ, СВП и РКИ⁷⁷. Главкам ВСНХ и отделам СВП рекомендовано один раз в две недели давать списки на необходимые предметы с тем, чтобы утверждать их оценочной комиссией⁷⁸. Признано необходимым создавать подобные комиссии и на местах. Реакция оказалась быстрой. В декабре, например, такая комиссия возникла при отделе СВП на Юго-Востоке России⁷⁹; в январе 1921 г. «оценочной» и «закупочной» комиссиями обзавелись на Западном фронте при УЧУСОЗап⁸⁰ и т. д. Вероятно, для того, чтобы не создавать прецедентов для гражданских хозяйственных органов, все делалось под грифом «секретно»⁸¹.

Итак, мы видим, что попытки искусственно запретить частный рынок оказались безуспешными. Скупка товаров структурой ЧУСО, между прочим, производилась и до согласования в октябре 1920 г. с Совнаркомом вопроса о частной торговле. Г. Д. Базилевич писал Н. Б. Эйсмунту: «Из имеющейся переписки выяснилось, что не во всех местах республики прекращен отпуск авансов... (за счет которых. — Н. П.) войсковые части и учреждения продолжают производить закупки предметов на вольном рынке»⁸². Местные уполномоченные УЧУСОЗап, например, за время с 20.07.20 по 12.05.21 г. истратили на эти цели 202 246 596 р.⁸³ Оправдались предположения Л. Б. Красина, считавшего, что покупка будет лишь забюрократизирована, заформализована, «будет длительной из-за переписки»⁸⁴. К чему, собственно, и привело создание оценочных комиссий, столкнувшихся с астрономическими требованиями заинтересованных хозяйственных органов; УЧУСОВИВРесп, например, запросила разрешения купить товаров на сумму в сотни миллионов рублей⁸⁵.

Взаимопроникновение частного рынка и военно-промышленного производства по-прежнему оставалось неуправляемым, порождало гипертрофированный размах злоупотреблений на разных уровнях хозяйственных структур управления, вынужденных, в силу объективных причин, «обходить» закон и невольно создавать тем самым благоприятную почву для беззакония. Тенденция стала устойчивой, проникала во все поры

экономики военного коммунизма. Председатель Енакиевского горсовета Грузин писал в ЧУСО: «Енакиевский горсовет в своем пленарном заседании 16.02.21 г. постановил немедленно закрыть базары и раз и навсегда покончить... со всякого рода спекуляцией в Дошедком бассейне» (ни много ни мало! — Н. П.) тут же жаловался на из рук вон плохое централизованное снабжение «ударного Енакиевского района» и просил «мер к увеличению ресурсов»⁸⁶.

Невозможность совладать с частным рынком делала власти все более агрессивными, агрессивными в своей прямолинейности и невежестве. Выход, как и прежде, предлагался простой и кардинальный — запретить. Сведения о предстоящей полной ликвидации частной торговли стали появляться еще в конце 1920 г. На одном из заседаний межведомственной штатной комиссии при ЧУСО в декабре 1920 г. представители контрольно-ревизионных ведомств заявили о готовящейся отмене с 01.01.21 г. договоров с частными поставщиками и о запрещении в будущем таких⁸⁷. Угроза оказалась реальной: 07.02.21 г. СНК поручил Особой межведомственной комиссии ВЧК составить проект постановления о полном запрещении покупок на вольном рынке⁸⁸.

Действия правительства, направленные к этому времени на свертывание роли армии в системе общественных отношений, вызвали неприятие со стороны военного руководства и в частности, в среде военно-хозяйственных управленцев. Главнаб снаб Г. Д. Базилевич в марте 1921 г. убеждал Н. Б. Эйсмонта выступить совместно против разрабатываемого в ВЧК плана полного запрещения частной торговли, который поставит «войсковые части... в совсем затруднительное положение»⁸. В том, что это было действительно так, нет никаких сомнений. Командующий главными портами Каспийского моря в своем обращении к заместителю Чусо по морской части В. И. Зофу в довольно мрачных тонах повествовал о положении со снабжением в морведе, видя выход только в налаживании торговли с частными поставщиками, чему активно противились местные органы РКИ, которые, «будучи оторваны от Центра, совершенно не считаются с трудными обстоятельствами и ставят все операции по закупке в такую плоскость, при палиции которой работать совершенно невозможно»⁹⁰. Автор записки, в отличие от обвиняемой им РКИ, не понимал ситуации, не видел падающего авторитета армии, о чем свидетельствовали действия центрального государственного руководства республики. Если судить даже о такой узкой области, как снабжение армии, то нетрудно заметить, что уже в начале 1921 г. отношение к ней существенно изменилось. Одно за другим отме-

нялись постановления правительства, ранее служившие основанием для щедрого, и прямо скажем, бесконтрольного оттока в армию материальных ресурсов, не говоря уже о таких «мелочах», как запрещение так называемого «добровольного» сбора вещей, принудительного изъятия шинелей, отбирания кожаного обмундирования и др.⁹¹, т. е. явный отход от конфискационной политики, осуществлявшейся в интересах военного ведомства. Отсюда и стремление последнего к регулированию хозяйственных связей на экономически обоснованных принципах. Только так, на наш взгляд, можно расценить демарш ЧУСО и ЦУС, обратившихся в конце апреля 1921 г. в СНК с предложением «о предоставлении войсковым частям и учреждениям права удовлетворять свои потребности в экстренных случаях... путем производства расходов..., собственным попечением», т. е. упростить практику покупки ими товаров у частника⁹². Переход к НЭП во многом снял эти проблемы, правда, со специфическими особенностями для военно-промышленных отраслей экономики и армии в целом, которая теперь прочно и вполне обеспеченно вписывалась в государственный бюджет. НЭП, как таковая, миновала армию, как миновала и некоторые другие государственные структуры.

Итак, мы видим, что всеобъемлющая национализация, жесткая централизация, конфискационная политика, административное запрещение частной торговли лишь усугубляли экономическое состояние республики, к концу 1920 г. оказавшейся в хозяйственном тупике. Судьба частного рынка в годы военного коммунизма — классический пример бессмысленности и дилетантства в области экономической политики. Пример с ЧУСО — характерный пример двойственности, противоречивости и примитивности методов хозяйственного руководства: объективно — частный рынок нужен; субъективно — его надо запретить. Крайности сошлись в быстро прогрессировавшую порочную экономическую спираль: насильственная конфискационная политика — массовые хищения — выход на частный сбыт. При этом первая составляющая с течением времени объективно ослабевала, истощалась; две другие пропорционально возрастали, что не могло не вести к кризису экономики в целом.

Рассуждая строго в рамках существовавших юридических норм государственной политики военного коммунизма, мы должны будем признать оправданность и законность приказа Чусо № 93, появившегося в ответ, в частности, на развившиеся хищения и неизбежный обмен на частном рынке товаров, принадлежность которых в результате сплошной национализации могла быть только одной — государственной. Именно в такой ло-

гической последовательности строились ранее выводы историков военного коммунизма.

В данном случае подвергается сомнению оправданность и законность бескомпенсационной сплошной национализации, и потому система конфискационной политики расщепляется как противоправная, а попытки административного запрещения частной торговли рассматриваются как бесперспективные. В связи с этим переход к НЭП оценивается не как отказ от политики военного коммунизма, а как стихийное ее разрушение ходом исторического развития, когда некомпетентность, агрессивное невежество, произвольный политический нажим отвергались логикой хозяйственной жизни, объективными экономическими законами.

К 1921 г. стало понятно, что запрет частной торговли разрушает экономическую основу государства. Огромные материальные ценности, оказавшиеся в руках миллионов неуправляемых «собственников», самим же государством держались под спудом произвольных юридических норм и не «работали» в системе экономических отношений. НЭП — это вынужденная попытка включить «экспропрированную» сумму материальных ценностей в систему хозяйственного оборота. Другого выхода не было: или дальнейшая спонтанная натурализация обмена, когда государство не могло пользоваться даже доходами от налоговой политики на оборот, или допущение частной торговли и регулирование ее в пользу государства. Первое было невозможным, ибо частный владделец товаров окончательно задушил бы хозяйственную жизнь своей массовой вынужденной пассивностью; второе оказалось предпочтительней. Поэтому НЭП следует рассматривать и как хозяйственный маневр, направленный на «выкачивание» скопившихся за годы военного коммунизма у многомиллионного собственника материальных ценностей. Сделать это было несложно с помощью произвольных финансовых операций, искусственного взвигивания инфляции, например. Масса товаров пошла бы в хозяйственный оборот, а ни к чему не обязывающий государством выпуск бумажных денег можно было в нужный момент прекратить, объявив о «реформе», т. е. замене по существу лишь одного образца купюр на другой, создавая иллюзию хозяйственной активности, в результате чего выиграло бы только государство. В этом искусственность НЭП и в этом ее обреченность.

Таким образом, от утверждения В. И. Ленина о том, что требование свободной торговли есть государственное преступление⁹³, до его призыва «учиться торговать» прошло немногим менее трех лет. Все дело только в том, действительно ли это была перемена «всей точки зрения на социализм», или это было ча-

стное, тактическое отступление от ранее провозглашавшихся догм? Для дальнейшего ответа на этот вопрос обратимся к другому сюжету экономической истории периода военного коммунизма.

§ 2. Из истории кредитно-финансовой практики в годы военного коммунизма

В последнее время обострилось внимание к опыту организации экономики первых лет советской власти. Связано это со стремлением разобраться в причинах столь кардинального поворота в 1921 г. по отношению к считавшимся до этого основополагающими принципам хозяйственного строительства, с попытками поиска рационального в НЭП, перспективой проекции его на современную экономическую ситуацию в России. Мы обратимся к одной из важнейших сфер экономической деятельности прошлого — организации финансового обращения, затронув сравнительно узкую область этой сферы, а именно — кредитно-финансовую практику чрезвычайных органов снабжения Красной Армии, история которых не изучена совершенно.

Постановлением СНК от 02.11.18 г. Чрезкомпроизводства преобразована в Чрезкомснаб; здесь, как и в постановлении СНК от 16.08.18 г. о создании Чрезкомпроизводства, ничего не говорилось о финансовых полномочиях комиссии⁹⁴. Вместе с тем еще 24.09.18 г. комиссии Л. Б. Красина были даны 5 млн р. от СНК и столько же, по распоряжению Л. Д. Троцкого, из фонда «Расходы особого назначения, вызванные военными действиями»⁹⁵. Этих денег оказалось совершенно недостаточно, и тогда Л. Б. Красин обратился в СНК с просьбой о значительном увеличении ассигнований. Там ответили согласием⁹⁶ и 28.11.18 г. предоставили Чрезкомснаб денежный фонд в размере 500 млн. р.⁹⁷ С этого времени правомерно вести отчет особой финансовой политики советского правительства в отношении Красной Армии.

Роль денежного фонда комиссии Л. Б. Красина сводилась к оперативным, «чрезвычайно необходимым» денежным инъекциям военно-хозяйственным органам, воинским частям, военным заводам и т. д. Одновременно кредитуемым предписывалось отрегулировать в будущем свои финансовые связи с соответствующими отделами ВСНХ или военного ведомства, возвратив через них полученные ссуды; так, 740 350 р. выданы представителю Наркомвнешторга Б. Арановичу на оплату закупленного за демаркационной линией сахара, с возвращением этих денег Наркомпродом; 5 млн р. получены представителем Особой чрезвычайной комиссии Северного фронта

В. Покровским на организацию военного обоза, с возвращением денег через Центральный отдел военных заготовок (ЦОВЗ) ВСНХ; 50 млн. р. отпущены председателю украинской Чрезкомснаб М. С. Багдатьяну с обязательством возвращения их украинским СНХ⁹⁸. Как видим, денежный фонд Чрезкомснаб предполагался как источник ссудного кредита, а сама комиссия выступала в роли оперативного кредитора, к тому же не связанного обязательной предварительной ревизией со стороны Наркомфин и Госконтроля, необходимые суммы снимались с текущего счета в Московской конторе госбанка «по чекам за единоличной подписью Л. Б. Красина, без визы контроля»⁹⁹. Решение казалось разумным и вовремя найденным, потому как во второй половине 1918 — первой половине 1919 г. в адрес Л. Б. Красина и управляющего Народным банком Я. С. Ганецкого со всех концов республики шли телеграммы с сообщениями об отсутствии денежных знаков на местах и угрозах остановки того или иного производства или срыва заготовительной кампании¹⁰⁰. Деньги отпускались быстро и щедро. К примеру: в декабре 1918 г. — 20 млн. р. Орловскому губернскому военно-хозяйственному управлению для заготовки обмундирования и обоза и 50 млн. р. СНХ Северной области «на нужды финансирования предприятий, работающих по снабжению Красной Армии»¹⁰¹; с 20.11.18 по 12.02.19 г. — 79 150 000 р. специальной комиссии И. Г. Дмитриева, занимавшейся закупкой вооружения у уходящей немецкой армии¹⁰²; в феврале 1919 г. — 4 млн. р. украинскому СНХ «для пуска в действие Луганского патронного завода» и столько же Шостенскому пороховому заводу «на подготовку производства»¹⁰³. Отпускались значительные суммы воинским частям, как, например, 25 млн. р. А. Г. Шляпникову «на нужды 11-й армии»¹⁰⁴. Деньги предоставлялись и местным органам Чрезкомснаб, которые, в свою очередь (и по своему усмотрению), также давали взаем — с 01.10.18 по 01.07.19 г. по этим каналам ушло 228 500 000 руб.¹⁰⁵ В число раздаваемых кредитов входили и такие, как авансирование исследований по Курской магнитной аномалии (КМА), начатых по инициативе Л. Б. Красина в конце 1918 г.¹⁰⁶

Примечательно, как возвращались эти суммы. За время с 24.09.18 по 01.03.19 г. с текущего счета Чрезкомснаб снято 392 млн. 885 147 р., из них для ГАУ — 38 640 000 р. (возврат — 31 104 239 р.); для ГВИУ — 587 000 р. (возврат — 375 000 р.); Центральной продовольственной комиссии (с 04.12.18 по 20.02.19 г.) — 81 млн. 409 000 р. (возврат — 25 000 р.); РВСР — 27 825 000 р. (возврат полный); Главхозупр — 10 млн. р. (возврата нет); собственно Чрезкомснаб — 3 306 200 р. (воз-

врат — 5 000 р.) и т. д.¹⁰⁷. Как видим, половина из того, что давалось, не возвращена. Фонд Чрезкомснаб истощался. В конце марта 1919 г. его пополнили 500 млн. р., как сказано в постановлении СНК, «на расходы в счет сметы первого полугодия 1919 г.»¹⁰⁸. Но и эти деньги разошлись быстро: в апреле — июне 1919 г. центральными и местными органами комиссии расходование кредитов велось десятками и даже сотнями миллионов рублей¹⁰⁹. За время с 01.10.18 по 01.07.19 г. выдано в качестве ссуд 851 500 000 р.¹¹⁰ Поэтому 30.05.19 г., «ввиду ограниченности кредита, оставшегося в распоряжении Чрезкомснаб», Л. Б. Красин запросил для своей комиссии еще 500 млн руб.¹¹¹ В СНК согласились с доводами и 26.06.19 г. приняли решение о новом пополнении фонда¹¹².

Итак, за сравнительно небольшой промежуток времени — семь месяцев — Чрезкомснаб получила в свое распоряжение 1,5 млрд. р. Деньги эти, несмотря на обязательность их возврата, чаще всего оставались для кредитующих не только безвозмездными, но и безвозвратными. Однако изложенное выше покажется не столь существенным в сравнении с установившейся практикой финансовой деятельности ЧУСО.

Декрет ВЦИК о создании ЧУСО, принятый 09.07.19 г., опубликован в «Известиях ВЦИК...» 11 июля, но так как все делалось в спешном порядке, с финансовыми полномочиями вышло недоразумение; пункт 5 декрета гласил: «Все распоряжения и указания ЧУСО относительно порядка расходования кредитов учреждениями, упомянутыми в п. 3, являются для последних обязательными»¹¹³ (это все органы снабжения и распределения Наркомвоенмор, Чрезкомснаб, ЦОВЗ). Вероятно, одновременно с публикацией, в высших республиканских органах власти было принято решение о расширении финансовых прав ЧУСО, в связи с чем из ВЦИК сообщалось: «Ввиду некоторой разницы в формулировке пункта 5 декрета ВЦИК от 09.07.1919 г., опубликованного в № 150 «Известий ВЦИК» от 11.07.1919 г., п. 5 означенного декрета перепечатывается в следующем виде: Пункт 5. В отношении всех кредитов, отпускаемых Народному Комиссару по военным и морским делам на денежное довольствие и снабжение Красной Армии, Чрезвычайному Уполномоченному Совета Обороны предоставляются все права Председателя РВСР с момента издания на этот предмет постановления СРКО»¹¹⁴. Такое постановление состоялось 05.09.19 г., в нем указывалось, что «во исполнение п. 5 декрета ВЦИК от 09.07.19 г.» решено «предоставить с 01.09.1919 г. Чрезвычайному Уполномоченному Совету Обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота все права, указанные в п. 5 декрета»¹¹⁵. Между тем, 22.08.19 г. СНК принял

декрет — «в развитие декрета ВЦИК от 09.07.1919 г.» — с изложением основных принципов финансовых полномочий ЧУСО¹¹⁶. Ей присваивалось право «передвигать кредиты из параграфа в параграф, из смет в сметы Главных довольствующих управлений, подведомственных ЦУСУ»¹¹⁷. «На покрытие чрезвычайных расходов по хозяйственным делам, вызываемым военными действиями», и для выделения сверхсметных кредитов («дополнительных и экстраординарных») в распоряжение ЧУСО предоставлялся «Особый оборотный фонд в 1 млрд рублей», фонд Чрезкомснаб упразднялся¹¹⁸. С. М. Кляцкин говорил о 2 млрд р.¹¹⁹ Это неверно, таковым фонд стал после 20.10.19 г.¹²⁰

Для регулирования финансовых отношений в Управлении ЧУСО был образован финансовый отдел¹²¹, который выполнял преимущественно технические функции, связанные с отчетностью и прохождением денег¹²². Принятие решений о предоставлении (или отказе) ссуд осуществлялось постоянно действующим межведомственным финансовым совещанием. В истории ЧУСО их было три.

Декретом СНК от 22.08.19 г. предусматривалось создание финансового совещания при ЦУС (из представителей Госконтроля, Наркомфин, ВСНХ и ЦУС), решения которого подлежали утверждению А. И. Рыковым (за исключением вопросов о перемещении кредитов и сверхсметных ассигнований; если последние вызывали разногласия в совещании, то должны были разрешаться Совнаркомом)¹²³. С конца февраля 1920 г. в связи с назначением Н. Б. Эйсмонта заместителем Чусо и предоставлением ему всех прав Чусо «по хозяйственным и финансовым мероприятиям»¹²⁴, право утверждения решений финансового совещания при ЦУС перешло и к Н. Б. Эйсмону¹²⁵. По постановлению СНК от 24.09.19 г. частичное право на утверждение решений финансового совещания при ЦУС получил еще и Главначснаб¹²⁶ (Л. З. Аккерман, а позже — Г. Д. Базилевич). Затем дважды — 21.07.20 и 12.01.21 гг. — СНК расширял права Главначснаба¹²⁷. При ЧУСО возникло второе межведомственное финансовое совещание.

По декрету СНК от 22.08.19 г. фонд Чрезкомснаб упразднялся, и финансирование этой комиссией должно было осуществляться из фонда ЧУСО в обычном порядке¹²⁸. Такое положение закреплялось в «Правилах...» расходования фонда, утвержденных Чусо 26.08.19 г., п. 3 которых предполагал двоякий порядок расходования фонда: и по ходатайствам Чрезкомснаб, и по ходатайствам финансового совещания при ЦУС¹²⁹. Сохранение финансового совещания при ЧУСО вызывалось проходившей в это время активной подготовкой к образованию

Совета военной промышленности (СВП) как органа ЧУСО по управлению военным производством, финансовое подпитывание которого осуществлялось в прошлом из фонда Чрезкомснаб. Так продолжалось до издания приказа Чусо № 115 (от 04.10.19 г.); по которому Чрезкомснаб с 05.10.19 г. упразднялась окончательно, а ее функции, в том числе и финансовые, переходили в ведение ЧУСО¹³⁰. Вслед за этим приказом на одном из заседаний Чрезкомснаб было принято решение: «...дабы не прерывать возможности экстренного финансирования предприятий, войти с предложением в ЧУСО об оставлении прежнего состава Комиссии в качестве межведомственного финансового совещания при ЧУСО»¹³¹. А. И. Рыков поддержал его. Такое совещание в составе помощника Чусо и представителей от СВП, Наркомвоенмор, Наркомфин и Госконтроля должно было заниматься рассмотрением вопросов, «касающихся финансирования военно-промышленных предприятий (СВП)»¹³². С 22.10.19 г. Чрезкомснаб стала именоваться «Совещанием при ЧУСО», а П. А. Юзбашев, председательствовавший в финансовом совещании при Чрезкомснаб (с 11.06.19 по 11.10.19 г.), стал помощником Чусо, председателем теперь уже финансового совещания при ЧУСО¹³³. С 21.02.20 г. на этом совещании председательствовал Н. Б. Эйсмонт¹³⁴, а с начала марта 1920 г. — З. Н. Доссер¹³⁵.

Факт существования двух финансовых совещаний вызвал возражения со стороны Наркомфин. Поводом послужило обращение А. И. Рыкова в СНК с очередной просьбой об увеличении оборотного фонда¹³⁶, в связи с чем заведующий сметно-финансовым отделом Народного банка (он же заместитель наркома финансов) С. Е. Чуцкаев поставил под сомнение правомерность существования финансового совещания при ЧУСО. Его мотивы: с ликвидацией Чрезкомснаб «обслуживавшее эту Комиссию совещание должно считаться упраздненным и при ЧУСО должно быть оставлено одно межведомственное совещание, а именно то, которое работает при ЦУС»; имеющая место практика финансирования из фонда ЧУСО (через межведомственное финансовое совещание при ЧУСО) заводов и фабрик, работающих на оборону, незаконна, так как источником финансирования их «должен служить специально авандсируемый по смете ВСНХ фонд на нужды национализированных заводских предприятий»¹³⁷.

Разногласия стали предметом обсуждения в ЧУСО 30.12.19 г.¹³⁸, где, несмотря на возражения представителей Наркомфин, сочли необходимым «ввиду того, что круг ведения межведомственных финансовых совещаний при ЧУСО и при ЦУС для каждого из них определяется с достаточной ясностью

и является весьма обширным, признать необходимым существование обоих совещаний», совещание при ЧУСО должно было заниматься финансированием военно-промышленных предприятий, в том числе и из фонда ЧУСО; совещание при ЦУС — рассмотрением вопросов «финансирования довольствующих учреждений и отпуска таковым авансов из чрезвычайного фонда ЧУСО»¹³⁹. Коль скоро проблема приобрела такую остроту, было поручено СВП, как наиболее заинтересованному органу ЧУСО, подготовить мотивированное заключение по существу возражений Наркомфин. Так возникло письмо ЧУСО в СНК, автором-составителем которого был А. М. Галаган, заведующий финансово-экономическим отделом СВП. Возражения Наркомфин в части законности существования финансового совещания при ЧУСО квалифицировались как формальные, так как право расходования фонда ЧУСО, данное Чрезкомснаб постановлением СНК от 22.08.19 г. и закрепленное решением Чусо от 26.08.19 г. в «Правилах...» о порядке расходования фонда (согласованных с Наркомфин и Госконтролем), с ликвидацией Чрезкомснаб и слиянием ее с ЧУСО автоматически перешло к Чусоснабарму¹⁴⁰. Что касается предприятий, находившихся в ведении ВСНХ и долженствовавших финансироваться из фонда, специально ассигнованного по смете ВСНХ, в письме ЧУСО разъяснялось: заводы и фабрики, ранее объединявшиеся ЦЕПАЗ и Коллегией по управлению заводами и портами Наркоммора, в ведении ВСНХ не состоят, так как приказами Чусо (№ 107 от 01.10.19 г. и № 136 от 09.10.19 г.) они переданы в СВП, являющийся органом ЧУСО, поэтому отпуск средств на их нужды из фонда ЧУСО правомерен, как правомерно поэтому и существование финансового совещания при ЧУСО¹⁴¹.

За всеми этими, на первый взгляд, формальными разногласиями, крылись глубокие причины. ЧУСО взвинчивала свои «чрезвычайные» полномочия, наполягая их реальным содержанием, все более и более подчиняя хозяйственную жизнь республики милитаристским потребностям. В Наркомфин, где, вероятно, понимали пагубность «чрезвычайной» финансовой политики, не могли с ней согласиться, но вместе с тем и не видели реальной силы ЧУСО, пользовавшейся поддержкой высшего политического руководства республики. Поэтому попытки финансовых органов обуздать «финансовый разбой» ЧУСО были тщетными. Об этом свидетельствует дальнейшее развитие событий. Понимая необходимость соблюдения хотя бы внешнюю видимость законности, в ЧУСО пошли, например, на такой шаг: в ходе споров о финансовых полномочиях А. И. Рыкова, 13.01.20 г. появился приказ Чусо (№ 282), где задним числом финансовое совещание при ЧУСО утверждалось с 25(26).10.19 г., т. е. со

времени его фактического существования¹⁴². Конфликт был исчерпан сугубо административным решением. Однако последующая практика убедила в обоснованности сомнений финансовых органов, принудила руководство ЧУСО искать компромиссное решение.

С созданием СВП в круг его ведения вошло и финансирование в сметном порядке промышленных предприятий¹⁴³. С течением времени положение, когда сметное финансирование производственных органов происходило в СВП, а отпуск средств из «чрезвычайного фонда» на те же цели велся из ЧУСО, становилось все более терпимым. По мере того, как СВП вбирал в себя организацию военно-промышленного производства, все настойчивее возникала необходимость передачи ему и соответствующих прав из сферы финансовой деятельности ЧУСО. Конкретные предложения в связи с этим были сделаны Н. Б. Эйсмонтам 21.02.20 г.: было признано целесообразным временно оставить при ЧУСО финансовый аппарат «для контроля за расходованием оборотного фонда», остальные функции передать финансовому совещанию при СВП; одновременно представить в СНК проект декрета о ликвидации финансового совещания при ЧУСО с передачей всех его прав финансовому совещанию при Совете военной промышленности¹⁴⁴, что и зафиксировано в постановлении СНК от 23.03.20 г.¹⁴⁵

Постановлением СНК от 21.09.20 г. права финансового совещания при СВП были расширены¹⁴⁶ и уравнены с правами аналогичного совещания при ЦУС¹⁴⁷. Так возник очередной «чрезвычайный» финансовый орган ЧУСО, принципиально мало чем отличавшийся от предшествующих. В этом нас убеждают его протоколы, последний из которых датирован 16 мая 1921 г.¹⁴⁸ В этот день Н. Б. Эйсмонт обратился в СНК с просьбой утвердить положение о межведомственном финансовом совещании вновь при ЧУСО¹⁴⁹. Такой шаг не должен казаться неожиданностью. Еще в январе 1921 г., в связи с предстоявшим изменением правового положения ЦУС и СВП (первый все более сближался с военным ведомством, а второй готовился к переходу в ВСНХ), заговорили о необходимости финансового совещания при ЧУСО «взамен таковых при ЦУС и СВП»¹⁵⁰. Окончательное решение приняли в конце апреля¹⁵¹, о чем и сообщалось Н. Б. Эйсмонтам в СНК. Происходило это, надо сказать, не без трудностей, так как принятое Совнаркомом 17.03.21 г. постановление о ликвидации всех плановых комиссий при наркоматах требовало определенной бюрократической изворотливости, дабы придать финансовому совещанию при ЧУСО характер «неплановой комиссии», с тем чтобы решение

прошло через СНК¹⁵². Для поддержания убывающего авторитета ЧУСО и такой прием оказался возможным.

Обратимся к конкретному содержанию «чрезвычайной» практики в области финансовых операций. Она регламентировалась «Правилами о порядке расходования Особого оборотного фонда, отпущенного ЧУСО на чрезвычайные расходы по хозяйственным делам, вызываемым военными действиями», введенными приказом Чусо № 66 (от 29.08.19 г.)¹⁵³. С подготовкой «Правил...» очень спешили: только четыре дня потребовалось на согласование их с Наркомфин и Госконтролем, включали они лишь девять пунктов общих положений¹⁵⁴. Здесь указывалось, что фонд ЧУСО «предназначается для сверхсметных расходов ЦУС, экстренных надобностей предприятий и содержания Чрезкомснаб и ее уполномоченных»; расходование производится по решениям финансовых совещаний при ЦУС и Чрезкомснаб, утверждаемым Чусо А. И. Рыковым; «в экстренных случаях расходование может вестись и без рассмотрения в межведомственных комиссиях», т. е. одним распоряжением Чусо; разассигнования фонда производятся Чрезкомснаб; «чеки на денежные выдачи из фонда подписываются председателем Чрезкомснаб и заведующим финансовым отделом Комиссии»; отчетность ведется Чрезкомснаб¹⁵⁵. В ноябре 1920 г. на Всероссийском совещании ЧУСО, в связи с предоставлением «оборотных фондов» еще и УЧУСО, были выработаны «Правила...» расходования этих фондов на местах. В целом они повторяли основные «Правила...» ЧУСО¹⁵⁶. Таковы «законодательные акты», регламентировавшие расходование денег из фонда. «Правила...» предоставляли ЧУСО и УЧУСО почти неограниченные права, что не могло не привести к финансовому произволу. Докажем это на фактах.

С возникновением фонда ЧУСО размеры финансовых операций на цели снабжения армии значительно возросли: в октябре 1919 г. кредиты давались сотнями миллионов рублей, как, например, 400 млн р. Всероссийскому Главному Штабу на закупку кавалерийских лошадей¹⁵⁷.оборот сумм кредитов за четыре месяца с августа 1919 г. составил 2,3 млрд р.¹⁵⁸. Поэтому понятна та поспешность, с которой П. А. Юзбашев — на третий день после отпуска Совпаркомом очередной суммы денег в фонд ЧУСО — просил сметный отдел Народного банка «в экстренном порядке перечислить отпущенные 2 млрд рублей на текущий счет ЧУСО»¹⁵⁹. За четыре месяца с начала 1920 г. кредитные операции прошло более 2,5 млрд р.¹⁶⁰ Одним только финансовым совещанием при СВП проведено до июля 1920 г. авансов и ссуд из фонда ЧУСО на сумму около 1,5 млрд р.¹⁶¹ А. Волье ошибочно утверждал, что эти выдачи

были произведены за весь 1920 г.¹⁶² За шесть месяцев с февраля 1920 г. двухмиллиардный фонд ЧУСО совершил почти двойной оборот — отпущено более 3,5 млрд р. кредитов¹⁶³. Таким образом, по приблизительным подсчетам, только с августа 1919 г. по август 1920 г. финансовый оборот «чрезвычайного» фонда ЧУСО прошёл около 7 млрд р. Поэтому трудно согласиться с авторами одного из отчетов по денежным операциям «чрезвычайных» органов снабжения Красной Армии за время с 01.10.18 по 01.01.21 г. (более двух лет), где утверждалось, что оборот за это время составил чуть более 4,5 млрд р.¹⁶⁴ Такая цифра далека от реальной, скорее ее следует отнести к расходованию оборотного фонда (невозвращенным кредитам), и то лишь с известной долей сомнений.

В 1921 г. выдачи из фонда ЧУСО значительно возросли. В январе они составили 237 800 000 р.; в феврале — 131 млн. р.; в марте — 1 млрд. 325 млн. р.; сообщая об этом в финансовый отдел РВСР, Н. Б. Эйсмонт просил забронировать для ЧУСО в апреле денежных знаков на сумму 750 млн р.; это и понятно — днем раньше, например, единовременная ссуда финансового совещания при СВП составила 400 млн р.¹⁶⁵

По мере роста влияния ЧУСО в хозяйственной жизни росло число и расширялся круг финансируемых. Помимо прямых военных расходов, деньги шли на субсидирование «различных учреждений», содержание аппарата Чрезкомснаб, ЧУСО и их уполномоченных, другие, не предусмотренные «Правилами...», расходы¹⁶⁶. Все чаще деньги отпускались организациям, никак не связанным с военно-промышленным производством: продолжавшееся кредитование исследований по КМА, отпуск средств «для организации работ по корчеванию леса», дача денег на покрытие «производимых расходов» комиссией «Красный подарок»¹⁶⁷ и др. Такие факты свидетельствуют о всевозраставшем, становившемся всеобъемлющим хозяйственном значении ЧУСО, далеко выходившим за очертания сугубо военных prerogative. В итоге, в октябре 1920 г., даже СНК вынужден был указать ЧУСО на неправомерность расходования фонда «на потребности, не имеющие прямого отношения к снабжению Красной Армии»¹⁶⁸.

Прогрессировавший размах финансовой деятельности ЧУСО можно проследить по трем постановлениям СНК: от 24.09.19 г., 21.07.20 г. и 12.01.21 г. Первое давало Главначсabu (возглавлявшему ЦУС в качестве заместителя Чусо) право утверждать единогласно состоявшиеся решения финансового совещания при ЦУС «по отпуску сумм из Особого оборотного фонда» до 10 млн р.¹⁶⁹; вторым — размер самостоятельно утверждавшихся Главначсaбom сумм увеличивался до 30 млн р.¹⁷⁰; третьим

— величина указанной для Главначснаба суммы доводилась до 100 млн р.¹⁷¹ С сентября 1920 г. персональное право утверждения означенных выше кредитов в своем межведомственном финансовом совещании получил и председатель СВП П. А. Богданов¹⁷². Так расширялась финансовая правоспособность вторых и третьих лиц в системе ЧУСО, совершенствовались «чрезвычайные» функции в сфере хозяйственной жизни республики, рос объем «экстраординарных» финансовых операций.

Фонд ЧУСО должен был играть роль исключительно кредитную, т. е. получаемые оттуда суммы подлежали возврату. Рассмотрим, как это происходило в действительности. Постановление СНК от 22.08.19 г. о выделении ЧУСО 1 млрд. р. было, по существу, списанием тех 1,5 млрд р., выданных Чрезкомснаб в разное время с ноября 1918 г. по июнь 1919 г. и, как уже отмечалось, почти невозвращенных кредитующими. Но и нового одномиллиардного фонда (теперь уже ЧУСО) хватило лишь на месяц — к 01.10.19 г. оставалось 275 млн р., и А. И. Рыков вынужден был просить СНК еще об одном миллиарде, так как, по его словам, «в ближайшем будущем предстоят значительные и экстренные расходы»¹⁷³. СНК дал согласие, и 20.10.19 г. фонд пополнился «сверхместным кредитом» в 1 млрд руб.¹⁷⁴ Еще через месяц в протоколе финансового совещания при ЧУСО (№ 4 от 26.11.19 г.) читаем: «...п. 3. О пополнении фонда ЧУСО... вследствие невозврата... выданных ссуд»; предложено просить СНК еще о 500 млн. р.¹⁷⁵ Действительно, в кассе ЧУСО на 13.12.19 г. свободной наличности оставалось около 72 млн. р.¹⁷⁶, так как двухмиллиардный фонд к этому времени, сделав чуть больше одного оборота (отпущено 2,3 млрд р.), истощился (разновременный возврат составил только 475 млн), что и заставило А. И. Рыкова вновь просить СНК о пополнении¹⁷⁷. На этот раз возникли осложнения, так как в отличие от Госконтроля, соглашавшегося на пополнение фонда (об этом сообщалось в письме зам. наркома В. А. Аванесова)¹⁷⁸, Наркомфин высказался против, мотивируя свое решение тем, что «размер фонда постановлением СНК от 20.10.1919 г. доведен до 2 млрд. р. и дальнейшее его увеличение едва ли представляется допустимым»¹⁷⁹. Но твердо утверждать последнее в Наркомфин, вероятно, не решались, или, скорее, не могли, поэтому пошли по косвенному пути — попытались ликвидировать финансовое совещание при ЧУСО. То, что затея была бесплодной, мы доказали выше, как бесплодными, впрочем, были и возражения против нового пополнения фонда: из ЧУСО организовали письмо СВП в СНК, доказывая необходимость новых сумм для фонда, а там пошли на компромиссное решение. В связи с тем, что на основании Общих бюджетных правил (определяв-

шихся постановлением СНК от 24.05.19 г.)¹⁸⁰ с 01.02.20 г. начался новый финансовый год, срок оборотного фонда ЧУСО был признан законченным и постановлением СНК от 29.01.20 г. выделен новый двухмиллиардный фонд, опять же — «сверхсметным кредитом»¹⁸¹. Неумышленно, но совершенно верно оговорился, например, инспектор РКИ А. Я. Левин, назвав февральский 1920 г. фонд ЧУСО «восстановленным»¹⁸², так как от первоначальных двух миллиардов рублей к тому времени, как мы указывали выше, почти ничего не осталось.

К. 01.05.20 г. касса ЧУСО снова оказалась пустой, наличность — чуть больше 4,5 млн. р.¹⁸³ До августа 1920 г. новый двухмиллиардный фонд, совершив менее двух оборотов, снова себя исчерпал, так как возврат по документам составил 1,6 млрд, а отпущено было 3,5 млрд р., т. е. почти 2 млрд снова осело у кредитующих¹⁸⁴. Об этом, кстати, говорилось и в письме РКИ в адрес ЧУСО от 17.08.20 г.¹⁸⁵. Поэтому в августе 1920 г. Н. Б. Эйсмонт предложил Совнаркому увеличить фонд до... 4 млрд р. (!), объясняя это тем, что из-за массовых требований он «истощается прежде, чем начинают возвращаться отпущенные кредиты», ввиду чего фонд «не в состоянии своевременно удовлетворять все возникающие потребности»¹⁸⁶. В Наркомфин и РКИ такую цифру сочли чрезмерной и дали согласие только на 3 млрд. р.¹⁸⁷ что и было утверждено постановлением СНК 01.09.20 г.¹⁸⁸ Вместе с тем требование ЧУСО довести фонд до 4 млрд р. встревожило даже СНК. Там впервые, пожалуй, всерьез обратили внимание на финансовые действия ЧУСО, однако ограничились мерами превентивными — обязали ведомства, за счет которых отпускались средства из фонда, возвращать их «не позже истечения месяца со дня ... отпуска»¹⁸⁹. А тревожно-требовательный призыв из ЧУСО продолжал звучать по-прежнему. 11.11.20 г. Н. Б. Эйсмонт писал в Наркомфин: «Даже располагая трехмиллиардным фондом, Управление ЧУСО ставилось в затруднительное положение благодаря истощению фонда и задержке в возврате позаимствованных сумм»¹⁹⁰. И это действительно так, очередное увеличение мало что изменило — на 01.12.20 г. сумма невозвращенных кредитов составляла почти 2,3 млрд р.¹⁹¹ К 01.01.21 г. задолженность снизилась до 1,2 млрд р.¹⁹², но так как с этого времени закрывался очередной сметный период (1920 г.), Н. Б. Эйсмонт предложил своим кредитующим «обратить ее в доход казны»¹⁹³, а Совнаркому — выделить для ЧУСО новый трехмиллиардный фонд¹⁹⁴, ранее заложенный в смету ее расходов на 1921 г.¹⁹⁵ 20.12.20 г. СНК дал на это согласие¹⁹⁶.

Как видим, за время с сентября 1918 г. по ноябрь 1920 г.

в распоряжение «чрезвычайных» органов снабжения Красной Армии, в их так называемый «оборотный фонд», поступило 6 млрд 510 млн р. Эта цифра мало чем отличается от приведенной в финансовом отчете ЧУСО, где указывалось, что с 01.10.18 по 01.01.21 г. фонд субсидирован Совнаркомом на сумму 6 112 050 905 р.¹⁹⁷ Поэтому приведенные выше расчеты могут считаться достоверными. С учетом 1921 г. сумма правительственных ассигнований для фонда ЧУСО составит более 9,5 млрд р. Подчеркнем — речь идет только о прямых поступлениях в счет пополнения фонда или его обновления, так как оборот фонда в результате финансовых операций Чрезкомснаб и ЧУСО с ноября 1918 г. по октябрь 1921 г. может быть исчислен примерно в 15—20 млрд р.

Исходя из приведенных фактов и расчетов, мы вправе констатировать: практика расходования фонда ЧУСО мало чем отличалась от аналогичной Чрезкомснаб, выросли только масштабы. Нетрудно заметить, что увеличивались не только размеры финансовых операций, по существу ускорялся и процесс раздачи денег заведомо некредитоспособным плательщикам. Такие действия невозможно квалифицировать даже как сверхсметное кредитование, так как из 6,5 млрд р., выданных «чрезвычайными органами» снабжения Красной Армии до 1921 г., возвращено только 2 млрд р. К тому же это возвращение мы вправе назвать формальным, ибо в результате быстро прогрессирующей инфляции реальная стоимость денег на момент оплаты долгов оказывалась намного меньше номинальной на момент взятия кредита. Как и в случае с Чрезкомснаб, деньги, отпускавшиеся в фонд ЧУСО, регулярно оседали у кредитруемых: списание растраченных сумм и пополнение фонда новыми делалось на протяжении всего времени существования «чрезвычайных» органов снабжения Красной Армии.

Подобные финансовые действия не будут казаться случайными и не станут вызывать удивления, если вспомнить хотя бы «Правила...» расходования фонда, где, в частности, предусматривалось, что «в случае исчерпания этого фонда (?! — Н. П.), он подкрепляется сверхсметными кредитованиями по представлению ЧУСО в СНК...»¹⁹⁸. Это были мероприятия, в основе которых лежал печальный опыт Чрезкомснаб, во время ЧУСО гипертрофированный.

Слабые попытки контрольно-ревизионных ведомств изменить положение оказывались безуспешными. Из Госконтроля, например, указывали на весьма значительную часть невозвращенных сумм, отпущенных на мероприятия, «для осуществления коих необходимы были дополнительные или сверхсмет-

ные ассигнования в порядке государственного планирования», в связи с чем полагалось бы произвести расследование — «принимались ли ... со стороны надлежащих Управлений необходимые меры к срочному испрошению этих ассигнований и переводу их на пополнение Оборотного фонда»¹⁹⁹. В унисон с этим было и мнение Наркомфин, где основным виновником сложившегося положения считали Наркомвоен, которому надлежало бы принять все меры «к скорейшему внесению в СНК представлений об отпуске соответствующих сверхсметных кредитов на возмещение позаймствований из фонда»²⁰⁰. Это декабрь 1919 г. В августе 1920 г. заблуждения рассеялись, РКИ упрекала теперь главного виновника — ЧУСО — за нерасторопность и нетребовательность в деле возврата кредитовыми взятыми ими сумм²⁰¹. Обвинения того же рода находим и в декабрьском 1920 г. письме наркома РКИ в адрес ЧУСО²⁰². Действия финансовых и поверяющих ведомств носили лишь рекомендательный характер, поэтому мало что меняли — ЧУСО лишь ускорила прохождение сверхсметных кредитов, широко практиковавшихся Совнаркомом. Поэтому-то так равнодушны были к возвращению денег как в ЧУСО, так и в Совнаркоме. Неудивительно, что «чрезвычайные» органы, желая освободиться от ответственности, испрашивали у СНК разрешения (июнь 1919 г.) вносить возвращавшиеся суммы в доход казны, «взамен ранее существовавшего порядка зачисления их в фонд Чрезкомснаб»²⁰³. Тем самым возвращение денег обезличивалось и тонуло в сложной системе, теперь уже общегосударственных расчетов. Аналогично с этим, но в другой связи, мы вправе рассматривать и августовское 1920 г. обращение СВВ в СНК, поддержанное ЧУСО, с просьбой освободить «от предварительной ревизии платежные операции, осуществляемые подведомственными ему органами, в размере до 1 млн рублей»²⁰⁴.

Финансовые действия ЧУСО все больше выходили из-под контроля государства. К концу 1920 г. это стало малотерпимым, и правительство вынуждено было пойти на ряд актов, ограничивавших «чрезвычайную» финансовую самостоятельность ЧУСО. Вслед за постановлением СНК от 04.10.20 г. (установившим срок возврата кредитов в один месяц), 14.10.20 г. РКИ дано указание «немедленно применить к ЧУСО закон» от 29.03.19 г. об изменении правил о предварительной ревизии (обязательная командировка постоянного представителя в учреждения, ведущие срочные операции²⁰⁵), одновременно СНК «поставил на вид» ЧУСО и РКИ неправильность их действий, «выразившихся в неприменении этого закона совершенно»²⁰⁶.

К усилению представительства контрольно-финансовых ве-

домств в ЧУСО отнеслись с неприязнью, считали их действия «бюрократической волокитой», не свойственной столь чрезвычайному учреждению. Не случайно в письме заместителя наркома финансов А. О. Альского Н. Б. Эймонту в марте 1921 г. выражалась «крайняя озабоченность» положением в межведомственном финансовом совещании при СВП, где «имели место оскорбления представителей поверяющих ведомств, в частности, С. И. Федорова от Наркомфина...», предупреждалось о необходимости обратиться в ВЧК²⁰⁷.

Меры правительства по ограничению ЧУСО, бесспорно, имели положительное значение. Но ясно и другое — их превентивный характер не менял положения в целом, так как нейтрализовать инерцию, долгое время набравшую силу, таким образом оказалось невозможно. В то время как в центре удалось достичь определенных результатов, инерционное движение пошло по другим, более мелким, но многочисленным каналам. С конца 1920 г. наблюдается новый качественный виток (и количественный тоже) активизации финансовых инъекций из ЧУСО и связан он с предоставлением уполномоченным на местах своих оборотных фондов и официального права операционных расходов. На этом следует остановиться особо, так как здесь мы коснемся еще одной негативной стороны финансовой политики в годы военного коммунизма, причастность ЧУСО к которой, как убедимся, весьма многопланова.

Местные УЧУСО, с момента их возникновения, вели активную финансовую практику. Так, оборот финансового отдела УЧУСОЗап за время с 01.01. по 01.04.20 г. составил около 100 млн. р.²⁰⁸; в счет кредитов УЧУСОКавк с мая 1920 г. по сентябрь 1921 г. поступило 422 341 533 р., выдано ею с 14.06.20 по июль 1921 г. 372 343 391 р.²⁰⁹ Особенно заметно выросли денежные обращения УЧУСО в 1921 г.: оборот УЧУСОУкрКрыма, например, с 01.01. по 19.10.21 г. составил 3 337 233 137 р.²¹⁰ Связано это было как с ростом инфляции, так и с тем обстоятельством, что в январе 1921 г. в распоряжении УЧУСО оказались сразу полугодовые финансово-сметные кредиты²¹¹. Вместе с тем следует заметить, что с ростом финансовой активности УЧУСО росла и задолженность им по депозитным суммам: у УЧУСОЗаВО, например, она поднялась с 11 981 262 р. в конце 1920 г. до 36 383 403 р. в сентябре 1921 г.²¹² Но в отличие от ЧУСО, где сфера общегосударственных сметно-финансовых операций и пользование чрезвычайным фондом были разделены (в первом случае ЦУС и СВП перераспределяли деньги главков и центров ВСНХ в общей системе государст-

венно-бюджетных ассигнований), на местах такого разделения до конца 1920 г. не существовало, и финансовые отделы УЧУСО (УЧУСОЗап, например) имели задачу «как заведование оборотным фондом, так и заведования кредитами и обслуживанием в финансовом отношении» производственных и распределительных органов²¹³⁻²¹⁴, т. е. дебитные и кредитные операции смешивали в себе как поступления от главков и центров ВСНХ, так и поступления из фонда ЧУСО; в результате последние таковыми уже не являлись. А суммы были не малы, чтобы пренебрегать ими: в феврале 1920 г. УЧУСОЮг-Зап, например, получила из фонда ЧУСО 135,05 млн, а УЧУСОЗап в марте 1920 г. — 25,015 млн р.²¹⁵

Необходимость предоставления местным УЧУСО средств из фонда ЧУСО не вызывает сомнений. Как справедливо отмечал УчусоЗап П. И. Судаков, «никакими сметными предположениями невозможно предусмотреть, когда и в какой степени те или другие учреждения будут прибегать к помощи УЧУСО», так как производственные органы находились в состоянии «хронического недополучения кредитов ... из-за несвоевременного финансирования из Москвы»²¹⁶. Оперативные денежные суммы на местах необходимы были для быстрого восстановления военной промышленности, в регионах, переходивших под контроль Красной Армии. До августа 1920 г. на эти цели из фонда ЧУСО ассигновано более полумиллиарда рублей²¹⁷. К ноябрю 1920 г. сумма возросла вдвое, достигнув 1 044 500 000 р., из которых 435 млн оказалось на Юго-Западном фронте, 200 млн — на Кавказском, 34 млн — на Туркестанском фронте, 10,5 млн в Сибири и т. д.²¹⁸

Согласимся — доля фонда ЧУСО в финансовых операциях УЧУСО была сравнительно небольшой, но для нас важно другое: денежная отчетность на местах, на основании все тех же Общих бюджетных правил, закрывалась в конце каждого финансового года (если это 1919 г., то до 01.02.20 г.), и УЧУСО предписывалось «остатки прошлого кредита, а также возвратные суммы по кредитам до 01.02.20 г. записать в доход казны»²¹⁹. По этой причине учесть функциональное влияние фонда ЧУСО на оборот денежной массы на местах очень сложно. К тому же, как явствует из документов, депозиты некредитоспособных плательщиков у УЧУСО в процентном отношении мало чем отличались от тех же у ЧУСО (разница только в объемах). Так, из выданных УЧУСОЗаВО до 01.01.21 г. 14 606 717 р. возвращено к тому же сроку лишь 2 625 455 р.²²⁰ Вместе с невозвращающимися суммами оседали и деньги ЧУСО — еще один из многочисленных каналов их утечки.

Потому-то в октябре 1920 г. и появились два обеспокоенных постановления СНК, в одном из которых (от 04.10.20 г.) требовалось от ЧУСО, согласовав с Наркомфин и РКИ, «установить правила расходования УЧУСО предоставляемых им из фонда денежных средств и порядок отчетности по этим расходам»²²¹. При обсуждении «Правил...» на Всероссийском совещании ЧУСО в ноябре 1920 г. подавляющее большинство приехавших с мест сошлось на мнении, что «нельзя ограничивать УЧУСО в пользовании фондом» (УчусолприВО З. И. Абзгауз), «суммы давать авансом, не требуя предварительных смет», УчусоСиб А. П. Брыков), так как «в стадии работы нарастают самые разнообразные потребности» (УчусоЗаВО А. Я. Андреев), и т. д.²²². Вскоре после совещания (10.12.20 г.) окончательную редакцию «Правил...» подписали: от Наркомфин — С. Е. Чуцкаев, от РКИ — В. А. Аванесов, от ЧУСО — Н. Б. Эйсмонт; и они вступили в силу²²³. В «Правилах...» учли требования УЧУСО, прозвучавшие на совещании, но памятуя о реакции СНК, составители сочли необходимым записать: «При изъятии денежных выдач надлежит указывать, за счет каких источников они подлежат возмещению», а также требование о необходимости предварительных смет²²⁴, что по существу мало к чему обязывало УЧУСО, так как в своих действиях они руководствовались правом ЧУСО на перераспределение сметных статей расходных бюджетов хозяйственных органов (региона, фронта, округа, губернии и т. д.), оказавшихся под их протекторатом.

Из дискуссии на Всероссийском совещании ЧУСО выяснилась еще одна подробность — не все они обращались ранее к фонду ЧУСО. УчусоУрала К. Г. Максимов, например, заявил, что ни на Восточном фронте, ни затем на Урале фондом он «совершенно не пользовался», деньги брал из полевого казначейства Восточного фронта, а позже — будучи по совместительству председателем промбюро Урала — из пятимиллиардного фонда восстановления промышленности Урала; то же и в Сибири, где, по словам А. П. Брыкова, ему от ЧУСО дано лишь 500 тыс., а «необходимые суммы получал из Сибсовнархоза» — из трехмиллиардного фонда промбюро Сибири²²⁵. Едва ли трудно предположить размах денежных операций некоторых УЧУСО, имевших доступ к таким огромным финансовым источникам.

Одновременно с утверждением «Правил...» для УЧУСО, Наркомфин и Госконтроль дали согласие на предложение ЧУСО о выдаче им 300 млн рублей (в счет сметы 1921 г. по чрезвычайному фонду ЧУСО) на образование своих оборотных средств²²⁶. В конце декабря 1920 г. финансовое совещание при

ЦУС разассигновало эту сумму между УЧУСО, предупредив каждую о необходимости «использовать деньги в самых крайних случаях», а для большей гарантии «принять все необходимые меры к тому, чтобы ВСНХ снабдил необходимыми счетными кредитами подведомственные ему СНХ»²²⁷. Последнее, как и многие говорившееся до сих пор в адрес «чрезвычайных» органов, было лишь общим местом, благим пожеланием. Положительное разрешение вопроса лишь подтолкнуло УЧУСО к более решительным действиям. В январе 1921 г. УЧУСОЗап, например, запросила в счет своего «оборотного» фонда ... 500 млн р. (!) — требование, как сказано в письме в Смоленск начальника финансового отдела ЧУСО А. И. Соболева, «совершенно необоснованное» и «крайне его поразившее»; УЧУСОЗап предложено ограничиться выделенными 50 млн р., пользоваться которыми «следует очень осторожно»²²⁸. Но, одновременно с УЧУСОЗап, необходимость увеличения оборотного фонда возникла и на Украине: оттуда заместитель УчусоУкрКрыма Алтонов убеждал ЧУСО, что для успешного выполнения производственных программ первого полугодия 1921 г. «на временное ассигнование» необходимо как минимум 600 млн р., и то при условии, что ВСНХ даст еще 400 млн р., так как денег, выданных в счет оборотного фонда УЧУСОУкрКрыма, «очень мало»²²⁹. На этот раз обошлось без эмоций: в марте 1921 г. межведомственное совещание при ЦУС панравило на Украину требуемую сумму²³⁰.

Подводя итоги, напомним, что мы рассматривали финансовую практику ЧУСО в так называемом «чистом виде», т. е. от инципирования и до реализации только лишь из «чрезвычайного оборотного фонда». Но было и косвенное участие ЧУСО в деле государственного финансового обращения, выражавшееся через сметно-финансовые операции УЧУСО и межведомственных финансовых совещаний при ЦУС, СВН и ЧУСО, масштабы которых во много раз превосходили операции с фондом ЧУСО. Однако рассматривать их целесообразно в контексте анализа государственной экономической политики в целом.

Оговоримся и по поводу возможных в наш адрес упреков в забвении инфляционных процессов, делавших финансовые операции гипермасштабными. Ограниченность изложения не позволяет подробно говорить на эту тему. Заметим только: следует помнить о существовавшей (даже в условиях гиперинфляции) тройной системе цен — твердых, подрядных и вольных. Поэтому одно дело инфляция на «вольном рынке», доходившая подчас до размеров 1:1000, другое — во внутригосударственных расчетах, также подвергавшихся, бесспорно, инфляционному влиянию, но далеко не в той степени, как

это было в свободной торговле или даже в подряде. Все, о чем говорилось выше, представляется вполне приемлемым для объективной характеристики типичного механизма «раскачивания» финансовой системы государства, присущего политике военного коммунизма, как, впрочем, и любой «чрезвычайной» политике. Что до так называемых «конкретно-исторических условий», якобы оправдывавших или, по крайней мере, объяснявших те или иные поступки политического руководства, в т. ч. и в области финансов, то скажем только: судят о них по прошествии времени по конкретным результатам в их исторической протяженности. Неквалифицированное таковым и будет названо с течением времени.

Образование Особого оборотного фонда ЧУСО было попыткой создать нечто в роде республиканской резервной денежной системы. Идея в целом превосходная, но для воплощения ее требовались известная стабильность денежного обращения и довольно высокий уровень профессиональной пригодности лиц, занимавшихся операциями с фондом. Эта мера приемлема для стабильной экономики и может быть направлена на сглаживание незначительной ее пульсации. Нельзя прибегать к помощи подобных средств в условиях кризисной финансовой ситуации, они только усугубляют положение. Не составив труда прийти к выводу, что организованные таким образом кредитные операции вели к разрушению плано-финансовой деятельности отраслевых органов управления экономикой республики, так как независимо от них и даже без предварительной постановки в известность осуществлялось перераспределение средств в расходных статьях их бюджетов. Такую практику можно квалифицировать как грубое нарушение элементарных финансово-счетных операций, когда кредитование велось неконституционным, т. е. незаконным органом, безответственным за исполнение кредитов и их возвращение, произвольно вторгавшимся в систему финансово-хозяйственных отношений предприятий, отраслей и республики в целом, к тому же еще и действовавшим почти бесконтрольно со стороны поверяющих государственных контрольно-финансовых органов. Кредитование велось произвольно, чаще всего без предварительных смет и обязательств. Заполучить кредиты обратно было столь же трудно, как и разобраться в правильности и целесообразности их использования. Такой своего рода патронтаж не мог не привести к быстро нараставшей денежной эмиссии и усилению инфляции, стал одной из важнейших причин финансовой вакханалии, выросшей из «политики» военного коммунизма. Возникла порочная финансовая

спираль: фонд ЧУСО расстранивал финансы, те отвечали инфляционными процессами, ранее составлявшиеся сметы приходили в негодность, требовались сверхсметные кредитования. С каждым витком размер инфляции возрастал. Одним из активных элементов спирали, возбуждавшим прогрессирующие явления, была, как показало, «чрезвычайная» кредитная практика ЧУСО, в основе которой, как нетрудно предположить, лежала профессиональная некомпетентность лиц, осуществлявших финансовую политику в республике. Декрет СНК о предоставлении ЧУСО «чрезвычайных» финансовых полномочий, например, начинался словами: «...в изъятие из существующих законов и правил»²³¹ (!).

Во всей этой финансовой эквилибристике «чрезвычайных» органов обращает на себя внимание порядок подготовки и прохождения законодательных инициатив (принадлежавших исполнителю, в данном случае — системе ЧУСО), когда высшие государственные органы, будь то СТО или чаще — СНК, не вдаваясь в детали (подчас настолько существенные, что от них зависела судьба всей финансовой системы), порой лишь формально утверждали законодательную инициативу, последствия которой сказывались только спустя какой-то промежуток времени. Вслед за тем начинался судорожный поиск выхода из создавшегося положения. Опыт перехода к НЭП в 1921 г. убеждает в этом основательно и поучителен. За «чрезвычайным» развалом той или иной отрасли экономики следуют не менее «чрезвычайные» методы ее реанимации, влекущие за собой (невидимые в данный момент, и тем более опасные) негативные последствия в будущем. За всем этим стоит прежде всего профессиональная некомпетентность, нежелание считаться с объективными экономическими законами, точнее — неопределение их, насилие над ними.

Чтобы сказанное не казалось малоубедительным, обратимся еще к одному сюжету из экономической практики первых лет советской власти — к области внешнеэкономической.

§ 3. Военно-импортные закупки советской Россией в 1918—1921 гг.

Октябрьский переворот 1917 г., принципиально изменивший политическое устройство России, существенно затронул и ее международные отношения, в том числе и в области внешнеэкономических связей. Внешняя торговля России, получившая за годы войны размах беспрецедентный, одномоментно и абсолютно была прекращена. Интеграция России во внешний рынок, масса принятых ею международных торговых обязательств, сотни торговых соглашений — все это аннулировалось

декретами советского правительства, в том числе и российские долги, которые объявлялись недействительными. Прекратились валютные расчеты по ранее заключенным контрактам, сама Россия осталась без импорта. Бесспорно, в основе мотивов прекращения внешнеэкономических связей лежали причины политические, как неоспорим и тот факт, что резкая смена советской Россией внешнеэкономического курса поставила ее прежних зарубежных партнеров (в первую очередь страны Антанты), мягко говоря, в дискомфортное положение: потеряны рынок сбыта ранее заказанных товаров; потеряны кредиты, данные под эти заказы; нависла угроза неуплаты долгов. Нет необходимости доказывать, что внешние контакты России в 1914—1917 гг. имели преимущественно милитаристский характер, а следовательно, были дорогостоящими и очень специфичными в смысле их реализации при одностороннем отказе России. Поэтому ни о каких торговых соглашениях с советским правительством не могло быть и речи, по крайней мере на какой-то промежуток времени до достижения взаимоприемлемого компромисса. Для России промежуток растянулся на три года, прежде чем стало возможным говорить всерьез о возобновлении внешней торговли. При этом сложилась парадоксальная ситуация: у большевистской России появилась возможность закупать то, на что по всем канонам расклада тогдашних внешнеполитических условий она не должна была претендовать — военное имущество. Резонно возникает вопрос: почему лишь со второй половины 1920 г. большевики получили возможность реально готовиться к массовым внешним закупкам военного имущества? Ответ, вероятно, будет двойным: решено отойти от ортодоксальной внутренней политики и пойти на торговые соглашения с внешним миром (но для этого следовало распустить армию — условие, после трех лет военного коммунизма, казалось бы, невероятное); и второе — вызвать расположение внешних партнеров (пусть даже неофициальное на первых порах), посулив им особую предпочтительность условий сделок, т. е. щедро платя за приобретаемое. Но тогда встает другой вопрос: откуда вдруг появилось столько золота?

Мы не берем на себя обязательств дать исчерпывающий ответ на эти вопросы. Сделать это возможно лишь совместными усилиями исследователей, пожелавших детально разобраться в очень сложной и подчас сознательно запутанной истории первых лет советской власти. В данном случае мы лишь пытаемся в какой-то мере по-иному посмотреть на то время, по крайней мере, с позиций его морально-этических оценок.

Проблема снабжения Красной Армии в годы военного коммунизма была для советского правительства одной из сложнейших и разрешалась она чаще всего варварским путем, за счет беспощадного изъятия национальных ресурсов России. Но мировой опыт свидетельствует о невозможности полного кровного обеспечения армии, особенно в период ее максимального использования — в ходе войны, без внешнеэкономической интеграции. Поэтому ли или по другим причинам, по первому чрезвычайный правительственный орган снабжения Красной Армии — Чрезкомснаб — возглавил М. Б. Красин, ставший одновременно наркомом торговли и промышленности²³².

С появлением Чрезкомснаб стал накапливаться и опыт приобретения советским правительством военного имущества на внешнем рынке. На одном из первых заседаний (еще Чрезкомпроизводства) 28.09.18 г., в связи с тем, что в скандинавских странах и на севере Финляндии имелись военные грузы, как сказано в документе, «принадлежащие русскому правительству и не вывезенные до сего времени», принято решение командировать туда инженера-технолога В. А. Семчевского «для передвижения этих грузов, а также выяснения положения с военными заказами, которые были сделаны в этих странах русским правительством»²³³. Эта акция была импровизацией М. Б. Красина, потому как не входила в компетенцию Чрезкомпроизводства, но, как оказалось, импровизацией удачной и своевременной, судя по тому, что в постановлении СНК от 02.11.18 г. («Дело снабжения Красной Армии»), преобразовавшем Чрезкомпроизводства в Чрезкомснаб, на нее, среди прочего, возлагалась теперь и задача «регулирования и контроля заграничных заказов на предметы военного снаряжения»²³⁴. Для этого за демаркационной линией была создана сеть частной агентуры²³⁵. Так, в Польше закупками товаров для украинского отделения ЦОВЗ, а позже — Юго-Западного фронта занимались Г. М. Померанц и Е. Меламед²³⁶. В январе 1919 г. по поручению ЦОВЗ за границу выехал некто Л. К. Кушак; побывав в Финляндии, Швеции, Дании, Германии и Польше, он совершил закупки на сумму в 2 143 356 р.; делалось это, по словам члена Коллегии ЦОВЗ Г. Д. Вейнберга, в полной тайне, «т. к. закупки за границей сырья и изделий для снабжения Красной Армии не могли вестись иначе»; товары направлялись через Вильно, а «вся операция прошла через контроль Чрезкомснаб»²³⁷.

Военно-импортные закупки второй половины 1918 — первой половины 1919 г. носили спорадический характер, велись контрабандно разрозненными организациями и частными агентами,

однако контроль над ними постепенно переходил в ведение Чрезкомснаб. Объемы закупок были небольшими, и касались они преимущественно предметов первой необходимости. Особое место во внешнеэкономической практике Чрезкомснаб этого периода принадлежит операциям со скупкой военного имущества уходящей немецкой армии. Размах их был впечатляющим, почему сказать об этом следует более подробно. Акция эта, строго говоря, была противоправной и труднообъяснимой с позиций провозглашавшихся советским правительством лозунгов о мире. Вероятно, поэтому советские историки обходили данную тему молчанием, так как возможные выводы и оценки не вязались бы с односторонним освещением гражданской войны, преобладавшим в нашей историографии.

Для ясности последующего изложения приведем краткую историческую справку о Всероссийской чрезвычайной эвакуационной комиссии (Всероком), действия которой в конце 1918 — начале 1919 г. тесно переплелись с практикой Чрезкомснаб. Всероком возникла в 1918 г. (постановления СНК от 20.05.18 и 27.08.18 г., а также декрет от 29.08.18 г.); ее задача — эвакуация промышленности из-за угрозы захвата ее германской армией; Всероком приняла на себя по существу функции ранее упраздненного Центрального распорядительного бюро Военно-хозяйственного совета²³⁸. К концу 1918 г. комиссия имела разветвленную сеть местных представительств, именовавшихся Центроколлегиями, подразделявшимися в свою очередь на территориальные и губернские отделения: Московскую с четырнадцатью отделениями, Смоленскую с девятью, Воронежскую с шестью, Петроградскую с четырьмя, Уральскую с двумя отделениями, Минскую, Двинскую и др.; всего было 27 Центроколлегий с более чем сорока отделениями²³⁹. Руководил работой Всероком (в ранге чрезвычайного уполномоченного СНК) М. К. Владимиров, его ближайший помощник — С. В. Громан²⁴⁰.

Брестский мирный договор (март 1919 г.) по своему принципиальному содержанию был нонсенсом в истории международных отношений. Он был хрупок, а его последствия крайне непредсказуемы; развитие их могло пойти как в одну, так и другую сторону, и это вполне понимало большевистское руководство, спешно эвакуировавшее промышленность из западных районов России. История распорядилась в пользу Советов — ноябрьский политический кризис в Германии вытолкнул немецкую армию из России. События потекли по предполагаемому руслу. Но как и во время массового разложения русской армии в первые послеоктябрьские дни, когда, как писал

одни из очевидцев, «старая армия окончательно развалилась и полуорганизованные массы войсковых частей без всякого сопротивления отхлынули назад, бросив всю материальную часть и весьма богатое войсковое имущество», германское военное командование повторило печальный опыт России, но с присущим немцам прагматизмом; газета «Минское слово» 26.11.18 г. опубликовала заявление совета земского и государственного самоуправления, сообщавшее о распродаже немцами «ранее реквизированного имущества» и призывавшее немецких военных не делать этого, а население не покупать у них²⁴¹. Однако немцы, спешившие в революционное отечество, продавали не столько реквизированное, как в основном собственное военное имущество, а что не удавалось сбыть, закапывали «на всякий случай» в землю — в Двинске, например, таким образом «схоронили» 5 тыс. снарядов и 100 тыс. винтовок с патронами к ним²⁴².

Командование германской армии охотно шло на контакты с целью распродажи своего имущества. В докладе во Всероком председатель Витебского отделения Смоленской Центроколлегии А. Э. Приэда свидетельствовал: «Имущество продается всякому, кто только хочет покупать: и крестьянам, и спекулянтам, и белогвардейцам», — предлагал срочно организовать скупку, так как из-за нерешительности РВС Западного фронта момент будет упущен; причем делать это следует повсеместно, в том числе и в тылу у немцев, куда Витебское отделение уже отправило «четыре комиссии исключительно для скупки»²⁴³.

Совет Обороны и СНК, куда поступала такая информация, имея в виду крайне бедственное положение Красной Армии со снабжением из-за царившего там хаоса, поручили Всероком закупать все, что только можно: 19.11.18 г. в западные области с обширным мандатом «для организации и объединения работ по скупке, сбору, хранению, учету, сортировке и перевозке имущества в освобождаемых от оккупации областях» выехал С. В. Громан²⁴⁴. Задачи периферийных отделений Всероком круто менялись. Председателю Смоленской Центроколлегии Б. П. Руфимскому, например, С. В. Громан 24.11.18 г. дал команду «срочно установить все места для предварительных складов имущества, собираемого и скупаемого в местах, оставляемых немцами», работу в «тыловой полосе» рекомендовалось «в значительной части сократить»²⁴⁵. Одновременно, сокрушаясь по поводу упущенных возможностей, он писал Л. Б. Красину: «Со скупкой страшно запоздали»²⁴⁶. Военное имущество германской армии расхватывалось всеми; кто только мог. Здесь и Центроколлегии, и комиссии нач-

спавов` воинских частей, комиссии губернских военкоматов (Смоленского, Могилевского, Минского), местные совнархозы, масса других представительств и ведомств; выехал туда и уполномоченный ЦУС инспектор С. Я. Гросман. По его словам, то же «многовластие и полное отсутствие планомерности» царило и «в области закупок оружия у немцев за демарклинией», т. е. у них в тылу, где появились и серьезные конкуренты, спешившие не упустить своих возможностей, — польские легионеры²⁴⁷. Однако, как отмечалось в итоговом отчете о результатах «торговли» с германской армией, «немецкие части были более дружелюбно настроены к нам, чем к полякам... немцы передавали нам решительно все»²⁴⁸.

Чтобы это «решительно все» не упустить, а Всероком с задачей не справлялась, это осознали ясно: бывший председатель Архангельской Центроколлегии Ройзенман, например, считал, что работа Всероком в целом зашла в тупик²⁴⁹, за дело взялась Чрезкомснаб. Первое упоминание о причастности ее к этой истории — протокол № 43 (от 27.11.18 г.): слушался вопрос «О скупке оружия у германских солдат»; решено предложить ГАУ послать своего представителя в район закупок²⁵⁰. Месяц спустя (прот. № 55 от 28.12.18 г.) — новое предложение ГАУ «командировать на северо-западный фронт специалиста ... для беглого осмотра забранного там оружия», его сортировки и отправки в центр и на фронт²⁵¹. В воинские части Л. Б. Красин и С. В. Громан разослали телеграммы с требованием «направить все усилия... для организации скупки имущества» в тылу у немцев; в освобождаемых местностях эти обязанности возлагались на Центроколлегию²⁵². Для координации действий ведомств Л. Б. Красина и М. К. Владимиров при Чрезкомснаб образован секретариат представительства Всероком²⁵³.

Несмотря на явную предпочтительность предстоявших закупок (об этом скажем ниже), действия Чрезкомснаб были медлительны. Лишь в конце декабря 1918 г. в районы уходившей немецкой армии выехала так называемая «комиссия трех» (И. Г. Дмитриев, Г. Г. Хрусталев, Л. И. Генникман); ее председателем РВСР первоначально уполномочил Л. И. Генникмана²⁵⁴. Оказавшись на месте и осмотревшись, «комиссия трех» претерпела некоторые изменения: 04.01.19 г. Л. Б. Красин распорядился скупкой и сбором военного имущества заняться И. Г. Дмитриеву, Г. Г. Хрусталеву и И. Ф. Бобикову, а сортировкой и хранением — «комиссии под председательством Генникмана»; обеим комиссиям давалось право использовать для своих целей аппараты Центроколлегии²⁵⁵. Но и это

разделение оказалось условным: по информации С. Я. Гросмана, главные склады немецкого имущества находились на линиях Лида — Молодечно и Лида — Барановичи, где обособлялся «некий Хрусталеv ... имевший, к несчастью, мандат, подписанный т. Красиным, и поэтому считавший себя вполне самостоятельным», а Л. И. Геникман, сместившийся в район Вильно, занимался одновременно и закупкой в тылу у немцев²⁵⁶. По ряду причин, скорее военно-оперативного и географического характера, И. Г. Дмитриев, приехав в Минск «со специальным поручением, — как сказано в его мандате, — по сбору, скупке и эвакуации в тыл оружия, инженерного и всякого другого военного имущества», будучи членом ВЦИК, обзаведясь «вагон-салонem» Северной железной дороги, вскоре встал во главе всех этих операций²⁵⁷.

Как докладывал во Всероком председатель Минской Центроколлегии В. Я. Рубинштейн, «с прибытием в Минск Дмитриева, тот взял на себя все руководство закупками»²⁵⁸. Тотчас во ВЦИК ушла телеграмма Я. М. Свердлову: «Дело требует многочисленных инициативных работников ...командируйте мне все, что можно, — просил И. Г. Дмитриев, — и нескольких членов ВЦИК»²⁵⁹. Хорошо знавший местные условия В. Я. Рубинштейн предложил С. В. Громану сделать Минск центром закупок, а Минскую Центроколлегию — его техническим аппаратом, «власть Дмитриева распространить на весь Западный фронт»²⁶⁰, для чего образовать в Минске «Центральное Управление уполномоченного ВСНХ в Западной области», проект которого, принятый, по его словам, председателем совнархоза Литбел А. М. Гипсбургom и одобренный Я. М. Свердловым, он высылал²⁶¹. Судя по всему, проект с некоторыми изменениями был принят. Изменения касались прерогатив: если В. Я. Рубинштейн надеялся подчинить закупки ведению совнархоза Литбел, смягчив тем самым окраинный сепаратизм (об этом скажем ниже) и отчасти сохранив себе независимое положение руководителя Минской Центроколлегии (организованной под его руководством сразу по уходу немцев)²⁶², то у И. Г. Дмитриева на сей счет были другие планы. По прибытии в Минск он заявил Л. Б. Красину, что Центроколлегия — дело «вымышленное и вздутое», а попытки создаваемых новых правительств (Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии) использовать их для образования материальных отделов совнархозов на территории новых республик могли «разрушить начатую работу по эвакуации и учету»²⁶³. И. Г. Дмитриев стал сливать аппараты Центроколлегией со своим Центральным Управлением по сбору и закупкам военного имущества (по

существо — с аппаратом Минского отделения Чрезкомснаб); Смоленской Центроколлегии он, например, дал указание оставить там только «представительство»²⁶⁴. Но Центроколлегии запротестовали. Так, Двинская, при поддержке правительства Латвии, отказалась расформироваться, а Минская, хотя и перешла в ведение И. Г. Дмитриева, но, как говорил В. Я. Рубинштейн, «имеет полную возможность завтра вновь открыть работу как орган Всерокома»²⁶⁵. На увещания С. В. Громана оставить Центроколлегии в покое, И. Г. Дмитриев ответил, что он выполняет указания только Совета обороны, а если члены Центроколлегий не подчинятся его приказам, он их арестует, а самого С. В. Громана «привлечет к ответственности»²⁶⁶. В. И. Ленину, Я. М. Свердлову и Л. Б. Красину он отправил телеграмму, поставив условие: если не отменить распоряжений С. В. Громана и приехавшего в Минск С. Я. Гросмана, которые «мешают работать», то он слагает с себя ответственность, дела передаст Минскому исполкому, а сам отправится в Москву²⁶⁷. Дело в том, что И. Г. Дмитриев не знал о принятом Советом обороны решении образовать материальные отделы структур ВСНХ, куда должны были перейти Всероком и ее Центроколлегии, за что голосовал и Л. Б. Красин; предложение Л. Д. Троцкого о передаче Центроколлегий Чрезкомснаб, на что, вероятно, надеялся И. Г. Дмитриев и потому так вызывающе вел себя, не обсуждалось. Даже когда С. В. Громан, сообщая ему об этом, предложил не ликвидировать Центроколлегии, а лишь использовать их под своим руководством²⁶⁸, он не остановился, заявив, что после соответствующего доклада в «Центре», «его точка зрения должна восторжествовать»; В. Я. Рубинштейн телеграфировал в Москву по этому поводу: «Положение крайне серьезное»²⁶⁹. Вероятно, И. Г. Дмитриев надеялся на приезд в Минск Л. Д. Троцкого, который со дня на день должен был там появиться, и на то, что ему удастся с ним столкнуться. Надежды не оправдались: в Минск пришла телеграмма от Чрезкомснаб и Всероком, где сообщалось, что «Центроколлегии подчиняются всем указаниям и распоряжениям т. Дмитриева в области сбора, скупки, хранения, учета, расходования имущества, остающегося в освобождаемых от оккупации местностях, и являющихся в этой области исполнительными аппаратами т. Дмитриева, но продолжают существовать как органы Всерокома, подчиняясь таковому в области иных, возложенных на них Всерокомом заданий». Удовлетворенный В. Я. Рубинштейн писал С. В. Громану (28.01.19 г.): «Дмитриев подчинился указаниям Центра. Производится разделение Управлений Чрезкомснаб и Центро-

коллегия»²⁷⁰. Однако «рейтинг» И. Г. Дмитриева (пытаясь сгладить компромисс) решено было поднять: на заседании Чрезкомснаб (прот. № 11/67 от 01.02.19 г.) он назначен представителем в ее Минское отделение²⁷¹, что фактически означало официальное подчинение комиссии Л. Б. Красина всей закупочной работы в Западном военном округе. И. Г. Дмитриев и позже ревностно отстаивал права «Центра». Когда С. В. Громан в сообщении (27.03.19 г.) о решении СНК возложить руководство и ответственность за выполнение эвакуации «в районе Литва — Белоруссия на трамрот СНХ во главе с представителем ВСНХ Рубинштейном» допустил ошибку, он поднял скандал, и С. В. Громан, извиняясь перед Л. Б. Красным, тут же отправил в Минск телеграмму другого содержания: «В вопросах эвакуации имущества, скупленного и собранного после ухода немцев, следует руководствоваться указаниями Комиссии т. Дмитриева»²⁷².

После стольких перипетий, наконец, удалось создать в Минске многочисленный закупочный аппарат. Его Центральное Управление насчитывало до 100 служащих; примерно столько же было у «ответственных представителей» в районах Барановичском, Виленском, Гомельском, Лунинецком, Речицком, Молодечненском и др., «от которых, — как писал С. Я. Гросман, — непосредственно уже работают агенты, нанимаемые Центральным Управлением, а также все откомандированные в наше распоряжение»; стабилизировались отношения и с С. Я. Гросманом, ставшим официальным заместителем И. Г. Дмитриева, и позже, в докладе в Москву, довольно доброжелательно отзывавшимся о нем²⁷³.

Интересы «миссии» И. Г. Дмитриева как представителя центра совершенно неожиданно натолкнулись еще на одно препятствие — национальные «суверенитеты» образовавшихся «независимых» республик (29.11.18 г. — Украинской и Эстонской; 16 и 17.12.18 г. — Литовской и Латвийской; 01.01.19 г. — Белорусской, в феврале 1919 г. слившейся с Литвой, в результате чего возникла Беллит)²⁷⁴. «Правительства вновь образовавшихся республик — Белоруссии, Латвии и Литвы, в особенности двух последних, — отмечал С. Я. Гросман, — не только не помогали нам в эвакуации, но, наоборот, всеми мерами ей препятствовали»²⁷⁵. В правдивости сказанного убедиться трудно. Выхавший в Нарву «для организации учета имущества, оставляемого немцами», представитель Петроградской Центроколлегии Р. А. Высоцкий «получил вполне определенный отказ комиссара Эстонской трудовой коммуны Трокмана показать «какую-либо отчетность по этому вопросу» и заявив-

шего, что распоряжения Центроколлегий не соответствуют декрету народных комиссаров «О признании независимости Эстляндии», в силу которого, по его мнению, «все находящееся в пределах Эстляндии имущество принадлежит ей»; примерно то же Р. А. Высоцкий услышал и от комиссара народного хозяйства Эстонии Пегельмана²⁷⁶. Старший инспектор Всероком П. С. Христо, контролировавший закупку у немцев в западных районах, доносил С. В. Громану на правительства Латвии и Литвы, возражавшие «категорически против вывоза имущества с их территории, считая его своей собственностью»²⁷⁷. Вместе с председателем Двинской Центроколлегий Я. М. Банковичем П. С. Христо удалось добиться разрешения этих правительств на закупки у немцев, «по без права выдачи и вывоза имущества в Россию», а после того, как стало известно, что в Двинске взяты на учет оставленные немцами 48 складов и начаты раскопки спрятанного, от наркомвоен Латвии К. А. Петерсона пришла телеграмма (20.01.19 г.) об аннулировании ранее достигнутого соглашения; «Латвия и Литва, — писал Я. М. Банкович, — считают себя авторитетными единицами и не считаются с распоряжениями, данными из Москвы»²⁷⁸. Из Орши сообщалось, что обнаруженное там оставшееся от немцев военное имущество «вывести нельзя без разрешения внешней власти»; туда снарядили «уполномоченного Совнаркома», а о «препятствиях местных властей» обязали «доложить телеграммой»²⁷⁹.

Все это никак не согласовывалось с устремлениями Л. Д. Троцкого, спешившего, по утверждению заместителя главнабза Западного фронта С. К. Судына, как можно быстрее вывезти в центр купленное у немцев и собранное после них²⁸⁰. В ход пустилась «челночная дипломатия»: С. Я. Гросман спешил в Ригу, затем — в Москву и ни с чем возвращался в Минск; И. Г. Дмитриев пытался утрясти в Москве проект «Положения» о своей миссии, возвратился в Минск и уехал в Вильно «для вторичных переговоров с правительством Латвии» и т. д.²⁸¹ Между тем появился В. Я. Рубинштейн со своим проектом «Центрального Управления уполномоченного ВСНХ». Он писал: «Литовская и в особенности Латвийская республики чинят всевозможные препятствия вывозу имущества из их пределов, вплоть до ареста агентов Центроколлегий и других учреждений», а попытки И. Г. Дмитриева разрешить противоречия диктаторскими приказами «не имеют других результатов, кроме крайнего обострения отношений»; предлагал компромиссный «Центральный закупочный и распределительный орган», куда вошли бы представители прибалтий-

ских республик и Белоруссии, а задача Чрезкомснаб сводилась бы там к выделению пригодного для Красной Армии и его отправки²⁸². Как уже отмечалось выше, это предложение в основном прошло, за исключением «малого» — представителей возражавших «суверенных» республик в Центральном Управлении не оказалось; закупки и эвакуация по-прежнему шли своим чередом. Но и страсти не утихали. В конце марта 1919 г. в Вильно появилась новая «чрезвычайная» комиссия во главе с В. Я. Рубинштейном, ведавшая эвакуацией на территории Беллит и объявившая своим техническим аппаратом трамваи совнархозов и Центроколлегии; «уполномоченным» Минского района, например, был назначен военрук губернского военкомата Баландович с подчинением ему Минской Центроколлегии²⁸³. Сообщая об этом Л. Б. Красину и И. Г. Дмитриеву, врид уполномоченного Чрезкомснаб Покарский высказал предположение, что это связано с плохим положением Западного фронта²⁸⁴. Вероятно, так оно и было: И. Г. Дмитриев в переписке с наркомом продовольствия Литбел Кальмаловичем и Ж. Иоффе сослался на телеграмму начальника военно-инженерного управления Западной армии, заявившего о полной «деморализации местных войсковых частей, построенных по национальному признаку», что делало эти части, подчеркивалось в телеграмме, «сплошь контрреволюционными погромщиками, переходящими на сторону польских легионеров при первой возможности»²⁸⁵; несмотря на это, командующий Западной армией А. Е. Снесарев и член РВС П. И. (?) Селезнев поручили своим начальникам заняться эвакуацией, что, по мнению С. Я. Гросмана, было «колоссальной ошибкой ... учитывая построения... частей и командного состава»²⁸⁶. Такие объяснения не удовлетворили Л. Б. Красина — образование в Вильно Беллитом собственной эвакуационной комиссии, подмешавшей собой дмитриевскую, он назвал «сепаратизмом» и потребовал ее ликвидации²⁸⁷.

Ощутимые затруднения, с которыми встретилась «миссия» И. Г. Дмитриева в Западном военном округе, не мешали ей сделать многое. В этом убеждаешься когда просматриваешь сводки «эвакуационных» отправок — ежесуточно уходило от полусотни до ста и более вагонов²⁸⁸. С транспортом у И. Г. Дмитриева проблем не было: Чрезкомснаб через Центральное Управление военных сообщений (ЦУПВОСО) обеспечила его «литерными» железнодорожными составами «на предмет использования их при командировках агентов и при эвакуации закупленного ими в Западном крае военного имущества» у немцев²⁸⁹. А для скорейшего провоза из-за демаркационной

линии, Л. Б. Красин дал указание таможене в Молодечно «пропускать без взимания пошлины все грузы военного назначения, которые будут предъявлены к отправке по распоряжению товарища Дмитриева или уполномоченных им лиц»²⁹⁰.

Операционные перевозки постоянно контролировались в Чрезкомснаб. Когда возникла, например, заминка с разгрузкой вагонов в Вязьме (сообщение И. Г. Дмитриева), в Москве (прот. Чрезкомснаб № 26/82 от 15.03.19 г.) тут же потребовали от транспортного отдела ГАУ «принять меры»²⁹¹. Ко всему прочему Л. Б. Красин в марте 1919 г. был назначен еще и наркомом путей сообщения²⁹² — нет необходимости доказывать положительность влияния этого назначения на успех «эвакуационных» перевозок. По его словам, комиссия И. Г. Дмитриева к концу марта 1919 г. вывезла свыше трех тысяч вагонов, противодействий со стороны «суверенных» республик²⁹³. Заведующий транспортным отделом Б. М. Цимковский в июле 1919 г. писал: «С определенностью можно сказать, что из Западной области за пять месяцев работы Центрального Управления вывезено свыше пяти тысяч вагонов»²⁹⁴, а И. Г. Дмитриев, отчитывавшийся в октябре 1919 г. о результатах работы своей «миссии», утверждал: «Нам удалось вывезти до 10 тысяч вагонов»²⁹⁵. Как бы там ни было, цифра получится внушительной.

Обильным было и финансирование закупочных операций. Источником, не стесненным в средствах, стала опять же комиссия Л. Б. Красина, располагавшая «особым оборотным фондом», щедро расходовавшимся на нужды Красной Армии. Поэтому изначально было решено (прот. Чрезкомснаб № 43 от 27.11.18 г.): финансирование закупок «производить по распоряжению Чрезвычайной Комиссии»²⁹⁶. Вскоре в адрес уехавшего на Западный фронт С. В. Громана «для закупки имущества, оставляемого эвакуируемыми германскими частями», переведено 300 тыс. р.²⁹⁷ Деньги эти тратились на организацию сети агентов, получавших на предстоявшие расходы единовременно до четырех тысяч каждый²⁹⁸. Конечно, это были мизерные суммы, так как немцы в первое время отхода, когда они еще не углубились на территорию Польши и не столкнулись с польскими легионерами, охотно продавали оружие. Это время упустили: С. Я. Гросман критически отзывался о «бережливости» С. В. Громана, который, например, «будучи в Орше, во время начала немецкого отхода, не нашел ничего лучшего, как оставить там для закупок 4000 р.»²⁹⁹. В начале декабря Чрезкомснаб спешно выдала М. К. Владимирову «на приобре-

тение военного имущества» 200 тыс. р., вероятно, для привезавшего в это время в Москву С. Я. Гросмана, так как делалось это «по телеграмме Э. М. Склянского»³⁰⁰.

Требования выдать деньги на те же цели стали поступать и от воинских частей. В конце ноября 1918 г. в Наркомвоен пришла телеграмма от РВС 9-й армии (Глаголев, Вишневецкий, Затонский) с предложением «спешно ассигновать» им 2 млн р. «для закупок оружия и других военных предметов германцев»; Главначснаб Мартынов предложил предоставить деньги через финансовый отдел РВСР, но Э. М. Склянский переадресовал «купцов» Л. Б. Красину³⁰¹. В течение недели («Журнал» Чрезкомснаб № 16 от 14.12.18 г.) эти деньги ушли адресатам в Курск³⁰². Столько же и на те же цели («для организации закупки имущества на Украине») дали Антову³⁰³. Тот просил 5 млн (и его поддержал Э. М. Склянский), но в Чрезкомснаб с недоверием отнеслись к такой «расточительности», сняв с себя ответственность «за расходование этих сумм», т. е. 2 млн. р.³⁰⁴, — в Чрезкомснаб к таким выдачам еще не привыкли.

Активные закупки у немцев велись Западной армией (будущая 16-я). В декабре 1918 г. старший агент ее аппарата снабжения М. Фридман передавал закупленное бобруйскому агенту Смоленской Центроколлегии³⁰⁵ — требовались деньги. Кто будет возмещать суммы, спрашивал С. В. Громапа А. Э. Приэда, «которые расходуются в настоящее время на закупку?» (деньги в Смоленске брались из кредитов по сметам местных организаций)³⁰⁶. Поэтому С. В. Громан убеждал М. К. Владимирова быстрее слать деньги начсбабу Западной армии А. С. Бениксону и Смоленской Центроколлегии; «Наши деньги еще в цене, — торопил С. В. Громан, — надо пользоваться» случаем³⁰⁷. В Москве и без того спешили: 16.12.18 г. Смоленской Центроколлегии и РВС Западной армии отправили по 200 тыс. р., 50 тыс. дали Петроградской Центроколлегии³⁰⁸.

Вместе с этим РВС Западной армии, должно быть, получил указание не скупиться на деньги при закупках у немцев, так как А. С. Бениксон 29.12.18 г. предлагал А. Э. Приэду: «Если нужны средства на покупку имущества, командуйте приемщиков ... Деньги будут отпущены немедленно»³⁰⁹. .. Несомненно так и было, потому что из 10 млн, полученных И. Г. Дмитриевым от РВС этой армии, 7,5 млн ему дали из армейского «резервного фонда» и только 2,5 млн корреспондировали из Москвы³¹⁰.

Как только Чрезкомснаб включилась в закупки, а И. Г. Дмитриев оказался в Минске, первое, что он сделал, — запро-

сил у Л. Б. Красина 5 млн р., «потребных для осуществления нашего плана»³¹¹. Но в этот же день (04.01.19 г.) он поторопился Л. Б. Красина другой телеграммой, где сообщал о готовящейся крупной сделке «с участием спартаковцев», для чего просил уже 10 млн р.; без денег, писал он, дело сорвется, как было в Бараповичах, «когда агент воензага упустил два груженных состава оружия и снарядов, проданных украинцам за 6 тыс. марок»³¹². На другой день — снова телеграмма Л. Б. Красину: «Дальнейшая задержка денег — полная катастрофа ... В Минске обобрал все, что мог. Через несколько дней немцы уйдут. Имущество окажется частью уничтоженным, частью эвакуированным, частью в руках враждебных ... Нужно минимум 10 миллионов»³¹³. Пахотившийся в это время в Петрограде Л. Б. Красин только 09.01.19 г. выслал в Минск требуемую сумму³¹⁴. В Петрограде, вероятно, тоже просили денег: судя по «Журналу» комиссии Л. Б. Красина (№ 18 от 11.01.19 г.), председателю петроградского отделения Чрезкомснаб Н. И. Судакову тоже отослали «на покупку оружия в прифронтовой полосе» 1 млн р.³¹⁵. Не дождавшись в Минске, И. Г. Дмитриев уехал в Москву, где получил наличными 15 млн. Мотивировка та же: «На покупку имущества в местностях, оставляемых немцами»³¹⁶.

В течение первых трех месяцев «торговли» (с 20.11.18 по 12.02.19 г.) московское управление Чрезкомснаб авансировало из «особого оборотного фонда» 49 150 000 р.³¹⁷ Для сравнения скажем, что на постановку дела снабжения всей Красной Армии продовольствием и товарами первой необходимости (с 04.12.18 по 20.02.19 г.) из того же фонда было израсходовано 81 409 000 р.³¹⁸.

К февралю 1919 г. спрос на «ленишки» упал — немцы наводнили западные области основательно: одни из агентов-закупщиков, например некто Макаревич, для торговых операций с немцами располагал авансом в сумме 1 825 000 р.³¹⁹ Германских военных интересовали теперь только царские банкноты. Отказа в этом случае не последовало: 12.02.19 г. Чрезкомснаб выслала в Минск 30 млн р. «кредитными билетами старого образца»³²⁰.

Во что в конечном счете обошлось предприятие и насколько рациональным был его результат, определить сложно, «...ибо такие авантюры, а по существу всякая покупка строилась на авантюре, — признавался С. Я. Гросман, — можно расценивать только по их конечным результатам»³²¹. Ясно только, что деньги тратились в суматохе, бестолково и бездарно, многое оказалось выброшенным «на ветер», осело у жулья и прохо-

немцев. В связи с этим уместно сказать и о том, кем непосредственно, какими методами и с помощью каких приемов велась «торговля» с германской армией.

Подготовительная работа по предотвращению вывоза имущества на случай ухода немцев велась нелегальными организациями до начала эвакуации. Этим в Минске, например, занимался В. Я. Рубинштейн, организовавший блокирование паровозов в депо, в результате чего, несмотря на угрозы немцев расстрелами (к счастью — неисполненные), подвижной железнодорожный состав оказался нетронутым³²². Была, как отмечалось выше, своя агентура и у Чрезкомеаб. То есть в тылу у немцев уже имелись люди, потенциально пригодные для тайного советского правительства, их следовало только организовать. С этой целью С. В. Громан (первоначально занимавшийся созданием сети закупочной агентуры для Всероком) просил М. К. Владимирова «срочно обсудить вопрос о посылке за демаркационную линию партийных работников, владеющих немецким языком и могущих соединить пропаганду со скучкой имущества»³²³ (какое поразительное сочетание намерений! — Н. П.). А приехавший следом И. Г. Дмитриев потребовал от Л. Б. Красина («пока имеется некоторая возможность навестить упущенное») безусловного подчинения агентуры, работающей за демаркационной линией, «нашему плану», и вскоре получил его³²⁴.

Основных направлений, по которым действовали за демаркационной линией агенты-закупщики, было два: из Вильно — на Гродно, Ковно, Белосток и Брест (их работу направлял Л. И. Гейнман); и из Барановичей — на Белосток и Брест (там управлялся Г. Г. Хрусталеv)³²⁵. В общей сложности, как утверждал И. Г. Дмитриев, в тылу у немцев работало свыше 80 человек, при этом, надо отдать ему должное, признавал, что, ниская агентов за демаркационную линию, «пришлось ... действовать ... незаконными путями»³²⁶. Координирование в прифронтовой полосе велось из региональных пунктов Центрального Управления (Лунинец, Гомель, Речица, Молодечно, собственно Минск и др.); здесь тоже было занято около сотни агентов³²⁷.

Подводя под свои действия «законную» основу, И. Г. Дмитриев добился в Москве принятия специального «Положения» о своей комиссии: 23.01.19 г. его подготовили и 01.02.19 г. на заседании Чрезкомеаб (прот. № 14/67) приняли; называлось оно без обиняков: «Положение о скучке и сборке имущества в освобождаемых местностях»³²⁸. Не забыта была и агентура. С. В. Громан наставлял: «Местные военные советы посылают

делегации к немецким советам солдатских депутатов, которым предлагают продавать свое имущество (военное. — Н. П.) ... менее нужное им в силу ликвидации войны, но нужное России...» (?! — Н. П.), в случае неудачи переговоров скупку вести «негласную ...местным профсоюзам и комячейкам»³²⁹. Для тех, кто отправлялся за демаркационную линию, И. Г. Дмитриев подготовил специальную инструкцию, из которой явствует, что одни из них отправлялись для закупок («в первую очередь — оружия и снарядов»), другие — с разведывательными целями, «для подготовки сделок..., выяснения ... расположения немецких арсеналов и других складочных мест военного имущества ... как в непосредственной близости от демаркационной, так и в отдаленном тылрасположении»; деньги рекомендовалось «платить только в том случае, когда товар доставлен к демаркационной линии» и имеется возможность «отправки закупленного в пределы расположения наших войсковых частей»³³⁰.

Предвзятый исследователь во всем этом мало что нашел бы предосудительного, — условия войны! Отчасти с этим можно было бы согласиться, если бы не те люди, услугами которых при этом пользовались. Поражает откровенный цинизм, с каким «миссионеры» отзывались о своих «агентах» и в целом о своем «предприятии». С. Я. Гросман, писавший Главначснабу об этой, как он выражался, «авантюре», откровенничал: «Естественно, что порядочные люди на такого рода спекулятивные сделки с немецкими войсками не пошли бы, пришлось обратиться к спекулянтам, а к ним, в качестве контролеров, придать партийных товарищей»: тех из них, которые оказались менее ловкими, удавалось арестовывать, как, например, Макаревича и Хозбешавили, «не сумевших доказать чистоплотность своих операций» и отчитаться за взятые авансовые суммы³³¹. Но таких было немного, основная масса «крутилась» удачно.

Недоверие и подозрительность сквозили даже в отношении к тем «партийным товарищам», кто, казалось бы, стоял вне всяких подозрений. Так, Л. Б. Красин порекомендовал И. Г. Дмитриеву начальника особого отдела Виленского губвоенкомата Г. А. Бурцева, предложив дать ему 1 млн р. для закупок у немцев «некоторых, до зарезу необходимых материалов»; деньги отправили через виленского губвоенкома Итунина, причем когда тот, подстраховываясь, спросил у И. Г. Дмитриева, можно ли выдавать Г. А. Бурцеву 500 тыс. р. к уже выданному полумиллиону, Иван Григорьевич усердно закивал головой; но тут пришла телеграмма от Л. Б. Красина с предложением

«навести тщательные справки», так как он получил «весьма уклончивый ответ» Ф. Э. Дзержинского о Г. А. Бурцеве, просившем к тому же еще 5 млн; сожалея о выданном миллионе, управляющий делами минского отделения Чрезкомснаб З. О. Тамаркин сообщал Л. Б. Красину, что его телеграмма «запоздала»; а Г. А. Бурцеву Л. Б. Красин вежливо ответил: «Перевод по техническим причинам невозможен, спешитесь по поводу финансирования вашей деятельности с Дмитриевым»; и это несмотря на поручительство А. Ломова, предлагавшего Л. Б. Красину оказать Г. А. Бурцеву содействие «деньгами, мандатами и т. п. ... в виду связей его в ВЧК»; сделка не состоялась³³².

Всеобщую подозрительность можно понять, если, как советовал С. Я. Гросман, «принять во внимание, что многие покупки совершались за баснословно дешевую цену», а делалось это с помощью «взятки, дававшихся тем из немецкого командования, от кого в конечном счете зависела эта купля-продажа ... иногда для удачного совершения покупки приходилось тратиться на кутежи и попойки с немецкими офицерами»³³³. В сложной обстановке отступления немцев, считал И. Г. Дмитриев, не оставалось ничего другого, как действовать «главным образом подкупом и взятками ... Были случаи, когда имуществу уже стояло запакованным, или даже уже было погруженным в вагоны, и вовремя данная взятка возвращала его обратно и передавала в наше распоряжение»³³⁴. Объяснить конечно, все можно (объясняя все по-разному), но понимать мы можем только однозначно: эти безобразные признания говорят лишь об одном — как низок был нравственный уровень «вплитиков» революции, в решающей мере определявших (в отличие от расхожего мнения «о роли личности в истории») ее эстетическое содержание.

Размах злоупотреблений при «торговле» оказался велик даже по меркам революционной вседозволенности. В конце марта представитель Госконтроля на Западном фронте Азаров сообщил своему ведомству («в копии» В. И. Ленину), что им «назначена комиссия для чрезвычайной ревизии деятельности тов. Дмитриева»; окольным путем получив информацию, Иван Григорьевич вспылал, потребовал объяснений³³⁵. Гнев оказался неуместным, так как за этим стоял Л. Д. Троцкий, — им были направлены следователи для разбора дел о закупках; пошли аресты³³⁶. Но разобраться в лабиринте махинаций было затеей бесперспективной, ибо закупалось все стихийно, грузилось и отправлялось тоже. А если где-то что-то и учитывалось, то документы либо пропали, как в случае с секретарем

С. Я. Гросмана Г. Г. Лаби, погибшим «со всей отчетностью» в Вильно во время краткосрочного захвата города польскими legionерами в апреле 1919 г.³³⁷, либо сознательно скрыты. Не случайно ведь итоги работы комиссии И. Г. Дмитриева (отчет слушался в октябре 1919 г.) были «приняты к сведению», а не «одобрены», как того добивался автор доклада, — ни финансовых, ни каких-либо других документов представлено не было³³⁸.

Может возникнуть предположение, что все, о чем говорилось выше, стало результатом ведомственной ультрареволюционной инициативы. И тогда можно было бы как-то понять, или по крайней мере объяснить безобразность затеи «торговли» с немецкими частями. Отнюдь нет! Поездка С. В. Громова в Западный военный округ санкционирована председателем Совнаркома В. И. Лениным и заместителем председателя РВСР Э. М. Складским³³⁹, а мандат И. Г. Дмитриева, наделавший его очень широкими «чрезвычайными» полномочиями, подписан В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и Л. Б. Красиным³⁴⁰. «Положение...» о закупках утверждалось Советом Обороны³⁴¹. Да и само поведение «миссионеров», их переписка убеждают в мысли о том, что все делалось в русле общих настроений политического руководства республики. Но тогда мы вправе задаться вопросом: чем торговля с немцами отличалась от поведения, скажем, царского правительства, практиковавшего незаконную покупку оружия в годы первой мировой войны и державшего для этих целей в одном из американских банков 40 млн р.³⁴² И еще. Советская историография часто повествует нам о том, как в конце 1918 г. изгонялись германские войска из советской России, которым так и не удалось «уничтожить советскую власть и восстановить монархию», и как «героически» освобождала Красная Армия занятые немцами территории³⁴³. Приведенные выше факты наводят на размышления иного плана: как, например, расценивать обстоятельство, что в Бресте польские legionеры захватили уже закупленное на 2 млн р. военное имущество только потому, что уходившие немецкие войска значительно опережали не поспевавшие за ними красноармейские части, почему, как считал С. Я. Гросман, «рисковать закупать оружие и пр. за демаркационной линией было опасно»³⁴⁴.

В конце марта (29.03.19 г.) появился пессимистический доклад С. Я. Гросмана Главначснбу (попавший затем к Л. Б. Красиному), резюме которого в следующем: закупки ведутся бессистемно, людьми, не имеющими ни знаний, ни совести; сбор и сортировка — тоже; поэтому работу комиссии следует

прекратить, дело закупок передать партийным органам РКП Латвии и Белоруссии; сбор, сортировку и эвакуацию — местным военным органам, «поставив над ними контролеров из центра»; в противном случае С. Я. Гросман просил освободить его от «обязанностей представителя ЧУС в Комиссии» И. Г. Дмитриева³⁴⁵. Отчасти эти предложения, вероятно, были приняты; по крайней мере те из них, где речь шла о передаче закупок партийным организациям: в сентябре 1919 г. с согласия ЦК РКП(б) (об этом Е. Стасова писала председателю межведомственного финансового совещания Чрезкомснаб П. А. Юзбашеву) З. О. Тамаркин отправился с мандатом Л. Б. Красина для «извлечения всех, находящихся за демарклинией, сумм... и передача их коммунистическим организациям по указанию ЦК Литбел», им же передавалось и имущество, ранее закупленное, но оставленное «у разных лиц»³⁴⁶. (Поездка З. О. Тамаркина оказалась печальной: попав в плен к полякам, он только в феврале 1921 г. через Берлин смог вернуться в Россию, где о нем уже почти позабыли³⁴⁷.)

После пяти месяцев напряженной работы комиссия И. Г. Дмитриева завершила свою работу. В конце апреля управляющий делами Чрезкомснаб В. А. Крит передал И. Г. Дмитриеву распоряжение Л. Б. Красина: «ввиду предстоящей «ликвидации» вашего Управления... приступить к сокращению числа служащих»³⁴⁸. В мае разбором дел Центрального Управления в Минске занялась ликвидационная комиссия, работавшая до июля 1919 г.³⁴⁹ Окончательный отчет И. Г. Дмитриев представил лишь в октябре 1919 г.³⁵⁰

По мере разрастания гражданской войны и увеличения потребностей Красной Армии и в связи с резко ухудшившимся ее снабжением советским правительством в июле 1919 г. была создана система ЧУСО, сменившая оказавшуюся недостаточно дееспособной Чрезкомснаб, которая к октябрю 1919 г. окончательно слилась с ЧУСО. Наряду с прочим к ведомству А. И. Рыкова отошли и внешнеэкономические функции комиссии Л. Б. Красина.

«Внешнеторговые» операции Чрезкомснаб впечатляют своей «новизной» беспринципности, но и она меркнет в сравнении с тем, что происходило во времена ЧУСО. Там тоже счет шел на миллионы, но миллионы «полновесные» — золотом России. А начиналось все довольно прозаично.

Ранее налаженная сеть агентов-закупщиков стала теперь работать под контролем ЧУСО. Среди них, например, Ш. Гордон и Э. Гербер, имевшие мандаты (от 03.10.19 г.) «по закупке и отправке товаров для нужд Красной Армии за пределами демаркационной линии Литвы, Польши, Латвии и Курлянд-

дии»³⁵¹. Приемкой этих товаров (в частности, на участке Двинск — Мозырь) занимался известный нам И. Ф. Бобиков — теперь уже «сотрудник технического бюро Чусоснабарма»³⁵². Как видно из его доклада (от 28.11.19 г.), система ЧУСО унаследовала довольно обширный штат агентов за демаркационной линией, которые с помощью особых отделов красноармейских частей отправляли закупленное в советскую Россию. Так, в октябре 1919 г. этим путем была переброшена крупная партия сахара, для расплаты за которой (с контрагентами) И. Ф. Бобиков и некто Некрасов, получив аванс в 1 млн р., выехали в Оршу; куда же, для экспертизы сахара, помощник ЧУСО П. А. Юзбашев просил Наркомздрав командировать своего представителя³⁵³.

Из ЧУСО оказывалась всяческая поддержка контрабандной торговле. Когда командование Западного фронта (В. М. Гитлис, Р. И. Берзин, Потяев), считавшее «успех закупок весьма сомнительным», задержало агентов, направлявшихся для закупки предметов сапожного производства», А. И. Рыков тотчас ответил телеграммой, требуя «беспрепятственного пропуска за демаркационную агентов с моими мандатами»³⁵⁴. Своеобразно отреагировал А. И. Рыков и на сообщение Г. Д. Вейнберга (от 06.01.20 г.) о реквизициях воинскими частями 8-й дивизии закупаемого за демаркационной линией населением прифронтовой полосы: юридическому отделу ЧУСО он поручил снестись с РВСР «для привлечения к суду 8-ю дивизию» и подготовить, договорившись с Л. Б. Красиным, циркуляр, запрещающий подобные действия»³⁵⁵. Вскоре проект этого циркуляра Н. Б. Эйсмонт направил в РВСР с предложением «вопрос поставить на повестку»; в нем, в частности, говорилось: «РВСР предписывает всем начальникам всех воинских частей под страхом привлечения к строжайшей ответственности принять немедленно меры к прекращению конфискации имущества, привозимого населением из-за границы»³⁵⁶.

Вероятно, к концу 1919 г. размеры контрабандных закупок для Красной Армии достигли предельных размеров: этим самостоятельно занимались Наркомпрод, Наркомздрав, ВСНХ, ЧУСО, другие советские государственные структуры; несогласованность их действий, отсутствие единого контроля за агентами, невозможность устанавливать скоординированные цены... все это привело к мысли о необходимости создания специального аппарата в комиссариате внешней торговли (НКВТ) — проект предложен консультантом ЧУСО М. А. Ильишенко³⁵⁷. Предварительные переговоры по этому поводу с заместителем наркома торговли и промышленности А. Л. Соломоном (их вел И. Ф. Бобиков) дали положительный результат. Там охотно

согласились с предложением, так как считали, что Наркомат торговли и промышленности является «главным и единственным руководителем закупочной деятельности РСФСР»³⁵⁸. После этого А. И. Рыков официально обратился в Наркомторг (30.12.19 г.) с предложением сосредоточить там «все дело приобретения из-за границы... необходимых для Красной Армии предметов», для чего «воспользоваться существующей до сего времени при ЧУСО агентурой (аппарат Б. Арановича) путем принятия старого договора с т. Арановичем или заключения с ним новых условий», авансы, «потребные» для армейских закупок, А. И. Рыков обещал «отпускать без замедления»³⁵⁹.

На этом «самостийный» период внешнеэкономической практики Чрезкомснаб и ЧУСО завершился. Некоторое улучшение снабжения армии, наблюдавшееся в первое время после создания ЧУСО, отодвинуло на задний план необходимость военно-импортных закупок. Однако к середине 1920 г., особенно в связи с разраставшейся советско-польской войной, стало ясно, что никакие, даже сверхчрезвычайные, меры не могут удовлетворить бездонные потребности Красной Армии за счет только внутренних ресурсов России. (Как оказалось позже, и что было доведено до сведения В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, «русские заводы... весьма нуждаются в передышке» и их следовало бы года на три остановить, покупая военное имущество за рубежом³⁶⁰.) В ЧУСО стали поступать предложения обратить внимание на необходимость заграничных закупок. С Западного фронта, например, сообщали, что существующий запрет правительства на вывоз денег за рубеж исключает такую возможность, а между тем кооперативы уже приступили к внешней торговле: предлагалось использовать этот канал, заключить договор с Витебской конторой «Центросекции» и начать закупки необходимых товаров в других странах³⁶¹. Однако объемы потребных закупок были велики настолько, что прибегать к старым кустарным способам было бы нелепо — в октябре 1920 г. к нелегальным заграничным закупкам военного имущества приступили в так называемом «секретном отделе» Управления импорта НКВТ³⁶². Это позволило Главначснabu Л. З. Аккерману заявить в начале ноября: «Приняты меры, чтобы недостающее заготовить за границей... заказы заграничными фирмами... принимаются охотно... и если не будет политических заминок, то эти заказы будут выполнены в ближайшие месяцы»³⁶³.

После передачи в конце 1919 г. дела заграничных закупок из ЧУСО в НКВТ, там приступили к составлению государственного плана военно-импортного снабжения Красной Армии на

1920 г. Заявки, поступавшие от заинтересованных ведомств, дали астрономическую цифру: требовалось закупить военного имущества на сумму в один миллиард рублей золотом³⁶⁴. ЦЕПАЗ, например, представило «ведомость подлежащих ввозу из-за границы товаров... на первое полугодие 1920 г.» на 49 957 035 р. (по ценам 1914 г.)³⁶⁵. Особая комиссия СНК при ЦАС ВСНХ представила плановую заявку... на 50 тыс. автотранспортных единиц³⁶⁶. К 01.10.20 г. сумма заявок «экстренной очереди» составляла 650 млн р. золотом³⁶⁷. Понятно, что этот абсурдный план не мог быть реализован даже по той простой причине, что у советской России не хватило бы транспорта, чтобы перевезти все купленное.

Составлением нового плана на 1921 г. занялась комиссия ЦУС под руководством председателя СВП П. А. Богданова (совместно с Главснабом Л. З. Аккерманом и начальником Управления импорта НКВТ Н. А. Воронежским). К 30.11.20 г. ею был подготовлен план первоочередных закупок на сумму в 255 654 872 р. золотом и 2 858 000 р. николаевскими деньгами³⁶⁸. С этим П. А. Богданов обратился к Л. Д. Троцкому (17.12.20 г.), предложив как можно быстрее утвердить план импортных закупок, так как затяжка «затрудняет их фипапсирование и размещение»³⁶⁹. Спешно образовали Особую комиссию СНК под председательством заместителя наркома внешней торговли М. М. Литвинова (Г. Д. Базилевич, П. А. Богданов, Е. С. Левин, К. Н. Мусатов, А. П. Серебровский, Э. М. Складенский), которая уменьшила смету комиссии П. А. Богданова на 47.281.963 р.³⁷⁰ Пошли протесты, в частности, от представителя ЦАС ВСНХ А. Е. Бондаренко, которому предлагали сократить заявку вдвое (при том, что комиссия П. А. Богданова включила в план импортных закупок из просившихся пятидесяти только одну тысячу автомашин), что, по заявлению А. Е. Бондаренко, означало «полное искажение плана»³⁷¹.

После суммирования дополнительных заявок (поступивших с опозданием и собранных подкомиссиями заместителя Главснаба М. В. Акимов на сумму 46 801 047 р. золотом и 449 000 николаевскими), к началу февраля 1921 г. был «сформирован, — как казалось, — реальный план импортных закупок» в объеме 255 млн. 173 956 золотых рублей³⁷².

Параллельно с подготовкой плана велась и организационная работа по созданию соответствующего исполнительного аппарата для его реализации. Существовавший при ЦУС отдел заграничного снабжения (возник еще летом 1918 г. из переданного Военно-хозяйственным советом в восстанавливавшееся в то время ЦУС Главного управления по заграничному снабжению) до середины 1920 г. был пассивен, составлял разного рода про-

жекты и производил расчеты за импортные операции, осуществившиеся НКВТ³⁷³.

В связи с особыми надеждами, возлагавшимися на предстоявшие закупки, летом 1920 г. в НКВТ стали готовиться к созданию солидного военно-заготовительного отдела. Строился он на основе докладов Седельникова и С. Н. Хитрина, приехавших из Ревеля, где они занимались закупками для Главхозупр, а также С. И. Чердынцева, участвовавшего в закупках Л. Б. Красным в Англии военного сукна для Главтекстиль³⁷⁴.

Поражение Красной Армии под Варшавой в августе 1920 г., всю вину за которое военное руководство возложило на систему снабжения, привело к резкому усилению милитаристских настроений в высшем советском руководстве. В сентябре 1920 г. Л. З. Аккерман предложил ЧУСО дать ЦУС возможность активно участвовать в закупках военного имущества за границей. «Предоставление такого права, — считал Л. З. Аккерман, — необходимо потому, что провал заграничных заготовлений отразится на снабжении Красной армии не менее катастрофически, чем провал работ Промвоенсовета и Высовнархоза»³⁷⁵. В ЧУСО (объединявшей работу СВП и ВСНХ) с неприятным чувством, должно быть, отнеслись к такому пассажу Главначснаба, но вынуждены были уступить — 29.09.20 г. создававшийся военно-заготовительный отдел был переведен из НКВТ в ЦУС, там образован специальный штат в 41 человек³⁷⁶. Таким образом, к Главначснабу отошли административные полномочия, а исполнение заказов некоторое время продолжало оставаться за НКВТ, где этим занимался сохранившийся там «секретный отдел» Управления импорта. К ноябрю 1920 г. роль ЦУС в военно-импортных операциях возросла; там создан обширный Специальный отдел экстренных заказов (Спотэкзак) (отдел заграничного снабжения вошел в него на правах подотдела), который, как следует из отчета помощника ЧУСО «Об обследовании работы Спотэкзак», «состоя при ЦУСе, являясь органом военного ведомства, имел цель наблюдать за прохождением заграничных военных заказов в НКВТ... не неся самостоятельной работы по реализации этих заказов, каковая возлагалась Импортным Управлением НКВТ»³⁷⁷. Как видим, несмотря на кажущееся разделение полномочий между НКВТ и военведом, связь между ними по части военно-импортных закупок оставалась очень тесной. Об этом свидетельствует и тот факт, что возглавлял Спотэкзак начальник Управления импорта НКВТ Н. А. Воропецкий (он же ранее руководил одновременно и работой отдела заграничного снабжения ЦУС), а «для связи Спотэкзак с секретным отделом Управления Им-

порта НКВТ» назначен Е. С. Левин (руководивший до этого «секретным отделом») ³⁷⁸.

Непреодолимые трудности со снабжением армии, с которыми советское правительство встретилось в 1920 г. (особенно в связи с печально складывавшимися обстоятельствами в советско-польской войне), как явствует из говорившегося ранее, подтолкнули большевистское руководство на крайние меры — попытки выйти из положения, истратив часть золотого запаса России. Одновременно с организационной подготовкой к военно-импортным закупкам началась и практическая реализация этой затеи. Пока комиссия П. А. Богданова готовила «план», а комиссия СНК то сокращала его, то увеличивала, НКВТ, а затем и Спотэкзак приступили к международным закупкам. В конце мая 1920 г. М. М. Литвинов сообщил Г. В. Чичерину о предложении Германии «продать большую партию оружия... с доставкой в Мурманск и Архангельск», просил немедленно ответить, «...можно ли покупать на золото», так как «потребуется огромные деньги» ³⁷⁹. Ответ мог быть только положительным, так как в Совете Обороны (прот. № 120 от 12.05.20 г.) уж было решено «отпустить в распоряжение НКВТ 5 млн. р. золотом на предмет приобретения некоторых, особенно необходимых, для армии товаров» ³⁸⁰. Как только Наркомвнешторг (в связи с сообщением М. М. Литвинова) запросил ЧУСО «надо ли вести переговоры или прекратить», оттуда тотчас потребовали от ЦУС собрать сведения, «какое количество пушек, пулеметов, патронов... желательно получить и в какой срок» ³⁸¹. В ЦУС ждать не заставили, одно за другим поплыли сообщения: «В отношении винтовок — желательно получить сколько можно, т. к. по плану снабжения (I — Н. П.) на 01.01.21 г. предвидится недостаток в 12 000 000 штук»; хорошо бы закупить 500 самолетов и до 10 000 пулеметов, «которых будет не хватать по плановой потребности на 01.01.21 г.», а еще 21 500 автоматических ружей; что касается артиллерии, то ГАУ просило «как минимум — 874 орудия разного калибра, как максимум — 10 849 (I — Н. П.)»; да еще патронов разных от 4 до 5,5 млрд. штук. — Таким образом, заключал Главначснаб Л. З. Аккерман можно будет «вполне удовлетворить потребность на 1921 г.» ³⁸². Об этом Н. Б. Эйсмонт и сообщил в НКВТ, добавив: «Срок доставки всего упомянутого — желательно минимальный» ³⁸³. Вскоре НКВТ (09.07.20 г.) передал Н. Б. Эйсмонту предложение американцев продать обмундирование... и опять реакция мгновенная: «Все без исключения предлагаемые товары крайне желательно приобрести... неважно, если некоторые предметы будут отличаться внешним видом от нашего обмундирования» ³⁸⁴.

Как только в Москве стало известно о провале под Варшавой, срочно собралось Оргбюро ЦК РКП(б) (прот. № 47 «а» от 20.08.20 г.), где обязали А. И. Рыкова и А. М. Лежаву, после их докладов о положении со снабжением армии, «... в течение 24 часов... составить определенную программу военных закупок за границей... сообщить ее в копии тт. Крестинскому и Троцкому и немедленно дать заказы заграничным агентам»³⁸⁵. Это постановление было выполнено, вероятно, очень быстро, так как 25.08.20 г. М. М. Литвинов писал Г. В. Чичерину из Копенгагена: «Я до сих пор отклонял предложения на обувь. Приходится вновь запрашивать»³⁸⁶. Одновременно М. М. Литвинов сообщал о предложении итальянского правительства продать по сходной цене 100 тыс. пар ботинок и большое количество шинелей, а также несколько сот самолетов и до 400 грузовых автомобилей. «При этом, — писал он, — итальянское правительство доставку в черноморские порты обеспечивает». Сообщение вызвало восторг у В. И. Ленина, тотчас поручившего Э. М. Склянскому и Н. Б. Эйсмунту: «Спешно... архиважно. Обсудите с Лежавой. Не прозевайте»³⁸⁷. Особо «чрезвычайная» комиссия по снабжению армии, образованная Л. Д. Троцким после варшавского синдрома, на первом заседании (07.09.20 г.) записала: положение с зимним обмундированием «угрожающее», следует приступить к закупкам за границей, «не останавливаясь ни перед какими жертвами»; но «угрожающим» положение было со всем, что требовалось армии, в том числе и с патронами, например; поэтому «по результатам протокола» этой комиссии решено заказать за границей 400 тыс. пудов латуни³⁸⁸ (для сравнения скажем: месячная потребность всех патронных заводов республики в 1919 г. составляла 49 тыс. пудов латуни³⁸⁹).

Руководство Западного фронта, оказавшись в неимоверно сложном положении, в свою очередь самостоятельно обратилось к услугам импорта: как только стало известно о возможности получения крупной партии оружия из Германии (на сумму в 27 млн. марок), И. С. Уншлихт «срочно» запросил у Л. Д. Троцкого «принципиального согласия» и «денежных знаков на выплату через Коппа или Гуковского»; резолюция Л. Д. Троцкого: «Рыкову... необходимо немедленно сделать»³⁹⁰. Два дня спустя — телеграмма от И. С. Уншлихта: «Заключена сделка на попошенное, но вполне исправное английское обмундирование, обувь, германские винтовки, патроны... Выясняя возможность и безопасность переправки золота Коппу»³⁹¹ в Берлин. Размах закупок из Смоленска предполагался обширный. Для этих целей при Управлении Уполномоченного ЧУСО на Западном фронте организовывался специальный отдел под руковод-

ством Эстермана; Чусо Зап М. Л. Никифоров просил Н. Б. Эйсмонта согласовать это с НКВТ; ответ последовал незамедлительно: «С согласия Лежавы, вам и Уншлихту... предоставлено право закупать за границей» обмундирование, вооружение, самолеты и проч.³⁹²

С сентября 1920 г., как видно, военные получили «режим наибольшего благоприятствования» во внешней торговле советской России. Начинаясь заграничный закупочный беспредел: составление планов, возникновение Спотэкзак, секретные закупки и т. д. Что там какие-то (досентябрьские) 40 тыс. комплектов белья или тысяча тонн подошвенной кожи! «Чусо снабрмом ныне посылается согласие на возможное увеличение заказов», — сообщалось в справке Наркомвнешторга от 07.09.20 г.³⁹³ Теперь счет шел уже на порядок выше. На политическом поприще появились и новые люди, подброшенные волной импортного ажиотажа: М. М. Литвинов — за усердие, надо думать, — стал активно продвигаться по служебной лестнице: в декабре 1920 г. он заместитель управляющего учетным отделом Управления импорта НКВТ³⁹⁴.

Чтобы поправить положение на Западном фронте, использовались любые, даже самые невероятные возможности в деле импортных закупок. В Польше, например, Внешторг намеревался приобрести большое количество товаров для воздухофлота (47 наименований), для ГАУ (11 наименований), Главлхозупр (12 наименований), ГВИУ (106 наименований), 20.09.20 г. помощник Чусо М. Д. Шенин предлагал начальнику Главхозупр В. Я. Рискину сообщить А. М. Лежаве «адрес, куда Внешторг может направлять закупленные им товары»³⁹⁵. Использовали и людей, чьи предложения сулили хоть какую-то реальную пользу. Так, Я. П. Бронштейн просил А. И. Рыкова (04.09.20 г.) направить его в Норвегию, знание которой и тамошних «коммерсантов» (занимавшихся снабжением даже Германии, «несмотря на все строгости стран Соглашения») позволяло ему надеяться на успех операций; «Эта группа коммерсантов, — писал Я. П. Бронштейн, — довольно значительная, заинтересована только наживой, безусловно может быть привлечена к приобретению необходимых для нас вещей... Нужен солидный текущий счет в одном-двух банках; товары можно везти, считал Я. П. Бронштейн, в Архангельск, «но лучше (хоть и дороже) в Мурманск... оттуда по железной дороге направлять в Центр»; «Необходимо спешить», — заключал будущий советский коммерсант³⁹⁶. А. И. Рыков спешил — 11.09.20 г. он поручил Н. Б. Эйсмону направить Я. П. Бронштейна в заграничный вояж, а Наркомвнешторг вслед ему направил 5 млн норвежских крон, не получив которые в течение недели, Я. П.

Бронштейн прислал раздраженную телеграмму: «Считаю такое отношение к делу преступным. Категорически настаиваю на немедленном переводе денег, иначе вынужден возвратиться в Россию»³⁹⁷.

В ноябре стали поступать интересующие нас сведения еще от одного эмиссара — от Л. Б. Красина. Г. В. Чичерину сообщалось о полученном предложении продать (по 25 долларов за штуку) 1 млн 200 тыс. винтовок русского образца и патронов к ним, изготовленных в Америке по договору царского правительства от мая 1915 г.; товар находился в Норвегии и мог быть доставлен в Мурманск, «вся операция, — писал Л. Б. Красин, — будет стоить около 18 млн золотых рублей»³⁹⁸. После обсуждения в Москве решено поручить Л. Б. Красину купить 200 тыс. винтовок с патронами; при этом П. А. Богданов настаивал на закупке всей партии, что позволило бы обеспечить армию на три года, остановив на это время российские военные заводы; П. А. Богданов отчасти поддержал Н. Б. Эйсмонт, предложивший В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому (21.12.20 г.) дать команду Л. Б. Красину купить еще 300 тыс. винтовок и патронов к ним, направив на это 4,5 млн золотых рублей (10 млн долларов), которые следовало бы дать «сверх кредита, предусмотренного проектом импортного плана»³⁹⁹. Получил ли Л. Б. Красин дополнительное поручение, сказать трудно, но косвенно можно установить, что получил, так как сумма расходов в Лондоне, судя по смете распределения кредитов Спотэкзак, составила более 18 млн золотых рублей⁴⁰⁰.

В конце 1920 г., по словам А. В. Эйдука, берлинским представителем НКВТ были куплены для Красной Армии 400 тыс. шинелей, 98 тыс. пар ботинок и 61 тыс. пар сапог — всего на сумму 84 млн 259 000 германских марок; кроме того, 28 400 000 германских марок истрачены на обмундирование для русских военнопленных в Польше и интернированных в Германии⁴⁰¹. Первая партия этих товаров пришла в декабре 1920 г. на пароходе «Георг» из Стокгольма в Ревель, куда Н. Б. Эйсмонт направил С. Н. Хитрина для их приемки⁴⁰².

Архивные документы сохранили в деталях подоплеку поведения «новых красных хозяев» во внешней торговле в годы военного коммунизма. Определение «хаос» в данном случае представляется неуместным — следовало бы употребить более резкие выражения. До августа 1920 г., например, через ревельскую контору НКВТ прошло 1 015 915 кг кожи на 4 402 785 золотых рублей и 852 186 финских марок, «сколько фактически досталось коже республике, когда она прибыла и кому сдана, сведений не имеется», отмечалось в докладе об обследовании работы Спотэкзак⁴⁰³. И это неудивительно. Как сообщал в

ЧУСО уполномоченный Спотэкзак в Ревеле (письмо от 04.01.21 г.), в Ямбург поступают «громадные партии всевозможных товаров», склады переполнены, вывозить печем, нет транспорта⁴⁰⁴.

В декабре 1920 г. заместитель наркома внешней торговли А. М. Лежава, сетуя на «опыт контрабандной торговли», просил ЧУСО прекратить самостоятельные закупки, закупочные комиссии расформировать, а заявки направлять в Спотэкзак, с помощью которого «закупки можно вести легально»⁴⁰⁵. Соответствующие распоряжения были сделаны. Казалось, все шло к упорядочению внешней торговли. С точки зрения организационной примерно так и было, но поведение непосредственных исполнителей заставляет по-иному оценивать содержание конкретных действий. Так, в Берлине представитель НКВТ Копп закупил различных товаров на сумму 106 250 000 немецких марок; проверка прохождения товаров так и не установила, «в счет какой сметы, в счет какой заявки произведена эта закупка», которая «сметой Спотэкзак не предусмотрена, прошла почти без его ведома»⁴⁰⁶. В декабре 1920 г. лекто Аксельрод сообщил о предложении двух тысяч пар кожаных сапог по цене 285 германских марок; из Москвы дали согласие на заключение сделки, но Аксельрод закупил... 20 тыс. пар; попытка аннулировать заказ из-за, оказалось, высокой цены, результата не дала и во избежание политического скандала заказ пришлось принять; как отмечалось в мае 1921 г., «сапог этих до сих пор нет... и судьба их неизвестна»⁴⁰⁷. В конце 1920 — начале 1921 г. состоялась договоренность с итальянскими фирмами на поставку в Россию 500 полутонн «фиатов», но комиссия СНК изменила план импортных закупок для ЦАС ВСНХ и от контракта пришлось отказаться⁴⁰⁸. Число примеров можно множить: в Москве, вместо ожидавшихся резиновых сапог, появились... калоши; купленные в Италии запасные части для автомобилей, оказались непригодными в России; приобретенные Я. П. Бронштейном в Христиании (Норвегия) 6 тыс. пар сапог оказались «купленными без всякого наряда и плана»⁴⁰⁹ и т. д. Очень часто товары закупались через посреднические фирмы, что в дальнейшем исключало возможность приобретения запасных частей; товары, купленные в одной стране (в Норвегии, например), можно было приобрести намного дешевле в другой (в Германии, скажем). Когда на это указали Я. П. Бронштейну, заметив, что «такие сделки чрезвычайно компрометируют РСФСР на западе», тот разразился малоубедительным по содержанию, но безапелляционным по тону письмом к А. М. Лежаве, которого, якобы «сознательно вводят в заблуждение»⁴¹⁰. Пришлось создавать специальную комиссию по рассле-

дованию закупок в Норвегии, которая признала их бессистемными и невалифицированными: переплаты составляли от 80 до 260% (в целом на 2 616 000 крон, или 800 тыс. золотых рублей); часто покупалось то, что имелось в достаточном количестве в России; сроки поставок были очень длительными — до 14 месяцев и т. д.⁴¹¹

Советских «дипломатов» легко и часто обманывали. Как сообщал А. И. Рыкову А. В. Эйдук из Берлина, там закупили крупную партию ботинок «почти новых», т. е. оказавшихся пошеными⁴¹². Заключенный в Ревеле в октябре 1920 г. контракт на 3 млн. пар американской обуви, оказался «крайне невыгодным», как по условиям оплаты, так и «за непригодностью обуви для Красной Армии по причине маломерности»⁴¹³. Эти факты не были исключением; в марте 1921 г. начальник Главхозупр предлагал заместителю Главначсбыта Д. М. Кану, «ввиду предстоящих больших и весьма срочных закупок за границей» и в связи с тем, что «покупки, совершаемые до сих пор, не всегда оказывались вполне удачными», как, например, «купленное и забракованное обмундирование», обратить на это внимание НКВТ⁴¹⁴ — В. Люблин выражался сдержанно, для военного и худой импорт был гораздо предпочтительней российского «снабжения».

С советской стороны тоже были попытки словчить, как, скажем, надежды на удававшиеся ранее расчеты николаевскими банкнотами. Но с середины 1920 г. они оказались почти несбыточными. И тем не менее государственный импортный план, утвержденный комиссией СНК, предусматривал такие закупки на сумму в 3 млн 34 000 р.⁴¹⁵ О том, как это было наивно, свидетельствует результат: к февралю 1921 г. из этой суммы истратили лишь 27 968 р.⁴¹⁶

Совершенно безобразными оказались валютные операции. Ю. В. Ломоносов, реализовавший в Стокгольме российское золото на валюту, вел себя, мягко говоря, неосмотрительно. Европейские банки, ранее охотно дававшие любую валюту под обеспечение русским золотом, быстро отреагировали на его «щедкость», приостановив выдачи валют на надежде на снижение цены на советское золото. Из Ревеля писали в ЧУСО: «Мы вынуждены будем пойти на это, так как в противном случае придется платить огромные неустойки поставщикам...»⁴¹⁷. Торговали советские дипломаты не скупясь: когда в Ташкенте узнали о возможности закупить через Баку 100 тыс. пар кожаной обуви, уполномоченный НКВТ Владимиров и заместитель УчсоТурк А. Н. Войтов тут же отправили телеграмму уполномоченному НКВТ в Баку И. Ф. Бобикову и чусо 11-й армии П. Г. Журиду с просьбой закупить для Туркестана 50 тыс. пар.

«Предложенная цена 5 р. золотом высока... но в крайнем случае соглашайтесь... деньги высылаем нарочным в сумме 250 000 р. золотом», — спешили сообщить из Ташкента; сделка состоялась⁴¹⁸. Не лучшим образом в этом отношении вел себя в Норвегии Я. П. Бронштейн. Из его крайне оптимистического доклада явствует: первоначально норвежское правительство отнеслось к его приезду сдержанно, так как «белая эмиграция заявила, что я брат Троцкого и приехал в целях большевистской пропаганды», но вскоре, «как только норвежское правительство почувствовало «золотой мешок» и что на мое имя в банк переводятся солидные суммы — я был для них желанный гость»; коммивояжер Я. П. Бронштейн считал, что «Норвегия переживает страшный экономический кризис», поэтому условия для торговли с Россией там превосходные⁴¹⁹. Эти и подобные им «экспертные» оценки вводили в наивное заблуждение московский Внешторг — одна за другой пабегали песуразности, а внешняя торговля вместе с этим превращалась еще и в поприще успешной реализации личных интересов. Поэтому вполне справедливо заключение ЧУСО по итогам обследования Спотэкзак: «Такая постановка дела создает самую благоприятную почву для всякого рода злоупотреблений» служебным положением⁴²⁰.

В общей сложности, по данным Спотэкзак, с ноября 1920 по март 1921 г. (пока велось составление военно-импортного плана) за рубежом было закуплено военного имущества на сумму в 88 млн 503 387 золотых рублей⁴²¹, однако цифру эту из-за полной неразберихи в деле импортных закупок (так считали и в ЧУСО⁴²²), следует поставить под сомнение. В подкомиссии Госплана по внешней торговле и концессиям, например, (прот. № 15 от 17.05.21 г.), считали, что к 15.02.21 г. было совершено импортных закупок на 93 883 678 р.⁴²³

Реализовать свои планы (к тому же далеко не полностью) к середине февраля 1921 г. успели только некоторые из 21 Главного управления, занятых снабжением Красной Армии, среди них: Главхозупр — на 81 359 322 р., ЦАС — на 2 764 622, Управление связи (УСКА) — на 2 037 876, ЦЕПАЗ — на 1 293 101, Управление авиаснабжения — на 915 649 р.⁴²⁴ Товары закупались в Англии, Германии, Польше, Италии, Америке, в скандинавских странах⁴²⁵.

Военно- импортные планы советского руководства выявили еще одну грань облика чрезвычайщины. Поступавшие фантастические заявки говорят только об одном — о невежестве их авторов, надеявшихся с помощью импортных закупок решить все проблемы разваливавшегося военного производства. Мысль о необходимости остановить военную промышленность на три

года, закупая в это время все необходимое для армии за рубежом, чтобы восстановить свои заводы, как это предлагал председатель СВП П. А. Богданов (и его поддержали Н. Б. Эйсмонт и др.) не может не вызывать удивления и растерянности даже у неэкономиста. И это предлагал будущий председатель ВСНХ! Начальник интендантского отдела СВП А.Д. Кишкин-Любавский развивал идею П. А. Богданова так: купить 10 млн аршин брезента и таким образом избавиться от хлопот с легкой промышленностью⁴²⁶. Эти абсурдные предложения поступали не в какой-нибудь сельский совет, а в Совет Обороны республики!

Курс советского правительства на импортные закупки был понят военными буквально. Однако головокружительные милитаристские надежды подтолкнуть революции в Европе с помощью самих европейских стран имели столько же рационального смысла, как и идеи остановки российской промышленности. Как ни плохи были дела в Европе, способствовать чрезмерному усилению Красной Армии там не стали бы. У советских политиков, в свою очередь, тоже появились элементы здравого смысла и осознанной реальности. Стали говорить об экономических реформах как пути выхода из политического кризиса. Разумеется и внешнеэкономический курс стал резко меняться. На смену милитаристским заказам пришли заботы об экономическом выживании. Один из первых признаков — работа Особой комиссии СНК по пересмотру военно-импортного плана, предложившей в январе 1921 г. сократить его на 60 850 533 р.⁴²⁷ Как указывалось выше, это предложение не прошло и ранее предлагавшийся комиссией П. А. Богданова объем закупок сохранился почти нетронутым.

В феврале 1921 г. произошли резкие перемены; 15.02.21 г. состоялось постановление СНК о создании общеплановой комиссии с участием экспертов для сокращения плана импортных закупок и их унифицирования «с точки зрения практической применимости покупаемого при настоящих наших хозяйственных условиях»; впредь Внешторгу запрещалось выходить за пределы 1/5 существовавших планов, подлежавших пересмотру; для военного ведомства — за пределы 1/10 планировавшегося ранее⁴²⁸. Это означало, что из оставшихся 169 588 231 р. (из утвержденных в январе 1921 г. комиссией СНК 255 654 872 р.) можно было расходовать на военные нужды только 25 517 395 р.⁴²⁹ Сверх этого на приобретение автотранспорта СНК отпустил 17 900 000 р.⁴³⁰ Понятно, с каким раздражением отнеслись в военном ведомстве к этому постановлению СНК. Из Спотакзак писали: «Четыре раза мы создавали военно-импортный план и четыре раза он был аннулирован»⁴³¹. Такая реак-

ция была плодом болезненного самолюбия — военно-импортные закупки, как мы убедились выше, проходили своим чередом и в довольно крупных масштабах.

Разрешенные к реализации 25,5 млн. р. решили поделить следующим образом: 16.03.21 г. А. М. Лежава предложил Н. Б. Эйсмонта созвать специальную комиссию «для разверстки указанной суммы», при этом Главком С. С. Каменев приписал: «При сложившихся обстоятельствах признаю единственным выходом обратить всю сумму... на покупку... обмундирования»⁴³². 22.03.21 г. в Управлении ЧУСО собрались заинтересованные лица, каждому из которых досталась своя доля: больше всего Главхозупр — 19 323 000 р. (исключительно на обмундирование), Управление авиаснабжения получило 2 240 000 р. (на покупку самолетов), Главмортех и ЦЕПАЗ поимели по одному миллиону... всего около полутора десятка Главков (заявки ГАУ и ГВИУ не рассматривались)⁴³³. Шум на совещании, похоже, был большим, так как на следующий день в ЧУСО состоялось специальное совещание под председательством Н. Б. Эйсмонта, признавшее (если не будет «реально» сокращена армия) необходимым «немедленно ассигновать дополнительно 20 млн золотых рублей на покупку 2,5 млн комплектов суконного обмундирования...» и еще 5 млн золотом для закупки 4 млн аршин брезента⁴³⁴. «Суконный вопрос» был поднят не случайно — двумя днями раньше интендантский отдел СВВ пришел к печальному заключению: «Суконное обмундирование в 1921 г. строиться вовсе не будет, т. к. Главтекстиль не может обеспечить мастерские суконным полотном» совершенно⁴³⁵.

Дела в республике были плохи настолько, что о снабжении армии артиллерийскими видами довольствия уже не велось и речи — армию не во что было даже одеть. К тому же в феврале 1921 г. активно взялись за практическую реализацию идеи разгона армии — о перспективах мировой революции предполочалось не говорить.

Предложение А. М. Лежавы заняться военно-импортным планом в ЧУСО и сама работа комиссии Н. Б. Эйсмонта по существу сделали Спотэкзак ненужным при ЦУС. Действительно, если ЦУС собирало заявки и на их основе составляло смету, то теперь Н. Б. Эйсмонт давал деньги главкам и Управлениям, а те под них должны были составлять номенклатуру заявок — действие вполне разумное, так как ограничивало фантазии заинтересованных контор. Среди военных это почувствовали очень быстро и обвинили Н. Б. Эйсмонта в разрушении работы Спотэкзак⁴³⁶. Но влияние военных в политическом руководстве республикой к весне 1921 г. резко пошло на убыль. Отразилось это и на руководстве военно-импортными закупка-

ми. Мало того, что их сильно ограничили (постановление СНК от 15.02.21 г.), так еще и изъяли из-под контроля военведа — 17.02.21 г. СНК постановил передать Спотэкзак в НКВТ, что и было сделано 26.02.21 г.⁴³⁷ С переходом в НКВТ Спотэкзак превратился в отдел Управления импорта, соединившись там с «секретным отделом»⁴³⁸. Таким образом, была восстановлена структура, намечавшаяся еще летом 1920 г., только на этот раз военные остались уже и без внешнеторговой посреднической конторы при ЦУС. Перед переформированным Спотэкзаком поставили две задачи: закончить операции в счет 88 млн. кредита, уже помещенного в закупки; и реализовать новый 25-миллионный кредит, отпущенный СНК 15.02.21 г.⁴³⁹ Управляющий Спотэкзак (им стал Е. С. Левин) подчинялся начальнику Управления импорта НКВТ (Н. А. Воронецкому) и был ответственен перед ЧУСО как ее представитель в НКВТ. Переход Спотэкзак во Внешторг сопровождался всевозможными ограничениями — при молчаливой поддержке из ЧУСО — его прежней внешнеторговой волеицы. Не желавший (или неспособный) это понять Е. С. Левин 23.03.21 г. направил Н. Б. Эйсмонту «докладную записку», предлагая срочно изъять Спотэкзак из подчинения Управлению импорта и обособить военный план закупок, благо, как он писал, имеется «самостоятельная закупочная агентура в виде заграничных отделений» в Ревеле, Берлине, Италии «и намечается еще ряд других» в европейских странах⁴⁴⁰. Днем раньше он просил Н. Б. Эйсмонта «для усиления авторитета... военведомства во внешторге» назначить его «как военного представителя... уполномоченным ЧУСО по заграничному снабжению»⁴⁴¹. Три дня спустя Е. С. Левин направил донос на Н. А. Воронецкого⁴⁴². «Усердие» управляющего не осталось незамеченным; в мае 1921 г. руководителем Спотэкзак стал Ник. Орлов⁴⁴³. А обследовавший в это время работу Спотэкзак помощник ЧУСО (судя по всему, это был В. В. Гомбарг) пришел к заключению о его бесполезности для военного ведомства и необходимости замены его военным отделом Управления импорта НКВТ⁴⁴⁴. Так, в очередной раз, военвед терял свои позиции в условиях наступающих экономических реформ.

Несмотря на начавшийся с декабря 1920 г. постепенный роспуск Красной Армии, численность ее к весне 1921 г. оставалась непропорциональной возможностям вконец развалившейся экономики. В начале апреля Н. Б. Эйсмонт обратился к Л. Д. Троцкому, Э. М. Складанскому и А. И. Рыкову с докладом, где доказывал полную неспособность республики снабжать существующую армию; надо было или немедленно сократить ее

еще раз вдвое, или вернуться к «чрезвычайным» мерам, предложенным Чусоснабармом в марте и «отвергнутым Совнаркомом» (закупки за границей, бронирование за ЧУСО и т. д.)⁴⁴⁵.

Положение, действительно, было невыносимым, а поступавшие из-за рубежа лестные предложения давали повод надеяться на возможность быстрого выхода из кризиса. Я. П. Бронштейн, например, уговаривал А. И. Рыкова обратить внимание на Норвегию и Данию, где из-за «отчаянного кризиса... крупные мануфактуры, обувные и обмундировочные фабрики предлагают работать исключительно на нас», при этом они якобы соглашались допустить для руководства работой «наших инженеров и инструкторов»; или приступить к закупкам в той же Норвегии, где ему «предлагали 2 000 000 комплектов американского обмундирования»; в любом случае надо поступать максимально быстро, считал Я. П. Бронштейн, так как «положение с вещдовольствием Красной Армии все ухудшается... катастрофа близка»⁴⁴⁶. Помня старый опыт контрабандной торговли, периферийные структуры ЧУСО стали требовать вернуться к нему; так, инчусо Волины И. М. Грушко предлагал УЧУСОУкр-Крыма организовать — наряду с официальными — секретные закупки товаров через территорию Польши⁴⁴⁷. Нашлись старые агенты, готовые закупить «большие партии товаров для Красной Армии» в самой Польше — предложение, очень заинтересовавшее помощника Чусо В. В. Гомбарга, просившего НКВТ «в срочном порядке» использовать его как «крайне необходимое для Красной Армии», но получившего отказ из-за несогласованности с существующим теперь Советом внешней торговли⁴⁴⁸. Однако контрабандная торговля продолжала существовать, услугами ее пользовались на довольно высоком уровне советских учреждений: поступали товары из Польши⁴⁴⁹; Главнохозупр занималось «товарообменными экспедициями» (Обь-Иртышской и Енисейской) с англичанами в Карском море⁴⁵⁰ и проч. Но все это было уже остаточными симптомами самодеятельности военного ведомства. На общегосударственном уровне внешнеэкономическая политика менялась достаточно быстро и далеко не в милитаристских интересах: 13.05.21 г. на заседании СТО (прот. № 213) после докладов Н. Б. Эйсмонта и П. Л. Войкова об импортных закупках для военведа, решено предложить НКВТ «приостановить использование заявок в пределах 20 000 000 р., оставшихся нереализованными (из 25 млн. отпущенных в феврале. — Н. П.), и поручить Госплану пересмотреть их»; но, как сказано в документе, «с наибольшим соблюдением тайны»⁴⁵¹. Перед недавно образованным Госпланом (возник 01.04.21 г. после предложения А. И. Рыкова на заседании СТО — прот. № 201; его Президиум; председатель

Г. М. Кржижановский, заместитель председателя П. С. Осадчий, члены — И. Г. Александров, А. И. Долгов, Л. Н. Крипман⁴⁵²) была поставлена очень сложная задача. Собравшаяся 17.06.21 г. подкомиссия Госплана по внешней торговле и концессиям под председательством П. С. Осадчего, послушав представителей НКВТ (о заключенных уже контрактах на 4 979 450 р.) и заинтересованные ведомства (Главначснаба Г. Д. Базилевича, его заместителя Д. М. Кана, начальника Главхозупр В. Люблина, представителя Главкож ВСНХ Фушмана), вдруг приняла решение, противоречащее постановлению СТО: учитывая, что на оставшиеся 20 млн р. можно обмундировать только 400 тыс. человек, а также неоправдавшиеся предположения (при составлении 25-миллионной сметы), что часть необходимого можно будет получить в России... отпустить ЧУСО 20 млн р.; к тому же «ввиду невозможности поставить снабжение армии на заграничных закупках, войти в СТО с предложением забронировать материалы для военного ведомства...»; Чусоснабарму представить план использования отпущенных 20 млн р.⁴⁵³ Окрыленные такой щедростью, военные в тот же день собрались в Управлении ЧУСО, поделив отпущенные деньги: Главхозупр — 15 325 000 р., Главкож — 4 500 000, Управлению авиаснабжения — 148 000 и т. д.⁴⁵⁴ Соответствующие планы стали строить и низовые подразделения, в Управлении морского хозяйства (Морхоз), например, надеялись закупить сукна на 2 млн 136 270 р.⁴⁵⁵

Подобные действия, надо думать, вызвали крайне отрицательную реакцию в Совете Обороны. Там срочно образовали комиссию (Н. Б. Эйсмонт, В. С. Михайлов, С. И. Гусев, П. Л. Войков), поручив ей произвести «сокращение закупок в максимальных размерах»⁴⁵⁶. Поручение «пересмотреть решение Госплана о военных закупках и сообщить в Политбюро» эта комиссия получила и из ЦК РКП(б)⁴⁵⁷. Задание было выполнено аккуратно: 21.06.21 г. комиссия (в новом составе — Н. Б. Эйсмонта и С. И. Гусева сменили М. Д. Шеин и В. М. Молотов), несмотря на активные возражения М. Д. Шеина, обязала ЧУСО к 28.06.21 г. представить план закупок на... 3 млн р.⁴⁵⁸ Добился ли М. Д. Шеин увеличения отпущавшейся суммы или действовал на свой страх и риск, по 27 и 28.06.21 г. в ЧУСО делили 4,5 млн р., три из которых направлялись на покупку готового обмундирования⁴⁵⁹. Надо думать, цифра была завышена самостоятельно, так как вскоре ее пришлось сократить до 4 млн р., а следом пришло напоминание из НКВТ о трехмиллионном кредите, который только и следовало распределять⁴⁶⁰. Такова была реальность, принять которую в среде военных не спешили. В интендантском отделе СВВ, например, когда речь

шла о срыве поставок в армию лаптей (из планировавшихся Наркомпродом собрать в 1921 г. 6 млн 923 630 пар, к 10.08.21 г. было собрано лишь 3 280 383 пары⁴⁶¹), сочли возможным не беспокоиться на этот счет, так как «с сентября месяца за сокращением армии и получением в большом количестве заграничной обуви, предполагается всю Красную Армию снабдить кожанобувью»⁴⁶². Такие надежды, если вспомнить прошлый опыт, были небеспочвенны. Но обстоятельства менялись: из 29 957 610 золотых рублей, планировавшихся комиссией Совета Обороны (В. А. Аванесов, П. С. Осадчий, Хинчук) на государственные импортные закупки второй половины 1921 г., военведу, по словам М. М. Литвинова, было выделено лишь 1,5 млн. р.⁴⁶³, т. е. расход золота на быстро ставшую ненужной при новых экономических условиях многомиллионную Красную Армию был сведен до минимума.

Изложенное выше подводит, как это ни прискорбно, к весьма безрадостным выводам. За сравнительно короткий промежуток времени (примерно семь-восемь месяцев второй половины 1920 — начала 1921 г.) на военно-импортные закупки советское правительство израсходовало (только по нашим подсчетам и по далеко не полным данным) свыше ста миллионов золотых рублей. Национальный золотой запас тратился не профессионально и расточительно. Делалось это исполнительной властью с соблюдением «тайны», без всяких там обсуждений и голосований в законодательных правительственных органах — во ВЦИК, например. В ходе военно-импортных закупок выявилась, среди прочего, и такая черта невежества советских управленцев, как уверенность в возможности решить таким образом все армейские проблемы (быстро, нехлопотно и качественно), не задумываясь о судьбе отечественной промышленности. Как нетрудно было заметить из содержания сказанного выше, большей частью импорта с течением времени становилось армейское обмундирование, т. е. продукция тех отраслей промышленности, которые в первую очередь оказываются расстроеными в результате экономического упадка. Нетрудно представить, сколько потребовалось бы золота, продлились военно-коммунистические настроения еще какое-то время, когда необходимо было бы закупать продукцию тяжелой промышленности, а такие перспективы предполагались, и достаточно серьезные (предложение П. А. Богданова, например). И последнее. Советская историография часто и усердно муссировала тезис об иностранной помощи Белому движению. Приведенные выше факты — лишь малая толика слабо изученной проблемы использования советским правительством старых российских арсеналов и внешних военных заказов, чем,

собственно, и было то, что получало Белое движение в виде так называемой «империалистической помощи».

Подводя окончательный итог, попытаемся хотя бы отчасти ответить на вопрос: почему стали возможны внешнеторговые операции советского правительства в 1920 — начале 1921 г., да еще и преимущественно милитаристского характера? На наш взгляд, причин тому несколько: Россия для Европы, переживавшей послевоенный кризис, оказалась очень удобным рынком сбыта старого военного хлама (к тому же часто заказанного ранее самой Россией — царской); полный развал экономики, толкавший большевистское руководство на любые меры, дабы удержаться у власти, — отсюда щедрая расплата золотом; отсутствие профессионалов и профессионального опыта в сфере внешнеэкономической деятельности, позволявшее западным коммерсантам достаточно вольно обращаться с «красными дипломатами» (легко заключавшими абсурдно-нелепые торговые сделки) и потому так охотно шедшими на контакты даже с ненавистным большевистским режимом; исключительно односторонняя торговля, т. е. только импорт, импорт на золото, и почти никакого экспорта. Наконец, решающее — резкая смена внутренней политики, переход к НЭП и разгон Красной Армии, висевшей над Европой как призрак военно-коммунистической «всемирной революции» (значительно, однако, потускневший после провала в советско-польской войне), многим открыли глаза — как в России, так и в Европе — на обозначившуюся очень четко грань политического краха большевистского правительства, поэтому никакие, даже самые фантастические, объемы внешних закупок не спасли бы положение (они только усугубили бы его), тем более не опасны они были для Европы, даже продавай она в Россию исключительно военное имущество. Кое-как разобралось в этом и большевистское руководство, с февраля 1921 г. пошедшее на сокращение военного импорта.

* * *

Нами затронуты лишь некоторые из сторон хозяйственной практики в годы военного коммунизма, но есть убеждение, и не без оснований, что возьмем мы любую другую область экономики или общественных отношений — выводы будут схожими. Строгое научное исследование экономической политики первых лет советской власти могло бы привести к мнению об отсутствии таковой вообще, ибо то, что принято считать политикой военного коммунизма, даже с большой натяжкой трудно назвать политикой как системой взаимосвязанных, взаимодопол-

няющих законов, мер и мероприятий. Был набор противоречивых декретов часто исключавших друг друга; была попытка подчинить объективные экономические законы субъективным политическим лозунгам, а вопросы хозяйственной жизни решать исключительно политическими методами. Но это трудно назвать «экономической политикой», не употребив выражение в кавычках. В конечном счете это должно было привести к общегосударственному экономическому кризису, неизбежно влекущему за собой кризис политический. Что и случилось в начале 1921 г. Только угроза политического кризиса поставила вопрос о новой экономической политике. В связи с этим правильно будет, если мы скажем, что вынужденной была не «политика военного коммунизма», а именно новая экономическая политика. Поменяв таким образом акценты в определениях, мы сможем многое поставить на свои места.

ОБРАЩЕНИЕ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: ВЫХОД ИЗ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

К концу 1920 г. всем ходом развития октябрьского переворота русская революция была поставлена перед необходимостью принципиально новых качественных изменений. Военно-коммунистическая чрезвычайщина, исчерпав себя, подвела большевистское руководство к грани политического банкротства. Относительная определенность фронтов гражданской войны сменилась нараставшим всеобщим недовольством установившимся режимом власти. Выход из критической ситуации мог быть только один — отказаться от ортодоксальной доктрины всеобщего равенства, вновь обратившись к низменным инстинктам масс — обогащению; только теперь не через ограбление друг друга, а через частный торгово-предпринимательский интерес. Как только это случилось, из пропагандистских лозунгов большевизма исчезло содержание и осталась в чистом виде идея борьбы за власть — беспринципная и безнравственная, так как была неразборчива в приемах и методах. Первым практическим шагом в этой борьбе стал разгон оказавшейся ненужной и крайне обременительной теперь Красной Армии.

Первоначальный этап огромного социального эксперимента построения социализма в стране, «которой не жалко», завершился ценой, понятной лишь воспаленному болезненному сознанию.

§ 1. Система ЧУСО — как деструктивный фактор

После разделения функций ЧУСО и отхода распределительной их части к военведоу наблюдается усиленное проникновение чрезвычайных органов в сферу гражданского управления хозяйственной жизнью. Вместе с тем, как представляется, неоправданно расценивать это как альтернативу военному ведомству. Это, скорее, продолжение общей тенденции милитаризации экономики и подчинения ее потребностям армии, в чем ЧУСО объективно сложно было выполнять роль катализатора.

Особенно наглядно тенденция проявилась на Всероссийском совещании ЧУСО в ноябре 1920 г., где в ходе дискуссии была выработана общая линия поведения по отношению к гражданским структурам управления экономикой. Так, после доклада председателя СВП П. А. Богданова обсуждение вышло далеко за рамки чисто военно-промышленного производства. Поскольку работа местных отделов СВП являлась частью работы

производственных отделов местных органов ВСНХ (губернских совнархозов), то приехавшие на совещание Учусо потребовали полного подчинения им этих отделов (УчусоЗавО Я. В. Андреев, УчусоСиб А. П. Брыков, УчусоЗап М. Л. Никифоров, Учусо-ПриВО З. И. Абезгауз, УчусоЮг-Зап. В. В. Гомбарг)¹. В резолюции по данному вопросу («О местных органах СВП») имелась некоторая двусмысленность: через усиление влияния управленческих структур военно-промышленного производства (местных отделов СВП) в гражданских хозяйственных органах (губсовнархозах) достичь роста влияния УЧУСО в целом на местные хозяйственные органы. Более четко это отразилось в постановлении по организационному вопросу, где записано: «Учусо входят в состав президиумов промбюро, а где их нет — в состав президиумов Губсовнархозов»². И совсем недвусмысленно в резолюции «О взаимоотношениях ЧУСО и ВСНХ», где читаем: «ЧУСО на местах является проводником экономической политики ВСНХ. Работа должна идти по преимуществу через местные органы совнархозов...»³. При этом подчеркивалось более прочное положение ЧУСО (по степени гибкости и влиятельности) по сравнению с местными совнархозами, аппараты которых «чусям» необходимо укреплять, а где их нет, то и создавать. Предложено образовать институт чрезвычайных губернских инспекторов по производству (инчусо), которых, по мнению помощника Чусо М. Д. Шенна, достаточно было ввести в составы президиумов местных ГСНХ, чтобы исчерпать все недоразумения, возникавшие по части организации промышленного производства для армии⁴. Вполне очевидно стремление к милитаризации системы управления народным хозяйством и подчинению всей хозяйственной жизни абсолютно централизованному аппарату, стоящему между гражданскими и военными структурами власти. А это нельзя расценить иначе, как рост милитаристских тенденций в государстве. Но чрезмерное перераспределение национального дохода в пользу паразитирующей и неимоверно разросшейся армии не могло не вести к конфликту с гражданской сферой экономики. Динамику развития этого конфликта мы и попытаемся проследить на примере системы ЧУСО.

В ноябре 1920 г. президиум Псковского губисполкома принял постановление, открывавшее в будущем полосу прямых конфронтаций местных советских и хозяйственных органов с системой ЧУСО. Чрезгубинспектор УЧУСОЗап по Псковской губернии Б. В. Барановский, как сказано в постановлении губисполкома, «отстранен от занимаемой должности» за дезорганизацию работы аппарата ГСНХ⁵. Сообщая об этом в Управление ЧУСО, заместитель председателя Псковского ГСНХ писал о пол-

нейшем расхождении в действиях ГСНХ с аппаратом чрезвычайного инспектора, ставшего «явно претендовать на роль высшего экономического органа губернии, приказы которого губсовнархозу остаются приписать только к сведению»⁶. Далее приводился ряд фактов, подтверждающих это положение. Факты, надо заметить, вполне убедительные. Поступок Псковского ГСНХ по своей дерзости беспрецедентный. На это УчусоЗап М. Л. Никифоров потребовал от реввоентрибунала «расследовать действия Псковского губисполкома», а заместитель Чусо Н. Б. Эйсмонт от председателя президиума Псковского губисполкома К. Отса — «немедленно отменить постановление, как незаконное, и представить не позже трех дней объяснения»⁷. Реакция ЧУСО, как видим, была крайне жесткой. И это несмотря на то, что решение Псковского губисполкома ограничивалось лишь требованием замены чрезвычайного инспектора Б. В. Барановского другим кандидатам на эту должность, о чем и просили губком РКП(б) в Пскове⁸.

По-иному сложилась ситуация в Заволжском военном округе, где противостояние органов ЧУСО и местной администрации советской власти приняло более радикальную форму. Попытки УчусоЗаВО Я. А. Андреева замкнуться в «чрезвычайности» своих полномочий завершились неожиданной ревизией его Управления инспекцией РКИ, пришедшей к выводу о необходимости предания суду Я. А. Андреева и его заместителя А. Ф. Лелекова. Если судить строго по документам об этой истории⁹, то надо признать интерпретацию инспекцией фактов, как мелочные придирки, послужившие поводом потребовать дезавуирования УЧУСО. К тому же мы встретимся и с примерами некомпетентности инспекторов РКИ в делах УЧУСО и поэтому вынужденных руководствоваться лишь формальной стороной дела и фактов. Поэтому следует признать акт ревизии УЧУСОЗаВО тенденциозным. В ответ появился приказ Чусо (№ 961 от 02.11.20 г.), осудивший такой подход, а работу Управления УЧУСОЗаВО оценивший весьма положительно¹⁰. Но в данном случае Я. А. Андреева все-таки пришлось перевести в другое место.

Чтобы не оказаться (вслед за приказом Чусо) в плену оценок случившегося как ведомственной дрязги, добавим, что история с УЧУСОЗаВО имела свое продолжение. В ноябре 1920 г. осудил самостоятельные распоряжения УЧУСО, дававшиеся производственным отделам губернских и уездных совнархозов, высказался за устранение представителей ЧУСО на местах как «излишней надстройки над совнархозами» и обратился в центр с предложением о ликвидации

института ЧУСО¹¹. Ответная реакция была не менее категоричной: в приказе от 28.11.20 г., подписанном помощником УчусоЗаВО К. А. Сазоновым, пошли угрозы и «строгости» в адрес гражданских органов¹².

Падение авторитета ЧУСО наблюдается в это время и в Сибири. Связано оно, правда, с созданием там другого чрезвычайного органа — Сибревкома, объединившего в своем ведении хозяйственную гражданскую и военную полноту власти¹³. Когда УчусоСиб А. П. Брыков запросил 200 млн р. для финансирования своего Управления, межведомственное финансовое совещание при ЦУС потребовало разрешительного заключения Сибревкома, на что Н. Б. Эйсмонт отреагировал резолюцией, подтверждавшей неподчиненность УчусоСиб Сибревкому, санкционировал отпуск денег УЧУСОСиб, а в СНК ушло письмо с предложением «разъяснить особым постановлением», что положение о Сибревкоме «на органы ЧУСО не распространяется... ли во ввести в состав Сибревкома УчусоСиб с правом решающего голоса»¹⁴. Справедливости ради надо сказать, что отношения УЧУСОСиб и регионального представительства ВСНХ (Сиббюро ВСНХ) оставались достаточно равными, т. е. приоритет ЧУСО не оспаривался последним, что, однако, «объяснялось, — по словам заместителя УчусоСиб М. Карлсберга, — исключительной его слабостью»¹⁵.

В Туркестане в начале декабря 1920 г., в связи с подготовкой к 8 съезду Советов (при обсуждении вопросов политического и экономического характера), поступали предложения устранить органы ЧУСО, так как они мешали «проведению единой хозяйственной политики»¹⁶. И хотя никакого официального постановления по этому вопросу принято не было, делегация, отправившаяся на 8 съезд Советов (командующий фронтом Сокольников, председатель СНК Атбаев и председатель ТуркЦИК Тюркакулов), по мнению заместителя УчусоТурк А. Н. Войтова, уезжала с твердым намерением предложить Чусо республики А. И. Рыкову упразднить УЧУСО на Туркестанском фронте.

Из приведенных примеров можно заключить, что к концу 1920 г. по всей территории республики наблюдался кризис чрезвычайных методов экономического регулирования хозяйственной жизни, что отражалось прежде всего на положении ЧУСО, как основного проводника экономической политики военного коммунизма. Отторжение этой политики активно шло снизу, встречая столь же упорное сопротивление сверху. На стыке этих двух потоков, на наш взгляд, и следует искать место 8 съезду Советов, проходившему с 22 по 29 декабря 1920 г. Признание В. И. Ленина: «...мы больше национализировали, на-

конфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать»¹⁷, — с полным основанием можно отнести к этому времени, времени отрезвления от пьянящего революционного «творчества».

Приято считать, что переход к НЭП начался после X съезда РКП(б). Это результат многолетнего превращения истории партии в доминирующую историческую науку. На деле переход готовился задолго до этого, одной из отправных точек его мы вправе считать 8 съезд Советов и, в первую очередь, его решения о демократизации управления и расширении прав местных советских структур власти, в том числе и хозяйственных. Вместе с тем эти решения не следует рассматривать как какой-то вариант новой экономической стратегии, а расценивать их как результат стихийного нажима снизу, вызванного кризисом прежних методов военно-коммунистического управления. Но даже в этой суетливой отдаче «Центром» власти на места нельзя не видеть, что последние обзаводились разрешительными функциями (по примеру «Центра» в прошлом), в то время как речь надо было вести лишь о регистрационных и контрольных функциях, если всерьез собирались говорить о НЭП. Поэтому будет правильно, если мы скажем, что после 8 съезда Советов произошло только горизонтальное смещение центральной власти. При этом ее политическая вертикаль осталась без изменений.

Но даже такого, пусть незначительного, смещения было достаточно для придания противостоянию чрезвычайщины нового импульса. Персональная замена УчусоЗаВО, например (им стал окружной военком Б. И. Краевский — приказ Чусо № 841 от 18.10.20 г.¹⁸), ничего не изменила. В январе 1921 г. его помощник К. А. Сазонов отмечал дальнейшее падение авторитета Управления УЧУСО, связанное с распоряжением (теперь уже Самарского ГСНХ) производственным отделам не выполнять административных указаний УЧУСО, не санкционированных Президиумом ГСНХ. «Нарастает стремление у предприятий, связанных с нами, — подчеркивал К. А. Сазонов, — достичь совершенного освобождения от заданий Учусо и не считаться с его полномочиями»¹⁹.

В рапорте чрезвычайного инспектора УЧУСО Нижнего Поволжья по Нижегородской губернии И. Н. Валуйского от 03.03.31 г. читаем: «Производственные органы Нижгорсовпархоза... абсолютно не хотят идти навстречу моим требованиям... Президиум Нижгубсовпархоза... смотрит на меня, как на лишнюю обузу; производственные отделы, разделяя точку зрения Президиума, с большой неохотой отвечают на мои требования»²⁰. Суммируя поступавшие сообщения, Учусо Нижнего Поволжья З. И. Абезгауз предупреждал ЧУСО об опасности роста самостоятельности

ти местной гражданской власти, «отчего может еще больше упасть и без того уже пошатнувшийся авторитет УЧУСО на местах»²¹. Опасение вполне реальное: Нижегородский ГСНХ, например, еще в январе 1921 г. предложил губисполкому упразднить аппараты УЧУСО, слив их с совнархозами²².

Когда в феврале 1921 г. УчусоЗап Р. Я. Крумовиц запретил производственным отделам подведомственных ему губерских совнархозов открывать новые предприятия без разрешения соответствующих чрезгубинспекторов, даже если на то последовало решение совнархоза, из ЧУСО вынуждены были его поправить и предложить отменить свой приказ²³: слишком изменилась конъюнктура, чтобы можно было допускать столь безапелляционное навязывание своих «чрезвычайных» прав, обостряя тем самым отношения с местными советскими органами власти. Там, где на это не обращалось внимание, исполкомы явочным порядком сужали компетенции представителей ЧУСО, как было, например, в Тамбовской губернии в связи с распределением предметов военного снаряжения²⁴ или в Брянске, куда из ЧУСО вынуждены были послать специального представителя Б. А. Симбирского «для выяснения создавшихся взаимоотношений между чрезгубинспектором и губсовнархозом»²⁵. А в УЧУСОПетВО в феврале — апреле 1921 г. вынуждены были даже сменить всех своих инчусо в губерниях, назначив на эти должности председателей губсовнархозов (по совместительству)²⁶.

Волна «суверенитетов» местных Советов, оттолкнувшись от 8 съезда Советов, набирала силу. Переведенный на Украину в качестве заместителя УчусоУкрКрыма Я. А. Андреев в апреле 1921 г. обвинил председателя ВУЦИК Г. И. Петровского, «считавшего ЧУСО на Украине случайным органом», в местничестве, и просил дать другую работу, так как свое пребывание там расценивал как «оскорбительное и невозможное»²⁷.

Пиковой точкой, когда пренебрежение местных властей к функциям ЧУСО достигло откровенного неприятия их, следует считать июнь—июль 1921 г. До этого «сепаратизм» местных хозяйственных органов получил официальную поддержку 4 съезда совнархозов (май 1921 г.), высказавшегося за нежелательность контроля со стороны ЧУСО. Такая линия поведения съезда придала больше смелости местам. В этой связи показательное противостояние в Орловской губернии.

В начале июня 1921 г. инспектор УЧУСООВО по Орловской губернии Гершман констатировал резкое падение «терпимости гражданских учреждений по отношению к ЧУСО»: губисполком наложил бронь на выработку производственных отде-

лов, предназначенную для армии, и только вмешательство ВЦИК «положило конец сепаратному выступлению, дезорганизующему в корне плановое снабжение Красной Армии». ГСНХ, в пике ЧУСО, создал свой «чрезвычайный» экономический совет по снабжению армии, «не только ненужный, но своей демагогией принесший вред снабжению армии и ликвидация которого стоила громадных усилий» и т. д.²⁸ Гершману удалось собрать совещание представителей военных, ЧУСО, инспекционных и карательных органов и добиться одобрения своей позиции. На это председатель ГСНХ Кутяпин 06.06.21 г. сделал заявление о решении ГСНХ приостановить связи с военными и непризнания их комиссий. Гершмана арестовали, а его Управление решением президиума ГСНХ ликвидировали²⁹. Поддержав губсовнархоз, Орловский губисполком 12.06.21 г. направил в СТО телеграмму с сообщением о решении «признать необходимым упразднение УЧУСО», утратившего свое чрезвычайное значение и отрицательно влиявшего «на ход производства Орловской губернии»; Совет Обороны просили «санкционировать» это постановление³⁰. Желая, вероятно, приглушить скандал, А. И. Рыков предложил Н. Б. Эйсмонту послать Орловскому губисполкому телеграмму с сообщением о предстоящей ликвидации ЧУСО, поскольку вопрос этот обсуждался в тот момент во ВЦИК. Однако Н. Б. Эйсмонт рассудил иначе, и в Орловскую губернию выехала специальная комиссия ЧУСО. После разбора, 16.06.21 г., комиссия пришла к выводу о «самостийности» Орловского ГСНХ, признав его главным виновником конфликта³¹. Но несмотря на заключение комиссии, несмотря на то, что решения Орловского ГСНХ в части, касающейся ЧУСО, были отменены, 18.06.21 г. Н. Б. Эйсмонт сообщил в СТО и Орловскому губисполкому о подписании (задним числом — от 14.06.21 г.) приказа Чусо № 1257 о ликвидации УЧУСООВО³². Упразднялись, разумеется, и должности презгубинспекторов³³.

Здесь уместно напомнить одну деталь, повлиявшую, надо думать, на принятие столь кардинального решения. События в соседней Тамбовской губернии, охваченной крестьянскими восстаниями, подталкивали орловское советское руководство на принятие мер по сглаживанию «чрезвычайных» методов управления, дабы не оказаться в схожем с тамбовцами положении. Это обстоятельство не могло не учитываться как в ЧУСО, так и в Совете Обороны.

Поступавшие в Управление ЧУСО сведения об игнорировании местными властями распоряжений УЧУСО принудили помощника Чусо В. В. Гомбарга, стремившегося хоть как-то спасти положение, разослать циркуляр, где сообщалось, что «в

настоящее время происходит лишь сокращение местных аппаратов УЧУСО в связи с общим сокращением армии... а потому приказы УЧУСО подлежат неуклопному и точному исполнению»³⁴. Циркуляр — для большей строгости — шел за подписью А. И. Рыкова как председателя Президиума ВСНХ.

Однако жизнь неумолимо отторгала «чрезвычайщину». Особенно заметно это стало после 8 съезда Советов и 4 съезда совнархозов. Летом 1921 г. подобные конфликты наблюдаются повсеместно. Так было с Вятским и Ярославским губисполкомами³⁵, так было в Дагестане³⁶ и т. д. «Случаи этого рода все учащаются», — констатировал В. В. Гомбарг в мае 1921 г.³⁷

В последней фразе помощника Чусо скрыто широкое обобщение. Слабость хозяйственных органов (как и всего хозяйственного советского аппарата управления), определявшаяся его крайне низким уровнем образования, культуры и профессиональной грамотности, — это аксиома. За время с 18.05.20 по 15.09.21 г. состав президиума Ставропольского губсовнархоза, например, сменился восемь раз и почти полностью³⁸ — явление типичное. Но по-другому и быть не могло. Революционный срез интеллектуального потенциала государственных управленческих структур разных уровней привел к выдвижению на руководящие должности лиц, чьи профессиональные качества были более чем сомнительны. Но даже в этом случае наиболее способная их часть перераспределялась в политические, военные и разного рода «чрезвычайные» структуры. Последующий прогрессирующий развал экономики достиг к концу 1920 г. такой точки отсчета, когда даже вновь укрепившаяся бюрократическая хозяйственная номенклатура наконец стала понимать обреченность пути, диктовавшегося политическими установками военного коммунизма. Начинался обратный процесс, снизу ломавший «чрезвычайщину» и противившийся засилью милитаризма в хозяйственной практике. Особенно зримо мы наблюдаем его после 8 съезда Советов. Так, Нижегородский ГСНХ в январе 1921 г. требовал от ВСНХ упразднения чрезвычайных и особоуполномоченных представителей ЧУСО в губернии... «в связи с постановлениями 8 съезда Советов»³⁹. В марте 1921 г. в ЧУСО отменили конфронтационный приказ УчусоЗап... «в соответствии с постановлениями 8-го съезда Советов»⁴⁰. Комиссия ЧУСО, разбиравшая конфликт в Орловской губернии в июне 1921 г., пришла к заключению: «После 8 съезда Советов... стало меньше внимания (на местах. — Н. П.) к распоряжениям центра и общегосударственным интересам»⁴¹. Комиссия сочла необходимым отметить, «что такие конфликты... неизбежны, поскольку постановления 8 съезда Советов о предоставлении инициативы и большей самостоятельности местам будут истолко-

ываться... как возможность полного игнорирования... центральной Рабоче-Крестьянской власти... (местными. — Н. П.) органами и сидящими в них безответственными лицами... поскольку последние будут оставаться непаказанными»⁴². Вполне понятно поэтому тревога В. В. Гомбарга, видевшего причину падения авторитета ЧУСО в стремлении местных советских органов и организаций «слишком широко толковать свои права» — опять же в связи с решениями 8 съезда Советов⁴³.

Структуры возникшей советской власти (особенно на местах), объединившие в себе полуграмотных функционеров, оказались неспособными к продуктивной деятельности. Требовались новые «контролирующие» и «направляющие» (чаще — «чрезвычайные») системы, состав которых был таким же малограмотным, но наделенным особыми полномочиями «сверху». На известном промежутке времени они должны были прийти к противоборству. Случилось это в конце 1920 г. Хотя даже в это время на наиболее высоких этажах иерархической пирамиды АКС положительное отношение к политике централизации, административному нажиму и «чрезвычайщине» отличалось завидным единодушием. Обратную зависимость мы наблюдаем по мере снижения к деловым каркасам пирамиды.

Игнорирование историками необходимости изучения поведения именно этих структур власти (так называемого «среднего звена») и обращение только к вершине пирамиды и привело, на наш взгляд, к неверному толкованию причин и хронологии перехода к НЭП, связыванию ее начала с X съездом РКП(б) и якобы сознательным отказом от политики военного коммунизма.

Переход к новым приемам и методам управления хозяйственной жизнью обуславливался не выработкой высшим хозяйственным и политическим руководством республики новой стратегической линии, а отрицательным отношением местных низовых структур власти к существовавшей. Что, в свою очередь, ставило «верхи» в затруднительное положение. Так как высшая власть, идя на поводу у «низов», оказываясь неспособной дать им сколь-нибудь приемлемые рекомендации, должна была подстраиваться под прямолинейные и упрощенные требования; ставясь нелегитимной, она теряла авторитет, поддержание которого в будущем возможно было только одним способом — административным нажимом. Таким образом, мы видим, что в самом основании перехода к НЭП закладывалась неизбежность отказа от нее в будущем. Дело только в том, должно ли это было произойти через 20, 10 или менее лет.

Что касается системы ЧУСО, то мы видим динамичное с течением времени ее отторжение. Сначала «чрезвы-

чайщина» стала предметом конфликта с военными, влияние которых возрастало по мере роста их значимости в системе общественных отношений и природа которых сродни искусственно изобретенной ЧУСО; затем тенденция спустилась вниз к местным советским органам, лишь за развалом экономики увидевшим путь демократического выхода из тупиковой ветви. Второе, на наш взгляд, позволяет квалифицировать отказ от «чрезвычайщины» как отказ от политики военного коммунизма вообще.

§ 2. Судьба армии советской России в условиях перехода к новой экономической политике

Поражение в советско-польской войне, со всей очевидностью показавшее ее абсурдность, было предвестием становившейся осязательной необходимости смены политического курса. Отказ от политики военного коммунизма по существу должен был означать отказ в первую очередь от ее главного силового инструмента — армии. Одним из первых шагов в этом направлении было создание комиссии по сокращению Красной Армии, приступившей к работе 25.08.20 г. и подразумевавшей, между прочим, сокращение тылового обеспечения⁴⁴. Но работа над подготовкой последнего тут же была приостановлена, ибо сытая армия, вдруг оказавшаяся без снабжения, как это было в 1917 г., могла стать реальной угрозой политическому режиму. С разгоном армии нельзя было спешить и по другой причине — Белое движение обладало еще достаточно крупными силами в Крыму, с которыми, по мнению большевистского руководства, необходимо было покончить любой ценой и непременно к зиме 1920—1921 гг. В ноябре 1920 г. Южный фронт ценой беспрецедентных потерь личного состава задачу выполнил. А в декабре приступили к осуществлению теперь уже ставшего доступным макиавеллистского плана; отобрав материальную часть, посадив армию на голодный паек, приступить к ее разгону. О том, как выполнялись обе части этого плана, и пойдет речь ниже.

Архив ЧУСО во многих документах донес сведения о заседании Совета Оборона 03.12.20 г. (прот. № 171), где после доклада А. И. Рыкова «Об использовании материального имущества и средств военного ведомства» приняли решение создать комиссию по передаче армейского имущества в гражданские учреждения; А. И. Рыкова обязали доложить через две недели о «конструировании» комиссии⁴⁵. Так возникла Центральная Комиссия Совета Оборона по изъятию и передаче военного имущества гражданским учреждениям (далее, для краткости —

ЦК СТО по изъятиям). В ее состав вошли: председатель Малого СНК Сапронов, заместитель председателя ВЦСПС Я. Э. Рудзутак, заместитель председателя РВСР Э. М. Склянский, начальник Полевого штаба республики П. П. Лебедев, представитель Моссовета Ангарский; председателем комиссии стал А. И. Рыков⁴⁶. При Центральной комиссии были образованы подкомиссии: железнодорожная, автомобильная, квартирнай (для Москвы), санитарная и канцелярско-хозяйственная (последней управлял «для особых поручений при ЧУСО» К. В. Петров, двумя первыми — Г. А. Ангерт); а также специальные межведомственные подкомиссии: по использованию военно-технической рабочей силы, по передаче военно-технических поездов и вагонов, по снабжению милиции, по перераспределению автомобилей, по выработке плана продовольственного уравнения военных учреждений с гражданскими⁴⁷.

С 12.03.20 по 04.06.21 г. Центральная комиссия собиралась 16 раз; на ее первом заседании решено пригласить «для руководства текущей работой» в качестве управляющего делами комиссии Л. Г. Элисмана (бывшего до этого на Западном фронте заместителем УЧУСО Зап. М. Л. Никифорова⁴⁸), который, судя по всему, пользовался большим доверием А. И. Рыкова — от его имени он выступал с докладами на заседаниях СТО о ходе работы комиссии, руководил всеми организационными и инспекционными мероприятиями в ходе изъятий; секретарем ЦК СТО стал К. В. Петров, исполнявший также и обязанности Л. Г. Элисмана во время его отъездов из Москвы⁴⁹. Некоторая заминка вышла с членством в комиссии Я. Э. Рудзутака, систематически не появлявшегося на заседаниях; Э. М. Склянский и П. П. Лебедев тоже были не очень аккуратными ее членами. Кончилось тем, что шестое заседание (23.01.21 г.) А. И. Рыков перенес «на ближайший пленум СТО» и довел до сведения «всех членов ЦК РКП(б), членов СТО» о невозможности выполнить работу, порученную комиссией, «в кратчайший срок» при таком отношении к делу; это возымело действие, однако Я. Э. Рудзутак и впредь ограничивался лишь присылкой своих представителей (Лутавинова, Гольберга, Веселова) на различные заседания комиссии⁵⁰.

Одновременно с началом работы ЦК СТО стали создаваться областные и окружные комиссии по изъятиям: 22.12.20 г. А. И. Рыков и члены ЦК СТО подписали «Инструкцию...» местным комиссиям, которые должны были образовываться, как правило, на базе Управлений УЧУСО, заниматься изъятием и учетом военного имущества, окончательная разверстка которого, как сообщалось в «Инструкции...», «производится Центральной комиссией и распределяется по ее указаниям местными комисси-

ями»⁵¹. Исключение сделали для Украины; там возникла Центральная Украинская комиссия с правом распределения забронированного имущества, для чего при фронтовом отделе снабжения Управления УЧУСОУкрКрыма создано специальное отделение, штат которого вплоть до июля 1921 г. состоял из 65 — 70 человек⁵². Специальной комиссии по Москве решили не создавать, включив в составы Центральной комиссии и отраслевых подкомиссий представителей соответствующих отделов Моссовета. Стропились местные комиссии по аналогии с Центральной (представители Рабкрин, исполкома, губпрофсожа, военного командования, ЧУСО); их техническими аппаратами были Управления УЧУСО; в каждой комиссии имелось по пять подкомиссий⁵³.

Система ЧУСО в данном случае сработала очень быстро: 22.12.20 г. Л. Г. Элисман сообщил местным Учусо (в частности, УчусоЗаВО Б. И. Краевскому и УчусоУрала К. Г. Максиму) о необходимости таких комиссий⁵⁴, а 29.12.20 г. от заместителя УчусоЗап Н. Л. Волынского, например, поступило извещение о начале работы комиссии Западного фронта. К концу января 1921 г. насчитывалось одиннадцать территориальных подкомиссий; Петроградская (при УЧУСОПетВО), Сибирская (при Сибревкоме), Орловская (при губисполкоме), Киевская (при УЧУСОКВО); Уральская, Украинская и Кавказская (при Советах трудовых армий); Приволжская, Заволжская, Беломорская и Западного фронта (при соответствующих УЧУСО), т. е. при их Управлениях⁵⁵. Формирование периферийных комиссий завершилось 04.03.21 г. с возникновением последней из них на Туркестанском фронте (при УЧУСОТурк)⁵⁶. В начале февраля 1921 г. из Москвы на места уехала группа наблюдателей «на предмет инструктирования и инспектирования» хода изъятий⁵⁷.

Закончилось к этому времени и государственно-правовое оформление действий исполнительной власти по изъятию материальной части из Красной Армии — 19.01.21 г. состоялось два постановления: Совета Обороны (прот. № 169) об обязательности «к немедленному и неуклонному исполнению для всех центральных и местных гражданских и военных ведомств» распоряжений ЦК СТО по изъятиям⁵⁸ и СНК о порядке изъятия военного имущества из армии⁵⁹; 28.01.21 г. Совет Обороны окончательно утвердил проект положения о ЦК СТО по изъятиям и обязал ежемесячно давать в СТО письменный отчет о проделанной работе⁶⁰.

Объем работ по передаче военного имущества в гражданские учреждения (происходившей в течение полугода) был довольно большим, поэтому, чтобы показать непосредственное содержание этой работы, обратимся к практике одной из подкомис-

сий — по изъятию и перераспределению автотранспорта. В состав ее (в дальнейшем получила название «комиссия трех») входили: Л. Г. Элисман, председатель ЦАС ВСНХ А. Е. Бондаренко, Главначснаб Г. Д. Базилевич и секретарь комиссии СТО по роспуску Красной Армии И. Ф. Медянцева⁶¹.

Архивные данные о состоянии автомобильного парка республики к началу 1921 г. весьма противоречивы, так как сведения составлялись разными заинтересованными сторонами. Подчас в число «автотранспортных средств» включались мотоциклы и даже велосипеды. Поэтому приводимая ниже табл. 11 и другие статистические данные преследуют только одну цель — в общих чертах проиллюстрировать объем предстоящей работы автотранспортной подкомиссии.

Т а б л и ц а 11

Наличие автотранспорта в республике к началу 1921 г.⁶²

Место нахождения	Техническое состояние автопарка					
	республики			Москвы		
	На ходу	В ремонте	Всего	На ходу	В ремонте	Всего
На фронте	3752	2144	5896			
В тылу	2110	2319	4429			
Всего у военв	5862	4463	10325	1080	1622	2702
У гражданских ведомств	2672	8158	10830	1840	2438	4278
Всего	8534	12621	21155	2920	4060	6980

По другим сведениям общее количество автотранспортных средств в республике на начало 1921 г. составляло 17 759 единиц (9 455 из них — «на ходу»), из которых военв имело 8 822 (всего) и на 24 577 была «заявлена потребность»⁶³. Приводятся и такие данные о состоянии автопарка военв на 01.02.21 г.: 5 662 «на ходу», 7 628 «не исправно» и 13 690 «по штату»⁶⁴. В докладе ГВИУ Главначснабу указывалось на 5 654 единицы исправного автотранспорта в армии (на 15.02.21 г.), из которых ЦАС ВСНХ предстояло передать 2 329 автомашин в хорошем исправном состоянии, а по штату должно было быть в армии 11 107 единиц⁶⁵. Мы склонны принимать — как наиболее реальные — цифры, приведенные в табл. 11 и взятые из доклада ГВИУ. Сравнение их говорит о следующем; половина автоимущества республики к началу 1921 г. находилась в армии (в том числе исправного — 56,8 проц.); в гражданских ведомствах количество исправного составляло лишь 24,7 проц.;

треть, автоимущества республики была сосредоточена в Москве, две трети которого числились за гражданскими органами и треть — за военными; соотношение «неисправного» и «на ходу» у тех и других в Москве было одинаковым.

Впервые вопрос о передаче автотранспорта обсуждался на заседании ЦК СТО по изъятиям 02.01.21 г. (прот. № 4); решено изъять 40 проц. легковых автомобилей (Э. М. Скляпский настаивал на 30 проц.), а по Москве — 50%, при этом — «немедленно»⁶⁶. Следом (05.01.21 г.) приступила к работе автотранспортная подкомиссия. Одной из первых ее акций было изъятие у военных Москвы машин марки «Роллс-Ройс», как сказано в постановлении комиссии; «В целях сохранения этой марки»⁶⁷ (1). Эти машины были переданы в автобазу Совнаркома.

Изъятия машин, как и все прочие, встретили упорное сопротивление военных властей (об этом подробнее скажем ниже). Иногда им удавалось отстоять свои интересы, как в случае с Западным фронтом, где изымалось только 25% легковых автомобилей (прот. СТО № 11 от 06.03.21 г.)⁶⁸. Что касается грузовых автомобилей, то в январе 1921 г. Главначснаб убедил ЧУСО не трогать их, потому что начиналось формирование танковых и броневых отрядов, для обслуживания которых нужны были эти машины⁶⁹. Уловка на какое-то время прошла, в конце марта, в связи с возникшей идеей перевозки хлеба из Сибири с помощью автотранспорта, вновь заговорили о грузовых автомобилях военведа. На заседании СТО (прот. № 201 от 01.04.21 г.) Н. Б. Эйсмонт возражал против изъятия грузовиков, по его протест был снят и решено отобрать у военных для Наркомпрода около 400 грузовых автомобилей⁷⁰.

К концу апреля 1921 г. «комиссия трех», как отмечалось в ее последнем протоколе (№ 38 от 23.04.21 г.), работу свою в основном завершила; Л. Г. Элиману поручили в дальнейшем самостоятельно довести до конца оставшиеся дела, а подкомиссию ликвидировать⁷¹.

Параллельно с демобилизацией армейской материальной части, с января 1921 г. выходит ряд директивных документов, приостанавливавших накопление имущества для Красной Армии: 23.01.21 г. вышел приказ Чусо (№ 995), обязывавший военвед разбронировать все, что когда-либо было забронировано для армии (за исключением специального перечня)⁷². Чуть позже в ЧУСО поправились, оставив забронированное для морского ведомства «временно» в прежнем состоянии (прик. Чусо № 1005 от 04.01.21 г.)⁷³. Соответствующие меры принял и Совет Обороны: отменялся ряд ноябрьских 1920 г. постановлений о так называемом «добровольном сборе вещей» у населения, принудительном изъятии кожного обмундирования и при-

нудительном сборе шинелей — организации, занимавшиеся этим, распускались, а их дела передавались в ЦК СТО по изъятиям⁷⁴. Начинался обратный процесс перераспределения имущества: у военных отбирали обмундирование, обувь, теплые вещи и отдавали рабочим⁷⁵; специальным решением Совета обороны (прот. № 188 от 09.02.21 г.) изъятую комиссию А. И. Рыкова обязали «в целях осуществления решений 8-го съезда Советов об усилении работы Н.К.З. ...изыскать все способы к обеспечению всем необходимым из числа имущества, пригодного для использования в сельском хозяйстве, Н.К.З. в первую очередь...»⁷⁶; отбравшийся автотранспорт передавался губернским исполкомам, наркоматам, пересылался в «Центр»⁷⁷.

Делалось все крайне спешно, без особых формальностей и в конечном счете — бестолково. Происходило примерно то же, что и в 1917 г., т. е. бессистемное «в государственном смысле, распыление имущества», как писал в ЧУСО Главначснаб Г. Д. Базилевич⁷⁸. Начальник ГВИУ Е. И. Коросташевский считал, что «передача... имущества в распоряжение других ведомств (по опыту 1917—1918 гг.) равносильна потере этого имущества для военного ведомства»⁷⁹. Трудно не согласиться с таким заключением. Отсутствие у изъятых комиссий реальных учетных данных и нежелание военных давать их (на Западном фронте, например, из-под контроля «исчезло» до 40% автотранспорта), сложность политических условий (господство кронштадтских настроений в республике), невыполнение военными приказов о демобилизации — все это создавало хаос, усугублявшийся спешкой, и, по существу, означало потерю имущества не только для военведа, но потерю вообще. Сознание того, что имущество подлежит сдаче «чужому учреждению», отрицательно сказывалось на интенсивности ремонта при несомненном усилении эксплуатации. Эти явления сопровождали мобилизацию в армию, они сопутствовали и демобилизации. «Борьба с ними, по причине неуловимости, — считал А. Е. Бондаренко, — почти невозможна...»⁸⁰. Принимавшиеся меры, вроде угроз, например, в адрес заведующих военными гаражами передачей дел о «злостной порче изымаемой машины», или ее «обирании» в органы ВЧК⁸¹, мало что давали. Как на типичный пример бесхозяйственности в ходе изъятий можно указать на историю с мобилизацией и демобилизацией велосипедов, когда большое количество велосипедов, пролежав мертвым грузом на складах, так и не было использовано военведом⁸².

Бессмысленные потери военного имущества усиливали и без того негативное отношение армейского руководства к демобилизации армии. Покажем это на соответствующих примерах.

В начале января 1921 г. Главначснаб обратился в ЧУСО с

письмом, где доказывал, что «в настоящее время не только не может быть и речи о передаче какого-либо имущества для нужд страны, но, напротив, необходимо... всемерно развивать все силы нашей промышленности для пополнения запасов армии...»⁸³. Заявление Г. Д. Базилевича, как показало время, отражало общее отношение военных к демобилизации 1921 г.

С помощью усиленной (и ускоренной) демобилизации Красной Армии ей был нанесен удар, от которого военные оправились нескорю: изъято около полутора тысяч автотранспортных средств, около 4 млн предметов инженерного имущества и т. д. (подробно об этом см. в докладе Л. Г. Элисмана в СТО от 30.05.21 г.)⁸⁴. В начале января 1921 г., например, на заседании ЦК СТО по изъятиям (прот. № 5 от 06.01.21 г.) после доклада Ю. Ларина (от Высшего Совета по перевозкам) решено в течение января оставить за волеводом из 1000 занимаемых классных вагонов 484 «установленных законом», с тем чтобы через три месяца сократить это количество до 200; к 01.02.21 г. сократить вдвое количество санитарных вагонов (на 2 100 штук); оставить за военными только пять спецпоездов (Л. Д. Троцкому, Главкому, командующим Кавказским и Туркестанским фронтами, а также командующему войсками Правобережной Украины и в «экстренных случаях» — командующему войсками Сибири)⁸⁵.

Как видим, военным было что терять, поэтому сопротивление процессу «обирания» армии должно было быть довольно значительным. Так, в январе 1921 г. УчусоКавк Н. М. Шверник сообщил в ЧУСО о нежелании командования фронта (В. А. Трифонов), ссылавшегося на неполучение официального сообщения о постановлении СТО от 03.12.20 г., дать своего представителя в комиссию по изъятию; лишь в конце января фронтовая комиссия смогла приступить к работе. В Киевском ВО штаб округа, например, упорно затягивал сообщение в войска приказа УчусоКВО о начале демобилизации имущества⁸⁶. И масса других примеров.

Во второй половине января (18.01.21 г.) ЦК СТО по изъятиям предложила Совету Обороны утвердить и опубликовать ряд «неотложно необходимых» постановлений «ввиду отказа органов военного ведомства на местах выполнять решения комиссии впредь до опубликования соответствующего постановления правительства»⁸⁷. На следующий день (19.01.21 г.) состоялись постановления СТО и СНК о правах комиссий по изъятию военного имущества (опубликованы в приказе РВСР № 255 от 29.01.21 г. и в «Известиях Наркомвоен» № 29 от 09.02.21 г.)⁸⁸, 25.01.21 г. выпел совместный приказ РВСР и ЧУСО № 193 с «Инструкцией...» окружным и областным изъ-

точным комиссиям⁸⁹. Как видно из «Инструкций...», работа местных комиссий предполагалась сроком на один месяц⁹⁰ — не ожидали авторы планов роспуска Красной Армии такого упорного сопротивления военных, на преодоление которого ушло более полугода.

Особенно остро страсти разгорелись в Московском ВО. Командующий округом Н. Муралов 05.03.21 г. направил Э. М. Скиянскому и В. И. Ленину рапорт, объявив передачу военного имущества «преждевременной, а в отношении МВО — неправильной и недопустимой», а всю компанию с изъятием называл беспардонной... необъяснимой лжехородачной поспешностью⁹¹. Не получив ответа, Н. Муралов 30.03.21 г. вновь направил рапорт — теперь уже Л. Д. Троцкому и В. И. Ленину, где, сославшись на постановление X съезда РКП(б) «Об усилении боевой мощи Красной Армии», заявил об отказе выполнять распоряжения по демобилизации до получения ответов на свои доклады⁹². Между тем Главком получил доклад ГВИУ с обоснованием необходимости приостановить передачу военного автотранспорта и вернуть уже изъятые (хотя бы частично)⁹³. К этому времени относится и своеобразный демарш РВСР (прот. № 135 от 26.03.21 г. — председательствовал Л. Д. Троцкий), «поручившего» ЧУСО «настоятельно предложить комиссиям «прекратить дальнейшее массовое изъятие военного имущества...» и войти в Совет Обороны «с ходатайством о ликвидации Комиссии по изъятию военного имущества»⁹⁴, на что А. И. Рыков, Н. Б. Эйсмонт и Л. Г. Элиман ответили, что не только не считают возможным приостановить изъятие, но находят «необходимым провести таковое самым категорическим и ускоренным темпом ввиду явного нежелания военных учреждений добросовестно выполнять постановления СТО и приказ РВСР и ЧУСО № 391»⁹⁵. А ЦК СТО по изъятиям в одном из своих решений (прот. № 12 от 28.03.21 г.) записала: в случаях умышленного сокрытия машин, «изымать их, не включая в цифры общего изъятия»⁹⁶, т. е. сверхнормативно. Ситуация была остра настолько, что даже член комиссии по организации конгресса Коминтерна, начальник финансового отдела РВСР М. В. Лезгинцев, получив распоряжение о передаче Коминтерну двух машин, так и не смог их получить, поскольку штаб МВО... которому эти машины принадлежат, отказался их выдать даже при наличии ордера МЧК»; не смогла изъять машины и конфликтная комиссия, пришлось этим заниматься Совету Обороны⁹⁷. Днем раньше (30.03.21 г.) в СТО обратилась «комиссия трех», из протокола заседания которой (прот. № 27) видно, что она не смогла ничего поделать с военными учреждениями, не отдававшими автоимущество гражданским

органам⁹⁸. Совет Обороны отреагировал быстро и категорично: 01.04.21 г. (прот. № 201) после доклада Л. Г. Элисмана о сопротивлении военных решено «подтвердить неуклонное исполнение всех постановлений Комиссии СТО по демобилизации военного имущества для передачи его гражданским учреждениям»⁹⁹.

Военные попытались найти поддержку в ЦК РКП(б) — туда пошли жалобы о снижении боевых качеств Красной Армии из-за демобилизации ее материальной части. Об этом шла речь в Политбюро 06.04.21 г.; решено «в ближайшее время» заслушать А. И. Рыкова о работе ЦК СТО по изъятиям и о том, «насколько ею учитывается необходимость сохранения за военным аппаратом способности провести ускоренную демобилизацию армии и повысить ее качество»¹⁰⁰. Однако слушать А. И. Рыкова в «ближайшее время» не стали: лишь спустя два месяца секретарь ЦК РКП(б) В. М. Молотов направил ему выписку из решения Политбюро с предложением «дать сведения по этому постановлению» — видимо военные донимали упорно; на что А. И. Рыков (еще через месяц) поручил Л. Г. Элиману «подготовить небольшой письменный доклад»¹⁰¹.

Позиция А. И. Рыкова, как видим, была бескомпромиссной, как, впрочем, и поведение военных властей, при том, однако, отличии, что поступки последних были действиями обреченных. И тем не менее... когда в мае хозяйственно-канцелярская подкомиссия попыталась изъять имущество из некоторых столичных складов Главхозупр, В. Люблин обратился к Г. Д. Базилевичу с просьбой помешать принятию окончательного решения в ЦК СТО по изъятиям и безуспешно¹⁰².

Сведения о событиях на периферии, поступавшие в Москву в мае—июне 1921 г., мало чем отличались от происходившего в центре; из Харькова писали о медлительности исполнения постановлений комиссии военведом «из-за нежелания расстаться с принадлежавшим ему имуществом...»; председатель орловской окружной комиссии В. М. Борисов сообщал о невыполнении большинством воинских частей «приказа о предоставлении сведений... что сильно затормозило работу Комиссии...»; о совершенном невыполнении Кавказским фронтом нарядов на передачу имущества доносили из Ростова¹⁰³ и так далее. Председатель заволжской военно-окружной комиссии УЧУСО Нижнего Поволжья А. Ф. Лелеков прислал целый доклад о «сильнейшем противодействии со стороны командования округа», которое, постоянно ловчило, ссылаясь на «секретность» учетных данных; А. Ф. Лелеков предлагал работу комиссии прекратить, а протесты гражданских органов направлять в ЦК СТО по изъятиям, так как «окр. комиссия не сможет оказать

им содействия...»¹⁰⁴. Доклад этот через Л. Г. Элисмана попал к Э. М. Склянскому и тому не осталось ничего другого, как распорядиться командующему войсками ЗаВО Б. И. Краевскому о «немедленном и безоговорочном выполнении постановлений окркомиссии...»¹⁰⁵.

Было бы неправильно огульно отнести сказанное выше на счет ведомственного «патриотизма» занимавших ответственные посты «нарушителей» или допустить мысль о каком-то «озорстве», слепом упрямстве и прочем со стороны военного командования. Объяснение следует искать — и в этом, бесспорно, прав был председатель Автосовета ВСНХ А. Е. Бондаренко — «в... резком противоречии директив центра с директивами жизни»¹⁰⁶. Военные не могли не видеть бестолкового и бездумного растаскивания материальной части Красной Армии и поэтому не могли не оказывать сопротивления. Но вместе с тем следует помнить и о скрытых мотивах: в военное время не могли не понимать, что за первыми ограничениями армии последуют другие, отнюдь не в интересах уже свывшейся с особым (общественным и материальным) положением, ставшей довольно значительной военно-коммунистической прослойкой советского общества. Ведь не случайно процесс изъятий на Туркестанском фронте (где военным мало, что было терять) прошел относительно спокойно, быстро, без эксцессов¹⁰⁷, в отличие от Москвы, Украины, Кавказа, где приходилось расставаться со многим.

К концу мая 1921 г. передача военного имущества гражданским органам в основном была завершена. Работу подкомиссий ЦК СТО по изъятиям можно характеризовать такими данными: автотранспортная — 37 заседаний и 10 инициативных постановлений через Совет Обороны; инженерная — 14 заседаний, 5 постановлений СТО; гужевая — 13 заседаний и 5 постановлений СТО; железнодорожная — 4 заседания и 6 постановлений СТО; канцелярско-хозяйственная — 23 заседания и 20 постановлений Совета Обороны¹⁰⁸.

Завершилась работа и периферийных комиссий. На двух последних заседаниях ЦК СТО по изъятиям (прот. № 15 и 16 от 14.05 и 04.06.21 г.) были заслушаны их отчеты и принято решение внести в Совет Обороны предложение о ликвидации комиссий по демобилизации военного имущества¹⁰⁹. Несколькими днями раньше (27.05.21 г.) помощник Чусо В. В. Гомбург, а затем управляющий делами ЦК СТО по изъятиям Л. Г. Элисман (30.05.21 г.) предложили Совету Обороны в связи с тем, что «основная масса имущества, которая без ущерба для Военного Ведомства могла быть изъята из наличия последнего, уже передана в гражданские учреждения», поручить ЧУСО упразднить комиссии по изъятию, к тому же, созданная при

Совете обороны Комиссия Использования могла бы, по мнению Л. Г. Элисмана, вполне заменить комиссию по изъятию¹¹⁰. Совет обороны дал согласие: 08.06.21 г. А. И. Рыков подписал его постановление о ликвидации Центральной Комиссии по изъятиям; местным комиссиям давалось две недели для завершения своих дел и оформления документации, которая должна была быть передана в архив Управления ЧУСО¹¹¹. Некоторая заминка возникла на Кавказском фронте, да еще в Крыму, где, по словам председателя Крымревкома Полякова, морское ведомство уклонялось от выполнения решений по передаче имущества: чтобы окончательно «разрешить все вопросы на местах», в Крым направили Л. Г. Элисмана, а на Кавказ его заместителя по ЦК СТО К. В. Петрова.¹¹²

В целом затея с изъятием материальной части из Красной Армии заканчивалась вполне благополучно. Как отмечал Л. Г. Элисман в докладе для Политбюро (05.07.21 г.), изъятие «ни коим образом не отразилось на боеспособности и состоянии Красной Армии», так как отбиралось только «сверхнормативное имущество... артиллерийское имущество почти не изымалось», поэтому «интересы демобилизации и качественного улучшения армии соблюдаются в полной мере...», — заключал Л. Г. Элисман¹¹³. Вывод — скажем осторожно — очень сомнительный. А если расценивать его в общей совокупности событий первой половины 1921 г. (демобилизация личного состава Красной Армии, резкое снижение ее продовольственного снабжения и проч.), то он окажется неверным.

Во всей этой истории с демобилизацией военного имущества особая роль принадлежала А. И. Рыкову. Об этом следует сказать особо, так как его активное участие в разгоне Красной Армии (в том числе и в демобилизации личного состава), на наш взгляд, имело далеко идущие последствия в личной судьбе Алексея Ивановича.

Начнем с того, что из 16 заседаний ЦК СТО по изъятиям, в четырнадцать (с 12.12.20 и до конца апреля 1921 г.) председательствовал А. И. Рыков, и лишь два последних (15-е и 16-е) вел Сапронов¹¹⁴. И это при колоссальной занятости, связанной с государственными должностными обязанностями (ВЦИК, СТО, СНК, ВСНХ, ЧУСО, РВСР)?! Более того: четыре первых заседания (с 12.12.20 по 02.01.21 гг.) — а по другим данным и пятое тоже — центральной изъяточной комиссии состоялись на квартире А. И. Рыкова в Кремле (вероятно, из-за его болезни, так как в это время он болел часто), остальные — в помещении Малого Совнаркома у Сапронова¹¹⁵. О том, что А. И. Рыков демобилизацией военного имущества «очень инте-

ресуется», знали все. Сообщая об этом в Петроград своему заместителю Н. Л. Волынскому, УчусоЗап Р. Я. Крумовец требовал отправки в ЧУСО через каждые три дня сводок о работе комиссии Западного фронта. «Всякие замедления недопустимы...», — предупреждал он своего адресата¹¹⁶.

Если сравнить ситуацию, в которой оказался А. И. Рыков (и вся система ЧУСО) в августе 1920 г. и позже (падение его авторитета в правительстве и резкое усиление военных) с тем, как складывались обстоятельства к концу 1920 г., когда стали разгонять Красную Армию, то нетрудно заметить, что последнее было своего рода компенсацией за моральные потери в прошлом. Авторитет А. И. Рыкова к весне 1921 г. вырос настолько, что Совет Обороны (прот. № 195 от 04.03.21 г.) признал достаточной его единоличной подписи под постановлениями комиссии по демобилизации военного имущества «для предоставления их на подпись председателя СТО»¹¹⁷, после чего сообщения А. И. Рыкова в Совете Обороны об «изъятиях» и «передачах» уже не обсуждались, а лишь «принимались к сведению»¹¹⁸.

Постепенное выдвижение А. И. Рыкова на пост заместителя председателя СТО и СНК позволило ему мало считаться с РВСР (вспомним ответ Л. Д. Троцкому на решение РВСР от 26.03.21 г.) и достаточно вольно обращаться с высшими военными. Когда, например, стало известно, что командующий войсками Заволжского ВО Б. И. Краевский (совмещавший должность УчусоЗаВО и поэтому председательствовавший в окружной комиссии по изъятиям) недостаточно активно проводит демобилизацию, А. И. Рыков в считанные дни освободил его от обязанностей УчусоЗаВО и от работы в окружной изъяточной комиссии, поручив ее одному из наиболее активных тамошних «чусей» — А. Ф. Лелекову¹¹⁹.

Добавим к сказанному большое количество приказов Чусо, связанных с демобилизацией армии и передачей ее имущества гражданским учреждениям, и мы вправе будем сделать вывод, что А. И. Рыков был в советском правительстве одним из активнейших исполнителей (если не самым активным) идеи отказа от политики военного коммунизма через экономическую (и политическую) демилитаризацию, а может стать — и вдохновителем этой идеи. Вполне вероятно, что об этом вспомнили в начале 30-х гг., когда НЭП отбросили «к черту». Но тогда, в начале 1921 г. никто из активных посетителей военно-коммунистических принципов управления общественными процессами — и прежде всего новые высшие военные — не понимали (и не могли понять в силу своей интеллектуальной ограниченности) неизбежности отказа от этих принципов. А. И. Рыков, по-

хоже, был из числа тех немногих в большевистском руководстве, кто понимал такую необходимость, понимал, что существуют определенные законы пропорционального соотношения роли, места, численности армии в государстве с его экономикополитическим состоянием. Нарушение этих законов, несвоевременный учет изменений соответствующей конъюнктуры приводит к конфликту государства и армии, выход из которого может быть двояким: либо армия начинает играть ведущую роль в государственной политике, либо государство ограничивает армию, резко снижая ее потенциал. Последнее очень болезненно отражается на военной прослойке общества, как материально, так и морально в виде кризиса «обманутых надежд». Политическому руководству советской России в критический момент положения власти удалось направить события по второму руслу — в конце 1920 — начале 1921 г. был проделан первый советский крупномасштабный эксперимент по нейтрализации армии, закончившийся, как мы окончательно убедимся ниже, успешно.

Как видно из приводимой ниже табл. 12, за время с марта 1919 по ноябрь 1920 г. численность Красной Армии увеличилась с 1 млн 300 тыс. до 5 млн 300 тыс. человек. С декабря 1920 по сентябрь 1921 г. она уменьшилась до 1 млн 600 тыс., Как и почему численность армии росла, оставим за пределами анализа — речь пойдет о ее сокращении. В декабре 1920 г. приступила к работе правительственная комиссия «по частичному роспуску Красной Армии» (так она называлась). Протоколы комиссии (с 14.12.20 по 11.04.21 г. состоялось шесть заседаний) дают обильный материал для размышлений о том, как армия первоначально распускалась¹²⁰. Любопытная деталь: на первом заседании комиссии председательствовал Ф. Э. Дзержинский при секретаре Г. Г. Ягоде; на последующих — Л. Д. Троцкий, Л. Серебряков, Э. М. Склянский при секретаре И. Ф. Модянцева; в работе комиссии участвовали С. С. Данилов, К. Х. Данишевский, Л. Б. (?—Н. П.) Каменев, В. С. Корнеев, П. И. Лебедев, В. М. Молотов, Е. Преображенский, А. И. Рыков, И. Т. Смилга и др.

С середины декабря 1920 г. до середины апреля 1921 г. вышло три приказа РВСР об увольнении очередных возрастов красноармейцев¹²¹. По нашим расчетам, основанным на сопоставлении процентного соотношения указанных в приказах возрастных групп с общей численностью армии конца 1920 г., к апрелю 1921 г. могло быть уволено примерно 600—800 тыс. По данным Наркомвоен, к апрелю 1921 г. на довольствии в армии оставалось 3 млн 360 тыс. человек (см. табл. 12), т. е. армия уменьшилась на 2 млн человек. Это означает, что на одного

Т а б л и ц а 12

Численность Красной Армии
с марта 1919 по сентябрь 1921 г.¹²²

Период	Численность, чел.	Период	Численность, чел.
1919			
Март	1313607	Июль	4876110
Апрель	1528958	Сентябрь	4968000 ⁴
Май	1531042 ¹	Ноябрь	5317159
Июнь	1665020	1921	
Июль	1737178 ²	Февраль	3856454 ⁵
Август	2015855 ³	Март	3800000 ⁶
Сентябрь	2506132	Апрель	3356696
Октябрь	3000000	Май	3344904
Ноябрь	2800000	Июнь (?)	3511080
Декабрь	3000000	Июль	2813733 ⁷
1920		Август	2505331
Март	3138000	Сентябрь	2178499 ⁸
Июнь	3712000		

Примечания. ¹По другим данным — 1766304. ²По другим данным — 1800000. ³По другим данным — 1800000. ⁴Без Флота, милиции, войск ВЧК, ГУВУЗ, других вспомогательных частей. (В начале 1921 г. во всех вспомогательных частях — во Флоте, милиции, войсках ВЧК, военизированной охране, Главного Управления военно-учебных заведений, трудовых армиях и проч. — насчитывалось около 1 млн человек. Из них во Флоте — 122000, в милиции — 100000, в войсках ВЧК — 400000 человек. В конце 1920 г. в милиции было 170000, в трудовых армиях — 130000 человек). ⁵По другим данным — 3853000. ⁶Без Флота, милиции, войск ВЧК, ГУВУЗ, трудовых армий, других вспомогательных частей — 2900000. ⁷Без Флота, милиции, войск ВЧК, ГУВУЗ, других вспомогательных частей — 2439793. ⁸Без Флота, милиции, войск ВЧК, других вспомогательных частей — 1600000.

увольнявшегося официально (получавшего соответствующие документы, дававшие право на известные льготы) приходилось двое, уходивших из армии самостоятельно и по существу ставших дезертирами. Говоря грубо — армия разбежалась.

Могли ли этого не знать или не предвидеть в РВСР, ЦК РКП(б), правительстве? Знали. Более того, изначально даже предполагали такой исход.

На одном из заседаний комиссии ЦК РКП(б) «по демобилизации армии и упорядочению тыла» (25.11.20 г.) после доклада Э. М. Склянского принято решение (обратим внимание на мотивировку): «В интересах сохранения дисциплины в неподлежащих демобилизации частях (! — Н. П.)... просить ЦК

дать немедленно инструкцию всем партийным и советским органам печати освещать международное положение под углом зрения возможности новой войны и интервенции. Всячески воздерживаться от оптимистической оценки положения, как момента окончания гражданской войны»¹²³. На первом заседании комиссии СТО по роспуску армии (14.12.20 г.) Е. Преображенскому поручено согласовать в Политбюро условия опубликования приказов о демобилизации¹²⁴. На третьем заседании той же комиссии (06.01.21 г.) после доклада Е. Преображенского — решение: «Еще раз подчеркнуть, что в агитации по поводу увольнения... всегда выдвигать неустраненную еще опасность нападения на Советскую Республику с вытекающими отсюда последствиями...»¹²⁵.

Было ли принято какое-то решение в Политбюро, ответ, вероятно, смогут дать историки партии, но то, что партийная печать, в частности газета «Правда», в своих «передовицах» откликнулась на призыв, — факт достоверный¹²⁶. Секретарь ЦК РКП(б) Е. Преображенский в обращении к губкомам РКП(б) прямо рекомендовал им как одну из главнейших тем агитации среди увольняемых: «неизбежность нового нападения на Советскую Республику и новой войны со всеми ее тяготами, если наша военная сила будет ослаблена»¹²⁷. Введенные в заблуждение историки затем десятилетиями повторяли неправду.

Как видим, ложь открытая, в масштабах всей страны, к тому же бессмысленная, так как остановить дезертирство было практически невозможно. В приказе РВСР от 17.04.21 г., объявлявшем об очередной группе возрастов, подлежащих увольнению, читаем: «п. 10. ...вести самую энергичную борьбу с дезертирством из войсковых частей... не допуская самодемобилизации»¹²⁸. Но как можно было удержать красноармейцев в общей массе, если даже о коммунистах «Правда» писала, что они «под тем или другим предлогом покидают красноармейские ряды, дезертируют... сами себя демобилизуют»¹²⁹? Раздосадованное военно-партийное руководство (Н. Н. Крестинский, Е. Преображенский, Л. Д. Троцкий) предупреждало, что ЦК РКП(б) не позволит им макировать своими обязанностями и «вынужден будет применить самые решительные меры... предания партийному суду, как дезертиров, тех коммунистов, которые самовольно... ушли из армии»¹³⁰. Не имея возможности совладать даже с коммунистами — что и говорить! — их все-таки старались попридержать: только 25.06.21 г. РВСР отдал приказ о демобилизации членов РКП(б)¹³¹.

Возникает вопрос: если, как говорил Главком С. С. Каменев, собирались сократить армию уже к 15.01.21 г. на 2 млн человек личного состава¹³²; если знали, что будет массовое дезер-

тирство; если знали возрастной состав армии (а такие сведения в конце 1920 г. были собраны из частей), то почему отдавали приказы о демобилизации, по существу затягивавшие официальное увольнение? Ответить можно по-разному, но можно ответить и так: преследовалась определенная цель — снять с военного ведомства ответственность за демобилизацию, а государство избавить от обязательств по отношению к бывшим его зажиточникам.

В этой связи уместно сказать, как практически шло увольнение даже тех, кто уходил с соблюдением формальностей. На втором заседании комиссии СТО по роспуску армии образована финансово-вещевая подкомиссия В. Я. Рискinna, призванная организовать обеспечение увольняемых всем необходимым. Протоколы подкомиссии¹³³ свидетельствуют о предполагавшейся разветвленной системе мер организации снабжения, в том числе и на местах, где прибывавшим готовились так называемые «подарки» (5 фунтов (ф.) керосина, 3 ф. соли, 100 шт. папирос, 1 ф. сахара, 5 коробок спичек, 4 ложки, 1 ведро, 7,5 аршин мануфактуры, замок, щетка и др.) — каждому причиталось по 4—5 наименований в зависимости от группы губерний, куда увольнялся красноармеец¹³⁴, при палочках, конечно, соответствующих документов и обязательной постановке на учет в военном комиссариате. В рекламных целях об этом сообщили в печати¹³⁵. Та же «Правда» в ряде статей призывала к чуткому и «заботливому» отношению к увольняемым¹³⁶.

Не касаясь моральных сторон этой затеи, заметим только, что она провалилась. Провалилась из-за нереальности, непосредственности и хаоса в ходе демобилизации.

Первый приказ РВСР об увольнении (11.12.20 г.) предписывал обувь, одежду красноармейцев, обеспечить их транспортными средствами и прочее¹³⁷. Комиссия по роспуску армии дала (04.02.21 г.) соответствующие указания центральным довольствующим управлениям военвеха¹³⁸, которые постановлением СТО от 11.02.21 г. обязаны были выделять на эти цели ежемесячно по 100 тыс. комплектов обмундирования¹³⁹. Но в середине марта те, кто должен был обеспечить выполнение этих гуманных решений, объявили, что это нереально. Ни обувь, ни одежду, ни даже перевозку увольнявшихся оказалось невозможным¹⁴⁰. Раздетые, грязные, выпивые, толпами осаждавшие вокзалы, откуда их гнали, «товарищи красноармейцы (оправдались опасения А. А. Солнца. — Н. П.) ...почувствовали себя выброшенными, как негодный и никому ненужный хлам»¹⁴¹. И тем не менее 11 апреля демобилизационная комиссия предложила СТО дезавуировать все ранее изданные по этому поводу постановления и приказы¹⁴². Совет Обороны как всегда реагировал очень быст-

ро — 13 апреля вышло соответствующее постановление: отпустить в чем стоят; кому ближе 150 верст запретить ехать по железной дороге; все предшествовавшие решения по части снабжения увольняемых отменить, а данное «ввести немедленно»¹⁴³. И уже в очередном приказе РВСР от 17.04.21 г. читаем: «Во исполнение постановления СТО...» и далее перечисляется сказапное выше¹⁴⁴.

Надо отметить — то заседание СТО было пленарным. На нем Э. М. Склянский убеждал членов правительства сократить оставшуюся армию вдвое и довести ее численность к 1 сентября до 1,5 млн человек¹⁴⁵. И убедил, аргументов у Э. М. Склянского было более чем достаточно.

Постановление СТО от 13.04.21 г. начиналось словами; «Во исполнение решений 8-го съезда Советов...» и «в связи с улучшением международного положения Республики...» и далее по тексту¹⁴⁶. Вспомним, что говорилось три месяца назад и писалось затем в «Правде»... или международное положение за это время улучшилось настолько, что можно было еще наполовину сокращать армию, уже оставшуюся без 2 млн человек? Опять, мягко говоря, обман. Теперь уже в официальном правительственном документе. Ссылки на решения 8 съезда Советов в данном случае неуместны. Комиссия СТО по роспуску армии начала работать еще до открытия съезда. Ранее, 25.11.20 г. в РВСР пришли к заключению о необходимости сокращения армии¹⁴⁷, о чем и сказал Главком С. С. Каменев, заявив 09.09.20 г. о полученном задании уменьшить ее численность на 2 млн человек, да к тому же еще и к 15.01.21 г. Еще ранее, 09.09.20 г. на совещании у А. И. Рыкова разрабатывался соответствующий план мероприятий по демобилизации, для реализации которого была привлечена комиссия А. А. Самойло (создана в июле 1920 г. по постановлению СТО от 15.05.20 г. и выяснявшая действительную численность армии¹⁴⁸) для определения норм предстоявшего сокращения¹⁴⁹. После доклада А. И. Рыкова 03.12.20 г. (опять же, до 8-го съезда Советов) СТО принял решение об образовании «Центральной Комиссии по изъятию военного имущества из армии и передаче его гражданским учреждениям»¹⁵⁰. Поэтому разговоры об улучшившемся международном положении, ссылки на 8 съезд Советов и прочее — несостоятельны. Причина в другом: армию не во что было одеть и обуть, нечем было накормить, нечем было вооружать. Задержим внимание на этом.

Утверждение историков о том, что промышленное производство к концу гражданской войны упало до 4—20% от уровня 1913 г.¹⁵¹, мы подвергаем сомнению. Думается — гораздо ниже. Достаточно посмотреть на военно-промышленное производ-

ство (а оно, бесспорно, включало подавляющую часть промышленного производства вообще), чтобы убедиться в этом.

По предположениям комиссии СТО при Президиуме ВЦСПС, в декабре 1920 — январе 1921 г. на «ударных» и забронированных предприятиях должно было быть занято 2,5 млн рабочих¹⁵². Насколько катастрофически быстро сокращалось число рабочих в промышленном секторе, можно судить хотя бы по тому, что уже в феврале 1921 г. на одиннадцати крупнейших военных заводах (получавших бронированный красноармейский продовольственный паек) — Тульском и Ижевском оружейных, Тульском, Подольском и Симбирском патронных, Подольском и Изюмском оптических, Ковровском пулеметном, Владимирском пороховом, Ярославском судостроительном и Кольчугинском меденплавильном — работало 92 559 человек; еще на 124 предприятиях, также входивших в число особо охваченных (располагавших бронированным продфабзавтоповским пайком), — 109 395 человек¹⁵³. «Флагманы» военного производства... и всего чуть больше 200 тыс. рабочих?.. Надо иметь в виду, что в это число входили и члены семей рабочих, получавшие определенную долю бронированного снабжения. Что до остальных 2,3 млн, то о их положении можно судить, например, по материалам стенографического отчета 3-й Всероссийской конференции артиллерийских заводов (07—11.02.21 г.): вспомогательные производства сокращались, заводы закрывались и не потому, что их продукция была ненужна, а потому, что не было сырья и топлива, уходили в деревню рабочие¹⁵⁴. Ответствовавший съезд от ЦК Всероссийского Совета рабочих металлистов (ВСРМ) его председатель А. Г. Шляпников назвал положение в металлопромышленности «катастрофическим»¹⁵⁵. Как ни вспомнить слова председателя СВЦ П. А. Богданова, предупреждавшего в ноябре 1920 г. о том, что перед военной промышленностью вскоре встанет «вопрос о целом ряде предметов боевого снабжения, которые сейчас не имеют боевого назначения»¹⁵⁶, т. е. военная промышленность, располагая относительно спосными условиями существования, вынуждена будет (из-за полной дезорганизации гражданского производства) взять на себя все промышленное снабжение армии. А это означало бы окончательную милитаризацию оставшегося дееспособным в данной отрасли экпомики.

Развал промышленности — следствие гражданской войны. Это так. Но у следствия были причины, о которых, по большей части, историки умалчивали. Грубейшие просчеты в планировании (если вообще о таковом можно говорить) привели, например, к тому, что в Петрограде в начале 1921 г. вдруг интенсивно стали пускать цехи металлургического производства, увели-

чив при этом программы целого ряда других отраслей оборонной промышленности¹⁵⁷. Топливный кризис свел на нет это «планирование» и производства пришлось быстро сворачивать. Программа по артиллерийскому снабжению на 1921 г. провалилась только потому, что при ее разработке не учли такого, казалось бы, самоочевидного факта, как изношенность оборудования заводов, требовавшего срочного капитального ремонта и замены¹⁵⁸. Оказавшиеся — по наивному заблуждению — заброшенными государственные финансы доводили положение до абсурда. С поразительной легкостью можно было разрешить Симбирскому патронному заводу «позаимствованные» им в 1920 г. из кредитов ЦЕПАЗ 80 млн 700 567 р. в 1921 г. «признать расходами казны»¹⁵⁹, а Севастопольскому портовому заводу, «ввиду катастрофического положения» при расчетах с рабочими, выдать 400 млн р.¹⁶⁰, зная заранее, что они пойдут затем как «расход казны». Или, еще проще: «Прекратить работу на заводах СВП в пятницу 31 декабря и возобновить в понедельник 10 января (1921 г. — Н. П.)» в связи с рождественскими праздниками¹⁶¹. Но ни умозрительное планирование, ни произвольное финансирование или вульгаризированное «право на отдых» не могли избавить промышленность от обязанности удовлетворять растущие потребности армии.

Если сравнить данные о наличии артиллерийского имущества в Красной Армии, приведенные ГАУ по состоянию к началу апреля 1921 г.¹⁶², с рассчитанными нами по сведениям А. А. Маниковского накануне гражданской войны¹⁶³ (винтовок, например, получается соответственно 1 347 850 и 2 781 000 штук; патронов к ним 488 млн 27 727 и 2 473 000 000 штук), то соотношение возможностей оснащения армии вооружением выразится в 2—5 раз, т. е. военно-промышленное производство в 1918—1920 гг., в отличие от 1914—1917 гг., прогрессивно уменьшалось. К началу 1921 г. оно достигло критической отметки. При обсуждении производственной программы артиллерийского снабжения на 1921 г. в ЧУСО вынуждены были пойти на существенное ее сокращение: ГАУ предлагало, например, установить выпуск винтовок и патронов к ним соответственно в 1 млн 258 733 и 2 049 923 568 штук, но СВП считал «целесообразным остановиться на программе в 45 000 в месяц (540 000 в год. — Н. П.) винтовок и 600 млн патронов, как на «наиболее реальной» и осуществимой¹⁶⁴, ибо, как сказано в пояснительной записке к программе, «при всяком дальнейшем увеличении нарядов улучшение качества винтовок, на чем настаивает ЦУС, является невозможным» и неосуществимым¹⁶⁵, т. е. технологически военно-промышленное производство не могло дать требуемого для армии; не говоря уже о массе других причин сок-

ращения выпуска военной продукции: по словам члена СВП К. Н. Орлова, многие заводы Государственного объединения металлообрабатывающих заводов (ГОМЗА), а также 22 завода ЦЕПАЗ предстояло остановить из-за нехватки топлива¹⁶⁶.

Сильно сказывался недостаток рабочих, уходивших на село в надежде прокормиться там. Потери попытались компенсировать за счет демобилизуемых. При комиссии СТО по роспуску армии в декабре 1920 г. возникла подкомиссия Л. Серебрякова «для определения порядка направления квалифицированных красноармейцев-рабочих, увольняемых из армии»¹⁶⁷. Параллельно с этим при Центральной комиссии СТО по изъятию военного имущества создана межведомственная комиссия Я. И. Гиндина-Гинсбурга «по использованию военно-технической рабочей силы»¹⁶⁸. Последняя, столкнувшись с массой трудностей (активное сопротивление военного руководства процессу материальных изъятий из армии и хаос в демобилизации), вынуждена была признать «абсолютно невозможной выработку детального плана... использования военно-инженерных и военно-технических сил» и практически прекратила работу¹⁶⁹.

Никакими превентивными мерами невозможно было обеспечить производство для армии — тяжелая промышленность оказалась на грани распада.

Но если в базовых отраслях экономики еще сохранялась какая-то инерция, позволявшая строить планы в отношении снабжения армии, то состояние легкой промышленности окончательно убеждает в их иллюзорности. В отличие от изготовления, скажем, винтовок или патронов, где еще имелись остатки мощного промышленно-технологического потенциала, заложенного в 1914—1917 гг. и интенсивно поддерживавшегося в годы гражданской войны, производство интендантского довольствия, в силу своей специфики и относительно слабого внимания к нему в предшествующее время, гораздо быстрее подверглось разложению и к концу 1920 г. было окончательно дезорганизовано. Производственно-заготовительная часть УЧУСОКир, например, так оценивала положение весной 1921 г.: «Почти все... предприятия от выполнения норм производственной программы отошли на 50—80%»¹⁷⁰.

Хаос, царивший в легкой промышленности, имел подчас совершенно непредсказуемые следствия. В начале 1921 г. «вдруг» стало ясно, что может остановиться все текстильное производство в республике... из-за отсутствия карданной ленты. При СВП лихорадочно создается «Бюро карданных лент», Алексеевский кабельный завод срочно переоборудуется под ее производство, в спешном порядке только на организационные расходы в связи с этим тратятся десятки миллионов рублей¹⁷¹.

Долгое время господствовавшие идеи о возможности всеобъемлющей централизации распределения потерпели полное фиаско. В феврале 1921 г. помощник Главкома по Сибири В. И. Шорин, помощник Главначснба по Сибири Н. А. Варят, УчусоСиб А. П. Брыков сообщили в ЧУСО о предстоящей остановке «производственных органов Сибири», изготовлявших предметы вещевого довольствия для армий, из-за невысылки центром мапуфаktуры «согласно плановой потребности на 1921 год»¹⁷². Свыше 200 предприятий, снабжавших Западный фронт интендантским довольствием и ранее обеспечивавшихся сырьем за счет конфискационных мер в ближайших губерниях (Витебской, Гомельской, Минской, Смоленской и Могилевском районе), весной 1921 г. оказались недееспособными. УчусоЗап Р. Я. Крумовиц, в растерянности от того, что «в последнее время почти все предметы, подлежащие изъятию, разброшированы...», в майском рапорте в ЧУСО заявил: «Если снабжение материалов Центром будет продолжаться дальше, как это было до сих пор, фронт в самом ближайшем времени встанет перед необходимостью закрытия всех предприятий»¹⁷³. На запрос управляющего делами ЧУСО М. И. Полетаева интендантскому отделу о причинах и «что предпринято» в связи с этим, ответ поступил обескураживающий: «Отсутствие тканей, ощущаемое в Республике... а также из-за промедления в ассигновании тканей Комиссией Исползования» ВСНХ/СТО¹⁷⁴.

Военно-коммунистическое прошлое приучило периферию к командным распоряжениям центра даже в том случае, когда использовались местное сырье и материалы, ранее распределявшиеся из центра через так называемую систему «забронирования». Активизация местной хозяйственной инициативы после 8 съезда Советов нарушила сложившийся порядок: «обратный путь» централизации еще более усилил хаос в экономике, прежде всего — в легкой промышленности, относительно быстро реагировавшей на изменения хозяйственной конъюнктуры. Неудивительно, что стали появляться требования вернуться к прежним методам. В марте 1921 г. из ЧУСО, например, предложили Совету Обороны «возобновить деятельность УЧУСОТекстиль по бронированию... годных для военного обмундирования тканей»¹⁷⁵. Не без этих «рекомендаций», вероятно, 11 мая СТО постановил образовать комиссию, названную почему-то «по-реализации ткани», работа которой оказалась довольно продуктивной: «На местах, — по словам помощника Чусо В. В. Гомбарга, — обнаружено свыше 20 млн аршин незапаряженной одежной ткани»: он просил выделить Главодежду ВСНХ 500 млн р. для организации перевозки «найденного»

в центр (для этого потребовалось бы 600 железнодорожных вагонов)¹⁷⁶. Подобные эпизодические возвращения к «чрезвычайнице» не спасали положения в целом — армию не во что было одеть. И обувь тоже. По заявлению Учусо Турк в мае 1921 г., смета годичной производственной программы Центрокож Туркестанской республики, утвержденная ЧУСО в размере 900 млн р. (на предприятиях занято около 10 тыс. рабочих), оказалась нереальной; кредитов требовалось до 2 млрд р., а полученная частичная компенсация в 115 млн рублей из Особого оборотного фонда ЧУСО лишь отчасти могла поддерживать производство¹⁷⁷. Даже лаптей не хватало: из 6 млн 932 360 пар, планировавшихся Наркомпродом заготовить в 1921 г., к августу удалось собрать только 3 280 383 пары¹⁷⁸.

Если в 1914—1917 гг. военно-промышленное производство постоянно нарастало, достигнув к середине 1917 г. своей высшей отметки, то в 1918—1920 гг. оно прогрессивно снижалось. И не стоит уповать на возможность объяснения снижения истощением ресурсов; главная причина глубже — отсутствие элементарных навыков хозяйствования. Окончательный развал промышленности совпал также с истреблением старых запасов армейского снабжения. А. И. Рыков в докладе в ЦК РКП(б) в июле 1920 г. писал, что это случилось «весной 1919 г.»¹⁷⁹, на самом деле это произошло позже — к концу 1920 г. И никакое создание никаких «чрезвычайных» органов не могло спасти положения. Эти органы лишь оттянули конец к самому критическому рубежу, т. е. к концу 1920 г., обозначившему, наряду с прочим, еще и кризис самих «чрезвычайных» органов.

Дезорганизация промышленности дополнялась отсутствием продовольствия, значительная часть которого из заготавливавшегося Наркомпродом шла на удовлетворение потребностей армии. По сведениям Главного Управления по снабжению Красной Армии продовольствием (Главснабпродарм), поданным Н. П. Брюхановым в ЧУСО в октябре 1920 г., годовое потребление армией хлеба составило 49 млн 464 000 пудов¹⁸⁰. В. И. Ленин говорил о 220 млн пудов хлеба, собранных в 1920 г.¹⁸¹ Таким образом, 22,5% заготовленного оказалось направленным в армию. По другим видам продуктов и предметов первой необходимости доля ее потребления еще выше: по крупам — 25,8%, сахару — 69,7, чаю — 29,6, соли — 10, мылу — 80, табаку — 110,3 (? — Н. П.), спичкам — 72,2, мясу и рыбе — 54,9, сырам — 76,6, овощам — 49,1, селу — 75,2¹⁸². В комментариях к сведениям Наркомпрод сказано: «Действительный отпуск про-

дуктов армии выше»¹⁸³, т. е. больше половины годовых государственных запасов отдавалось военным.

Все ухудшившееся положение с продовольствием принудило правительство пойти в 1921 г. на ряд экстраординарных мер. Поскольку проблема хлеба в 1921 г. приобрела политическое значение (так как от наличия его зависела судьба власти, опиравшейся преимущественно на армию, кормить которую становилось все труднее), 01.04.21 г. СТО принял постановление: «Ввиду исключительно острого положения с продовольствием в Республике ... в порядке ударного задания вывезти продовольствие из районов Сибири, Украины, Кавказа...», — в реализацию которого, наряду с Наркомпрод, оказалось активно вовлечено и военное ведомство¹⁸⁴.

По планам Наркомпрод предполагалось в течение 5—6 месяцев вывезти от 2,4 до 3,2 млн пудов хлеба из Сибири, 3,6 млн пудов с Украины и 13 млн пудов с Кавказа¹⁸⁵. Вывозить хлеб из Сибири намеревались с помощью автотранспорта, для чего специальным постановлением СТО из армии изъяли 400 грузовых автомобилей, передав их Наркомпрод. Ввиду возникавших значительных затруднений из-за сопротивления военных (лишившихся уже до этого 40% своего автомобильного парка¹⁸⁶), работу поручили провести ЧУСО. С большим трудом, как мы убедились выше, задание было выполнено. В спешном порядке из армии изымались также технические средства и персонал для обслуживания автоколонн и направлялись в места вывоза хлеба, как было, например, с поездом-автомастерской, перебравшимся из Первой Колной в Сибирь «для работ по заданиям Наркомпрода»¹⁸⁷. ГВИУ регулярно информировало Центральную комиссию СТО по изъятию военного имущества о ходе выполнения постановления Совета Обороны от 01.04.21 г.¹⁸⁸

Следует отметить, что затея с вывозом хлеба из Сибири с помощью автотранспорта была почти абсурдной (отсутствие дорог, горюче-смазочных материалов, сопряженность с большими затратами по техническому обслуживанию и др.), но положение с хлебом оказалось настолько безвыходным, что готовы были пойти и на такой шаг. Когда дело касалось продовольствия, то не считались ни с чем. Чтоб увеличить, например, добычу соли в четыре раза (доведя ее до 62 млн пудов в 1921 г.), СТО 18.02.21 г. постановил приравнять предприятия Главсоли ВСНХ «к предприятиям ударного значения 1-й категории»¹⁸⁹. Не вдаваясь в анализ последствий таких резких перекосов в распределении «ударным» отраслям экономики и без того скудного запаса поощрительных мер, отметим только, что

подобная практика лишь усугубляла положение.

В августе 1921 г. СТО принял еще более крайние меры. Остановка предприятий, быстро увеличивавшееся число безработных, массовые демобилизации из армии не находивших себе применения в хозяйственной жизни красноармейцев и начавшийся голод привели к мысли о создании «военно-продовольственных дружин» — идея Главснабпродарм Н. П. Брюханова. Первоначально в состав дружин набиралось до 30 тыс. человек, а чтобы их члены были более активны в проведении «экстренных мер по обеспечению рабочего класса продовольствием и помощи голодающему крестьянству», им предоставлялось право «бесплатного отправления продовольственных посылок (к себе домой. — Н. П.) ...общим количеством не более двух пудов в месяц...»; СТО идею одобрил¹⁹⁰. Нетрудно пред- ставить, как все это выглядело на практике в тех конкретных жестоких условиях.

В. И. Ленин на III Конгрессе Коминтерна, говоря об «успехах продовольственной политики» советского государства, называл цифры собранного — т. е. отобранного у крестьян — хлеба: в первый год — 110 млн пудов, во второй — 220 млн пудов, в третий — 285 млн пудов; а теперь, «имея уже практический опыт, мы ставим себе задачей, — заключал глава советского правительства, — собрать... 400 млн пуд.»¹⁹¹. То, каким был этот «практический опыт», можно проследить от январского 1919 г. декрета СНК о продовольственной диктатуре и до августовского 1921 г. постановления СТО о «военно-продовольственных дружинах».

Итак, сначала иссякло продовольствие, затем возможности интендантского снабжения и, наконец, промышленно-технический потенциал. О полной неспособности армейских органов снабжения выполнять свои функции впервые, пожалуй, открыто заговорили лишь поздней осенью 1920 г. В ноябре на Всероссийском совещании ЧУСО Главначснаб Л. З. Аккерман признал полное отсутствие в республике запасов предметов военного довольствия и неготовность органов снабжения к зимней кампании; если на что-то и можно было рассчитывать, заявил он, «то благодаря таким явлениям, как пожар в Нижнем и взрывы складов на Западном фронте, эти остатки были уничтожены»¹⁹². Сбор вещей, проводившийся среди населения, кое-что дал (в Москве, например, удалось собрать 70 тыс. комплектов белья¹⁹³), однако кроме скептицизма эта идея не рождала никаких положительных эмоций даже у современников. Между тем в план снабжения Главхозупр на 1921 г. была включена еще и Главмилиция, а это примерно 100 000 человек¹⁹⁴.

Начавшееся сокращение армии в известной мере подняло

процент обеспеченности ее вещевым довольствием. В феврале 1921 г., по данным инспекции снабжения ЧУСО, он составлял 78,7 (в феврале 1920 г. — 65,6; в ноябре 1920 г. — 51,7)¹⁹⁵. Но это увеличение было сугубо относительным, так как сокращение армии к этому времени на 1,5 млн человек (по сравнению с ноябрем 1920 г.) дало искусственный рост процента ее обеспеченности, к тому же есть основания сомневаться в достоверности сведений инспекции снабжения ЧУСО. По результатам, рассчитанным на основе данных Главхозупр, например, в феврале 1921 г. армия могла быть удовлетворена только на 34,1%¹⁹⁶.

Ситуация в армии, несмотря на ее численное сокращение, оставалась крайне сложной. Так, УЧУСОСиб и Сибревком после анализа плача потребности войсковых частей Сибири на 1921 г. пришли к заключению о «катастрофическом положении дела снабжения, давно, почти полно изношенности вещей, ныне находящихся в поске». «Является настоятельная необходимость, — писал 7 февраля в ЧУСО помощник Главначснаба по Сибири Н. А. Варят, — срочно подать из центра, не позже 01.03.21 г. все количество вещей, не могущих быть изготовленными в Сибири»¹⁹⁷. Характерна телеграмма командующего 6-й армией А. И. Корка Э. М. Складискому и М. В. Фрунзе от 24.02.21 г.: «В армии в среднем около 50% раздетых и необутых красноармейцев, а в некоторых частях и более. Запасов... нет. ...полагаю, центральные снабженческие органы мало ориентированы в том тяжелом положении, в котором находится армия»¹⁹⁸. Что на это могли ответить в «центре»? Э. М. Складиский — разослать копии телеграммы Л. Д. Троцкому, Главкому, Главначснабу, ЧУСО; начальник фронтового управления ЧУСО М. Д. Шейн — потребовать от инспекции снабжения «запросить сведения от УЧУСОУкрКрыма»; начальник инспекции снабжения ЧУСО Л. В. Гохенберг — «срочно, секретно» справиться о состоянии снабжения 6-й армии¹⁹⁹. И только!

В марте 1921 г. руководитель Главхозупр В. Люблин представил в ЧУСО доклад «О катастрофическом положении снабжения Красной Армии обмундированием и обувью в 1921 году». На расширенном заседании в ЧУСО 14.03.21 г. выводы доклада подтвердили присутствовавшие там представители Главодержды и Главкож ВСНХ Злавич и Фushman. Вердикт заседания более чем красноречив: «Признать, что производственные возможности Республики... совершенно не дают никакой возможности сколько-нибудь удовлетворительно снабдить обмундированием и обувью армию в настоящем ее численном составе...»²⁰⁰. Интендантскому отделу СВП поручили «составить от имени ЧУСО мотивированный доклад в СТО»²⁰¹.

Принимая во внимание материалы мартовского совещания в ЧУСО и расчеты интендантского отдела СВП, по которым численность состоявших на армейском довольствии в марте 1921 г. равнялась 3,8 млн человек²⁰², А. Д. Кншккин-Любавский подготовил письмо в СТО, где, в частности, сообщалось о «невозможности правильного снабжения армии в составе больше 1 000 000 человек»; обещанное СТО увеличение военведу общего годовичного назначения хлопчатобумажных тканей до 200 млн аршин «позволит увеличить численность снабжаемых не более чем на 500 000 человек»²⁰³, но и это при том условии, если «будет принят ряд экстренных мер по реализации назначенной СТО... ткани»²⁰⁴. Письмо сопровождалось убедительными цифрами, подтверждавшими эти выводы.

К общим трудностям обеспечения Красной Армии вещевым довольствием весной 1921 г. добавилась еще и проблема обмена военнопленными с Польшей. Учитывая политическое значение вопроса снабжения возвращавшихся из Польши и уходивших туда военнопленных, Малый СНК 04.02.21 г. принял решение значительно улучшить положение польских военнопленных, в частности, снабдить их 4 000 полных комплектов армейского обмундирования²⁰⁵. Одновременно Центральной эвакуационной комиссии К. Б. Радека было отпущено 5 000 комплектов для возвращавшихся из Польши²⁰⁶. Для сравнения скажем, что месячный демобилизационный фонд, которым первоначально располагала комиссия СТО по роспуску армии, составлял 50 тыс. комплектов обмундирования²⁰⁷.

В апреле 1921 г. в ответ на запрос Главного санитарного Управления, как быть с выписавшимися из лечебных заведений пленными польскими солдатами, ЦУС предложило ЧУСО снабжать их как красноармейцев, т. е. из фондов военно-лечебных заведений²⁰⁸. В то же время (27.04.21 г.) К. Б. Радек писал в ЧУСО, что данных ЦУС 30 тыс. комплектов «очень мало», так как военнопленные прибывают «в ужасном состоянии обмундирования», а их численность ожидается в пределах до 120 тыс.²⁰⁹ Это почти столько, сколько обслуживало, например, в марте 1921 г. Главное военно-морское хозяйственное Управление (Главморхоз) во всем Флоте республики²¹⁰.

Критическое положение, несмотря на быстрые темпы роспуска армии, заставило военных снабженцев всерьез обратить внимание на ее действительные потребности. В марте 1921 г. приказами ЧУСО № 1058 и 1128 создана комиссия «для расследования причин представления военным ведомством преувеличенных заявок»²¹¹. Предметом анализа комиссии стала работа «Особого совещания по согласованию потребностей армии и возможностей производственных главков и центров ВСНХ».

С образованием «Особого совещания...» (оно возникло в августе 1919 г. при ЧУСО, в январе 1920 г. перешло в ЦУС, а в ноябре 1920 г. снова возвращено в ЧУСО²¹²) предполагалось, что оно будет органом согласования потребностей морского ведомства и военного в целом. Но с течением времени, став промежуточным звеном между ЧУСО и ЦУС, «Особое совещание...» фактически объединило в себе предварительный контроль за поступающими заявками от главных довольствующих управлений и их соответствием хозяйственным возможностям республики.

По итогам работы комиссии ЧУСО выяснилось, что «Особое совещание...» поверхностно рассматривает заявки и абсолютно недопустимо относится к возложенным на него обязанностям», в результате чего Главхозупр, например, удалось значительно приуменьшить цифры наличия военного имущества в армии и подавать требования, явно несоответствующие ее потребностям²¹³. Причиной такого положения, как показал анализ, была неосведомленность самих главных довольствующих управлений о действительных потребностях армии, отсутствие у них сколь-нибудь приемлемого учета, заформализованность прохождения заявок²¹⁴. Комиссия ЧУСО рекомендовала изменить существовавшее законоположение об «Особом совещании...», превратив его в арбитражный орган между главными довольствующими управлениями и производственными отделами Совета военной промышленности²¹⁵.

Была предпринята также попытка усилить контроль за фактическим положением дел в военно-промышленном производстве, для чего разработан план по упорядочению отчетности «для местных военно-производственных органов»²¹⁶.

Стремление выяснить, наконец, сколько же действительно необходимо было армии и что способно было дать оскудевшее хозяйство республики, кажется, начинало материализоваться в какие-то конкретные действия. Но успех мог зависеть в решающей мере от согласия потреблявшей стороны, т. е. армии, пойти на установление такого контроля государства. Судя по многим признакам, это было неосуществимо, или, по крайней мере, весьма затруднительно. Развращенные безнадзорным потреблением, воинские части не могли поступать иначе, как требуя для себя исключительного положения. Наглядный пример — действия тамбовской группы войск во время подавления крестьянского восстания в губернии.

Инспектор ЦУС С. И. Петренко-Петриковский, обследовавший в июне 1921 г. обеспеченность тамбовской группы воен-

ным довольствием, пришел к довольно мрачным заключениям. Как только М. Н. Тухачевский появился в Тамбове, он сразу потребовал от Главхозупр почти полного комплекта обмундирования на 44 214 человек, «состоявших на довольствии в группе», а от заместителя ЧУСО Н. Б. Эйсмонта — «переименовать ичусо по Тамбовской губернии Н. Караганова в Учусо группы со всеми вытекающими отсюда последствиями»²¹⁷. Решением «Полномочной Комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом» (председатель В. А. Антонов-Овсеенко, члены — М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич и др.) все обмундирование на складах губернии передавалось «революционным порядком т. Караганову с заданием снабдить им армию»; отказавшегося это выполнить начальника тамбовского губвещсклада Галкина М. Н. Тухачевский приказал арестовать, и только телеграмма из ЧУСО приостановила этот «революционный порядок», после чего тамбовская группа стала забирать вещи непосредственно с производств и из моршанского отделения тамбовского губвещсклада; в результате к началу июня воинские части были обеспечены обмундированием более чем на 80 %, а между тем все заказанное М. Н. Тухачевским по его 100 %-й заявке от 07.05.21 г. шло из центра в Тамбов²¹⁸.

М. Н. Тухачевского можно понять; печальный опыт Западного фронта во время Варшавской операции диктовал свои нормы поведения. Тамбовская операция оказалась удачней Варшавской, но нас интересует в данном случае не результат успеха операции, а подоплека ее организации, мало чем отличавшаяся от аналогичных на Украине, Северном Кавказе, в Кронштадте, Западной Сибири и т. д.

Убеждаемся многократно: всякие попытки организовать учет поглощавшегося армией в годы гражданской войны неизменно обрекались на неудачу. Управляющий делами ЦОВЗ в письме к А. И. Рыкову в ноябре 1919 г. назвал армию «бочкой без дна»²¹⁹. «Бочкой без дна» она оставалась и в 1921 г. И это еще одна из объективных причин ее роспуска.

В середине 1920 — начале 1921 г. еще наблюдается непоследовательность в решении вопроса о судьбе армии, несогласованность действий высших военных, политических и хозяйственных структур республики. Плановый заказ на 1921 г. для Главкож и Главдежды ВСНХ, разработанный в ЧУСО, принимался в ранее определенных объемах: шинелей — 5 766 000, верхнего обмундирования — 5 млн 594 000—5 622 000 комплектов, обуви — 9 000 000 пар и т. д.; с оговоркой, что «в случае сокращения армии будут даваться соответствующие указания об изменении»²²⁰. В январе 1921 г. СТО утвердил представленный ЧУСО производственный план на 1921 г. (постановле-

ние от 19.01.21 г.), но при условии, если будет сокращение, то военную передавалось бы «не все производимое количество; а фактически необходимое», остальное направлялось бы в неприкосновенный мобилизационный запас и гражданским производственным органам²²¹. Но уже 05.02.21 г. Комиссия Исползования ВСНХ/СТО, исходя из существовавших возможностей, почти вдвое сократила планируемую потребность сырья для производства интендантского снабжения: до 200 млн аршин ткани (из 443 млн плашировавшихся); до 5 млн пар обуви (из 9 млн намечавшихся ранее) и т. д.²²² На это из ЧУСО ответили, что в таком случае не то, что 3,5 млн, а и 1,5 млн красноармейцев одеть будет крайне сложно; что касается обуви, то надо оставить объем производства в 7,5 млн пар в год²²³. После согласования в СТО (прот. № 203 от 08.04.21 г.) решено не только оставить на ближайшее время производство армейской обуви в ранее планировавшихся объемах, но даже увеличить ее месячный выпуск до 1 млн пар²²⁴. Примерно вдвое сокращался план изготовления шинелей (283 000 в месяц), но одновременно почти вдвое увеличивался план по летнему обмундированию (600 000 — 815 000 комплектов в месяц)²²⁵, т. е. декабрьский 1920 г. производственный план ЧУСО по существу оставался прежним и в апреле — июне 1921 г. Связано это было, однако, не с производственными и сырьевыми возможностями республики, а с надеждами снабдить армию в значительной мере за счет заграничных закупок сырья и готовых изделий. Чем кончились эти надежды, мы показали выше.

Вконец расстроенная промышленность, несбывшиеся планы военно-импортных закупок, начинавшийся голод, отсутствие достоверных сведений о действительных потребностях военного ведомства диктовали в конце 1920 — начале 1921 г. только один выход — отказаться от разросшейся до неподъемности для экономики армии. Всякое другое объяснение причин начавшегося резкого ее сокращения, в том числе и якобы окончанием гражданской войны, явно несостоятельно. Экономическое истощение республики достигло наивысшего предела. Поэтому понятие «демобилизация» в данном случае неуместно. Скорее надо сказать «ропуск». Современники не скрывали этого даже в официальных документах, назвав комиссию СТО «комиссией по роспуску Красной Армии».

Был ли такой финал закономерным? Безусловно. Он динамично нарастал в сознании каждого отдельного красноармейца, с течением времени становившегося потенциальным дезертиром. В этом нетрудно убедиться, познакомившись с перлюстрацией красноармейской корреспонденции, осуществлявшейся военно-цензурным Установлением РВСР²²⁶. В течение всей

гражданской войны армия пребывала в состоянии перманентного дезертирства. По сведениям председателя Центральной комиссии по борьбе с дезертирством (ЦЕКОМДЕЗ) С. С. Данилова, например, только за вторую половину сентября 1919 г. было задержано 131 440 дезертиров²²⁷. Работы, как видим, у частей войск внутренней охраны «при командировании для подавления восстаний и ловли дезертиров» было много; вероятно поэтому СРКО 17.10.19 г. постановил удовлетворять их во время таких командировок «пайком по фронтовой норме»²²⁸.

Дезертирство 1921 г. приобрело уже откровенные черты злобленности. Выброшенные в считанные месяцы из армии почти 4 млн человек не находили возможности обустроиться в условиях полной хозяйственной разрухи. Это из них потом десятки тысяч пошли в так называемые «военно-продовольственные дружины»; это они, бывшие бойцы Красной Армии, активно способствовали затем развитию бандитизма, лицемерно, хотя отчасти и правильно, названного «политическим». В феврале 1921 г., например, из Первой Конной армии во главе со своим командиром ушел к Н. И. Махно, а затем на Северный Кавказ 19-й кавалерийский полк, бойцы которого до 1922 г. навели ужас на коммунистов и работников советских учреждений Дона, убивая, вешая, грабя. 19-й полк 4-й кавалерийской дивизии имел особый «статус» в Первой Конной; с него армия вела свою родословную; там служили многие известные в будущем первокошники; его почетным красноармейцем был И. В. Сталин. Командовал полком друг и соратник С. М. Буденного Г. Маслаков, прославленный «дед Маслак».

Многое предстоит переосмыслить в истории первых лет советской власти. Кто может сегодня дать вразумительный ответ, скажем, на вопрос о составе повстанческих движений 1921 г. на Украине, Тамбовщине, Северном Кавказе, в Западной Сибири и где там еще? А дать ответ несложно, надо только добросовестно работать с архивами, и не обязательно со «спецхрановскими».

Нами затронута только одна из сторон проблемы перехода к НЭП — проблема армии. Но это лишь отдельная и сравнительно небольшая часть результата действия объективных экономических законов, нивелировавших и вкупе отрицавших политический субъективизм, профессиональную несостоятельность и дилетантизм, достигшие к концу 1920 г. своего апогея. Обращение к материалам 8 съезда Советов, к предшествовавшему ему и последовавшим за ним поведению советских государственных и хозяйственных органов (особенно на местах) убеждает в том, что не X съезд РКП(б) открыл переход к НЭП. Этот переход готовился исподволь, начиная с октября

1917 г., и недвусмысленно заявил о себе на 8 съезде Советов в декабре 1920 г. Подтверждает это и анализ различных областей хозяйственной деятельности в годы так называемого «военного коммунизма» — сфер эволюции частного рынка, организации управления производством и др. Общий вывод, к которому мы подошли в процессе работы над архивными документами по указанным проблемам, печален; политика военного коммунизма, это никакая не политика даже в самом элементарном ее понимании. Это экономический нонсенс, доведенный до своего логического завершения, т. е. до абсурда, когда даже примитивному групповому сознанию и еще более примитивному профессиональному уровню людей, взявшихся за строительство эфемерного будущего, стала понятна безысходность экономической ситуации. Но чтобы сохранить политическое господство, необходимо было рафинировать его в новую экономическую оболочку, надо было выбраться из сложившихся условий, в которых оказалась хозяйственная жизнь страны. Лишь только тогда последовала «перемена всей точки зрения на социализм».

Мы все более убеждаемся в оправданности совершенно противоположной оценки предлагавшегося ранее соотношения «гражданская война — НЭП». Только переход к НЭП и смягчение лозунгов классового противостояния способствовали заглаживанию гражданской войны, что в свою очередь позволило сохранить, а затем и упрочить вертикаль политической власти. И надо отдать должное интуиции политиков той поры — маневр оказался успешным. Наметившаяся, казалось бы, сублиматизация политической власти (точнее — военно-коммунистической доктрины) ввела в заблуждение широкие слои, прежде всего — крестьянство, принявшее чисто поверхностные изменения за принципиальный политический отход, чем собственно и был ослаблен накал борьбы с обесценившимися на практике военно-коммунистическими идеями.

В этой жестокой ломке представлений о будущем России армия оказалась одним из самых уязвимых звеньев. Нарушение четких экономических законов, по которым следовало определять соотношение возможной численности армии с имеющимися национальными ресурсами на том отрезке времени, в тех конкретных исторических условиях, игнорирование этих законов в конечном счете привело к произволу по отношению к людям, чьи патриотические настроения использовались для укрепления политических доктрин обанкротившихся политиков, некомпетентность которых «вдруг» стала осязаемой. Вина за случившееся лежит также и на высшем военном руководстве, не умевшем (или — не желавшем) прогнозировать и по-

тому оказавшемся неспособным убедить политиков в несуразности раздувавшихся военных бюджетов, наращивавшейся огромной, несоответствующей экономическим возможностям общества, армии.

За попытку социального экспериментирования Россия уплатила огромную цену — человеческими жизнями и национальным достоинством. Исторически сложилось так, что именно она из числа стран, входивших в империю до и после революции 1917 г., оказалась самой жертвенной. Это последнее, что мы попытаемся доказать, завершая исследование по истории военно-коммунистического прошлого России.

§ 3. О месте и роли России в «гражданской войне в СССР»

Кем-то очень удачно замечено, что Россия всегда оказывалась неподготовленной к начинавшимся войнам. С этим трудно не согласиться, с одним, на наш взгляд, исключением — гражданская война 1917—1922 гг. К ней Россия оказалась готовой во всех отношениях, и прежде всего — в военно-техническом. Чтобы это доказать, обратимся к работе А. А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг.» и путем несложных расчетов на основе данных, приведенных в ней, попытаемся составить общую картину.

Работа А. А. Маниковского выходила трижды: в 1920 — 1923 гг. (в трех частях), в 1930 г. (в двух томах) и в 1937 г. (однотомник). Второе и третье издания осуществлены под редакцией и с существенными дополнениями Е. З. Барсукова. Наиболее ценно, на наш взгляд, второе издание, в значительной мере уточненное и лишенное жестких цензурных ограничений. По пользоваться придется всем тремя.

А. А. Маниковский — генерал-лейтенант царской армии, с весны 1915 г. был начальником ГАУ. После февральской революции назначен помощником военного министра по снабжению²²⁹. После октябрьского переворота — технический руководитель по снабжению армии. С 1918 г. вновь начальник ГАУ, затем начальник снабжения Красной Армии²³⁰. Погиб осенью 1920 г. в железнодорожной катастрофе. Е. З. Барсуков в последние два года мировой войны занимал пост начальника Управления полевого генерал-инспектора артиллерии (УПАРТ) и был тесно связан с А. А. Маниковским по служебной принадлежности²³¹. Есть все основания доверять этим авторам, прекрасно знавшим ситуацию и располагавшим к тому же исключительной возможностью работы с документами.

Понимая, как утомляет обилие цифр в изложении, мы все же надеемся, что скупность стили в данном случае пойдет се-

бе извинение в специфике подаваемого материала. Не станем объясняться подробно о методике подсчета — она в принципе не сложна, но описание заняло бы много места и было бы нерациональным. Скажем только, что полученные цифры, характеризующие состояние вооружения, с которым Россия подошла к началу гражданской войны, учитывают: количество его накануне мировой войны; закупки за границей в ходе этой войны; поступления за счет взятого в качестве трофеев; отремонтированное и возвращенное в строй, а также объемы промышленного производства собственно в России и естественную убыль в ходе боевых действий на театрах военных действий.

Итак. К началу войны Россия имела 4 652 419 винтовок и карабинов²³². Тульский, Ижевский и Сестрорецкий государственные заводы с максимальной (довоенной) производительностью в 525 тыс. винтовок в год к июню 1917 г. увеличили ее до 118 550 винтовок в месяц²³³, т. е. более чем вдвое. С июля 1917 г. производительность этих заводов стала падать и к концу года составила примерно треть от пиковой (т. е. 43 671 штук в месяц), сравнявшись с довоенной²³⁴.

По расчетам А. А. Маниковского, уточненным Е. З. Барсуковым, за 1914 — 1917 гг. в армию было поставлено 11 392 000 винтовок²³⁵. С учетом естественной убыли, по нашим подсчетам, к началу гражданской войны в России имелось 2 781 000 винтовок²³⁶. Это примерно в 1,7 раза меньше довоенного. Такое снижение произошло за счет недопоставленных из Америки 3 млн винтовок, о чем речь пойдет чуть ниже.

К началу войны у России было 4 157 пулеметов²³⁷. Производивший их Тульский оружейный завод в августе 1914 г. дал 112, а в мае 1917 — 1160 пулеметов. Рост более чем в 10 раз. В декабре 1917 г., в результате падения производства, выпуск снизился до 440 штук (примерно в 2,5 раза); но даже эта цифра превышала довоенный уровень производства в четыре раза^{238—239}. В целом за годы войны в армию было поставлено 76 126 пулеметов²⁴⁰. С учетом естественной убыли к началу гражданской войны Россия имела 57 500 пулеметов²⁴¹, т. е. в 13,8 раза больше довоенного количества.

В августе 1914 г. Петроградский и Луганский казенные и Тульский частный заводы изготовили 58 561 000 винтовочных и пулеметных патронов; в июле 1917 г. — 104 003 400 (рост производства, как видим, в 1,8 раза). В июле 1917 г. произошло снижение, до 37 057 000 штук — примерно на 2/3 (как и винтовок)²⁴². Поэтому мы вправе считать, что производимое количество винтовок (накануне гражданской войны) пропорционально обеспечивалось производимым количеством патронов к ним.

За годы войны в армию было поставлено 7 693 000 000 пат-

ронов. С учетом расходов, к началу гражданской войны оставалось 2 473 000 000²⁴³. Условно можно подсчитать, что до войны на одну винтовку приходилось 535 патронов, на пулемет — 40 125; к началу гражданской войны на одну винтовку — 348 патронов, на один пулемет 26 100. Снижение, как видим, произошло за счет интенсивного роста количества пулеметов, каждому из которых по исходным расчетам требовалось патронов в 76 раз больше, чем винтовкам (76 000 — для пулемета и 1 000 — для винтовки).

К началу мировой войны Россия имела 7 109 3" пушек²⁴⁴. С 1914 по 1917 г. всеми заводами России изготовлено 9 039 3" пушек²⁴⁵, а всего их за это время было подано в армию 16 957. За вычетом естественной убыли, количество 3" пушек к началу гражданской войны составило 8 527, превысив на 17% довоенное. Мы не станем приводить расчетов по тяжелой и средней артиллерии. Доля ее во всей имевшейся составляла примерно 28%, большая часть из которых в годы гражданской войны не использовалась в силу особой маневренности боевых действий. Как отмечал А. А. Маниковский: «Число полевых пушек в 1917 г. мы довели до 8,5 тысяч в ущерб тяжелой артиллерии»²⁴⁶, т. е. производство наиболее «используемого» в годы гражданской войны вида артиллерии в годы первой мировой войны развивалось в России очень интенсивно. Закупки его за границей были самыми минимальными из всех видов вооружения.

К середине 1914 г. Россия имела 5 887 900 выстрелов (полное боевое комплектование снаряда) к 3" пушкам, что в среднем для одной пушки обеспечивало 828,3 снаряда²⁴⁷. За время с 1914 по 1917 г. было поставлено фронту 60 437 000 выстрелов к 3" пушкам²⁴⁸. За вычетом израсходованного, к началу гражданской войны оставалось 22 547 933²⁴⁹. Следовательно, боевой комплект на одну 3" пушку вырос до 2 647,5 снарядов, превысив довоенный в три раза.

Как однажды заметил директор департамента Министерства торговли и промышленности В. Литвинов-Фалинский, «производство во время мировой войны снарядов по 200—300 тыс. в день, до которого доходили некоторые воюющие страны, совершенно чудовищно»²⁵⁰. Россия производила их в среднем по 63 тыс. в день. Это в среднем в раскладе на три года участия в войне! Тоже вполне чудовищно!

Сложнее обстояло дело с выработкой пороха и взрывчатых веществ. Казанский, Шостенский и Охтенский, а также вновь построенный к концу 1916 г. пороховые заводы лишь на треть могли обеспечить потребности русской армии, выросшие к концу участия России в мировой войне до 700 тыс. пудов пороха и 915 750 пудов взрывчатых веществ в месяц²⁵¹. Недостаю-

щие 2/3 закупались за границей.

Целесообразно отдельно коснуться закупок Россией вооружения за границей, поскольку для анализа боевого снабжения в годы гражданской войны они имели принципиальное значение. В 1914—1917 гг. Россия закупила у Японии 335 000 винтовок и заказала в Америке 3 600 000²⁵². К апрелю — маю 1917 г. из Америки поступило в общей сложности 675 998 винтовок²⁵³. Таким образом, оставшиеся 3 млн винтовок, заказанных Россией, но еще не полученных, были тем потенциальным арсеналом, на который могло рассчитывать Белое движение.

От союзников за годы войны Россия получила 1 804 000 винтовок; в качестве трофеев взято 700 000²⁵⁴. Несложно подсчитать, что примерно треть винтовок, данных в армию в годы мировой войны, были заграничного производства.

За годы войны Россия получила из Америки 33 808 пулеметов. Союзники дали 8595; трофейных оказалось 2000, т. е. 3/4 пулеметов русской армии было поставлено из-за границы²⁵⁵. Винтовочных и пулеметных патронов русской армии союзники дали 983 млн, что составило примерно 1/8 от поступившего в войска за три года войны²⁵⁶.

Доля союзнических поставок и закупок за границей по артиллерии в целом от общего числа поступившего в русскую армию составила 31%. Но это в основном за счет тяжелой и средней артиллерии. 3" орудий Россия получила лишь 809 штук, что составило примерно 8,5% от числа 3" орудий, данных в русскую армию за годы мировой войны.

К концу войны Россия закупала за границей примерно 470 тыс. пудов пороха и 610 тыс. пудов взрывчатых веществ ежемесячно.

Из сказанного видно, какими обильными были поставки вооружения по импорту в Россию в годы первой мировой войны. Эти каналы в ходе гражданской войны не могли не питать Белое движение, а как мы убедились выше, к концу 1920 г. стали и источником пополнения arsenалов Красной Армии.

Мы опускаем расчеты по интендантскому снабжению русской армии: ясно, что в целом она была обуた и одета, а производство налажено. По свидетельству А. А. Маниковского, «...к концу 1917 года большая часть всех... потребностей армии, взрослых к этому времени до размеров необычайных, была близка к удовлетворению»²⁵⁷.

Итак, Если 11—15-миллионная русская армия²⁵⁸ во время первой мировой войны и испытывала затруднения в снабжении, то перед 3—6 миллионами противников белого и красного движения²⁵⁹ такой проблемы на начальном этапе гражданской

войны не стояло. Вооружены они были более чем основательно, так как обеспеченность каждого из них вырастала, грубо говоря, в три раза — А. С. Бубнов и М. Н. Тухачевский неоднократно отмечали, что нормы снабжения Красной Армии были значительно выше, чем в царской²⁶⁰. Полученные данные результатов расчетов сведены нами для наглядности в табл. 13.

Т а б л и ц а 13

Военно-техническое состояние России
накануне гражданской войны

Вид вооружения	Количество, шт.	
	к началу мировой войны	к началу гражданской войны
Винтовки	4652000	2781000
Пулеметы	4157	57000
Патроны к ним	2655000000	2473000000
Патроны на одну винтовку	535	348
Патроны на один пулемет	40125	26100
Срудия всех калибров	8028	12299
Орудия 3"	7109	8527
Выстрелы к 3" орудиям	5887900	22574933
Выстрелы на одно 3" орудие	828	2648

К середине 1917 г. производительность русской военной промышленности резко упала: орудий мелкого калибра — на 30 % выстрелов к ним — на 50, пулеметов — на 10, винтовок — на 15 %. Причины: непоступление топлива и сырья, дезорганизация производства и падение производительности труда²⁶¹. Судя по указанным причинам, это производство потенциально было готово к быстрому наращиванию темпов.

Из сказанного мы вправе сделать вывод, что и та и другая стороны участников гражданской войны — с точки зрения военно-технического снабжения — на первых порах находились в самом благоприятном положении, прежде всего за счет того огромнейшего военно-технического потенциала, который был накоплен Россией в годы первой мировой войны.

В советской исторической науке мнения на этот счет полярны. Мы не станем приводить их все, остановимся лишь на крайних точках зрения. Так, А. С. Бубнов и М. И. Тухачевский считали, что военные потребности Красной Армии удовлетворя-

лись в основном за счет старых военных запасов²⁶². А могло ли быть иначе, если, к примеру, военно-сухопутный бюджет России накануне мировой войны был первым в мире, а военно-морской — третьим, и вторым в Европе²⁶³. Это изначальное. А анализ данных А. А. Машиковского убедительно подтверждает такую мысль. Но вот в 1970 г. выходит монография Д. А. Коваленко, где утверждается, что старые запасы вооружений были исчерпаны уже к концу 1918 г.²⁶⁴ Куда они могли подеваться в этом, не самом активном с точки зрения ведения боевых действий, году? Мы напомним, что только во Владивостоке в 1918 г. лежало 40 млн пудов военных грузов, закупленных царским правительством для армии, большая часть из которых была вывезена в центр страны, а другая досталась Белому движению²⁶⁵⁻²⁶⁶. В конце 1918 — начале 1919 г. Красная Армия получила от уходивших германских частей около 10 тыс. вагонов военного имущества, затратив, правда, на это порядка 80 млн р.²⁶⁷ — имущества, которое по существу было российским, но оказавшимся на территории, оккупированной немцами, и потому уступленным почти за бесценок.

Мало этого, обратимся к архивным документам, к секретному докладу ЧУСО, например, направленному 16.07.20 г. в ЦК РКП(б), где А. И. Рыков прямо говорил, что армия до середины 1919 г. снабжалась за счет старых запасов²⁶⁸. Но и эта дата условна, продиктована субъективным подходом А. И. Рыкова, пытавшегося показать значимость ЧУСО (возникшего в июле 1919 г.) в деле организации боевого производства и снабжения Красной Армии. Можно приводить и еще массу примеров.

Но главное даже не в том, велась ли гражданская война за счет старых запасов вооружения — хотя это и очевидно. Главное в другом — в России за годы первой мировой войны сложился мощнейший военно-промышленный комплекс, пикерции которого, хотя и постепенно угасающей, хватило затем на весь период гражданской войны. Страна оказалась напичканной вооружением. Это неоспоримый факт. И это стало одним из решающих обстоятельств, ужесточивших гражданскую войну и доведших ее до безумных форм.

Таким образом, мы видим, что к концу 1917 г. Россия представляла из себя, образно выражаясь, пороховую бочку, неосторожное обращение с которой привело бы к взрыву, разлетающему бы все по вся. И в этих условиях переход к практической подготовке социалистической революции, непременно давшей бы толчок к развязыванию гражданской войны, на наш взгляд, был грубейшей политической ошибкой, если не сказать больше. Нам представляется, что именно в связи с этим мы должны

поставить перед собой вопрос: была ли альтернатива гражданской войне и возможно ли было ее предотвращение. В прошлом советские историки в подавляющем большинстве случаев отвечали на эти вопросы отрицательно, руководствуясь, как думается, скорее политическими мотивами (или, в лучшем случае, заблуждаясь), чем строгим научным подходом.

Утверждение о том, что гражданская война была навязана извне, военной интервенцией, уже не муссруется историками. Оно находится сейчас в стадии внутреннего пересмотра, т. е. наше сознание еще не отделилось от обильной в прошлом анологетик в защиту этого положения, но еще и не готово окончательно признать ошибочность, или, в крайнем случае, его гиперболлизацию.

Акцент сегодня смещен в другую сторону — гражданская война была навязана народу царским самодержавием, а затем буржуазией в лице Временного правительства. Утверждение крайне спорное, если вспомнить хотя бы вывод В. И. Ленина, основанный на одном из положений К. Маркса о том, что «...революция идет вперед тем, что создает сплоченную и крепкую контрреволюцию, т. е. заставляет врага прибегать к все более крайним средствам защиты и вырабатывать таким образом все более могучие средства нападения»²⁶⁹. Или его же более позднее высказывание: «На нашей революции, более чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила нагнiska, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силы сопротивления со стороны буржуазии», заставляя ее переходить «в более решительное наступление»²⁷⁰. Надо ли после этого спорить — кто первый начал! Такой спор просто наивен, если, конечно, не ориентироваться на определенную политическую конъюнктуру.

Остался в тени и почти не затрагивается историками вопрос об оценках большевистским руководством возможных последствий гражданской войны. Это крайне «неудобный» вопрос. Ибо сразу же возникают следом другие: надо ли было начинать? будет ли это оправданным? В. И. Ленин, например, оценивал возможные жертвы гражданской войны в полмиллиона — миллион «во всех странах», имея в виду, вероятно, мировую революцию и неизбежность жертв в ходе ее. Ибо, как он констатировал, все революции учат той истине, «что не может быть успешной революция без подавления сопротивления эксплуататоров». И далее: «Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это»²⁷¹. Как известно, эти «твердость и решительность» стоили по самым скромным — официальным пока — подсчетам

8 млн человеческих жизней, и не «во всех странах», а только в одной России.

И последнее. Успех октябрьского переворота зависел от возможного решения двух важнейших проблем — о мире и о земле. Это признано всеми. Не дай большевики в первые же дни прихода к власти декретов «О мире» и «О земле», они не удержались бы и в течение 70 дней. Мы предлагаем посмотреть на эти декреты под другим углом зрения — с позиций влияния их на развязывание гражданской войны.

Если в период от февраля до октября 1917 г. не удалось сломать старую русскую армию путем «выборности, самоуправления и предоставления инициативы снизу», как намечалось проходившей в июне 1917 г. Всероссийской конференцией фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б)²⁷², то принятием декрета «О мире» задача была решена более чем успешно. Сделано это было исключительно политическим методом и в самый кратчайший срок. Декрет «О мире» в считанные дни развалил старую армию. Вооруженные миллионные массы солдат хлынули в глубь страны, чтобы в любой момент использовать винтовку для выяснения уже внутренних междоусобных проблем, а их возникло более чем достаточно в связи с принятием другого декрета — «О земле», расколовшего нации на два враждующих лагеря.

В дополнение к сказанному выше напомним письмо ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деппикиным»: «...в стране, пережившей четыре года империалистической войны, затем две народные революции, очень много оружия спрятано у крестьян и у буржуазии, это естественно, это выросло неизбежно»²⁷³. Выходит, знали и понимали ситуацию. Ошибались только в числе предполагаемых миллионов человеческих жизней в уплату за завоевание власти.

Таким образом, если смотреть на октябрьский переворот с позиций сказанного, т. е. с учетом возможных предполагаемых последствий неизбежно возникавшей гражданской войны и очевидных ее результатов, то следует сделать вывод о грубейшем политическом просчете партии большевиков, приведшем к небывалым в истории человечества жертвам в подобной ситуации.

Мы понимаем, что не дело историка рассуждать в сослагательном наклонении, но у нас неотъязчиво возникает мысль, что могло бы произойти в Европе, учитывая ее военный потенциал, доведенный мировой войной до вполне гигантских масштабов, если бы события 1918—1919 гг. в Германии, Венгрии, Чехословакии пошли бы по другому руслу. Не оказалась бы Европа залита кровью так же, как это случилось с Россией? Да простят нам такую непаучность предположения, по как дума-

ется, подобные вопросы волнуют нас сегодня основательно, и не без причин.

И еще одно рассуждение в русле предположительных аналогий и перспектив. Перед историками в ближайшее время неизбежно встанет проблема переоценки лозунга Временного правительства «Война до победного конца». Разрыв советской Россией союзнических обязательств, выход ее из войны и сепаратный мир с Германией имели жестокие последствия не только для России, но и для всего мирового сообщества. Россию на первых порах это поставило в ситуацию полной политической и экономической изоляции в мире, а для мирового сообщества это оказалось чревато новой мировой войной, так как находившаяся на грани полного поражения Германия, в результате действий советского правительства оказалась способной к концу тридцатых годов к развязыванию новой мировой войны. 1939-й очень тесно связан с годом 1918-м.

На политиках лежит огромная ответственность за принимаемые решения. Их, как и ученых, ответственность которых за результаты своих трудов ничуть не меньше, судит время. Не станем забывать этой банальной истины. Как представляется, сегодня мы стоим на пороге принципиального методологического пересмотра взглядов на историю гражданской войны в советской России. Мы подошли к тому рубежу, за которым нет прогресса, если останемся на старых позициях. Не претендуя даже на приблизительный подход к решению столь огромной задачи, коснемся лишь ее крайне малой части — роли и места России в «гражданской войне в СССР».

Советской исторической наукой проделана значительная работа по изучению гражданской войны 1917—1922 гг. Имеются солидные научные труды на Украине, в Беларуси, Молдове, Балтии, Закавказье, Средней Азии. Вместе с тем, как это ни парадоксально, у нас до сих пор нет ни одного обобщающего исследования о гражданской войне именно в России. По ряду причин, скорее субъективного характера, эта научная проблема растворилась в понятии «гражданская война в СССР», войдя в разное время в фундаментальные труды союзного масштаба. Изучение данной проблематики российскими национальными историческими школами рассредоточено по регионам (Северо-Западный, Центральный, Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток и др.), где в результате вовлечения в научный оборот большого фактического материала, бесспорно, достигнуты определенные успехи. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на тот факт, что в настоящее время отечественные историки подошли к такому рубежу, когда исследования в рамках России, в пределах устоявшихся реги-

бнальных границ начинают вести как бы по второму или третьему кругу, детализируя те или иные частности, уточняя сюжеты — пусть даже на основе привлечения новых документов. Между тем попытка объединения достигнутого в обобщающем труде устранила бы эту, с точки зрения перспектив развития науки, порочную тенденцию и вывела бы региональные и национальные российские исторические исследовательские центры на новый качественный уровень. Это позволило бы сделать ряд принципиально новых, интересных в научном плане выводов и имело бы практическое значение для объяснения причин столь бедственного сегодня социально-экономического положения республики, истоки которого следует искать, наряду с прочим, в событиях первых послеоктябрьских лет. Хотелось бы основательно привлечь внимание к необходимости постановки указанной проблемы и попытаться выявить вероятную перспективу научного поиска в отдельных направлениях возможного ее раскрытия. Решить поставленную задачу можно преимущественно с помощью привлечения новых архивных документов и более полной интерпретации уже известных фактов. Анализ предполагается вести по трем направлениям, а именно: изучение географии распределения промышленного производства, удовлетворявшего потребности Красной Армии; демографический просчет пополнения армии людскими ресурсами; выявление соотношения политических и экономических начал в приемах и методах государственного управления, в тенденциях к централизации и бюрократизации экономической жизни первых лет советской власти.

Предложенный фрагментарный план и обращение к новым документам в этой связи позволят, будем надеяться, составить, пусть симптоматичное, но достаточно адекватное представление о потерях Россией в результате революции и гражданской войны своих национальных богатств, экономической разрухе и связанном с этим падении жизненного уровня, поставивших республику в будущем в ряд перманентно отстающих в своем развитии.

Прежде чем говорить по существу, необходимо сделать некоторые общие замечания, облегчающие понимание подхода к предмету анализа и характеризующие в какой-то мере методологическую позицию автора.

Географическое и этнографическое понятия «Россия» в историческом прошлом были несинонимичными. В определение «Россия» почти всегда вкладывался имперский смысл и оно не являлось географическим отражением своей этнографической сути. В данном случае берется регион, традиционно заселявшийся представителями русской национальности, а также эко-

номически и культурно тесно связанными с ней другими этническими группами. Говоря в известной степени условно, речь пойдет о территории в границах нынешней РСФСР и, в первую очередь, о привычно звучащем для нас сегодня — Центральном районе России.

Если ретроспективно представить географию боевых действий в годы гражданской войны, то нетрудно заметить, что проходили они в подавляющем большинстве на территории современной Российской Федерации, да еще на Украине, со всеми вытекающими отсюда последствиями. (Что касается Украины, то там национальным научно-исследовательским историческим центром сделано гораздо больше, чем любым другим республиканским или региональным в РСФСР. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть раздел «Гражданская война в СССР» в каталоге любой исторической библиотеки.) Одно только это обстоятельство, на наш взгляд, дает исследователям право на вычленение России из общего контекста освещения «гражданской войны в СССР». Далее. В большинстве появившихся до сих пор монографий и научных статей (региональных, республиканских или общесоюзных) анализировались, как правило, политические, военно-стратегические и военно-тактические аспекты гражданской войны. Мы имеем очень мало крупных научных разработок, где раскрывалась бы социально-экономическая сторона гражданской войны, т. е. то, что в общепринятой классификации определяется как тыл воюющих сторон в самом широком его понимании. Можно назвать исключения, они есть, как, например, упоминавшиеся нами работы С. М. Кляцкина, Д. А. Коваленко, в меньшей мере А. Л. Кубланова, Ю. И. Кораблева и др. (Что до работ историков, занимавшихся изучением «политики военного коммунизма», то в силу существенного пересмотра сегодня наших представлений об этой политике, они, смеем думать, требуют значительного критического анализа и потому не могут быть отнесены к числу указанных. Хотя игнорировать их было бы нерационально.) Но доля их поразительно мала, к тому же они отмечены печатью своего времени. Основных причин такого положения, как представляется, две. Одна из них — почти полное отсутствие в прошлом доступа к архивным материалам Белого движения, препятствовавшее объективному анализу истоков его материального и социального обеспечения. В результате сложилось диплантское представление о Белом движении — питалось оно, дескать, исключительно за счет «империалистических держав» и иностранной военной интервенции. Надо надеяться, что в ближайшее время, благодаря демократизации архивов, этот

пробел будет ликвидирован и мы сможем, наконец, получить научно обоснованный ответ на вопрос о том, какой действительно была социально-экономическая база Белого движения и каковы связи между истощением этой базы, его угасанием и окончанием гражданской войны.

Другая причина более общего характера. Строгое научное исследование экономической политики советской власти в первые годы ее существования могло бы привести к выводу об отсутствии таковой вообще. Однако такой вывод был бы неуместным для существовавшей политической структуры. В результате истории гражданской войны, из круга научных оценок которых почти выпала такая крупнейшая проблема (по существу — вторая половина предмета исследования), как историко-экономический анализ, вынуждены были искусственно сужать рамки изысканий, упрощая выводы до односторонности и, в конечном счете, делать их далекими от истины.

Все это безусловно отразилось на определении места и роли России в исследованиях по истории «гражданской войны в СССР». Сюда добавилось еще и неверное представление об интернациональном долге, не позволявшем якобы выделять русский народ даже в том случае, когда определялись размеры утрат и страданий, масштабы которых для России, ее народов и их национальных культур беспрецедентны и могут сравниться лишь с потерями в годы второй мировой войны.

Обратимся к документам, дающим право таких суждений — опять же преимущественно к архивным материалам фонда ЧУСО. Отложившиеся там документы позволяют достаточно полно и объективно представить военную экономику России в годы гражданской войны. Система ЧУСО, будучи тесно связанной со структурами ВСНХ, стала важнейшим звеном «политики военного коммунизма», вобрала в себя тенденции сращивания народного хозяйства с зарождавшимся военно-промышленным комплексом.

По сведениям информационного отдела Чрезкомснаб, к июлю 1919 г. на оборону работало 230 промышленных предприятий, выпускавших боевое снаряжение; обмундирование, обувь и обоз готовились (по неполным данным) в 124 мастерских и фабриках; география расположения указанных 354 предприятий такова: Астрахань, Брянск, Вологда, Воронеж, Воскресенск, Иваново-Вознесенск, Казань, Козлов, Кострома, Кинешма, Курск, Могилев, Москва, Н. Новгород, Орел, Орша, Пенза, Пермь, Петроград, Подольск, Рыбинск, Рязань, Самара, Саратов, Сестрорецк, Симбирск, Смоленск, Тамбов, Тверь, Троицк, Тула, Царицын, Шостка, Ярославль, а также соответствующие им губернии плюс Владимирская, Вятская, Калуж-

ская, Северо-Двинская и Черниговская²⁷⁴. Как видим, почти исключительно пределы современной России.

Допустим, что сведения неполны, на это указывали и авторы-составители документа²⁷⁵. Но для иллюстрации в данном случае достаточно и этого, так как трудно предположить, что из поля зрения Чрезкомснаб в середине 1919 г. (время разгара гражданской войны) могли выпасть сколь-нибудь значительные предприятия, работавшие на Красную Армию.

Более точные сведения об изготовлении армейской обуви, например, находим среди данных текущей статистики Главком ВСНХ. В конце 1919 — начале 1920 г. армейская обувь изготовлялась в 156 мастерских двадцати пяти губерний России. крупнейшими производителями из которых были: Вятская (5 мастерских), Казанская (3), Московская (21), Нижегородская (9), Пензенская (15), Петроградская (4), Саратовская (11), Тверская (20 мастерских); обувь шили в городах: Астрахань, Беясецы, Богородск, Витебск, Владимир, Вологда, Воронеж, Вышний Волочёк, Вязьма, Вятка, Дмитровград, Екатеринбург, Елецк, Зарайск, Иваново-Вознесенск, Казань, Калуга, Красный Холм, Кашин, Кимры, Колязин, Корчев, Кострома, Курск, Москва (17 мастерских), Муром, Н. Новгород (10), Орел, Осташков, Пермь, Пенза (16), Петроград, Псков, Рязань, Самара, Саранул, Саратов (12 мастерских), Симбирск, Смоленск, Тамбов, Торьясок, Тула, Череповец, Ярославль, а также на Урале²⁷⁶.

Остановимся еще на одном примере — на строительстве обоза для армии. По данным ЦОВЗ главными довольствующими управлениями военного ведомства в 1919 г. (до 01.12.19 г.) была заявлена потребность на 174 270 единиц обоза²⁷⁷. До 01.11.19 г. заказы были распределены между предприятиями-изготовителями следующим образом: местным военно-заготовительным органам (воензагам) — 80,4%; частным заводам — 13,3%; собственным предприятиям ЦОВЗ — 5,4%; национализированным предприятиям — 0,9%²⁷⁸. К 01.12.19 г. было изготовлено 70 370 единиц обоза²⁷⁹, т. е. лишь 40,4% от заказанного. Процент выполнения от изготовленного до 01.11.19 г. таков: местными воензагами — 65,9%; частными заводами — 15,5; собственными предприятиями ЦОВЗ — 18,6; национализированными предприятиями — 0%²⁸⁰. «Основными причинами, тормозящими дело постройки обоза, — как считали в обозно-инженерной секции ЦОВЗ, — были: 1. Полный развал обозно-строительной промышленности. 2. Отсутствие специалистов и рабочих, ушедших на другие производства. 3. Отказ крупных заводов строить обоз. 4. Медленность прохождения всех инстанций требованиями на получение материалов. 5. Исключитель-

ная медленность отправки материалов в провинцию. 6. Топливный кризис и продовольственные затруднения»²⁸¹. Напомним, что речь идет в решающей степени о российских пределах, — к концу 1919 г. обоз строили в 43 городах центральной России, в области пемцев Поволжья, на Урале и лишь отчасти на Украине; при этом из заказанных до 01.02.19 г. только Главным хозяйственным Управлением 131 763 единицы обоза — 21 387, т. е. 16,2% предполагалось строить в Москве и Московской губернии²⁸².

Можно предположить, что с течением времени ситуация менялась. Отнюдь нет! Так, в списке заводов, подведомственных ЦЕПАЗ, по состоянию на 17 июня (теперь уже 1920 г.) числилось 31 производство. Располагались они в городах: Брянск, Вятск, Златоуст, Ижевск, Казань, Ковров, Луганск, Москва, Мотовилиха, Н. Новгород, Пенза, Петроград, Подольск, Самара, Сестрорецк, Симбирск, Тамбов, Тверь, Троцк, Тула, Шостка²⁸³.

Аналогичным оставалось положение и в легкой промышленности. Как отметил начальник интендантского отдела СВН М. В. Акимов, выступая на Всероссийском совещании ЧУСО 7.11.20 г., «до сих пор... Главдежда базировалась исключительно на производстве в центре»²⁸⁴ (имелась в виду работа одного из крупнейших главков ВСНХ, подотчетного интендантскому отделу СВН).

Мало что изменилось и в 1921 г. Так, например, из 135 основных предприятий тяжелой промышленности, подведомственных Промвоенсовету (они включались в список бронирования снабжения продовольствием на февраль — март 1921 г.) — только 7 на Украине и 3 в Белоруссии, остальные в России, и прежде всего в ее центральной части²⁸⁵. Что касается легкой промышленности, то здесь, например, из 25 городов, между которыми Главдеждой распределялись заказы по производству военного обмундирования на апрель — май 1921 г. — 21 находились на территории современной РСФСР²⁸⁶. Совершенно очевидно, что названные города и прилежавшие к ним областные территории нещадно эксплуатировались, а их ресурсы быстро истощались. Происходило это и по другим каналам. К сказанному добавим, например, такой факт: по решению ЦУС от 22.09.19 г. Чрезкомснаб отпустила 01.10.19 г. Воронежскому, Орловскому, Рязанскому, Тамбовскому и Тульскому губернским военным комиссарнатам 60 млн р. для закупки кавалерийских лошадей, а 04.10.19 г., по решению ЦУС от 24 сентября, еще 400 млн р. мобилизационному Управлению Всероссийского Главного штаба на те же цели — на покупку 33 тыс. лошадей²⁸⁷. Всего по данным, приведенным С. М. Кляцким, в

1919 г. на покупку лошадей было израсходовано 4,3 млрд р.²⁸⁸. Учитывая, что цена на лошадь в 1919 г. составляла в среднем 20 тыс. р. (об этом сообщалось, например, А. В. Луначарским из Смоленской губернии, а также начальником штаба Южного фронта Н. В. Шневским из Орловской²⁸⁹), число только закупленных в 1919 г. лошадей составило примерно 215 тыс. Цифра далеко не полная, так как в первой половине 1919 г. проводилась мобилизация лошадей без уплаты денег, и расходы составили лишь 600 млн. р., в то время как во второй половине 1919 г., когда в результате недовольства крестьян пришлось отказаться от принудительного изъятия, на эти цели потрачено 3,7 млрд р.²⁹⁰ Поставщиками лошадей в Красную Армию были преимущественно российские губернии, лишившиеся, в результате, важнейшего средства производства в деревне.

За годы гражданской войны был нанесен непоправимый ущерб природным ресурсам России. Разразившийся топливный кризис, например, принудил к хищническому истреблению лесных массивов. Только для отопительного сезона 1920—1921 гг. планировалось заготовить 14,2 млрд кубометров дров²⁹¹. Заготовки велись в губерниях: Архангельской, Астраханской, Брянской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Гомельской, Егорьевской, Екатеринбургской, Иваново-Вознесенской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Петербургской, Псковской, Рыбинской, Рязанской, Саратовской, Самарской, Северо-Двинской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Череповецкой, Черниговской и Ярославской²⁹². При этом работы производились, как отмечал начальник ГВИУ И. Е. Коросташевский, самым варварским подрядным способом, где процветали мошенничество, взяточничество, злоупотребление властью²⁹³. Разумеется, ни о каком рациональном использовании лесных богатств не могло быть и речи. То же с углем и то же с нефтью.

Таким образом, мы вправе сделать вывод, что материальной базой гражданской войны в решающей мере были российские национальные ресурсы — как экономические, так и трудовые, ибо основным производителем всего, чем снабжалась Красная Армия, были российские рабочий класс и крестьянство.

Мы не рассматриваем источники обеспечения армии продовольствием и ее демографический состав, так как это отдельные самостоятельные темы, требующие специального изучения. Но думается, выводы, полученные в результате анализа, во многом окажутся идентичными. Ограничимся приведением лишь двух документов, позволяющих со значительной долей

уверенности хотя бы отчасти утверждать сказанное. Печатный орган Наркомпрод «Продовольственная газета» 30.03.21 г. опубликовала «Положение о порядке удовлетворения прибывающих на места в бессрочный отпуск красноармейцев особыми видами предметов продовольствия и широкого потребления, выдаваемыми Комиссией по частичному роспуску Красной Армии». Здесь же был опубликован и список 48 губерний, объединенных в 14 групп в зависимости от того, что полагалось выдавать прибывавшему в ту или иную группу губерний красноармейцу. Сама по себе публикация в «Продовольственной газете» малоинтересна по существу затронутой нами проблемы, но в связи с другим документом — «Перечнем предназначенного к выдаче каждому прибывающему домой в бессрочный отпуск с установленными документами красноармейцу»²⁹⁴, она приобретает важное значение. Дело в том, что в архивном документе имеются данные о количестве увольнявшихся красноармейцев в каждую из 14 групп губерний в общей сложности на 1,5 млн. человек. Этот расчет составлен в вещевой подкомиссии Центральной комиссии СТО по роспуску армии в связи с подготовкой к первому этапу сокращения в конце 1920 — начале 1921 г. Достоверность приводимых данных не вызывает сомнений, так как работа комиссии СТО проходила в тесном контакте с Реввоенсоветом и Полевым штабом республики, где имелись достаточно объективные представления о том, кого, куда и сколько предстоит уволить из армии. Не вызывает никаких сомнений и положительный результат идентификации источников. Соотнеся эти два документа, мы сможем составить примерную демографическую карту увольнения из Красной Армии 1,5 млн. человек. Сведения, почерпнутые из этих документов, сведены нами в приводимую ниже табл. 14.

В связи с тем, что 1,5 млн. человек, это почти треть от общей численности Красной Армии к концу 1920 — началу 1921 г., а увольнение их осуществлялось по возрастному принципу (первоначально уходили родившиеся в 1885 г. и старше; затем — родившиеся в 1888 г. и старше — в 1902 г. и моложе; затем — родившиеся в 1892—1895 гг.), мы можем с большой долей достоверности считать полученный процент увольнявшихся в ту или иную группу губерний (из расчета для 1,5 млн. человек) за процент демографического состава Красной Армии в целом, так как несомненно, что уходившие из армии возвращались в места, из которых они были мобилизованы, т. е. вошли в состав указанного в табл. 12 процентного соотношения увольнявшихся в различные группы губерний.

Результаты расчетов показывают: личный состав Красной Армии в годы гражданской войны, за небольшим исключением,

Т а б л и ц а 14

Географическое и численное распределение увольнявшихся
из Красной Армии в конце 1920—начале 1921 г. 1,5 млн человек

Номер группы губерний	Губерния	Количество увольнявшихся красноармейцев в данную группу губерний	Процент увольнявшихся
1	Северо-Двинская, Костром- ская, Минская, Смоленская, Витебская	71183	5,2
2	Пермская, Уфимская, Челя- бинская	111784	7,5
3	Закаспийская, Семиреченская, Самаркандская, Сыр-Дарь- инская, Ферганская области	16779	1,1
4	Владимирская, Иваново-Воз- несенская, Калужская, Мо- сковская, Рязанская, Туль- ская, Ярославская, Тверская, Курская, Орловская	388369	25,9
5	Самарская, Саратовская, Ца- рицынская, область немцев Поволжья	259478	17,3
6	Новгородская, Олонецкая, Петроградская, Псковская, Вятская, Череповецкая	136579	9,1
7	Одесская	22222	1,5
8	Архангельская, Вологодская, Екатеринбургская	20337	1,4
9	Тамбовская, Пензенская	113333	7,6
10	Казанская, Нижегородская, Симбирская	202792	13,5
11	Могилевская	7496	0,5
12	Воронежская, Черниговская	108780	7,3
13	Астраханская	37676	2,5
14	Оренбургская, Уральская	3192	0,2

— люди российских губерний. Поэтому ущерб, причиненный экономике в результате отвлечения наиболее трудоспособной части населения в армию, а также потери в ходе боев следует отнести прежде всего на счет деградации социальных ресурсов России, и в первую очередь, как видно из табл. 14, — ее центральных районов.

Известный научный интерес и практическую значимость в плане оценок последствий революции и гражданской войны для России имело бы обращение историков к изучению централизации и бюрократизации экономической жизни и государственного управления, быстро эволюционизировавших в первые послереволюционные годы.

Перемещение весной 1918 г. высших государственных и политических органов из Петрограда в Москву хотя и было, как считают некоторые историки, шагом вынужденным²⁹⁵, сделанным «в целях создания нормальной обстановки для функционирования правительства»²⁹⁶, повлекло за собой череду негативных явлений, выразившихся прежде всего в кардинальной ломке устоявшихся управленческих экономических связей и способствовавших интенсивному формированию основной составляющей административно-командной системы (АКС) — централизации и бюрократизации хозяйственной жизни. Трудно согласиться с бытующим ныне среди публицистов и общественников представлением об АКС, как результате воплощения сталинской модели социализма. Истоки АКС следует искать в хозяйственной и политической практике первых лет советской власти. Сегодня это уже делается и довольно успешно²⁹⁷.

Первое, что бросается в глаза, это бюрократизация управленческого звена советской власти. По данным только фельдъегерского корпуса Главного Управления Генерального штаба к 12.04.18 г. из Петрограда в Москву переместились 39 главных учреждений военного ведомства²⁹⁸. Это лишь небольшая толика огромного и интенсивно разраставшегося бюрократического центра, в который с течением времени превращалась Москва.

Здесь нет места в целом говорить о сущности бюрократизма и его советских специфических особенностях. Для характеристики одной из его важнейших сторон обратимся к цифрам, позволяющим судить о размахе столичного аппарата управления. Так, авторы исследования о событиях в Петрограде в 1917 г. с известной долей укоризны сообщают, что там накануне Февральской революции на 2,7 млн жителей приходилось 70 тыс. чиновников²⁹⁹. В связи с этим уместно вспомнить одно из выступлений на 3-й Всероссийской конференции артиллерийских заводов (07—11.02.21 г.), где говорилось буквально следующее: «...было время, когда процентное отношение служащих к рабочим было 6% — около 7%, а теперь оно 26%...т. Ларин указал недавно, что Москва превратилась в город советских барышень — их 113 000...»³⁰⁰. Это при том, что численность жителей Москвы за годы гражданской войны сократилась вдвое — с 2 017 000 в феврале 1917 г. до 1 027 000 в 1920 г.³⁰¹ Традиционную роль пресловутого бюрократического центра, как мы понимаем сегодня, Москва сохранила вплоть до наших дней.

Одновременно с управленческой централизацией возникали и интенсивно развивались центростремительные хозяйственно-экономические тенденции. В 1918—1919 гг. мы еще встреча-

емя с попытками уберечь Москву от чрезмерной концентрации. Так, в 1918 г. ряд заводов, в том числе, например, деревообрабатывающий (бывший «Земпалатка») переведены в Смоленск, Рязань и другие города недалеко от Москвы³⁰². В августе 1919 г. принято решение о переводе завода «Т/Д Штолле и Дмитренко» в Подольск и Симбирск, на что рабочие, отказываясь ехать, справедливо замечали, что пересылка полуфабрикатов, в частности Тульскому оружейному заводу, едва ли ускорит его выработку, к тому же будет потеряно время и возникнут технические затруднения³⁰³.

Подобные мероприятия были лишь слабой попыткой противостоять хозяйственно - экономической концентрации. К середине 1919 г. Москва и прилегающие к ней области, в результате ослабления хозяйственной жизни в других регионах, превратились в крупнейшего производителя, удовлетворявшего потребности армии. По вышеприведенным данным Чрезкомснаб, в июле 1919 г. из 230 оборонных промышленных предприятий, в Москве и губернии располагалось 102, в Петрограде и губернии — 31, остальные 97 — примерно в 30 других городах: а из 124 производств, дававших обмундирование, обувь и обоз, — 59 в Москве и губернии, 17 в Петрограде и губернии; 48 по другим городам³⁰⁴. В ноябре 1919 г. в сапожных мастерских отдела утилизации ВСНХ было занято 7 075 человек, из них — 2 200 в Москве и 4 875 в 25 губерниях, а из 465 шорников — 110 человек работали в Москве и 355 в 14 губерниях³⁰⁵. В июле 1920 г. из ЧУСО обратились в Совет Обороны с предложением забронировать рабочих и служащих 37 крупнейших военных заводов, 18 из которых находились в Москве и Московской губернии, 9 — в Петрограде и губернии³⁰⁶. В феврале—марте 1921 г. СВП включил в список бронированного снабжения продовольствием 135 крупных оборонных предприятий, 46 из которых располагались в Москве и губернии, 21 — в Петрограде и губернии³⁰⁷. Показательны цифры распределения Главодеждой ВСНХ заказов на пошив военного обмундирования в апреле—мае 1921 г.: по шинелям доля Москвы составила 200 тыс. штук, или 35,3% от всего заказа; по летним гимнастеркам соответственно — 200 тыс. штук, или 16,7%; летним шароварам — 300 тыс., или 18,2%; комплектам белья — 300 тыс., или 16%; оставшиеся распределялись в другие города числом от 13 до 24 в каждом отдельном случае³⁰⁸.

Параллельно с выделением центра России в ведущего производителя военного снаряжения и главенствующего административно-экономического распределителя, а также с укреплением его политических прерогатив, сюда устремился поток материальных ценностей из окраин. Наглядным примером мо-

гут служить закупки и переброска в центр в 1918—1919 гг. военного имущества немецкой армии, о чем речь шла в третьей главе. Можно сослаться и на другие примеры пастойчивого стремления свезти все в центр, в частности на так называемую разгрузку в начале 1918 г. Владивостокского порта, где было собрано, как утверждает Э. М. Щагин, «до 40 млн пудов военных грузов и продовольствия, закупленных во время войны (первой мировой. — Н. П.) для армии»³⁰⁹. Э. М. Щагин, правда, не соглашается с историками - дальневосточниками, с А. И. Крушановым, например, в том, что удалось вывезти до 75% хранившегося имущества, и считает, что вывезено было гораздо меньше, не говоря — сколько. Огромное количество военного имущества, около 3,5 тыс. вагонов, было перебросено в центр в 1919 — начале 1920 г. из северных областей в результате работы Главной учетной комиссии ЧУСО по сбору трофеев³¹⁰. Можно напомнить поистине эпопею перемещения военной промышленности Петрограда, которое в течение 1918 г., судя по документам Всероком, ориентировалось на центральные районы России (Коломна, Можайск, Мытищи, Подольск и др.)³¹¹, а в 1919 г., как явствует из протоколов заседаний СВП, — на Урал³¹².

За годы гражданской войны центральные районы России и прежде всего Москва превратились в своего рода всероссийские склады военного имущества. Только у Центрального комитета по распределению металлов отдела металлов ВСНХ (Продрасмет) в декабре 1920 г. в Москве имелось до 600 складов, на которые, кстати сказать, начиная с апреля 1920 г., в результате их истощения стал поступать металл с Урала³¹³. Это при том, что в течение 1919 г. еще предпринимались меры по выводу складов из города. Как сообщалось, например, в справке Промвоеисовета для его члена В. С. Михайлова, за пределы города в радиусе не ближе 30 верст было вывезено для хранения 3 тыс. вагонов различных боеприпасов и взрывчатых веществ³¹⁴. Но и эта мера по своим масштабам была крайне незначительной, если вспомнить, например, слова Главнацнаба Г. Д. Базилевича из его доклада в СНК 04.02.21 г., где он утверждал, что «в силу условий гражданской войны и концентрации военного производства в Москве и губернии не будет ошибкой сказать, что добрая половина складов в 1918, 1919 и даже в 1920 годах была в постоянном передвижении...»³¹⁵, т. е. перемещении в центр России.

В конце 1919 г. одной из межведомственных комиссий ЧУСО было принято решение расположить складирование имущества для снабжения вновь формирувавшихся воинских частей в 21 городе, многие из которых географически близко при-

мыкали к Москве и Московскому ВО, это Брянск, Вязьма, Вятка, Казань, Калуга, Коломна, Кострома, Куженкино (Петроградский ВО), Москва, Н. Новгород, Орел, Пермь, Петроград, Рыбинск, Рязань, Саратов, Смоленск, Сызрань, Тамбов, Уфа, Ярославль³¹⁶.

Концентрация военного производства в Москве и губернии требовала интенсивного развития инфраструктуры, энергетического и продовольственного обеспечения. Проблема строительства, например, обострилась настолько, что в конце ноября 1919 г. вынуждены были создать специальный чрезвычайный аппарат Уполномоченного ЧУСО по снабжению строительными материалами работ особой важности и военно-инженерных дистанций города Москвы (УЧУСОВИВ) с многочисленным штатом сотрудника³¹⁷. То же с транспортом. Судя по материалам заседания комиссии по разработке вопроса об обеспечении Москвы гужевым транспортом, состоявшегося 15.01.20 г., где председательствовал Чусо А. И. Рыков (такое случалось редко), положение было удручающим³¹⁸.

С особым усердием обратились к строительству Шатурской и Каширской электростанций. В одной из служебных записок председатель Чрезкомснаб Л. Б. Красин в январе 1919 г. указывал на «крайнюю срочность постройки Шатурской станции и исключительную важность этого сооружения для Москвы»³¹⁹. Постановлением СТО от 14.04.19 г. работы в Шатуре и Кашире были признаны «работами по обороне страны и чрезвычайного значения по охране тыла»³²⁰. Как явствует из документов, Шатурская станция сооружалась в первую очередь «для обслуживания города Москвы электрической энергией»³²¹. Случившийся в поле лесной пожар уничтожил старую Шатурскую станцию³²². Пришлось форсировать работы. В связи с этим в распоряжение Каширского строительства решением СТО от 01.10.19 г. был выделен постоянный аванс в 7 млн р., предоставлен ряд льгот³²³. Вскоре из ЧУСО обратились в СТО с предложением «поставить на повестку ближайшего заседания Совета Обороны вопрос о милитаризации Шатурского и Каширского строительства»³²⁴. Вероятно, в связи с этим 22.10.19 г. СТО постановил: «Принимая во внимание чрезвычайную срочность работ... общее количество освобождаемых от призыва в армию рабочих, занятых на строительстве станций, довести до 2 тыс. человек»³²⁵. Решение СТО диктовалось острой нехваткой рабочих на стройках. Получить их было крайне сложно. Как сообщал главный инженер Каширского строительства Г. Д. Цюрупа в письме к А. И. Рыкову в декабре 1919 г., Витебская губерния, например, взяла на учет все население мужского пола

и не выпускает их из пределов Латвии, однако «целый ряд организаций, пользуясь тем, что они имеют отношение к железно-дорожному транспорту, вывозят тех же рабочих, пользуясь служебными билетами, в Москву, Люблино, Люберцы и др. места»³²⁶. Стройке требовалось 500 землекопов. Г. Д. Цюруна просил А. И. Рыкова подписать мандаты на набор и вывоз людей. Последнее привело к ряду конфликтов между Чусо А. И. Рыковым и председателем ВЧК Ф. Э. Дзержинским. Рабочие строек, несмотря на их удостоверения, арестовывались и заключались в концентрационные лагеря как дезертиры. Неоднократные обращения А. И. Рыкова к Ф. Э. Дзержинскому оставались без ответов. Даже постановка этого вопроса в Совете Обороны мало что изменила. Тогда 06.02.20 г. А. И. Рыков снова обратился в СТО, требуя повлиять на стиль работы ВЧК, который был «характерным и в ряде других случаев, в частности — в связи с арестами специалистов»³²⁷.

Беспрецедентная по темпам и масштабам концентрация военного производства в центре России, безусловно, требовала столь же беспрецедентного накопления там сырьевых, продовольственных и других ресурсов. Это нашло выражение в большом числе мероприятий, начиная, скажем, от поручения М. И. Калинин и А. И. Рыкова помощнику Главначсба Я. П. Бронштейну «изъять из погребов петроградского УКЛА (бывшего экономического общества офицеров Петроградского военного округа) и вывезти в Москву, в Наркомздрав, все имеющиеся там вина...»³²⁸, до постановления СТО, предписывавшего «в порядке ударного задания вывезти продовольствие из районов Сибири, Украины, Кавказа...»³²⁹. Между тем были и такие, как, например, отправка в 1919 г. в Москву 100 тыс. пудов сена из 250 тыс. пудов, заготовленных в Смоленской губернии³³⁰ и др. Даже в таких бытовых мелочах, как распределение мыла, планировавшегося Комиссией Исполновения ВСНХ по стране в целом, доля Москвы в 1920 г. составляла 15%³³¹.

Но мало этого. Чтобы удержать создававшийся государственно-бюрократический центр, требовались меры, правительственная опечка которых весьма проблематична. И они принимались, о чем свидетельствует, например, постановление ВЦИСПС, согласно решения СНК от 07.04.21 г.³³², «установить с 1 июля 1921 г. для Москвы 300% тарифный пояс...» оплаты труда³³³. Ничем другим, как откровенным подкупом, это назвать нельзя. Это к вопросу о морально-этических аспектах гражданской войны и утраченной россиянами нравственности.

Всеобщая централизация представлялась со значительной перспективой. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, например, протокол совещания при ЦУС от 01.04.21 г., где

обсуждался вопрос о создании запасов оружия и было принято решение, «чтобы все образываемые неприкосновенные запасы... были сосредоточены исключительно в Москве»³³⁴. Вероятно, в связи с этим в письме к Г. К. Орджоникидзе от 25.06.21 г. заместитель Чусо Н. Б. Эйсмонт сообщал о принятом решении в ЧУСО и ВСНХ направить в Тифлис заместителя Главснабба Д. М. Капа с тем, чтобы организовать переброску «в пределы Российской республики артиллерийского и равного иного цепного имущества, в большом количестве обнаруженного при осмотре Особой комиссией на артиллерийских и инженерных складах в г. Тифлисе и его районах...»³³⁵.

Безудержная концентрация в центре предметов военного снаряжения (а для условий гражданской войны это означало практически всего, что производилось в республике) помимо того, что повлекла за собой такие отрицательные последствия, как расходы, связанные с демонтажом, транспортировкой, складированием, явилась еще и благодатной почвой для разрастания там бюрократической волокиты, преступлений по должности. Привезенное в центр затем часто приходилось возвращать на места, но уже в виде так называемого «централизованного распределения». Громоздкий и неповоротливый аппарат делал это до крайности неоперативно. Убедительным примером может служить положение, сложившееся в легкой промышленности. Так, в докладе начальника военно-хозяйственного управления Орловского военного округа председателю Чрезкомснаб Л. Б. Красину в январе 1919 г. отмечалось, что «вся успешность заготовок» предметов интендантского снабжения армии «зависит исключительно от степени исправного и своевременного поступления по распоряжению центра всех необходимых для заготовок материалов, но, к сожалению, как это наблюдалось в прошлом, отпуск материалов со стороны центральных учреждений производился крайне медленно и материалы поступали в производство иногда спустя два или три месяца с момента заявки потребности»³³⁶. «Из-за равнодушного отношения Центра к предъявляемым ему запросам и ходатайствам, — читаем в отчете УчусоЗап П. И. Судакова, направленном в ЧУСО в начале 1920 г., — работа по изготовлению военного обмундирования тормозится до крайности»³³⁷. Аналогичная ситуация складывалась в Сибири, где к концу 1920 г., по словам секретаря Управления УЧУСОСиб Александра, из-за «медлительности Центра в снабжении ...заготовка обмундирования близка к полнейшему расстройству и остановке...»³³⁸. Дезорганизующее поведение центральных распределительных органов приводило к сбоям в производстве на местах, нарушался технологический цикл, производительность труда стабильно снижа-

лась. К концу 1920 г. производственный кризис достиг наивысшей точки, развал легкой промышленности приобрел черты необратимости.

Искусственная концентрация огромных материальных ценностей в географически ограниченном районе, при отсутствии хозяйственного опыта, должной квалификации и управленческих навыков привела к бессистемному и неэффективному их использованию, стала одной из причин экономического хаоса, достигшего к концу 1920 г. фантастических размеров.

Сосредоточение в центре России в первые годы советской власти экономических, политических и других рычагов управления привело в конечном счете к образованию порочной «психологии центра», формированию ханжески бюрократического аппарата управления, строго следившего через пределы российских пущ и забот за сохранением своего статуса в вассальных окраинах, ибо устойчивость бюрократического центра и всей АКС в решающей мере зависела от поддержки возникших затем союзных республик, поэтому историкам еще предстоит дать соответствующую научную оценку принципов, положенных в основу создания СССР в 1922 г.

Последствия гражданской войны, экономической разрухи и связанного с ними падения жизненного уровня, в конечном счете поставили Россию в число республик, перманентно отстающих в своем развитии, а возникшая в первые послереволюционные годы административно-командная система управления общественно-экономическими процессами стала катализатором этой перманентности, главным тормозом прогресса.

Ни в коей мере не умаляя доли страданий и жертв, испытанных и понесенных в годы гражданской войны народами других союзных республик, справедливости ради следует сказать, что основную тяжесть в «защите завоеваний Великого Октября» выпесли на себе российские народы и прежде всего — русский. В связи с этим, как представляется, понятие «гражданская война в СССР» требует известной корректировки как по форме, так и по существу. Сделать это возможно лишь только в том случае, когда в полной мере будет определена цена гражданской войны для России и негативные последствия, испытанные ею из-за экономического разорения и, как следствие — деградации национальных культур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмысливая явление военного коммунизма в судьбе России, мы не можем не видеть разрушения логики исторического процесса, насилия над объективными экономическими законами, повсеместного попрания общечеловеческой морали и эстетических ценностей. Лейтмотивом этого абсурда выступала чрезвычайщина, оказавшаяся нормой поведения установившегося политического режима. В своем исследовании мы коснулись лишь отдельной ветви самонагромождавшегося произвола. Однако, говоря о системе ЧУСО, о конкретном звене политики военного коммунизма, звене, в силу своего исключительного положения, наиболее полно вобравшем в себя всю непредсказуемость затевавшегося социально-экономического эксперимента по переустройству общества, мы невольно говорим о военном коммунизме в целом; в других его структурах, политических и экономических сферах происходили (не могли не происходить) аналогичные с ЧУСО процессы деградации, приведшие Россию к концу 1920 г. на грань экономической катастрофы, а возглавлявших тогда политиков — вплотную к банкротству. Говоря о системе ЧУСО, мы тем самым говорим об экономической политике советского государства в первые годы его существования. Система ЧУСО — это концентрированное выражение военно-коммунистической хозяйственной практики. Система ЧУСО — это воплощенная в жизнь экономическая идея, возникшая в крайне возбужденном романтическом сознании людей, надеявшихся в один исторический момент сделать всех свободно-равно-близкими и, разумеется, счастливыми. Но как всякая утопия, эта идея могла принести только горечь разочарования, моральную, — а в России еще и физическую — боль нескольким поколениям.

Политика военного коммунизма легко и быстро сформировала устойчивые упрощенные представления о путях и методах социалистического строительства в будущем. Порядок жизнедеятельности гражданских органов представлялся идентичным военно-хозяйственному управлению. Это ускорило сращивание армии с государством, позволило добиться поражения Белого движения в ходе гражданской войны. Но это же принесло и неисчислимые беды. Надо помнить, что первый опыт социалистического строительства (не выверенный даже теоретически) накапливался в ходе гражданской войны. Поэтому представления о будущем социалистическом устройстве (прежде всего в области хозяйственных отношений) чаще всего автома-

тически, подсознательно отождествлялись с методами военного коммунизма, военного командования. Именно отсюда выросал «военный коммунизм» как путь кратчайшего перехода к социализму через административно-командный нажим; именно здесь появились, укрепились и существуют до сих пор иллюзии о подчиненности экономических законов произвольным волевым решениям. Политики более поздних десятилетий лишь совершенствовали начатое после октябрьского переворота 1917 г. Порочное социально-экономическое клише, внедрившись в перазвитое массовое сознание, неготовое к восприятию сколь-нибудь прогрессивной политической власти, приобрело в условиях на редкость плодотворной в данном случае российской действительности дьявольскую силу, если даже до сих пор нам не удается от него избавиться.

Предложенное исследование подробно затрагивает только отдельные стороны экономической практики в годы военного коммунизма: управленческую, кредитно-финансовую, частно-рыночную, внешнеэкономическую и некоторые другие. Но даже из того, что удалось показать, нетрудно убедиться в дилетантском представлении, скажем, о роли в экономике денег, приведшем к их игнорированию, ставшем одной из причин последовавших вслед за этим взрыва политики цен и гиперинфляции. Или, допустим, совершенно абсурдные настроения в части надежд на возможность продолжать политику военного коммунизма, тратя золотой запас России на поддержание очевидно неоправданно разросшейся армии, что имело место в конце 1920 — начале 1921 г. И так далее. Общекризисная цепная реакция, стремительно развиваясь, к началу 1921 г. расстроила хозяйство республики окончательно. Война войною, а неумение вести дела, управлять, экономическая безграмотность — вот главные причины тупикового финала централизованного анархизма и невежественного произвола в экономике. Неумение вести дела в сочетании с иссякшим революционным энтузиазмом заставило пойти по инерции спасительных рыночных отношений — по крайней мере хотя бы для того, чтобы успеть осмотреться. Но для осознания необходимости такого поворота потребовалось почти два года после того как в середине 1919 г. было уже ясно, что достигнут предельный рубеж возможного соотношения государственных расходов на содержание армии в масштабах тогдашнего ее существования: армия разбойничала, грабила, брала необходимое «в порядке боевого приказа» — ситуация становилась слабо управляемой, политическое руководство теряло контроль за положением в республике. Однако надо было увеличить армию еще втрое, чтобы в конце 1920 г., наконец, понять безумие таких действий.

Возникшая система ЧУСО на какое-то время оградила экономикку от окончательного разграбления. Но вместе с тем организический страх перспективы упустить власть активизировал процесс паразитирования численности армии, которая проедала и раздевала республику, окончательно вживаясь в свою паразитирующую роль. Армия, называвшаяся современниками «бочкой без дна», все решительнее требовала новых огромных продовольственных и материальных средств, собирать которые становилось все сложнее. В большевистском руководстве это понимали отчетливо, цинично заявляя: «Главная наша трудность в настоящей войне не в отношении человеческого материала — его у нас достаточно, — а в снабжении». Но снабжение армии оказалось камнем преткновения в течение всей гражданской войны, поэтому кощунственно и щедро расплачивались человеческим материалом. Оттуда, из военного коммунизма, повелось не считаться с человеческими и материальными затратами на военные нужды, хотя доподлинно известно, что «благополучие народа при некотором несовершенстве военного устройства принесет более пользы нежели самая полная боевая готовность армии при пошатнувшемся экономическом положении народа».

Важной причиной поражения Белого движения явилась известная негативная особенность психологии россиян, испокон веков преклонявшихся перед «центральной властью» и ее распоряжениями. Советские декреты (при всей их нелепости и исключительной агитационно-политической направленности — большевистское руководство и это хорошо понимало) оказались изощренным приемом обработки массового сознания и были по-иезуитски рассчитаны на эту психологическую особенность. Но беспринципность и здесь оказалась господствующей: когда в конце 1920 г. метод перестал работать, его отбросили; объявили о переходе к НЭП и обратились к другому низшему качеству российского менталитета — извращенному частнопособенническому интересу.

Мы говорим о причинах поражения Белого движения потому, что при всем обилии написанного о военных полководческих талантах героев гражданской войны, возникают сомнения в исчерпывающей правильности подобных суждений. А если обратиться в опыту советско-польской кампании 1920 г., то такие сомнения приобретают черты неприглядной действительности. Спасли большевизм не полководческие таланты выдвиженцев революции, а энтузиазм и революционный порыв огромных людских масс, наивно поверивших в идею близкого и полного равенства, подчас преследовавших и более прагматические цели — иметь возможность поживиться в результате «грабежа награбленного». Главной объединяющей силой при

этом стал изощреннейший политический механизм (не по глубине проникновения в суть явлений, а по масштабам объединения примитивных устремлений людских надежд), с помощью которого партийному руководству удалось не только создать на развалинах старой, им же организационно разрушенной царской армии, новый, в несколько миллионов солдатский массив, но — и это главное — на протяжении более чем пяти лет кормить его, одевать, снабжать оружием. Поэтому мы с полным основанием можем поставить на один из первых планов гражданской войны фигуры А. И. Рыкова и А. Д. Цюрупы, оказавшихся на вершинах двух огромных административно-бюрократических пирамид, подчинивших на деле всю экономическую жизнь и продовольственное снабжение в республике... Не случайно ведь эти двое к концу гражданской войны стали особо заметными не только на фоне хозяйственной, но и политической жизни.

Административно-командная система — инструмент гражданской войны и политики военного коммунизма. Это бесспорно. Отслеживавшиеся, по мере развития исследования, изменения в аппаратных структурах ЧУСО могут служить трафаретной матрицей поведения советской бюрократии на раннем этапе ее формирования. Если до ноября 1918 г. мы наблюдаем в какой-то мере совершенствование законодательной власти (ее усиление), когда даже Совнарком подчас опережал ВЦИК в деле законодательной инициативы, то с середины 1919 г. четко выявляется тенденция усиления исполнительной власти, когда Совет Обороны через свои так называемые «чрезвычайные» неконституционные органы оттеснил далеко на задний план власть законодательную во главе с ВЦИК. С переходом к НЭП создалась иллюзия обратного процесса. Но в том и трагедия НЭП, что это была только иллюзия — исполнительная власть продолжала укрепляться. Она укреплялась через людей, прошедших военный коммунизм. Их функциональное сознание не было готово к провозглашавшимся новым условиям. Отсутствие у них накапливаемого из поколения в поколение опыта хозяйственного, рачительного поведения вело к бездумному растрачиванию национальных богатств — явлению совершенно закономерному. «Новые красные хозяева» на каком-то отрезке времени, в каких-то конкретных ситуациях могли ими казаться, но они не могли ими быть. И в этом одна из жестоких трагедий октябрьского переворота. В добавление к невежеству приешался российский советский централизованный бюрократизм, опасный еще и тем, что через его простую и хорошо отлаженную «систему сосудов» аппаратных структур любое неразумно принятое решение легко и быстро «перетекало» вниз, определяя там нормы поведения.

Советский бюрократизм оказался такой логической схемой, существующей в определенной системе координат, когда даже незначительный «вирус», но из другой системы координат, попав в эту логическую схему, мог разрушить ее до основания. Поэтому данная схема нуждалась в мощной защите. Для советского бюрократизма единственно приемлемым способом такой защиты могла стать жесткая (точнее — жестокая) кадровая политика, не допускавшая инакомыслия, не допускавшая других принципов отношений, — рыночных, например, если речь вести об экономике. Рекрутируя кадры из полунежесточенных слоев, советский бюрократизм неизбежно должен был поставить во главу своей деятельности уравнительное распределение, как единственно доступный вид деятельности для людей, не обремененных интеллектуальными способностями. Мы пытались показать это на примере административно-управленческой деятельности системы ЧУСО.

Все революции делались людьми малокультурными, чаще даже безграмотными. И только потом, в результате победы, они создавали вокруг себя ареал ассимилятивной псевдопрогрессивности — миф, который искусственно поддерживался какое-то время до прихода новой формации «реформаторов». Что до революций социалистических, то начиная с Парижской Коммуны в течение столетия в мире (по крайней мере — в Европе) они сопровождались переносом претензий на обладание собственностью с материальных объектов на умственную деятельность — малограмотные комиссары стремились властвовать над интеллектуалами.

Область организации снабжения армии в советской России была самой профессионально-сложной во всем армейском строительстве, а применительно к периоду военного коммунизма — во всем социалистическом строительстве. Здесь было мало грубой физической силы, здесь необходим был интеллект, или, по крайней мере, образование. Ни того, ни другого у социальной базы октябрьского переворота не могло быть в широком масштабе (если иметь в виду среднее и низшее звенья управления). Люди, взявшиеся за социалистическое строительство, были революционерами-романтиками. Их увлекала перспектива дела, безусловно казавшегося им историческим, эпохальным. Но отсутствие хотя бы образования, скудные представления о сложнейшем механизме экономических законов, руководствоваться которыми необходимо, привносили в их действия чаще доминирующее эмпирическое начало. Поэтому многое из того, что затевалось, было обречено на неудачу. После октября 1917 г. в России к власти пришли люди, сломавшие налажен-

ный (пусть плохо — хотя об этом можно спорить, — но пала-женный) механизм управления хозяйственной жизнью стра-ны; создать новый они не были в состоянии, так как професси-онально не были готовы к этому. Революционный энтузиазм не мог заменить специальных знаний, а отказавшись от опыта, на-копленного столетиями в России и в мире, «новые красные хо-зяева» изначально обрекли себя на неудачу.

Советская историография, восхищавшаяся «творческой энер-гией масс», исходила, надо думать, из того «методологическо-го» принципа, что сделанное уже хорошо потому, что сделать можно было хуже. Тем и ограничивались. Советские историки, увлеченные изучением заметных политических фигур, оказа-лись в плену ими самими созданных иллюзий об определяю-щей роли концепций и взглядов, проповедовавшихся тем или иным политическим лидером. Историки не хотели замечать оторванности этих взглядов и концепций от общего уровня эко-номического и политического развития российского народа в целом. А этот уровень, усредненный общей массой низовых, мало заметных фигур, определял тот неизбежный историчес-кий процесс, когда убегающая далеко вперед прогрессивная мысль тонула в повседневности, в бытовых мелочах, в сиюми-нутных настроениях обывательской массы. Как ни странным может показаться, но важнейшую линию поведения во всех без исключения сферах общественной жизни — в том числе и экономической — определяют люди так называемого «среднего звена» — те, до которых доходит та или иная теория лишь в препарированном их сознанием понимании. Происходит неиз-бежное усреднение (социалистической идеи, например) к тому уровню сознания — массового сознания, — которым характери-зуется общество в целом. Замечание Н. Бердяева о том, что «линия культуры всегда средняя», наилучшим образом отра-жает сказанное выше. Беда только в том, что эта «средняя ли-ния» для разных общественных образований разная. Чем выше экономическое благосостояние народа, тем выше и эта сред-няя линия». Для России, нищенской России начала двадца-того века, она была крайне низкой. Трагедия большевизма в том, что он далеко оторвался от этой «средней линии», увлекся вы-сокой благородной целью, забыв о возможной судьбе такого разрыва. История, а точнее — объективная российская действи-тельность с ее крайне низким уровнем культуры общей массы народа, поправила большевизм, вернув его взгляды на истори-чески определенное место. Ленин предчувствовал это, когда го-ворил, что всякая революция заходит дальше того, что она мо-жет, и неизбежен отход назад. Но даже Ленин не представлял себе того действительного отката, который должен был прои-

войти на самом деле в России, отката, отбросившего страну даже дальше исходного состояния до октябрьского переворота. Убедиться в этом не сложно — достаточно обратиться к нынешнему положению в сравнительно-хронологической перспективе развития мировой цивилизации. В послеоктябрьский период Россия пошла не то, что в сторону, она пошла вспять общей линии поведения мировых цивилизационных процессов. Было ли это закономерным явлением, или это фантом русского «большевистского» сознания (точнее — выражение мироощущения российской интеллигенции), ответить сложно. Наверно, можно сказать лишь следующее: разбуженные октябрьским переворотом самые низменные чувства россиян (жуткий до цинизма лозунг «грабь награбленное», например) вытолкнули на поверхность общественного самоуправления людей, чьи моральные и эстетические качества (а следом и профессиональные) оказались зеркальным отражением общего культурного положения народа. Вкусив однажды от военного коммунизма, его лидеры уже никогда затем не могли избавиться от административного зуда — единственно доступного им чувственного качества, — которым пропитана вся история нашего административно-хозяйственного строительства в годы советской власти. Потребовалось несколько поколений, чтобы начать избавляться от этой экономической чумы двадцатого века. Как долго будет продолжаться избавление, сказать, опять же, трудно. И нет необходимости, как представляется — не в этом задача историка.

Романтическая увлеченность большевистского руководства иссякала в невежественной политической борьбе послеоктябрьского периода, как исчезали, физически уничтожая друг друга, и его наиболее видные и менее заметные политические фигуры. Живучим остался тот самый «средний слой», воспитанный на идеях и практикой военного коммунизма, приспособившийся к конъюнктуре политической борьбы, ставший в своем приспособлении безликим, пошлым, а с точки зрения экономической мысли — совершенно бесплодным. Ему-то, начинавшемуся в годы военного коммунизма, и посвящено было настоящее исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. См., например: *Молодцыгин М. А.* Деятельность местных Советов по созданию прочного тыла Красной Армии // Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг. М., 1974. С. 320—330.
2. См.: *Защита Великого Октября.* М., 1963. С. 40.
3. *Каменев С. С.* Записки о гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи. М., 1963. С. 40.
4. *Экономическая жизнь.* 1921. 23 марта.
5. *Бокарев Ю. П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 5.
6. См.: *Исторический опыт Великого Октября.* М., 1986. С. 272—289.
7. См.: Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг. М., 1974.
8. См.: Там же. С. 386.
9. *Кляцкин С. М.* На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917—1920. М., 1965. С. 30.
10. См.: Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси, 1980. С. 76—77.
11. *Кубланов А. Л.* Совет рабочей и крестьянской обороны: (ноябрь 1918 — март 1920 г.). Л., 1975. С. 13.
12. *Жмуrowsкий Д. П.* Республика Советов: единство фронта и тыла (1918—1920 гг.). Минск, 1980. С. 5.
13. См.: Из истории гражданской войны и интервенции... С. 276.
14. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 510, л. 63—64.
15. *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1930; 3-е изд., перераб. и доп. М., 1937.
16. *Вольпе А.* Чусоснабарм // Война и революция. 1925. Кн. V. С. 104—106.
17. *Ленин В. И.* Собр. соч. 5-е изд. Т. 10. С. 542—543; Т. 51. С. 519; Т. 54. С. 647.
18. См.: *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 407.
19. См.: *Кубланов А. Л.* Указ. соч. С. 110—112; *Липицкий С. В.* Ленинское руководство обороной страны: Создание и деятельность высших органов руководства обороной Советской республики 1917—1920. М., 1979. С. 216, 233.
20. См.: *Селиванов П. А.* Укрепление тыла Красной Армии: Деятельность Советов и ревкомов Белоруссии (1918—1920 гг.). Минск. 1987. С. 102; *Шелестов Д.* Время Алексея Рыкова: эскиз политического портрета. М., 1990.
21. См.: *Герменчук В. В.* Единство фронта и тыла. Деятельность большевистских организаций Белоруссии по укреплению боеспособности частей Красной Армии в годы гражданской войны. Минск, 1987. С. 55.
22. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 676.
23. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 483, л. 322—327; д. 637, л. 49; д. 975, л. 10—11.
24. См.: там же, д. 91, л. 332—335.
25. Там же, д. 924, л. 33.

26. Там же, л. 32.
27. См.: Там же, д. 13, л. 58; д. 924, л. 74.
28. Там же, д. 178, л. 67«а»; д. 201, л. 236.
29. См.: Там же, д. 135, л. 413; оп. 2, д. 183, л. 235—239.
30. Там же, оп. 1, д. 664, л. 21—26.
31. См.: Там же, оп. 1, д. 742, л. 118; д. 1063, л. 39.
32. См.: Там же, д. 1088, л. 48, 214—215, 220.
33. См.: Там же, оп. 2, д. 163, л. 2.
34. Там же, оп. 1, д. 56, л. 59.
35. Там же, д. 201, л. 291.
36. Там же, д. 350, л. 4; д. 1068, л. 104.
37. Там же, д. 1068, л. 2.
38. См.; например: Там же, д. 782, л. 195—197.
39. См.: Там же, д. 1066, л. 3.
40. См.: Там же, л. 39—45.
41. Там же, д. 377, л. 19, 28.
42. См.: Там же, л. 32, л. 74; д. 173, л. 422; д. 203, л. 6.
43. Там же, д. 283, л. 82.
44. Там же, д. 200, л. 117.
45. См.: Там же, д. 309, л. 47—48.
46. См.: Там же, д. 151, л. 540; д. 281, л. 375; д. 284, л. 42, 46, 52.
47. См.: Там же, д. 701, л. 9, 125, 497, 502.
48. См.: Там же, д. 1063, л. 39.
49. См.: Там же, д. 154, л. 198; д. 161, л. 180.
50. См.: Там же, д. 426, л. 27.
51. См.: Там же, д. 889, л. 432.
52. Там же, д. 56, л. 28.
53. См.: Там же, д. 178, л. 80.
54. Там же, д. 284, л. 47.
55. См.: Там же, д. 283, л. 38.
56. См.: Там же, л. 95—103.
57. См.: Там же, оп. 2, д. 179, л. 1, 4.
58. См.: Там же, оп. 1, д. 637, л. 59.
59. См.: Там же, д. 1067, л. 2; д. 1078, л. 322—326.
60. См.: например: Там же, д. 183, л. 94.
61. См.: Там же, д. 1066, л. 46.
62. См.: Там же.
63. См.: Описи фонда.

Глава I

1. См.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1970. С. 356.
2. Ленин В. И. Собр. соч. Т. 38. С. 137—138.
3. См.: Декреты Советской власти. Т. 1 С. 355.
4. См.: Кляцкин С. М. На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. М., 1965. С. 319.
5. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 195, л. 21, 29—34.
6. См.: Кляцкин С. М. Указ. соч.; Кораблев Ю. И. В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970; Крушельницкий А. В. Ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве в первые месяцы Советской власти// Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. Липицкий С. В. Ленинское руководство обороной страны; Создание и деятельность высших органов руководства обороной Советской республики. 1917—1920. М., 1979; Молодцыгин М. А. Деятельность местных Советов по созданию прочного тыла Красной Армии// Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг. М., 1974; Селиванов П. А. Ук-

репление тыла Красной Армии: Деятельность Советов и ревкомов Белоруссии (1918—1920 гг.). Минск, 1987; *Сомов С. А.* Последняя страница истории Особого совещания по обороне (окт. 1917 — февр. 1918 г.)//Исторические записки. Т. 90. М., 1972.

7. *Липицкий С. В.* Указ. соч. С. 23.

8. См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 173.

9. *Ленин В. И.* Собр. соч. Т. 35. С. 173.

10. См., например: Великий Октябрь и защита его завоеваний. Т. 1. М., 1987. С. 279.

11. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 1, л. 250.

12. См., например: *Борисова Л. В.* Протоколы Президиума ВСНХ (1917—1920 гг.). Опыт источниковедческого анализа// Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 229.

13. См.: Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1971. С. 189.

14. *Молодцыгин М. А.* Указ. соч. С. 320—330.

15. См., например: *Селиванов П. А.* Указ. соч. С. 33.

16. *Молодцыгин М. А.* Указ. соч. С. 323—324.

17. См.: *Кораблев Ю. И.* Указ. соч. С. 279.

18. См.: Известия ВЦИК... 1918. 5 марта.

19. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 510, л. 68.

20. См.: *Крушельницкий А. В.* Указ. соч. С. 162—171.

21. См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 152, 213—214.

22. См.: Известия ВЦИК... 1918. 19 февр.

23. *Сомов С. А.* Указ. соч. С. 108.

24. *Молодцыгин М. А.* Указ. соч. С. 327—328.

25. *Селиванов П. А.* Указ. соч. С. 35.

26. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 510, л. 69.

27. См.: Там же, оп. 2, д. 2, л. 70.

28. Там же, оп. 1, д. 283, л. 1.

29. См., например: *Дмитриев Н. И.* К вопросу о мобилизации уральской промышленности в первый период иностранной интервенции и гражданской войны (май — ноябрь 1918)//Партийные организации во главе борьбы за разгром интервентов и белогвардейцев. 1918—1920. Свердловск, 1984. С. 67. *Черноморец С. А.* Организация продовольственного снабжения в 1917—1920 годы: Государственно-правовые аспекты. Саратов, 1986. С. 75.

30. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 25, л. 119, 121.

31. См.: *Липицкий С. В.* Указ. соч. С. 100.

32. Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1971. С. 373.

33. *Липицкий С. В.* Указ. соч. С. 135.

34. Ленинский сборник. XXXVII. С. 36.

35. Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1973. С. 92—94.

36. См.: *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и организация советского тыла в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны//Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг. М., 1974; *Кубланов А. Л.* Совет рабочей и крестьянской обороны (ноябрь 1918 — март 1920 г.). Л., 1975.

37. *Кораблев Ю. И.* Проблемы военной защиты завоеваний Великого Октября в современной историографии (1967—1978 гг.)//Великий Октябрь в советской и зарубежной исторической литературе. Тбилиси, 1980. С. 70.

38. *Липицкий С. В.* Указ. соч. С. 120—126.

39. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 1, л. 17.

40. Энциклопедический словарь Русского Библиографического Института Гранат. 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. М., 1929. С. 226—231.

41. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 3, л. 3.

42. См.: *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 297—298.
43. См.: Известия ВЦИК... 1918. 9 нояб.
44. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 29, л. 8; оп. 2, д. 3, л. 84.
45. Там же, оп. 1, д. 663, л. 34.
46. См.: Декреты Советской власти. Т. 4. М., 1972. С. 92—94.
47. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 661, л. 335.
48. См.: например: *Кубланов А. Л.* Указ. соч. С. 81; *Лаговский А. Н.*
- В. И. Ленин об экономическом обеспечении обороны страны. М., 1976;
- Липицкий С. В.* Указ. соч. С. 120—121; и др. За исключением, отчасти:
- Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 297—298.
49. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 79, л. 2.
50. См.: Там же, оп. 2, д. 21, л. 237—413.
51. Там же, оп. 1, д. 79, л. 2—8; д. 91, л. 334—336.
52. См.: Там же, оп. 1, д. 91, л. 332—333.
53. См.: Там же, оп. 1, д. 473, л. 155; д. 476, л. 80.
54. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 110, л. 124; д. 681, л. 32—45,
- 287—302, 355—380.
55. Там же, оп. 1, д. 479, л. 46—50.
56. Там же, оп. 1, д. 655, л. 172—173.
57. См.: Там же, оп. 1, д. 476, л. 4.
58. Там же, оп. 1, д. 476, л. 126.
59. См.: Известия Наркомвоен. 1919. 25 мая.
60. См.: Известия Наркомвоен. 1919. 5 июня.
61. См., например: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 102, л. 2—3; д. 430,
- л. 1—89.
62. См.: Там же, оп. 1, д. 29, л. 5, 7; д. 102, л. 2—3; д. 738, л. 13.
63. См.: Там же, оп. 1, д. 102, л. 2—3; д. 476, л. 219.
64. См.: Там же, оп. 1, д. 29, л. 5; д. 294, л. 82; д. 738, л. 16.
65. См.: Там же, оп. 1, д. 102, л. 2—3; д. 302, л. 179.
66. См.: Там же, оп. 1, д. 161, л. 79; д. 302, л. 299.
67. См.: Там же, оп. 1, д. 102, л. 2—3.
68. См.: Там же, оп. 1, д. 102, л. 2—3; д. 161, л. 106; л. 581, л. 347;
- д. 738, л. 16, 17.
69. См.: Там же, оп. 1, д. 439, л. 2.
70. См.: Там же, оп. 1, д. 110, л. 7.
71. См.: Там же, оп. 1, д. 302, л. 225; д. 738, л. 17.
72. См.: Там же, оп. 1, д. 690, л. 31; д. 738, л. 17.
73. См.: Там же, оп. 1, д. 161, л. 91; д. 302, л. 287; д. 590, л. 30.
74. См.: Там же, оп. 2, д. 3, л. 225.
75. См.: Там же, оп. 2, д. 3, л. 252—263.
76. См.: Москва: Энциклопедия. М., 1981. С. 510—511.
77. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 283, л. 3—4; д. 473, л. 128, 152—153,
- 155; д. 475, л. 32; д. 477, л. 17; оп. 2, д. 124, л. 137.
78. Там же, оп. 1, д. 473, л. 102, 128; д. 477, л. 112.
79. См.: Там же, оп. 1, д. 476, л. 219.
80. См., например: Там же, оп. 1, л. 18, л. 280.
81. См.: Там же, оп. 1, д. 29, л. 25; д. 36, л. 57; д. 664, л. 129.
82. Там же, оп. 1, д. 18, л. 280; д. 664, л. 129.
83. Там же, оп. 1, д. 664, л. 129.
84. Там же, оп. 2, д. 72, л. 300.
85. Там же, оп. 1, д. 664, л. 129; д. 693, л. 96.
86. Там же, оп. 1, д. 664, л. 129; д. 687, л. 122.
87. Там же, оп. 1, д. 664, л. 129.
88. Там же, оп. 1, д. 693, л. 247.
89. Там же, оп. 1, д. 687, л. 122; д. 693, л. 77; д. 694, л. 143.
90. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 29, л. 67.

91. Там же, оп. 1, д. 693, л. 91.
92. См.: Там же, оп. 1, д. 1, л. 22.
93. См.: например: *Селиванов П. А.* Указ. соч. С. 102.
94. См., например: ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 2, л. 72.
95. См.: Там же, оп. 1, д. 237, л. 1—3.
96. Известия ВЦИК... 1919. 4 окт.
97. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 38, л. 14.
98. Там же, д. 34, л. 280.
99. Там же, д. 79, л. 81.
100. Там же, д. 102, л. 102.
101. Там же, д. 67, л. 11, 32, 41.
102. См.: Там же, д. 443, л. 180.
103. См.: Там же, д. 1056, л. 5, 13, 17, 21, 34.
104. См.: Там же, д. 31, л. 75; д. 68, л. 1.
105. См.: Там же, д. 29, л. 141.
106. Там же, д. 104, л. 27.
107. Там же, д. 32, л. 1—636; д. 48, л. 1—438.
108. См.: Там же, д. 7, л. 4—6; д. 14, л. 160—162.
109. См.: Там же, д. 590, л. 41.
110. См.: Там же, д. 302, л. 269; д. 590, л. 41.
111. См.: Там же, д. 18, л. 38; д. 22, л. 14, 44; д. 32, л. 201; д. 34, л. 242.
112. См.: Там же, д. 29, л. 72, 94.
113. См.: Там же, д. 32, л. 4—37.
114. См.: Там же, д. 34; л. 29; д. 590, л. 40; оп. 2, д. 124, л. 362;
- д. 132, л. 578.
115. См.: Там же, д. 26, л. 105; д. 34, л. 272.
116. Там же, д. 439, л. 2.
117. См.: Там же, д. 18, л. 46.
118. См.: Там же, д. 302, л. 289.
119. См.: Там же, д. 14, л. 161.
120. Там же, д. 91, л. 99; оп. 2, д. 131, л. 143.
121. См.: Там же, д. 161, л. 108; д. 590, л. 39; оп. 2, д. 132, л. 503.
122. См.: Там же, д. 111, л. 487; д. 161, л. 79; д. 303, л. 299; оп. 2, д. 188, л. 80.
123. См.: Там же, д. 7, л. 34.
124. См.: Там же, д. 57, л. 199; оп. 2, д. 131, л. 94.
125. См.: Там же, д. 744, л. 131; д. 809, л. 14.
126. Там же, д. 927, л. 2, 9.
127. См.: Там же, л. 8, 11, 13.
128. См.: Там же, д. 926, л. 18; д. 928, л. 1, 8, 25, 285—296.
129. См.: Там же, д. 926, л. 227.
130. Там же, д. 7, л. 34.
131. См.: Там же, д. 34, л. 276; д. 52, л. 58.
132. См.: Там же, д. 7, л. 34; д. 14, л. 160; д. 590, л. 30; д. 737, л. 2;
- оп. 2, д. 140, л. 2.
133. См.: Там же, д. 86, л. 43—44; д. 161, л. 77; д. 302, л. 296.
134. См.: Там же, д. 21, л. 73; д. 26, л. 105; д. 161, л. 77.
135. См.: Там же, д. 7, л. 35; д. 14, л. 161; д. 26, л. 2, 6.
136. См.: Там же, д. 14, л. 161—162.
137. См.: Там же, д. 590, л. 37.
138. См.: Там же, д. 479, л. 58, 91; оп. 2, д. 71, л. 215.
139. См.: Там же, оп. 1, д. 7, л. 4—6; д. 493, л. 36—38; д. 681, л. 335—359.
140. См.: Там же, д. 664, л. 102.
141. Там же, д. 667, л. 4—5.

142. Известия ВЦИК... 1919. 16 авг.
143. См.: ЦГАСА, ф. 55 оп. 1, д. 664, л. 70—71.
144. См.: Там же, д. 83, л. 67; д. 701, л. 103.
145. Там же, д. 664, л. 53.
146. См.: Там же, д. 32, л. 18.
147. Подсчитано по: Там же, д. 654, л. 107.
148. Подсчитано по: Там же, д. 411, л. 25.
149. Там же, д. 664, л. 137.
150. См.: Там же, д. 479, л. 20, 58, 91; д. 830, л. 175.
151. См.: Там же, оп. 2, д. 199, л. 35.
152. Там же, оп. 1, д. 147, л. 214; оп. 2, д. 9, л. 30.
153. Там же, оп. 1, д. 31, л. 74.
154. Там же, д. 26, л. 107, 112—113; д. 31, л. 75—76.
155. Там же, д. 31, л. 81.
156. См.: Там же, д. 284, л. 60.
157. Там же, д. 34, л. 69.
158. Там же, д. 31, л. 97.
159. Там же, д. 16, л. 51—53.
160. Там же, д. 67, л. 10.
161. Там же, д. 34, л. 69.
162. Там же, д. 66, л. 16; д. 67, л. 11.
163. Там же, д. 67, л. 45.
164. Там же, д. 34, л. 220, 232; д. 66, л. 13—16; д. 1068, л. 47.
165. Там же, оп. 2, д. 180, л. 1—3.
166. Там же, оп. 1, д. 34, л. 258.
167. Там же, оп. 2, д. 81, л. 39.
168. Там же, оп. 1, д. 38, л. 42.
169. Там же, д. 26, л. 86—87.
170. Там же, л. 119—120.
171. Там же, л. 130.
172. Там же, д. 24, л. 54.
173. Там же, д. 26, л. 93; оп. 2, д. 8, л. 44; оп. 1, д. 664, л. 130;
- д. 829, л. 538.
174. См.: Там же, оп. 1, д. 67, л. 221; оп. 2, д. 34, л. 62—63.
175. См.: Там же, оп. 1, д. 67, л. 229; ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 120.
176. Там же, ф. 55, оп. 2, д. 199, л. 34.
177. См.: Там же, оп. 1, д. 26, л. 82; д. 66, л. 210.
178. См.: Там же, оп. 1, д. 34, л. 285.
179. См.: Там же, д. 38, л. 46; д. 65, л. 244; д. 492, л. 12; оп. 2, д. 89,
- л. 1.
180. Там же, оп. 1, д. 100, л. 15.
181. См.: Там же, д. 34, л. 285; д. 1089, рассыпы; оп. 2, д. 81, л. 321—
- 322; д. 89, л. 1.
182. См.: Там же, оп. 1, д. 34, л. 326—327.
183. См.: Там же, л. 198; оп. 2, д. 57, л. 64; д. 71, л. 13.
184. См.: Там же, оп. 1, д. 34, л. 69; д. 799, л. 2, 6.
185. См.: Там же, д. 16, л. 3; д. 34, л. 198; д. 455, л. 622; оп. 2, д. 44,
- л. 123—125.
186. См.: Там же, оп. 1, д. 34, л. 225; д. 66, л. 13, 15; оп. 2, д. 43,
- л. 93.
187. Там же, оп. 1, д. 67, л. 118.
188. Там же, д. 492, л. 2.
189. Там же, д. 830, л. 419.
190. Там же, д. 108, л. 83.
191. Там же, д. 131, л. 292.
192. Там же, д. 26, л. 81; оп. 2, д. 36, л. 22.

193. Там же, оп. 1, д. 16, л. 73; д. 26, л. 84; д. 52, л. 78; д. 127, л. 32—74; оп. 2, д. 143, л. 93.
194. См.: Там же, оп. 1, д. 127, л. 36, 38; д. 645, л. 1; д. 1068, л. 33; оп. 2, д. 43, л. 87.
195. См.: Там же, оп. 1, д. 34, л. 160; оп. 2, д. 132, л. 125.
196. См.: Там же, оп. 1, д. 50, л. 541, 543, 544, 553; д. 57, л. 230; д. 127, л. 2—31; д. 173, л. 382.
197. Там же, д. 68, л. 13, 15.
198. См.: Там же, д. 26, л. 109; оп. 2, д. 81, л. 425.
199. См., например: Там же, оп. 1, д. 7, л. 14; д. 26, л. 108; д. 31, л. 117—119; д. 34, л. 197.
200. См.: Там же, д. 26, л. 69; д. 66, л. 21; д. 67, л. 11, 32; оп. 2, д. 180, л. 1.
201. См.: Там же, оп. 1, д. 65, л. 168; д. 67, л. 220.
202. См.: Там же, оп. 2, д. 81, л. 39.
203. См.: Там же, оп. 1, д. 26, л. 109; д. 31, л. 75; д. 68, л. 1, 15; оп. 2, д. 43, л. 4; д. 195, л. 326.
204. См.: Там же, оп. 1, д. 34, л. 81, 184; д. 38, л. 16.
205. См.: Там же, д. 26, л. 107.
206. См.: Там же, л. 6.
207. См.: Там же, д. 38, л. 15—16.
208. См.: Там же, д. 26, л. 31—35; д. 33, л. 67; д. 34, л. 2, 31, 197, 326—327; д. 66, л. 101—102; д. 67, л. 57.
209. Подсчитано по: Там же, д. 654, л. 107; д. 706, л. 1—3.
210. См.: Там же, д. 26, л. 2, 6; д. 34, л. 200.
211. См.: Там же, д. 31, л. 100.
212. Там же, д. 1, л. 22.
213. Там же, д. 34, л. 198.
214. См.: Там же, д. 62, л. 76; д. 63, л. 416; д. 148, л. 315; д. 207, л. 266.
215. См.: Там же, д. 34, л. 287; д. 63, л. 416.
216. Там же, д. 38, л. 47.
217. См.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 2. С. 480; Словарь Гранат. Т. 41. Ч. 3. С. 264—268; Старков Б. Честь партии//Знание — сила. 1988. № 2. С. 83—84; ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 69, л. 73.
218. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 1, л. 201; д. 9, л. 218; д. 92, л. 50.
219. Там же, оп. 1, д. 30, л. 19«а»; д. 38, л. 50.
220. См.: Там же, оп. 1, д. 30, л. 20; д. 173, л. 322.
221. См.: Там же, д. 30, л. 21; д. 173, л. 336.
222. См.: Там же, д. 44, л. 105—107.
223. См.: Там же, оп. 2, д. 9, л. 232, 245.
224. Там же, оп. 1, д. 30, л. 21; д. 173, л. 344; д. 725, л. 86; д. 890, л. 132.
225. См.: Там же, д. 32, л. 47; д. 210, л. 71.
226. См.: Там же, д. 161, л. 106; г. 581, л. 347.
227. См.: Там же, д. 302, л. 214; д. 1088, л. 358; оп. 2, д. 132, л. 769.
228. Там же, оп. 1, д. 322, л. 18—19.
229. Там же, д. 325, л. 33—34.
230. См.: Там же, д. 320, л. 36.
231. См.: Там же, д. 173, л. 448; д. 315, л. 300.
232. Там же, д. 173, л. 519; д. 302, л. 215; д. 590, л. 33.
233. Там же, д. 1096, ч. 2, л. 447.
234. См.: Там же, д. 322, л. 15—16.
235. См.: Там же, д. 293, л. 105; оп. 2, д. 188, л. 98.

236. См.: Там же, оп. 1, д. 295, л. 310, 320; д. 444, л. 220; оп. 2, д. 59, л. 1.
237. См.: Там же, оп. 1, д. 7, л. 4—6.
238. См.: Там же, д. 161, л. 79.
239. См.: Там же, д. 162, л. 923, 1037; д. 581, л. 347; д. 744, л. 131; оп. 2, д. 24, л. 51.
240. См.: Там же, оп. 1, д. 928, л. 144; оп. 2, д. 47, л. 1—2; д. 20, л. 51, 56; д. 24, л. 56, 58.
241. См.: Там же, оп. 1, д. 145, л. 14, 23; д. 161, л. 77; оп. 2, д. 132, л. 590.
242. См.: Там же, оп. 2, д. 73, л. 8—9.
243. См.: Там же, оп. 1, д. 104, л. 27; д. 308, л. 393.
244. Там же, д. 664, л. 205.
245. См.: Там же, д. 7, л. 16.
246. См.: Там же, д. 168, л. 5—11.
247. Там же, д. 51, л. 38; д. 168, л. 11.
248. См., например: Там же, д. 142, л. 71.
249. Там же, д. 200, л. 134.
250. См.: Там же, д. 351, л. 391.
251. См.: Там же, д. 168, л. 22.
252. Там же, д. 7, л. 16.
253. См.: Там же, д. 411, л. 25; д. 664, л. 193, д. 701, л. 93.
254. Подсчитано по: Там же, д. 664, л. 57; д. 701, л. 94.
255. См.: Там же, д. 701, л. 97, 119—120.
256. Там же, д. 701, л. 114.
257. См.: Известия ВЦИК... 1920. 8 июня; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 30, л. 119.
258. См.: Известия Наркомвоен. 1920. 27 июня; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 40, л. 19—23; д. 705, л. 11—12.
259. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 32, л. 120; д. 701, л. 85.
260. См.: Там же, д. 701, л. 85; д. 705, л. 11—12.
261. См.: Там же, д. 161, л. 55—66.
262. См.: Там же, д. 308, л. 341, 393.
263. См.: Там же, д. 124, л. 137; д. 207, л. 131; д. 252, л. 477.
264. Там же, д. 141, л. 21.
265. См.: Там же, д. 302, л. 41; д. 926, л. 68.
266. Там же, д. 890, л. 566; д. 320, л. 40.
267. См.: Там же, д. 173, л. 429, д. 926, л. 69—71.
268. См.: Там же, д. 173, л. 466; д. 926, л. 69—71.
269. См.: Там же, д. 142, л. 28, 30; д. 1068, л. 49—50; оп. 2, д. 180, л. 2.
270. См.: Там же, д. 173, л. 447; д. 200, л. 120; д. 315, л. 203.
271. См.: Там же, оп. 1, д. 280, л. 90.
272. Там же, д. 1068, л. 48.
273. См.: Там же, д. 162, л. 865; д. 173, л. 555.
274. См.: Там же, д. 62, л. 7.
275. См.: Там же, д. 162, л. 5; д. 173, л. 536.
276. Там же, д. 162, л. 501; оп. 2, д. 81, л. 78.
277. Там же, оп. 1, д. 173, л. 618; д. 315, л. 81.
278. Там же, д. 176, л. 29.
279. См.: Там же, д. 201, л. 444; д. 315, л. 80.
280. См.: Там же, д. 147, л. 167; д. 302, л. 142; оп. 2, д. 81, л. 58; д. 89, л. 7; д. 88, л. 45.
281. См.: Там же, оп. 1, д. 293, л. 68.
282. См.: Там же, д. 156, л. 323; д. 890, л. 562.
283. Там же, д. 148, л. 61.

284. См.: Там же, оп. 2, д. 9, л. 275.
285. См.: Там же, оп. 1, д. 5, л. 9; д. 65, л. 322; д. 315, л. 55.
286. См.: Там же, д. 600, л. 10—13; д. 643, л. 1.
287. См.: Там же, д. 65, л. 356; д. 643, л. 1.
288. См.: Там же, д. 141, л. 26; д. 1068, л. 28.
289. См.: Там же, д. 5, л. 9.
290. См.: Там же, 1068, л. 28.
291. См.: Там же, д. 67, л. 242; д. 750, л. 206; д. 1068, л. 28; оп. 2, д. 89, л. 25.
292. См.: Там же, оп. 2, д. 43, л. 35—37.
293. См.: Там же, оп. 1, д. 42, л. 160; д. 132, л. 291, 293, 294; д. 147, л. 221; д. 173, л. 557; д. 867, л. 301—305; оп. 2, д. 43, л. 35—37.
294. См.: Там же, оп. 1, д. 42, л. 160; д. 96, л. 111; д. 100, л. 15; д. 156, л. 323; оп. 2, д. 28, л. 96.
295. См.: Там же, оп. 1, д. 5, л. 9; д. 147, л. 43; д. 870, л. 5—11; оп. 2, д. 81, л. 427; д. 97, л. 1.
296. См.: Там же, оп. 1, д. 524, л. 104.
297. См.: Там же, оп. 2, д. 81, л. 426—431; д. 97, л. 8; д. 188, л. 53.
298. См.: Там же, оп. 1; д. 210, л. 312; д. 212, л. 402; оп. 2, д. 20, л. 13; д. 81, л. 419—437.
299. См.: Там же, оп. 1, д. 50, л. 541, 543, 544, 553; д. 57, л. 230; д. 173, л. 382.
300. См.: Там же, д. 26, л. 109; д. 665, ч. 2, л. 84; д. 1057, л. 1—2; оп. 2, д. 140, л. 4.
301. См.: Там же, оп. 1, д. 7, л. 14, об.
302. См.: Там же, д. 62, л. 85; д. 420, л. 19—21.
303. См.: Там же, д. 420, л. 19—20.
304. Сравним: Там же, д. 62, л. 85; оп. 2, д. 43, л. 25.
305. См.: Там же, оп. 1, д. 195, л. 94; д. 420, л. 19—20.
306. См.: Там же, оп. 2, д. 81, л. 419—437; д. 97, л. 8.
307. См.: Там же, оп. 1, д. 33, л. 5—7; д. 78, л. 26.
308. См.: Там же, д. 56, л. 83; д. 136, л. 154; д. 1068, л. 28.
309. См.: Там же, д. 26, л. 165, 167; д. 147, л. 157; д. 1068, л. 48—49; оп. 2, д. 81, л. 440, 441; д. 180, л. 1.
310. См.: Там же, оп. 1, д. 33, л. 32—36; д. 443, л. 82; оп. 2, д. 87, л. 1—91; д. 99, л. 56, д. 133, л. 185, 188; д. 136, л. 1, 11; л. 188, л. 67.
311. Выявлено при сопоставлении: Там же, оп. 1, д. 33, л. 40—45, 50—51, 57; д. 655, ч. 1, л. 161; оп. 2, д. 127, л. 11; д. 171, лл. 2, 24, 30, 56, 78; д. 173, л. 1.
312. См.: Там же, оп. 2, д. 81, л. 58; д. 89, л. 1, 7; д. 97, л. 8; д. 177, л. 1; д. 181, л. 1.
313. См.: Там же, оп. 1, д. 33, л. 27—28; д. 65, л. 335—336; д. 147, л. 523; д. 706, л. 1—13.

314. См.: Там же, д. 84, л. 1, 13—14, 25, 27, 30, 34; д. 132, 293—294.
315. См.: Там же, д. 56, л. 60—61; д. 142, л. 42—65.
316. См.: Там же, д. 33, л. 32, 36, 40—45, 48, 50, 51, 57; д. 66, л. 27.
317. См.: Там же, д. 701, л. 95.
318. См.: Там же, д. 420, л. 17; д. 601, л. 237—238.
319. Подсчитано по: Там же, д. 701, л. 104—111.
320. Там же, д. 664, л. 195—198.
321. Там же, л. 195.
322. См.: Там же, д. 701, л. 106, 139.
323. Подсчитано по: Там же, д. 701, л. 93, 95.
324. См.: Там же, д. 738, л. 2.
325. См.: Там же, д. 710, л. 1.
326. См.: Там же, д. 104, л. 27; д. 177, л. 506.
327. См.: Там же, д. 420, л. 16.
328. См.: Там же, д. 14, л. 155.
329. См.: Там же, д. 7, л. 51.
330. См.: Там же, л. 25.
331. См.: Там же, д. 32, л. 317—319, 128.
332. См.: Там же, д. 485, л. 55; д. 937, л. 61—62.
333. Подсчитано по разным документам, в т. ч. по: Там же, д. 366, л. 1—100.
334. Подсчитано по приказам, выявленным в: Там же д. 12, 34, 35, 42, 46, 56, 173.
336. См.: Там же, д. 7, л. 49; д. 56, л. 147.
335. См.: Там же, д. 7, л. 18, 20—23, 45—48, 73—74; д. 138, л. 14—15, 21—24.
337. См.: например, д. 32, л. 324«б»; д. 177, л. 68; д. 192, л. 531, 579.
338. См.: Там же, д. 138, л. 27—32; д. 351, л. 391.
339. См.: Там же, д. 177, л. 68; д. 192, л. 531, 579; д. 370, л. 63; д. 1031, л. 46.
340. Там же, д. 7, л. 61—62.
341. См.: Там же, д. 169, л. 55—61; д. 177, л. 50, 51, 68; д. 192, л. 579; д. 263, л. 9—15; д. 370, л. 53; д. 508, л. 173; д. 713, л. 64; д. 1031, л. 1—77.
342. Там же, д. 637, л. 16.
343. Там же, д. 420, л. 18.
344. Там же, д. 738, л. 2.
345. Там же, д. 701, л. 1—9, 125.
346. Там же, д. 738, л. 26—27.
347. Там же, л. 2, 4—8, 26—27.
348. Подсчитано по: Там же, д. 701, л. 1—9; д. 1063, л. 39.
349. Подсчитано по: Там же, д. 32, л. 317, 319, 323, 324, 329«а».
350. См.: Там же, д. 743, л. 248 об.

351. Подсчитано по: Там же, д. 370, л. 87—108; д. 458, л. 15—28, 31—44, 47—60, 78—92, 95—96, 116—130, 132—145, 146—149, 150—151.
352. Подсчитано по: Там же, д. 458, л. 162—163; д. 744, л. 1—17, 24—25, 45, 114—115.
353. См.: Там же, л. 7, л. 51; д. 138, л. 31—32; д. 451, л. 486; д. 707, л. 34.
354. Подсчитано по: Там же, д. 743, л. 248 об.
355. Там же, д. 458, л. 162—163.
356. Там же, д. 363, л. 1—4.
357. См.: Там же, д. 40, л. 19—23; д. 432, л. 13—14.
358. См.: Там же, д. 192, л. 540.
359. См.: Там же, д. 62, л. 83; д. 147, л. 463.
360. См.: Там же, д. 295, л. 310—320.
361. См.: Там же, д. 32, л. 326«а»—328; д. 159, л. 16; д. 205, л. 112; д. 433, л. 49; д. 450, л. 326; д. 452, л. 377; оп. 2, д. 182, л. 52—53.
362. См.: Там же, оп. 1, д. 707, л. 222; д. 744, л. 114—115; д. 805, л. 115.
363. См.: Там же, д. 782, л. 13, 21; д. 805, л. 114; оп. 2, д. 124, л. 246; д. 182, л. 52—53, 57; д. 188, л. 89.
364. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 293, л. 1—200; д. 681, л. 32—46, 355—380; д. 800, л. 112—115; оп. 2, д. 140, л. 1—12, 28—32; д. 184, л. 171.
365. См.: Там же, оп. 1, д. 205, л. 245, 302; д. 226, л. 90; д. 452, л. 466—472, 522—528, 597, 624—635, 649, 696; оп. 2, д. 182, л. 52—53.
366. См.: Там же, оп. 1, д. 156, л. 224; д. 434, л. 103—109; д. 452, л. 719, 767, 774, 865; д. 771, л. 25; оп. 2, д. 124, л. 216; д. 132, л. 274; д. 174, л. 30, 35; д. 182, л. 52—53, 57, 58; д. 188, л. 63.
367. См.: Там же, оп. 1, д. 59, л. 28; д. 359, л. 343—344.
368. См.: Там же, д. 62, л. 111; д. 226, л. 90; оп. 2, д. 174, л. 27—45.
369. См.: *Шишкова Н.* Предисловие к описи фонда № 55. С. 19; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 205, л. 318; д. 365, л. 1—390; оп. 2, д. 140, л. 10.
370. Там же, д. 420, л. 1, 7, 11, 12, 16.
371. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 510, л. 53—55; д. 782, л. 195—197.
372. См.: Там же, д. 7, л. 14—17; д. 262, л. 53—54.
373. Там же.
374. См.: Там же, д. 7, л. 17—19, 44; д. 262, л. 57—58, 69.
375. См.: Там же, д. 302, л. 284; д. 805, л. 113.
376. См.: Там же, д. 506, л. 27; оп. 2, д. 34, л. 20; д. 132, л. 156; д. 188, л. 82.
377. Там же, оп. 1, д. 510, л. 53—55.
378. См.: Там же, д. 420, л. 16; д. 601, л. 161.
379. Там же, д. 499, л. 49—50; д. 531, ч. 1, л. 93—97; д. 705, л. 498—499.
380. См.: Там же, д. 528, ч. 1, л. 349—357.

381. См.: Там же, д. 1068, л. 29; оп. 2, д. 171, л. 51; д. 180, л. 5.
382. См.: Там же, оп. 1, д. 341, л. 5.
383. Там же, оп. 2, д. 161, л. 484.
384. Там же, оп. 1, д. 40, л. 17.
385. См.: Там же, д. 157, л. 452—454, 483; д. 454, л. 660; оп. 2, д. 89, л. 25, 26, д. 161, л. 367; д. 182, л. 36.
386. См.: Там же, оп. 1, д. 359, л. 593—595, 598; д. 262, л. 107; д. 451, л. 486; д. 1031, л. 97.
387. См.: Там же, оп. 1, д. 186, л. 16, 26; оп. 2, д. 180, л. 7.
388. См.: Там же, оп. 1, д. 42, л. 227; д. 147, л. 463; оп. 2, д. 171, л. 45, 50—51.
389. См.: Там же, оп. 1, д. 955, л. 34; оп. 2, д. 171, л. 41.
390. См.: Там же, оп. 1, д. 601, л. 168—169; оп. 2, д. 159, л. 2; д. 179, л. 3, 7, 12.
391. См.: Там же, оп. 2, д. 97, л. 8; д. 114, л. 36, 37; д. 159, л. 2; д. 171, л. 78; д. 174, л. 16; д. 194, л. 60.
392. См.: Там же, оп. 1, д. 56, л. 146; д. 1085, л. 224; оп. 2, д. 127, л. 11; д. 174, л. 9.
393. См.: Там же, оп. 1, д. 528, ч. 2, л. 60—62; д. 1085, л. 311; д. 1087, л. 116.
394. См.: Там же, оп. 1, д. 61, л. 58.
395. См.: Там же, д. 56, л. 171; д. 61, л. 58; д. 948, л. 7; оп. 2, д. 80, л. 3; д. 153, л. 25; д. 177, л. 1.
396. См.: Там же, оп. 1, д. 205, л. 170; д. 948, л. 51; оп. 2, д. 176, л. 3.
397. См.: Там же, оп. 2, д. 153, л. 1; д. 165, л. 21; д. 177, л. 1; д. 187, л. 10.
398. См.: Там же, д. 116, л. 67, 73, 76; д. 191, л. 6.
399. См.: Там же, оп. 1, д. 104, л. 1; оп. 2, д. 191, л. 6.
400. См.: Там же, оп. 1, д. 183, л. 163; д. 938, л. 1—2.
401. См.: Там же, д. 293, л. 68; д. 1078, л. 125, 158; оп. 2, д. 183, л. 28.
402. См.: Там же, оп. 1, д. 638, л. 27; д. 1060, л. 16; д. 1078, л. 161; оп. 2, л. 183, л. 28.
403. См.: Там же, оп. 1, д. 1087, л. 407—411.
404. См.: Там же, д. 56, л. 119; д. 446, л. 619—621; оп. 2, д. 180, л. 4—5.
405. См.: Там же, оп. 2, д. 144, л. 36.
406. См.: Там же, оп. 1, д. 156, л. 225; д. 205, л. 190; д. 645, л. 1; оп. 2, д. 144, л. 36; д. 159, л. 2.
407. См.: Там же, оп. 1, д. 153, л. 225; д. 1077, л. 17.
408. См.: Там же, д. 156, л. 225; д. 1069, л. 10—16; д. 1077, л. 17.
409. См.: Там же, оп. 2, д. 185, л. 15—17.
410. См.: Там же, оп. 1, д. 205, л. 26.
411. См.: Там же, л. 184.
412. См.: Там же, оп. 2, д. 183, л. 96—98.
413. Там же, оп. 1, д. 639, л. 43—44; д. 753, л. 8, 12.
414. Там же, д. 1074, л. 1; д. 1087, л. 156.
415. См.: Там же, оп. 2, д. 181, л. 157, 169; д. 185, л. 15.
416. См.: Там же, оп. 1, д. 1087, л. 350; оп. 2, д. 181, л. 163—166.
417. См.: Там же, оп. 1, д. 55, л. 87.
418. Там же, оп. 2, д. 182, л. 52—53.
419. См.: Там же, оп. 1, д. 205, л. 118; д. 370, л. 307; д. 722, л. 5; д. 782, л. 195—197; оп. 2, д. 182, л. 52—53.
420. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 705, л. 4, 22—24, 35, 76—89,

- 95, 99, 126—127, 175—177, 181—182, 186—197, 205—221, 271, 297—301
305, 315, 317, 468, 473—474, 479, 488.
421. См.: Там же, д. 186, л. 16, 25, 26, 34; д. 701, л. 53, 477—479,
д. 705, л. 459—464, 468, 473—474, 477, 479.
422. Там же, д. 184, л. 115; оп. 2, д. 180, л. 5.
423. См.: Там же, оп. 2, д. 127, л. 11; д. 165, л. 21; д. 180, л. 4—5;
д. 194, л. 60.
424. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 136, л. 97—115; д. 754, л. 47,
173.
425. См.: Там же, д. 136, л. 175; д. 133, л. 1, 28, 49; д. 156, л. 303;
д. 708, л. 440; оп. 2, д. 179, л. 11—12.
426. Таблица составлена по: Там же, оп. 1, д. 56, л. 144; д. 61, л. 62;
д. 84, л. 25, 27, 30, 34; д. 951, л. 77—86; д. 1068, л. 145; д. 1085, л. 158;
оп. 2, д. 116, л. 67, 73, 76; д. 160, л. 15; д. 172, л. 48; д. 179, л. 11—12.
427. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 552, л. 1—8.
428. Подсчитано по: Там же, д. 499, л. 319.
429. См.: Там же, д. 701, л. 6, 125.
430. Подсчитано по: Там же, оп. 2, д. 1063, л. 39.
431. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 701, л. 160—162, 182, 185, 200,
206, 209, 228, 231, 246, 477—479; д. 705, л. 4, 22—24, 35, 52, 76—89, 95,
99, 126—127, 167, 175—177, 181—182, 186—197, 205—221, 271, 297—301,
305, 315, 317, 468, 473—474, 479, 488; д. 708, л. 440; оп. 2, д. 137, л. 118—
119.
432. См.: Там же, оп. 1, д. 1086, л. 177—178, 180—181.
433. Там же, д. 5, л. 18.
434. Там же, оп. 2, д. 179, л. 21—22.
435. См.: Там же, оп. 1, д. 322, л. 6.
436. Там же, д. 147, л. 490.
437. См.: Там же, д. 262, л. 53—54; д. 420, л. 16.
438. Там же, д. 5, л. 20; д. 56, л. 123; оп. 2, д. 185, л. 15, 18.
439. Там же, оп. 1, д. 7, л. 44; л. 636, л. 14—15, 29.
440. См.: Там же, д. 55, л. 80—87.
441. См.: Там же, д. 1089, россыпь; оп. 2, д. 188, л. 18.
442. См.: Там же, оп. 1, д. 42, л. 227; д. 340, л. 52.
443. Там же, д. 34, л. 287; д. 63, л. 416; оп. 2, д. 185, л. 6, 8.
444. Там же, д. 443, л. 600.
445. См.: Там же, д. 340, л. 18, 24, 29; д. 528, ч. 1, л. 355; оп. 2,
д. 183, л. 116—123.
446. См.: Там же, оп. 1, д. 192, л. 383, 385; д. 197, л. 995, 996, 999—
1000; д. 340, л. 39—43; д. 421, л. 78; д. 667, л. 7—8; оп. 2, д. 183, л. 112.
447. См.: Там же, оп. 2, д. 183, л. 116—129.
448. См.: Там же, оп. 1, д. 510, л. 53—55; д. 528, ч. 1, л. 347, 355.
449. См.: Там же, д. 443, л. 603; оп. 2, д. 81, л. 321—322, д. 95,
л. 153; д. 183, л. 108—109.
450. См.: Там же, оп. 1, д. 526, л. 150.
451. См.: Там же, д. 359, л. 700—702; д. 443, л. 604.
452. Там же, оп. 1, д. 500, ч. 2, л. 6, 11, 12, 21, 23—25; д. 510, л. 55.
453. См.: Там же, оп. 2, д. 182, л. 1.
454. См.: Там же, оп. 1, д. 276, л. 260; оп. 2, д. 161, л. 22; д. 195,
л. 39.
455. См.: Там же, оп. 1, д. 509, л. 263.
456. См.: Там же, д. 29, л. 245—246, 254.
457. Там же, оп. 2, д. 1, л. 269.
458. См.: Там же, оп. 1, д. 28, л. 48; д. 322, л. 1—3; д. 927, л. 6.
459. Там же, д. 322, л. 1—3.
460. См.: Там же, д. 156, л. 143—153; д. 634, л. 1.

461. См.: Там же, д. 342, л. 2, 8—16.
462. Там же, д. 587, л. 20.
463. Там же, д. 342, л. 8; д. 587, л. 19.
464. См.: Там же, оп. 2, д. 161, л. 230.
465. См.: Там же, оп. 1, д. 410, л. 12; д. 508, л. 470; д. 926, л. 18—68; д. 931, л. 72.
466. См.: Там же, л. 418, л. 2; д. 931, л. 292; д. 1066, л. 28.
467. См.: Там же, оп. 2, д. 92, л. 133—135.
468. *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 451; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 266, л. 4, 10; д. 929, л. 38, 45.
469. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 533, л. 7.
470. См.: Там же, д. 508, л. 301.
471. См.: Там же, д. 499, л. 319.
472. Там же, д. 705, л. 449—459.
473. Там же, оп. 2, д. 80, л. 116—117.
474. Там же, оп. 1, д. 188, л. 163.
475. См.: Там же, д. 705, л. 449.
476. См.: Там же, оп. 2, д. 79, л. 172; д. 182, л. 59.
477. См.: Там же, оп. 1, д. 31, л. 100.
478. См.: Там же, д. 1066, л. 5; д. 1068, л. 105.
479. Там же, оп. 2, д. 175, л. 1.
480. См.: Там же, оп. 1, д. 156, л. 282, 286; д. 159, л. 248.
481. См.: Там же, д. 156, л. 224.
482. См.: Там же, д. 1068, л. 137, 145.
483. См.: Там же, л. 144.
484. См.: Там же, д. 205, л. 245; д. 452, л. 476, 472, 522—525, 630, 669.
485. См.: Там же, д. 226, л. 90; д. 667, л. 103, 104; д. 1068, л. 179.
486. См., например: Там же, д. 136, л. 175; д. 221, л. 237; д. 233, л. 1, 28, 49, 57, 58, д. 1068, л. 12, 14, 16; оп. 2, д. 146, л. 27; д. 180, л. 7.
487. Там же, оп. 2, д. 161, л. 319, 347.
488. Там же, оп. 1, д. 156, л. 303.
489. Подсчитано по: «Таблица штатов Управлений УЧУСО к весне 1921 г.»; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 156, л. 304.
490. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 136, л. 175; д. 377, л. 19.
491. См.: Там же, д. 1068, л. 105.
492. Там же, оп. 2, д. 182, л. 59.
493. Там же, оп. 1, д. 1068, л. 120.
494. Там же, д. 156, л. 286.
495. См.: Там же, оп. 1, д. 1068, л. 118, 119; оп. 2, д. 8, л. 58.
496. Там же, оп. 1, д. 191, л. 156; д. 205, л. 310; д. 1068, л. 119; д. 1069, л. 1.
497. Подсчитано по: Там же, д. 32, л. 526, 531; д. 192, л. 33; д. 370, л. 63, 457, 461.
498. Известия ВЦИК... 1921. 8 авг. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 205, л. 310; д. 1072, л. 8; д. 1078, л. 2.
499. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 1068, л. 118, 119.
500. Там же, д. 1072, л. 8.
501. Там же, д. 205, л. 310; д. 1068, л. 119.
502. Там же, д. 32, л. 600.
503. Там же, д. 161, л. 185.
504. Там же, д. 1060, л. 1, 11.
505. См.: Там же, д. 161, л. 185.
506. См.: Там же, д. 1060, л. 9, 15.
507. См.: Там же, л. 3, 21.
508. См.: Там же, д. 1066, л. 1—48.

509. Там же, д. 1063, л. 19.
510. См.: Там же, л. 13, 14, 26, 31.
511. См.: Там же, л. 36—38.
512. См.: Там же, д. 1068, л. 10.
513. См.: Там же, д. 159, л. 248, 250; д. 185, л. 323; оп. 2, д. 127, л. 198; д. 146, л. 17.
514. См.: Там же, оп. 2, д. 127, л. 198.
515. См.: Там же, оп. 1, д. 193, л. 88; д. 226, л. 90.
516. См.: Там же, д. 1068, л. 14.
517. Там же, л. 22—24.
518. Там же, оп. 2, д. 146, л. 40.
519. Там же, л. 41.
520. См.: Там же, оп. 1, д. 510, л. 46; д. 1068, л. 11; оп. 2, д. 146, л. 38.
521. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 156, л. 308; оп. 2, д. 146, л. 42—43.
522. См.: Там же, оп. 1, д. 1068, л. 42, 64, 187; оп. 2, д. 146, л. 45; д. 150, л. 23, 26.
523. См., например: Там же, оп. 1, д. 754, л. 315—337, 342—345, 378; д. 1060, л. 5, 9; д. 1061, л. 1, 30.
524. Там же, оп. 2, д. 79, л. 173.
525. См.: Там же, оп. 1, д. 1066, л. 8; д. 1068, л. 104—105.
526. См.: Там же, д. 350, л. 4; д. 1068, л. 104.
527. См.: Там же, д. 1066, л. 39—45.
528. См., например: Там же, оп. 2, д. 171, л. 1—98; д. 180, л. 1—10.
529. Там же, оп. 1, д. 161, л. 187; д. 183, л. 94.
530. Там же, д. 1068, л. 177.
531. Там же, л. 29, 177.
532. Там же, л. 105.
533. Там же, д. 350, л. 2.
534. Там же, д. 1068, л. 10, 104.
535. См.: Там же, оп. 2, д. 140, л. 12, 28—32.
536. См.: Там же, оп. 1, д. 1066, л. 3.
537. Там же, л. 5.
538. Там же, л. 39—45.
539. См.: Там же, д. 429, л. 1—301.
540. Там же, д. 1066, л. 46; оп. 2, д. 159, л. 4—5.
541. Там же, оп. 1, д. 510, л. 74.
542. Там же, д. 377, л. 19.
543. См.: Там же, оп. 2, д. 175, л. 5—6; д. 179, л. 17, 20.
544. См.: Там же, д. 180, л. 5.
545. См.: Там же, оп. 1, д. 156, л. 224; д. 205, л. 316; д. 359, л. 729; д. 370, л. 65; д. 452, л. 654; д. 1066, л. 28.
546. Там же, д. 229, л. 118.
547. См.: Там же, оп. 2, д. 92, л. 169, 170.
548. См.: Там же, оп. 1, д. 183, л. 68.
549. Там же, д. 1068, л. 105.
550. Там же, д. 350, л. 1.
551. См.: Там же, д. 205, л. 310.
552. Там же, д. 456, л. 21.
553. Там же, д. 1068, л. 117.
554. Там же, л. 43.
555. Там же, д. 456, л. 200.
556. Там же, д. 191, л. 156.
557. См.: Там же, д. 1063, л. 15; д. 1088, л. 240.
558. См.: Там же, д. 750, л. 272; д. 1060, л. 16; д. 1087, л. 156.

559. См.: Там же, д. 370, л. 241, 242; д. 455, л. 334, 336.
 560. См., например: Там же, д. 455, л. 636, 637, 774.
 561. Подсчитано по: Там же, д. 32, л. 601, 610; д. 370, л. 239—240; д. 1078, л. 353—354.
 562. См.: Там же, д. 1066, л. 46; д. 1088, л. 430—430«а».
 563. Подсчитано по: Там же, д. 431, л. 1—51.
 564. См.: Там же, д. 32, л. 623; д. 62, л. 71; оп. 2, д. 182, л. 1.
 565. См.: Там же, оп. 2, д. 182, л. 35, 50, 60, 70, 73.
 566. См.: Там же, оп. 1, д. 370, л. 341; д. 744, л. 26; оп. 2, д. 183, л. 10.
 567. Там же, оп. 1, д. 744, л. 49, 114.
 568. Там же, д. 519, л. 64—72; оп. 2, д. 182, л. 42—43.
 569. См.: Там же, оп. 1, д. 1088, л. 475.
 570. Там же, оп. 2, д. 182, л. 52—53.
 571. См.: Там же, оп. 1, д. 205, л. 318; д. 1088, л. 344; оп. 2, д. 182, л. 52—53.
 572. См.: Там же, оп. 2, д. 1, л. 313.
 573. См.: Там же, оп. 1, д. 29, л. 264, 266; д. 197, л. 1055, 1057; д. 1078, л. 1—2; оп. 2, д. 71, л. 28—33; д. 72, л. 206.
 574. См.: Там же, оп. 1, д. 1066, л. 1—39.
 575. См.: Там же, д. 1060, л. 5, 12, 16, 19, 23; д. 1088, л. 214—215, 221; д. 1089, россыпь.
 576. См.: Там же, д. 1060, л. 7, 13.
 577. См.: Там же, л. 7, 28; д. 1087, л. 1—2; д. 1088, л. 289.
 578. См.: Там же, д. 750, л. 203; д. 1060, л. 12, 19; д. 1088, л. 487.
 579. См.: Там же, д. 744, л. 39; д. 1066, л. 1—39; д. 1087, л. 311, 381.
 580. См.: Там же, д. 1060, л. 13; д. 1087, л. 128; д. 1088, л. 221—222.
 581. Там же, д. 1066, л. 16.
 582. См.: Там же, д. 159, л. 10; д. 1066, л. 12, 16; д. 1087, л. 67.
 583. См.: Там же, д. 1060, л. 1—39.
 584. См.: Там же, д. 1060, л. 3, 18, 27, 35, 39; д. 1088, л. 129.
 585. См.: Там же, д. 510, л. 46; д. 1087, л. 67, 179; оп. 2, д. 146, л. 17; д. 179, л. 21.
 586. Таблица составлена по: Там же, оп. 1, д. 296, л. 292—294, 305; д. 1069, л. 38; д. 1073, л. 63; д. 1077, л. 77; д. 1078, л. 158—162, 177—180; д. 1081, л. 3—4; д. 1084, л. 16—17.
 587. Там же, д. 370, л. 147.
 588. Там же, л. 120.
 589. См.: Там же, д. 296, л. 292—294, 305; д. 370, л. 120; д. 1087, л. 36, 384.
 590. Там же, д. 359, л. 811; д. 1063, л. 15; д. 1088, л. 240.
 591. Там же, д. 453, л. 856.
 592. См.: Там же, д. 205, л. 310.
 593. Там же, д. 32, л. 599; д. 370, л. 11—12; д. 457, л. 5.
 594. Там же, д. 1063, л. 15.
 595. См., например: Там же, д. 1061, л. 15—16.
 596. См., например: *Азовцев Н. Н. В. И. Ленин об источниках победы советского народа и его Вооруженных Сил в гражданской войне*//Военно-исторический журнал. 1980. № 2. С. 3—9; *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 408; *Кубланов А. Л.* Указ. соч. С. 111; *Позняков К. И.* Деятельность коммунистической партии по укреплению Красной Армии и фронтового тыла в 1920 г.//Защита Великого Октября, М., 1982. С. 170; др.
 597. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 99, л. 19—20.
 598. См.: Там же, д. 7, л. 34.
 599. Там же, д. 81, л. 16—17; д. 92, л. 1—2, 5—6, 8.
 600. Там же, д. 6, л. 118.

601. См.: Там же, д. 92, л. 9.
602. Там же, д. 92, л. 11—13, 16, 29, 22.
603. Там же, д. 39, л. 161.
604. См.: Словарь Гранат. Т. 41. Ч. 1. С. 33—35.
605. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 92, л. 10.
606. См.: Там же, оп. 2, д. 162, л. 46.
607. См.: Там же, оп. 1, д. 92, л. 23, 25, 26.
608. См.: Там же, оп. 2, д. 3, л. 5; д. 33, л. 34; д. 66, л. 33; д. 162, л. 45—46.
609. См.: Там же, оп. 1, д. 50, л. 412.
610. См.: Там же, оп. 2, д. 3, л. 3.
611. См.: Там же, оп. 1, д. 81, л. 16—17.
612. См.: Там же, оп. 1, д. 28, л. 50.
613. См., например: Там же, д. 284, л. 48.
614. Там же, д. 82, л. 1.
615. См.: Там же, л. 10.
616. См.: Там же, д. 28, л. 94; д. 669, л. 1.
617. См.: Там же, д. 669, л. 1—143.
618. См.: Там же, д. 46, л. 2—13.
619. См.: Там же, д. 102, л. 102.
620. См.: Там же, д. 669, л. 4; оп. 2, д. 184, л. 172.
621. См.: Там же, оп. 1, д. 669, л. 4, 11.
622. См.: Там же, л. 1, 8, 14.
623. Там же, д. 276, л. 9.
624. См.: Там же, д. 796, л. 232, 249.
625. Там же, д. 493, л. 36—38; д. 681, л. 398—404.
626. Сравним: Там же, д. 654, л. 107.
627. Там же, д. 34, л. 219; д. 82, л. 6.
628. См.: Там же, оп. 2, д. 65, л. 11.
629. См.: Там же, оп. 1, д. 34, л. 271; д. 315, л. 232; оп. 2, л. 59, л. 6; д. 63, л. 9—108.
630. См.: Там же, оп. 1, д. 637, л. 1—77; оп. 2, д. 66, л. 33; д. 71, л. 6.
631. См.: Там же, оп. 1, д. 637, оп. 1—77; оп. 2, д. 66, л. 33; д. 71, л. 6.
632. См.: Там же, оп. 1, д. 104, л. 28; д. 237, л. 5.
633. Там же, д. 510, л. 71.
634. См.: Там же, д. 81, л. 16—17; д. 663, л. 45.
635. См.: Там же, д. 28, л. 93—108; д. 104, л. 27—28.
636. См., например: Там же, д. 28, л. 96.
637. См.: Там же, д. 14, л. 160.
638. См., например: Там же, д. 12, л. 133.
639. См.: Там же, д. 284, л. 48.
640. См.: Там же, д. 82, л. 58.
641. Сведения собраны из большого числа архивных документов.
642. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 713, л. 5.
643. См.: Там же, д. 504, л. 20—21.
644. См.: Там же, д. 221, л. 173, 188.
645. См.: Там же, д. 42, л. 118.
646. См.: Там же, д. 82, л. 208.
647. Там же, д. 713, л. 13.
648. См.: Там же, д. 173, л. 547, 593.
649. См.: Там же, д. 601, л. 252.
650. Там же, д. 420, л. 18.
651. Там же, л. 14, 16; д. 601, л. 153—156.
652. См.: Там же, оп. 2, д. 183, л. 5.
653. Там же, д. 175, л. 828.

654. См.: Там же, оп. 2, д. 182, л. 52—53.
655. См.: Там же, оп. 1, д. 173, л. 337.
656. Там же, д. 169, л. 8.
657. Там же, оп. 1, д. 169, л. 3, 11.
658. См.: Там же, д. 142, л. 15.
659. См.: Там же, д. 169, л. 22.
- 660—670. Там же, д. 713, л. 27.
671. См.: Там же, д. 31, л. 168.
672. См.: Там же, оп. 2, д. 180, л. 3.
673. См.: Там же, д. 799, л. 2.
674. Там же, д. 177, л. 506.
675. См.: Там же, д. 104, л. 82; д. 701, л. 433—435.
676. См.: Там же, д. 420, л. 8.
677. См.: Там же, д. 149, л. 105.
678. Там же, д. 42, л. 85.
679. См.: Там же, д. 699, л. 81.
680. Там же, д. 201, л. 265.
681. См.: Там же, д. 29, л. 264—266; д. 86, л. 8.
682. Там же, д. 185, л. 126.
683. Там же, д. 201, л. 444.
684. См.: Там же, д. 684, л. 17—556.
685. См.: Там же, д. 7, л. 82—87; д. 42, л. 232; д. 420, л. 16.
686. См.: Там же, д. 166, л. 14, 16, 18.
687. Подсчитано по: Там же, д. 701, л. 304.
688. См.: Там же, д. 29, л. 141.
689. См.: Там же, д. 669, л. 60, 79, 105.
690. См.: Там же, д. 145, л. 75, 79; д. 663, л. 50; д. 703, л. 14.
691. См.: Там же, д. 713, л. 69—70.
692. Подсчитано по: Там же, л. 3—89.
693. Там же, д. 273, л. 6.
694. Там же, д. 104, л. 27.
695. Там же, д. 274, л. 1—9.
696. Там же, д. 420, л. 10.
697. Там же, д. 185, л. 126.
698. Там же, д. 82, л. 21.
699. *Вольне А. Чусоснабарм//Война и революция. 1925. Кн. V. С. 98;*
ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 28, л. 101.
700. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 36, л. 311.
701. См.: Там же, д. 26, л. 112—113.
702. Там же, д. 82, л. 189.
703. Там же, д. 713, л. 10.
704. Там же, д. 104, л. 28.
705. Там же, д. 34, л. 328; оп. 2, д. 180, л. 2.
706. Там же, д. 142, л. 5, 10; оп. 2, д. 180, л. 2.
707. Там же, оп. 1, д. 519, л. 53.
708. Там же, оп. 2, д. 199, л. 11.
709. См.: Там же, оп. 1, д. 176, л. 29.
710. См.: Там же, оп. 2, д. 180, л. 3.
711. См.: Там же, оп. 1, д. 142, л. 1—2; д. 951, л. 77—86.
712. См.: Там же, оп. 2, д. 180, л. 4.
713. См.: Там же, оп. 1, д. 33, л. 38—39; д. 84, л. 13—14.
714. Там же, оп. 2, д. 43, л. 35—37.
715. См.: Там же, оп. 1, д. 42, л. 160.
716. См.: Там же, оп. 2, д. 189, л. 2.
717. Там же, оп. 1, д. 801, л. 2.
718. Там же, д. 111, л. 104, 105.

719. Подсчитано по: Там же, д. 713, л. 33, 54, 55.
720. Там же, д. 82, л. 203.
721. Там же, д. 65, л. 332—333.
722. См., например: Там же, д. 1068, л. 29.
723. См.: Там же, д. 420, л. 8.
724. См.: Там же, л. 18; д. 601, л. 153—156, 252.
725. Там же, д. 193, л. 81.
726. Там же, д. 420, л. 10—11.
727. Там же, л. 16.
728. См.: Там же, д. 185, л. 126, 127.
729. Там же, д. 510, л. 71.
730. Там же, д. 104, л. 27—28.
731. Там же, д. 273, л. 5.
732. См.: Там же, д. 420, л. 8.
733. См.: Там же, л. 10—11, 16.
734. Там же, д. 185, л. 127.
735. Там же, д. 529, ч. 1, л. 82.
736. Там же, д. 424, л. 26.
737. Там же, д. 510, л. 55.
738. Там же, л. 61—75.
739. Там же, л. 72 об.
740. Там же, л. 73 об.
741. См.: Там же, л. 75.
742. Там же, д. 601, л. 217.
743. Там же, д. 342, л. 2.
744. Там же, д. 262, л. 103; д. 1029, л. 364.
745. Там же, д. 265, л. 69.
746. Там же, д. 7, л. 79.
747. Там же, д. 262, л. 105.
748. См.: Там же, оп. 2, д. 162, л. 45.
749. См.: Там же, л. 72, л. 251; д. 162, л. 46.
750. См.: Там же, оп. 1, д. 157, л. 403; д. 203, л. 191.
751. См.: Словарь Гранат. Т. 41. Ч. 1. С. 33—35. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 203, л. 191.
752. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 500, ч. 1, л. 525.
753. Там же, д. 14, л. 98.
754. Подсчитано по: Там же, д. 701, л. 394, 433—435; д. 719, л. 59—60.
755. См.: Там же, л. 169, л. 55—61; д. 1031, л. 28.
756. Подсчитано по: Там же, д. 713, л. 3—89.
757. См.: Там же, д. 136, л. 115; оп. 2, д. 172, л. 1—53; д. 179, л. 11—12.
758. См.: Там же, оп. 1, д. 84, л. 27, 30, 34.
759. См.: Там же, д. 951, л. 77—86; оп. 2, д. 160, л. 15.
760. См.: Там же, оп. 1, д. 226, л. 65; д. 1068, л. 29.
761. См.: Там же, оп. 2, д. 174, л. 9; д. 176, л. 4.
762. См.: Там же, оп. 1, д. 713, л. 54, 59.
763. См.: Там же, д. 265, л. 69.
764. См.: Там же, д. 136, л. 172.
765. См.: Там же, оп. 2, д. 172, л. 2.
766. См.: Там же, оп. 1, д. 161, л. 158; д. 713, л. 53; оп. 2, д. 180, л. 6.
767. См.: Там же, оп. 1, д. 156, л. 317, 318, 320.
768. См.: Там же, д. 1068, л. 179.
769. См.: Там же, д. 1061, л. 13, 15, 16, 28; д. 1068, л. 42.
770. См.: Там же, д. 1068, л. 29.
771. Там же, л. 34.
772. См.: Там же, д. 420, л. 11, 13.
773. Там же, оп. 2, д. 182, л. 52—53.

774. См.: Там же, оп. 1, д. 803, л. 5.
 775—776. См.: Там же, д. 7, л. 79; д. 342, л. 2.
 777. Там же, д. 701, л. 361, 458, 461.
 778. Там же, д. 78, л. 7.
 779. См.: Там же, д. 32, л. 526; д. 205, л. 315.
 780. Там же, д. 370, л. 65.
 781. См.: Там же, оп. 2, д. 370, л. 65.
 782. См.: Там же, д. 1061, л. 24.
 783. См.: Там же, д. 576, л. 6—7.
 784. Подсчитано по: Там же, д. 1986, л. 20—21.
 785. Там же, д. 359, л. 811.
 786. Там же, д. 1079, л. 17.
 787. Там же, оп. 2, д. 32, л. 12.
 788. См.: Словарь Гранат. Т. 41. Ч. 2. С. 223—230. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 452, л. 850; д. 453, л. 642; оп. 2, д. 161, л. 161.
 789. См.: Ленин В. И. Собр. соч. Т. 54. С. 50, 151, 572; ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 140, л. 10.
 790. См.: Ленин В. И. Собр. соч. Т. 45. С. 124.
 791. Там же, Т. 42. С. 165.
 792. Там же, т. 45. С. 114, 411.

Г л а в а II

1. См., например: Волье А. Чусоснабарм//Война и революция. 1925. Кн. V. С. 108.
 2. См.: Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М. 1970. С. 17—18.
 3. См.: Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1920—1923. Ч. 1—3.
 4. Подсчитано по: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 20, л. 1—14.
 5. Там же, д. 18, л. 259—262.
 6. См.: Там же, оп. 1, д. 661, л. 44.
 7. См.: Там же, д. 492, л. 14.
 8. См.: Там же, оп. 2, д. 109, л. 3.
 9. Там же, оп. 1, д. 303, л. 661.
 10. См.: Там же, оп. 2, д. 49, л. 137—155; л. 109, л. 2—10.
 11. Там же, оп. 2, д. 62, л. 68.
 12. Там же, л. 66.
 13. Там же, д. 94, л. 18.
 14. Там же, оп. 1, д. 504, л. 84.
 15. См.: Там же, д. 20, л. 1—14.
 16. Там же, д. 83, л. 9.
 17. Там же, оп. 2, д. 2, л. 109, л. 10.
 18. См.: Там же, оп. 1, д. 18, л. 259—262.
 19. См.: Там же, д. 825, л. 33.
 20. См.: Там же, л. 32—33; оп. 2, д. 195, л. 283.
 21. Кубланов А. Л. Совет рабочей и крестьянской обороны (ноябрь 1918 — март 1920 гг.) Л., 1975. С. 105; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 82, л. 4.
 22. Кубланов А. Л. Указ. соч. С. 108.
 23. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 49, л. 135—136.
 24. Там же, д. 109, л. 4.
 25. Там же, л. 5—6.
 26. См.: Кубланов А. Л. Указ. соч. С. 108.
 27. Подсчитано по: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 142, л. 14—17.
 28. Там же, д. 504, л. 83.

29. См.: Гражданская война 1918—1921 гг.: В 3 т. Т. 2: Военное искусство Красной Армии. М., 1928. С. 383.

30. Гимпельсон Е. Г. Изменения в социальном составе рабочего класса в Советской республике в 1918—1920 гг. // Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг. С. 288—289.

31. История Москвы: В 6 т. Т. 6: Период построения социализма (1917—июль 1941). Кн. 1. М., 1957. С. 215.

32. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 637, л. 32.

33. Кубланов А. Л. Указ. соч. С. 102.

34. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 504, л. 83.

35. Там же, д. 144, л. 234.

36. Там же, д. 637, л. 32.

37. Там же, д. 18, л. 258—259.

38. Там же, оп. 2, л. 195, л. 179.

39. См.: Там же, оп. 1, д. 149, л. 144—146.

40. См.: Там же, д. 16, л. 72; д. 18, л. 259.

41. См.: Там же, д. 25, л. 108.

42. См.: Там же, оп. 2, д. 50, л. 53—54.

43. См.: Там же, оп. 1, д. 814, л. 94—95.

44. См.: Там же, д. 500, ч. 1, л. 22.

45. См.: Там же, д. 34, л. 80.

46. Там же, д. 55, л. 110.

47. См.: Там же, д. 504, л. 20, 59.

48. Там же, л. 116—120.

49. Там же, л. 128.

50. Там же, л. 114, 122.

51. См.: Там же, оп. 2, д. 109, л. 8.

52. См.: Там же, оп. 1, д. 813, л. 68—69.

53. См.: Там же, д. 104, л. 27.

54. Вольпе А. Указ. соч. С. 99; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 237, л. 5.

55. Там же, оп. 1, д. 237, л. 5.

56. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 142, л. 15—16.

57. См.: Там же, д. 149, л. 121; д. 713, л. 8, 21.

58. См.: Там же, д. 149, л. 109, 112.

59. Там же, л. 105.

60. Там же, оп. 2, д. 41, л. 6—7.

61. Сравним: Там же, оп. 1, д. 237, л. 7—8.

62. Там же, д. 82, л. 2.

63. См.: Там же, д. 18, л. 258—259.

64. Там же, д. 78, л. 17—19.

65. См.: Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1920—1923. Ч. 1. С. 31—34.

66. Сравним: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 273, л. 7—8; оп. 2, д. 49, л. 137—155.

67. Сравним: Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. М.; Л., 1937. С. 442; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 273, л. 7—8.

68. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 814, л. 94—95.

69. Там же, л. 94—96; оп. 2, д. 33, л. 23; д. 109, л. 2—10.

70. Там же, оп. 2, д. 109, л. 2, 4, 5, 7, 10.

71. См.: Там же, д. 9, л. 203, 213.

72. Там же, д. 28, л. 57.

73. Там же, д. 81, л. 365.

74. Там же, д. 9, л. 293.

75. Там же, оп. 1, д. 88, л. 21.

76. См.: Там же, д. 273, л. 7—8.

77. Жмировский Д. П. Республика Советов: Единство фронта и тыла (1918—1920 гг.). Минск, 1980. С. 109.
78. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 519, л. 47.
79. См.: Позняков К. И. Деятельность Коммунистической партии по укреплению Красной Армии и фронтового тыла в 1920 г. // Защита Великого Октября. М., 1982. С. 169; ЦГАСА, л. 55, оп. 1, д. 504, л. 94.
80. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, л. 109, л. 2.
81. Там же, оп. 1, д. 149, л. 135.
82. Там же, д. 504, л. 20; оп. 2, д. 94, л. 1.
83. См.: Маниковский А. А. Указ. соч. М. 1920—1923. С. 34; 3-е изд. М.; Л. 1937. С. 442.
84. См.: Маниковский А. А. Указ. соч. М., 1920—1923. С. 15.
85. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 504, л. 83—84.
86. Там же, д. 801, л. 2.
87. Там же, д. 156, л. 140—141.
88. Подсчитано по: Лобанов А. П. Трудовые армии в Поволжье (1920 г. — март 1921 г.). Саратов. 1980. С. 55—56.
89. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 530, л. 2.
90. Кляцкин С. М. На защите Октября... М., 1965. С. 445—446.
91. Подсчитано по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.): Сборник документов: В 4 т. Т. 4. Материалы, указы. М. 1978. С. 386.
92. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 62, л. 151.
93. Там же, д. 9, л. 305.
94. См.: Там же, оп. 1, д. 144, л. 110—113.
95. Там же, оп. 2, д. 62, л. 168—169.
96. Там же, оп. 1, д. 504, л. 84.
97. Там же, д. 156, л. 140—141.
98. См.: Там же, д. 38, л. 41.
99. Там же, д. 201, л. 259, 320.
100. Там же, оп. 2, д. 125, л. 30.
101. См.: Там же, оп. 1, д. 359, л. 772, 774, 801.
102. Там же, д. 38, л. 22; д. 359, л. 776, 778, 780.
103. Там же, д. 38, л. 23; д. 359, л. 784, 787.
104. Там же, д. 210, л. 282; д. 359, л. 787—790.
105. Там же, д. 802, л. 1.
106. Там же, д. 19, л. 26; д. 91, л. 251.
107. Там же, оп. 2, д. 47, л. 1—2.
108. Там же, оп. 1, д. 92, л. 31, 33, 35.
109. Там же, д. 4, л. 70—71.
110. Там же, оп. 2, д. 112, л. 25.
111. Там же, оп. 1, д. 29, л. 351.
112. Там же, оп. 2, д. 109, л. 3.
113. См.: Там же, оп. 1, д. 92, л. 31—32; оп. 2, д. 47, л. 1—2.
114. Там же, оп. 2, д. 109, л. 8.
115. Там же, д. 24, л. 41—42.
116. Там же, оп. 1, д. 273, л. 6.
117. См.: Там же, д. 42, л. 112, 139, 145.
118. Там же, д. 504, л. 82.
119. Там же, оп. 2, д. 94, л. 1.
120. См.: Там же, оп. 1, д. 504, л. 83.
121. Подсчитано по: Там же, д. 29, л. 351.
122. Там же, д. 88, л. 206.
123. См.: Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 291.
124. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 16, л. 67—70.
125. Там же, д. 637, л. 32.

126. Там же, оп. 2, д. 9, л. 225.
127. Там же, д. 74, л. 47.
128. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 142, л. 14—17.
129. См.: Там же, д. 149, л. 109, 112.
130. Там же, д. 1068, л. 54.
131. Там же, д. 147, л. 396—398.
132. Там же, д. 870, л. 38—39.
133. См.: Там же, оп. 2, д. 8, л. 54—56.
134. См.: Там же, оп. 1, д. 924, л. 29.
135. Подсчитано по: Там же, д. 857, л. 72.
136. См.: Там же, д. 825, л. 26.
137. Там же, д. 810, л. 41.
138. Там же, оп. 2, д. 47, л. 2.
139. Там же, оп. 1, д. 17, л. 21.
140. Там же, д. 81, л. 24.
141. Там же, д. 92, л. 33, 35.
142. Там же, оп. 2, д. 99, л. 8.
143. Там же, оп. 1, д. 24, л. 41—42.
144. См.: Там же.
145. Там же, д. 88, л. 5.
146. Там же, д. 273, л. 6.
147. Там же, д. 504, л. 82.
148. Там же, л. 75.
149. Там же, л. 62—65.
150. Там же, д. 166, л. 18.
151. Там же, д. 420, л. 13.
152. Ленинский сборник. XXVIII. С. 86.
153. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 20, т. 36, 38, 39.
154. Сравним: Известия ВЦИК. 1919. 16 авг., ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 20, л. 25; д. 677, л. 4—5.
155. См.: *Цыбульский В. А.* Из истории финансово-налоговой политики в годы гражданской войны // Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг. М., 1974. С. 341.
156. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 47, л. 2.
157. Там же, оп. 1, д. 20, л. 18.
158. Там же, д. 101, л. 23.
159. См.: *Кубланов А. Л.* Указ. соч. С. 105.
160. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, л. 18, л. 259; д. 36, л. 343—344; д. 41, л. 2.
161. Там же, д. 82, л. 3.
162. Там же, оп. 2, д. 69, л. 19—20.
163. Там же, оп. 1, д. 92, л. 33.
164. Там же, д. 273, л. 6.
- 165—166. Там же, д. 237, л. 6, об., д. 637, л. 32.
167. *Герменчук В. В.* Единство фронта и тыла: Деятельность большевистских организаций Белоруссии по укреплению боеспособности частей Красной Армии в годы гражданской войны. Минск, 1987. С. 62.
168. См.: Там же. С. 54—55.
169. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 1, л. 39.
170. Цит. по: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2 кн. Кн. 2: Вооруженное восстание. Победа социалистической революции. Л., 1967. С. 400.
171. ЦГАСА, ф. 618, оп. 1, д. 364, л. 2—5.
172. *Маниковский А. А.* Указ. соч. М., 1920—1923. Ч. 1. С. 68—80.
173. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 109, л. 4.

174. См.: Там же, оп. 2, л. 109, л. 7.
175. См.: *Кубланов А. Л.* Указ. соч. С. 90—91; ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 109, л. 7; ф. 618, оп. 1, д. 364, л. 5.
176. См.: ЦГАСА, ф. 618, оп. 1, д. 368, россыпь; д. 369, россыпь.
177. См.: Там же, ф. 55, оп. 1, д. 449, лл. 229—230; ф. 618, оп. 1, д. 364, л. 5.
178. См.: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 364, л. 5.
179. См.: Там же, ф. 55, оп. 2, д. 33, л. 25.
180. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 364, л. 6—7.
181. Там же, ф. 55, оп. 2, л. 180, л. 2, 10.
182. Там же, оп. 1, д. 78, л. 1.
183. Там же, оп. 2, д. 121, л. 42—44.
184. См.: *Кубланов А. Л.* Указ. соч. С. 102.
185. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 52, л. 7.
186. См.: Там же, оп. 1, д. 34, л. 328; д. 36, л. 211.
187. Там же, д. 109, л. 83.
188. Там же, д. 111, л. 552; д. 280, л. 169—170.
189. Там же, д. 109, л. 969—971.
190. См.: Там же, д. 82, л. 48.
191. См.: Там же, д. 82, л. 61, 74.
192. См.: Там же, д. 283, л. 17.
193. Там же, оп. 2, л. 199, л. 11.
194. Там же, д. 53, л. 45.
195. Там же, оп. 1, д. 519, л. 47.
196. Там же, д. 145, л. 85.
197. Там же, оп. 2, д. 161, л. 683.
198. См.: Там же, оп. 1, д. 159, л. 151, 155, 159.
199. Там же, д. 265, л. 113.
200. Там же, д. 708, л. 418.
201. См.: Там же, д. 161, л. 160.
202. См.: Там же, д. 416, л. 5—8.
203. *Дмитриев Н. И.* К вопросу о мобилизации уральской промышленности в первый период иностранной интервенции и гражданской войны (май — ноябрь 1918) // *Партийные организации во главе борьбы за разгром интервентов и белогвардейцев. 1918—1920*, Свердловск, 1984. С. 66—67.
204. *История народного хозяйства Урала: В 2 ч.*, Свердловск, 1988. Ч. 1. С. 44.
205. См.: *Дмитриев Н. И.* Указ. соч. С. 69.
206. ЦГАСА, ф. 618, оп. 1, д. 367, россыпь.
207. См.: Там же, ф. 55, оп. 2, д. 10, л. 25.
208. Там же, д. 43, л. 96.
209. Там же, оп. 2, д. 10, л. 125.
210. См.: Там же, оп. 1, д. 663, л. 2.
211. Там же, д. 850, л. 16.
212. См.: Там же, д. 492, л. 12.
213. Там же, оп. 2, д. 129, л. 6.
214. Там же, оп. 1, д. 850, л. 13.
215. Там же, д. 38, л. 46.
216. Там же, д. 3, л. 3.
217. Там же, д. 82, л. 48.
218. Цитируется по: *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 429.
219. *История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 37.*
220. См., например: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 108, л. 83; д. 131, л. 292; д. 283, л. 17.
221. Там же, д. 82, л. 7.

222. См.: Там же, д. 101, л. 2.
223. Там же, д. 131, л. 292.
224. Там же, д. 42, л. 137; д. 88, л. 19.
225. См., например: *Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В.* Оборонная промышленность Урала в годы военной интервенции и гражданской войны (май 1918—1920 гг.). Вопросы историографии//Историография гражданской войны на Урале: Тезисы межвузовской научной конференции. Челябинск, 1985
226. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 100, л. 20; д. 492, л. 14.
227. См.: Там же, д. 25, л. 110.
228. См.: Там же, д. 100, л. 20.
229. *Крицман Л.* Героический период великой русской революции, (Опыт анализа так называемого «всеенного коммунизма») М., 1925. С. 67.
230. *Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В.* Деятельность партийных организаций Урала по подготовке боевых резервов для фронта (июнь 1919—1920//Партийные организации во главе борьбы за разгром интервентов и белогвардейцев. 1918—1920. Свердловск, 1984. С. 119.
231. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 44.
232. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, л. 10, л. 25.
233. Там же, оп. 1, д. 23, л. 65.
234. Там же, л. 65, 68; д. 111, л. 228.
235. Там же, оп. 2, д. 9, л. 225.
236. См.: Там же, л. 203, 213.
237. Там же, оп. 1, д. 82, л. 203.
238. Там же, д. 601, л. 237; оп. 2, д. 9, л. 275.
239. Там же, оп. 1, д. 65, л. 332—333.
240. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 39, 69, 70.
241. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 161, л. 650.
242. См.: Там же, оп. 1, д. 283, л. 85.
243. Подсчитано по: Там же, д. 20, л. 2—14; д. 825, л. 26—30.
244. См.: Там же, д. 21, л. 11, 13, 14; д. 23, л. 103, 104; д. 132, л. 141, 144.
245. Там же, д. 221, л. 48—52.
246. См.: Там же, д. 504, л. 72—73, 132, 134—135.
247. Там же, л. 131.
248. Там же, д. 822, л. 46—47.
249. Там же, д. 29, л. 123.
250. Там же, д. 31, л. 3.
251. Там же, л. 6, л. 99—100.
252. Там же, д. 504, л. 151, 153.
253. Там же, л. 157.
254. Там же, л. 157—158.
255. Там же, д. 517, л. 6.
256. Там же, д. 799, л. 42.
257. Там же, д. 333, л. 128.
258. См.: Там же, л. 126—127.
259. Там же, л. 129.
260. Там же, л. 138.
261. См.: Там же, д. 519, л. 50—51.
262. См.: Там же, д. 814, л. 103—105.
263. Там же, д. 23, л. 1.
264. Там же, оп. 1, д. 822, л. 163 194.
265. Там же, оп. 2, д. 124, л. 163.
266. См.: Там же, оп. 1, д. 504, л. 45.
267. См.: Там же, д. 16, л. 65—66.
268. Там же, д. 20, л. 40.

269. Там же, д. 152, л. 11—14.
270. См.: Там же, д. 15, л. 67; д. 22, л. 259.
- 271—272. Там же.
273. Там же, д. 172, л. 2—4.
274. Там же, д. 207, л. 256.
275. Там же, д. 154, л. 28.
276. Там же, д. 62, л. 63.
277. Там же, д. 8, л. 24.
278. См.: Там же, д. 822, л. 78.
279. Там же, л. 81.
280. См.: Там же, оп. 2, д. 44, л. 124—147.
281. Там же, оп. 1, д. 822, л. 14—194; д. 882, л. 3—47; д. 883, л. 26—67.
282. *Герменчук В. В.* Указ. соч. С. 62.
283. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 44, л. 147.
284. Там же, оп. 1, д. 822, л. 32—33.
285. Подсчитано по: Там же, д. 16, л. 89.
286. Там же, д. 822, л. 32—33.
287. См.: Там же, д. 16, л. 89.
288. Там же, л. 65—66.
289. Там же, д. 822, л. 32—33.
290. См.: Там же, д. 19, л. 19; д. 34, л. 156.
291. Там же, д. 31, л. 3.
292. См.: например: Там же, д. 21, л. 11, 13, 14.
293. Там же, д. 3, л. 11; д. 23, л. 1.
294. См.: Там же, д. 822, л. 25—29.
295. См.: Там же, д. 29, л. 123; д. 811, л. 15.
296. Там же, д. 3, л. 5, 48.
297. Там же, д. 853, л. 4.
298. Там же, оп. 2, д. 74, л. 39.
299. См.: Там же, д. 195, л. 112.
300. Там же, оп. 1, д. 132, л. 141, 144.
301. См.: Там же, д. 822, л. 194.
302. См.: Там же, оп. 1, д. 162, л. 923, 1037; д. 173, л. 486.
303. См.: Там же, оп. 1, д. 853, л. 5.
304. Там же, оп. 2, д. 92, л. 78—82.
305. См.: Там же.
306. Там же, д. 94, л. 1, 7.
307. Там же, оп. 1, д. 504, л. 49.
308. Там же, д. 604, л. 26.
309. См.: Там же, оп. 2, д. 92, л. 78—82.
310. См.: Там же, оп. 1, д. 504, л. 30.
311. См.: Там же, л. 145.
312. См.: Там же, л. 157, 158.
313. См.: Там же, л. 146.
314. См.: Там же, д. 504, л. 144; д. 518, л. 87.
315. Там же, д. 529, ч. 2, л. 2.
316. Там же, д. 346, л. 23.
317. Там же, д. 497, л. 2—17.
318. Там же, оп. 2, д. 44, л. 123—125.
319. Подсчитано по: Там же, д. 497, л. 2—17.
320. Там же, д. 16, л. 75.
321. См.: Там же, д. 34, л. 174.
322. Там же, д. 52, л. 51.
323. См.: Там же, д. 38, л. 24, 31.
324. Там же, д. 81, л. 365.

325. Там же, оп. 2, д. 105, л. 2.
326. Там же, д. 9, л. 293.
327. См.: Там же, д. 81, л. 365.
328. Там же, оп. 1, д. 132, л. 352; д. 504, л. 45.
329. См.: Там же, д. 504, л. 30.
330. Там же, оп. 2, д. 92, л. 78—82.
331. Там же, оп. 1, д. 29, л. 256.
332. Там же, оп. 2, д. 92, л. 171—172.
333. Там же, оп. 1, д. 504, л. 157.
334. См.: Там же, д. 309, л. 293—303.
335. Там же, д. 601, л. 255.
336. Там же, д. 175, л. 304.
337. Там же, д. 29, л. 556.
338. Там же.
339. Подсчитано по: Там же, д. 529, ч. 2, л. 2.
340. *Герменчук В. В.* Указ. соч. С. 62.
341. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 283, л. 5.
342. Там же, оп. 2, д. 195, л. 179.
343. Там же, оп. 1, д. 149, л. 146.
344. См.: Там же, д. 29, л. 256; д. 132, л. 353.
345. См.: Там же, оп. 2, д. 92, л. 171—172.
346. Там же, оп. 2, д. 31, л. 3—5.
347. Там же, л. 18—43.
348. См.: Там же, оп. 1, д. 813, л. 1 и далее.
349. См.: Там же, оп. 2, д. 199, л. 10.
350. Там же, оп. 1, д. 856, л. 140, 180.
351. См.: Там же, оп. 1, д. 309, л. 293—303.
352. Там же, оп. 2, д. 124, л. 160—163.
353. Там же, оп. 1, д. 152, л. 11—14.
354. Там же, д. 1, л. 49; д. 35, л. 98.
355. Там же, д. 5, л. 19.
356. Там же, д. 850, л. 16.
357. Там же, д. 12, л. 9; д. 15, л. 115—118.
358. См.: Известия Наркомвоен. 1920. 20 июня; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 1, л. 125; д. 15, л. 95.
359. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 149, л. 105; оп. 2, д. 1, л. 260—264.
360. Там же, оп. 2, д. 195, л. 283.
361. *Гимпельсон Е. Г.* Указ. соч. л. 294.
362. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 1, л. 260.
363. Там же, д. 99, л. 2—3.
364. Там же, оп. 1, д. 7, л. 51.
365. Там же, д. 1, л. 25; д. 664, л. 191.
366. Там же, д. 19, л. 38; д. 30, л. 20—21.
367. Там же, оп. 2, д. 9, л. 247.
368. См.: Там же, оп. 1, д. 273, л. 7—8.
369. Там же, д. 149, л. 144—146.
370. См.: Там же, д. 601, л. 218—219.
371. См.: Там же, д. 237, л. 7.
372. См.: Там же, д. 279, л. 27.
373. См.: Там же, д. 132, л. 353; д. 207, л. 265.
374. Там же, д. 279, л. 27.
- 374а. Там же, д. 284, л. 146.
375. См.: Там же, д. 142, л. 15—17.
376. Там же, д. 149, л. 322.
377. Там же, д. 576, л. 6—7.
378. Там же, д. 290, л. 118—119.

379. См., например: Там же, д. 637, л. 57.
380. Там же, д. 500, ч. 2, л. 29.
381. Там же, д. 284, л. 146—147.
382. Там же, д. 82, л. 2.
383. См.: Там же, д. 56, л. 98.
384. См., например: Там же, д. 504, л. 132.
385. Там же, д. 91, л. 156—167; ф. 618, оп. 1, д. 369, россыпь.
386. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 32, л. 467, оп. 2, д. 92, л. 44.
387. Там же, д. 420, л. 19.
388. См.: Там же, д. 72, л. 80—82.
389. Там же, д. 799, л. 34.
390. См.: Там же, д. 14, л. 114.
391. См.: Там же, д. 806, л. 16—19.
392. Там же, д. 50, л. 411.
393. См.: Там же, д. 42, л. 95.
394. Там же, д. 258, л. 13.
395. Там же, д. 135, л. 775.
396. Там же, д. 500, ч. 1, л. 22.
397. См.: Там же, д. 517, л. 6.
398. Там же, оп. 2, д. 119, л. 61.
399. Там же, д. 49, л. 101—106.
400. Там же, д. 62, л. 135.
401. См.: Там же, оп. 1, д. 867, л. 245—246.
402. Там же, д. 1068, л. 48; оп. 2, д. 49, л. 25, 28.
403. См.: Там же, оп. 1, д. 601, л. 175.
404. Там же, д. 499, л. 117.
405. Там же.
406. См.: Там же, д. 530, л. 82—83.
407. См.: Там же, д. 34, л. 72.
408. См.: Там же, д. 12, л. 80—81.
409. См.: Там же, оп. 2, д. 49, л. 25.
410. См.: Там же, оп. 1, д. 509, л. 263.
411. Там же, оп. 2, д. 161, л. 31.
412. Там же, оп. 1, д. 449, л. 117.
413. Там же, оп. 2, д. 124, л. 718.
414. *Вольне А.* Указ. соч. С. 104.
415. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 199, л. 29.
416. Там же, оп. 1, д. 504, л. 59; оп. 2, д. 504, л. 15.
417. Там же, оп. 1, д. 601, л. 218.
418. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. Гл. 1, 2.
419. Там же. С. 69.
420. Там же. С. 39.
421. Таблица составлена по данным, собранным в: Там же. С. 74.
422. Таблица и расчеты составлены по данным, собранным в: Там же. С. 75—80.
423. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 31, л. 3.
424. См., например: *Герменчук В. В.* Указ. соч. С. 61; *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 404.
425. ЦГАСА, ф. 55, оп. 2, д. 33, л. 18, 34.
426. Там же, л. 18—22.
427. Там же, д. 32, л. 57; д. 33, л. 20.
428. Там же, оп. 1, д. 265, л. 49.
429. Там же, д. 661, л. 494, 498.
430. Там же, оп. 2, д. 109, л. 5.
431. Там же, оп. 1, д. 18, л. 218.
432. См.: Там же, д. 39, л. 1.

433. Там же, д. 18, л. 24.
434. Там же.
435. Там же, д. 18, л. 22.
436. См.: Там же, оп. 2, д. 71, л. 13.
437. Там же, оп. 1, д. 82, л. 205.
438. Там же, д. 110, л. 360.
439. Там же, д. 151, л. 121.
440. Там же, оп. 2, д. 199, л. 14.
441. Там же, л. 12.
442. Там же, л. 31.
443. См.: Там же, д. 112, л. 25.
444. Там же, оп. 1, д. 132, л. 352—353; д. 504, л. 45—45«а».
445. Там же, д. 856, л. 197.
446. См.: Там же, д. 530, л. 4.
447. Там же, д. 601, л. 219.
448. Ленин В. И. Собр. соч. Т. 50. С. 296.
449. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 149, л. 113.
450. См.: Москва за 50 лет Советской власти. 1917—1967. М., 1968.
- C. 66.
451. Там же. С. 56.
452. Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 148.
453. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1974. Т. 2. С. 179.
454. Ленин В. И. Собр. соч. Т. 40. С. 81.
455. КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 179.
456. Подсчитано по: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 825, л. 33.
457. Подсчитано по: Там же, оп. 2, д. 49, л. 136.
458. Подсчитано по: Там же, оп. 1, д. 637, л. 22.
459. См.: Там же, л. 16.
460. Подсчитано по: Там же, д. 132, л. 141, 144.
461. Подсчитано по: Там же, д. 637, л. 76.
462. Там же, оп. 2, д. 40, л. 3.
463. Там же, оп. 1, д. 226, л. 87.
464. См.: Там же, д. 816, л. 57.
465. См.: Там же, д. 72, л. 69.
466. Там же, д. 424, л. 25.
467. Там же, д. 370, л. 120.
468. Там же, д. 510, л. 71.
469. Там же, д. 325, л. 111—112.
470. См., например: Там же, д. 226, л. 87; д. 280, л. 228.
471. Там же, оп. 2, д. 9, л. 88, 98—99, 154, 169.
472. Там же, л. 169.
473. Там же, оп. 1, д. 22, л. 158.
474. См.: Там же, д. 109, л. 219—224.
475. Там же, д. 303, л. 626.
476. См.: Там же, д. 173, л. 295«г».
477. Там же, д. 30, л. 14.
478. См.: Там же, д. 176, л. 611; д. 207, л. 182.
479. Там же, д. 173, л. 296.
480. См.: Там же, л. 354.
481. См.: Там же, д. 201, л. 354.
482. Там же, д. 42, л. 123.
483. См.: Там же, оп. 2, д. 1, л. 269.

484. Там же, оп. 1, д. 283, л. 29.

485. Там же, д. 442, л. 524.

486. Там же, д. 587, л. 15.

Глава III

1. Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970. С. 5.

2. Как характерный пример см.: Жмуровский Д. А. Республика Советов: Единство фронта и тыла (1918—1920 гг.). Минск, 1980. С. 48—49.

3. Корблев Ю. И. В. И. Ленин и организация Советского тыла в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны // Из истории гражданской войны и интервенции 1917—1922 гг. М., 1974. С. 282.

4. Ленин В. И. Собр. соч. 5-е изд. Т. 43. С. 220.

5. Если говорить о вкладе РКП(б) (новом) в разработку НЭП, то скорее надо вспомнить X партийную конференцию РКП(б), где, помимо прочего, распространилось и само понятие «новая экономическая политика». См.: Ленин В. И. Собр. соч. Т. 43. С. 333.

6. См.: Вопросы истории. 1984. № 4. С. 15—29. Затем статья Е. И. Бугаева в «Коммунисте» (1984. № 11. С. 119—126) и заявление редакции журнала «Вопросы истории», опубликованное в «Коммунисте» (1984. № 17. С. 127).

7. Россия неповская: политика, экономика, культура: Тезисы научной конференции. Новосибирск, 1991. С. 78.

8. Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1970. С. 77—93; Т. 4. М., 1971. С. 524.

9. См.: Декреты Советской власти. Т. 2. С. 308.

10. См.: Известия ВЦИК... 1918. 24 нояб.

11. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 22, л. 7—7«а».

12. См.: Там же, д. 10, л. 24—41.

13. Там же, д. 34, л. 109.

14. Там же, д. 15, л. 63.

14". См.: Там же, д. 42, л. 171; д. 57, л. 173.

15. Там же, д. 31, л. 75—76.

16. См.: Там же, д. 35, л. 141; д. 42, л. 171; д. 57, л. 173.

17. См.: например: Там же, д. 56, л. 48.

18. Там же, д. 221, л. 46.

19. Там же, д. 31, л. 95.

20. Там же, л. 93.

21. См.: Там же, д. 127, л. 32—74.

22. См.: Там же, л. 2—31.

23. Там же, л. 2.

24. Там же, л. 53.

25. Там же, д. 52, л. 78.

26. См.: Там же, д. 173, л. 382.

27. См.: Там же, д. 661, л. 150.

28. См.: Там же, д. 172, л. 2—4.

29. См.: Там же, д. 273, л. 9; д. 277, л. 103.

30. См.: Там же, д. 346, л. 23.

31. См.: Там же, д. 442, л. 146.

32. См.: Там же, д. 56, л. 168.

33. См.: Там же, д. 667, л. 125.

34. См.: Там же, д. 856, л. 282—284, 304.

35. Там же, д. 22, л. 16.

36. Там же, л. 856, л. 140.

37. Там же, д. 38, л. 21.

38. Там же, д. 1068, л. 34.

39. Там же, л. 33.
40. Там же, д. 258, л. 69.
41. Там же, л. 19.
42. Там же, д. 257, л. 72.
43. Там же, д. 258, л. 69.
44. Там же, д. 637, л. 17.
45. Там же, д. 258, л. 13.
46. Там же, л. 10.
47. Там же, л. 69.
48. См.: Там же, д. 29, л. 195—209, 211—216.
49. См.: Там же, д. 258, л. 30.
50. Там же, л. 32.
51. Там же, л. 3.
52. Там же, д. 29, л. 212.
53. Там же, д. 258, л. 10.
54. Там же, л. 70.
55. См.: Там же, л. 10.
56. Там же, д. 29, л. 211, 213.
57. Там же, д. 258, л. 42.
58. См.: Там же, л. 3, 7, 10, 32, 36.
59. Там же, л. 19.
60. Там же, д. 264, л. 116.
61. Там же, д. 258, л. 13.
62. См.: Там же, л. 21.
63. Там же, л. 30.
64. Там же, д. 264, л. 116.
65. Там же, д. 258, л. 69.
66. Там же, л. 3.
67. Там же, д. 501, л. 1.
68. Там же, д. 185, л. 59.
69. См.: Там же, д. 264, л. 116.
70. См.: Там же, д. 664, л. 3.
71. Там же, д. 528, ч. 1, л. 344.
72. См., например: Там же, д. 148, л. 260.
73. См.: Там же, д. 528, ч. 1, л. 344.
74. Там же, д. 148, л. 260.
75. См.: Там же, д. 5, л. 13; д. 185, л. 58.
76. Там же, д. 514, л. 309.
77. См.: Там же, д. 198, л. 10.
78. Там же, л. 9.
79. См.: Там же, л. 16.
80. См.: Там же, д. 1068, л. 54.
81. См., например: Там же, д. 198, л. 16.
82. Там же, д. 359, л. 53.
83. См.: Там же, д. 757, л. 282.
84. Там же, д. 258, л. 72.
85. См.: Там же, д. 159, л. 45.
86. Там же, д. 448, л. 221.
87. См.: Там же, д. 168, л. 1.
88. См.: Там же, д. 528, ч. 1, л. 344.
89. Там же.
90. Там же, д. 538, л. 30.
91. См.: Там же, д. 932, л. 41.
92. См.: Там же, д. 259, л. 259—260.
93. Ленин В. И. Собр. соч. Т. 39. С. 315.
94. См.: Известия ВЦИК... 1918. 9 нояб.; ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 1,

95. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 665, л. 165.
96. См.: Там же, д. 1, л. 12.
97. Там же, д. 655, л. 165.
98. Там же, д. 29, л. 1—93; д. 652, л. 1—102.
99. Там же, д. 661, л. 391.
100. См.: Там же, д. 661.
101. Там же, д. 493, л. 26—27; д. 29, л. 23—24.
102. Подсчитано по: Там же, д. 652, л. 36; д. 655, л. 168.
103. Там же, д. 652, л. 39.
104. Там же, д. 655, л. 169.
105. Там же, д. 652, л. 103.
106. Там же, д. 29, л. 43, 65; д. 294, л. 52.
107. Там же, д. 655, л. 165—170.
108. Там же, д. 29, л. 52.
109. См., например: Там же, л. 48—51, 71.
110. Подсчитано по: Там же, д. 652, л. 103.
111. Там же, л. 105.
112. См.: Там же, д. 661, л. 323.
113. См.: Известия ВЦИК... 1919. 11 июля.
114. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 340, л. 2; д. 1096, ч. 1, л. 2.
115. Там же, д. 1, л. 23.
116. Декрет опубликован в «Известиях ВЦИК...» (№ 187//739 от 24.08.19 г.) и вошел в приказ РВСР № 1372 от 27.08.19 г., опубликованный в «Известиях Наркомвоен» (№ 200 от 12.09.19 г.).
117. Там же.
118. См.: Там же.
119. См.: Кляцкин С. М. Указ. соч. С. 407.
120. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 664, л. 102.
121. См.: Там же, д. 7, л. 27.
122. См.: Там же, л. 34.
123. См.: Там же, д. 63, л. 91.
124. Там же, д. 38, л. 50.
125. См.: Там же, д. 85, л. 67.
126. См.: Там же, д. 663, л. 50.
127. См.: Там же, д. 145, л. 75.
128. См.: Там же, д. 63, л. 91.
129. См.: Там же, д. 35, л. 91; д. 47, л. 18; д. 663, л. 31.
130. См.: Известия ВЦИК... 1919. 5 окт.
131. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 79, л. 81.
132. Там же, д. 47, л. 16; д. 663, л. 22.
133. Там же, д. 29, л. 72, 94.
134. См.: Там же, л. 141.
135. Там же, д. 85, л. 68.
136. См.: Там же, д. 663, л. 40.
137. Там же, д. 28, л. 50.
138. См.: Там же, д. 83, л. 67.
139. Там же, д. 47, л. 15.
140. Там же, д. 47, л. 18; д. 663, л. 31.
141. Там же, д. 47, л. 18—19; д. 663, л. 32.
142. См.: Там же, д. 47, л. 16; д. 663, л. 22.
143. См.: Там же, д. 890, л. 10.
144. Там же, д. 29, л. 141; д. 811, л. 13.
145. Там же, д. 713, л. 12.
146. См.: Там же, д. 145, л. 79.
147. См.: Там же, д. 663, л. 50; д. 145, л. 75.
148. См.: Там же, д. 713.

149. См.: Там же, д. 711, л. 3.
150. Там же, д. 707, л. 6.
151. См.: Там же, д. 711, л. 11.
152. См.: Там же.
153. Там же, д. 35, л. 90; д. 78, л. 8.
154. См.: Там же, д. 663, л. 32.
155. Там же, д. 35, л. 91.
156. См.: Там же, д. 5, л. 18; д. 420, л. 17.
157. См.: Там же, д. 29, л. 92.
158. См.: Там же, д. 663, л. 40.
159. Там же, д. 305, л. 6.
160. См.: Там же, д. 104, л. 27.
161. Там же, д. 237, л. 6.
162. См.: Война и революция, 1925. Кн. 5. С. 99.
163. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, л. 655, л. 29; д. 725, л. 388—394.
164. См.: Там же, д. 664, л. 14.
165. Там же, д. 701, л. 321; д. 707, л. 81.
166. См.: Там же, д. 35, л. 91; д. 104, л. 27; д. 654, л. 23—31.
167. См.: Там же, д. 47, л. 29, 43; д. 85, л. 60; д. 162, л. 442—443;
д. 261, л. 4, 7; д. 725, л. 304.
168. Там же, д. 601, л. 210; д. 703, л. 3.
169. Там же, д. 663, л. 50.
170. Там же, д. 145, л. 75.
171. См.: Там же, д. 703, л. 14.
172. См.: Там же, д. 145, л. 79.
173. Там же, д. 677, л. 103.
174. Там же, д. 664, л. 102.
175. Там же, д. 47, л. 7.
176. См.: Там же, д. 663, л. 10.
177. См.: Там же, л. 40.
178. См.: Там же, л. 31.
179. Там же, д. 28, л. 50.
180. См.: Там же, д. 664, л. 63.
181. См.: Там же, д. 305, л. 6; д. 664, л. 51.
182. Там же, д. 104, л. 27.
183. См.: Там же.
184. См.: Там же, д. 655, л. 29.
185. См.: Там же, д. 725, л. 396.
186. Там же, д. 311, л. 468; д. 725, л. 397—398.
187. См.: Там же, д. 725, л. 395—396.
188. См.: Там же, д. 665, ч. 2, л. 350.
189. Там же, д. 703, л. 3; д. 708, л. 166.
190. Там же, д. 725, л. 539.
191. См.: Там же, д. 708, л. 17.
192. Подсчитано по: Там же, д. 654, л. 23—31.
193. Там же, д. 708, л. 9.
194. См.: Там же, л. 17.
195. См.: Там же, д. 701, л. 8, 125.
196. См.: Там же, д. 703, л. 13; д. 708, л. 10.
197. Там же, д. 654, л. 5.
198. Там же, д. 35, л. 91.
199. Там же, д. 663, л. 31.
200. Там же, л. 28.
201. См.: Там же, д. 725, л. 396.
202. См.: Там же, д. 708, л. 17.
203. Там же, д. 661, л. 323, 333, 342.

204. Там же, д. 145, л. 61.
205. См.: Известия ВЦИК... 1919. 5 апр.
206. Там же, д. 725, л. 509.
207. Там же, д. 421, л. 83—84.
208. Там же, д. 519, л. 53.
209. Там же, д. 730, л. 60—79.
210. Там же, д. 754, л. 2—3.
211. См.: Там же, д. 757, л. 1.
212. Подсчитано по: Там же, д. 709, л. 11, 15.
- 213—214. Там же, д. 519, л. 53.
215. См.: Там же, д. 104, л. 27.
216. Там же, д. 519, л. 53.
217. См.: Там же, д. 311, л. 468.
218. См.: Там же, д. 601, л. 224.
219. См.: Там же, д. 664, л. 51.
220. См.: Там же, д. 709, л. 11.
221. Там же, д. 601, л. 20.
222. Там же, д. 420, л. 17—18.
223. См.: Там же, д. 703, л. 3, 6—8.
224. Там же, д. 5, л. 18.
225. Там же, д. 420, л. 17; д. 601, л. 237—238.
226. См.: Там же, д. 703, л. 10—11.
227. Там же, д. 708, л. 19.
228. Там же, д. 757, л. 1.
229. Там же, д. 708, л. 168, 172.
230. См.: Там же, л. 176, 179.
231. Известия ВЦИК ... 1919. 24 авг.
232. См.: Словарь Гранат. Т. 41. Ч. 1. С. 226—231; ЦГАСА, ф. 55
оп. 1, д. 1, л. 17.
233. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 29, л. 1.
234. Там же, д. 663, л. 34.
235. См.: Там же, д. 18, л. 358.
236. См.: Там же, оп. 2, д. 95, л. 120.
237. Там же, оп. 1, д. 677, л. 32.
238. Там же, д. 896, л. 48; оп. 2, д. 2, л. 70.
239. Подсчитано по: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 362, л. 10, 55, 56.
240. См.: *Черноморец С. А.* Организация продовольственного снабжения в 1917—1920 годы: Государственно-правовой аспект. Саратов, 1986. С. 89; ЦГАСА, ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 41; ф. 55, оп. 1, д. 162, л. 905; д. 1055, л. 42.
241. См.: ЦГАСА, ф. 618, оп. 1, д. 363, л. 67; ф. 55, оп. 1, д. 510, л. 68.
242. См.: Там же, л. 366, л. 12, (ф. 618, оп. 1).
243. Там же, д. 360, л. 41.
244. Там же, д. 363, л. 15.
245. Там же, л. 14.
246. Там же, д. 360, л. 8.
247. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 42.
248. Там же, д. 29, л. 99.
249. См.: Там же, д. 72, л. 56.
250. Там же, оп. 2, д. 3, л. 111.
251. Там же, оп. 2, д. 3, л. 150.
252. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 3—4.
253. См.: Там же, л. 40.
254. См.: Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 42; оп. 2, д. 72, л. 2.
255. Там же, оп. 1, д. 126, л. 3; ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 85.

256. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 42—43.
257. См.: Там же, д. 29, л. 18—22; д. 131, л. 531; д. 439, л. 75—81.
258. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 63.
259. Там же, л. 72.
260. Там же, л. 63.
261. Там же, л. 171—172.
262. Там же, л. 63.
263. Там же, л. 88.
264. Там же.
265. Там же, л. 96—97.
266. Там же, л. 97.
267. Там же, д. 361, л. 17.
268. См.: Там же, д. 360, л. 97, 103.
269. Там же, л. 97—103, 110.
270. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 122, л. 19; ф. 618, оп. 1, д. 362, л. 53.
271. Там же, оп. 2, д. 3, л. 178.
272. Там же, д. 361, л. 79.
273. См.: Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 12; оп. 2, д. 3, л. 178; ф. 618, оп. 1, д. 361, л. 90—91, 130, 155.
274. См.: Образование СССР: Сборник документов. 1917—1924. М.; Л. 1949. С. 78, 96—102, 114—122.
275. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 42.
276. Там же, ф. 618 оп. 1, д. 366, л. 111.
277. Там же, д. 360, л. 123—124.
278. Там же, л. 169.
279. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 42.
280. См.: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 120.
281. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 12.
282. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 171—172.
283. Там же, ф. 55, оп. 2, д. 68, л. 1.
284. См.: Там же, л. 2.
285. Там же, л. 11—12.
286. Там же, л. 8, 9, 29.
287. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 361, л. 86.
288. См.: Там же, л. 45, 48, 51, 55.
289. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 131, л. 531.
290. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 369, россыпь.
291. Там же, ф. 55, оп. 2, д. 3, л. 223.
292. См.: Там же, л. 225.
293. См.: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 361, л. 86.
294. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 49.
295. Там же, д. 29, л. 99.
296. Там же, оп. 2, д. 3, л. 111.
297. Там же, оп. 1, д. 652, л. 11.
298. См.: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 1055, л. 42.
299. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 42.
300. Там же, д. 652, л. 17.
301. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 368, россыпь.
302. Там же, д. 29, л. 22.
303. Там же, д. 360, л. 3—4.
304. Там же, ф. 22, оп. 1, д. 29, л. 22; д. 652, л. 18.
305. См.: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 366, л. 138—144.
306. Там же, д. 360, л. 41.
307. Там же, д. 363, л. 46.
308. Там же, ф. 55, оп. 2, д. 75, л. 125.
309. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 60.

310. См.: Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 1.
311. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 66.
312. Там же, д. 361, л. 12.
313. Там же, л. 126.
314. См.: Там же, л. 19.
315. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 652, л. 22.
316. Там же, д. 29, л. 29; д. 652, л. 27.
317. Там же, д. 655, л. 168.
318. Там же, л. 169.
319. Там же, д. 1055, л. 42.
320. Там же, д. 29, л. 37; д. 652, л. 36.
321. Там же, д. 1055, л. 43.
322. См.: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 63.
323. Там же, л. 17.
324. Там же, л. 66; д. 361, л. 19.
325. См.: Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 42—43; ф. 618, оп. 1, д. 361, л. 130.
326. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 29, л. 98.
327. Подсчитано по: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 361, л. 130.
328. См.: Там же, ф. 55, оп. 1; д. 1055, л. 42; оп. 2, д. 3, л. 178; ф. 618, оп. 1, д. 360, л. 98—100.
329. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 366, л. 30.
330. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 430, л. 87.
331. Там же, д. 1055, л. 42.
332. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 361, л. 44, 54.
333. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 43.
334. Там же, д. 29, л. 98.
335. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 361, л. 95.
336. См., например: Там же, д. 361, л. 84.
337. См.: Там же, л. 116, 153.
338. См.: Там же, ф. 55, оп. 1, ф. 29, л. 98—102.
339. См.: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 363, л. 15.
340. Там же, ф. 55, оп. 1, д. 439, л. 75, 78.
341. См.: Там же, д. 1055, л. 43.
342. См.: Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1920—1923. Ч. 1. С. 47.
343. См.: например: Кляцкин С. М. Указ. соч. С. 119, 327—382.
344. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 1055, л. 42.
345. Там же, л. 42—43.
346. Там же, д. 707, л. 2—3.
347. См.: Там же, д. 771, л. 6, 125.
348. Там же, ф. 618, оп. 1, д. 361, л. 130.
349. См.: Там же, л. 132, 148—149.
350. См.: Там же, ф. 55, оп. 1, д. 47, л. 1.
351. Там же, оп. 2, д. 71, л. 285, 286.
352. Там же, оп. 1, д. 18, л. 351; оп. 2, д. 71, л. 226.
353. См.: Там же, оп. 1, д. 18, л. 311, 353, 355; д. 85, л. 22.
354. Там же, л. 286—288.
355. Там же, д. 24, л. 67—68.
356. Там же, л. 69—75; д. 890, л. 441.
357. См.: Там же, л. 18, л. 358—359.
358. Там же, оп. 2, д. 69, л. 135.
359. Там же, д. 30, л. 12; д. 69, л. 134.
360. См.: Там же, д. 95, л. 2, 4.
361. См.: Там же, оп. 1, д. 679, л. 26.
362. См.: Там же, оп. 2, д. 95, л. 259.

363. Там же, оп. 1, д. 601, л. 176.
364. См.: Там же, оп. 2, д. 95, л. 259.
365. Подсчитано по: Там же, д. 112, л. 421—425.
366. См.: Там же, д. 152, л. 38.
367. Там же, д. 95, л. 259.
368. См.: Там же, л. 90—95, 259.
369. Там же, л. 18.
370. См.: Там же, л. 90—95, 259.
371. Там же, д. 125, л. 38.
372. См.: Там же, д. 95, л. 90—95, 259, 265.
373. См.: Там же, л. 259.
374. См.: Там же, л. 265.
375. Там же, д. 174, л. 14.
376. См.: Там же, д. 95, л. 265.
377. Там же, д. 166, л. 79.
378. Там же, д. 95, л. 259.
379. Там же, д. 120, л. 50.
380. Там же, д. 9, л. 28.
381. Там же, д. 120, л. 48—49.
382. Там же, л. 38, 43, 51, 53, 90—92.
383. Там же, л. 39.
384. Там же, л. 17, 18.
385. Там же, л. 55«а».
386. Там же, д. 112, л. 458.
387. Там же.
388. Там же, оп. 1, д. 504, л. 23, 75.
389. Там же, д. 814, л. 94—95.
390. Там же, оп. 2, д. 120, л. 93.
391. Там же, л. 56.
392. Там же, л. 73—75.
393. Там же, л. 58.
394. См.: Там же, д. 166, л. 212.
395. Там же, д. 120, л. 59, 62—65, 72.
396. Там же, л. 94—95.
397. Там же, л. 80, 94—95.
398. Там же, д. 95, л. 1—2.
399. Там же, л. 1, 4.
400. Там же, л. 260.
401. Там же, л. 44, 50.
402. См.: Там же, д. 120, л. 86—87.
403. Там же, д. 166, л. 83.
404. Там же, д. 95, л. 35.
405. Там же, л. 25.
406. Там же, д. 166, л. 81—82.
407. Там же, л. 84.
408. См.: Там же, д. 125, л. 38.
409. См.: Там же, д. 166, л. 84, 86.
410. Там же, л. 206—207.
411. См.: Там же, д. 156, л. 205.
412. Там же, д. 166, л. 84.
413. Там же, д. 95, л. 44.
414. Там же, оп. 1, д. 531, ч. 2, л. 67.
415. Подсчитано по: Там же, оп. 2, д. 95, л. 90—95.
416. См.: Там же, л. 260.
417. Там же, л. 35.
418. Там же, д. 120, л. 79, 81.

419. Там же, д. 95, л. 62.
420. Там же, д. 166, л. 83.
421. Там же, д. 95, л. 265.
422. См.: Там же, д. 166, л. 80.
423. Там же, л. 157.
424. Там же, д. 95, л. 260.
425. См.: Там же, л. 56—61, 75—86, 260.
426. Там же, оп. 1, д. 529, ч. 1, л. 270—271.
427. Там же, оп. 2, д. 166, л. 152.
428. Там же, д. 95, л. 94.
429. Подсчитано по: Там же, л. 90—95, 259, 265.
430. Там же, д. 166, л. 80.
431. Там же, д. 95, л. 259.
432. Там же, л. 95.
433. Там же, оп. 1, д. 737, л. 4.
434. Там же, д. 515, л. 121.
435. Там же, д. 529, ч. 1, л. 288.
436. См.: Там же, оп. 2, д. 95, л. 259.
437. См.: Там же, л. 265.
438. См.: Там же, л. 259; д. 166, л. 79.
439. См.: Там же, д. 95, л. 260.
440. Там же, д. 166, л. 252.
441. Там же, л. 224.
442. См.: Там же, л. 213—217.
443. См.: Там же, д. 95, л. 90, 111.
444. Там же, д. 166, л. 87.
445. Там же, д. 162, л. 32.
446. Там же, д. 95, л. 106.
447. См.: Там же, д. 174, л. 16.
448. См.: Там же, д. 95, л. 120—121, 162—163.
449. См.: Там же, д. 174, л. 17.
450. См.: Там же, оп. 1, д. 514, л. 361, 364.
451. См.: Там же, д. 553, л. 23; оп. 2, д. 161, л. 380.
452. См.: Там же, оп. 2, д. 161, л. 473.
453. Там же, д. 95, л. 161; д. 165, л. 157.
454. Там же, д. 95, л. 161.
455. Там же, оп. 1, д. 413, л. 3—4.
456. Там же, д. 553, л. 22.
457. Там же, оп. 2, д. 166, л. 148.
458. См.: Там же, оп. 1, д. 553, л. 22; оп. 2, д. 166, л. 150.
459. См.: Там же, л. 20, 21; оп. 2, д. 166, л. 46, 47.
460. См.: Там же, оп. 2, д. 166, л. 22, 146.
461. Там же, оп. 1, д. 528, ч. 2, л. 372.
462. Там же, д. 525, ч. 2, л. 314.
463. См.: Там же, оп. 2, д. 166, л. 17, 39.

Г л а в а IV

1. См.: ЦГАСА, оп. 1, д. 420, л. 9—10.
2. Там же, л. 16.
3. Там же, л. 20.
4. См.: Там же, д. 262, л. 54.
5. Там же, д. 276, л. 245.
6. Там же, л. 215.
7. Там же, д. 320, л. 37, 39.
8. См.: Там же, д. 276, л. 245.

9. См.: Там же, д. 524, л. 103—148.
10. См.: Там же, д. 212, л. 402; д. 524, л. 172.
11. Там же, д. 191, л. 24.
12. Там же.
13. См.: Известия Наркомвоен. 1920. 7 нояб.
14. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 322, л. 5—13.
15. Там же, д. 1068, л. 29.
16. Там же, д. 278, л. 12.
17. Ленин В. И. Собр. соч. Т. 36. С. 294.
18. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 210, л. 312.
19. Там же, д. 191, л. 1.
20. Там же, д. 234, л. 50.
21. Там же, д. 525, ч. 1, л. 651.
22. См.: Там же, д. 354, л. 2—3.
23. См.: Там же, д. 221, л. 2, 4, 7.
24. См.: Там же, д. 531, ч. 2, л. 556.
25. Там же, д. 453, л. 233.
26. См.: Там же, оп. 2, д. 180, л. 4—5.
27. Там же, оп. 1, д. 136, л. 22.
28. См.: Там же, д. 774, л. 416—418.
29. См.: Там же, д. 185, л. 300.
30. Там же, д. 159, л. 248.
31. Там же, д. 185, л. 305.
32. См.: Там же, д. 159, л. 250.
33. См.: Там же, д. 185, л. 323.
34. Там же, д. 156, л. 260—261.
35. См.: Там же, д. 451, л. 418.
36. См.: Там же, д. 564, л. 76.
37. Там же, д. 451, л. 418.
38. См.: Там же, д. 1078, л. 244.
39. Там же, д. 354, л. 2.
40. Там же, д. 222, л. 4, 7.
41. Там же, д. 185, л. 299.
42. Там же, л. 305.
43. Там же, д. 451, л. 418.
44. См.: Там же, оп. 2, д. 92, л. 133—135.
45. См.: Там же, оп. 1, д. 157, л. 276; д. 576, л. 357; д. 931, л. 103; д. 932, л. 13.
46. См.: Там же, д. 932, л. 5.
47. См.: Там же, д. 931, л. 291—292; д. 932, л. 5; д. 935, л. 10, 45; д. 936, л. 1—26.
48. См.: Там же, оп. 2, д. 81, л. 211; д. 188, л. 45.
49. См.: Там же, оп. 1, д. 932, л. 15—37; д. 939, л. 32—34.
50. Там же, д. 932, л. 22.
51. Там же, д. 157, л. 51.
52. См.: Там же, д. 970, л. 34; оп. 2, д. 179, л. 11—12.
53. См.: Там же, оп. 1, д. 932, л. 39.
54. См.: Там же, д. 948, л. 33.
55. См.: Там же, д. 931, л. 291; д. 932, л. 5; д. 933, л. 5.
56. См.: Там же, д. 973, л. 1.
57. Там же, д. 932, л. 24.
58. Там же, д. 932, л. 42; д. 161, л. 681.
59. См.: Там же, д. 502, л. 33.
60. См.: Там же, д. 954, л. 9, 11.
61. См.: Там же, д. 937, л. 17.
62. Таблица составлена по: Там же, д. 963, л. 10.

63. См.: Там же, д. 963, л. 6, 15.
64. См.: Там же, д. 502, л. 368.
65. См.: Там же, л. 165.
66. Там же, д. 932, л. 19.
67. Там же, д. 963, л. 53.
68. См.: Там же, д. 51, л. 92.
69. См.: Там же, д. 502, л. 32.
70. См.: Там же, оп. 2, д. 161, л. 476.
71. См.: Там же, оп. 1, д. 963, л. 130.
72. См.: Там же, д. 931, л. 34.
73. Там же, л. 130.
74. См.: Там же, д. 932, л. 46.
75. См., например: Там же, д. 941, л. 108.
76. Там же, д. 932, л. 47; д. 951, л. 25.
77. См.: например: Там же, д. 938, л. 78—79.
78. Там же, оп. 2, д. 125, л. 33.
79. Там же, оп. 1, д. 508, л. 301.
80. Там же, л. 976, л. 97.
81. Там же, д. 963, л. 4.
82. См.: Там же, д. 502, л. 4—12.
83. Там же, оп. 2, д. 125, л. 33.
84. Там же, оп. 1, д. 931, л. 291—292; д. 932, л. 3—4, 10—11.
85. Там же, д. 932, л. 21, 42.
86. См.: Там же, д. 959, л. 1—2; д. 965, л. 12—13.
87. Там же, д. 932, л. 9.
88. См.: Там же, д. 502, л. 33; д. 932, л. 42, 53—55.
89. См.: Там же, д. 157, л. 55.
90. См.: Там же, л. 51.
91. Там же, д. 976, л. 32.
92. Там же, л. 89.
93. См.: Там же, д. 502, л. 165.
94. Там же, оп. 2, д. 164, л. 17.
95. Там же, оп. 1, д. 976, л. 95.
96. Там же, д. 932, л. 34.
97. Там же, д. 976, л. 99.
98. См.: Там же, д. 963, л. 88.
99. Там же, оп. 2, д. 161, л. 479.
100. Там же, оп. 1, д. 932, л. 2.
101. Там же.
102. См.: Там же, д. 514, л. 166.
103. См.: Там же, д. 965, л. 28; д. 966, л. 4; д. 970, л. 4.
104. Там же, д. 948, л. 1—6.
105. Там же, д. 948, л. 81, 82, 100, 101.
106. Там же, д. 976, л. 97.
107. См.: Там же, д. 973, л. 1—10.
108. См.: Там же, д. 931, л. 292; д. 932, л. 3—4; д. 936, л. 1—26; л. 964, л. 39—130.
109. См.: Там же, д. 932, л. 37; д. 939, л. 34; д. 956, л. 1—18; д. 970, л. 52.
110. Там же, д. 451, л. 886; д. 931, л. 292.
111. См.: Там же, д. 954, л. 42.
112. См.: Там же, д. 932, л. 4; д. 936, л. 34; оп. 2, д. 182, л. 52—53.
113. Там же, д. 932, л. 4.
114. См.: Там же, оп. 1, д. 932, л. 1—37; д. 939, л. 32—34.
115. См.: Там же, д. 444, л. 74; д. 576, л. 357, 379; д. 941, л. 83, 135, 137, 178, 252, 339.

116. Там же, д. 938, л. 5.
117. Там же, д. 954, л. 22; оп. 2, д. 161, л. 550.
118. См.: например: Там же, оп. 2, д. 61, л. 480—481, 544.
119. См.: Там же, оп. 1, д. 948, л. 44, 45, 51.
120. См.: Там же, д. 266, л. 6—9; д. 929, л. 38—56.
121. См.: ЦГАСА, ф. 4, оп. 3, д. 1674, л. 142; ф. 55, оп. 1, д. 929, л. 14—16.
122. Таблица составлена по данным: Инспекции снабжения ЧУСО, статистического отдела и технической комиссии ЦУС, Главхозупр, ГВИУ, Главснабпродарм. См.: Там же, д. 416, л. 1—2; д. 508, л. 301; д. 508«а», л. 296; д. 515, л. 156, 212, 212«а», 218, 219, 229«а», 230, 235, 259, 265, 275, 280, 297, 302, 315, 316, 322; д. 529, д. 1, л. 247, 288; д. 529, ч. 2, л. 283; д. 946, л. 3—5; оп. 2, д. 42, л. 1—12; д. 43, л. 25, 78; д. 44, л. 124—125, 145, 156. Данные о численности Красной Армии на ноябрь 1920 г. взяты из: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). М., 1978 Т. 4. С. 227.
123. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 266, л. 1.
124. См.: Там же, д. 929, л. 38.
125. Там же, л. 46.
126. Мещеряков Н. Демобилизация армии// Правда. 1921, 1 янв.; Семашко Н. Внимание к нашим защитникам// Правда. 1921, 16 янв.; Всегда на посту//Правда Л. 1921. 29 янв.; О Красной Армии//Правда. 1921. 3 марта; и др.
127. Всем губкомам РКП//Правда. 1921. 21 янв.
128. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 937, л. 23.
129. Всегда на посту//Правда. 1921. 29 янв.
130. Всем губкомам РКП, всем обл. бюро РКП, всем политотделам Красной Армии и Флота //Правда. 1921. 1 февр.
131. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 937, л. 26.
132. См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 4. С. 227.
133. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 929, л. 23—36.
134. См.: Там же, л. 20—21.
135. См.: Продовольственная газета. Орган Наркомпрод//1921. 30 марта.
136. См., например: С военного фронта на трудовой//Правда. 1921. 13 янв.; Внимание к демобилизуемым товарищам красноармейцам//Правда. 1921. 18 февр. и др.
137. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 929, л. 14.
138. См.: Там же, д. 266, л. 11.
139. Там же, д. 526, л. 29.
140. См., Там же, д. 529, ч. 1, л. 102, 270—272.
141. См.: Партия и демобилизация// Правда. 1921. 21 янв.; Сольц А. К демобилизации//Правда. 1921. 18 янв.
142. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 929, л. 56.
143. Там же, д. 526, л. 180.
144. Там же, д. 937, л. 22—23.
145. См.: Там же, д. 533, л. 7.
146. Там же, л. 6.
147. См.: Там же, д. 266, л. 1.
148. См.: Там же, д. 533, л. 3.
149. См.: Там же, д. 504, л. 26.
150. См.: Там же, д. 157, л. 276.
151. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 14.
152. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 941, л. 110.

153. Там же, д. 416, л. 5—8.
154. См.: Там же, д. 637, л. 1—77.
155. Там же, л. 2.
156. Там же, д. 601, л. 216.
157. См.: Там же, д. 637, л. 36.
158. См. об этом: Там же, д. 553, л. 4.
159. Там же, д. 701, л. 319.
160. Там же, л. 321.
161. Там же, д. 802, л. 16.
162. См.: Там же, д. 567, л. 1—2.
163. См.: *Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. В 3 ч. М., 1920—1923. Второе и третье издания осуществлены в 1930 и 1937 гг.*
164. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, л. 558, л. 5, 8; д. 802, л. 15.
165. Там же, д. 559, л. 4.
166. См.: Там же, д. 637, л. 31.
167. Там же, д. 929, л. 38.
168. Там же, д. 932, л. 5.
169. Там же, д. 934, л. 1—3.
170. Там же, д. 195, л. 94.
171. См.: Там же, д. 701, л. 383, 404, 463, 465.
172. Там же, д. 529, л. 312, 322—324.
173. Там же, д. 221, л. 46.
174. Там же, л. 62—63.
175. Там же, л. 529, ч. 1, л. 270—272.
176. Там же, д. 453, л. 894.
177. Там же, д. 708, л. 339—342.
178. Там же, д. 528, ч. 2, л. 372.
179. Там же, д. 273, л. 4 об.
180. Подсчитано по: Там же, д. 508«а», л. 296.
181. См.: *Ленин В. И. Собр. Соч. Т. 44. С. 9.*
182. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 508«а», л. 296.
183. Там же.
184. Там же, д. 500, ч. 1, л. 69.
185. Там же, д. 964, л. 16, 21.
186. См.: Там же, д. 932, л. 4.
187. См.: Там же, д. 964, л. 8, 63, 69.
188. См.: Там же, д. 963, 964.
189. Там же, д. 500, ч. 1, л. 29.
190. Там же, д. 528, ч. 2, л. 178—179.
191. *Ленин В. И. Собр. Соч. Т. 44. С. 9.*
192. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 601, л. 175.
193. Там же, л. 183.
194. Там же, д. 964, л. 3, 5.
195. Подсчитано по: Там же, д. 529, ч. 2, л. 2.
196. Подсчитано по: Там же, д. 515, л. 212, 212«а», 218, 219.
197. Там же, д. 529, ч. 1, л. 312.
198. Там же, л. 110—111.
199. Там же.
200. Там же, д. 529, ч. 1, л. 102.
201. Там же, д. 515, л. 125.
202. См.: Там же, д. 529, ч. 1, л. 274, 278.
203. Там же, л. 270—272.
204. Там же, д. 515, л. 124.
205. См.: Там же, д. 526, л. 5, 9.
206. Там же, д. 929, л. 36.

207. Там же, л. 29.
208. См.: Там же, д. 525, ч. 1, л. 150—152, 154.
209. Там же, л. 442—443.
210. См.: Там же, д. 529, ч. 1, л. 288.
211. Там же, д. 508, л. 517.
212. См.: Там же, д. 19, л. 39; д. 34, л. 70—71; д. 208, л. 6.
213. Там же, д. 508, л. 516.
214. См.: Там же, л. 518.
215. См.: Там же, л. 517.
216. Там же, д. 354, л. 33.
217. См.: Там же, д. 528, ч. 2, л. 60—63.
218. Там же.
219. Там же, д. 816, л. 57.
220. Там же, д. 515, л. 142.
221. Там же, д. 932, л. 42.
222. Там же, д. 515, л. 133.
223. См.: Там же, д. 515, л. 124, 133; д. 529, ч. 1, л. 270—272.
224. Там же, д. 450, л. 108.
225. Подсчитано по: Там же, л. 518, л. 85—86.
226. См.: Там же, оп. 2, д. 56, л. 14—96.
227. Там же, д. 58, л. 29—30.
228. Там же, д. 1, л. 305.
229. См.: Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. М., 1920—1923. Ч. 1. С. 5; Он же. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. М., 1937. С. 1.
230. Ленин В. И. Собр. соч. Т. 35. С. 527.
231. Маниковский А. А. Указ. соч. 3-е изд. С. 5.
232. Маниковский А. А. Указ. соч. 1-е изд. Ч. 1. С. 27.
233. Там же. С. 31—32, 34.
234. Там же.
235. Там же. 3-е изд. С. 292.
236. Подсчитано по: Там же. 2-е изд. Т. 1. С. 151.
237. Там же. 1-е изд. Ч. 1. С. 102; 3-е изд. С. 308.
- 238—239. Там же. 1-е изд. Ч. 1. С. 91; 3-е изд. С. 299.
240. Там же. 1-е изд. Ч. 1. С. 102; 3-е изд. С. 308.
241. Подсчитано по: Там же. 1-е изд. Ч. 1. С. 112; 3-е изд. С. 308.
242. Там же. 1-е изд. Ч. 1. С. 112; 3-е изд. С. 437.
243. Там же. 3-е изд. С. 442.
244. Там же. 1-е изд. Ч. 2. С. 12.
245. Там же. С. 166—168.
246. Там же. 1-е изд. Ч. 3. С. 137.
247. Подсчитано по: Там же. С. 74, 85.
248. Там же. 3-е изд. С. 560—563.
249. Подсчитано по: Там же. С. 602.
250. Цит. по: Там же. 2-е изд. Т. 2. С. 293.
251. Там же. 3-е изд. С. 336—337, 535.
252. Там же. 1-е изд. Ч. 1. С. 45.
253. Подсчитано по: Там же. С. 56.
254. Там же. 3-е изд. С. 292.
255. Там же. 1-е изд. Ч. 1. С. 102; 3-е изд. С. 308.
256. Там же. 3-е изд. С. 442.
257. Там же. С. 5.
258. Называются разные цифры. См., например: Воскресенский Л. 1921 год: урок правды//Знание — сила. 1988. № 10. С. 20. Здесь указы-

вается, что в русскую армию за три года войны было мобилизовано около 15 млн человек.

259. Цифры тоже противоречивы. Ю. Поляков, например, приводит данные Е. Волкова о численности Красной Армии и ее противников на 01.09.20 г. — 3538000 и 1023000 соответственно. См.: Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 206.

260. См.: Коваленко Д. А. Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970. С. 10.

261. Маниковский А. А. Указ. соч. 2-е изд. Т. 2. С. 257.

262. См.: Гражданская война 1918—1921 гг.: В 3 т. Т. 1: Боевая жизнь Красной Армии. М., 1928. Предисловие; Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 27.

263. См.: Павлович М. Предисловие к книге М. Петрова «Подготовка России к мировой войне на море». М.; Л., 1926. С. VII.

264. Коваленко Д. А. Указ. соч. С. 9—10.

265—266. См.: Щагин Э. М. Деятельность Советов Дальнего Востока и Забайкалья по мобилизации сил на отпор врагу (весна — лето 1918 г.) // Защита Великого Октября. М., 1982. С. 344—345.

267. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 655, л. 168; д. 652, л. 36; д. 29, л. 99.

268. Там же, д. 273, л. 4 об.

269. Ленин В. И. Собр. соч. Т. 13. С. 370.

270. Там же. Т. 40. С. 244.

271. Там же. Т. 37. С. 59—60.

272. КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 564—565.

273. Ленин В. И. Собр. соч. Т. 39. С. 50.

274. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 20, л. 1—14.

275. См.: Там же, д. 825, л. 26—20.

276. См.: Там же, д. 822, л. 18—23, 32—33, 48.

277. Подсчитано по: Там же, д. 824, л. 145—157.

278. Подсчитано по: Там же, л. 133.

279. Подсчитано по: Там же, л. 145—157.

280. Подсчитано по: Там же, л. 113.

281. Там же, л. 54.

282. Подсчитано по: Там же, л. 56, 145—157.

283. Там же, д. 149, л. 121.

284. Там же, д. 420, л. 18.

285. См.: Там же, д. 416, л. 5—8.

286. См.: Там же, д. 518, л. 85—86.

287. Там же, д. 20, л. 42.

288. Кляцкин С. М. Указ. соч. С. 415.

289. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 20, л. 42; д. 677, л. 9.

290. Там же.

291. Экономическая жизнь. 1920. 1 февр.

292. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 864, л. 118—120.

293. См.: Там же.

294. Там же, д. 929, л. 20.

295. См., например: История Москвы: В 6 т. Т. 1. Кн. 1. М., 1957. С. 133.

296. Черноморец С. А. Организация продовольственного снабжения в 1917—1920 годах. Государственно-правовые аспекты. Саратов, 1986. С. 66.

297. См.: например: Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. М., 1989. С. 151.

298. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 493, л. 9—14.

299. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 1. С. 14.
300. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 637, л. 16.
301. Москва: Энциклопедия. М., 1980. С. 21.
302. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 4, л. 56; д. 813, л. 62.
303. См.: Там же, д. 6, л. 94.
304. Подсчитано по: Там же, д. 20, л. 1—14.
305. Подсчитано по: Там же, д. 21, л. 11, 12, 14.
306. Подсчитано по: Там же, д. 112, л. 14—16.
307. Подсчитано по: Там же, д. 416, л. 5—8.
308. Подсчитано по: Там же, д. 518, л. 85—86.
309. Защита Великого Октября. М., 1982. С. 345.
310. См.: ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, л. 201, л. 304.
311. См., например: Там же, ф. 618, оп. 1, д. 364, л. 1—6.
312. См., например: Там же, ф. 55, оп. 1, д. 82, л. 48, 61.
313. См.: Там же, д. 500, ч. 1, л. 22.
314. Там же, д. 50, л. 412.
315. Там же, д. 499, л. 57.
316. См.: Там же, д. 806, л. 16—19.
317. См.: Там же, д. 52, л. 59.
318. См.: Там же, д. 31, л. 101—102.
319. Там же, д. 800, л. 19.
320. Там же, д. 15, л. 4.
321. Там же, д. 25, л. 31.
322. См.: Там же, д. 135, л. 421.
323. Там же, д. 15, л. 41.
324. Там же, д. 830, л. 396.
325. Там же, д. 15, л. 47.
326. Там же, д. 842, л. 2.
327. См.: Там же, д. 27, л. 73, 83, 89, 109.
328. Там же, д. 305, л. 1647.
329. Там же, д. 500, ч. 1, л. 69.
330. См.: Там же, д. 20, л. 37.
331. См.: Там же, д. 857, л. 72.
332. См.: Известия ВЦИК... 1921. 9 апр.
333. ЦГАСА, ф. 55, оп. 1, д. 32, л. 467.
334. Там же, д. 559, л. 13.
335. Там же, д. 453, л. 90.
336. Там же, д. 799, л. 42.
337. Там же, д. 519, л. 50—51.
338. Там же, д. 855, л. 61.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- авг. — август
АвиаУкр — Управление авиации Украины
автоотдел ГВИУ — автомобильный отдел Главного военно-инженерного Управления
АКС — административно-командная система
АХО (ВСНХ) — административно-хозяйственный отдел (ВСНХ)
аэроподкомиссия — подкомиссия по строительству аэросаней
бесхоз — бесхозное имущество
БелморВО — Беломорский военный округ
«Викжель» — Всероссийский исполнительный комитет работников железнодорожного транспорта (профессионального союза)
ВИУ — военно-инженерное Управление
Внешторг — народный Комиссариат по внешней торговле
ВНУС — войска внутренней службы
ВО — военный округ
военвед — военное ведомство
воензаг — военный заготовитель
военком — военный комиссар
военмор — военный моряк
военморвед — военно-морское ведомство
Военстрой — отдел военного строительства Комгоссоор ВСНХ
военхоз — военно-хозяйственный Совет
военхозснабарм — отдел военно-хозяйственного снабжения армии
Воморпром — Управление военной и морской промышленности в Петроградском промышленном районе
ВОСО — Управление военных сообщений
врид — временно исполняющий дела
ВРК — военно-революционный комитет
Всевобуч — отдел всеобщего военного обучения
Всероком — Всероссийская эвакуационная комиссия
Всеросглаштаб — Всероссийский Главный штаб
ВСП — Высший Совет по перевозкам
ВСРМ — Всероссийский Совет рабочих металлистов
ВСНХ — Высший Совет народного хозяйства
ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦСПС — Всероссийский Центральный Совет профессиональных союзов
ГАУ — Главное артиллерийское Управление
ГВИУ — Главное военно-инженерное Управление
Генштаб — Генеральный штаб
Главбюро (ВСНХ) — Главное бюро
Главбум (ВСНХ) — Главный комитет бумажной промышленности
Главвоздухофлот — Главное Управление воздушного флота республики
Главзагран — Отдел заграничного снабжения ЦУС
Главковавиа — Главный комитет авиационного строительства
Главком — Главнокомандующий вооруженными силами республики
Главкож — Главный кожевенный комитет (ВСНХ)
Главкомнефть — Главный нефтяной комитет (ВСНХ)
Главконсерв — Главный комитет консервной промышленности (ВСНХ)
Главкомтруд — Главный комитет по всеобщей трудовой повинности СТО

Главлеском — Главный комитет лесной промышленности (ВСНХ)
 Главмех — Главный комитет меховой промышленности (ВСНХ)
 Главмилиция — Главное Управление милиционных войск
 Главмортех — Главное Управление по морской технике
 Главмука — Главный комитет мукой промышленности (ВСНХ)
 Главначснаб — Главный начальник снабжения (начальник ЦУС)
 Главнефтеком — Главный нефтяной комитет (ВСНХ)
 Главнефть — Главное Управление нефтяной промышленности (ВСНХ)
 Главодежда — Главное Управление промышленности по изготовле-
 нию верхней одежды (ВСНХ)
 Главпродукт — структурные подразделения НКПрод в губерниях
 Главрезина — Главное Управление промышленности по изготовлению
 резинотехнических изделий
 Главрук — главный руководитель работ (в строительных организа-
 циях)
 Главсахар — Главное Управление сахарной промышленности (ВСНХ)
 Главсланец — сланцевый комитет Главного Управления топливной
 промышленности (ВСНХ)
 Главсоль — Главное Управление соляной промышленности (ВСНХ)
 Главснабарм — Главное Управление по снабжению армии
 Главснабпродарм — Главное Управление по продовольственному
 снабжению армии
 Главспирт — Главное Управление спиртовой промышленности
 (ВСНХ)
 Главстрой — Главное Управление строительства (ВСНХ)
 Главтекстиль — Главное Управление текстильной промышленности
 (ВСНХ)
 Главтоп — Главный топливный комитет (ВСНХ)
 Глауголь — Главное Управление угледобывающей промышленности
 (ВСНХ)
 Главхозупр — Главное хозяйственное управление ЦУС
 Главшвеймашина — Главное Управление по производству швейных
 машин (ВСНХ)
 Главцветмет — Главное управление промышленности по производству
 цветных металлов (ВСНХ)
 Главэлектро — Главное Управление промышленного производства
 электротоваров (ВСНХ)
 Гомза — Главное Управление государственных объединенных машино-
 строительных заводов (ВСНХ)
 горсовет — городской Совет рабочих депутатов
 Госзнак — Главное Управление фабрик, выпускающих государственные
 ценные бумаги
 Госплан — Государственная плановая комиссия при СТО/СНК
 ГСНХ — губернский Совет народного хозяйства
 госконтроль — народный Комиссариат государственного контроля
 губ. — губерния
 губвоензаг — губернский военно-заготовительный отдел ГСНХ; лицо,
 возглавляющее этот отдел
 губвоенком — губернский военный комиссар
 губвоенкомат — губернский военный комиссариат
 губинчусо — губернский инспектор Чрезвычайного Уполномоченного
 СТО по снабжению Красной Армии и Красного Флота
 губисполком — губернский исполнительный комитет губернского Со-
 вета депутатов
 губпродкомиссар — губернский продовольственный комиссар НКПрод
 губкож — отдел кожевенных предприятий ГСНХ

губкомдезертир — губернская комиссия по борьбе с дезертирством
 губпрофобраз — отдел профессионального образования губисполкома
 губпрофсоюз — губернский профессиональный Союз работников железнодорожного транспорта
 губсовдеп — губернский Совет депутатов
 губсовнархоз — губернский Совет народного хозяйства
 губтрасот — транспортно-материальный отдел ГСНХ
 ГУВУЗ — Главное Управление военно-учебных заведений
 ГУВП — Главное Управление военной промышленности (ВСНХ)
 ГУСТ — Главное Управление по снабжению трудовых частей при ЧУСО
 ДВР — Дальневосточная республика
 дек. — декабрь
 жил. зем. Совет — жилищно-земельный Совет исполкома Совета депутатов
 зав. — заведующий
 завхоз — заведующий хозяйством
 зам. — заместитель
 зампредмежискомснабтоп — заместитель председателя межведомственной исполнительной комиссии по снабжению топливом
 Земгор — Объединенный Комитет Земского и Городского Союзов
 и. д. — исполняющий дела
 и. о. — исполняющий обязанности
 инчусо — инспектор УЧУСО (Учусо), территориальный или функциональный (персонально или как подведомственное УЧУСО учреждение)
 ИНЧУСО — Управление инспектора УЧУСО
 инчусоКЧО — инспектор УЧУСО по Кубано-Черноморской области
 кав. дивизия — кавалерийская дивизия
 КВО — Киевский военный округ
 КМА — Курская магнитная аномалия
 командарм — командующий армией
 Комбесхоз — комиссия при ЧУСО по выявлению и изъятию необходимого для армии и всего бесхозяйственного имущества со складов республики
 комвойск — командующий войсками
 Комгосоор — комитет государственных сооружений при ВСНХ
 Коминтерн — Коммунистический Интернационал
 коммунахоз — коммунальное хозяйство
 коморси — командующий морскими силами
 Компрод — комиссия по продовольственному снабжению
 комплота — командующий флотом
 комшвейповинность — коммунистическая швейная повинность (комиссия по швейной повинности)
 комячейка — коммунистическая ячейка (первичная организация РКП(б))
 Крымревком — Крымский революционный Комитет
 куспром — территориальное объединение промышленности
 лекпом — врач медицинской помощи
 ликвидком — ликвидационная комиссия
 Литбел — Литва и Белоруссия
 Литиздат (ПУР) — литературное издательство ПУР
 Матваль-бюро — бюро при СВП по изготовлению карданной ленты и материалов к ней
 МВТУ — Московское высшее техническое училище
 МГК — Московский городской комитет РКП(б)
 МГСНХ — Московский городской Совет народного хозяйства

МГСПС — Московский городской Совет профессиональных союзов
МГУ — Московский государственный университет
МВО — Московский военный округ
межвед. — межведомственный
Межкотель — межведомственная комиссия по заготовке и распределению телефонно-телеграфного имущества при Отделе электротехнической промышленности ВСНХ

МОВИУ — Московское окружное военно-инженерное Управление
морвед — морское ведомство
морхоз — морское хозяйственное Управление
Моссовет — Московский Совет депутатов
МЧК — Московская чрезвычайная комиссия по борьбе с бандитизмом и саботажем

нарком — народный комиссар

Наркомвнешторг — народный Комиссариат внешней торговли

Наркомвоен — народный комиссар по военным делам

Наркомздрав — народный Комиссариат здравоохранения

Наркомзем — народный Комиссариат земледелия

Наркоминдел — народный Комиссариат иностранных дел

Наркоммор — народный Комиссариат по морским делам

Наркоммордел — народный комиссар по морским делам

Наркомпочтель — народный комиссар почт и телеграфа

Наркомпуть — народный Комиссариат путей сообщения

Наркомторг — народный Комиссариат торговли и промышленности

Наркомфин — народный Комиссариат финансов

Наркомпрод — народный Комиссариат продовольствия

Наркомтруд — народный Комиссариат труда

Наркомюст — народный Комиссариат юстиции

НабкомЧУСО — комиссия по изблуждению за исполнением заказов военного ведомства главками и центрами ВСНХ

нач. — начальник

начвоенхоз — начальник военного хозяйства

Начвоенхозупр. — начальник военно-хозяйственного Управления

начдив — начальник дивизии

начснаб — начальник снабжения

начфин — начальник финансового отдела

Нефтеком — нефтяной Комитет (ВСНХ)

начхозупр — начальник хозяйственного Управления

НКВнТ — народный Комиссариат внешней торговли

НКВТ — народный Комиссариат внешней торговли

Н.К.З. — народный Комиссариат земледелия

НКОМ — народный комиссар

НКПС — народный Комиссариат путей сообщения

НКТр — народный Комиссариат труда

НКФин — народный Комиссариат финансов

нояб. — ноябрь

НТО — научно-технический отдел

НЭП — новая экономическая политика

обком — областной комитет (РКП(б))

ОВИУ — окружное военно-инженерное Управление

огнесклад — склад артиллерийского имущества

окрвоенком — окружной военный комиссар

окружком — окружной комитет (РКП(б))

окрхозупр — окружное хозяйственное Управление

окт. — октябрь

Оперод — оперативный отдел Московского окружного военного комиссариата
 опродком — особая продовольственная комиссия
 Опродкомарм — особая продовольственная комиссия по снабжению армии
 ОпродкомПет — особая продовольственная комиссия по снабжению Петроградского района (промышленного)
 Оргбюро — Организационное Бюро ЦК РКП(б)
 Особмежком — особая межведомственная комиссия ВЧК по борьбе со спекуляцией
 отд. — отдельный
 ОТК — отдел технического контроля
 Оцекмприз — особая Центральная комиссия по отсрочкам от призыва в Красную Армию
 партсуд — партийный суд
 ПВС — Промышленный военный Совет при ЧУСО
 Петрорайон — Петроградский промышленный район
 Петросовнархоз — Петроградский Совет народного хозяйства
 ПК РКП(б) — Петроградский Комитет РКП(б)
 пол. — половина
 политехникум — многопрофильное учебное заведение
 политком — политический комиссар
 политчасть — политический отдел в низовых структурах военных органов власти и управления
 пом. — помощник
 поморком — помощник командующего морским флотом
 пред. — председатель
 предгубисполкома — председатель губернского исполнительного комитета
 предтрофкомиссии — председатель трофейной комиссии
 предчрезкомсклад — председатель чрезвычайной комиссии по охране складских помещений от пожаров
 ПРИВО — Приволжский военный округ
 прик. — приказ
 продармия — продовольственная армия
 Продрасмет — Центральный комитет по распределению металлов
 Отдела металлов ВСНХ
 продфабзавтоповский — фабрично-заводской продовольственный и топливный паек
 Прозодежда — Отдел ВЦСПС по снабжению рабочих производственной одеждой
 Промбюро — промышленное бюро (ВСНХ) (территориальное)
 Промвоенсовет — промышленный военный Совет при ЧУСО
 ПромвоенсоветЮж — промышленный военный совет Южного фронта
 ПромвоенУкр — промышленный военный Совет Украины
 ПСНХ — Петроградский Совет народного хозяйства
 прот. — протокол
 проф. — профессор
 ПУР — политическое Управление РВСР
 райконнефть — районное отделение Главного нефтяного Комитета
 ВСНХ
 РВС — реввоенсовет
 РВСР — Реввоенсовет республики
 РВТр — революционный военный трибунал
 РВТрР — революционный военный трибунал республики
 ревком — революционный комитет

РКИ — рабоче-крестьянская инспекция
 РККА — рабоче-крестьянская Красная Армия
 РКП(б) — Российская коммунистическая партия большевиков
 санутильбюро — бюро по утилизации трупов животных
 санчасть — медицинское учреждение в структурах военного ведомства
 (санитарная часть)
 СВП — Совет военной промышленности
 сент. — сентябрь
 сер. — середина
 Сиббюро — сибирские бюро ВСНХ
 Сибпромбюро — Сибирское промышленное бюро ВСНХ
 сибревком — сибирский революционный комитет
 Сибсовнархоз — сибирский Совет народного хозяйства
 Сибуголь — сибирское отделение Главного Управления угольной промышленности ВСНХ
 СКВО — Северо-Кавказский военный округ
 СНК — Совет народных комиссаров
 СНХ — Совет народного хозяйства
 СНХ СО — Совет народного хозяйства Северной области
 СНХ СР — Совет народного хозяйства Северного промышленного района
 смолгубпродком — смоленский губернский продовольственный комитет
 Совет Обороны — Совет Труда и Обороны
 совещ. — совещание
 совдеп. — Совет депутатов
 Совнарком — Совет народных комиссаров
 Совнархоз — Совет народного хозяйства
 Совтрударм — Совет трудовой армии
 СПОТЭКЗАК — специальный отдел экстренных заказов при ЦУС и народном Комиссариате внешней торговли
 СРКО — Совет Рабоче-Крестьянской Обороны
 СТО — Совет Труда и Обороны
 тех. бюро — техническое бюро
 Техком — техническая комиссия при ЦУС
 техн. — технический
 торгпред — торговое представительство
 ТО ЦУС — транспортный отдел Центрального Управления Снабжения Красной Армии
 Трамот — транспортно-материальный отдел ВСНХ
 трударм — трудовая армия
 трудчасть — трудовая часть (в армейской структуре)
 Тулукрепрайон — Тульский укрепленный район
 Турквнешторг — Комиссариат внешней торговли Туркестанской Республики
 турккомиссия — комиссия ВСНХ по Туркестанской республике
 Турк. ЦИК — Центральный исполнительный Комитет Туркестанской республики
 УВОГРУЗТРАН — Управление военно-грузового транспорта
 укрепрайон — укрепленный район
 Укркомиссия — комиссия ВСНХ по Украине
 УкрКрым — Украина и Крым
 УКЛ — Управление красноармейских лавок
 Укр. Промбюро — Промышленное бюро ВСНХ по Украине
 Укрсовтрударм — Украинская советская трудовая армия
 УПВОСО — Управление военных сообщений

УпрснабФлота — Управление снабжения Флота республики
 Уралбюро — промышленное бюро ВСНХ по Уралу
 Уралснабкомиссия — комиссия ВСНХ по снабжению промышленности
 Урала
 УСКА — Управление связи Красной Армии
 утильбюро — бюро по утилизации
 УчУСО — Уполномоченный ЧУСО (его Управление)
 Учусо — Уполномоченный ЧУСО (персонально)
 УчУСОАзЧермор — Управление Уполномоченного ЧУСО по Азовско-
 му и Черному морям
 УчусоАзЧерФлота — Уполномоченный ЧУСО по Азовскому и Черно-
 морскому Флоту
 УчУСОБатРесп — Управление Уполномоченного ЧУСО по Башкир-
 ской республике
 УчусоБаш — Уполномоченный ЧУСО по Башкирской республике
 УчУСОБелморВО — Управление Уполномоченного ЧУСО по Бело-
 морскому военному округу
 УчусоБелморВО — Уполномоченный ЧУСО по Беломорскому воен-
 ному округу
 УчУСОБелмор — Управление Уполномоченного ЧУСО по Белому
 морю
 УчУСОБелмор — Уполномоченный ЧУСО по Белому морю
 УчУСОВост — Управление Уполномоченного ЧУСО на Восточном
 фронте
 УчусоВост — Уполномоченный ЧУСО на Восточном фронте
 УчУСОВИВРесп — Управление Уполномоченного ЧУСО по снабже-
 нию военно-инженерного ведомства строительными материалами и ин-
 струментами
 УчусоВИВРесп — Уполномоченный ЧУСО по снабжению военно-ин-
 женерного ведомства строительными материалами и инструментами
 УчУСОДаг — Управление Уполномоченного ЧУСО по Дагестану
 УчусоДаг — Уполномоченный ЧУСО по Дагестану
 УчУСОЗаВО — Управление Уполномоченного ЧУСО в Заволжском
 военном округе
 УчусоЗаВО — Уполномоченный ЧУСО в Заволжском военном округе
 УчУСОЗап — Управление Уполномоченного ЧУСО на Западном
 фронте
 УчусоЗап — Уполномоченный ЧУСО на Западном фронте
 УчУСОКавк — Управление Уполномоченного ЧУСО на Кавказском
 фронте
 УчусоКавк — Уполномоченный ЧУСО на Кавказском фронте
 УчУСОКирРесп — Управление Уполномоченного ЧУСО по Киргиз-
 ской Республике
 УчУСОКВО — Управление Уполномоченного ЧУСО в Киевском во-
 енном округе
 УчусоКВО — Уполномоченный ЧУСО в Киевском военном округе
 УчусоКрыма — Уполномоченный ЧУСО по Крыму
 УчУСООВО — Управление Уполномоченного ЧУСО в Орловском
 военном округе
 УчусоОВО — Уполномоченный ЧУСО в Орловском военном округе
 УчУСОПет — Управление Уполномоченного ЧУСО в Петроградском
 промышленном районе
 УчусоПет — Уполномоченный ЧУСО в Петроградском промышлен-
 ном районе
 УчУСОПетВО — Управление Уполномоченного ЧУСО в Петроград-
 ском военном округе

УчусоПетВО — Уполномоченный ЧУСО в Петроградском военном округе

УЧУСО Поволжья — Управление Уполномоченного ЧУСО в Поволжье

Учусо Поволжья — Уполномоченный ЧУСО в Поволжье

УЧУСОПриВО — Управление Уполномоченного ЧУСО в Приволжском военном округе

УчусоПриВО — Уполномоченный ЧУСО в Приволжском военном округе

УЧУСОСев — Управление Уполномоченного ЧУСО на Северном фронте

УчусоСев — Уполномоченный ЧУСО на Северном фронте

УЧУСОСиб — Управление Уполномоченного ЧУСО в Сибири

УчусоСиб — Уполномоченный ЧУСО в Сибири

УЧУСОСКВО — Управление Уполномоченного ЧУСО в Северо-Кавказском военном округе

УчусоСКВО — Уполномоченный ЧУСО в Северо-Кавказском военном округе

УчусоснабФлота — Уполномоченный ЧУСО по снабжению Флота республики

УчусоТекстиль — Уполномоченный ЧУСО по текстильному промышленному производству

УЧУСОТурк — Управление Уполномоченного ЧУСО на Туркестанском фронте

УчусоТурк — Уполномоченный ЧУСО на Туркестанском фронте

УчусоУкр — Уполномоченный ЧУСО на Украинском фронте

УЧУСОУкрКрыма — Управление Уполномоченного ЧУСО Вооруженных сил Украины и Крыма

УчусоУкрКрыма — Уполномоченный ЧУСО в Вооруженных силах Украины и Крыма

УЧУСОУрала — Управление Уполномоченного ЧУСО на Урале

УчусоУрала — Уполномоченный ЧУСО на Урале

УЧУСОФлота — Управление помощника Чусо на Флоте республики

УчусоФлота — помощник Чусо на Флоте республики

УЧУСОХВО — Управление Уполномоченного ЧУСО в Харьковском военном округе

УчусоХВО — Уполномоченный ЧУСО в Харьковском военном округе

УЧУСОЮг-Вост — Управление Уполномоченного ЧУСО на Юго-Восточном фронте

УчусоЮг-Вост — Уполномоченный ЧУСО на Юго-Восточном фронте

УЧУСОЮг-Зап — Управление Уполномоченного ЧУСО на Юго-Западном фронте

УчусоЮг-Зап — Уполномоченный ЧУСО на Юго-Западном фронте

УЧУСОЮж — Управление Уполномоченного ЧУСО на Южном фронте

УчусоЮж — Уполномоченный ЧУСО на Южном фронте

УчусоЮж-Юг-Зап — Уполномоченный ЧУСО на Южном и Юго-Западном фронтах

фабзавстат — фабрично-заводская статистика

февр. — февраль

фин. — финансовый

фин. отдел — финансовый отдел

Формацентр — Отдел фармацевтической промышленности (ВСНХ)

Фронтострой — фронтовое Управление по строительству

Химснабжение — отдел снабжения химической промышленности (ВСНХ)

Химотдел — отдел химической промышленности (ВСНХ)

ХМУ — хозяйственно-материальное Управление
 хозупр — хозяйственное Управление
 хозчасть — хозяйственный отдел в органах армейского управления
 ЦАО — Центральный авто-отдел (наркомвоен)
 ЦАС — Центральный авто-Совет (ВСНХ)
 ЦАСУкр — Центральный авто-совет Украинского СНХ
 Цекомдез — Центральная комиссия по борьбе с дезертирством
 Цекомпродарм — Центральная комиссия по упорядочению и правильной постановке дела снабжения Армии продовольствием и предметами первой необходимости
 Цекомхимсостав — Центральная комиссия при Химическом отделе (ВСНХ)
 ЦекомЦУС — Центральная комиссия по контролю за военным производством при ЦУС
 Центрожир — Центральный отдел промышленного производства жиров (ВСНХ)
 Центрокож — Центральный отдел кожевенной промышленности (ВСНХ)
 Центроколлегия — Центральная Коллегия (региональная структура Всероком)
 Центрокомбесхоз — Центральная комиссия при ЧУСО по выявлению и изъятию необходимого для армии и всего бесхозяйственного имущества со складов республики
 Центроокраска — Центральный отдел промышленных предприятий по производству красителей (ВСНХ)
 Центромедь — Центральный отдел медеобрабатывающих предприятий (ВСНХ)
 Центролак — Центральный отдел промышленных предприятий по производству лаков (ВСНХ)
 Центропоташ — Центральный отдел промышленных предприятий по выработке поташа (ВСНХ)
 Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ
 Центротекстиль — Центральный отдел текстильной промышленности (ВСНХ)
 Центроуправкож — Центральное Управление кожевенной промышленности (ВСНХ)
 Центроутиль — Центральный отдел утилизации (ВСНХ)
 Центроспирт — Центральное Управление государственными заводами винокуренной промышленности (ВСНХ)
 Центрочай — Центральное Управление по производству чая (ВСНХ)
 Центрошвей — Центральный отдел швейной промышленности (ВСНХ)
 ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
 ЦЕПАЗ — Центральное правление артиллерийских заводов
 ЦЕПАЗУкр — Центральное правление артиллерийских заводов на Украине
 ЦЕПВМОРЗ — Центральное правление военно-морских заводов
 ЦИК — Центральный исполнительный Комитет
 ЦК — Центральный Комитет (РКП(б))
 ЦК КП(б) Литбел — Центральный Комитет коммунистической партии (большевиков) Литвы и Белоруссии
 ЦК СТО — Центральная комиссия СТО по изъятию военного имущества из армии и передаче его гражданским учреждениям
 ЦОВЗ — Центральный отдел военных заготовок (ВСНХ)
 ЦОИУ — Центральный организационно-инструкторский отдел (ВСНХ)
 ЦОС — Центральный отдел снабжения (ВСНХ)

ЦУС — Центральное Управление Снабжения Красной Армии
 ЦПК — Центральная производственная комиссия
 ЦУкркомвоен — Центральная Украинская комиссия военных перевозок
 ЦУПВОЗ — Центральное Управление военных заготовок обзого и инженерного имущества
 ЦУПВОЗУкр — Центральное Управление военных заготовок обзого и инженерного имущества на Украине
 ЦУПВОМОРЗАВУкр — Центральное Управление военно-морских заводов на Украине
 ЦУПВОСО — Центральное Управление военных сообщений
 ЦУСТОП — Центральное Управление снабжения топливных предприятий
 Чеквалап — Чрезвычайная комиссия по выработке валенок и лаптей
 ЧК — чрезвычайная комиссия
 Чрезгубинспектор — чрезвычайный губернский инспектор (ЧУСО)
 Чрезкомвзрыв — чрезвычайная комиссия по борьбе со взрывами на складах республики
 Чрезкомпроизводства — Чрезвычайная комиссия по производству предметов военного снаряжения
 Чрезкомснаб — Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии
 ЧрезкомснабЗап — Чрезвычайная комиссия по снабжению Западного фронта
 чреэполитком — чрезвычайный политический комиссар
 чреэпродорганы — чрезвычайные продовольственные органы
 Чрезваком (комиссия) — Чрезвычайная эвакуационная комиссия
 ЧУСО — Управление Чрезвычайного Уполномоченного Совета Оборон по снабжению Красной Армии в Москве
 Чусо — Чрезвычайный Уполномоченный Совета Оборон по снабжению Красной Армии А. И. Рыков
 чусо — чрезвычайный Уполномоченный ЧУСО в армии
 Чусоснабарм — Чрезвычайный Уполномоченный Совета Оборон по снабжению Красной Армии
 ЭКОСО (Экономсовет) — экономический Совет (в Петрограде)
 янв. — январь

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абезгауз В. О. 82.
 Абезгауз Д. И. 130.
 Абезгауз З. И. 44, 48—50, 53, 64,
 65, 82, 91, 92, 129, 145,
 146, 249, 250, 276, 318, 321.
 Абрамов А. Е. 130.
 Абрамов А. И. 200.
 Аванесов В. А. 43, 87, 270, 276,
 314.
 Авдаков Ю. К. 24.
 Агапов 83.
 Азаров 295.
 Азарх 82.
 Азерлян Г. Е. 40, 54.
 Азовцев Н. Н. 403.
 Акимов Н. В. 109, 139, 147, 154,
 209, 300, 370.
 Аккерман Л. З. 45, 48, 53, 54,
 139, 140, 142, 176, 210, 226,
 232, 238, 264, 299—302, 349.
 Аксельрод 306.
 Александров 379.
 Александров И. Г. 313.
 Александров И. С. 95.
 Александров Л. А. 58.
 Алексеев А. А. 92.
 Алексеев А. Н. 83.
 Алексеева Л. Н. 83.
 Алов 90.
 Альперович Е. М. 162, 167, 171,
 185.
 Альский А. О. 274.
 Альтшеллер Г. М. 90.
 Амбарцумов Е. А. 243.
 Ананов И. Н. 24.
 Ангарский 327.
 Ангерт Г. А. 35, 40, 57, 116, 128,
 209, 327.
 Андреев Я. А. 50, 65, 67, 89, 95,
 111, 122, 276, 318, 319,
 322.
 Андронников 193, 194, 217.
 Аникеев П. В. 35, 41, 57, 203,
 208, 212, 213, 233.
 Аникст 87.
 Анисимов 129.
 Антонов А. А. 277, 291.
 Антонов-Овсенко В. А. 353.
 Аранович Б. 261, 299.
 Арсеньев А. М. 46, 69.
 Артеменко Е. В. 40, 79.
 Артаев 320.
 Бабад 70.
 Бабинов Н. А. 27.
 Бабкин А. О. 132.
 Багдатьян М. С. 232, 262.
 Базилевич Г. Д. 101, 110, 132,
 149, 256, 258, 264, 300,
 313, 329, 331, 332, 334, 376.
 Базунов Г. А. 57, 80.
 Базыкин Б. С. 64, 65, 202.
 Баландин 89.
 Баландович 288.
 Балинский И. М. 90.
 Банкович Я. М. 288.
 Барановский Б. В. 46, 69, 318,
 319.
 Барилович А. Я. 81, 83, 95, 116,
 130.
 Барилович Н. А. 57, 80.
 Барминцев Н. С. 41.
 Барсуков Е. З. 3, 11, 357, 358.
 Бениксон А. С. 46, 92, 291.
 Бердяев Н. А. 8, 386.
 Берзин Р. И. 101, 298.
 Берри 93.
 Блюмберг А. А. 36.
 Бобиков И. Ф. 284, 298, 307.
 Богданов П. А. 45, 72, 117,
 134—136, 138, 141—143,
 147, 148, 150, 151, 155,
 160, 174, 175, 182, 183, 190,
 191, 221, 233, 270, 300,
 302, 305, 309, 314, 317, 343.
 Боголюбова В. П. 83.
 Бокарев Ю. П. 9, 234, 388, 416,
 431.
 Болотин М. Л. 57, 182.
 Бондаренко А. Е. 300, 329, 331,
 335.
 Бонч-Бруевич М. Д. 24, 26.
 Борденов В. А. 42, 78, 81, 116,
 128.
 Борисов В. М. 334.
 Борисов П. С. 151.
 Борисова Л. В. 390.
 Бочков 190.
 Бронштейн Я. П. 61, 189, 204,
 212, 304, 306, 308, 321,
 378.
 Бруно Г. И. 151.
 Брызгалов 94.
 Брыков А. П. 47, 48, 63, 64, 83,
 99, 117, 130, 131, 146, 193,
 276, 318, 320, 346.
 Брюханов Н. П. 83, 109, 347,
 349.
 Брянцев Н. Я. 36.
 Бубнов А. С. 361.
 Бугаев Е. И. 417.

- Буденный С. М. 355.
 Буланов Е. А. 90.
 Бунин М. А. 91.
 Бурцев Г. А. 294, 295.
 Бученко 199.
 Валуцкий И. Н. 36, 91, 92, 321.
 Ваничков В. Ф. 48, 64, 129.
 Варят Н. А. 83, 87, 346, 350.
 Василевская Е. В. 83.
 Васильев А. Е. 135, 142.
 Васин В. В. 129.
 Васин Р. И. 93.
 Вацетис И. И. 193.
 Вейнберг Г. Д. 146, 281, 298.
 Вайнштейн С. М. 12.
 Венедиктов А. В. 24.
 Веселов 327.
 Вишнев-Лейканд 89.
 Вишневецкий 291.
 Владимиров 90.
 Владимиров 185, 307.
 Владимиров М. К. 187, 282, 284, 290, 291, 293.
 Владимировский В. С. 174.
 Войков П. Л. 312, 313.
 Войтов А. Н. 50, 65, 94, 100, 127, 249, 250, 307, 320.
 Волков Е. 431.
 Волынский Н. Л. 92, 328, 337.
 Волье А. 11, 227, 268, 388, 405, 407, 408, 415.
 Воронецкий Н. А. 300, 301, 311.
 Ворошилов К. Е. 160, 237.
 Воскресенский Л. 430.
 Воскресенский Н. Н. 190, 193.
 Воскресенский С. Ф. 36.
 Врангель 68, 88.
 Второв Н. В. 90, 129.
 Высоцкий Р. А. 287, 288.
 Высочанский С. В. 136.
 Высочанский Н. Г. 137.
 Вязальщиков В. П. 83.
 Гаврилов А. Г. 46, 51.
 Галаган А. М. 136, 266.
 Галкин 353.
 Гамбург И. К. 18, 89, 99, 131.
 Ганецкий Я. С. 262.
 Гапонов 90.
 Гейне Ц. 41.
 Генникман Л. И. 284, 285, 293.
 Герменчук В. В. 12, 186, 207, 388, 410, 413—415.
 Гербек Г. 64.
 Гербер Э. 297.
 Гершман 90, 129, 322, 323.
 Гиацинтов Н. П. 47, 61, 62, 127, 132.
 Гимпельсон Е. Г. 166, 218, 408, 409, 414.
 Гиндин-Гинсбург Я. И. 136, 143, 182, 183, 185, 345.
 Гинсбург А. М. 285.
 Гинсбург Вл. 64, 145, 169.
 Гиттис В. М. 56, 298.
 Глаголев 291.
 Глухов В. П. 116.
 Головнев И. Ф. 92.
 Голубев 101.
 Голубев Н. А. 34, 40, 57, 76, 116, 130.
 Гольберг 327.
 Гольберг 64.
 Гольдштейн А. В. 70, 89.
 Гомбарг В. В. 46, 49, 57, 63, 68, 78, 80, 82, 83, 88, 93, 101, 103, 113, 128, 132, 140, 311, 312, 318, 323—325, 335, 346.
 Гончаров А. Д. 91.
 Гордон Ш. 297.
 Горецкий К. Е. 17, 58.
 Городецкий Е. Н. 10.
 Городецкий Ю. В. 58, 59.
 Гохенберг Л. В. 78, 85—88, 103, 104, 116, 130, 150, 350.
 Граевский И. Я. 70, 89.
 Гречнева О. Б. 35, 40.
 Гринько 53, 101.
 Гришечко-Климов 105.
 Гродзенский С. Г. 100, 127.
 Гроздев Г. Н. 151.
 Громан В. Г. 8.
 Громан С. В. 34, 105, 189, 282—288, 290, 291, 293, 296.
 Гросман С. Я. 188, 284—287, 289—297.
 Грузин 258.
 Грушко И. М. 90, 312.
 Гурский П. А. 42.
 Гусев С. А. 82.
 Гусев С. И. 24, 313.
 Даниель-Бек В. И. 34, 136.
 Данилин А. Г. 70, 91.
 Данилов А. П. 89.
 Данилов С. С. 338, 355.
 Данишевский К. Х. 23, 100, 338.
 Дегтарев И. Г. 91.
 Деникин А. И. 68, 69, 208.
 Дейч Н. О. 53.
 Дехтарев В. 45.
 Держинский Ф. Э. 244, 295, 338, 378.
 Дмитриев И. Г. 67, 262, 284—297.

Дмитриев Н. И. 192, 390, 411.
 Доброклонский Н. А. 64, 119, 132.
 Добрянская М. Б. 34, 127.
 Довгелевич Н. И. 31.
 Долгов А. И. 312.
 Доссер З. Н. 39, 44, 55, 56, 80, 81, 102, 103, 127, 134, 208, 265.
 Дробижев В. З. 24.
 Дружинин 185.
 Дудаков И. С. 42, 44, 58.
 Дымман В. Л. 31, 137.
 Дышловой Г. И. 237.
 Евсцкий А. П. 53.
 Егоров А. И. 49, 101, 102.
 Ерман 47.
 Ефимов В. В. 130, 143.
 Ефремов П. М. 92.
 Жданов А. В. 85.
 Жигсмунд 236.
 Жмуровский Д. П. 11, 137, 388, 409, 417.
 Жоголев П. М. 65, 94, 129.
 Журид П. Г. 93, 307.
 Затонский В. П. 101, 291.
 Захаревский Г. М. 92.
 Зезин Б. А. 57.
 Зелинский-Башицкий Е. Л. 69, 127, 213.
 Зернов А. А. 136, 215.
 Зиновьев 189.
 Злавич 350.
 Златогоров М. В. 41.
 Зотов А. В. 151, 176, 225.
 Зоф В. И. 142, 258.
 Зубнов 83.
 Иванов 188.
 Иванов М. К. 125.
 Игнатов М. В. 8.
 Измиров А. Б. 83, 116.
 Ильин 70.
 Ильин А. 215.
 Ильяшенко М. А. 298.
 Иоффе С. С. (?) 90.
 Иоффе Ж. 289.
 Истомин Н. В. 85, 116, 129.
 Итунин 294.
 Кабанов В. В. 246.
 Казаков П. 154.
 Кактынь А. М. 101, 145.
 Калашников М. Н. 48, 70, 89, 101—104, 129.
 Калинин М. И. 54, 232, 249, 378.
 Кальманович 56, 289.
 Калугин Д. В. 36.

Каменев Л. Б. 338.
 Каменев С. С. 4, 101, 162, 310, 340, 342, 388.
 Каменчик Ф. Д. 90.
 Кан Д. М. 307, 313, 379.
 Капелинский 208.
 Каплан С. Е. 83, 116, 130.
 Каплан Ш. С. 81, 116, 128.
 Караганов Н. С. 70, 90, 92, 96, 129, 130, 353.
 Каргельс С. К. 63, 92, 129.
 Карклин Я. Я. 94, 129.
 Карлсберг М. 64, 86, 119, 320.
 Карпов Л. Я. 31, 35, 127.
 Касаткин 90.
 Каттель М. А. 46.
 Квириг Э. И. 232.
 Квятковский А. А. 64, 70, 93, 146.
 Кедров М. С. 101.
 Кирогов А. А. 69.
 Кирион А. Л. 146.
 Кишкин-Любавский А. Д. 132, 154, 309, 351.
 Клебанов З. А. 89.
 Кляцкин С. М. 11, 12, 21, 23, 25, 109, 175, 264, 367, 370, 388, 389, 391, 401, 403, 409, 411, 415, 419, 423, 431.
 Коваленко Д. А. 21, 362, 367, 407, 417, 431.
 Козлов 94.
 Козловский 57.
 Колегаев А. Л. 12, 44, 45, 48, 238.
 Колчак 178, 195.
 Кондратьев Н. Д. 8.
 Константинов В. А. 79, 116, 128.
 Копп 303, 306.
 Кораблев Ю. И. 11, 23, 30, 241, 367, 389, 390, 417.
 Корк А. И. 350.
 Корнев В. С. 338.
 Коросташевский И. Е. 16, 17, 104, 109, 127, 221, 226, 331, 371.
 Коротков М. А. 50.
 Косицкая О. И. 34.
 Костин 89.
 Коханович В. Г. 56, 79, 81, 82, 116, 240.
 Краевский Б. И. 65, 88, 91, 95, 321, 327, 335, 337.
 Крайнев И. Н. 188.
 Кранц М. И. 111, 116, 119, 121.
 Красин Л. Б. 12, 31—38, 53, 82, 135, 170, 200, 231, 232, 251, 257, 261—263, 281,

283—287, 289—292, 294—
 298, 301, 305, 377, 379.
 Крестинский Н. Н. 47, 56, 232,
 303, 340.
 Кржижановский Г. М. 313.
 Крит В. А. 34, 136, 297.
 Крицман Л. Н. 106, 108, 195,
 313, 412.
 Кричевский О. Л. 69, 89.
 Крумин Г. И. 108.
 Крумовиц К. Я. 92.
 Крумовиц Р. Я. 63, 92, 110, 181,
 249, 323, 337, 346.
 Крушельницкий А. В. 23, 26, 389,
 390.
 Крушанов А. И. 376.
 Крыжановский 89.
 Крыленко Н. В. 24, 26, 253.
 Кубланов А. Л. 11, 12, 21, 30,
 165, 166, 188, 367, 388, 390,
 391, 403, 407, 408, 410, 411.
 Кузьмин Г. В. 11.
 Куйбышев В. В. 129.
 Кунин Б. И. 92, 125.
 Курков П. И. 119.
 Курский Д. И. 176.
 Кутяпин 323.
 Кушак Л. К. 281.
 Лаби Г. Г. 296.
 Лавочкин П. М. 132.
 Лавровский Б. В. 89.
 Лаговский А. Н. 391.
 Лазарев 89.
 Лазарев 130.
 Лапшов И. И. 221.
 Ларин Ю. 12, 77, 106—108, 200,
 201, 332.
 Латсон 89.
 Лебедев 93.
 Лебедев П. П. 110, 112, 327, 338.
 Леви А. А. 136.
 Левин А. Я. 39, 72, 143, 271.
 Левин Е. С. 300, 302, 311.
 Легран 47.
 Лежава А. М. 127, 303, 304, 306,
 310.
 Лезгинцев М. В. 333.
 Лелеков А. Ф. 65, 67, 91, 92, 95,
 110, 128, 319, 334, 337.
 Ленин В. И. 12, 14, 22, 24, 29,
 106, 158—160, 184, 214,
 231, 232, 234, 235, 237,
 238, 241, 243, 260, 286,
 295, 296, 299, 303, 305, 320,
 333, 347, 349, 363, 386,
 388—391, 403, 407, 416—
 418, 426, 429, 431.

Леонтьев К. Н. 10.
 Либерман 201.
 Липицкий С. В. 12, 23, 29, 30,
 388—391.
 Литвинов М. М. 300, 302—304,
 314.
 Литвинов-Фалинский В. 359.
 Лобанов А. П. 175, 409.
 Логинов В. В. 93.
 Ломов А. 295.
 Ломов Г. И. 61, 117, 200, 232.
 Ломоносов Ю. В. 307.
 Лугановский Э. В. 47, 56, 61, 62,
 127.
 Лукашевич П. Н. 129.
 Лукин И. Н. 83, 87.
 Лукина Х. И. 83.
 Лукша С. Д. 81.
 Луначарский А. В. 184, 203, 371.
 Лутавинов 327.
 Львов 67.
 Любимов И. Е. 16, 45, 50—52,
 65, 89, 94, 100, 102, 113,
 143, 248—250.
 Люблин В. 109, 307, 313, 334,
 350.
 Макаревич 292, 294.
 Максимов К. Г. 47, 48, 63, 64,
 131, 146, 154, 169, 193,
 217, 276, 328.
 Максимов С. М. 91, 149.
 Малюгин 232.
 Маневич С. Л. 16, 17.
 Маниковский А. А. 11, 26, 27,
 161, 344, 357—360, 362,
 388, 407—410, 423, 429,
 430, 431.
 Маркс К. 363.
 Мармузов 201.
 Мартынов 291.
 Маслаков Г. 355.
 Матрозов И. И. 48.
 Маурин А. Х. 93.
 Махно Н. И. 355.
 Медянцева И. Ф. 329, 338.
 Межин 211.
 Межлаук И. И. 44, 53.
 Мезит 70.
 Меламед Е. 281.
 Менгден Н. В. 51.
 Мешберг В. 216.
 Мещеряков Н. 428.
 Миллер П. П. 70, 91.
 Милютин В. П. 12, 63, 164.
 Мирза-Беклян 189.
 Миrows О. М. 103.

Миссия А. Б. 34, 40, 127.
 Михайлов В. Е. 34.
 Михайлов В. С. 31, 35, 135, 142,
 151, 240, 313, 376.
 Молодцыгин М. А. 23, 25, 27,
 388—390.
 Молотов В. М. 313, 334, 338.
 Морозов И. С. 90.
 Москвин М. А. 83.
 Муралов Н. 333.
 Мусатов К. Н. 300.
 Муст Г. И. 49, 88, 89.
 Назарьевский 90.
 Нацаренус 101.
 Немировский А. Я. 46, 69, 93,
 127.
 Никифоров М. Л. 46, 51, 62, 63,
 92, 142, 145, 151, 189, 304,
 318, 319, 327.
 Николаев В. В. 21.
 Ниренбург Я. Л. 195, 412.
 Новаковский Я. 216.
 Ногин В. П. 12.
 Обручешников Е. П. 91.
 Озерский А. В. 92.
 Оловянишников 60.
 Оловянишников Г. И. 36.
 Ольховский 69, 70.
 Орджоникидзе Г. К. 379.
 Орлов К. Н. 31, 142, 151, 166,
 167, 180, 223, 228, 233,
 234, 345.
 Орлов Ник. 311.
 Осадчий П. С. 312, 314.
 Осинский Н. 231.
 Остерфельд 90.
 Оськин Д. П. 64.
 Отрадинский С. С. 40, 55, 60, 79,
 81.
 Отс К. 319.
 Отт Е. В. 34, 55, 57, 81, 130.
 Павлович М. 431.
 Пальчинский П. И. 26.
 Парун-Саркисов Г. Н. 34, 58,
 136.
 Паука 101.
 Пауфлер Н. Е. 68.
 Певзнер И. М. 56.
 Пегельман 288.
 Первушин С. А. 8.
 Перов 90.
 Персигов В. И. 58, 59, 85.
 Першиков Н. П. 154, 251.
 Песоченский Л. И. 129.
 Петерсон К. А. 288.
 Петренко-Петриковский С. И.
 352.

Петров К. В. 56, 130, 327, 336.
 Петров М. 431.
 Петров Н. Ю. 24.
 Петровский Т. И. 322.
 Петухов В. П. 67, 70, 91.
 Пивоварчиков 70.
 Плавнек 47.
 Плетнев В. Ф. 50, 66.
 Пневский Н. В. 371.
 Пожидаева Г. В. 195, 412.
 Позднышев А. Н. 94.
 Позняков К. И. 174, 403, 409.
 Покальнис 289.
 Покровский В. 262.
 Полетаев М. И. 81, 83, 111, 116,
 124, 130, 346.
 Поливанов 27.
 Полубояринов А. А. 40, 57, 78,
 81, 116, 128.
 Поляков 44.
 Поляков 336.
 Поляков Ю. А. 21, 431.
 Померанц Г. М. 281.
 Пономарев И. И. 129.
 Пороцкий-Борисов И. Б. 69, 89,
 127.
 Портнов 232.
 Потапов Н. М. 27.
 Потяев 51, 298.
 Прасолов А. Г. 17.
 Преображенский Е. 62, 338, 340.
 Преображенский Н. 49, 133.
 Приэда А. Э. 283, 291.
 Пронский К. И. 101, 132.
 Проскуровский 89.
 Прошьян П. П. 26.
 Пьянков А. 195.
 Парно 56.
 Радек К. Б. 351.
 Раттель Н. О. 183.
 Раушенбах Э. Ф. 209.
 Ремизов А. М. 156.
 Рискин В. Я. 17, 53, 82, 105,
 128, 140, 142, 154, 213,
 304, 341.
 Родионов 70, 89.
 Рождественский И. М. 40.
 Рождественский П. В. 42, 57,
 58, 60, 79, 111, 115, 128.
 Розанов 82.
 Ройзенман 284.
 Ронферт 89, 93.
 Рошаль М. 91.
 Рубинштейн В. Я. 285—289, 293.
 Рудзутак Я. Э. 51, 327.
 Румянцев И. И. 57.
 Русский В. А. 102.

Руфимский Б. П. 283.
 Рыбаков М. В. 30.
 Рыков А. И. 5, 11—15, 37—41, 43, 44—51, 53—56, 58, 60, 65, 67, 78, 79, 83, 100, 102—104, 106, 107, 109—113, 115, 121—124, 133—135, 137, 138, 140, 143, 144, 146, 148, 150, 154, 158—160, 162, 169, 171, 173—176, 178, 182, 183, 189, 192, 193, 195, 196, 198, 202, 203, 205, 208, 209, 212, 213, 215, 219, 223, 226, 232, 237, 238, 244, 247—249, 264—266, 268, 270, 297—299, 303, 304, 307, 311, 312, 320, 322, 323, 326, 327, 331, 333, 334, 336—338, 342, 347, 353, 362, 377, 378, 384.
 Рычков И. Н. 216.
 Рябов А. К. 130.
 Савельев 69, 89.
 Савицкий И. Н. 70.
 Саврасов М. М. 70.
 Садиков В. С. 41.
 Сазонов К. А. 65, 91, 320, 321.
 Сайлов Н. 225.
 Самойло А. А. 342.
 Сомойлов Б. В. 137.
 Самохвалов Ф. В. 24.
 Сапронов 327, 336.
 Свердлов Я. М. 24, 285, 286.
 Седых Н. Ф. 254.
 Селезнев П. И. (?) 289.
 Селиванов П. А. 12, 23, 27, 388—390, 392.
 Семашко Н. 428.
 Семенов В. 91.
 Семков С. М. 35, 218.
 Семчевский В. А. 281.
 Сергеев А. Н. 63, 145.
 Серебровский А. П. 137, 300.
 Серебряков Л. 48, 205, 338, 345.
 Серeda С. П. 106.
 Сидельников 226.
 Симбирский Б. А. 322.
 Синева 202.
 Складисим Э. М. 13, 87, 104, 109, 215, 291, 296, 300, 303, 311, 327, 330, 333, 335, 338, 339, 342, 350.
 Скосырев А. М. 92.
 Смилга И. Т. 49, 103, 109, 201, 338.
 Смирнов И. Д. 117.

Смирнов В. С. (?) 83, 87.
 Смирнов И. А. 94.
 Смирнов М. Я. 91.
 Снесарев А. Е. 289.
 Соболев А. И. 32, 35, 42, 43, 81, 127, 277.
 Соболев С. А. 93.
 Сойбельман 79.
 Соколов В. В. 58.
 Сокольников 320.
 Соломон А. Л. 298.
 Сольц А. А. 341, 428.
 Сомов С. А. 23, 27, 390.
 Сосновский Л. С. 114.
 Сперанский 47.
 Спирин Л. М. 30.
 Сталин И. В. 29, 49, 160, 173, 355.
 Станиславский Д. А. 36.
 Старков Б. 394.
 Стасова Е. 135, 297.
 Стопани А. М. 215, 230.
 Стучка П. И. 43.
 Судаков П. И. 36, 45, 46, 52, 56, 63, 70, 93, 95, 122, 123, 131, 145, 174, 181, 184, 188—190, 275, 292, 379.
 Судьин С. К. 47, 48, 65, 288.
 Суетов В. 53.
 Сыромолов Ф. Ф. 32.
 Тавицкая Н. А. 57.
 Тамарин А. М. 44, 141.
 Тamarin З. О. 37, 295, 297.
 Толоконцев В. Ф. 135, 142, 151.
 Томский М. П. 196.
 Трифилов А. И. 36.
 Трифионов В. А. 49, 332.
 Трокман 287.
 Трофимов Н. И. 130.
 Троцкий Л. Д. 14, 26, 29, 33, 49, 61, 81, 106, 107, 117, 138, 155, 159, 160, 164, 169, 173—176, 179, 181, 183, 186, 189, 192, 194—196, 204, 209, 213, 228, 233, 237, 261, 286, 288, 295, 296, 299, 300, 303, 305, 308, 311, 332, 333, 337, 338, 340, 350.
 Трошкова 81.
 Тухачевский М. Н. 353, 361, 431.
 Тюракулов 320.
 Уборевич И. П. 167, 215, 353.
 Углов А. М. 89.
 Улиско Г. К. 91.
 Ульянов 83.
 Уманский Б. М. 85.

Ушлихт И. С. 56, 83, 303, 304.
 Федоров С. И. 58, 84, 274.
 Филиповский Н. Н. 137.
 Филиппович И. В. 136.
 Фирсов В. 102.
 Франкфурт 232.
 Фрейганг 150.
 Фридман М. 46, 69, 291.
 Фрунзе М. В. 65, 89, 150, 176,
 237, 350.
 Фушман-Аркадьев А. М. 313,
 350.
 Халатов А. Б. 62.
 Халепский И. А. 164.
 Халевский 89, 102, 103.
 Хахарев 151.
 Хинчук Л. М. 314.
 Хитрин С. Н. 301, 305.
 Хлебников Н. И. 36.
 Хозберашвили 294.
 Хомутов 225.
 Хомяков А. И. 58.
 Христо П. С. 288.
 Хрусталева Г. Г. 50, 67, 284, 285,
 293.
 Цимбалло Г. М. 92.
 Цимковский Б. М. 290.
 Цыбин 70, 89.
 Цыбульский В. А. 410, 421.
 Цюрупа А. Д. 106, 158, 159, 384.
 Цюрупа Г. Д. 377, 378.
 Чебышев Л. П. 35, 41, 57.
 Чердвинцев С. И. 137, 301.
 Чернов В. М. 12.
 Черноморец С. А. 390, 431.
 Четвериков Н. С. 8.
 Чичерин Г. В. 302, 303, 305.
 Чубарь В. Я. 123, 146, 193, 195,
 202, 219.
 Чуцкаев С. Е. 135, 265, 276.
 Шапиро М. Ф. 70, 90.
 Шапошников Б. М. 149.
 Шатагин Н. И. 30.
 Шверник Н. М. 50, 93, 154, 332.
 Шевелев 90.
 Шевердин С. Н. 253.

Шени М. Д. 55, 56, 59, 67, 74, 79,
 80—87, 93, 95, 100, 105,
 111, 112, 115—118, 124,
 125, 128, 130, 132, 140,
 236, 252, 304, 313, 318, 350.
 Шейнберг 129.
 Шелестов Д. К. 12, 388.
 Шефлер 49.
 Шишкова Н. 398.
 Шляпников А. Г. 134, 262, 343.
 Шнеерсон А. Я. 46, 129.
 Шорин В. И. 49, 346.
 Шуб С. Х. 90.
 Шагин Э. М. 276, 431.
 Щербаков 131.
 Щербаков А. Д. 225.
 Эгиз С. А. 136.
 Эйдук А. В. 61, 82, 305, 307.
 Эйсмонт Е. М. 82.
 Эйсмонт Н. Б. 17, 47, 53—57,
 60—62, 64, 65, 67, 78, 80,
 82—84, 86—88, 92, 93, 100,
 102, 104—107, 109, 110,
 112, 113, 117, 123, 125,
 127, 128, 140, 141, 149,
 154, 160, 162, 172—174,
 176, 190, 191, 200, 208,
 212, 221, 225, 226, 251—
 253, 255, 257, 258, 264,
 265, 267, 269, 271, 274,
 276, 298, 302—305, 309—
 313, 319, 320, 322, 330,
 353, 379.
 Элерт Я. О. 36.
 Элиман Л. Г. 63, 70, 129, 327—
 330, 332—336.
 Эльяшберг М. Л. 94, 125.
 Энтин А. Ю. 46, 69, 92.
 Эпштейн А. Л. 128.
 Эстерман 304.
 Юзбашев П. А. 39, 40, 43, 44,
 55, 265, 268, 297, 298.
 Яблочкин 130.
 Ягода Г. Г. 109, 338.
 Якубович М. П. 83, 128.
 Янкали 69.
 Яхонтов 208.

Я не знаю, смогу ли сделать в своей судьбе еще что-то значимое, но на данном ее отрезке самое важное что удалось, как кажется — эта книга. Преодолевая стыдливость чувства, считаю своим почти новым долгом посвятить ее учителю и другу, столь нежно заботившемуся обо мне, оказавшему исключительное влияние на меня как на человека и историка, трагично ушедшему из жизни.

Михаилу Абрамовичу ЛЮКСЕМБУРГУ

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Формирование военно-коммунистической хозяйственной системы	22
§ 1. Ликвидация старой и создание новой организации армейского снабжения	22
§ 2. Появление советского военно-бюрократического аппарата обеспечения Красной Армии	38
§ 3. Кризис административно-командных методов в экономике	72
§ 4. Инспропное движение «чрезвычайщины» к изповскому стилю управления хозяйственным строительством	109
§ 5. Выделение военно-промышленного производства и управления им в кооперативно-замкнутую сферу экономики	133
Глава II. Промышленно-экономическое состояние России в годы гражданской войны	166
§ 1. Оборонное производство артиллерийские заводы, черная и цветная металлургия, сырьевая база	166
§ 2. Легкая промышленность республики и обмундировочное снабжение армии (вторая половина 1919—1920 г.)	197
§ 3. Специфика управления и организации военно-промышленного производства: «кадры решали все»	214
Глава III. Облик экономической чрезвычайщины. «Политика военного коммунизма» и «новая экономическая политика»: изменение акцентов в определениях	241
§ 1. Частный рынок и проблемы материального обеспечения Красной Армии	245
§ 2. Из истории кредитно-финансовой практики в годы военного коммунизма	261
§ 3. Военно-импортные закупки советской России в 1918—1921 гг.	279
Глава IV. Обращение к новой экономической политике: выход из гражданской войны	317
§ 1. Система ЧУСО — как деструктивный фактор	317
§ 2. Судьба армии советской России в условиях перехода к новой экономической политике	326
§ 3. О месте и роли России в «гражданской войне в СССР»	357
Заключение	381
Примечания	388
Список принятых сокращений	433
Указатель имен	443
	451

Научное издание

ПРИСЯЖНЫЙ Николай Семенович
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЧУМА:
ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ В РОССИИ
(Историко-экономический анализ.
1918—1921 гг.)

Редактор Л. Т. Ткаченко
Технический редактор Н. П. Соловьева
Корректоры Г. А. Бибикова, З. М. Маннанникова
Обложка В. Г. Филиппского
ИБ № 2218

Лицензия ЛР № 020452 от 04.03.92 г.

Сдано в набор 10.11.93. Подписано в печать 18.01.94. Формат 60х84/16.
Бумага тип. № 2 Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,27. Уч.-изд. л. 28,8. Тираж 500. Заказ № 2075. С. 74.

Издательство Ростовского университета, 344006, Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 160.

Типография издательства «Молот»,
344082, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 37.

